

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Департамент «Исторический факультет»
Кафедра документоведения, архивоведения и
истории государственного управления

На правах рукописи

Килин Алексей Павлович

**Частная торговля
в многоукладной экономике
Уральского региона
(1921–1936 гг.)**

Специальность: 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Историография и источники исследования	14
1.1. Историография темы	14
1.2. Источники исследования	43
Глава 2. Методология и методы исследования	60
2.1. Общеисторические и междисциплинарные методы исследования	60
2.2. Моделирование как метод исследования	66
2.3. Характеристика нэпа как модели управления	71
2.4. Укладный подход и модель многоукладной экономики	79
2.5. Территориально-рыночная модель регионального управления	104
Глава 3. Государственная политика в отношении частной торговли	126
3.1. Товарно-денежные отношения при социализме	126
3.2. Смычка города и деревни	160
3.3. Периодизация политики государства в отношении торговли	173
3.4. Методы государственного регулирования и частные торговые практики	186
3.5. Замкнутый круг частного сектора хозяйства	230
3.6. Показательные судебные процессы и налоговые кампании	237
Глава 4. Организационные формы и специализация частной торговли	269
4.1. Основные характеристики товарооборота Уральского региона	269
4.2. Роль частного сектора в организации товарооборота	286
4.3. Формы частного торгового предпринимательства	301
4.4. Товарная специализация и товарная номенклатура частника	320
Глава 5. Кредитование частного торгового предпринимательства	334
5.1. Кредитная система	334
5.2. Принципы кредитования частников	343
5.3. Основы функционирования Обществ взаимного кредита	346
5.4. Деятельность Обществ взаимного кредита и Кредит-бюро на Урале	362
Глава 6. Социальные аспекты частнопредпринимательского уклада	390
6.1. Акторы отечественного предпринимательства	390
6.2. Социальный облик граждан, занятых торговлей	393
6.3. Лишение избирательных прав как метод социального конструирования	420
Заключение	451
Список источников и литературы	474
Приложения	507

Введение

Актуальность темы исследования. Рассмотрение частнопредпринимательского уклада является актуальной задачей по ряду обстоятельств:

В экономическом плане на макроуровне необходимо проанализировать механизмы взаимодействия различных хозяйственных укладов; на региональном уровне актуальным является рассмотрение процесса включенности экономики региона в систему межрегиональных и национальных (страновых) хозяйственных связей; на микроуровне – процесс посреднической деятельности обуславливает эффективность экономического взаимодействия производителей и потребителей. В условиях России, стране в которой высок уровень региональной социально-экономической асимметрии, хозяйственная палитра укладов чрезвычайно многообразна и противоречива. Необходимо показать как революционные преобразования, нацеленные на моноукладность, обострили ряд экономических проблем.

В политико-правовом плане рассмотрение правового статуса частной торговли и частных торговцев демонстрирует противоречивость и непоследовательность действий властей в критический для них период развития, ситуативное поведение и стремление использовать в собственных целях своих политических оппонентов и экономических конкурентов.

В социальном плане рассмотрение процесса негативной социальной селекции и нисходящей социальной мобильности многочисленной социальной группы (частные торговцы и примкнувшие к ним широкие слои населения) по профессиональному признаку и в условиях легализации частного предпринимательства представляет значительный интерес и демонстрирует прагматизм большевистских лидеров.

Научная актуальность исследования заключается в рассмотрении частнопредпринимательского уклада в системе связей многоукладной экономики Уральского региона в рамках междисциплинарного подхода, на основе теории укладов. Анализ различных аспектов эволюции частной торговли в 1920–1930-е гг. позволяет дополнить наше представление об этом сложном и противоречивом этапе отечественной истории, который, с одной стороны, вписывается в российскую модель управления и является ее органической частью, с другой, предполагал реальные альтернативы развития, включал в себя несколько различных моделей хозяйствования и регионального управления.

Отвечая на сакраментальный вопрос «Как нам обустроить Россию?» можно давать разнообразные ответы, в том числе с использованием результатов анализа частного предпринимательства и многоукладной экономики.

Степень разработанности темы. Традиционный проблемно-хронологический подход при описании историографии как нэпа в целом, так и более локального объекта – частной

торговли является предметом самостоятельного исследования специалистов-историографов. Отметим, что историография нэпа является популярным и востребованным направлением для исследователей. Рассматривается как отечественная, так и зарубежная историография, как работы обобщающего характера, охватывающие предельно широкие территориальные рамки, так и посвященные отдельным регионам¹. С удовлетворением отмечаем, что на Урале сложилась историографическая школа, представленная работами В. Д. Камынина, А. Т. Тертышного и Е. Б. Заболотного, которые дают достаточно полное представление об уровне и глубине изучения раннесоветского общества². Однако рассмотрение частнопредпринимательского уклада в торговле Урала не являлось предметом специального исследования. Следует отметить значительный вклад историков, экономистов, правоведов, этнографов и антропологов в изучение правовых, экономических и социальных аспектов этой проблемы. При этом объектом исследования могла являться укладная теория как универсальный конструкт, так и конкретно-исторические сюжеты, связанные с особенностями обществ переходного периода. Отметим, что проблематика частной торговли, как правило, рассматривалась в более широком контексте: как элемент многоукладной экономики; как пример классовой борьбы; как признак наличия товарно-денежных отношений при социализме; как образец эволюции рыночных институтов в централизованный распределительный механизм; как инструмент элитарного или эгалитарного распределения материальных благ. При этом торговые практики и механизм дискриминации граждан по профессиональному признаку давали богатый материал для изучения социальной динамики в раннесоветском обществе. Детальная характеристика историографии проблемы представлена в первой главе диссертации.

Объект исследования – частная торговля Уральского региона.

Предмет исследования – выявление функций и значения частной торговли в системе связей многоукладной экономики Уральского региона.

Географические рамки исследования включают в себя на первом хронологическом этапе (1921–1922 гг.) территории Пермской, Тюменской, Челябинской и Екатеринбургской губерний; на втором этапе, наиболее и продолжительном и значимом для раскрытия темы

¹ Орлов И. Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116; Некрасов, А. А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР. Ярославль : ЯрГУ, 2005. 99 с.; Бехтерева Л. Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. № 1. С. 57–64.

² Камынин В. Д., Цыпина Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2004. 448 с.; Васьковский О. А. Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале. Учеб. пособ. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. – 76 с.; Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (Историографический очерк). Тюмень, 1997. 192 с.; Заболотный Е. Б., Кармазин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 68–89.

(1923–1934 гг.) – Уральскую область; на третьем (1935–1936 гг.) – территорию Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей.

Хронологические рамки определены экономической политикой и мерами правового регулирования в отношении частной торговли в раннесоветском обществе. Если начальный этап совпадает с легализацией частной торговли (1921 г.), то верхняя граница – 1936 г. – время, когда частная торговля была окончательно криминализована. В СССР правовой основой для исключения частника из легального товарооборота стали «Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов» от 26 марта 1936 г., согласно которому запрещались любая частная торговля и торговое посредничество.

Информация о легальной торговле на территории Урала за период 1933–1936 гг. практически отсутствует, а отрывочные сведения правоохранительных органов свидетельствуют о том, что торговые практики носили временный характер, не выходили за пределы локального и неформального обмена. Это свидетельствует о трансформации частнопредпринимательского уклада в торговле в неформальный уклад.

Цель исследования – выявить роль и значение частной торговли в системе связей многоукладной экономики Уральского региона в 1921–1936 гг.

Задачи исследования:

- Обосновать использование метода моделирования и применить его при характеристике многоукладной экономики, регионального управления и нэпа в целом с целью изучения институциональных основ функционирования частной торговли в экономике Урала.

- Выявить потенциал укладного подхода и оценить эффективность использования категории «частнопредпринимательский уклад» при анализе частной торговли региона.

- Выделить и обосновать этапы государственной политики в отношении частной торговли, классифицировать и дать оценку методам государственного регулирования.

- Проанализировать торговые практики в частном секторе хозяйства как традиционные, так и явившиеся реакцией на действия властей, выявить закономерности функционирования частного сектора хозяйства.

- Проанализировать организационные формы и специализацию частной торговли, обозначить ее роль в региональном товарообороте.

- Раскрыть механизма функционирования «Обществ взаимного кредита частной торговли и промышленности» в финансово-кредитной системе страны и региона, оценить значение частного кредитования в эволюции частнопредпринимательского уклада.

- Проанализировать социальный состав граждан, вовлеченных в частную торговлю и обозначить наиболее значимые черты их социального облика.

- Оценить как механизм лишения избирательных прав, так и процесс реабилитации бывших частных торговцев в качестве инструментов социального конструирования.

Источниковая база исследования представлена различными письменными источниками, систематизация которых основана на видовом принципе. К ним относятся: нормативно-правовые акты, в т. ч. Конституции РСФСР и СССР, кодексы и декреты ВЦИК и СНК; статистика; периодические, публицистические и научно-популярные издания; публикации руководителей и специалистов органов власти и управления, экспертов; тексты, написанные теоретиками и идеологами как коммунистического движения, так и их оппонентами; источники личного происхождения.

Основным и доминирующим по своему объему видом исторических источников, который используется в диссертационном исследовании, являются делопроизводственные документы. К материалам партийных органов относятся: стенограммы и протоколы заседаний партийных организаций, конференция и съездов РКП (б) и ВКП (б); материалы первичных партийных организаций. К материалам органов исполнительной власти общей компетенции относятся: материалы ВСНХ; опубликованные протоколы Президиума Госплана; протоколы заседаний Института экономических исследований (ИЭИ) при НКФ РСФСР; делопроизводственные документы исполнительных органов власти, регулирующих финансово-кредитный сектор экономики и торговую деятельность на уровне СССР, РСФСР и Уральской области, в т. ч. материалы губернских и областных отделов торговли; материалы финансовых органов, в т. ч. личные дела сотрудников; материалы Рабоче-крестьянской инспекции СССР. Документы, которые генерировались непосредственно в частном секторе, представлены следующими: протоколы заседаний правления ОВК; материалы товарных бирж Урала; отчеты ярмарочных комитетов.

Особое значение в работе придается специализированному делопроизводству, к которому относятся: информационные сводки ОГПУ; судебно-следственные дела, в которых фигурируют частные торговцы; личные дела лиц, возбуждивших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, утраченных за занятие торговлей.

Использованная нами источниковая база представляется достаточной для осуществления всестороннего исследования в рамках заявленных теоретико-методологических подходов.

Детальный анализ источников исследования представлен в первой главе диссертации.

Методология и методы диссертационного исследования. Методы, которые используются в диссертации можно подразделить на общие и частные, по сфере их применения на используемые в исторических исследованиях и междисциплинарные (интердисциплинарные – Л. П. Репина). К общеисторическим методам относятся: историко-генетический, историко-

сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-антропологический подход, а к вспомогательным и частным – биографический.

Интеграция историей социально-философского, социально-экономического и гуманитарного знания (Л. И. Бородкин), предопределяет использование междисциплинарные методов (неоинституциональный и укладный подходы, метод моделирования). Укладный подход в исследовании наиболее комплексно реализует свой потенциал, поскольку позволяет рассмотреть хозяйственные практики в экономическом, правовом и социальном поле, представить их в виде анклавов в системе многоукладной экономики. Метод моделирования позволяет систематизировать факторы и институты, предопределявшие функционирование частнопредпринимательского уклада в торговле. Качественные модели используются в работе для анализа объектов разного уровня агрегирования (страна, регион, сектор экономики, уклад) и предметных сфер (многоукладность экономики и региональное развитие).

Интеграция общеисторических и индивидуализирующих методов (историко-антропологического подхода и биографического метода) позволяет реализовать потенциал макро- и микро-истории, предоставляет возможность рассмотреть частную торговлю в структурно-функциональной и смысловой целостности, с учетом специфической институциональной среды и в исторической динамике.

Во второй главе диссертации детально раскрываются вопросы методологии и методов исследования.

Положения, выносимые на защиту:

- Нэп представлял собой ситуационную и адаптивную модель управления, сформированную как антитеза военному коммунизму, но при сохранении общего курса на формирование антирыночной модели экономики, что отражалось на характере внутренней политики государства. С одной стороны она была ориентирована на вытеснение частной торговли из хозяйственного оборота и замещение ее обобщественным сектором, экономическими и, по преимуществу, административными методами. Это позволяет проследить преемственность идеологических установок, выработанных в годы военного коммунизма с периодом нэпа. С другой стороны, активно внедряются рыночные методы, которые влекут за собой либерализацию в отношении частника. Таким образом, государственное регулирование носило непоследовательный, ситуативный, конъюнктурный характер, было разнонаправленным по своим целям и провоцировало кризисы нэпа.

- Согласование интересов городского и сельского населения («смычка») являлась идеологическим проектом, реализация которого была невозможна в силу экономических и политических причин. В экономическом плане секторы хозяйства были несопоставимы друг с другом, эффективность производства была низка, а товарообмен не сбалансированным. В

политическом плане единение рабочих и крестьян на базе собственных интересов превращение их в подлинных, а не номинальных акторов управления, могло поставить под сомнение легитимность власти большевиков, поскольку они не реализовывали декларируемые в ходе революции цели. Смычка осуществлялась на уровне частных хозяйственных практик, что инициировало процессы селекции, гибридизации и эволюции хозяйственных укладов в годы нэпа.

- Несмотря на противоречивость целей деятельности частных предпринимателей и представителей фискальных органов у них были общие интересы, поскольку они являлись акторами рыночной экономики. Налоговые работники осознавали, что форсированная ликвидация частника обострит проблемы снабжения, сбалансированности местных бюджетов, занятости населения и лишит их работы. Сохранение в качестве налогоплательщиков крупных предприятий позволяло оптимизировать затраты времени и сил на сбор налогов с результатом, т. е. с собранными суммами. Это приводило к микшированию радикальных указаний центра со стороны ряда управленцев на региональном уровне. Кампания по чистке финансовых органов, начатая с «астраханского дела» и реализованная впоследствии на Урале, демонстрирует, что перегибы на местах могли иметь диаметрально противоположные направления, как рыночные, так и антирыночные. В материалах судебно-следственных дел эти варианты рассматривались исключительно в идеологической и политической плоскости и маркировались как правый или левый уклоны.

- Замкнутый круг частного сектора хозяйства (включавший в себя частных: производителя, кредитора, торгового посредника и потребителя) демонстрирует наличие объективных предпосылок для существования и сохранение на достаточно отдаленную перспективу частнопредпринимательского уклада в отечественной экономике, а также его эффективность и адаптивность в условиях раннесоветского общества. При этом никакой угрозы государственным устоям он представлять не мог как в силу сложившейся институциональной среды, так и автаркичности, замкнутости сформированной им хозяйственной системы. Замкнутый круг частного сектора хозяйства является показательным примером существования частнопредпринимательского уклада основанного не только на форме собственности и специфике хозяйственного оборота, но и особых социальных связях.

- Срединное и транзитное положение, многообразие сырьевых ресурсов и отраслей хозяйствования обеспечивали Уралу положительный торговый баланс во внутренней торговле страны, гарантировали активный внутрирегиональный торговый обмен. При этом зависимость от ввозимых товаров широкого потребления со временем возрастала. Занимая относительно небольшую долю в товарообороте, имея размеры предприятий меньше средних показателей по

стране, частная торговля на Урале играла более значительную роль в снабжении населения потребительскими товарами, по ряду ассортиментных групп являлась монополистом.

- Организационные формы частного торгового предпринимательства были зеркальной копией с дореволюционной системы, разработанной с фискальными целями, но по своему качеству существенно уступали оригиналу. Зачастую экономические показатели недостаточно глубоко прорабатывались, вытеснялись классовыми и были вариативными, зависели от лозунга момента или проводимой в данный момент кампании.

- Дефицит финансовых ресурсов и высокая динамика товарооборота (в несколько раз выше, чем в кооперативной и государственной торговле) формировали устойчивый спрос со стороны частной торговли на заемные средства. Дискриминационная политика государства не позволяла считать государственный банк и отраслевые банки надежными источниками заемных средств частника. Воссоздание «Обществ взаимного кредита частной торговли и промышленности» рассматривается нами как ретроинновация, которая позволила включить в хозяйственный оборот финансовые ресурсы частного сектора, активизировала его производственную и торгово-посредническую функции, продемонстрировала возможности самоорганизации и относительно автономного существования частника.

- Социальная стратификация граждан, занимавшихся в 1920-1930-е гг. торговлей может быть основана на различных принципах: экономическом (разряд торговли, уровень дохода, размер оборота, ассортименте, опт или розница, времени торговли и т. п.) и классовом (нэпман, буржуй, пролетарий и т. п.). Значительную роль играла самоидентификации гражданина, которую он демонстрировал и отстаивал. Исходно негативная оценка торговой деятельности привела к необходимости трансформации социального статуса торгового посредника, который в процессе становления культуры советской торговли в 1930-е гг. преобразился из частного предпринимателя в наемного служащего или работника прилавка.

- Социальное конструирование нового советского человека осуществлялось как на позитивных, так и негативных примерах. Дискриминация граждан на основании их профессиональной деятельности может служить примером деформации правовой системы. Факт занятия торговлей был поводом для лишения человека избирательных, а вслед за ними и иных гражданских прав. Процесс лишения избирательных прав демонстрирует двухступенчатую нисходящую социальную мобильность граждан, первоначально потерявших работу и вынужденных обеспечивать себя самостоятельно занимаясь торговлей, а затем, дискриминируемых по признаку профессиональной деятельности и теряющих возможность в полной мере реализовывать свои гражданские права. Таким образом, реализуется процесс негативной социальной селекции, в результате которой наиболее экономически активная часть

населения ограничивалась в гражданских правах, лишаясь экономической автономии и «обобществлялась» государством.

Научная новизна исследования заключается в анализе частной торговли Уральского региона в широком историческом контексте. На основе использования неинституционального, укладного и историко-антропологического подходов рассмотрены правовые, экономические и социальные проблемы раннесоветского общества, предопределившие высокий динамизм и событийную емкость периода 1920–1930-х гг.

В отличие от традиционного подхода, мы вышли за хронологические рамки нэпа (1921–1929 гг.), рассмотрели процесс трансформации частной торговли на переломном этапе отечественной истории, в рамках сравнительного анализа обращаясь и к дореволюционному опыту.

В основе анализа находится укладный подход, предполагающий рассмотрение экономических и социальных характеристик объекта исследования. Он позволяет комплексно рассмотреть специфику функционирования как частнопредпринимательского уклада, так и хозяйственных систем, которые наиболее интенсивно с ним взаимодействовали (государственный, кооперативный, диаспорный, неформальный и прочие уклады).

Рассмотрена эволюция частнопредпринимательского уклада, которая выразилась в переходе от маргинального до весьма значимого и заметного элемента в экономике региона, которая впоследствии привела к его преобразованию в неформальный (теневой) сектор экономики.

Проанализирована связь между представлениями элит о товарно-денежных отношениях при социализме и модификацией модели многоукладной экономики, рассмотрено стремление приблизить ее к образу моноукладной и унифицированной системы при построении мобилизационной модели.

В трансформации частнопредпринимательского уклада существенную роль сыграл переход от территориально-рыночной модели регионального управления к модели территориального комбината. На смену территориальной пришла отраслевая модель управления, а интересы региональных акторов рыночного хозяйства стали игнорироваться. Таким образом, прослеживается взаимное влияние модели экономического развития и модели регионального управления.

В работе на основе сочетания макро- и микроистории демонстрируется потенциал изучения социальных аспектов частнопредпринимательского уклада, когда судьбы отдельных граждан рассматриваются в контексте политики государства по формированию нового человека, а социальное конструирование сопровождается массой жертв и приводит к негативной социальной селекции.

Теоретическая значимость работы. Результаты исследования позволяют рассмотреть частную торговлю в системе связей многоукладной экономики Уральского региона; продемонстрировать ее интеграционные возможности при реализации интересов представителей различных хозяйственных укладов; проанализировать ее включенность как в макро-, так и в мезо-процессы, протекающие на региональном уровне.

Изучение частной торговли включает в себя как анализ институциональной среды его существования, так и судеб частных торговцев, что позволяет осуществить синтез микро- и макро-исторических исследований (Л. П. Репина). Взаимное обогащение и интеграция микро- и макроистории, экономической и социальной истории позволяют воссоздать картину прошлого с большей полнотой и достоверностью. Таким образом, интеграция общеисторических и индивидуализирующих методов позволяет реализовать потенциал макро- и микро-истории. Она дает возможность рассмотреть частнопредпринимательский уклад в его структурно-функциональной и смысловой целостности, с учетом специфической институциональной среды и в исторической динамике, при этом включение в анализ судеб конкретных советских граждан, индивидуализирует историческое повествование, придает ему человеческое измерение. В целом, это позволяет представить эволюцию частной торговли Урала в 1920–1930-е гг. как многогранное и противоречивое историческое явление в большей полноте.

Практическая значимость исследования заключается в использовании исторического опыта для решения проблем региональной и национальной экономики в краткосрочной и долгосрочной перспективе, при рассмотрении потенциала развития региона в целом в условиях рыночного хозяйства. Роль частного торгового предпринимательства в сервисной экономике непропорционально и резко возрастает. Многообразие форм собственности, усложнение социальных связей как за счет глобализации и миграции, так и по причине углубляющегося разделения труда создают условия для развития хозяйственных укладов. Необходимость эффективно использовать ресурсы территории приводит к необходимости диверсифицировать экономику не только в отраслевом и территориальном аспектах, но и поощряя многоукладность. Таким образом, исторический опыт эволюции частной торговли в Уральском регионе может быть использован при разработке стратегических планов развития малого и среднего предпринимательства, при выработке оптимальных мер государственного регулирования в отношении этих субъектов рынка. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специализированных учебных курсов и учебных пособий по истории России, истории Урала, истории предпринимательства и финансово-кредитной системы, в рамках курса «Регионоведение» и «Модели корпоративного управления».

Работа может быть полезна при подготовке специалистов соответствующего профиля в высших и средних специальных учебных заведениях в рамках дисциплины «Введение в

специальность». Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при создании музейных и выставочных экспозиций, при составлении архивоведческих обзоров.

Степень достоверности научных выводов. Достоверность положений и научных выводов диссертационного исследования обеспечивается применением современных подходов и методов научно-исследовательской работы, которые использовались в соответствии с поставленными в работе целями и задачам, которые реализовывались с учетом достижений отечественных и зарубежных коллег. Выводы, которые сформулированы в работе, базируются на анализе широкого круга источников, позволяющих осуществлять перекрестную проверку данных и верификацию исторического материала. Отдельные положения диссертации были подвергнуты рецензированию и оценке при подготовке к публикации статей в научных журналах, а также в рамках рассмотрения заявок и итоговых отчетов по научным грантам.

Апробация результатов исследования Основные положения диссертации излагались и обсуждались на международных, общероссийских и региональных конференциях и научных семинарах в Екатеринбурге (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021); Челябинске (2016); Перми (2017); Москве (2017, 2018); г. Пушкин (2021); Новосибирске (2021); Томске (2021); Рединге и Оксфорде (2013); Париже (2019).

Тема диссертации была поддержана грантами научных фондов: 1) «Частная торговля и кредит на Урале в 1920-х годах». Грант РГНФ №02-02-00179а 2002 г. (руководитель); 2) «Опыт социальной адаптации цыган (на примере создания национальных колхозов на Урале)» Грант РГНФ № 04-01-83103 а/У. 2004 г. (руководитель); 3) «Частный сектор хозяйства в экономике Уральской области (1923–1934 гг.)» Грант РГНФ № 15-11-66003 2015 г. (руководитель); 4) «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты» 2016–2018 гг. (исполнитель).

Содержание диссертационного исследования нашло отражение в серии статей и в монографиях, посвященных как раннесоветскому обществу в целом³, так и истории частной торговли и кредита⁴. По теме диссертации опубликовано 57 работ, общим объемом 84,14 п. л. (из них в соавторстве 2 п. л.), в том числе в журналах индексируемых Web of Science (5 статей) и Scopus (2 статьи).

Результаты исследования внедряются в учебный процесс в рамках курсов «Регионоведение» и «Модели корпоративного управления», которые читаются диссертантом на

³ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 468 с.; Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 462 с.

⁴ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

историческом факультете Уральского Федерального университета, а также в ряде публичных лекций, ориентированных по популяризацию исторических знаний.

Структура работы включает введение, шесть глав, состоящих из 24 параграфов, заключение, перечень использованных источников, список литературы и приложение.

Глава 1. Историография и источники исследования

1.1. Историография темы

Специфика того или иного этапа как в отечественной, так и в зарубежной историографии обусловлен необходимостью «смотреть в зеркало прошлого», оценивать в большей степени день сегодняшний в контексте исторической ретроспективы.

Интерес к переходным и противоречивым этапам отечественной истории обусловлен столь же противоречивой ситуацией, в которой находится исследователь здесь и сейчас. Это может быть вызвано кризисом в методологии или проблемами с доступностью источникового материала, актуализацией в идеологическом или коммерческом (грантовом) ключе тех или иных исторических тем. К нэпу обращаются в период расширения свобод и актуализации либеральных настроений, в различных областях жизни общества – от культуры до экономики. Напротив индустриализация и война – темы, которые приобретают особое звучание в период мобилизации и централизации, в том числе с целью консолидации населения в рамках определенной идеологии или в формате традиционных скреп.

Историография нэпа огромна и является предметом специальных исследований. Рассмотрение трудов предшественников по столь яркой и противоречивой теме, каковой является новая экономическая политика, является не только увлекательной, но и трудновыполнимой задачей. Нам импонирует подход И. Б. Орлова, который историографический анализ в своей докторской диссертации построил на следующем принципе: хорошо исследованные и слабо исследованные темы, аспекты нэпа в отношении которых существует консенсус и проблемы, которые вызывают живые дискуссии⁵.

Историография частной торговли, на контрасте с нэпом в целом, напротив весьма ограничена. Несомненно, роль торговли как связующего звена в «смычке» освещена многими авторами, как современниками, так и постфактум, однако она рассматривается исключительно в контексте макропроцессов. По этой причине торговля как таковая и частная торговля как самостоятельный объект исследования существенно уступают по количественным и качественным параметрам исследованиям, посвященным раннесоветскому обществу в целом.

Изучение частного предпринимательства происходило в рамках определенных теоретических конструкций, одни из которых находились в жестком противопоставлении по линии «план» – «рынок», другие «марксистские» и «антимарксистские». Рассматривая торговлю как временное и «сходящее на нет явление», «плановики» не стремились к ее детальному изучению, либо игнорировали укорененность товарно-денежных отношений при социализме. Напротив, «рыночники» стремились придать торговле большее значение, чем она

⁵ Орлов И. Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Орлов Игорь Борисович. М., 2000. 365 с.

могла иметь в условиях централизованного распределения. Условное деление на «рыночников» и «антирыночников», несмотря на публицистичность данных понятий, также предполагает различные взгляды на роль и значение частного предпринимательства в процессе построения социализма, на значение нэпа как «светлого» или «темного» пятна на карте отечественной истории.

Полагаем, что со временем все сложнее разделить историографию на отечественную и зарубежную. Сегодня при таком делении на первое место выдвигается скорее географический, чем концептуальный признак, как это было в период конфронтации. Сближение и отделение друг от друга отечественной и зарубежной историографии подобно песочным часам, самая узкая часть которых пришлось на «советский» период 1930–1980-е гг., напротив ранний и поздний период историографии имеют много общего. Авторами большинства работ, написанных о нэпе за рубежом, были российские ученые-эмигранты. Они продолжали дореволюционную отечественную традицию, а их взгляды были близки воззрениям умеренного крыла социал-демократов, оставшихся в советской России. В более поздний период, значительная часть исследований по экономической истории вышла из-под пера бывших советских граждан⁶. Наибольшее различие в оценках было достигнуто в годы холодной войны, в рамках тоталитарной школы. Новейшая зарубежная историография близка по проблематике, широте охвата тем и источниковой базе к исследованиям отечественных ученых. Сближение произошло благодаря научным контактам в рамках международных конференций, грантовой системе, а также стремлением заполнить одни и те же лакуны в исследовательском поле. Разумеется, отличия сохранились, поскольку исследователи стремились к приоритету в тех направлениях, которые были предопределены отечественной историографической традицией. Как правило, работы зарубежных авторов основаны на общесоюзном материале, по этой причине уникальными являются исследование посвященные непосредственно Уралу, в котором рассматривается процесс формирования и социальной динамики региональных элит (Д. Харрис⁷).

Традиционный проблемно-хронологический подход, предполагает выделение следующих этапов в историографии проблемы.

1. 1920-е гг. – Период, когда работы писались буквально по горячим следам происходивших событий на основе практического опыта и собранного материала, отношение к

⁶ Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991 / Alec Nove. Edition. 3rd ed. Published. – London, England ; New York, N. Y., USA : Penguin Books, 1992. 473 p.; Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015. 536 с.

⁷ Harris James R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. – Ithaca : Cornell University Press. 1999. 235 p.

торговле резко контрастировало по сравнению с периодом военного коммунизма, когда внутренняя торговля была фактически под запретом.

2. *1930-е гг.* – Этап, который, с одной стороны, реабилитирует торговлю как таковую, с другой стороны, окончательно порывает с признанием экономической целесообразности многоукладности.

3. *1940–1950-е гг.* – Этап призванный углубить и закрепить верность выбранного курса и описать развитие государственной политики в отношении частного сектора хозяйства как поступательный и планомерный процесс, который был реализован по схеме «от победы к победе» под руководством Коммунистической партии. Этот этап можно было бы назвать «сталинским», если бы не периферийное и маргинальное положение частной торговли в поле зрения «вождя народов».

4. *1960-е гг.* – Этот этап направил историографический «маятник» в другую сторону. В период оттепели, как и в любой период допущенного многообразия, интерес к нэпу явно возрос. Эксперименты с многоукладностью, которые активно реализовывались в этнографии, были перенесены на отечественную историю и дали возможность по новому взглянуть на частный сектор хозяйства; представить монолитного гегемона, в виде разнообразных смешанных и не вполне «чистых» социальных групп (полурабочий-полукрестьянин), т. е. вернулись к многообразию интерпретаций 1920-х гг.

5. *1970 – середина 1980-х гг.* – Противоречивый этап (впрочем, как и все предыдущие), поскольку с одной стороны наступили «заморозки», но с другой, это был период активного наращивания фактологической базы, без которой было бы невозможно переосмысление нэповского десятилетия в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

6. *Вторая половина 1980-х гг.* – Этот этап представляет особый интерес, поскольку логика здравого смысла и окружающая реальность («перестройка») настойчиво подталкивала исследователей к переосмыслению нэпа, к извлечению уроков и применению исторического опыта, для решения вполне конкретных прикладных и оперативных управленческих задач. Это было преддверие «нового» этапа в отечественной, теперь уже российской историографии.

7. *1990–2000-е гг.* – «постсоветский» или «новый» этап в историографии. По своему многообразию и широте тематики он, пожалуй, может конкурировать с первым периодом, когда проблема частного капитала рассматривалась как стратегически важная, способная повлиять на перспективы построения социалистического государства. Идеологический и методологический плюрализм, введение в оборот новых источников, повышенный спрос со стороны общественности на подлинное научное знание – эти и многие другие причины актуализировали изучение нэпа. На этом этапе появляются исследования, посвященные различным аспектам нэпа, в том числе и частному предпринимательству. Не претендуя на

исчерпывающую полноту анализа, нами выявлены наиболее значимые исследования, которые оказали существенное влияние на наше восприятие проблемы.

Каждый из выделенных нами этапов не был монолитным и включал в себя как явные признаки отказа от позиций, доминировавших на предыдущем этапе, так и содержал в себе ростки нового, следующего за ним этапа. Таким образом, можно говорить о том, что каждый этап в историографии это не только «остров», но и «мост», который обеспечивает преемственность в отечественной историографии⁸.

Рассмотрим более детально отдельные этапы в историографии проблемы, которые были обозначены выше.

Первый этап: 1920-е гг. Этап 1920-х гг., значительная часть которого совпадает с нэпом, характеризуется большим разнообразием в интерпретации сложившихся хозяйственных практик и анализом альтернатив развития. Изучение частного капитала было актуальной, идеологически предопределенной и чрезвычайно сложной задачей именно в этот период.

В условиях нового строя изучение частнопредпринимательского уклада как обреченного на исчезновение формы хозяйствования осуществлялось не столько как самостоятельного объекта, сколько в контексте его противопоставления укладу социалистическому. Конфронтационный подход особенно наглядно демонстрируют работы современников, вышедшие по горячим следам событий или написанные их непосредственными участниками, управленцами различного уровня. При этом с частным капиталом не только боролись, но его активно изучали, поскольку в концепции нэпа предполагалось его сосуществование с обобществленным сектором хозяйства «надолго, но не навсегда», а конкретнее, судя по высказываниям В. И. Ленина, в пределах двадцати лет.

Статистики старой школы занимались сбором сведений об этом объекте, что само по себе являлось сложной задачей, учитывая мобильность частной торговли и ее стремление уйти от контроля со стороны государства. До сих пор эти работы не утратили своего значения как по набору фактологического материала, так и по глубине анализа⁹.

В 1990-е гг. прочитав работы 1920-х гг. невольно обращал внимание на отличие в оценках частного капитала и частной торговли в этот и последующие периоды. Ситуация нэповского десятилетия, периода поиска потенциальных альтернатив развития и реальной многоукладности, создавали почву для научного поиска, более объективного и достоверного описания частного сектора хозяйства. Радикальный переход от декларативного отказа от

⁸ Килин А. П. Частная торговля в годы нэпа: отечественная историография 1920–1980-х годов. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 9. С. 46–66.

⁹ Айхенвальд А. Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР / С предисл. Н. И. Бухарина. М.; Л., 1927. 370 с.; На новых путях : Итоги новой экономической политики. 1921–1922 гг. Труды / Под ред. В. П. Милютин. М., 1923. – Вып. 1: Торговля. 1923. 423 с.; На новых путях: Итоги новой экономической политики. 1921–1922 гг.: Труды / Под ред. В. П. Милютин. Вып. 2. Финансы. М., 1923. 224 с.

товарно-денежных отношений в годы военного коммунизма к призыву «учиться торговать», требовал значительных интеллектуальных и психологических усилий от партийных и хозяйственных руководителей, вне зависимости от их вовлеченности в пропагандистские кампании. Оговоримся, что степень влияния исследований ученых и практиков на принятие управленческих решений в 1920-е гг. не стоит преувеличивать, поскольку значительная часть рекомендаций так и не была реализована, более того, решения порой принимались вопреки выводам специалистов.

Обращает на себя внимание, что за столь короткий по историческим меркам период времени появились обобщающие работы, которые систематизировали значительный по объему материал посвященный частному предпринимательству и торговле. Эти работы носили не только пропагандистский характер, поскольку были приурочены к какой-либо дате¹⁰, но и отличались достаточно полной источниковой базой и системностью изложения. Объяснить это обстоятельство можно тем, что эти исследования принадлежали перу представителей старой дореволюционной школы, носили в большей степени аналитический характер¹¹.

Эта оценка справедлива не только по отношению к исследованиям ученых-эмигрантов, которые могли формулировать свои идеи относительно независимо¹², но и в отношении лояльных режиму управленцев, которые в 1920-е гг. могли себе позволить альтернативные официальной точке зрения суждения¹³.

Среди авторов-эмигрантов следует выделить работы Б. Бруцкуса¹⁴. Совершенно не случайно, что внимание к его исследованиям и к этой личности актуализировалось в 1990-е гг., когда были переизданы его работы и написаны диссертации, посвященные личности ученого¹⁵.

В своих работах он уделял значительное внимание торговле и оценке ее роли в системе связей нэповской экономики. Он писал о том, в какой степени советское правительство учитывало или игнорировало рыночные законы. Экономические кризисы в годы нэпа автор

¹⁰ Мойшеева М. Наша торговля в пятилетке: госторговля, кооперация и частная торговля / М. Мойшеева ; с предисл. А. Золотарева. М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. 32 с.

¹¹ Айхенвальд А. Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР / С предисл. Н. И. Бухарина. М.; Л. : Госиздат, 1927. 370 с.; Милютин В. П. История экономического развития СССР (1917–1927) / В. П. Милютин. Изд. 2-е. – М.; Л., 1929. 425 с.; Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. / Под ред. А. М. Гинзбурга. М.; Л., 1927. 576 с.; Частная торговля Союза ССР : сборник статей / Под ред. Л. Б. Залкинд. – М., 1927. 171 с.; Финансы и денежное обращение в современной России / Сборник статей проф. М. И. Боголепова, И. М. Кулишера, Д. Лоевского и др.. Л.; М. 1924. 144 с.

¹² Пумпянский Л. М. Книга. НЭП. (Опыт характеристики советской экономики). Берлин, 1923. 80 с.

¹³ Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. / пер. с англ. М., 2012. 343 с.

¹⁴ Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 126–141.; Он же. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе (из журнала «Экономист». 1922. № 1, 2, 3). Б. м., 1922. С. 48–72.; Он же. Результаты экономического планирования в России. / Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб., 1995. 232 с.; Он же. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999. 96 с.

¹⁵ Рогалина Н. Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Рогалина Нина Львовна. М., 1999. 377 с.

считал «рукотворными», являющимися следствием недальновидной государственной политики, точнее, следствием подавление экономики политикой.

Авторы исследований, посвященных частному капиталу как антагонисту социалистического сектора, делали акцент на тех аспектах, которые представлялись наиболее актуальными современникам. Дискуссии вызывала оценка доли частного капитала в обороте и источники его первоначального накопления¹⁶. Детально описывались методы частного предпринимательства, степень его воздействие на обобществленное хозяйство¹⁷. Отметим позитивную оценку роли конкуренции в экономике, поскольку положительные примеры в работе частника, которые приводят авторы, должны были стимулировать обобществленный сектор (прежде всего кооперацию), к повышению производительности труда, снижению издержек и росту товарооборота.

Необходимо отметить, что проблематика партийных дискуссий относительно судьбы и роли частного капитала в советском государстве является предметом отдельного и самостоятельного исследования. В данном обзоре мы укажем лишь несколько авторов, работы которых, как мы полагаем, играют наиболее существенную роль в изучении частнопредпринимательского уклада.

Особую роль в историографии проблемы играют работы Ю. Ларина, который значительное внимание уделяет методам борьбы с частным капиталом, при этом отмечает отдельные положительные моменты частной инициативы¹⁸. Яркую оценку работам Ю. Ларина дает Б. Бруцкус. Являясь сторонником рыночного хозяйства и оппонентом Ю. Ларина, он отмечает: «Это исследование [«Частный капитал в СССР» – А. К.], несмотря на его тенденциозность, чрезвычайно ценно для ознакомления с ролью частного капитала в России. Автор никогда не останавливается на официальной цифре, а стремится проследить все ухищрения частного капитала всю его борьбу против тех рогаток, которые ему ставит коммунистическая власть, Ю. Ларин – самый злобный гений частного капитала в России (воистину цепной пес советского социализма), а потому он склонен несколько преувеличивать

¹⁶ Преображенский Е. А. Новая экономика (теория и практика) : 1922–1928 гг. / Е. А. Преображенский ; сост. : М. М. Горинов, С. В. Цакунов; Гл. арх. упр. г. Москвы. М., 2008. 640 с.

¹⁷ Озерский П. Аппарат и обороты частной торговли // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. III. С. 136–146; Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике (по данным бюджетного обследования). Воронеж, 1926. 106 с.; Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. / Промышленно-экономический Совет ВСНХ СССР. Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. Под ред. С. П. Середы, проф. Е. С. Каратыгина. Вып. 2. М., 1925. 104 с.; Частная торговля в СССР : По материалам Совета съездов биржевой торговли / Ц. М. Крон; под ред. и с предисл. Я. М. Гольберга; Всесоюз. сов. съездов биржевой торговли. М., 1926. 137 с.

¹⁸ Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики / Ю. Ларин. М., 1923. 287 с.; Он же. Новая торговая политика после XIII-го партсъезда. М. : Центросоюз, 1924. 75 с.; Он же Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. 312 с.

его значение в народном хозяйстве»¹⁹. Столь лестная оценка Б. Бруцкусом своего оппонента должна убедить нас в том, что Ю. Ларин в своей работе отразил реалии экономики нэпа. Отметим, что образ «цепного пса» разительно контрастирует с реальной фигурой Ю. Ларина – человека, который страдал прогрессирующей мышечной атрофией.

Анализ государственной политики в отношении частного капитала будет неполон без работ Е. А. Преображенского²⁰. Парадокс ситуации заключался в том, что идея «первоначального социалистического накопления», клейменая как оппортунистическая была взята на вооружение «большинством ЦК» и в значительной степени реализована. Идеологическим фоном являлась борьба с оппозицией, получившей в пространственно-пропагандистской системе координат наименование «правой» и персонифицированная в лице Н. И. Бухарина, который рассматривал роль частного сектора хозяйства в экономике переходного периода²¹.

Авторы анализировали правовой режим частной предпринимательской деятельности и применяемые к нему методы государственного регулирования²². Особое внимание уделялось методам и способам изъятия ресурсов из частного сектора для целей «первоначального социалистического накопления»²³.

В исследованиях 1920-х гг. не только описывались этапы взаимоотношения частного и государственного сектора хозяйства за небольшой по историческим меркам период (5–7 лет), но и делался прогноз на перспективу. Анализ альтернатив исторического развития роднит этот период с «новейшим» периодом в отечественной историографии. Следует отметить умеренный, взвешенный, далекий от планов форсированного уничтожения частного сектора подход

¹⁹ Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 136.

²⁰ Преображенский Е. А. Новая экономика (теория и практика) : 1922–1928 гг. / Е. А. Преображенский ; сост. : М. М. Горинов, С. В. Цаунов; Гл. арх. упр. г. Москвы. М., 2008. 640 с.; Он же. От НЭПа к социализму : (взгляд в будущее России и Европы) / Е. Преображенский. М., 1922. 138 с.

²¹ Бухарин Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин; Е. Преображенский; Российская коммунистическая партия большевиков. М., 1920. 340 с.; Он же. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. / Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. 497 с.; Он же. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса / Николай Бухарин. (Труды Социалист. акад. обществ. наук). М., 1920. 157 с.

²² Мальцман Б. С. Законы о частном капитале : Сборник законов, инструкций, приказов и разъяснений / Сост. Б. С. Мальцман и Б. Е. Ратнер. М., 1928. 349 с.; Вопросы торгового права и практики: Сборник статей / ред. Б. Бинкин. – Л., 1926. 219 с.; Канторович, Я. А. Частная торговля и промышленность по действующему законодательству : Систематизированный сборник декретов, постановлений, инструкций, распоряжений и пр., с разъясн. замечаниями / Я. А. Канторович. Л., 1925. 280 с.; Вайсберг Р. Е. Деньги и цены : (Подпольный рынок в период «военного коммунизма») / Р. Е. Вайсберг (Миссин) С предисл. и под ред. И. А. Трахтенберга. М., 1925. 160 с.; Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. / Под ред. и пред. В. Филова. Саратов, 1930. 240 с.; Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. / Кондурушкин И. С.; Предисл.: Курский Д. И. М.; Л., 1927. 254 с.

²³ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М. : Фин изд-во НКФ СССР, 1927. 190 с.; Мингулин И. Пути развития частного капитала. М.; Л., 1927. 164 с.; Громов В. У. Расследование хозяйственных и должностных преступлений : практическое пособие для органов дознания и следствия / Вл. Громов, Н. Лаговьер. М., 1928. 206 с.

авторов. Эта позиция обосновывалась не столько лояльностью к частнику, по отношению к которому демонстрировался идеологический антагонизм в рамках непререкаемого постулата о «классовой борьбе», сколько объективными условиями, которые не позволяли государству направить значительные усилия на компенсацию выпадающих ресурсов, в случае ухода частника с рынка. Коррупционная составляющая на которую так часто делали акцент борцы с рынком, несомненно, имела место, но она не являлась определяющей.

Знакомство с работами 1920-х гг. приводит к мысли об утилитарном подходе авторов-практиков к частному капиталу. С одной стороны им необходимо было обосновать и объяснить использование рыночных механизмов, от которых в период военного коммунизма планировали полностью избавиться, при этом оставаться приверженцами марксистского учения. Догматический подход имел ограничения, поскольку окружающая реальность вступала с ним в противоречие.

Искажение информации, к которому прибегает официальная пропаганда в условиях монополии на СМИ, является повсеместно распространенной практикой, но в годы нэпа такая манипуляция общественным мнением не могла гарантировать стопроцентный успех. Читатели являлись очевидцами и непосредственными участниками описываемых событий, значительная их часть была вовлечена в частную посредническую деятельность, в той или иной степени включалась в частнопредпринимательский уклад. Соответственно ставилась задача выстроить иерархию фактов таким образом, чтобы иметь больше свободы для их интерпретации строго в соответствии с официальной доктриной.

Если рассмотрение политических аспектов выдвигает на первый план события октябрьского переворота (революции), то изучение экономических и социальных аспектов предполагает больший консерватизм и использование компаративных методов исследования. Авторы работ, написанных в 1920-е гг., наглядно это демонстрируют. Они осознавали необходимость изучения проблемы в более широких хронологических рамках, поскольку октябрь 1917 г. не породил и не уничтожил частное предпринимательство. Процесс мимикрии, трансформации, более инертен и связан с целым рядом контрмер, которые предпринимали субъекты хозяйственной деятельности в ответ на изменения государственной политики. В одночасье трансформировать хозяйственный механизм было невозможно, вопреки категоричным декларациям и декретам советской власти. Именно по этой причине исследователи вынуждены были обращаться к документам и материалам, посвященным

дореволюционному периоду существования частной торговли и предпринимательства, рассматривать характер товарооборота Уральского региона на рубеже XIX–XX вв.²⁴

Пожалуй, что еще одной причиной обращения к данным «до 1913 года» являлось стремление продемонстрировать успехи советской власти или, напротив, обосновать ряд своих неудач «пережитками прошлого».

Поскольку доля торгово-посреднической деятельности в частном секторе хозяйства была велика, то закономерно, что торговле уделялось значительное внимание. В условиях монополии внешней торговли частное торговое посредничество рассматривалось на примере внутренней торговли, поскольку эта «линия фронта» находилась в непосредственной близости от исследователей и представляла наибольший интерес.

Второй этап: 1930-е гг. Принятие и реализация первых пятилетних планов, индустриализация и коллективизация как способы форсированной модернизации промышленности и сельского хозяйства привели к унификации исследовательских подходов. В этой связи период 1930-х гг. можно рассматривать как отдельный этап в историографии.

Курс на форсированную модернизацию, основанный на модели мобилизационной экономики, привел к трансформации идеологических оценок и к активизации административных мер воздействия на частную торговлю. Нельзя сказать что эта «новая мобилизационная политика» была непротиворечивой, поскольку предпринимались самые решительные меры по вытеснению частнопредпринимательского уклада в сферу влияния уклада неформального, теневой экономики и нелегальных видов деятельности²⁵. Помимо уничтожения конкурента, в условия дефицита всех видов ресурсов, советская власть видела в этом процессе возможность осуществить еще одну волну экспроприации, а конфискованное имущество направить на реализацию новой цели – индустриализации. Одновременно с этим (и это можно рассматривать как новацию в рамках советской модели управления), была «реабилитирована» торговля. Не вся, а только та ее часть, которая маркировалась эпитетом «советская». Этот процесс можно обозначить как «верхушку айсберга», а глубинный смысл изменений заключался в отказе от эгалитарной системы распределения, которая наиболее ревностно декларировалась в годы военного коммунизма. Уравнительное распределение первоначально предусматривало включение в «круг доверия / распределения» лишь «чистые», «классово близкие» социальные группы, не забывая про исключение недружественных и враждебных. В 1930-е гг. дифференциация потребления была призвана активизировать

²⁴ Ардов Н. Торговые связи Урала с другими районами (рынки сбыта продукции уральской промышленности) // Хозяйства Урала. 1926. № 10. С. 183–196; Торговля Урала // Уральский торгово-промышленный справочник на 1924 год. Пермь, 1924. С. 271–295.

²⁵ Лифиц М. М. Теория и практика вредительства в советской торговле : Доклады в Комакад / М. Лифиц, М. Кантор ; Ком. акад. Ин-т экономики. Секция сов. торговли. М.; Л., 1932. 69 с.

человеческий фактор в среде трудящихся, мобилизовать их усилия на построение социализма, воплотить в ускоренные сроки планы индустриализации. Материальное стимулирование, реализованное через товарно-денежные отношения и советскую торговлю, должно было сыграть роль реального, а не идеального стимула к труду.

Этим обстоятельством можно объяснить появление в 1930-е гг. фундаментальных работ, посвященных истории торговли, обосновывающих ее поступательное развитие. Это развитие должно было быть представлено как результат дальновидной политики партии и правительства, приведшей советскую торговлю к ее современному состоянию. Принцип описание истории какого-либо объекта как движения «от победы к победе» является распространенным приемом в политизированных научных исследованиях советского периода²⁶.

Особо следует отметить монографию Г. Я. Неймана в которой автор подводит черту под определенным этапом развития советской торговли²⁷. Свою задачу он видит в том, чтобы создать картину поступательного и закономерного процесса развития торговли в СССР, который шел по первоначально разработанному плану и привел к заранее заданному результату. Делая обзор торговой политики государства за период 1927–1935 гг., автор стремится описать пройденный путь как вполне последовательный, осознанный и целенаправленный процесс перманентного совершенствования распределительной системы молодого советского государства.

Третий этап: 1940–1950-е гг. В годы Великой Отечественной войны основное внимание уделялась практикам централизованного и нормированного распределения. В этой связи актуализировались темы, связанные с периодом военного коммунизма.

Можно говорить о преемственности по поддержанию традиционных для предыдущего этапа историографии тем, в частности – борьба с частными элементами. Обращение к этому «полю битвы», было необходимо для акцентирования достижений советской торговли, придания боевого настроения рутинной и меркантильной сфере деятельности, далекой от революционной романтики. Некоторые исследования можно рассматривать с одной стороны как учебные пособия, с другой, как способ «реабилитации» торговой деятельности в условиях социализма, демонстрацию принципиальных различий между капиталистической и социалистической торговой деятельностью²⁸.

²⁶ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1930. 534 с.

²⁷ Нейман Г. Я. Внутренняя торговля СССР / Г. Я. Нейман ; Под ред. Э. И. Квирига ; Ин-т экономики Комакад. – М., 1935. 347 с.

²⁸ Лифиц М. М. Основы экономики и организации советской торговли : Стенограмма лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП (б) / д-р экон. наук проф. М. М. Лифиц. М., 1948. 160 с.; Лифиц М. М. Советская торговля / проф. М. М. Лифиц. М., 1948. 128 с.

Конфронтационный подход является основой при описании макроэкономических процессов, как во внутренней, так и во внешней торговле²⁹. В своей работе А. Я. Вышинский неоднократно обращался к примерам борьбы со «свободной торговлей» в том числе и в период нэпа³⁰.

Реформа 1947 г. могла привлечь внимание к опыту ценообразования в годы нэпа и истории советского червонца. В этот период появляются фундаментальные работы, которые рассматривают проблемы товарно-денежных отношений на значительном историческом материале, например, исследование З. В. Атласа³¹.

Традиционными являлись публикации сборников статей, которые воспринимались как атрибут мероприятий приуроченных к символическим или реальным праздничным датам³².

Четвертый этап: 1960-е гг. Полагаем, что интерес к торговле просыпается в те периоды отечественной истории, когда актуализируется проблема догоняющего развития СССР на фоне более высоких темпов развития зарубежных стран, возникает проблема повышения производительности труда, идет поиск легальных и идеологически безупречных способов материального стимулирования работников, когда обращают внимание на «человеческий фактор». Тема повышения жизненного уровня населения является общим пропагандистским фоном, но отнюдь не реальной целью данных мероприятий³³. Несомненно, что «социализм с человеческим лицом» и «оттепель» служили благоприятными предпосылками для исследований жизненного уровня населения и вопросов его снабжения, как в условиях 1960-е гг., так и в ретроспективе.

Актуализировалась проблема природы товарно-денежных отношений при социализме, их «мирного сосуществования» с централизованной плановой экономикой³⁴. Была продолжена плодотворная отечественная традиция изучения цен и процесса ценообразования при социализме³⁵.

Идеологическая определенность в отношении частного капитала и вывод о его окончательном вытеснении из социалистической экономики, отнюдь не снизил актуальность

²⁹ Рубинштейн Н. Л. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру. (1921–1922 гг.) / Н. Рубинштейн. М., 1948. 463 с.; Развитие советской экономики : Утв. ВКВШ при СНК СССР в качестве учеб. пособия для экон. вузов / Под ред. А. А. Арутиняна и Б. Л. Маркуса; Акад. наук СССР Ин-т экономики. М., 1940. 664 с.

³⁰ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / акад. А. Я. Вышинский; Ин-т права Акад. наук СССР. М., 1941. 220 с.

³¹ Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР: (1917–1925). / Акад. наук СССР, Ин-т экономики. М., 1940. 248 с.

³² Советская торговля за 30 лет. 1917–1947: Сборник статей. М., 1947. 164 с.; Тридцать пять лет советской торговли. 1917–1952 : (Сборник статей). М., 1952. 152 с.

³³ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015. С. 268–269

³⁴ Островитянов К. В. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения / Акад. К. В. Островитянов ; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1962. 151 с.

³⁵ Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР. (1917–1963 гг.). М. : Мысль, 1964. 439 с.

данной проблематики. Отметим, что появились работы, авторы которых сосредоточили свое внимание именно на нэповском десятилетии³⁶. Более того, в центре внимания И. Я. Трифонова оказались представители частнопредпринимательского уклада, разумеется, как враждебные классы и антагонистически настроенные по отношению к пролетариату³⁷.

Интерес к торговле и торговому посредничеству в этот период проявился с новой силой, появился ряд работ, посвященных непосредственно торговле, однако в более широком хронологическом диапазоне. При этом описание исторических этапов как череды реализаций дальновидных решений партии и правительства было призвано не только способствовать формированию оптимистических настроений в массах, но и вызвать непоколебимое доверие к генеральной линии партии, т. е. выполняло идеологическую и пропагандистскую функцию³⁸.

Тема борьбы с частным капиталом по-прежнему была «на прицеле», но акценты переместились на дискуссию относительно сущности товарно-денежных отношений при социализме. Монография Г. А. Дихтяра³⁹, посвященная советской торговле, начинается с главы, в которой автор полемизирует со своими коллегами, декларирующими отсутствие в СССР товарно-денежных отношений и утверждающими, что товарное производство и социалистическая собственность являются полной противоположностью друг другу⁴⁰.

В вышедшей в 1964 г. монографии Г. Л. Рубинштейна⁴¹ вполне оправданно были расширены хронологические рамки изучаемой проблемы, а границы этапов государственной торговой политики скорректированы. Автор начинает анализ с внутренней торговли накануне, а затем в годы Первой мировой войны, а после – расширяет и верхнюю границу своего исследования, доводя его до 1937 – июня 1941 г., обозначая его как «период борьбы за упрочение и развитие социалистического общества».

По сравнению с предшествующим периодом историографии, шестидесятые годы представляются нам более плодотворным и многообразным историографическим этапом в изучении многоукладной экономики.

³⁶ Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. / Под ред. д-ра экон. наук И. А. Гладкова; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1960. 559 с.; Погорельский В. П. Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР. (1917–1927 гг.) : Учеб. пособие / Ред. канд. ист. наук доц. М. Е. Соловьев ; М-во высш. и сред. образования РСФСР. Моск. ордена Ленина энергет. ин-т. Кафедра истории КПСС. М., 1960. 68 с.

³⁷ Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.) / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1964–1969. 2 т.; Ч. 2: Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. – 1969. 288 с.

³⁸ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2 / П. И. Лященко. М.; Л. : Госполитиздат, 1952. 735 с.

³⁹ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1961. 472 с.

⁴⁰ Малышев И. С. Общественный учет труда и цена при социализме. М., 1960. 365 с.; Соболев В. А. Очерки по вопросам баланса народного хозяйства / Под ред. И. С. Малышева. М., 1960. 228 с.

⁴¹ Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн, д-р экон. наук проф. ; М-во торговли РСФСР. Ленингр. ин-т советской торговли им. Ф. Энгельса. Л., 1964. 396 с.

Пятый этап: 1970 – первая половина 1980-х гг. Можно констатировать, что с «врастанием СССР в коммунизм» и появлением все новых и новых этапов или стадий построения социализма, вновь стал актуальным вопрос об альтернативах развития страны, соответственно, актуализировался исторический опыт нэпа.

На этом историографическом этапе наиболее глубоко торговлю в годы нэпа (1921–1924) проанализировал В. П. Дмитренко⁴². Автор презентует государственную политику предельно широко, рассматривает как идеологический, так и экономический контексты, описывает процесс формирования органов государственного управления в сфере торговли и распределения, анализирует ход партийных дискуссий и эволюцию представлений о роли торговли при социализме. Особо ценными представляются выводы В. П. Дмитренко о характере взаимоотношений торговых предприятий, относящихся к различным хозяйственным укладам. Отметим, что В. П. Дмитренко дал высокую оценку работам своего предшественника – Г. Я. Неймана⁴³.

Накопленный материал, а также юбилейные даты стимулировали издание исследований, которые можно охарактеризовать как переходные к новейшему этапу историографии⁴⁴. Их отличает более разносторонний, взвешенный и аргументированный подход к рассматриваемым проблемам.

В работах В. А. Архипова и Л. Ф. Морозова, при изучении промышленности и торговли, основное внимание уделялось социальным аспектам, которые, однако, рассматривались исключительно сквозь призму классовой борьбы⁴⁵. Соответственно на первый план, по традиции, выходит борьба с частным сектором хозяйства как антиподом социалистического уклада. Работы данного автора написаны на значительном фактическом материале и представляют значительный интерес для исследователей раннесоветского общества. Периодизация В. А. Архипова, основанная на изменении тактических приемов государства по отношению к частному сектору⁴⁶.

На данном этапе значительное внимание уделялось социальным аспектам проблемы, как в рамках изучения раннесоветского общества в целом⁴⁷, так и при рассмотрении торгово-посреднической деятельности в годы нэпа. А. Л. Вайнштейном была продолжена отечественная

⁴² Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу (1921–1924 гг.). М., 1971. 271 с.

⁴³ Там же, С. 18.

⁴⁴ Новая экономическая политика: Разработка и осуществление / Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, Н. В. Щербань. М., 1982. 240 с.

⁴⁵ Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – начало 30-х годов. М., 1978. 263 с.

⁴⁶ Архипов В. А. Политика Советского государства по отношению к частной торговле и промышленности в период нэпа : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Архипов Владимир Андреевич. М., 1982. 395 с.

⁴⁷ Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 30-х годов. / Редкол.: д-р ист. наук В. М. Селунская, чл.-кор. АН СССР Ю. С. Кукушкин, канд. ист. наук А. М. Панфилова и др. М., 1979. 343 с.

традиция в изучении цен и ценообразования⁴⁸, которая если и не продемонстрировала новаторских методологических подходов, то позволила вовлечь в научный оборот новый объем данных.

Изучение столь сложного объекта как торговля, требует использование различных методов, междисциплинарный подход является при этом не дополнительным бонусом, а необходимым условием для объективного исследования.

В этой связи чрезвычайно ценными являются работы экономистов, правоведов, социологов и культурологов. Полагаем, что междисциплинарный подход отчасти предопределен проблемами с методологией исторических исследований. Порой свежий взгляд, новый ракурс исследования инициированы именно обращением к смежным научным дисциплинам.

Точками соприкосновения представителей различных научных дисциплин являются научные категории более высокого порядка. В качестве примера можно рассмотреть такое понятие как «уклад». Значительный вклад в осмысление этой категории внесли этнографы⁴⁹, изучавшие социальные общности, находящиеся на различных уровнях развития в самых разнообразных и удаленных друг от друга точках земли. Экономисты рассматривали уклад в контексте многообразия хозяйственных практик в одном обществе, характеризуя его как многоукладное. В связи с конфронтационным классовым подходом, уклад приобрел политический оттенок, а противопоставление государственного и частного укладов привнесло в исследования деление укладов на «плохие» и «хорошие». В исторических исследованиях эта категория вызывала много дискуссий, особенно в рамках марксистской историографии⁵⁰. Если в этнографии с этим понятием мирились, то в исторических исследованиях оно воспринималось как оппортунистское, которое намеренно затушевывает проблематику изучения классовой борьбы.

Уклад – сложносоставная категория, которая включает в себя в себя не только экономические, но и социальные аспекты проблемы. Он учитывает не только доминирующую форму собственности, но и характер взаимоотношений акторов друг с другом, не только имущественные, но и культурные связи членов сообщества. Уклад предполагает прозрачность, дисперсность его границ, свободный переход субъекта из зоны влияния одного уклада в другую, т. е. открытость и динамичность системы. Таким образом, при использовании

⁴⁸ Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. М., 1972. 190 с.

⁴⁹ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община / Становление классов и государства: Сборник статей / Отв. ред. А. И. Першиц; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1976. С. 7–86.

⁵⁰ Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. 376 с.

укладного подхода необходимо рассмотрение большого информационного массива, относящегося к различным предметным областям.

Этот методологический подход использовался представителями «нового направления» в отечественной исторической науке для анализа проблем социально-экономического развития России дореволюционного периода. В 1972 г. вышел в свет сборник статей исследователей использующих укладный подход, основу которого составили доклады, прозвучавшие на конференции в Уральском государственном университета им. А. М. Горького⁵¹. Поскольку такая трактовка ставила под сомнение классовую чистоту гегемона – пролетариата, это направление было осуждено как идеологически вредное.

Признавая приоритет в разработке данной методологии за «советской историографией», необходимо отметить, что мы не можем принять ее целиком и обойтись без критического анализа. Нам сложно согласиться с тезисом о том, что торговля как вид посреднической деятельности не имеющей непосредственного отношения к производству, должна быть выведена за рамки хозяйственного уклада⁵².

Шестой этап: вторая половина 1980-х гг. На этом историографическом этапе вышли работы авторов, которые издавали свои монографии и в предыдущие годы, но в новых условиях продемонстрировали в той или иной степени иной взгляд на проблематику нэпа⁵³. Можно говорить о своеобразной инерции в историографической традиции, когда окружающая действительность и академические исследования содержательно и идейно находились в различных измерениях или исторических эпохах⁵⁴. При этом есть явные признаки методологического кризиса, торможения исследовательского процесса, который имел под собой как прагматические, экономические основания, так и подспудно осознаваемый идеологический вакуум. Призыв к «перестройке» не мог осуществляться стремительно и одномоментно, а индивидуальные примеры резкой смены идейной траектории не вызывали понимания коллег, поскольку носили ярко выраженный конъюнктурный характер. В качестве примера можно привести дискуссию относительно вышедшей в 1996–1997 гг. работ А. В. Бакунина⁵⁵. К сожалению, автор опубликовал лишь две книги из трех запланированных.

В этой ситуации некоторые исследователи шли по пути накопления фактического материала, с перспективой ввода его в оборот уже с использованием новых методологических

⁵¹ Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. 276 с.

⁵² Теория общественно-экономической формации / Г. А. Багатурия, В. А. Вазюлин, Е. Н. Лысманкин и др.; Отв. ред. В. В. Денисов. М., 1983. 357 с.

⁵³ Селунская В. М. Социальная структура советского общества: История и современность / В. М. Селунская. М., 1987. 286 с.

⁵⁴ Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму : Сб. ст. / АН СССР, Науч. совет «История соц. и ком. строительства в СССР», Ин-т истории СССР; Отв. ред. М. П. Ким. М., 1986. 254 с.

⁵⁵ Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. В 2-х кн. / Кн. 1. Генезис. (1996). Кн. 2. Апогей (1997); Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург, 1996–1997. 256 + 224 с.

подходов. Примечательно, что одними из первых, кто предложил иной, с точки зрения официальной идеологии, не догматический, а диалектический подход к осмыслению опыта прошлого были не историки, а философы. В работе Г. И. Бондарева и А. А. Шкребы поднимался вопрос о социалистической перспективе страны, в том числе с использованием исторического опыта 1920-х гг.⁵⁶

В этот период сложилась уникальная ситуация с доступом к архивным фондам, отчасти продолжавшаяся в начале 1990-х гг. Кризис в архивной отрасли, с одной стороны создал массу организационных проблем, с другой, при наличии определенных связей и настойчивости исследователя, сделал доступными ранее засекреченные документы.

Отметим, что значительных работ, тем более написанных на региональном материале было не так много. В этой связи особую ценность приобретает монография В. М. Куликова, которая посвящена борьбе с капиталистическими элементами на территории Урала⁵⁷. Работа хорошо обеспечена фактическими данными, автор использует широкий круг архивных источников, но порой его выводы противоречат приведенным данным, поскольку идеологически детерминированы. Так, например, автор справедливо отмечает, что среди частных торговых заведений преобладали мелкие, а число крупных торговых предприятий на Урале было меньше, чем по Союзу в целом. В то же время нельзя согласиться со сделанным В. М. Куликовым выводом: «На Урале к началу реконструктивного периода предпосылки для развития наступления на частный торговый капитал были более благоприятными, чем в ряде других регионов страны»⁵⁸.

Можно утверждать, что нэпу в «советской» историографии было уделено достаточно внимания, ему повезло. Спектр проблем мог сужаться или расширяться, при этом само многообразие объекта и предмета исследований предопределяли дискуссионный анализ фактического материала даже в условиях цензуры и жестких идеологических рамок. Уверены, что обращение к богатому историографическому наследию 1920-х гг. будет происходить вновь и вновь, при этом новые исследователи будут находить в нем массу новых смыслов и стимулов для свежих интерпретаций.

На фоне многообразия исследовательских проблем периода нэпа, те из них, которые решались в историографии советского периода, могут показаться весьма ограниченными. Авторы сосредотачивали свое внимание на темах, находящихся в основном в идеологическом, политическом и экономическом спектре. Антагонистический, конфронтационный подход под

⁵⁶ Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества (судьбы социализма) / Г. И. Бондарев, А. А. Шкреба. Свердловск, 1991. 211 с.

⁵⁷ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале, 1925–1932 / В. М. Куликов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 277 с.

⁵⁸ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления... С. 143.

эгидой главного вопроса революции: «Кто кого?», – придавали изучению частного сектора хозяйства определенный динамизм и напряжение, одновременно, упрощая, примитивизируя историческую действительность.

Седьмой этап (1990–2000-е гг.) По своему многообразию и широте охвата тем он, пожалуй, может конкурировать с первым периодом, когда проблема частного капитала рассматривалась как стратегически важная, способная повлиять на перспективы построения социалистического государства. Идеологический и методологический плюрализм, введение в оборот новых источников, повышенный спрос со стороны общественности на подлинное научное знание – эти и многие другие причины актуализировали изучение нэпа. На этом этапе появляются исследования, посвященные различным аспектам нэпа, в том числе и частному предпринимательству. Не претендуя на исчерпывающую полноту анализа, нами выявлены наиболее значимые исследования, которые оказали существенное влияние на наше восприятие проблемы.

Вполне закономерно, что в этих условиях возникла необходимость анализа альтернатив развития, моделирование ситуации при реализации различных сценариев. Такая оптика становится востребованной тогда, когда перед современным обществом возникает проблема выбора и поиска альтернатив развития. Изучение нэпа, к столетнему юбилею которого мы приближаемся, является в этой связи весьма актуальной задачей.

Исследовательские проблемы, которые решаются на современном этапе, связаны с ответами на следующие вопросы: нэп как закономерный и последовательный этап в процессе становления мобилизационной экономики или отступление; каковы были альтернативы нэпу; чем были детерминированы решения властей; их адекватность реальным условиям и, соответственно, причины кризисов нэпа; каким образом происходило конструирование политической и экономической реальности раннесоветского общества при помощи таких инструментов как товарно-денежные отношения и распределение материальных благ (уравнительное или дифференцированное, эгалитарное или элитарное); регионализм и региональная специфика в процессе реализации преобразований.

Исследователи экономической истории сосредотачивают свое внимание на отраслевой структуре хозяйства страны и ее отдельных регионов; на динамике хозяйственной деятельности, экономической конъюнктуре в конкретный исторический период; специфике денежно-кредитной политики; методах планирования; на управленческих практиках, которые в условиях «диктатуры пролетариата» можно было обозначить как «экономические»⁵⁹.

⁵⁹ Орлов И. Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг.: диссертация... доктора исторических наук : 07.00.02. / Орлов Игорь Борисович. М., 2000; Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Сборник / Сост., авт. предисл. и коммент. Э. Б. Корицкий. Л., 1989. 223 с.; Горинов М. М. НЭП: поиск путей развития. М., 1990. 62 с.; НЭП: экономические, политические и

Труды ученых кафедры исторической информатики МГУ демонстрируют потенциал использование математических методов исследования при обработке массовых источников и возможности метода моделирования, позволяющие формулировать гипотезы относительно вариативности исторического процесса. Исследуя частное предпринимательство на материалах Украины, Л. И. Бородкин и М. А. Свищёв при помощи математических моделей распространили сделанные выводы на всю территорию СССР. Авторы утверждают, что при экстраполяции динамики развития частного предпринимательства на перспективу становится очевидным, что реальной угрозы капиталистического перерождения советского строя не существовало⁶⁰, соответственно, угроза частного сектора была преувеличена.

В монографии Л. И. Бородкина рассматриваются как теоретические, так и прикладные аспекты моделирования исторических процессов, основанных, прежде всего, на математических методах. Отдельная глава посвящена методологическим и историографическим аспектам, а затем приводятся конкретно-исторические исследования, в том числе и непосредственно относящиеся к теме нашей диссертации. В частности, рассматриваются марковские модели «жизненного цикла» частных торговых предприятий в годы нэпа⁶¹.

Проблема конструирования советского общества в целом и в рамках отдельных направлений решалась при реализации исследовательского проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования». В монографии, которая вышла в двух частях⁶², рассмотрены теоретические основы социального проектирования (Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев), историография проблемы (О. С. Поршнева), идея коммуны и коммунитарные практики (О. М. Семерикова), пространственное планирование (Т. В. Соловьева), эволюция властных структур (О. В. Горбачев, В. А. Бондарь), культурные практик (Е. В. Барышева, К. Д. Бугров, Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев), роль военного и мобилизационного фактора при реализации советского проекта (И. В. Даренская, О. С. Поршнева), процесс формирования «нового человека» (О. С. Поршнева, А. П. Килин) и в итоге советское общество в социальном измерении в целом (Л. Н. Мазур). Анализ экономики переходного периода (А. П. Килин) позволяет включить историю частного торгового

социокультурные аспекты. М., 2006. 543 с.; Россия нэповская / С. А. Павлюченков и др. М., 2002. 468 с.; Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов / В. Е. Маневич; ответственный редактор академик Л. И. Абалкин. Изд. 2-е. М., 2019. 140 с.

⁶⁰ Бородкин Л. И., Свищёв М. А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.

⁶¹ Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив / Л. И. Бородкин. СПб., 2016. 303 с.

⁶² Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика Екатеринбург, 2018. 468 с.; Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение. Екатеринбург, 2019. 462 с.

предпринимательства в годы нэпа в более широкий хронологический и тематический контекст, выявить закономерности его развития.

Рассмотрение нэпа как органичного этапа формирования бюрократического социализма и мобилизационной экономики является заметным и значимым направлением в новейшей историографии⁶³. Эти проблемы находятся в центре внимания целого ряда исследователей и позволяют акцентировать внимание не столько на новизне нэпа, сколько на тех механизмах, которые способствовали вызреванию хозяйственной системы СССР. Несомненной заслугой этих исследователей является отказ от использования публицистического и тавтологического термина «командно-административная экономика», глубинный анализ механизмов функционирования мобилизационной экономики, в том числе объясняющей результаты ее функционирования в годы Второй Мировой войны. Модель мобилизационной экономики позволяет обосновать необходимость замены торговли распределением для активизации трудовых ресурсов на приоритетных направлениях развития.

Развития финансово-кредитного сектора современной России актуализирует темы связанные с изучением исторического опыта. Выходят в свет исследования, которые посвящены истории денежно-кредитных отношений, поскольку роль кредита в развитии частного торгового предпринимательства была велика⁶⁴.

Рассмотрение частной торговли на региональном материале с необходимостью вовлекает наше исследование в предметную сферу регионалистики. Изучение процесса регионообразования; компаративный анализ процессов социально-экономического развития отдельных регионов; эволюция административно-территориального деления; анализ роли плановых и рыночных начал при освоении и вовлечении в хозяйственный оборот ресурсов территории, в том числе оценка роли частной торговли в этих процессах – эти проблемы являются объектом исследования целого ряда специалистов⁶⁵.

⁶³ Гончаров, Г. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. Челябинск, 2009. 571 с.

⁶⁴ Мехряков, В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России / В. Д. Мехряков. Науч. ред. А. И. Архипова; Рос. АН, Ин-т экономики. М., 1995. 295 с.; Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. М., 1997. 288 с.; Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. М., 2008. 863 с.; Ким К. В. Формирование и развитие акционерного общества «Кредит-бюро» в системе экономической безопасности СССР в 20–30-е годы XX века : монография / К. В. Ким. Волгоград, 2011. 150 с.; Левичева И. Денежные реформы 1922–1924 гг. // Вестник банка России. 1999. 22 декабря. № 79 (423) URL: <http://www.library.fa.ru/files/Levicheva.pdf>

⁶⁵ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб., 1998. 659 с.; Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М., 2000. 368 с.; Михеева Н. Н. Региональная экономика и управление. Хабаровск, 2000. 400 с.; Регионализм в России / В. В. Алексеев; Рос. акад. наук. Ур. отд.-ние. Ин-т истории и археологии. Ур. гуманитар. ин-т. Екатеринбург, 1999. 194 с.; Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / под ред. В. Е. Селиверстова и Д. Юилла. Новосибирск, 2000. 246 с.;

Регионализм в России является одним из приоритетных направлений в исследованиях историков⁶⁶. Такое внимание оправдано асимметричным развитием отдельных регионов России, отраслевой спецификой и своеобразным набором укладов, характерным для различных территорий, институциональными особенностями территориального развития России, которые на протяжении столетий поддавались трансформации и модернизации с большим трудом.

Особое внимание ученых на рубеже веков заслужило издание, которое радикально выбивалось из рамок привычного академического труда, состояла из ряда очерков и явилось неким эквивалентом готовящемуся к публикации, но так и не вышедшего, третьего тома академического труда под заголовком «Урал в период социализма». Поскольку к моменту подготовки рукописи к печати, тема социализма утратила актуальность, была издана работа «Урал в панораме XX века»⁶⁷. В этом исследовании нэп органично вписан в общую логику регионального развития, а его оценка довольно объективна.

Отдельно необходимо выделить работы В. П. Тимошенко, автор которых оказал существенное влияние на направление наших исследований. Фактически он являлся научным руководителем целого ряда наших работ, а его кандидатура научного консультанта рассматривалась при написании данного диссертационного исследования. В центре внимания В. П. Тимошенко находились внешнеэкономические связи Уральского региона и, соответственно, внешняя торговля и разнообразные формы взаимодействия с иностранным капиталом⁶⁸. Идея рассматривать социально-экономическое развитие Уральского региона с использованием метода моделирования также принадлежит ему⁶⁹.

Укладный подход в рамках данного историографического этапа вновь стал востребован. Его используют историки и экономисты для анализа современных моделей хозяйствования и

Штульберг Б. М., Введенский В. Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. М., 2000. 206 с.; Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг. : идеи, практика, результаты / Институт российской истории Российской академии наук. М., 2020. 480 с.

⁶⁶ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века/ В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. М., 2004. 600 с.; Зубков К. И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е –1920-е годы) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С.76–92; Благодатских В. Г. Исторический опыт управления региональным развитием, 1917–1993 гг.: На материалах Урала : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Благодатских Владимир Гурьянович. Екатеринбург, 2001. 377 с.

⁶⁷ Урал в панораме XX века. / Гл. ред.: В. В. Алексеев]; Рос. акад. наук. Ур. отд.-ние. Ин-т истории и археологии, Акад. воен.-ист. наук. Ур. отд.-ние. Екатеринбург : СВ-96, 2000. 495 с.

⁶⁸ Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях. 1917–1941 гг. Свердловск, 1991. 148 с.

⁶⁹ Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95; Он же. Формирование советской модели внешнеэкономической политики. // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 84–93.

многоукладной экономики нэпа. Для выявления региональной специфики, на материалах Нижнего Поволжья, Этот подход активно используется в исследованиях С. В. Виноградова⁷⁰.

Значительный теоретический вклад в разработку этой темы внесла З. В. Рыбина⁷¹. Ее внимание сосредоточено на экономических критериях, позволяющих выделить хозяйственные уклады как в прошлом, так и при анализе современного состояния российского общества. При этом социальная составляющая определяется ею на основе обновленного классового подхода. «Модернизация классового подхода на базе общественно-экономического уклада открывает новые перспективы для исследования современного социума и управления его развитием», – пишет она⁷².

На современном этапе активно развивается социальная история. Л. Н. Мазур отмечает: «Необходимо учесть один важный момент: историческое исследование имеет свою логику и разворачивается в определенной последовательности: от описания события (реконструкции) к его теоретическому осмыслению и далее – к исследованию антропологических аспектов изучаемого явления, т. е. фактов несобытийной истории (повседневность, ментальность, мифология и проч.)»⁷³. Подобный подход весьма характерен для современных исследований.

Очевидна эволюция взглядов на частных предпринимателей. В 1990–2000-е гг. их рассматривали исключительно как жертв режима или как носителей предпринимательских традиций, которые необходимо возрождать в современной России, то со временем, по мере введения в оборот новых источников и погружения в тему, картина стала приобретать дополнительные оттенки. Черно-белую гамму сменила яркая палитра разнообразия, противоречивости и непоследовательности процесса: государственная политика перемежала наступление и отступление на частника; частный и обобществленный сектор выступали не только как антиподы, но и дополняли друг друга в системе многоукладной экономики; легальные и криминальные торговые практики тесно переплетались друг с другом; интересы частника и представителей региональных органов власти были построены не только на противопоставлении, но и на консолидации усилий при решении проблем снабжения.

Дискриминация и маргинализация частнопредпринимательских слоев в условиях советского общества вырабатывали пренебрежительное отношение к «изгоям». Внимание к этим темам актуализировалось в последнее время, когда в противовес «основным» классам –

⁷⁰ Виноградов С. В. НЭП – опыт создания многоукладной экономики. М., 1996. 122 с.; Он же. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа. 1921–1927 гг. : дисс.... докт. ист. наук. 07.00.02. / Виноградов Сергей Вадимович. Астрахань, 1998. 486 с.

⁷¹ Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 39–44; Она же. Многоукладность экономики в контексте исторического развития. М., 2015. 239 с.; Она же. Концепция общественно-экономического уклада : монография / З. В. Рыбина. – 2-е издание, стереотипное. М.; Берлин, 2017. 206 с.

⁷² Там же, С. 59.

⁷³ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. С. 12.

рабочим и крестьянам, на авансцену были выдвинуты локальные, а порой и маргинальные социальные группы (торговцы, «спецы», «лишенцы», спецпоселенцы и т. п.). Значительная часть литературы, вышедшей в свет в 1990–2000-е гг., посвящена социальной мобильности в раннесоветском обществе, включенности (или исключенности) отдельных групп в социальную структуру общества (С. А. Красильников, С. В. Шейхетов, Д. Д. Миненков, А. И. Савин, Л. И. Сосковец, А. А. Шадт). Оценка этих процессов могла меняться на диаметрально противоположную, в рамках «советской» и «постсоветской» историографии. При этом общий недостаток сводился к тому, что авторы идеализировали «своих» и демонизировали «чужих» (кооператор / нэпман, бедняк / «кулак», рабочий / «спец» и т. п.). Существенную роль в формировании гипертрофированных образов антагонистов сыграли не только исторические исследования, но и произведения изобразительного искусства, художественной литературы и кинематографа. Как отмечает Т. М. Смирнова: «Ими был создан в значительной степени клишированный, гротесковый образ “бывших хозяев жизни” – “буржуинов”, на которых, по образному выражению М. Горького, “классовый признак” наносился на лицо, “словно бородавка”»⁷⁴. Внимание к маргинальным слоям населения, каким бы причинами это исключение не вызывалось, также весьма симптоматично. Проблемой «исключительности исключенных» занимаются многие исследователи, по этой причине частные торговцы, привлекают их внимание⁷⁵.

Частные предприниматели зачастую могут быть нами изучены на основе материалов правоохранительных органов, поскольку в сводках ОГПУ уделяется внимание потенциальным недругам советской власти, к которым относились и торговцы. Рассмотрению отдельных направлений функционирования ОГПУ, в частности, борьбе с коррупцией, посвящена монография А. Ю. Епихина и О. Б. Мозохина⁷⁶. Изучение фактов коррупции позволяет рассмотреть «точки соприкосновения» частных предпринимателей и чиновников, ответить на вопрос – в чем проявлялась общность их интересов⁷⁷.

⁷⁴ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества : 1917–1936 гг. : автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Смирнова Татьяна Михайловна. М., 2010. С. 9.

⁷⁵ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. Рос. Акад. наук, Ин-т Российской истории. М., 2003. 296 с.; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, М. С. Саламатова и др.; отв. ред. д-р ист. наук С. А. Красильников; Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и др. 2-е изд. М., 2017. 598 с.

⁷⁶ Епихин, А. Ю., Мозохин, О. Б. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928) : Монография. М., 2007. 528 с.

⁷⁷ Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа : монография / И. Б. Орлов, Г. М. Маркосян. М., 2011. 199 с.

Личные дела граждан, возбудивших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, постоянно привлекают внимание исследователей. Так работа Е. В. Байды⁷⁸ была написана на уральском материале, а коллективная монография В. И. Тихонова, В. С. Тяжелниковой и И. Ф. Юшина – на московском⁷⁹. На основе этого источникового массива было защищено большое количество диссертаций, в которых содержится более или менее подробный источниковедческий анализ личных дел. Такие авторы, как Д. В. Валуев⁸⁰, Н. М. Морозова⁸¹, М. С. Саламатова⁸², В. И. Тихонов⁸³ по-разному подходят к описанию структуры источника, предлагают собственные принципы классификации документов, входящих в личное дело, с различных позиций оценивают степень их полноты и достоверности.

Особый интерес вызывает диссертационное исследование Е. В. Карпычевой⁸⁴, в котором автор сосредоточил свое внимание собственно на источниковедческом анализе личного дела «лишенца». Отдельный параграф работы посвящен анализу заявления гражданина и оценке его информационного потенциала⁸⁵. Е. В. Карпычева не ставила перед собой цель рассмотреть автобиографические данные в качестве самостоятельного объекта исследования, но в работе подняты проблемы достоверности и полноты содержащейся в них информации. Отметим, что, говоря о достоверности источника, автор рассматривает и проблему достоверности сведений, содержащихся в документах, и вопрос подлинности самих документов. Последнее должно являться предметом самостоятельного анализа.

Образ частных предпринимателей периода нэпа позволяют воссоздать материалы Кредит-бюро, деятельность которого привлекает внимание исследователей. Материалы кредитного бюро по Уральскому региону, относящиеся к деятельности частных предпринимателей,

⁷⁸ Байда Е. В. Социальный портрет лишённого избирательных прав за занятие торговлей. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 86–95.

⁷⁹ Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999. 255 с.

⁸⁰ Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР) : дисс... канд. ист. наук. / Валуев Демьян Валерьевич. Брянск, 2003. 275 с.; Он же. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : на материалах Смоленской губернии и Западной области / Демьян Валуев. Смоленск, 2012. 155 с.

⁸¹ Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: дисс... канд. ист. наук. / Морозова Наталья Михайловна. Саранск, 2005. 233 с.

⁸² Саламатова М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х –1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дисс... канд. ист. наук. / Саламатова Марина Сергеевна. Новосибирск, 2002. 292 с.

⁸³ Тихонов В. И. Личные дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах в 1920-1930 гг., как исторический источник: Опыт компьютерного моделирования комплекса массовых материалов: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Тихонов Владимир Иванович. М., 1996. 22 с.

⁸⁴ Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование: 1918–1936 гг.: дисс... канд. ист. наук. / Карпычева Елена Вячеславовна. М., 2009. 295 с.

⁸⁵ Там же, С. 99–101.

впервые были изучены Р. А. Хазиевым⁸⁶. Им было обработано 413 досье на частных предпринимателей, 450 документов, освещающие их деятельность, опубликовано. Сборник документов предваряется развернутой вступительной статьей, в которой рассматривается как общий фон, на котором разворачивалась деятельность частных предпринимателей на Урале, так и некоторые итоги обработки досье торговцев (возрастной состав, вид и характер торговли, систематизация оценочных суждений экспертов в отношении предпринимателей, позволяющих косвенным образом судить об «идеологическом настрое» и т. д.). Сами документы по-своему уникальны, так как позволяют дополнить представления о предпринимательской деятельности времен нэпа, детально рассмотреть личность торговца. Данные о предпринимателях, как следует из сборника документов, были представлены как в строго формализованном виде (анкета), так и в качестве аналитических записок, содержащих характеристику предприятия; порой они сводились лишь к заключению «достоин» или «не достоин» предприниматель ссуды.

В работе Е. В. Демчик, наряду с анализом различных аспектов деятельности частных предпринимателей, рассматривается проблема кредитования, в этой связи упоминается создание Сибирского кредитного бюро⁸⁷.

Полагаем, что в современных условиях деление историографии на отечественную и зарубежную (как и деление на уральских и сибирских историков) непродуктивно, поскольку в этом случае на первое место выдвигается скорее географический, чем концептуальный признак. Интеграционные процессы превращают барьерные границы в контактные, формируют исследовательские ареалы, в пределах которых совместными усилиями достигается качественный результат.

Благодаря работам Ш. Фицпатрик мы имеем возможность рассмотреть социальную структуру нового строя во всем его многообразии, взаимозависимости и противоречивости отдельных социальных групп⁸⁸. Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе⁸⁹.

Фундаментальной работой является монография Г. Алексопулос⁹⁰, посвященной «лишенцам», автор на основании значительного информационного массива рассматривает не только процедуры лишения и восстановления в избирательных правах, не только приводит

⁸⁶ «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. / Сост., статья, предисл. и примеч. Р. А. Хазиев. Уфа, 2003. 312 с.

⁸⁷ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. С. 142–143.

⁸⁸ Фицпатрик Ш. Русская революция. / пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2018. 320 с.; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. 375 с.

⁸⁹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 9.

⁹⁰ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 243 p.

статистические данные, но и активно обращается к прямой речи самих «лишенцев», которая содержится в их заявлениях. Автор проанализировал 500 личных дел из 100000, хранящихся в фондах Центральной избирательной комиссии ВЦИК в г. Ялуторовск и охватывающие период 1923–1937 гг. Большинство заявлений составлены в период 1928–1931 гг. и их авторы в основной своей массе были восстановлены в правах⁹¹. Такой оптимистичный результат не является типичным и обусловлен тем, что дела, по которым было вынесено положительное решение оставались в фондах комиссии, напротив, те дела, по которым было вынесено отрицательное решение или были затребованы дополнительные данные, передавались по месту проживания заявителя.

Фактографический материал, содержащих прямую речь «лишенцев» (подавляющее большинство из которых составляли торговцы), позволил автору сделать ряд выводов относительно взаимовлияния государства и общества в процессах лишения и восстановления в избирательных правах. Автор полагает, что это влияние не было односторонним, а представляло собой сложное переплетение сил и интересов, которые формировали как новую публичную власть, так и новое общество.

На широком источниковом материале и в развернутых хронологических рамках анализирует государственное регулирование внутренней торговли в СССР Е. Д. Твердюкова⁹². Отдельные параграфы ее монографии посвящены нэповскому десятилетию. В центре внимания автора криминальные практики, которые использовались в торговле, в различных ее секторах и регионах страны. Изучение собранного автором материала, стимулирует читателя к построению ряда гипотез, позволяющих не только выявить, но и обосновать определенные закономерности в развитии советской торговли, объяснить устойчивость криминальных практик. Анализ нормативно-правовых актов, как специфического вида исторических источников, ставит перед исследователем проблему оценку эффективности правоприменительных практик и экономических последствий принятых управленческих решений.

Приоритет в изучении частных предпринимателей как подлинных акторов исторического процесса принадлежит зарубежным коллегам. Работа А. Балла непосредственно посвящена «последним русским капиталистам». На момент написания работы в 1990 г. это уже было не совсем верное определение, поскольку появление «новых русских» лишало нэпманов 1920-х гг. статуса «последних»⁹³. О развернувшемся кооперативном движении в СССР в 1990-е гг. автор пишет в предисловии к своей монографии. А. Балл сосредоточил внимание на

⁹¹ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 98–99.

⁹² Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 326 с.

⁹³ Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley: University of California Press, 1990. 226 p.

классических хронологических рамках нэпа 1921–1929 гг. и рассмотрел характер и масштабы деятельности частных предпринимателей, источники их снабжения (товары и сырье), а также те последствия, которые влекли за собой многочисленные изменения в официальной политике по отношению к частнику. В заключительной главе автор рассматривает судьбу нэпманов и оценивает их значение в советской экономике как весьма значительное, поскольку несовершенство распределительной системы и дефекты социалистического производства необходимо было микшировать.

Истории «мешочничества» посвящены монографии А. Ю. Давыдова⁹⁴. Мешочники – своего рода предшественники нэпманов, а мешочничество – источник первоначального накопления капиталов для легальной частной торговли 1920-х гг.

Мешочничество является важной составной частью в изучении торгового посредничества в раннесоветском обществе, которое в работе автора представляется вездесущей и всепроникающей силой, позволявшей решить проблемы, вызванные дефектами государственной распределительной системы. Впоследствии автор вышел на более высокий уровень обобщения, расширил хронологические рамки своих исследований. Его монографии посвящены периоду военного коммунизма⁹⁵ и нэпу, в которых он по традиции обращается к проблеме частных предпринимателей⁹⁶.

Монография Д. Хесслер посвящена торговле в советском обществе, ее роли в разрешении продовольственных кризисов, созданных, по мнению автора, усилиями самого государства⁹⁷. Подход отечественных историков контрастирует с периодизацией, предложенной в работе Д. Хесслер. В центре ее внимания находятся розничная торговля и обеспечение населения товарами повседневного спроса, а также процесс формирования советской модели распределения в целом, а ее вариант периодизации строится на модели «от кризиса к кризису» (как антитеза принципу «от победы к победе»). Автор выделяет несколько кризисов, которые переживала страна в первые годы советской власти и концентрирует внимание именно на этих болевых точках. Д. Хесслер показала, что дефицит был не просто характерной чертой советской экономики, но ее основным организующим принципом. Дефицит, очереди и другие черты сектора потребительских товаров вызвали в государстве и потребителях поведенческие паттерны, которые со временем объединились в уникальную советскую «культуру обмена».

⁹⁴ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. 341 с.; Он же. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. / А. Ю. Давыдов. СПб., 2007. 396 с.

⁹⁵ Давыдов А. Ю. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. – начало 1921 г / А. Ю. Давыдов. СПб., 2020. 192 с.

⁹⁶ Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика : власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). СПб., 2021. 317 с.

⁹⁷ Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press. 2004. 366 p.

Еще один аспект историографии проблемы представляется нам актуальным – соотношение элитарности и эгалитарности в рамках раннесоветского социального проекта. Эта проблема имеет особое значение, поскольку детерминирует уравнилельное или иерархическое распределение материальных благ, делает необходимой или, напротив, абсолютно излишней торговлю как вид посреднической деятельности.

Эта проблематика находится в центре внимания Е. А. Осокиной⁹⁸, которая интегрирует достижения отечественной и зарубежной историографии. В одной из работ Е. А. Осокина обратилась к периоду 1927–1941 гг.⁹⁹ Гармоничное сочетание теоретического и фактологического материала, авторский стиль изложения делают эти монографии по ряду параметров образцом для презентации исторического материала. Вопреки представлению о раннесоветском обществе как системе построенной на индустриальной идее и производственных отношениях Е. А. Осокина демонстрирует, что оно было организовано вокруг идеи потребления, которая в условиях тотального дефицита позволяла формировать особые социальные группы, консолидирующиеся вокруг специфической системы распределения, методов нормирования, привилегий и возможностей. «Иерархия потребления» вызывает ассоциации с архаичной, но эффективной для своего времени, системой патрон-клиентских отношений. Автор предлагает дробную периодизацию, основой которой служит политика властей в создании, а затем преодолении кризисных ситуаций в сфере снабжения, когда периоды административного давления сменялись относительной свободой и либерализацией. «Свободу» торговли не следует переоценивать, по мнению ряда исследователей, поскольку политика государства была полна противоречий, а разрешительные правовые нормы с лихвой компенсировались запрещающими.

В монографии Марджори Л. Хилтон рассматривается несколько взаимосвязанных тем, в весьма оригинальной интерпретации. Во-первых, проблемы самопрезентации государства (царского и советского) через различные формы организации массового потребительского рынка при достижении своих политических целей. Во-вторых, роль торговли в рамках модернизационных процессов, в частности, в рамках урбанизации, и ее значение при формировании городских сообществ. В третьих, анализирует воспитательную роль торговли, призванной облагородить поведение подданных, а затем и граждан страны, привить им образцы цивилизованного потребительского поведения¹⁰⁰. Нам импонирует тот факт, что исследование

⁹⁸ Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. / Е. А. Осокина. М., 1993. 144 с.; Она же. Золото для индустриализации: Торгсин. М, 2009. 589 с.; Она же. Алхимия советской индустриализации : время Торгсина. М., 2019. 341 с.

⁹⁹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. 251 с.

¹⁰⁰ Hilton M. L. Selling to the masses : retailing in Russia, 1880–1930 / Marjorie L. Hilton. – Pittsburgh, Pa. : University of Pittsburgh Press, 2012. 339 p.

М. Хилтон базируется на материалах как позднеимперского периода, так и раннесоветского общества. Она рассматривает весь период 1880–1930 гг. как один непрерывный этап социально-экономических и культурных преобразований, примером которых являются повторяющиеся попытки революционизировать розничный сектор и его культуру. Структура советской розничной экономики и особенности ее культуры, по ее мнению, были обусловлены как характером розничной торговли до 1917 г. и попыткой ее модернизации в эпоху нэпа, так и проводимой государством кампанией по развитию культурной торговли в 1930-е гг.¹⁰¹

В своих исследованиях мы также обращаемся к опыту дореволюционной торговли, поскольку полагаем, что торговые практики являются относительно устойчивыми, даже консервативными элементами хозяйственной системы.

Несмотря на то, что монография Э. Рэндалл посвящена розничной торговле и потреблению в СССР в годы первых пятилеток и выходит за пределы хронологических рамок нэпа, она дает представление о процессах трансформации «советской торговли»¹⁰². Э. Рэндалл интерпретировала сталинскую политику за культурную, социалистическую розничную сеть как кампанию, сравнимую с индустриализацией и коллективизацией, которая мобилизовала и вовлекала население, особенно женщин в социалистическое строительство, пусть и при помощи модных магазинов и предметов роскоши. Автор рассматривает различные аспекты реализации кампании по формированию новой, «советской торговли», изменение политики партии в отношении распределения. Не выделяя специфические периоды, автор противопоставляет торговые и распределительные практики 1920-х и 1930-х гг., обращается к проблеме изменения политики государства, выражающейся в отказе от эгалитарного потребления и переходе к дифференцированной, стимулирующей его разновидности. В ее работе рассматриваются новые стандарты потребления, анализируется стахановское движение в советской торговле, а также процедуры контроля, которые использовались в практике розничной торговли, автор делает акцент на гендерной проблематике.

Проблемы частного предпринимательства в торговле, а также централизованное и децентрализованное снабжение населения стали предметом написания ряда диссертационных исследований¹⁰³.

Особую ценность приобретают работы, написанные на региональном материале, поскольку демонстрируют многообразие торгово-посреднических практик, обусловленных

¹⁰¹ Hilton M. L. *Selling to the masses : retailing in Russia, 1880–1930*. P. 5.

¹⁰² Randall A. *The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s*. Basingstoke, UK and New York : Palgrave Macmillan, 2008. 251 p.

¹⁰³ Данильченко С. Л. *Партийно-государственное руководство внутренней торговлей и социальным снабжением в Советской России в годы НЭПа : 1921–1929 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Данильченко Сергей Леонидович. М., 2009. 366 с.; Лебедева Д. В. *Частное предпринимательство на Дальнем Востоке России в годы новой экономической политики : 1921–1930 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Лебедева Дарина Валерьевна. Хабаровск, 2010. 26 с.**

спецификой местных условий. Значительный вклад в изучение частного предпринимательства в региональном аспекте внесла Е. В. Демчик¹⁰⁴. Эти работы задали определенное направление региональным исследованиям, они созвучны тем оценкам, которые применялись для изучения частной торговли на сопредельных территориях. Автор настаивает на тезисе о насильственном характере вытеснения частного капитала из торгового оборота с использованием государством административных и внеэкономических методов. Анализируя эволюцию частного предпринимательства, Е. В. Демчик выделяет три этапа, которые соответствуют жизненному циклу любой системы. Каждый из этапов рассматривается на материалах Сибири, включенных в общесоюзный контекст.

В статьях С. В. Шейхетова также рассматривается деятельность частных предпринимателей в Сибири¹⁰⁵. Приведенные им данные живописно иллюстрируют многообразие и противоречивость положения этой социальной группы.

Роль частного сектора в развитие аграрного сектора в Сибири находится в центре внимания В. А. Ильиных¹⁰⁶. Значимость хлебного рынка высоко оценивалась руководством страны. Он служил индикатором возможностей и ограничений государственных регулятивных мер в отношении частной торговли. По этой причине кризис в сфере хлебозаготовок в конце 1920-х гг. спровоцировал решительное наступление на частника, привел к его форсированной ликвидации. Помимо хлебного рынка, в исследованиях В. А. Ильиных уделялось внимание отдельным рыночным сегментам, классификация которых основана на товарной специализации (масло, мясо, птица, кустарно-ремесленная продукция и т. п.).

Изучение торговли на Урале не являлось доминирующим направлением в современной историографии, большее внимание уделялось дореволюционному периоду, в частности ярмарочной торговле¹⁰⁷.

Торгово-посредническую деятельность при рассмотрении практик адаптации и различных способов выживания уральцев анализирует И. В. Нарский¹⁰⁸. В его работе на обширном источниковом материале показан перманентный кризис, который были вынуждены проживать и преодолевать граждане страны, в борьбе за более или менее сносное существование.

¹⁰⁴ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации : монография. Барнаул, 1998. 302 с.

¹⁰⁵ Шейхетов С. В. Нэпманы // Маргиналы в социуме, маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). изд. 2-е. Новосибирск, 2007. С. 99–164.

¹⁰⁶ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте : Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг. Новосибирск, 1992. 222 с.; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПА, (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. 282 с.

¹⁰⁷ Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. № 5 (542). С. 179–220; Он же. Ирбитская ярмарка (1801—1917). Екатеринбург, 2004. 192 с.

¹⁰⁸ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.

Изучению частого предпринимательства в годы нэпа посвящены работы Р. А. Хазиева¹⁰⁹. Автор рассматривает деятельность частных предпринимателей, в том числе в торговой сфере, а также кредитно-финансовые отношения на материалах Башкирии. К отличительным чертам, по мнению автора, относится рыночная направленность экономики региона, которая проявлялась даже в период военного коммунизма.

Историография нэпа обширна, как по охвату тем, так и по глубине погружения, однако торговля как таковая и частная торговля как самостоятельный объект исследования существенно уступают по количественным и качественным параметрам исследованиям, посвященным нэпу и раннесоветскому обществу в целом.

Следуя шаблону историографического анализа, в заключении нам следует сделать вывод о том, что обобщающие работы, посвященные теме нашего исследования – отсутствуют. Вывод более чем очевидный, поскольку автор, выбирая тему исследования, ориентируется не только на собственные интересы, но и на наличие или отсутствие соответствующих работ по данной теме. Даже если предположить, что подобная работа, т. е. рассматривающая частнопредпринимательский уклад в частной торговле Урала в годы нэпа была написана в предшествующие годы, уверен, что авторская точка зрения, позиция и интерпретация существенно отличалась бы в последующем исследовании.

1.2. Источники исследования

Изучение конкретного объекта в уникальной исторической ситуации предполагает выявление и анализ специфического набора исторических источников. Особенности источниковедческого комплекса обусловлены как объектом, так и эпохой, соответствующим уровнем технологического, экономического и политического развития изучаемого периода, тем этапом информационного развития общества на котором находится сам исследователь.

Специфика изучения новейшей истории России связана с одной стороны с наличием массовых источников, с большим количеством данных обработка которых возможна лишь с использованием количественных методов, с другой, идеологический детерминизм значительной части источников, в том числе статистических, требуют от исследователя особых методов их верификации, проверки на полноту и достоверность.

Изучение частнопредпринимательского уклада в региональной экономики предполагает использование широкого круга источников, различных по своему назначению, форме

¹⁰⁹ Хазиев Р. А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. Уфа, 2000. 184 с.; «Последние из могикиан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003. 312 с.; Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов. Монография. Уфа, 2005. 224 с.; Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах : хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007. 229 с.; Хазиев Р. А. Нелегальное предпринимательство и частная торговля на Урале в 1917–1921 годы. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1 (62). С. 25–35.

представления и происхождению. В качестве особенности необходимо учитывать то обстоятельство, что изучение частного капитала в «советский» период происходило в контексте его противопоставления социалистическому сектору хозяйства, соответственно наиболее значительный информационный массив был сформирован и оставлен антагонистами частных предпринимателей. Частный предпринимательский уклад отражен в зеркале, которое использовалось активными и деятельным борцами с этим укладом, соответственно специфическим образом были расставлены акценты, а описание негативных черт превалирует над анализом позитивных. В этой ситуации сложно говорить об объективности и полноте этих данных. Карикатуры на нэпманов могут являться наиболее наглядным примером этого тезиса.

Частные торговые предприниматели, разумеется, не были невидимками, но исторический след, который оставили непосредственно они, намного меньше и порой его необходимо разглядеть в массиве официальных данных.

Дефицит данных о частном капитале предопределен и объективными причинами, поскольку действуя в серой, полуполюгальной зоне, предприниматели не были заинтересованы в документировании своих торговых практик, либо предоставляли фальсифицированные данные, в том числе с целью избежать или минимизировать налогообложение. Таким образом, на фоне значительного массива исторических источников раннесоветского общества, можно констатировать дефицит данных о торговых практиках в частном секторе хозяйства. По этой причине «прямая речь» частных торговцев, содержащаяся в документах, представляется нам чрезвычайно ценной.

Источниковая база исследования представлена различными письменными источниками, систематизация которых основана на видовом принципе.

Нормативно-правовые акты позволяют проанализировать правовые основы функционирования частнопредпринимательского уклада и методов государственного регулирования, правовой статус акторов и механизмы социального конструирования в раннесоветском обществе.

В качестве базовых источников нами рассматривались: Конституции РСФСР и СССР, Инструкции по выборам в Советы, нормативно правовые акты, относящиеся к отраслям гражданского, финансового, административного и уголовного права.

Учитывая однопартийную политическую систему, которая сложилась в раннесоветском обществе, к актовым источникам относим резолюции и постановления конференций и съездов РКП (б) и ВКП (б). Контролируя все ветви власти, партийная система предполагала трансляцию директив ЦК через членов партии практически на все общество, а решения, принятые на партийных съездах, затем оформлялись советскими органами. Партия формально относилась к общественным организациям, однако ее роль в жизни общества была чрезвычайно велика. По

сути, партийные органы дублировали деятельность всех систем управления, доминировали над любыми другими государственными структурами на всех уровнях власти, своими решениями дезавуировали ряд положений Конституции, например, принцип федерализма.

Декреты ВЦИК и СНК, законодательство и подзаконные акты, принятые органами советской власти¹¹⁰. В силу специфики правовой системы, не предусматривающей четкого разделения ветвей власти, сочетающей в себе как нормы нового, советского, так и старого дореволюционного законодательства – эти документы отличает своеобразие, которое является предметом специальных исследований¹¹¹. Отметим, что законодательство этого периода отличает особый динамизм и изменчивость, в связи с переходом от военного коммунизма к нэпу, оно адаптировалось к новым для него условиям, при этом заимствуя значительное число норм и новелл из дореволюционного хозяйственного права, изменяя его по мере сил и возможностей. В качестве примера можно назвать систему налогового законодательства в отношении частного предпринимательства, в частности систему патентного и уравнительных сборов. Отметим, что относительно краткий период существования частной собственности на легальной основе не привел к завершению процесса формирования более или менее полной правовой основы, обеспечивающей его функционирование.

Статистика традиционно является источником информации при написании исторических исследований¹¹². Если исчерпывающий анализ движения товаров на территории Урала в дореволюционный период сталкивался с дефицитом информации, то еще большие проблемы возникают с описанием товаропотока непосредственно после октября 1917 г. и тем более в годы военного коммунизма.

Еще один статистический источник, самый основательный, но обычно отстающий от жизни – это материалы переписей, время от времени проводимых статистическими органами по заданиям ЦСУ. Все эти материалы отражают многообразные торговые отношения с определенных сторон и не дают исчерпывающего представления о товарообороте, торговых связях и их динамике.

Данные транспортной статистики позволяют получить масштабное представление о товарообменных операциях Урала. Но они тоже не являются исчерпывающими. Наиболее полные сведения имеются по Пермской железной дороге, как наиболее крупной транспортной артерии Урала. Однако, помимо нее, существовали еще четыре железные дороги, по которым

¹¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции.

¹¹¹ Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015. 236 с.

¹¹² ГАСО. Ф. Р-1813 – Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета Российской Федерации по статистике г. Екатеринбург; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. : краткий статистический справочник / РСФСР, Урал. обл. стат. упр. ; авт. предисл. М. Мудрик. Свердловск, 1928. 571 с.; Уральское хозяйство в цифрах, 1930 : краткий статистический справочник. Вып. 6 : Районы. Свердловск, 1930. 826 с.; Труд на Урале в 1926–27 г. : статистический справочник. Свердловск, 1928. 210 с.

имеются лишь фрагментарные сведения. Еще больше проблем возникает при учете грузопотоков, направляемых по рекам. Сплав леса, например, в 1920-е гг. можно было оценить только приблизительно.

Периодические издания, публицистические и научно-популярные издания традиционно входят в круг источников, к которым обращается исследователь¹¹³. На страницах газет, в частности «Уральском рабочем», размещались нормативно-правовые акты, решение партийных, профсоюзных и иных общественных организаций, рубрика «Из зала суда» традиционно являлась излюбленной у широких масс. Как уже отмечалось сопоставление опубликованных и неопубликованных материалов позволяет выявить приоритеты властей, методы пропаганды, которые использовались. Журнал «Крокодил» позволяет воссоздать образ нэпмана, каким его хотели представить власти.

Значительный информационный массив формировался на региональном уровне и явился результатом сбора данных в рамках отчетных мероприятий. Частнопредпринимательский уклад в торговле Урала рассматривался в работах хозяйственников-практиков, опубликованных в региональных изданиях экономической направленности (в частности, в журнале «Хозяйство Урала»). Сложность классификации этих сочинений заключается в том, что они могут рассматриваться в качестве литературы, так и в качестве вторичных исторических источников, поскольку содержат не только субъективные интерпретации, но и значительный фактический материал, собранный в результате практической деятельности авторов¹¹⁴.

Эти вторичные источники (публикации руководителей и специалистов органов власти и управления, экспертов, современников описываемых ими событий) составляют значительный информационный массив. На страницах специализированных журналов публиковались материалы, подготовленные управленцами, которые в ходе своей работы собирали и

¹¹³ Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства, 1929; Торгово-промышленный Урал, 1926; Уральский рабочий, 1924–1929; Уральский торгово-промышленный справочник, 1924; Хозяйство Урала, 1925–1933; Плановое хозяйство, 1928; Крокодил, 1922–1924.

¹¹⁴ А. Л. М. ОВК // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С. 102–107; Антонов Д. Уральский торговый аппарат // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 35; И. Р. Госбанк и коммерческий кредит: (В порядке дискуссии) // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 140; Иков В. О рынках сбыта продукции Уральской промышленности. // Хозяйство Урала. 1927. № 6. С. 139; Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924/25 году // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 351–362; Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 15–34; Коробкин М. Урал и его значение в экспортном хозяйстве СССР. // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 311–319; Мамиконов А. Л. Кредит на Урале в 1925–1926 гг. // Весь промышленный и торговый Урал, 1927. С. 35; М-ов [Мамиконов] А. Развитие банковского кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 8. С. 93; Налетов Н. Частный банк на Урале (ОВК) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 135; Нефедов И. Как регулируется торговля на Урале // Хозяйство Урала. 1924. № 21. С. 28; Перетц Б. Размеры частной торговли // Торговый бюллетень Уралвнуторга и Уралстатбюро. 1926. № 26 (121). С. 5; Попов Я. Вопросы кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 1. С. 103–108; Рожанский А. Частный капитал в Курганском округе // Хозяйство Урала. 1927. № 2–3. С. 209; Сигов С. Сбыт продукции крупной промышленности Урала // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 307; Синдикаты и государственная торговля: (по материалам Промышленной Инспекции). М., 1923. 151 с; Фармаковский С. П. Перспективы районирования спроса и предложения черного металла. // Хозяйство Урала. 1927. № 10. С. 85–89; Эвенчик Б. Проблемы торгового капитала на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 2. С. 47–62; Я. К. 4-ая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 172–177.

анализировали данные в пределах своей компетенции. Высокая информативность этих источников позволяет активно использовать их при анализе частнопредпринимательского уклада. Существует возможность их верификации, поскольку первичные статистические и аналитические материалы сохранились в фондах тех учреждений, в которых работали авторы статей. При сопоставлении первичных и вторичных источников очевидны следы авторской правки, поскольку в рукописных оригиналах, не предназначенных для широкого доступа, описание в меньшей мере подвергается идеологическим корректировкам, напротив, в опубликованных статьях некоторые данные обобщены, резкие оценки сглажены. Существует и способ умолчания в случае, когда, по мнению авторов или редакторов, факты могли нанести вред репутации советских или партийных органов. Отметим достаточно высокий образовательный уровень авторов публикаций, о чем свидетельствует как стиль, так и логика изложения.

Страницы периодических изданий в 1920-е гг. были полем для столкновения различных точек зрения. Учитывая насыщенность интеллектуальной жизни в 1920-е гг. и идеологическую борьбу, которая разгоралась не только на партийных съездах, но и в широких массах, мы посчитали целесообразным выделить в отдельную группу источников тексты, написанные теоретиками и идеологами как коммунистического движения, так и их оппонентами. Полагаем, что в переломные и критические периоды истории роль личности непропорционально и резко возрастает, как следствие, взгляды и суждения отдельного человека, подкрепленные соответствующими институтами, могут радикально изменить расстановку политических сил. В своем исследовании мы использовали работы В. И. Ленина¹¹⁵, Н. И. Бухарина¹¹⁶, Л. Д. Троцкого¹¹⁷, Е. А. Преображенского¹¹⁸, а также К. И. Каутского¹¹⁹, Н. А. Бердяева¹²⁰ и П. А. Сорокина¹²¹.

Работы В. И. Ленина как в прошлом, так и теперь вызывают живой интерес, поскольку полны динамизма как в форме выражения мысли, так и в принципиальной позиции, которую занимал автор в различные этапы своей политической карьеры. Его полные пафоса оценки торговли как инструмента решения хозяйственных проблем, пожалуй, никому не удалось

¹¹⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-тт. Т. 3, 36, 42–45. М., 1970.

¹¹⁶ Бухарин Н. И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. / Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. 497 с.

¹¹⁷ Троцкий Л. Д. Заключительное слово на заседании ЦКК. Июнь 1927 г. // Искра — Research. URL: <http://web.mit.edu/fjk/www/Trotsky/sochineniia/1927/19270614.html>; Он же. Заключительное слово на заседании ЦКК. Июнь 1927 г. // Искра – Research. URL: <http://web.mit.edu/fjk/www/Trotsky/sochineniia/1927/19270614.html>; Он же. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции (Докл. На IV конгрессе Коминтерна). М., 1923. 70 с.

¹¹⁸ Преображенский Е. А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. Т. 1. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. 2. Конкретный анализ советского хозяйства. М., 2008. 640 с.

¹¹⁹ Каутский К. Аграрный вопрос Харьков, 1926. 392 с.

¹²⁰ Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 240 с.

¹²¹ Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922. 107 с.

превзойти. В работах теоретиков прослеживается эволюция от идеальных моделей к реальным планам по построению социалистического общества, череда компромиссов и, в то же время, их принципиальная позиция (*credo*), которая с большим трудом поддается трансформации.

Источники личного происхождения, к которым относятся письма, дневники и воспоминания современников событий позволяют получить информацию «от первого лица»¹²². Субъективность авторских оценок компенсируется яркой эмоциональной оценкой и уникальными данными, которые, разумеется, нуждаются в верификации.

Так, например, острые политические моменты, личность В. И. Ленина в центре воспоминаний Н. Валентинова. Будучи видным деятелем ВСНХ, автор описывает свое восприятие нэпа. В начале своей карьеры он был соратником В. И. Ленина, впоследствии его резким критиком. Идеи Н. Валентинова, несомненно, отражают типические черты взглядов управленцев высшего звена¹²³.

Основным и доминирующим по своему объему видом исторических источников, который используется в диссертационном исследовании, являются делопроизводственные документы. В работе использованы как документы организаций, осуществлявших планирование и руководство различными отраслями хозяйства страны, так и специализирующихся на финансово-кредитной и торговой деятельности, как на союзном и республиканском, так и местном уровне, как относящихся к государственному, так и частному сектору.

Особое внимание уделено специализированному делопроизводству (информационные сводки ОГПУ, судебно-следственные дела, личные дела «лишенцев»), в материалах которого особую ценность представляют, включенные в их состав, эго-документы.

Стенограммы и протоколы заседаний партийных организаций, конференция и съездов РКП (б) и ВКП (б) в большей степени, чем итоговые документы, призванные продемонстрировать единство партии, демонстрируют остроту дискуссий и конфликт элит. Значительное внимание в этих документах уделено как перспективам нэпа, так и политики в отношении частного капитала. В связи с формированием однопартийной системы, традиционные политические дискуссии относительно перспектив развития страны в рамках отдельных и самостоятельных партий были невозможны, по этой причине, – как отмечает Ш. Фицпатрик, – межфракционные дебаты являлись единственным альтернативным вариантом. «Внутри большевистской партии зарождался своеобразный вариант “парламентской” политики:

¹²² Борисов К. 75 дней в СССР: впечатления русского эмигранта, посетившего Россию в 1923 году. Берлин, 1924. 80 с.; Бурышкин П. А. Москва купеческая. Мемуары. М., 1991. 352 с.; Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. 696 с.

¹²³ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина : Годы работы в ВСНХ во время НЭП : Воспоминания. М., 1991. 365 с.

фракции при этом играли роль политических партий в многопартийной системе»¹²⁴. По этой причине стенографические отчеты съездов и конференций РКП (б) и ВКП (б) полны непредсказуемости, драматизма и напряжения на протяжении всех 1920-х гг.

На региональном и местном уровне представляют интерес *материалы первичных партийных организаций*, протоколы совещаний по вопросам торговли и кредита, в частности, на территории Уральской области¹²⁵.

Разумеется, что нэп – в полном объеме соответствующий модели экономики переходного периода являлся периодом не только политических, но и экономических дискуссий, касающихся как фундаментальных, так и прикладных проблем. Остроту этих баталий можно себе только представить, но даже формализованные бюрократические документы передают накал страстей, ситуацию поиска альтернатив и решения проблем в самых сложных ситуациях.

В этой связи необходимо назвать *материалы ВСНХ*¹²⁶, *опубликованные протоколы Президиума Госплана*¹²⁷, а так же *протоколы заседаний Института экономических исследований (ИЭИ) при НКФ РСФСР*¹²⁸. Обсуждение докладов ведущих ученых и хозяйственных руководителей дают представление о том, каким виделся нэп хозяйственным элитам; какие преимущества и недостатки находили они в товарно-денежных отношениях; какова была их оценка роли частного капитала в экономике страны. Примечательно, что взгляды большинства участников совещаний были скорее «рыночными», чем «плановыми», а глубина проработки проблем находилась на уровне академических исследований.

Менее острыми, но не менее содержательными являлись дискуссии на уровне региональных плановых органов, в частности Госплана Уральская область¹²⁹.

Вовлечение в хозяйственный оборот финансовых ресурсов частного сектора, его кредитование отражены в *материалах, содержащиеся в делопроизводстве исполнительных органов власти, регулирующих финансово-кредитный сектор экономики на союзном*¹³⁰, *республиканском*¹³¹ и *региональном уровне*¹³².

¹²⁴ Фицпатрик Ш. Русская революция. С. 185.

¹²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. – Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза.

¹²⁶ РГАЭ. Ф. 3429 – Высшие советы народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР и СССР. 1917–1932 гг.

¹²⁷ РГАЭ. Ф. 4372 – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР) 1921–1955 гг.; Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. В 3-х тт. М. : Экономика, 1979. Т. 1. 1921 г.; Т. 2. 1922 г., кн. 1. 280 с. Т. 2. 1922 г., кн. 2. / «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/gosplan1921-22/index.html>

¹²⁸ РГАЭ. Ф. 7733 – Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917–1991 гг.

¹²⁹ ГАСО. Ф. Р-241 – Плановая комиссия Исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся (Уралплан), 1920–1972 гг.; Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР) Свердловск, 1927. 728 с.

¹³⁰ РГАЭ. Ф. 7733 – Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917–1991 гг.

¹³¹ Ф. 2324 – Народный (государственный) банк РСФСР. 1922–1937 гг.

В архивных документах содержатся плановые задания, а так же сведения о проведении кампании по взысканию с частного сектора недоимок по налогам. Все документы носят типовой характер, т. е. предназначались для рассылки руководителям ОкрФО, поэтому тексты напечатаны на пишущей машинке, по всей видимости, в нескольких экземплярах, а название конкретного отдела и фамилия его руководителя вписаны от руки. Все документы отмечены грифом «Совершенно секретно».

Важным источниками для изучения товарооборота в динамике являются данные выборки патентов и обложения уравнильным сбором, иными словами – *материалы финансовых органов*¹³³. Этот источник неоднократно подвергался критике со стороны исследователей, поскольку в материалах налоговой статистики абсолютно не учитывались обороты самых мелких форм торговли (патентов 1-го разряда на право заниматься торговой деятельностью). Эти формы торговли были хотя и самыми незначительными по размерам вложенных средств, но значительными в общем объеме товарооборота. Не переоценивая их роль в межрегиональном товарообороте, следует отметить, что на них приходилась серьезная доля товарообменных операций на границах Уральской области (объединявшей в 1920-е гг. бывшие Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую и Тюменскую губернии). Другим недостатком налоговой статистики является выраженное в ней стремление финорганов завысить объемы торговой деятельности с целью максимального обложения. Анализ судебно-следственных дел демонстрирует наличие и прямо противоположной тенденции, когда значительная часть мелких торговцев уходила от налогового учета, без какого-либо участия в этом процессе¹³⁴.

Личные дела сотрудников финансовых органов находятся в фондах финансовых учреждений и доступны для исследователей. Изучение личных дел приводит к выводу о проблемах в кадровой политике и делает очевидными причины низкого качества налогового

¹³² Ф. Р-25 – Финансовый отдел Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубФО) 1919–1923 гг.; Ф. Р-72 – Свердловский окружной финансовый отдел (Окрфинотдел) окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Свердловск 1924–1930 гг.; Ф. Р-56 – Главное управления Центрального банка Российской Федерации (Банка России) по Свердловской области.

¹³³ ГАСО. Ф. Р-593 – Уральский областной финансовый отдел «Уралоблфо» Исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих и крестьянских депутатов; Ф. Р-72 – Свердловский окружной финансовый отдел (Окрфинотдел) окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Свердловск 1924–1930 гг.; Ф. Р-25 – Финансовый отдел Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубФО) 1919–1923 гг.

¹³⁴ Килин А. П. Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «Астраханского дела» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 77–91.

учета. В качестве причин называются низкая заработная плата, большая текучка, низкая квалификация, высокая загруженность и недостаток времени для сбора первичных данных¹³⁵.

Протоколы заседаний правления Обществ взаимного кредита частной торговли и промышленности (ОВК) предоставляют информацию сформированную частными предпринимателями, демонстрируют их позицию по вопросам торговли и кредитования. Эти данные позволяют рассмотреть как экономические, так и социальные аспекты частнопредпринимательского уклада в региональном контексте. Фонды сохранились в региональных архивах¹³⁶.

Необходимо особо отметить данные, содержащиеся в *фондах Кредит-бюро*¹³⁷, часть которых, в том числе и в отношении уральских предпринимателей, была опубликована Р. А. Хазиевым¹³⁸.

Значительное количество данных содержится в *делопроизводственных документах исполнительных органов власти, регулирующих торговую деятельность на уровне СССР*¹³⁹, *РСФСР*¹⁴⁰ и *Уральской области*¹⁴¹. Исследовательский интерес представляют как плановые, так и отчетные формы, как представленные в неопубликованных источниках, так и опубликованные на страницах периодических изданий или в отдельных изданиях. Сопоставление данных приводит к выводу о редактировании показателей, как правило, в интересах властей.

Представляют интерес *материалы губернских и областных отделов торговли*, в которых содержится обобщающая информация о ситуации на рынке¹⁴². Эти сведения служили подготовительным материалом для отчетов перед вышестоящими административными и

¹³⁵ ГАСО. Ф. Р-72 – Свердловский окружной финансовый отдел (окрфинотдел) окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Свердловск 1924–1930 гг.

¹³⁶ ГАСО. Ф. Р-156 – Свердловское общество взаимного кредита частной торговли и промышленности («Свердловск»); ГАПК. Ф. Р-138 – Пермское общество взаимного кредита; ГАТО. Ф. 238 – Тюменское окружное общество взаимного кредита, центрального бюро обществ взаимного кредита.

¹³⁷ РГАЭ. Ф. 7624 – Смешанное акционерное общество по выдаче справок о кредитоспособности («Кредит-бюро»). 1922–1931 гг.

¹³⁸ «Последние из могики: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. / Сост., статья, предисл. и примеч. Р. А. Хазиев. – Уфа, 2003. – 312 с.

¹³⁹ РГАЭ. Ф. 5240 – Народный комиссариат внешней и внутренней торговли (Наркомторг) СССР. 1925–1930; Ф. 8151 – Объединенный фонд: «Комиссия по внутренней торговле при СТО СССР и Наркомат внутренней торговли». 1. Комиссия по внутренней торговле при СТО СССР (Комвнуторг) 1922–1924 гг. 2. Наркомат внутренней торговли СССР (Наркомвнуторг) 1924–1927 гг.; Ф. 8043 – Народный комиссариат снабжения СССР (Наркомснаб СССР) 1930–1934 гг.; ГА РФ. Ф. Р-6759 – Комитет товарных фондов и регулирования торговли при Совете труда и обороны СССР; Ф. Р-7819 – Правительственная комиссия по рационализации товаропроводящего аппарата при Совете труда и обороны. 1925–1927, 1929 гг.

¹⁴⁰ ГА РФ. А-410. Министерство торговли РСФСР (Минторг РСФСР) и его предшественники. 1925–1934 гг.; Ф. Р-9495 – Комиссия по борьбе со взяточничеством при Наркомате Внутренних дел РСФСР. 1923 г.; Ф. А-406 – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР). 1924–1925 гг.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. Р-339 – Совет народного хозяйства Исполнительного комитета Уральского Областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уралоблсовнархоз), 1923–1932 гг.; Ф. Р-192 – Екатеринбургское губернское экономическое совещание (Губэконо).

¹⁴² Ф. Р-88 – Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

партийными органами. Поэтому в них содержатся недостатки, присущие отчетной документации. Приведенные в этих документах сведения нуждаются в тщательной верификации, поскольку в них нередко игнорируют негативные факты в угоду идеологически правильной интерпретации событий.

Сведения о выявленных нарушениях как в государственной и кооперативной, так и в частной торговле содержатся в *фондах Рабоче-крестьянской инспекции СССР*¹⁴³.

Важные сведения содержат *материалы товарных бирж Урала* о собственных оборотах и оборотах, регистрируемых биржевыми комитетами (согласно постановлению Совета труда и обороны¹⁴⁴). Этот источник также не может быть признан исчерпывающим. Высокое налогообложение вынуждало торговых посредников чаще обращаться к внебиржевым сделкам, которые, по мере усиления налогового пресса, стали играть ведущую роль.

Ценный и традиционный источник – *отчеты ярмарочных комитетов*. После проведения Ирбитской и Свердловской ярмарок было принято подводить некоторые итоги с последующей их публикацией¹⁴⁵. Подобного рода статьи и брошюры можно расценивать не только в качестве аналитических, но и рекламных материалов, имеющих целью привлечение новых участников. Этот материал содержит статистические данные без достаточно глубокого анализа. Его ценность в том, что он позволяет воссоздать живые картины торговли Урала в 1920-е гг., показать жизнеспособность старой российской традиции в виде ярмарочного торга.

Специализированное делопроизводство имеет ряд отличительных черт и дает возможность получить доступ к альтернативным точкам зрения, в том числе к прямой речи частных торговцев, проанализировать сведения о сложившихся в годы нэпа торговых практиках. Данные источники явились объектом нашего особого внимания и предметом источниковедческих исследований, соответственно в диссертационном исследовании им уделено особое место.

Ценным и вызывающий неизменный интерес исследователей являются *информационные сводки Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ)*, которые, по мнению властей, предоставляли альтернативные и независимые сведения о положении дел в стране. В связи с тем, что доступ к архивам правоохранительных органов, преемником которых считается ФСБ существенно ограничен, то

¹⁴³ ГАРФ. Ф. Р-374 – Центральная контрольная комиссия ВКП (б) – Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции СССР (ЦКК ВКП (б) – НК РКИ)

¹⁴⁴ Положение о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах. Утверждено ЦИК СССР и СНК СССР 2 октября 1925 года. М., 1925. 45 с.

¹⁴⁵ Я. К. [Ярмарочный комитет] 4-ая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 172–177.

исследователи обращаются к копиям материалов, которые хранятся в бывших партийных архивах¹⁴⁶.

Несомненно, эти материалы содержат информацию о состоянии частнопредпринимательского уклада в населенных пунктах региона, об отношении населения к частной торговле и предпринимателям, о проблемах со снабжением рабочих уральских предприятиях и об активном вовлечении абсолютного большинства граждан, в том числе и коммунистов в торгово-посредническую деятельность.

Сводки ОГПУ как исторический источник являлись предметом нашего исследования в контексте организации информационно-аналитической деятельности правоохранительных органов в раннесоветском обществе¹⁴⁷. Информационно-аналитическая деятельность подразумевает сбор, проверку, анализ и переработку информации в целях оптимизации принятия решений. Адекватность и последствия принимаемых решений во многом зависят от качества информационного обеспечения. В сфере управления эффективная информационно-аналитическая поддержка способствует возможности правильно спрогнозировать результаты того или иного решения. Основная цель информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности состоит в том, чтобы предоставить лицам, принимающим решения, необходимый и достаточный для осуществления их профессиональной деятельности объем информации¹⁴⁸.

На уровне округа сводка составлялась раз в две недели, поэтому информационные сводки окружных отделов ОГПУ являются массовым историческим источником и представляют собой весьма существенный информационный массив.

Типовой характер документа подчеркивается универсальной структурой, которая была построена по тематическому, предметно-тематическому и объектному принципам. Эта структура не является строгой, не всегда логична и не позволяет избежать дублирования тем. Условно информационную сводку можно разделить на тематические блоки, связанные с направлениями деятельности (промышленность, сельское хозяйство, кооперация, торговля,

¹⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 4. – Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918—1922 гг. М., 2000. 864 с.; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы в 4-т. М., 2000. 1166 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т 65. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. 927 с.; Петров Н. В. Свои люди в органах государственной безопасности // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 303–325.; «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 гг.» [Сайт] – URL: http://nkvd.memo.ru/index.php?title=НКВД:Главная_страница

¹⁴⁷ Килин А. П. Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ Уральской области в системе информационно-аналитического обеспечения органов управления // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып. 8. Екатеринбург, 2017. С. 74–83; Он же. Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории раннесоветского общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 60–65; Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации : уч. пособие / А. П. Килин, Д. В. Колобова, О. В. Чистякова. Екатеринбург, 2014. 154 с.

¹⁴⁸ Там же. С. 96.

партийное строительство, преступность и т. п.); с отдельными мероприятиями (хлебозаготовки, сбор сельхозналога, призыв на военную службу, празднование революционных праздников или траурные мероприятия в связи с кончиной В. И. Ленина); с отдельными организациями (заводы и фабрики, размещенные на территории округа, Промкомбинат, Потребсоюз, Центральный рабочий кооператив, ярмарки и т. п.).

Информационный потенциал сводок ОГПУ позволяет рассмотреть широкий спектр проблем, например, такие тенденции развития раннесоветского общества, как секуляризацию, социальную мобилизацию, демократизацию (советизацию), технологический прогресс (с акцентом на восстановление хозяйства страны до довоенного уровня), урбанизацию, развитие систем образования, здравоохранения, материального снабжения и т. д.

Судебно-следственные дела. Степень достоверности сведений, содержащихся в судебно-следственных делах, рядом исследователей оценивается как низкая. Они полагают, что эти данные требуют существенных усилий по их верификации, либо полного отказа от их использования. Как правило, эти исследователи ссылаются на материалы политических процессов и судебно-следственные дела, которые создавались в годы репрессий. Жертвы политических репрессий впоследствии были реабилитированы за отсутствием состава преступления, соответственно и содержание судебно-следственного дела было сфальсифицировано. Полагаем, что дела по хозяйственным преступлениям имеют свою специфику и позволяют говорить о достаточно высокой степени достоверности содержащихся в них данных. Например, опись имущества обвиняемых является уникальным источником по истории повседневности. Практика обращения исследователей к судебно-следственным делам, публикация этих материалов и дискуссии относительно степени их достоверности послужили стимулом для разработки специальных методических рекомендаций, в которых анализируется судебно-следственное дело как комплексный источник¹⁴⁹.

Эти источники весьма значимы для нашего исследования, поскольку практика репрессивных кампаний, например, по взиманию недоимок, была широко распространена в годы нэпа. Не меньшее значение придавалось и показательным судебным процессам над частными предпринимателями. Ход следствия и сами судебные процессы широко освещались в прессе. Сами материалы судебно-следственных дел хранятся в фондах судов. Нами были рассмотрены дела по хозяйственным преступлениям, в которых в качестве обвиняемых или свидетелей проходили частные торговцы¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Издание судебно-следственных документов советского периода. Метод. пособие / ВНИИДАД. М., 1998. 46 с.; Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие / М., 2008. 87 с.

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. Р-148 – Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск. Ф. Р-138 – Екатеринбургский губернский суд, 1921–1924.

Дела значительны по своему объему. Факт избыточности сведений отмечали современники событий. В циркулярном письме Народного комиссара юстиции (НКЮ) РСФСР Н. М. Янсона № 93 от 5 июля 1929 г. говорилось: «Наиболее слабым местом нашего уголовного судопроизводства является постановка дела предварительного расследования <...> Наш уголовный процесс во всех своих стадиях заполнен целым рядом различных формальностей, наибольшее число которых, пожалуй, приходится на долю предварительного расследования <...> В результате – дело на $\frac{3}{4}$ загружается протоколами допросов совершенно не нужных свидетелей и ничего не разъясняющих по делу документами»¹⁵¹.

В материалах судебно-следственных дел действительно встречаются пространные протоколы допросов, некоторые из них составлялись на протяжении нескольких дней. Наиболее полные протоколы оформлены в виде опросника, ответы на каждый пункт которого подследственный писал собственноручно. Стремясь сформировать положительный образ в глазах следствия, подследственные обращались к своему революционному прошлому, службе в Красной армии и прочим фактам собственной биографии. По своему жанру это делопроизводственные биографии, которые по ряду признаков выбиваются из общего ряда делопроизводственной документации.

Таким образом, избыточность протоколов допросов и наличие лишних документов, включенных в судебно-следственные дела, тормозили ведение следствия, на что обращали внимание своих подчиненных руководители Народного комиссариата юстиции. Напротив, с точки зрения современных исследователей, такая избыточность служит ценным информационным массивом для реконструкции прошлого. Описи имущества и, в особенности, протоколы допросов соседей, коллег и родственников, являются ценным источником при изучении истории повседневности.

К специализированному делопроизводству относится *личное дело лица, возбудившего ходатайство о восстановлении его в избирательных правах, утраченных за занятие торговлей (личное дело «лишенца»)*. Мы опирались на информационный массив личных дел «лишенцев», находящийся на хранении в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в составе фонда Облисполкома. Изучались личные дела граждан, которые уже прошли районный и окружной уровень и чьи заявления были на рассмотрении избирательной комиссии Уральской области (1923–1934 гг.) и Свердловской области (1933–1936 гг.)¹⁵². Опись фонда является неполной (излишне краткой), в заголовке единицы хранения указаны только фамилия, имя и отчество человека. Как показывает практика, встречаются ошибки в написании (неточно

¹⁵¹ Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1929. № 32. С. 48–49.

¹⁵² ГАСО. Ф. Р-88 – Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 6, 7, 8, 9. Областная избирательная комиссия

указаны фамилия или пол заявителя). В описи отсутствуют даты формирования и окончания дела, не указано количество листов и нет упоминания статьи, на основе которой человек был лишен избирательных прав. В силу этих обстоятельств выявление личных дел «лишенцев», относящихся к определенной социальной группе, затруднено. Это возможно лишь путем сплошной выборки, на которую, по моим сведениям, еще никто не отважился. По алфавиту нами были заказаны около 800 дел, на основе 179 дел была составлена 171 формализованная анкета¹⁵³. Выявление личных дел осуществлялось также с использованием перекрестных данных. В фондах Екатеринбургского губернского суда (1921–1924 гг.)¹⁵⁴ и Свердловского областного суда¹⁵⁵ хранятся судебные-следственные дела, в которых в качестве свидетелей или обвиняемых упоминались частные предприниматели и, соответственно, эти фамилии сопоставлялись с описью личных дел «лишенцев». Это дало еще 98 единиц. Еще один прием нестрогой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел), среди которых были обнаружены дела бывших торговцев.

Всего было проанализировано 287 личных дел «лишенцев», из которых подавляющее большинство – торговцы. Ряд дел содержат лишь выписку из протокола заседания малого бюро облисполкома или справку о передаче дела во ВЦИК. Другие дела напротив, включают в себя широкий набор документов, порой дублирующих друг друга. Дополнительную информацию о гражданине можно было получить при изучении материалов личных дел его родственников, находившихся на его иждивении и по этой причине лишенных права голоса, которые также ходатайствовали о восстановлении.

«При всем разнообразии состава документов в этих источниках, – считает Ю. А. Русина, – они характеризуются тем, что социально-демографические сведения о конкретном лице идентичны сведениям в стандартных личных делах»¹⁵⁶.

В противоречии с этим утверждением, в нашу задачу входило рассмотрение специфических черт и особенностей составления автобиографий, находящихся в личном деле «лишенца».

Дело сформировано в обратной хронологической последовательности и в нем, на листе под номером один, как правило, было расположено решение высшей инстанции, содержащее окончательное заключение о восстановлении или отказе в восстановлении. Помимо итогового документа, в деле содержатся выписки из протоколов избирательных комиссий низшего звена,

¹⁵³ Килин А. П. База данных по теме «Личное дело лишенного избирательных прав за занятие торговлей» // Документ. Архив. История. Современность. Сб. мат-лов региональной науч.-практ. конф. Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г. В 2-х ч. Ч. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 157–161.

¹⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-138 – Екатеринбургский губернский суд (1921–1924 гг.)

¹⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-148 – Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск. Оп. 1 (1921–1934 гг.)

¹⁵⁶ Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. С. 52.

справки о пересылке дела во ВЦИК, запросы в различные организации с просьбой предоставить необходимые сведения. В деле находится заявление гражданина, затем следуют документы, подтверждающие или опровергающие изложенные им факты. Это могли быть справки с места работы, учебы или службы в армии, сведения о трудовом стаже, заборные книжки, выписки из послужных списков, справки сельсоветов об имущественном положении и т. п.

Особый интерес представляют заявления граждан, которые инициировали процедуру восстановления. Порой заявлений в деле было несколько, так как в случае отказа на нижестоящем уровне при обращении в вышестоящую комиссию писалось новое заявление. Заявление является наиболее информативным и эмоционально окрашенным документом в составе личного дела, содержит прямую речь автора. В этом документе, помимо просьбы о восстановлении, содержатся биографические данные, обоснование своей позиции, указание на материалы, которые прилагаются к заявлению.

Заявление, содержащееся в личном деле «лишенца», является отправной точкой в процессе восстановления, инициированного самим гражданином. Документ мог иметь различные заголовки (заявление, жалоба, обращение), что существенным образом не влияло на его содержание. Структура документа лишь отчасти поддается формализации; поскольку заявление написано в свободной форме. В нем содержится апелляция к нормам права (инструкция о выборах, конституция, иные нормативно-правовые акты). Это наиболее информативное и развернутое повествование в структуре личного дела, которое может включать в себя различные фрагменты, которые могут быть отнесены к иным видам документов. Заявление всегда отражает личность автора, специфику его стиля и манеру изложения, по сравнению с другими делопроизводственными документами оно максимально персонифицировано. Анализ заявлений позволяет сделать вывод об использовании широкого спектра авторских стилей и разнообразной эмоциональной палитры. В стремлении добиться своей цели автор апеллирует не только к разуму, но и эмоциям своего адресата. Как правило, заявление содержит ссылки на документы, подтверждающие изложенные факты, или приводится прямое цитирование этих документов.

В автобиографии «лишенца» отчетливо проступает цель ее создания и очевиден набор средств, которые использует автор для ее достижения. Целью написания было восстановление в избирательных правах либо на том основании, что лишение было незаконным (ошибочным, несправедливым), либо, в случае признания справедливости лишения, представить аргументы в пользу своего восстановления.

Существенное влияние на структуру документа оказала инструкция о выборах в советы, в которой говорилось о том, кто может, а кто не может быть лишен избирательных прав и

каковы основания для восстановления в правах¹⁵⁷. Эти факты находят отражение в автобиографии. Перечень тем задает и анкета «лишенца», находящаяся в личном деле. Специальных анкет, рассчитанных на бывших торговцев, в фондах ГАСО мы не обнаружили. Судя по заголовку, анкета первоначально предназначалась для заполнения бывшими служащими полиции¹⁵⁸. По всей видимости, тираж был рассчитан неверно, намного превосходя число бывших полицейских, которые ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах, поэтому анкеты использовались для сбора информации о других категориях «лишенцев».

Проблема авторства автобиографий кажется простой и ясной, но это не так. Разумеется, в абсолютном большинстве авторами являлись граждане, которые инициировали процедуру восстановления в избирательных правах. Людями с высоким уровнем образования все автобиографии написаны собственноручно. Ряд заявлений, содержащих биографические данные, явно создан коллективно или при активном участии третьих лиц. Об этом может свидетельствовать несоответствие почерка, которым написан текст заявления, и подписи. Указание в личном деле на низкий образовательный уровень или безграмотность может резко контрастировать с текстом заявления, написанного грамотно, хорошим почерком и с внятной системой аргументации, что косвенно говорит об уровне образования автора текста. Среди «соавторов» могли быть профессиональные помощники, знатоки процедур, которые приносили в заявление собственную систему аргументации, возможно, воспроизводили наиболее удачные шаблоны, на основании которых ранее уже выносились решения в пользу заявителя. В ряде случаев в текстах очевидно влияние более образованных родственников, например, сыновей, заинтересованных в восстановлении в правах главы семьи, поскольку лица, находящиеся на иждивении «лишенца», также лишались избирательных прав.

Обращаясь к биографиям, которые содержатся в личных делах «лишенцев», мы имеем дело, по определению Ю. П. Зарецкого, с «делопроизводственной биографией», которая формируется под воздействием внешних формальных требований, создается с конкретной целью (реализация определенных прав гражданина), что и предопределяет ее структуру и содержание. С удовлетворением следует отметить, что внимание к делопроизводственным автобиографиям как историческому источнику в последние годы возросло. В качестве положительного примера приведем работу С. В. Волошиной и А. В. Литвинова, которые на основе анализа автобиографий, сформированных в системе кадрового делопроизводства, приходят к выводу, что это «с одной стороны, документ, в котором отражается жизненный путь

¹⁵⁷ В подавляющем большинстве случаев присутствуют ссылки на Инструкцию 1926 г. (см.: Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов : Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 577 от 28 сентября 1926 г.).

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 1393-а. Л. 11–12; Оп. 7. Д. 344. Л. 1–29.

автора и эпоха написания, с другой – это своеобразный инструмент контроля человека властью»¹⁵⁹.

Прослеживая эволюцию автобиографических сочинений в мировой истории, Ю. П. Зарецкий отмечает: «Вслед за Дильтеем Миш признает исключительную важность автобиографии как “высшей и наиболее содержательной формы, в которой нам является осознание человеком его жизни”. В этом смысле история автобиографии является главным свидетельством развития самосознания. Это самосознание приобретает различные формы в соответствии с той или иной эпохой, той или иной конкретной личностью и ситуацией, в которой эта личность находится. История автобиографии, таким образом, оказывается отражением изменений в структуре индивидуального самосознания от одной эпохи к другой»¹⁶⁰. Показательно сравнение автобиографий «лишенцев» с теми, которые создаются как разновидность документа по личному составу в рамках кадрового делопроизводства или формируются в процессе следствия и судопроизводства, входят в состав судебно-следственного дела¹⁶¹.

Таким образом, материалы, использованные для изучения частной торговли в многоукладной экономике Уральского региона в раннесоветском обществе, представляют собой обширный корпус разнообразных источников, комплексный анализ которых позволил достичь поставленных в диссертации задач и осуществить всестороннее исследование в рамках заявленных теоретико-методологических подходов.

¹⁵⁹ Волошина С. В., Литвинов А. В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54.

¹⁶⁰ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. С. 237.

¹⁶¹ Килин А. П. «Я изложил только основные черты биографического очерка»: автобиография в структуре судебно-следственного дела. С. 213–234.

Глава 2. Методология исследования

2.1. Общеисторические и междисциплинарные методы исследования

Изучение исторического прошлого, в том числе частной торговли в многоукладной экономике Уральского региона, предполагает использование широкого арсенала методов, в рамках определенного теоретического подхода или базовой концепции.

В работе Б. Н. Миронова, посвященной императорской России, дается обзор основных методологических подходов, которые используются в современных исторических исследованиях¹⁶². Автор отмечает, что «та или иная система взглядов, которые историки нередко называют теориями, – марксистская, мир-системная, институциональная и др., по большому счету, т. е. аналогично теориям в естественных науках, таковыми не являются. Поэтому скорее заслуживают название концепций в указанном выше смысле. Среди наиболее известных в историографии – семь: формационная (марксистская), модернизационная, цивилизационная, мир-системная, институциональная, синергетическая, постмодернистская»¹⁶³.

В коллективной монографии, посвященной изучению отечественной истории начала XX в., отмечается: «Среди наиболее распространенных методологических подходов к изучению раннесоветского общества выделяются несколько – марксистский, модернизационный, институциональный, цивилизационный и синергетический. Добавим к этому перечню еще проектный подход, который представляет особый интерес, так как основан на идеях социального проектирования, позволяющих получить еще одну версию событий истории раннесоветского общества»¹⁶⁴. Таким образом, авторы видят преимущество в таком методологическом разнообразии, приводят в качестве подтверждения их успешной реализации работы весьма авторитетных исследователей (Г. Кара-Мурза, Б. Н. Миронов, Л. И. Бородкин, С. Г. Гомаюнов и др.).

По мнению И. Б. Орлова «сложилась парадоксальная (хотя и традиционная для советской историографии) ситуация, когда решение важнейших проблем отечественной истории (в том числе и нэпа) во многом обуславливается выбором того или иного подхода (формационного, цивилизационного, культурно-системного и т. д.), что несомненно ограничивает видение исторического процесса во всей его целостности... Проблемы

¹⁶² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. 548 + 583 с.

¹⁶³ Там же, С. 33.

¹⁶⁴ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. С. 12.

методологии продолжают оставаться фактором, разделяющим российских историков»¹⁶⁵. Междисциплинарность, открывая новые возможности, предлагая новый ракурс рассмотрения традиционных исторических тем, может создавать новые проблемы, обусловленные различиями терминологии и методологии исследований, приводить к размыванию научного знания. В монографии Л. П. Репиной рассматривается проблематика интеллектуальной истории и интердисциплинарности подходов при ее изучении, говорится о значительном потенциале, который они предоставляют исследователям¹⁶⁶.

Можно посмотреть на эту проблему несколько иначе. Исторический процесс является цельным и неделимым, только лишь потребность описать его в рамках той или иной дисциплины требует вычлнить в нем конкретные объекты и определить предмет исследования таким образом, чтобы соответствовать критериям научности, определить круг источников и методы их анализа. В таком случае, междисциплинарность будет восприниматься не как новация, а как естественное стремление вернуться к истокам, приблизиться к реконструкции исторического прошлого во всей его полноте. Ф. Бродель, давая определение обществу как «множеству множеств», полагал, что такой всеобщий объект с трудом поддается описанию и изучению. «Разумеется, практически такую глобальность должно расщеплять на множества более ограниченные, более доступные наблюдению. Иначе – как управиться с этой огромной массой? ...Если бы возможно было такое деление, которое отделило бы государство, реальность в первую голову социальную, от прочих сопутствующих ему реальностей. Но не существует историка, нет экономиста или социолога, который не проделывал бы такого рода разделения, хоть все они изначально искусственны»¹⁶⁷. Далее он пишет: «Недостижимый идеал – представить все в едином плане и в едином движении. Метод, какой можно порекомендовать, заключается в том, чтобы, разделяя, сохранять в уме глобальное видение: оно непременно проявится в объяснении, будет воссоздавать единство, побудит не верить мнимой простоте общества...»¹⁶⁸.

Методология исторического исследования является дискуссионным полем. Справедливые и несправедливые упреки в эмпиризме, либо, напротив, в излишнем теоретизировании или даже в размывании границ научного знания слышны постоянно. По этой причине анализ методологии в диссертационном исследовании представляет нам достаточно сложной задачей. Если относительно общенаучных методов (дедукции, индукции, системный

¹⁶⁵ Орлов И. Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг. С. 27

¹⁶⁶ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 25.

¹⁶⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3-х томах. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 461.

¹⁶⁸ Там же, С. 462.

анализ и т. п.) проблем не возникает, то применение специальных методов нуждается в обосновании.

Исследовательские методы, применяемые нами при изучении частнопредпринимательского уклада в годы нэпа, можно разделить на общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и др.) и частные (неоинституциональный, моделирования, биографический, дискурсивного анализа и др.), характерные для междисциплинарных исследований.

Историко-системный метод позволяет произвести анализ структуры и функции частнопредпринимательского уклада, в том числе в его наиболее завершенной форме – замкнутого круга частного сектора хозяйства, рассмотреть его как подсистему многоукладной экономики нэпа.

Историко-генетический метод дает возможность рассмотреть закономерности формирования частнопредпринимательского уклада в торговле, процесс его ликвидации, и трансформации в теневую экономику. Данный метод ориентирован на выявление причинно-следственных связей, в том числе демонстрирующих процесс трансформации частной торговли, модификации торговых практик в зависимости от регулятивной политики государства.

Историко-сравнительный метод или компаративный анализ, позволяет выявить общие и специфические характеристики в историческом явлении или процессе, как в контексте сравнения принципов планового и рыночного регулирования, военного коммунизма и нэпа, так и в отношении сопоставления торговых практик в обобществленном и частном секторах экономики. Отметим, что значительная часть работ современников событий была построена на сопоставлении деятельности частника и кооперативных организаций, а частный капитал рассматривался как антипод социалистического уклада.

Историко-типологический метод используется при классификации секторов экономики и хозяйственных укладов в раннесоветском обществе; форм и видов торговли, (отраженных в шкале разрядов, делении на опт и розницу); при классификации методов государственного регулирования в отношении частного сектора; при анализе социального состава частных торговцев (виды торговли, ее продолжительность, классовая оценка).

Факторный анализ занимает существенное место в нашем исследовании, поскольку основной целью работы является выявление роли частнопредпринимательского уклада в системе многоукладной экономики нэпа. Данный метод позволяет дать характеристику места и роли изучаемого явления в исторической реальности, подчеркнуть его значение для функционирования экономики переходного периода. Факторный анализ в сочетании с историко-системным методом позволяет подойти к решению проблемы моделирования как многоукладной экономики, так и региональной политики периода нэпа, что, в свою очередь,

позволяет проанализировать институциональную среду функционирования частнопредпринимательского уклада.

Помимо основных методов, нами использовались вспомогательные методы исследования, в частности, биографический метод. Он настроен на выявление как типичного, так и уникального в историческом прошлом, позволяет на фоне обобщений и выявленных закономерностей проследить судьбы конкретных индивидуумов. В нашем случае это не только частные торговцы (вне зависимости от того в какой мере они сами идентифицировали себя с таковыми), но и представители финансовых, прежде всего фискальных, органов. Будучи антиподами в классовом плане, они были включены в сходные экономические отношения, построенные на рыночных принципах. Это обстоятельство, порождало как противоречия, так и единство, что в свою очередь могло привести представителей этих социальных групп на одну скамью подсудимых.

Изучение судебных частных предпринимателей на основе специфических материалов (судебно-следственные дела и личные дела «лишенцев») с неизбежностью погружает нас в сложный внутренний мир рядового гражданина, которому выпало жить в эпоху перемен, в переломную историческую эпоху¹⁶⁹. Процесс негативной социальной селекции, который разворачивался в раннесоветском обществе, дает обильный материал для социологических, дискурсивных и психоаналитических методов исследования¹⁷⁰.

Социальные аспекты проблемы, в частности судьбы бывших торговцев, изучались на основе историко-антропологического подхода, который, – как отмечает О. С. Поршнева, – «характеризуется повышенным интересом к человеку в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, ментальным нормам и ценностям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности»¹⁷¹.

Л. И. Бородкин в своих работах обосновывает интеграционную роль истории, объединяющей три типа социального знания: социально-философское, социально-экономическое и гуманитарное знание. История дает описание социальных событий во всей их специфике и индивидуальности, но вместе с тем опирающаяся на определенные закономерности развития, прежде всего экономического¹⁷².

Точность и универсальность методов описания экономики, приближается к стандарту естественных наук, при этом уникальность и относительная абстрактность изучения духовной

¹⁶⁹ Килин А. П. Судьба человека в переломную эпоху: Петр Петрович Капустин (1890–1938 гг.) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сборник научных трудов. Екатеринбург, 2016. С. 190–211.

¹⁷⁰ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. 606 с.

¹⁷¹ Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. М., 2013. 161 с.

¹⁷² Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб., 2016. С. 17.

сферы общества и судьбы отдельного индивидуума, демонстрируют противоположную тенденцию. Модель хозяйственного взаимодействия различных укладов в рамках многоукладной экономики нэпа и поведенческие практики граждан при восстановлении в избирательных правах не могут быть в одинаковой степени формализованы. Магия цифр, которая гипнотически действует на некоторых гуманитариев, не всегда является эффективным способом верификации данных исторических источников.

Анализ среды функционирования частой торговли в рассматриваемый период предполагает использование институционального (точнее – неинституционального) подхода для выявления факторов и институтов, влияющих на ее эволюцию.

Неинституциональный подход базируется на выявлении институтов, которые оказывают существенное влияние на деятельность хозяйствующих субъектов. Согласно определению Д. Норта, институт – это социальные рамки, нормы, формальные и неформальные правила поведения, координирующие деятельность экономических агентов (совокупность формальных правил, неформальных правил и механизмов их реализации, которые действуют в комплексе)¹⁷³. Обратим внимание на упоминание неформальных правил, поскольку в раннесоветском обществе они могли играть более существенную роль, чем правовые нормы.

В целом, неинституционалисты определяют институты, как правила игры или контуры, ограничительные рамки, организующие взаимоотношения в обществе, а также как систему мер по их выполнению. Степень подвижности этих границ, по всей видимости, следует определять исходя из конкретно-исторической ситуации.

«Главная функция институтов – экономия транзакционных издержек. В той мере, в какой они справляются с этой задачей, углубляются процессы специализации и разделения труда, возрастают интенсивность и масштабы обмена. В той мере, в какой они отклоняются от ее выполнения и начинают служить интересам отдельных социальных групп, экономический рост тормозится или вовсе приостанавливается»¹⁷⁴. Динамичная и противоречивая политика государства в отношении частного сектора хозяйства препятствовала формированию зрелых институтов, способных обеспечить эффективное функционирование рыночного сектора и породили кризисы нэпа.

Неинституциональная теория фокусируется на двух основных направлениях. Во-первых, это изучение внешней институциональной среды, в которой действуют фирмы (т. е. совокупности экономических, социальных, политических, юридических институтов, определяющих правила игры для фирм в данной экономике). Во-вторых, это изучение внутренних взаимосвязей между участниками фирмы, формирующихся с учетом характеристик

¹⁷³ North D. Institutions // Journal of Economic Perspectives .1991. Vol. 5 (1). P. 97.

¹⁷⁴ Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990. С. 35.

институциональной среды¹⁷⁵. Второй аспект можно рассматривать как составную часть хозяйственного уклада.

Особое значение для изучения стран с переходной экономикой, находящихся в динамичном и нестабильном состоянии, приобретает отказ сторонников неoinституционализма от традиционных положений экономической теории. Они предпочитают не рассматривать в качестве эталона абстрактную модель совершенной конкуренции. Как отмечает А. Н. Олейник: «Неoinституционализм снимает некоторые наиболее нереалистичные, практически никогда не выполняющиеся в реальной экономике предпосылки неоклассической теории: полная рациональность поведения, совершенный доступ к информации, нулевые транзакционные издержки, четкое разграничение и защита прав собственности, абсолютная подвижность ресурсов»¹⁷⁶. Очевидно, что эти условия в раннесоветском обществе не могли быть выполнены, а модель нэпа была далека от модели совершенной конкуренции.

А. В. Новоселов пишет: «Сравнение реально существующих, но несовершенных институтов с абстрактным идеалом не имеет смысла при разработке практических мер государственного управления экономикой или управления отдельными фирмами. В качестве основы для сравнения могут выступать только реально существующие в тех или иных странах альтернативные структуры институтов и модели поведения фирм в этой институциональной среде. В этой связи одним из основных направлений неoinституционального анализа является изучение институтов в сравнительной перспективе»¹⁷⁷. Компаративистика становится популярным направлением у гуманитариев, будь то экономисты или историки. Сравнение может осуществляться в рамках одной страны, но на разных исторических периодах, либо на примере различных стран. Применительно к изучению эволюции частной торговли в России, в качестве объектов для сравнительного анализа рассматривают период рубежа XIX–XX вв. и 1980–1990-х гг. Для этих периодов характерен процесс становления и интенсивного развития рыночных отношений, который осуществлялся в рамках догоняющего развития и был сопряжен с заимствованием зарубежного технологического и управленческого опыта. Можно говорить о противоречивости и незавершенности процесса, о стадии становления институтов рыночного хозяйства, но не об их зрелости. Период нэпа, в качестве источника заимствования рыночных институтов, использовал дореволюционный опыт и был в еще большей степени противоречивым, поскольку процесс был искусственно прерван при переходе страны к модели мобилизационной экономики.

Как полагает А. В. Новоселов, в идеале новые более эффективные заимствованные

¹⁷⁵ Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации. С. 17.

¹⁷⁶ Олейник А. Н. Институциональная экономика. М., 2002. С. 30–31. Цит. по: Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации. С. 13.

¹⁷⁷ Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации. С. 18.

институты должны бы были вытеснить прежние, однако такого обычно не происходит, поскольку заимствование часто ограничивается лишь формальными правилами, в то время как неформальные правила и механизмы их реализации остаются неизменными. Это неизбежно приводит к ситуации несовместимости, которую Д. Норт назвал «шоком заимствования», эффективность такого института для координации деятельности экономических агентов существенно снижается¹⁷⁸. Таким образом, в реальной экономике хозяйственные субъекты будут искать пути адаптации, как правило, в несовершенной и неоднородной институциональной среде¹⁷⁹.

Данный тезис применим к рассмотрению процесса внедрения в 1920–1930-х гг. как подлинных технологических инноваций, так и ретро- и псевдоинноваций, к процедуре адаптации населения к хозяйственной системе, которая в различных пропорциях сочетала в себе плановые и рыночные начала.

Изучение частной торговли включает в себя как анализ институциональной среды его существования, так и судеб частных торговцев, что с неизбежностью приводит к рассмотрению проблем на макро- и микроуровнях. Л. П. Репина описывает интеграцию микро- и макро-исторических исследований как процесс синтеза¹⁸⁰. Взаимное обогащение и интеграция микро- и макроистории, экономической и социальной истории позволяют воссоздать картину прошлого с большей полнотой и достоверностью.

Таким образом, интеграция общеисторических и индивидуализирующих методов позволяет реализовать потенциал макро- и микро-истории. Она предоставляет возможность рассмотреть частнопредпринимательский уклад в его структурно-функциональной и смысловой целостности, с учетом специфической институциональной среды и в исторической динамике. Включение в анализ судеб конкретных советских граждан, индивидуализирует и гуманизирует историческое повествование, придает ему человеческое измерение. В целом, это позволяет представить эволюцию частной торговли Урала в 1920–1930-е гг., а также развитие частнопредпринимательского уклада, в частности, как многогранное и противоречивое историческое явление в большей полноте.

2.2. Моделирование как метод исследования

Любая модель по сути своей представляет изучаемый объект или процесс в несколько упрощенной форме, т. е. предполагает формализацию всего многообразия исторической

¹⁷⁸ North D. The role of institutions in economic development / UNECE. Geneva, Switzerland. Discussion paper. 2003. October. № 2003.2. P. 7.

¹⁷⁹ Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации. С. 18–19.

¹⁸⁰ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 80.

информации и приведение ее к нескольким базовым категориям и характеристикам, которые составляют основу модели¹⁸¹.

Значимый аспект моделирования отражен в определении методолога М. Вартофски: «Модель является наилучшим посредником между теоретическим языком науки и здравым смыслом исследователя»¹⁸². До той степени, с которой модель способна успешно формировать мост между теорией и данными, она остается полезным инструментом понимания¹⁸³.

Метод моделирования предполагает формирование физических, математических и аналоговых моделей. Л. И. Бородкин делает акцент на использовании математических моделей при анализе альтернатив исторического развития. Нэп предоставляет для этого богатый материал, поскольку рассматривается как своего рода развилка или точка бифуркации в процессе формирования советского общества. Мы не ставим перед собой цели построение математической модели, но методологические аспекты, отраженные в работе Л. И. Бородкина, являются для нас важным инструментом для выработки моделей изучаемых нами объектов, процессов и явлений.

При моделировании исторических процессов речь может идти о различных вариантах, применительно к нашему исследованию, модель многоукладной экономики и модель региональной политики – это аналоговые, базовые, конкретно-исторические и описательные модели, в задачи которых входит понять механизм причинно-следственных связей, обеспечивающих развитие конкретных исторических объектов в ситуационном контексте.

По мнению Л. Н. Мазур: «Не менее важен язык описания, а также форма представления модели, которая должна отвечать требованиям наглядности, аналитичности и соответствия задачам моделирования. С учетом языка кодирования модели подразделяются на количественные (математические) и качественные. В зависимости от формы представления выделяются следующие модели:

- Физическая модель представляет объект исследования в материальной форме с учетом его внешних характеристик, параметров и воспроизводит внешние свойства. Такая модель рассчитана на визуальное восприятие материальных комплексов прошлого и широко используется в музейной практике.

- Аналоговая модель отражает свойства реального объекта, но не выглядит как он. В качестве аналога может быть использована схема, карта, график.

- Математическая модель использует математические символы и уравнения для описания свойств и характеристик объекта.

¹⁸¹ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 567

¹⁸² Цит. по: Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб, 2016. С. 10.

¹⁸³ Там же, С. 36.

В данной классификации особый интерес представляет аналоговая модель, поскольку она обладает свойствами аналитичности, наглядности и доступности, опирается как на количественные, так и на качественные методы»¹⁸⁴.

В соответствии с этой классификацией, рассматриваемые нами модели можно отнести к качественным и аналоговым, представленным как в текстовой форме, так и в виде схем.

Формирование модели не является исключительно результатом фантазии исследователя. Оно должно опираться на исторические факты (первичные сведения), содержащиеся в исторических (в том числе и массовых) источниках, которые можно рассматривать как аналог «аксиомы» в системе доказательств¹⁸⁵.

Характерной чертой моделирования является упрощенное представление изучаемого исторического объекта или процесса. Оно предполагает выделение тех черт или свойств, которые нуждаются в изучении. Важным условием построения модели является наличие теоретических представлений о моделируемом объекте, а также достаточной для целей моделирования исторической информации¹⁸⁶.

Моделирование может быть использовано как на старте научного поиска (включающем применение метода аналогии), так и на финише, в процессе аналитико-синтетической обработки результатов исследования. На начальной стадии исследования конструирование идеальных моделей необходимо для концептуализации объекта исследования в форме гипотез, требующих проверки на историческом материале; для уточнения основных направлений сбора и систематизации исторической информации, т. е. для подготовки к работе с историческими источниками¹⁸⁷.

Моделирование позволяет в более полной мере реализовать аналитические функции исторического исследования, наглядно описать выявленные закономерности процесса и механизм функционирования изучаемого объекта на микро- и макроуровнях. Таким образом, моделирование связано с созданием формализованных структур исторической реальности, которые раскрывают ее сущностные черты и ориентированы на решение аналитических задач¹⁸⁸.

По мнению Л. И. Бородкина, использование моделирования более эффективно в тех областях исторической науки, где достигнут достаточно высокий концептуальный уровень знания, а также имеются надежные источники. Именно этим объясняется сравнительно

¹⁸⁴ Мазур Л. Н. Моделирование как метод аналитической истории // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 4. № 4. С. 137.

¹⁸⁵ Мазур Л. Н. *Методы исторического исследования*. С. 571

¹⁸⁶ Мазур Л. Н. *Моделирование как метод аналитической истории*. С. 137.

¹⁸⁷ Там же, С. 141.

¹⁸⁸ Там же, С. 136.

успешное состояние дел с использованием компьютерных моделей в исследованиях по социально-экономической истории¹⁸⁹.

Л. Н. Мазур полагает, что историк может выступать в роли «постановщика задач» при работе с коллегами, специализирующимися на математическом моделировании. «Идеальное (качественное) моделирование становится точкой отсчета в построении математических моделей, а при изучении абстрактно-конструируемых исторических объектов качественное моделирование становится базовым (основным) методом исследования»¹⁹⁰.

Теория социального конструирования позволяет рассмотреть раннесоветское общество в целом и в период новой экономической политики в частности, как модель, при помощи которой осуществлялось управление обществом и экономическими отношениями¹⁹¹. Этот подход нельзя назвать абсолютно инновационным. Так, например, А. С. Сенявский считает, что «нэп был не только “политикой”, а являлся если и не целостной, сконструированной согласно концептуальному замыслу “системой”, то вариантом, “моделью” развития, преемственной и альтернативной “военному коммунизму”»¹⁹².

Мы исходим из того, что управление в самом широком плане – это воздействие субъекта на объект с определенной целью, а управлять – значит руководить, направлять деятельность. Управление рассматривается как «элемент и одновременно функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности»¹⁹³.

Рассматривая управление как систему рационального воздействия на объект, преследующую конкретные цели, можно говорить об использовании определенной модели управления. Под моделью вообще понимается образец (эталон) для массового изготовления какого-либо изделия или конструкции, а также устройство, имитирующее строение и действие какого-либо другого (моделируемого) устройства в научных, производственных или иных целях. В широком смысле модель – это аналог (изображение, описание, схема, план и т. п.) какого-либо объекта, процесса или явления, которые для того, кто осуществляет моделирование, являются оригиналом.

¹⁸⁹ Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов. С. 37.

¹⁹⁰ Мазур Л. Н. Моделирование как метод аналитической истории. С. 157.

¹⁹¹ Данный подход был реализован в рамках гранта РНФ «Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.»; См. также: Килин А. П. Новая экономическая политика как модель управления: проблема интерпретации // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 222–232.

¹⁹² Сенявский А. С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспектива изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 13.

¹⁹³ Теория управления : учебник. М., 2005. С. 18.

Модель – это, прежде всего, продукт моделирования, то есть процесса, в котором участвуют объект моделирования (оригинал) и субъект, то есть тот, кто это моделирование непосредственно осуществляет¹⁹⁴. Управленческая, экономическая модель не является исключением. В зависимости от критериев, политических и экономических пристрастий, установок и задач, которыми руководствуется создатель, модели могут существенно отличаться друг от друга, более или менее соответствовать оригиналу и отражать субъективную, авторскую точку зрения. Чья модель окажется лучше, выявляется при сравнении ее с реально существующим оригиналом и тем, насколько адекватно она отражает и позволяет объяснить реальные явления, насколько эффективно она позволяет воздействовать на управляемый объект.

Зачастую реального оригинала вообще нет, а существует он только в воображении автора. Тогда, опираясь на накопленный опыт, интуицию, научные знания, понимание тенденций и закономерностей развития, автором делается прогноз относительно того, как в будущем будет выглядеть представляющий интерес объект (явление); создается новая модель управления (образец, эталон) и под эту модель перестраивается действующая система управления.

Категория «модель управления» является одной из ключевых в науке и практике управления. Это обусловлено тем, что любой руководитель стоит перед вопросами: как управлять тем или иным объектом, какие управленческие стратегии, рычаги и технологии использовать, чтобы эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Модель управления вынашивается и формируется годами, десятилетиями и даже веками. В идеале она должна быть не чужой, а только органичной и соответствующей культуре и традициям народа страны, в которой данная модель прививается. В данном случае значимым является не вопрос патриотизма или приверженности традиционным ценностям, а степень соответствия модели реалиям.

Процесс моделирования предусматривает на завершающей стадии формирование модели управления. Результат может достигаться различными способами:

1. Модель может быть взятой уже готовой, имея в виду, что мировой и отечественный опыт практического менеджмента предоставил немалое количество моделей, которые в свое время и при определенных условиях дали положительный результат. Отметим, что способ прямого копирования не всегда бывает эффективным.

2. Можно сконструировать модель по методу сборки из готовых деталей, которыми будут являться наиболее эффективно работающие элементы различных моделей управления. Этот подход предполагает широкую эрудицию и точный глазомер разработчика, так как в противном

¹⁹⁴ Теория управления. С. 33.

случае вместо синергии получится хаос, а отдельные элементы будут подавлять потенциал других.

3. Можно выбрать базовую модель управления, которая в максимальной мере отвечает предъявляемым требованиям, исключить из нее нежелательные элементы, на смену им разработать и встроить новые элементы, которые отвечают специфическим особенностям управляемого объекта и условиям его функционирования. Этот вариант сродни процессу реставрации исторических памятников, именно реставрации, а не строительства новодела.

4. По нашему мнению, в ряде случаев, в условиях неопределенности и нечеткого представления о целях управления, за основу может быть взята антагонистическая модель, а затем сформирован ее антипод, т. е. система, в максимальной степени исключая черты оригинала (своего рода метод проектирования от противного). Однако, как показывает практика, антагонисты, постоянно враждующие системы, становятся схожи. Поэтому в данном варианте есть риск воспроизводства, правда, в искаженном виде, той модели, которая первоначально рассматривалась как антагонистическая.

5. Самый креативный, но одновременно и рискованный способ – это путь радикальных инноваций. Можно создать и запустить принципиально новую модель, опирающуюся на совершенно новую парадигму, способную уловить едва наметившиеся изменения во внешней среде, которым суждено стать доминантными в будущем¹⁹⁵. В этом случае, даже при слабых исходных позициях, можно добиться преимуществ в борьбе с сильным противником, сломав стереотипы, изменив навязанную вам повестку дня и правила игры, тем самым нейтрализовать первоначальное превосходство старых моделей. Радикальные социальные преобразования, революции, идут зачастую по этому пути, однако, впоследствии при стабилизации режима и закреплении на завоеванных позициях вынуждены прибегать к более традиционным моделям управления.

2.3. Характеристика нэпа как модели управления

В нашем представлении, при моделировании нэпа использовались третий и четвертый варианты, так как речь шла об адаптации концепции построения социализма в слаборазвитой стране, а в качестве точки отсчета или этапа, от которого предстояло буквально отталкиваться, рассматривался военный коммунизм. В свою очередь, военный коммунизм виделся как антипод рынка. Российский экономист Б. Д. Бруцкус писал: «Период военного коммунизма доказал от противного преимущества рыночной экономики, период нэпа дал прямое тому доказательство»¹⁹⁶. Отметим, что нэп можно с полным правом рассматривать как этап в общей

¹⁹⁵ Теория управления. С. 34.

¹⁹⁶ Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России. СПб., 1995. С. 118.

стратегии развития страны, предполагавшей в конечном итоге построение мобилизационной экономики, эскиз которой был создан в период гражданской войны.

В менеджменте выделяют следующие основные критерии классификации и соответствующие им модели управления:

- по виду преобладающей собственности на средства производства (капиталистическая, социалистическая, корпоративная);
- по степени рыночного влияния на экономику (рыночная либеральная, рыночная с элементами государственного регулирования, социальная рыночная, модель государственного управления с развитыми рыночными отношениями, модель централизованного планового управления с элементами рынка);
- по масштабу и уровню управления (макромодель, отраслевая модель, региональная модель, муниципальная модель, микромодель на уровне одного предприятия);
- по характеру реализации властных полномочий (авторитарная, демократическая);
- по месту человека в системе производительных сил (доиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная);
- по территориальному происхождению, зарождению и месту широкой адаптации, среде обитания, области распространения (российская, американская, японская, шведская, германская, бразильская, советская – реализованная на территории СССР и т. п.);
- по принадлежности к соответствующим школам менеджмента (школа «научного менеджмента», школа «рациональной бюрократии», «административная» школа, «классическая» школа, школа научной организации труда, школа «человеческих отношений», мотивационная школа, школа «организационного поведения»);
- по отношению к изменениям во внешней и внутренней среде (статическая, или традиционная, консервативная, текущего состояния; ситуационная; адаптивная¹⁹⁷, или опережающая, инновационная; динамическая, или прогнозная, вероятностная, модель развития) и т. д.¹⁹⁸ Разумеется, применение этих характеристик к нэпу может носить условный характер, поскольку они были сформулированы значительно позднее и применяются к современной экономической системе, однако сами подходы позволяют систематизировать наши знания о нэпе и использовать новые методы для их анализа.

Основываясь на предложенных принципах классификации, предположим, что нэп это: модель с доминированием социалистической собственности на средства производства; модель

¹⁹⁷ Процедура формирования адаптивной модели современной российской корпорации в условиях переходной экономики России рассмотрена в диссертации А. В. Новоселова. См.: Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2011. 261 с.

¹⁹⁸ Теория управления. С. 35–36.

централизованного планового управления с элементами рынка; макро модель, которую предполагалось реализовать на территории всей страны; авторитарная; на грани доиндустриальной и индустриальной, учитывая аграрно-индустриальный характер экономики; сочетающая в себе как традиционно российские элементы, так и советские, выступающие в качестве новаций; тяготеющая к «административной школе» менеджмента; ситуационная и адаптивная.

В сфере корпоративного управления принято классифицировать модели по способу аккумуляции капиталов (инсайдерская и аутсайдерская); по способу принятия решений, с учетом или без учета мнения миноритарных акционеров (авторитарная и демократическая)¹⁹⁹. В этом контексте нэп, с известной долей условности, может представлять собой инсайдерскую и авторитарную модель.

Нетривиальной является задача проследить эволюцию термина «корпорация» в исторической ретроспективе²⁰⁰, однако особое внимание в корпоративном управлении уделяется национальным особенностям при функционировании той или иной модели (англо-саксонская, японская, германская). Отмечается, что различия обусловлены институциональной средой, в которой действует корпорация. В этой связи закономерен интерес к российской модели управления²⁰¹, которая характеризуется как предпринимательская, переходного периода и адаптивная.

Нэп и российская модель управления. Признание за российской моделью управления особых отличительных черт является сегодня общепризнанным фактом. Однако существование ее особенностей специалисты объясняют по-разному. Исследователями предлагается для рассмотрения перечень специфических черт, выявление и анализ которых осуществляется как в рамках компаративных и междисциплинарных исследований, так и в более узких предметных областях.

Национально-государственные особенности призывали учитывать и лидеры большевизма, в том числе и В. И. Ленин²⁰². При изучении нэпа трудно обойти вниманием вопрос: насколько нэповская модель согласуется с национальной (отечественной, российской, русской) моделью управления, является ли она ее органичным продолжением или явным отступлением от традиции?²⁰³ При этом необходимо учитывать, что существуют различные суждения относительно перечня особенностей российской модели управления, их значимости для

¹⁹⁹ Новоселов А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации: диссертация 261 с.

²⁰⁰ Новоселов А. В., Романова О. А. Корпорация: атрибутивные свойства, закономерности эволюционного развития в России и странах Запада. Екатеринбург, 2010. 192 с.

²⁰¹ Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2007. 384 с.

²⁰² Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме. // ПСС. Т. 41. С. 77.

²⁰³ Килин А. П. «Советский период» в контексте формирования национальной модели управления // История управленческой мысли и бизнеса: Национальные модели управления: вчера – сегодня – завтра. X Международная конференция. М., 2009. С. 74–86.

развития общества, их позитивного или негативного влияния на развитие страны в целом. Какие ценности способствуют, а какие препятствуют раскрытию человеческого потенциала, эффективному использованию ресурсов? Если этнографы стремятся рассматривать отличительные черты как самодостаточные, ценные для данного народа, поскольку они определяют его идентичность, то историки оценивают их во временном контексте, а экономисты – с точки зрения экономической эффективности.

Для российской модели управления характерно доминирование государственного сектора экономики, огосударствление других ее секторов и хозяйственных укладов как в условиях императорской России, так и в период построения социализма. Уровень развития рыночных отношений всегда лимитировался существующими рыночными институтами. Значительная роль государства в экономике и дефицит капиталов, наличие феодальных пережитков в форме чиновничьей ренты и моделей управления периферийными территориями приводили к ограниченному или более консервативному развитию институтов рынка.

Феномен процесса формирования российской модели управления заключается в том, что он имеет (или кажется, что имеет), прерывный, разорванный, не эволюционный, а революционный характер. Золотым веком отечественного предпринимательства считается период конца XIX – начала XX вв. Позднее, описывая процессы конца XX – начала XXI вв., авторы используют речевой оборот «возрождение традиций». Период 1917–1985 гг. при этом превращается в некую черную дыру. На наш взгляд, это не вполне адекватная оценка процесса, основанная на жестком противопоставлении ситуации до и после октября 1917 г., не учитывающая силу инерции и воспроизводство устоявшихся управленческих практик в новых условиях.

Линейно-стадиальная концепция развития, которая обосновывает общие закономерности модернизационных процессов, ориентирована на лидеров и инициаторов инноваций – экономически развитие страны Запада, тем самым задает западнцентристский взгляд на мир, оставляя другим странам место на его периферии. Напротив, цивилизационный подход абсолютизирует отличительные черты, культурный релятивизм и дискретность исторического пространства. Показательно стремление исследователей найти иное объяснение специфике исторического развития России. Порой это сводится к концепции «особого пути», уникальной и не тиражируемой модели эволюции (или консервации). Такой подход может тешить самолюбие, но не позволяет выявить общие закономерности, порой исключает аналитический компонент. В этой связи показательна концепция А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, в которой авторы стремятся найти иное объяснение, дистанцируясь как от линейно-стадиального, так и цивилизационного подхода, но при этом не оставляя Россию в гордом одиночестве. Авторы выделяют общества конгломератного типа для которых характерно «длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих

элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавные структуры, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции». Исследователи называют их отличительные черты: «1) конгломеративные общества – это мегаструктуры, опирающиеся на анклавные; 2) конгломеративность – нейтральная характеристика, обозначающая один из типов организации (обществ и мира); 3) анклавные – не остаточные явления чего-то отжившего (анклавы могут представлять и новации), а устойчивые структурные единицы конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку; 4) конгломеративно-анклавный тип самоорганизации может быть и бывает инструментом чрезвычайно успешного приспособления общества к индустриальной и постиндустриальной среде»²⁰⁴. В качестве положительных примеров обществ этого типа авторы приводят современные Китай, Японию и Тайвань. Не вдаваясь в детали данной концепции, отметим, что она вполне согласуется с укладным подходом и моделью многоукладной экономики, которые используются в нашем исследовании.

Множественность моделей нэпа. По нашему мнению, следует говорить не об одной, а о нескольких моделях управления, реализованных в 1920-е гг. Противоречия нэпа при таком подходе вытекали не только из противопоставления политики и экономики, но и из разнонаправленного воздействия на экономику различных моделей управления.

Модель управления как теоретическая конструкция применяется нами к конкретно-историческому материалу, к определенному периоду отечественной истории, получившему название новой экономической политики. Представляется необходимым выяснить: была ли эта политика экономической и была ли она новой?

Любая политика – это цели и задачи, преследуемые и решаемые людьми в связи с их конкретными интересами, а также методы, средства и институты, с помощью которых данные интересы формулируются, отстаиваются и защищаются. Если сформулировать предельно кратко, то политика – это интересы в действии²⁰⁵. Основной целью политических партий и движения – это завоевание и удержание власти.

Экономическая политика – это система методов, инструментов и форм государственного воздействия на социально-экономические процессы, реализующая тот или иной тип экономической стратегии²⁰⁶. Еще одно определение экономической политики подчеркивает, что

²⁰⁴ Богатуров, А. Д. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия : Сборник статей. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. М., 2002. С. 109–128.

²⁰⁵ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2000. С. 68.

²⁰⁶ Экономическая политика // Энциклопедия инвестора. Академик. URL: <http://investments.academic.ru/1549>

это действия правительства по выбору и осуществлению экономических решений на макроэкономическом уровне. Цели экономической политики многообразны и зависят от степени развития страны. Важно отметить, что некоторые цели экономической политики противоречивы (дилемма целей)²⁰⁷.

При рассмотрении нэпа можно однозначно утверждать, что как цели государства, так и методы воздействия на общество выходили далеко за рамки собственно экономической политики. Доминирование политики над экономикой подчеркивал В. И. Ленин: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»²⁰⁸. Эта цитата дает нам основание утверждать, что политика доминировала над экономикой, а ради основной политической цели – удержания власти – были допустимы любые, даже радикальные с точки зрения ряда большевиков, хозяйственные маневры.

На наш взгляд, вопреки математическому правилу, при котором от перестановки мест слагаемых сумма не меняется, в словообразовании с перестановкой мест акценты смещаются, что дает основание трактовать новую экономическую политику как период оформления политической экономики социализма.

Был ли нэп совершенно новым направлением в развитии государства, развернувшим ее курс на 180° по сравнению с военным коммунизмом? Разумеется, ответ будет отрицательным. Нэп был альтернативой, «но альтернативой... далеко не во всем: ключевые идеологические установки (о «диктатуре пролетариата», ведущей роли рабочего класса и руководящей – партии, и т. д.) и основы политической системы оставались «стержнем» всего исторического движения, а его стратегические «цели», задававшиеся политическим курсом, – противоречили текущим «средствам»²⁰⁹.

Д. Хесслер предостерегает от оценок нэпа как тупикового этапа в развитии советского государства. По ее мнению, нэп был скорее мостом между социалистическими устремлениями революционной эпохи и «реальным социализмом» более поздних лет²¹⁰.

Традиция и новации в модели нэпа. Соотношение традиции и новаций в сфере управления в годы нэпа является самостоятельной исследовательской задачей (см. Рис. 1).

При оценке новизны политического курса, взятого весной 1921 г. целесообразно использовать богатый терминологический и методологический арсенал инновационного менеджмента. Зарубежные и российские ученые обращаются к термину «инновации» примерно с первой половины XX в. Одним из них был австрийский экономист Й. Шумпетер. В 1930-е гг.

²⁰⁷ Экономическая политика // Энциклопедия инвестора. Академик. URL: <http://investments.academic.ru/1549>

²⁰⁸ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. // ПСС. Т. 42. С. 278.

²⁰⁹ Сенявский А. С. Новая экономическая политика. С. 13.

²¹⁰ Hessler J. A Social History of Soviet Trade: P. 336.

он говорил о «новых комбинациях» как каком-либо изменении с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, а также новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности²¹¹.

Рис. 1. Традиции и новации в сопоставлении политики военного коммунизма и нэпа.

Й. Шумпетер писал: «Форма и содержание развития в нашем понимании в таком случае задаются понятием “осуществление новых комбинаций”». Это понятие охватывает следующие пять случаев: 1. Изготовление нового, т. е. еще неизвестного потребителям, блага или создание нового качества того или иного блага. 2. Внедрение нового, т. е. данной отрасли промышленности еще практически неизвестного, метода (способа) производства, в основе которого не обязательно лежит новое научное открытие и который может заключаться также в новом способе коммерческого использования соответствующего товара. 3. Освоение нового рынка сбыта, т. е. такого рынка, на котором до сих пор данная отрасль промышленности этой страны еще не была представлена, независимо от того, существовал этот рынок прежде или нет. 4. Получение нового источника сырья или полуфабрикатов, равным образом независимо от

²¹¹ Ильенкова С. Д. Инновационный менеджмент // Большая библиотека. URL: <http://biglibrary.ru/category38/book67/part2/>

того, существовал этот источник прежде, или просто не принимался во внимание, или считался недоступным, или его еще только предстояло создать. 5. Проведение соответствующей реорганизации, например обеспечение монопольного положения (посредством создания треста) или подрыв монопольного положения другого предприятия»²¹².

В отличие от представителей классической экономической теории, Й. Шумпетер выделяет не три фактора производства (труд, земля, капитал), а четыре. Четвертым являются предпринимательские способности, именно за счет них происходит осуществление инноваций. Он писал: «Предпринимателями (Unternehmer) же мы называем хозяйственных субъектов, функцией которых является как раз осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент»²¹³. Этот «четвертый элемент» чрезвычайно важен для понимания сути нэпа, так как оценка роли частной инициативы была в центре политических дискуссий, а спектр мнений был предельно широк – от панацеи до абсолютного зла, экономической контрреволюции.

Современные исследователи определяют инновации как «конечный результат научного исследования или открытия, качественно отличный от предшествующего аналога и внедренный в производство. Понятие инновации применяется ко всем новшествам в организационной, производственной и прочих сферах деятельности, к любым усовершенствованиям, обеспечивающим снижение затрат»²¹⁴.

Классификационный метод активно используется в инноватике. Существует масса классификаций, основанных на разнообразных основаниях: сфере деятельности, темпах и продолжительности внедрения, уровне преемственности (в связи с последним отметим ретроинновации и псевдоинновации) и т.д.

В самом общем виде, большинство специалистов разделяет все инновации на два типа: реактивные и стратегические. Реактивные инновации представляют собой реакцию на нововведения, осуществляемые конкурентами, и способствуют выживанию фирмы, поддерживают ее рентабельность в условиях межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции²¹⁵.

Наиболее распространенное мнение заключается в том, что инновации – это нечто абсолютно новое и основанное на достижениях современной науки, но это не так. Наряду с большим количеством модернизационных, технологических инноваций, в последние годы все

²¹² Шумпетер Й. А. Теория экономического развития = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung ; Капитализм, социализм и демократия = Capitalism, Socialism and Democracy. М., 2008. С. 132–133.

²¹³ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития... С. 142.

²¹⁴ Огарков С. А., Кузнецова Е. С., Грязнова М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика // Российская академия естествознания. URL: <http://www.rae.ru/monographs/112-3766>

²¹⁵ Грибов В. Д., Грузинов В. П. Экономика предприятия // Центр креативных технологий. URL: <http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0052/>

заметнее прослеживается тенденция к увеличению роста числа инноваций, обращенных к прошлому. Суть таких инноваций заключается в том, что компании используют уже готовый продукт, который существует многие годы, но используется в новом качестве, с иными целями, в новом контексте.

Классификация инноваций позволяет нам сделать акцент на инновациях в сфере управления, в социальной сфере, а также на тех, которые называют ретроинновациями или псевдоинновациями (отметим, что они не синонимичны). Новая экономическая политика во многом воспроизводила управленческий опыт, организационные структуры и экономические отношения периода рыночной экономики. Несомненно, можно говорить о преемственности в сфере государственного регулирования экономики, которое существовало в годы Первой мировой войны и усугубилось в годы военного коммунизма. Несомненная новизна касалась исключительной роли государственного сектора в экономике (отметим, что и до революции доля государственного сектора была неизмеримо выше, чем в западных странах). Советская специфика нашла отражение в широком применении административных методов воздействия на экономику, основанных на классовом подходе, в условиях диктатуры пролетариата.

Традиционной оставалась цель сохранения и удержания власти правящей элитой в условиях послевоенного периода, когда собственных, централизованных ресурсов было недостаточно для восстановления хозяйства страны. Это была политика контроля над процессами децентрализации в сфере управления и над разрешенными элементами рыночной экономики, действующими в качестве легальных инструментов восстановительного процесса.

В данной главе мы рассмотрим только две модели управления из множества существовавших в 1920–1930-е гг., которые, развиваясь отнюдь не планомерно и прямолинейно, а раскручиваясь по спирали, шли параллельными курсами, частично пересекаясь друг с другом. В качестве вариантов возможны следующие модели: политической системы, социального переустройства, переходного периода, денежно-кредитной системы, федерализма и т. п.

2.4. Укладный подход и модель многоукладной экономики

Проблема многоукладности приобретала особую актуальность как в 1920-е, так и в 1990-е гг. При рассмотрении теоретических и терминологических аспектов многоукладности мы обратимся к работам экономистов, интересы которых сосредоточены на проблемах современной России. Такой подход может вызвать отторжение у историков, которые обвинят автора в модернизации исторических процессов; с другой стороны, национальная модель управления, основанная на традициях, должна основываться на постоянных величинах, а проблема многоукладности – одна из них. Отметим, что и экономисты для обоснования своих концепций

широко практикуют исторический подход, обращаются к примерам функционирования многоукладной экономики в прошлом, в том числе и в 1920–1930-е гг.

Так, например, З. В. Рыбина называет период нэпа ренессансом многоукладности, а ее сведение до уровня одноукладной (моноукладной) экономики причиной распада СССР. «Крах социалистического государства явился закономерным итогом формирования в течение нескольких десятилетий одноукладной экономики. Социалистический уклад в промышленности и сельском хозяйстве, опирающийся на общенародную собственность на средства производства вкупе с официально объявленной общностью “советский народ” способствовал унификации, а впоследствии и деградации хозяйственных, культурных, предпринимательских, религиозных и многих других традиций»²¹⁶. В многоукладности видят потенциал интенсификации экономического развития современной России. Перечисляя проблемы, с которыми столкнулась наша страна на современном этапе, экономисты отмечают: «Одна из таких проблем – неумение использовать имеющийся в стране огромный и разносторонний ресурсный, пространственный и человеческий потенциал. Более того, часто выясняется, что отсутствуют сами социально-экономические предпосылки, способствующие его использованию... Потенциал страны настолько многообразен и многопланов, что возможность его более полного использования предполагает создание реальной многоукладной экономики, способной в определенном смысле смягчить кризисы, опираясь на многообразие видов и форм собственной экономической и социальной деятельности. Тогда придут и адекватные предпринимательский и финансовый опыт, будут созданы соответствующие условия для всех массовых легитимных социальных слоев, групп, территориальных сообществ, а также отдельных личностей, пробудится позитивная социальная активность»²¹⁷.

По мнению З. В. Рыбиной, которая рассматривала историю разработки этой концепции в отечественной и зарубежной исследовательской практике, приоритет должен быть отдан отечественным исследователям, которые сосредотачивали свое внимание на экономических аспектах проблемы: выделяли уклады на основе формы собственности на средства производства с учетом системы социально-трудовой деятельности. Напротив, зарубежные ученые, в отличие от российских коллег, делали акцент на трактовке уклада как условия хозяйствования и жизни населения²¹⁸.

Социологический и экономический подходы к изучению уклада могут быть использованы в рамках исторических исследований, которые выполняют интеграционную функцию в методологическом плане, при этом локализует объект и предмет исследования в конкретных

²¹⁶ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада : монография. М.; Берлин, 2017. С. 60.

²¹⁷ Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. М., 2009. С. 12–24.

²¹⁸ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 23, 45.

территориальных и хронологических рамках. Как уже отмечалось, историзм в работах экономистов и социологов призван подтвердить или опровергнуть выработанные ими теории.

Само определение понятия «уклад» не является легкоразрешимой проблемой. Во-первых, оно претерпело определенную эволюцию; во-вторых, эта категория может использоваться различными авторами с использованием иных терминов («габитус» – П. Бурдьё, «общественный порядок» – Ф. Хайек, «хозяйственный порядок» и «хозяйственный дух» – В. Зомбарт, «экономический уклад» / «Wirtschaftsform» – Й. Шумпетер, «миры» – Л. Тавено, «локус» – И. Валлерстайн, «народно-хозяйственная категория» – А. В. Чаянов, свои варианты предлагали Дж. Б. Кларк, П. Сорокин)²¹⁹. Нет консенсуса и в отношении как набора укладов, характерных для той или иной эпохи, так и их обозначения. «В обыденном языке понятие “уклад” характеризует упорядоченность жизни, то, что происходит изо дня в день... применяется, в основном, к социальной жизни на микроуровне и зависит от способа анализа социальной реальности...»²²⁰. В таком значении этот термин использовал в своих работах М. Вебер – «жизненный уклад», как самостоятельное понятие, рассматривая «дух капитализма»²²¹.

Прослеживая генезис термина в отечественной экономической теории, авторы отмечают: «Предполагалось разграничить понятия “формация”, “способ производства” и “уклад”; иногда уклад связывался с понятием переходной экономики (уклад рассматривался как зарождающаяся или, наоборот, отживающая свой век формация)... Уклад понимался как подформация; формация (или способ производства) складывалась из входящих в нее укладов»²²².

Концепцию укладности, укладный подход, – как отмечает А. А. Куракин, – рассматривают как переход от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем или блоков более низкой степени общности²²³.

Эту проблему на этнографическом материале, анализируя процесс формирования крестьянских общин в России и в зарубежных странах, отразил в своих работах Ю. И. Семенов: «Производство всегда имеет определенную общественную организацию, существует в определенной общественной форме. Поэтому существует несколько, отличающихся по своей общественной структуре типов, видов производства, являющихся и определенными ступенями его развития. Они получили название способов производства. Общественной формой производства на каждой ступени его развития является целостная система производственных

²¹⁹ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада... С. 24–45.

²²⁰ Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. С. 39–40.

²²¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко; Коммент. А. Ф. Филиппова. М., 1990. 804 с.

²²² Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия. С. 42.

²²³ Там же, С. 39–40.

отношений определенного типа»²²⁴. Автор ссылается на работы В. И. Ленина, который при описании этой категории использовал различные термины, из которых наибольшее распространение получил «общественно-экономический уклад». «Производственные отношения того или иного типа могли образовывать целостную систему, т. е. определенный общественно-экономический уклад, – пишет Ю. И. Семенов, – причем совершенно не исключена возможность наличия в одном и том же социальном организме одновременно нескольких укладов общественного производства. Как правило... один из них был господствующим, доминирующим, а остальные – подчиненными. Господствующий уклад является основой социального организма и определяет его тип, его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации»²²⁵.

Можно выдвинуть гипотезу, что полярность понятий, дихотомия, противопоставления не могут отразить всего многообразия действительности, поэтому на смену классовому подходу приходит теория стратификации, а на смену паре «капитализм – социализм» – теория многоукладности. «Непривычным образом начинает терять актуальность присущая лучшим умам уходящей “старой современности” (modernity) от Маркса до Леви-Стросса склонность осмысливать мир в бинарных оппозициях. Двоичность размывается, противопоставление и противоположность перестают быть стандартной матрицей анализа»²²⁶.

В политическом контексте, при доминировании идеологических установок, напротив, картина обедняется и конфронтационный подход, основанный на антагонизме и противопоставлении двух систем, становится более популярным, востребованным и удобным в проведении пропагандистских кампаний.

Стремясь к универсализму, А. А. Куракин декларирует приоритет структурного функционализма, который внепространственен и внеисторичен. «Концепцию укладности, укладный подход, можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем более низкой степени общности. Каждая такая производная аналитическая схема привязана к некоторому исторически и пространственно-определенному типу исследуемого объекта. По сути, происходит классификация эмпирических объектов на уровне теории. Уклад не представляет собой теоретического подхода, некоторой самостоятельной теории. Он может быть использован лишь как продолжение существующих теорий... Любую теорию можно достроить таким образом. В зависимости от теории получаются

²²⁴ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община / Становление классов и государства: сборник статей. М., 1976. С. 17–18.

²²⁵ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. С. 18.

²²⁶ Богатуров А. Д. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. С. 109–128.

разные уклады: социально-экономические, культурные, политические и т. д. (и разные варианты этих укладов)²²⁷».

Таким образом, можно говорить о формациях как о моделях социально-экономического развития, а об укладах – как категориях более низкого порядка, как о результатах этого моделирования, сочетающих в себе как теорию, так и эмпирику. Такая интерпретация уклада согласуется с процессом моделирования, когда первоначальная идея модифицируется под воздействием объективных условий и порой превращается в свою противоположность. Наглядным примером может служить идея социализма, реализованная в СССР.

По мнению других авторов цитируемой коллективной монографии, уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. «Не только форма собственности определяет уклад... Уклад – воспроизводимая часть общественной системы, характеризующаяся совокупностью собственных внутренних связей (производственных, социальных, культурных, бытовых, национальных, территориальных и т. п.) и внешних связей внутри системы, зависящая от общественной системы, ее как естественной, так и общественной среды... Общественная система может состоять из множества укладов, взаимодействующих друг с другом или противостоящих друг другу, находящимся на одном уровне социально-экономического развития или различающихся по этому признаку... Такое понимание уклада не может ограничиваться только экономической средой, но экономическая составляющая является основой развития уклада, фактором его воспроизводимости. Такая трактовка категории “уклада” соответствует реальным общественным отношениям, при которых взаимодействие укладов означает их конкурентное противостояние при равных возможностях развития, а не идеологически управляемое вытеснение одного уклада другим»²²⁸.

Можно утверждать, что консенсус относительно более широкой трактовки уклада, выходящей далеко за хозяйственные рамки, достигнут, однако в принципах классификации и наборе укладов нет единства. З. В. Рыбина предлагает следующее определение: «Экономический уклад – это условия хозяйствования, жизнеобеспечения и жизнеустройства определенной части населения, определяемые: системой социально-трудовой деятельности этого населения или его местом в общественном разделении труда; формой собственности на предметы и средства труда, а также рабочую силу»²²⁹. Определение в графическом виде представлено на Рис. 2.

²²⁷ Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия. С. 63–65.

²²⁸ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. С. 18–19.

²²⁹ Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 44.

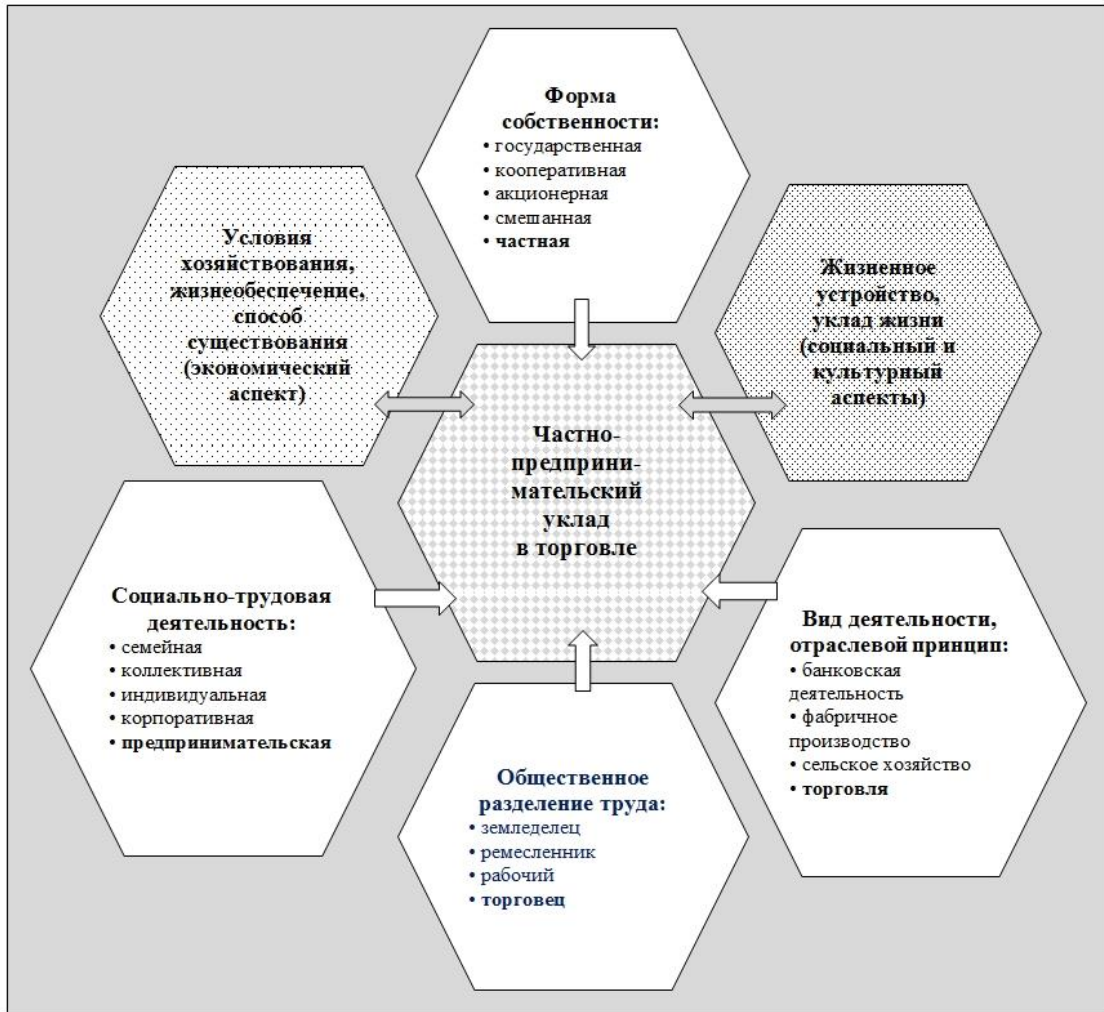

Рис. 2. Структура частнопредпринимательского уклада.

Стремление детализировать классификационные признаки, приводит З. В. Рыбину к выводу, что необходимо дальнейшее углубление понятия системы социально-трудовой деятельности, конкретизация его с учетом основных отраслей хозяйства, имеющих свою специфику. Среди прочего, автор предлагает выделять торговлю. «Для идентификации общественно-экономических укладов целесообразно использовать два критерия: в широком смысле уклад формируется на базе формы собственности на средства производства и рабочую силу, в узком смысле – по виду деятельности, или отраслевому принципу»²³⁰.

Изучение частного торгового предпринимательства на основе укладного подхода, на наш взгляд, является оптимальным, поскольку позволяет рассматривать не только экономические, но и социальные аспекты проблемы, позволяет изучать мелкие и мельчайшие формы хозяйственной посреднической деятельности в наиболее полном и объемном виде. Отметим и потенциал изучения отраслевой специфики.

²³⁰ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада... С. 22.

В рецензии на исследование, посвященное многоукладности в современной России, И. А. Троцук резюмирует: «В книге выделены три ключевые трактовки понятия «уклад»: прежде всего, это понятие обыденного языка (достаточно редко используемое), характеризующее упорядоченность рутинного течения жизни; во-вторых, это понятие, применяемое управленцами всех уровней для объяснения выбивающихся из общей модели контроля явлений социально-экономического порядка; в-третьих, и именно на этой интерпретации сфокусирован рецензируемый сборник, это аналитический прием, позволяющий преодолевать оторванность масштабных теоретических моделей от жизненных реалий за счет понижения степени их общности и абстрактности (скажем, применительно к концепции общественно-экономических формаций К. Маркса уклад фактически выполняет функцию «подформации»)»²³¹.

Частнопредпринимательский уклад как строй хозяйственной жизни. Не абсолютизируя исследовательский подход В. Зомбарта, полагаем, что он содержит ценные положения, которые могут быть использованы при определении контуров и характеристик частнопредпринимательского уклада в торговле. Для определения особенностей того или иного хозяйственного строя (уклада) В. Зомбарт выделил ряд характеристик, которые разбил на антагонистические пары. Базовые характеристики для его теории это дух, форма и техника. Дух (хозяйственное воззрение, которое в большей степени соотносится с понятием хозяйственного уклада) определяется тремя парами: принцип удовлетворения потребностей – принцип доходности; традиционализм – рационализм; солидарность – индивидуализм. Форма (регулирование и организация) шестью: связанность – свобода; частные хозяйства – общественное хозяйство; демократия – аристократия; замкнутость – открытость; хозяйство для покрытия потребностей – меновое хозяйство; индивидуальные предприятия – общественные предприятия. Техника (приемы) тремя парными характеристиками: эмпирическая – научная; стационарная – революционная; органическая – неорганическая (механическая)»²³².

Поскольку социалистические хозяйственные системы еще не были реализованы на практике, В. Зомбарт рассматривал их либо как антикапиталистические (формирование модели от противного) или послекапиталистические (инновационные) системы. Он полагал, что социалистическая система идеальна и умозрительна, поскольку включает в себя несочетаемые характеристики и, по своей сути, является утопией. Хозяйственная утопия, по мнению В. Зомбарта, – это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые²³³. Если для социализма были характерны удовлетворение потребностей (экономика потребления и

²³¹ Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

²³² Зомбарт В. Избранные работы... С. 70.

²³³ Там же, С. 79–80.

распределения), рационализм (разрыв с прошлым, «весь мир насилья мы разроем») и солидарность («пролетарии всех стран соединяйтесь», притом что солидарность базируется на чувстве общности и традиции).

В. Зомбарт отмечал, что «хозяйственному социализму приходится разрешить трудную задачу – искусственно воссоздать сознание солидарности, которая в докапиталистических хозяйственных системах питается естественным чувством общности».

Наиболее существенное противоречие он видит в декларируемых и реальных задачах при создании новой техники. Если социалистическая техника мыслится как научная, прогрессивная и революционная, но при этом предпочтение отдается форме связанности (централизованное планирование), общественному и замкнутому хозяйству, что характерно для стационарной (не динамично развивающейся) техники. Таки образом В. Зомбарт не видел источника инновационного импульса в социалистической модели хозяйствования. Возможно, по этой причине технологические инновации в годы нэпа уступали место ретроинновациям, благо ресурсный потенциал страны позволял осуществлять экстенсивное развитие, и лишь в годы индустриализации вновь стали востребованы.

Используя выделенные В. Зомбартом критерии для характеристики частнопредпринимательского уклада, становится очевидным, что они формируются из признаков, в большей степени соотносимых с капиталистическим хозяйством. Это принцип доходности (в случае профессиональных торговцев), напротив, граждане занимавшиеся торговлей вынужденно, рассматривали ее как источник самообеспечения и по этой причине мы не можем их отнести к представителям частнопредпринимательского уклада, не отрицая того факта, что они в той или иной мере были вовлечены в его орбиту.

Традиционализм выражался в использовании устоявшихся форм и методов торгово-посреднической деятельности. Поскольку речь идет о частнопредпринимательском укладе, ему свойственен индивидуализм. Возможное включение коллективных начал в частную торговлю, мы допускаем при сочетании частнопредпринимательского и диаспорного укладов. Форма частнопредпринимательского уклада предполагала свободу (автономию личности и механизмы саморегулирования); по определению это были частные и индивидуальные хозяйства; демократичность организации (вопреки утверждению В. Зомбарта об аристократичности капитализма, поскольку частная торговля в рассматриваемый период носила массовый характер); это было меновое хозяйство; предполагала относительную открытость. Последний тезис может вступать в противоречие с нашим утверждением о том, что замкнутый круг частного сектора хозяйства является наиболее зрелой формой частнопредпринимательского уклада. Отметим то обстоятельство, что появление круга было реакцией частного сектора на административное и внеэкономическое давление со стороны государства.

Если использовать категорию «техника» к сфере торгово-посреднических услуг, то приемы или торговые практики можно считать эмпирическими, стационарными и органическими.

По мнению З. В. Рыбиной, В. Зомбарт предложил довольно строгую систему для выделения различных экономических систем, положив в основу экономические критерии (что для автора как экономиста особо значимо); определил условия выделения одного господствующего хозяйственного духа (уклада); продемонстрировал взаимосвязь исторического развития с количественным ростом и многообразием хозяйственных систем; внес существенный вклад в разработку понятийного аппарата²³⁴.

Многоукладная экономика как система. Рассмотрим, какие конкретные феномены предлагают нам рассматривать в качестве укладов. В. И. Ленин выделял пять укладов. «Мы наблюдаем, по меньшей мере, пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое – патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе – мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье – капиталистическое, – это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое – государственный капитализм, и пятое – социализм»²³⁵. В этой работе содержится не только определение состава многоукладной экономики России, но и оправдание многоукладности, описание объективных условий, которые приводят к такому состоянию.

При создании Коммунистического интернационала как глобального проекта предполагалось учесть опыт российской революции. По этой причине программные документы этой организации можно рассматривать как своего рода итог, результат совмещения марксистской теории и практического опыта, как рекомендации коммунистическим партиям других стран. В Программе Коммунистического интернационала говорилось: «Разнообразие хозяйственных укладов (от социализированной крупной индустрии до хозяйства мелкого крестьянина и ремесленника), которое не может не сопровождаться борьбой этих различных хозяйственных форм; соответствующее этим хозяйственным формам разнообразие классов и классовых группировок, с различными стимулами хозяйственной деятельности и борьбой их различных хозяйственных интересов; наконец наличие во всех областях хозяйственной жизни навыков и традиций, унаследованных от буржуазного общества и не могущих быть изжитыми сразу, – все это требует от экономического руководства пролетариата правильного сочетания –

²³⁴ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 34.

²³⁵ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года. // ПСС. Т. 43. С. 158.; Ленин об укладах в 1918 г. см.: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. // ПСС. Т. 36. С. 295–296.

на основе рыночных отношений – крупной социалистической промышленности и мелкого хозяйства простых товаропроизводителей, т. е. такого сочетания, которое обеспечивает ведущую роль социалистической промышленности и в то же время максимальный подъем всей основной массы крестьянских хозяйств»²³⁶.

Делался вывод о соотношении плана и рынка в условиях многоукладности: «Поэтому, чем больше удельный вес раздробленного мелкокрестьянского труда в общей экономике страны, тем больше объем рыночных отношений; чем меньше значение непосредственного планового руководства, тем в большей степени общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений. Наоборот, чем меньше удельный вес мелкого хозяйства, чем значительнее доля обобществленного труда, чем могущественнее концентрированные и социализированные массы средств производства, тем меньше объем рыночных отношений, тем больше значение плана в сравнении со стихией, тем значительнее и универсальнее методы непосредственного планового руководства и в области производства, и в области распределения»²³⁷.

Г. А. Дихтяр, обосновывая объективную необходимость существования торговли при социализме, говорит о многоукладной экономике переходного периода. Ссылаясь на Труды Центрального статистического управления, он приводит следующие данные о количественном соотношении различных укладов: «Из общей стоимости всей валовой продукции страны в 1923/24 г. на долю каждого уклада приходилось: мелкотоварного 51 %, социалистического – 38,5, частнокапиталистического – 8,9, государственно-капиталистического – 1,0 и натурального хозяйства – 0,6 %. Но в различных отраслях народного хозяйства соотношение экономических укладов существенно отклонялось от этих цифр. Например, по данным за 1924 г., удельный вес социалистического уклада в валовой продукции промышленности составлял 76,3 %, а в продукции сельского хозяйства – только 1,5 %»²³⁸.

Отметим, что оценка сущности тех или иных укладов ставилась под сомнение современниками. Например, Б. Д. Бруцкус писал: «Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия “государственно-капиталистическими” и, соответственно, всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы»²³⁹.

²³⁶ Программа Коммунистического интернационала // Стенографический отчет VI конгресс[а] Коминтерна. Вып. 6: Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М.; Л., 1929. С. 30–31.

²³⁷ Там же, С. 31.

²³⁸ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 9.

²³⁹ Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России. С. 118.

Отметим, что внедрение хозрасчета на предприятиях сочеталось с необходимостью выполнять план по государственным заказам и, в силу ряда причин, имело ограниченное и подчиненное значение. Далее Б. Д. Бруцкус отмечает: «Причина, почему они [иностранные наблюдатели – А. К.] не хотят применять термин “социалистические” к русским государственным предприятиям, та, что они не имеют горького опыта натурального социализма в своих странах и предпочитают думать о социализме как “естественной” экономической системе. И так как со времен введения нэпа русская система действует на денежной основе, они не решаются назвать ее социалистической. Но есть другая интересная психологическая причина, почему иностранные наблюдатели, даже допускающие, что в России строят социализм, никогда не признают, что он уже построен. Средний европеец, хороший буржуазный политик у себя дома, еще думает о социализме как о воплощении всего хорошего в социальной системе. А так как очевидно, что русские граждане живут отнюдь не на постели из роз, это может значить только, что социализм еще не завершен и, действительно, в советской России есть еще остатки порочного капитализма»²⁴⁰.

В. П. Тимошенко, анализируя причины перехода к автаркии в экономике страны, заметил, что «действительно, в изолированной от внешнего мира стране можно было назвать социализмом все, что угодно»²⁴¹.

Как уже отмечалось, отсутствует единство относительно количества и конкретного набора укладов, как применительно к периоду нэпа, так и к экономике современной России. Л. Н. Суворова рассматривает следующие уклады: государственная промышленность, мелкотоварное крестьянское хозяйство, кооперативные хозяйственные формы и частнокапиталистические хозяйственные формы²⁴². При этом все уклады анализируются в контексте государственного регулирования. Этот аспект подчеркивается в названии работы «Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком», что на наш взгляд не вполне корректно. Сравнивать можно сопоставимые категории, а противопоставлять рынку следует плановые начала, поскольку рыночные механизмы на данном этапе были одним из инструментов государственной экономической политики. Автор обошел вниманием определение уклада. По всей видимости, это не является для него исследовательской проблемой.

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие

²⁴⁰ Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России. С. 118.

²⁴¹ Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 91.

²⁴² Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. 304 с.

субъекты. Если В. И. Ленин выделял пять укладов, то современные экономисты, путем дробления, объединения и выделения новых, могут насчитать более двух десятков укладов²⁴³.

Если государственный, частнопредпринимательский, кооперативный и семейный уклады можно признать традиционными, то сельский, городской и неформальный уклады расширяют горизонты наших представлений, а диаспорный или религиозный уклады воспринимаются как экзотичные. И. В. Троцук отмечает: «Авторы предлагают следующую типологию укладов: сельский (соответственно, может быть и городской), рыночный (в качестве примера выступает частнопредпринимательский) и нерыночный (например, семейный), государственный, неформальный (правда непонятно, синонимичен ли он неформальной экономике как более устоявшейся лингвистической конструкции или чем-то принципиально отличается), диаспорный и кооперативный (имеющий в российском обществе давнюю и весьма успешную историческую традицию, но принявший в советский период ложный, дефективный, а в постсоветский период – квазигосударственный, а потому неэффективный номинальный характер)»²⁴⁴. Унификация многоукладной экономики представлена на Рис. 3.

З. В. Рыбина полагает, что существовавший в СССР колхозно-кооперативный уклад нельзя рассматривать как единый, разделяет его на кооперативный и колхозный. «Первый из них был достаточно широко представлен рыболовецкими и промысловыми артелями и инвалидными кооперативами. Второй же уклад, по сути, представлял некую деформацию патриархального уклада. При общей собственности на средства производства распределение продуктов труда производилось в натуральной форме, и даже после продажи продукции государству, колхозникам на руки выдавались не деньги, а опять же натуральные товары»²⁴⁵.

Таким образом, анализируя конкретно-исторический материал, выявляя специфику того или иного вида хозяйственной деятельности, мы с неизбежностью увеличиваем количественно или модифицируем качественно имеющийся в нашем распоряжении набор укладов.

На наш взгляд, подход к анализу многоукладной экономики нэпа с детализированной шкалой укладов является продуктивным, придает новизну восприятию традиционных тем и в очередной раз подчеркивает многообразие и противоречивость этого периода отечественной истории. Так, например, деятельность торговых предпринимателей в определенных сегментах рынка (торговля фруктами, рыбой, халяльными или кошерными продуктами) близка как к частнопредпринимательскому (основанному на кровно-родственных, семейных связях), так и к диаспорному укладам. Миграционные потоки в 1920-е гг. были достаточно интенсивными и

²⁴³ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 5.

²⁴⁴ Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны. С. 510–514.

²⁴⁵ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 72

могли способствовать формированию хозяйственных систем, аналогичных диаспорному укладу, в том числе и в таком удаленном от границ регионе как Урал.

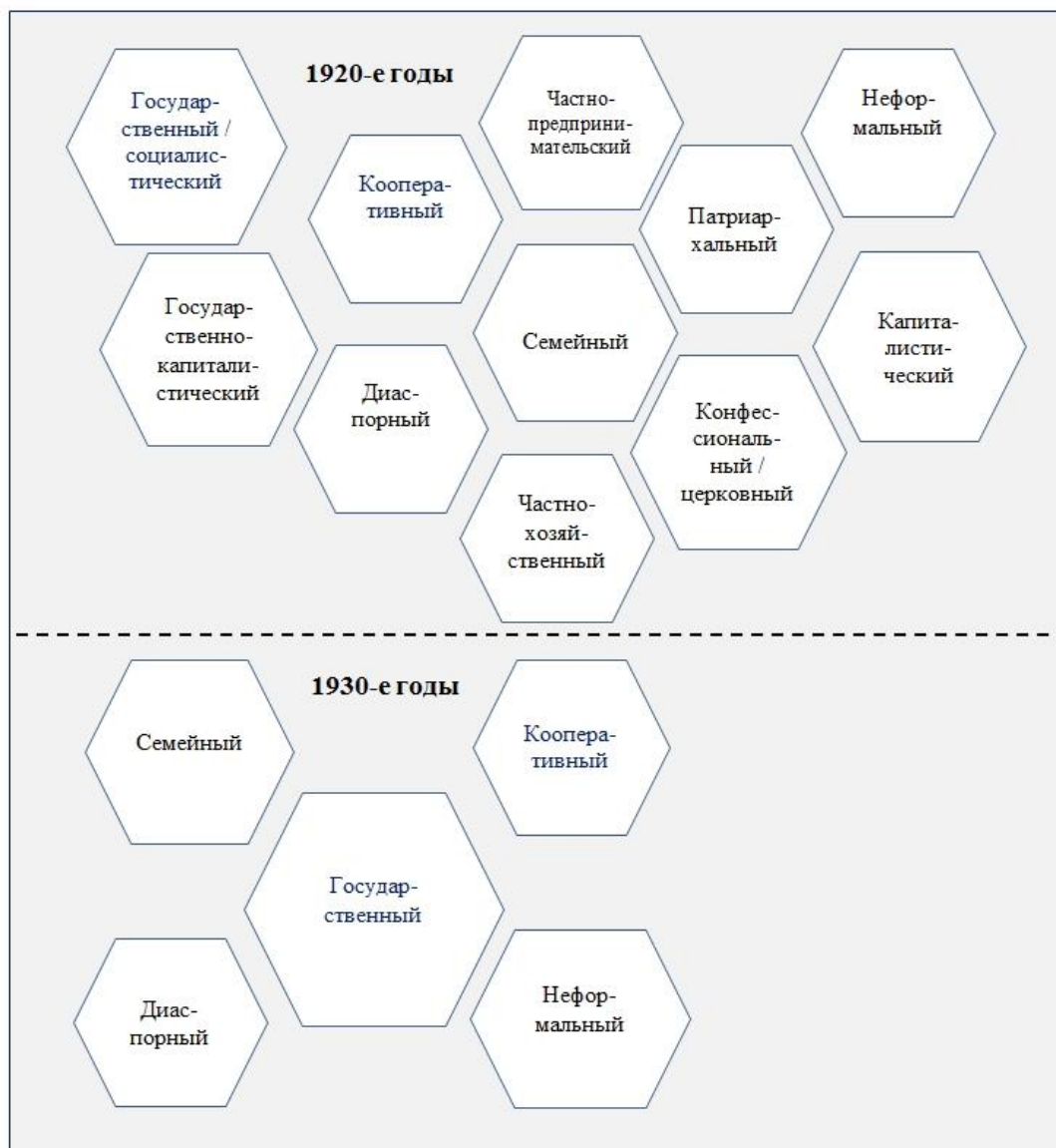

Рис. 3. Унификация многоукладной экономики.

Характер взаимоотношений различных укладов. В соответствии с принципами системного подхода эффективность действия системы определяется не только качеством и количеством составляющих ее элементов, но и характером взаимосвязей между ними. Очевидно, что соотношение различных укладов в нэповской экономике было непропорционально и конфликтно. *De facto* доминировал мелкотоварный уклад, представленный крестьянскими хозяйствами, кустарными промыслами и частной торговлей; в идеологическом и политическом плане перевес сил был на стороне государственного уклада (тресты и синдикаты). Диспропорции со временем не сглаживались, а лишь усиливались. Обобществленный сектор хозяйства (состоящий из государственного и кооперативного укладов), уступая частному сектору в количественном плане, получал преимущества с учетом

классового подхода. Отметим, что кооперация, первоначально относимая В. И. Лениным к государственному капитализму, позднее была включена в обобществленный сектор, что придало ему больший вес и увеличило его долю в сравнении с частным сектором хозяйства. Но, как отмечалось, огосударствление кооперации существенно ограничило ее экономическую эффективность. Соотношение частного и обобществленного секторов экономики в динамике. 1920–1930-е гг. показано на Рис. 4.

Обобществление систем производства и распределения должно было привести к совершенствованию или упрощению, унификации организационно-правовых форм хозяйствования, к ликвидации многоукладности в экономике, что оценивалось как прогрессивное явление.

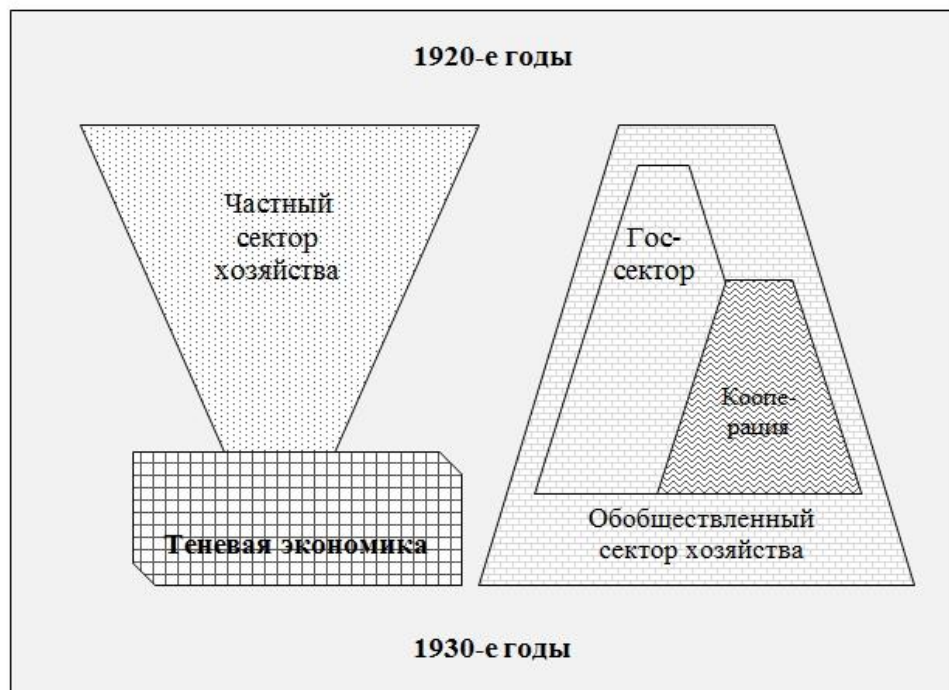

Рис. 4. Соотношение частного и обобществленного секторов экономики в динамике. 1920–1930-е гг.

Полагаем, что многоукладность является следствием многообразия форм собственности, различных способов экономического оборота (рынок, план) и специфического характера существующих в обществе социальных взаимодействий (коллективные, индивидуальные, классовые, диаспорные и т. п.). Преодолеть эти различия не удалось ни одной стране в мире. Вопрос – следует ли их преодолевать и насколько это возможно в принципе?

В соответствии с законами диалектики, источником движения являются противоречия. Исключение из общественной жизни противоречий, их окончательное сглаживание может

привести к стагнации или деградации системы²⁴⁶. Таким образом, налицо очевидное несоответствие идеальных представлений реальности.

В работах К. Каутского говорится о том, что различные формы земледелия, по сути, различные уклады, «уживаются» друг с другом²⁴⁷. О многоукладности как атрибуте общества переходного типа писал В. И. Ленин²⁴⁸.

Конкурентное взаимодействие различных укладов могло обеспечить экономике определенную динамику. Вопрос о конкуренции является актуальным, ее необходимость не отрицалась и при социализме, однако термин был заменен на иной – соревнование, с эпитетом «социалистическое». Соревновательность, состязательность, конкуренция являлись объективной реальностью в практике общества переходного типа и должны были сохраняться и при социализме, но в особой, неантагонистической форме.

Многоукладная экономика имеет шанс на эффективное функционирование при условии соблюдения ряда условий, среди них экономисты выделяют следующие: «Господствующим уклад может быть только по масштабам, а никак не по каким-либо иным характеристикам, а общественная система должна функционировать так, чтобы для всех укладов экономический оборот и институционально-правовой порядок, установленный государством, создавали равные социально-экономические условия развития. Обеспечение взаимодействия укладов, сдвиги в их структуре, возможности трансформации существующих и возникновения новых укладов, интеграция их совокупности обеспечивается “способом экономического оборота”²⁴⁹ и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. Рыночный оборот наиболее адекватен многообразным формам реализации возможностей каждого уклада и многоукладности в целом. Количество общественных укладов и их структура не совпадают с имеющимися формами собственности»²⁵⁰.

Как отмечают А. Д. Богатуров и А. В. Виноградов: «Для конгломератных обществ характерна устойчивая востребованность всех типов отношений и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием... Равноположенное развитие не представляет фронтальной оппозиции линейно-прогрессивному. Оно одновременно и противостоит, и дополняет его, подчеркивая, что разно-организованные

²⁴⁶ В свое время на этот аспект проблемы мое внимание обратил Г. И. Бондарев (1926–1991), который в 1980-е гг. читал на историческом факультете УрГУ курс философии. Его взгляды изложены в монографии: Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества (судьбы социализма).

²⁴⁷ См.: Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. М., 2006. С. 41; Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков, 1926. 392 с.

²⁴⁸ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге. С. 158; Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу: 1921–1924 гг. М., 1971. С. 73.

²⁴⁹ Смешанное общество: Росийский вариант. М., 1999. С. 56.

²⁵⁰ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 19.

сущности могут равнополагаться, сохраняя каждая за собой достаточные перспективы на будущее»²⁵¹.

Отметим, что понятия «рынок» и «рыночные отношения» в годы нэпа воспринимались современниками диалектически, а отнюдь не как застывшая категория. И. Мингулин писал: «Рынок и рыночные отношения имеют в начале развития товарного производства одни законы, а при развитом капитализме – другие; совершенно иными они являются при монополистическом капитализме и абсолютно новыми при нашем строе... При диктатуре пролетариата мощным фактором выступают наши общественные отношения, т. е. диктатура рабочего класса над всеми экономическими и политическими отношениями и классами... Это развитие рыночных условий выражается в известной уменьшающейся роли стихийных элементов на рынке – “стихийное начало” все больше ограничивается»²⁵².

При этом стихия рынка выступала в качестве основного его недостатка, служила своеобразным устрашающим фактором. Отметим, что элемент стихийности можно обнаружить и в системе советского планирования. Планы в советской экономике подвергались серьезным изменениям под воздействием идеологической конъюнктуры и порой противоречили экономическим расчетам.

Абсолютизируя план и дискриминируя рынок, строители советского общества обосновывали целесообразность широкого применения административных, директивных методов воздействия на экономику страны, в ущерб косвенным методам и экономическим рычагам регулирования. В конечном итоге это привело к формированию централизованной экономики советского образца.

Анализируя ситуацию в России в 2000-е гг., исследователи обращаются к опыту прошлого. «Как показал опыт советского строительства, наблюдается прямая связь между характером экономического оборота и многообразием или ограниченностью форм собственности. При плановом, жестко регулируемом хозяйстве количество официально разрешенных форм собственности ограничено. Связь между отношениями собственности и действующим экономическим оборотом фактически отметил еще В. И. Ленин..., соединив в своем понимании экономических укладов и их структуры обе эти характеристики. Для “социалистического уклада” характерно: отсутствие частной собственности на средства производства и нерыночный экономический оборот»²⁵³.

На характер укладов, по мнению Т. Е. Кузнецовой и Л. В. Никифорова, характер труда влияет не сам по себе, а опосредованно, через социальные формы хозяйства, вырастающие из

²⁵¹ Богатуров А. Д. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. С. 109–128.

²⁵² Мингулин И. Пути развития частного капитала. С. 14.

²⁵³ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 20.

общественного разделения труда и его кооперации, формы его организации и особенности трудовых отношений. «Важной стороной развития уклада является его относительная открытость, динамизм и перекрестное состояние его субъектов... В каждый из укладов вмещаются различные стороны жизнедеятельности, как отдельных групп людей, так и отдельного человека. Это означает, что один и тот же человек может быть отнесен к различным укладам в зависимости от того, как им самим ранжируется окружающая его среда, какую сторону жизнедеятельности он определяет для себя в качестве главенствующей. Отсюда говорить о принадлежности различных социально-экономических групп и личностей к какому-либо укладу достаточно сложно, поскольку один и тот же субъект может олицетворять собой несколько укладов, поэтому затруднительна структуризация укладов с точки зрения их количественного наполнения»²⁵⁴.

По мнению Н. Веселковой²⁵⁵, общим теоретическим обоснованием может служить понимание классов в концепции социального поля П. Бурдьё, очень хорошо представленным у В. И. Ильина. В отличие от субстанциалистской традиции, где человек всегда остается представителем своего класса, в логике П. Бурдьё (структуралистско-конструктивистской), «индивид следует логике классового поля, лишь находясь в нем» и может дрейфовать между полями, строить свою жизненную стратегию, ориентируясь на другой класс²⁵⁶. «Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них (эти позиции находятся в отношении гомологии друг с другом). Поле – это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают»²⁵⁷. «Экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п. Именно в этой форме все другие виды капиталов воспринимаются и признаются как легитимные» и формируют собственные поля²⁵⁸.

Эту мобильность демонстрирует современная практика: «Группу этнически гомогенных конгломератов дают Япония и Южная Корея, в которых границы анклавов “современного” и “традиционного” поведения существуют в “перемежающейся” форме: одни и те же индивиды

²⁵⁴ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 19–22.

²⁵⁵ Веселкова Н. В. Социологи читают историков, историки читают социологов. Рецензия на книгу: Килин А. П. (2018) Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты: Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 1. С. 181.

²⁵⁶ Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 205.

²⁵⁷ Шматко Н. А. Предисловие / Бурдьё, П. Социология политики. М., 1993. С. 18

²⁵⁸ Там же, С. 40–41; 57.

(или их группы) воплощают в зависимости от ситуации то “современный” (в бизнесе, в городе), то “традиционный” (в быту, в деревне) [тип поведения]»²⁵⁹.

Такая постановка проблемы ставит перед исследователем вопрос о механизме выработки жизненной стратегии индивида, предполагает анализ процесса формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные, динамичные и далекие от равновесия исторические периоды. В качестве примера можно привести рабочих на предприятиях Урала, особенно в малых городах и рабочих поселках, которые занимались сельскохозяйственной деятельностью и по этой причине маркировались как «полурабочие-полукрестьяне». Они были вовлечены как в государственный уклад, если предприятие находилось в государственной собственности, так и в госкапитализм, если они работали на частном предприятии, а также в патриархальный или семейный уклад, занимаясь обработкой земли или кустарным производством на дому или на стороне (отходничество). Реализуя на рынке свою кустарную продукцию, либо товар, полученный на заводе в качестве натуральной оплаты труда, рабочие были вовлечены в частнопредпринимательский уклад. Будучи представителями определенного этноса, они активно вовлекались в диаспорный уклад, например, когда речь шла о занятии традиционными промыслами или специфическими видами торговли. Если же объединить эти характеристики, то можно говорить о формировании специфического «горнозаводского уклада», применительно к дореволюционному периоду, но сохранившему свои элементы и в раннесоветском обществе.

Роль государства проявлялась наиболее активно в качестве регулятора хозяйственных связей при любом социально-политическом строе, но в большей степени – в экономической системе с доминированием государственной собственности. Если в рыночном хозяйстве производственно-сбытовая цепочка выстраивается по схеме «производитель – посредник (торговец) – потребитель», то в социалистическом хозяйстве на роль посредника претендуют органы власти. Это существенным образом трансформирует все хозяйственные связи. Б. Д. Бруцкус писал: «В свободном меновом хозяйстве при недостатке товара цена на него повышается, а при избытке – понижается. Движение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но, так как такое

²⁵⁹ Богатуров А. Д. Анклавно-конгломератный тип развития. С. 109–128.

распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Труд-армии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма. Надо ли в XX-м столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?»²⁶⁰

По мнению В. Зомбарта сосуществование различных хозяйственных укладов возможно и результатом будет являться «нагромождение хозяйственных систем». Он пишет: «С развитием истории число видов хозяйства, имеющих место в известный период, все увеличивается и таким образом господствует больше двух хозяйственных систем: а именно, кроме тех, которые борются за преобладание, существуют еще другие, господствовавшие ранее и никогда не исчезающие совсем. Таким образом, хозяйственная жизнь становится все богаче»²⁶¹, а многоукладность рассматривается как преимущество, позволяющее в большей степени реализовать экономический потенциал страны или региона.

Рассматривая второстепенные признаки, свойственные социалистической модели хозяйствования, автор допускает вариативность в развитии социалистической системе хозяйствования. Так, например, централизованные и децентрализованные системы, можно соотнести с отраслевым и территориальным принципами управления, которые использовались в СССР. В этом контексте можно противопоставить территориально-рыночную модель регионального развития и модель территориального комбината.

Денежные и натурально-хозяйственные связи отражают эволюцию товарно-денежных отношений при социализме (отрицание, признание, модификация); демонстрируют позиции сторон в дискуссии относительно роли и функции денег; могут быть рассмотрены на примере реализации денежных и финансово-кредитных реформ в советском обществе. «Оплачивающие и коммунистические принципы – в зависимости от того, определяется ли доля каждого в общем продукте его затратами труда или его потребностями», – этот тезис В. Зомбарта сложнее обеспечить фактами, поскольку уровня коммунизма СССР не достиг и оплата по потребностям являлась лишь отложенным ожиданием. Однако и оплата по труду была реализована в специфических формах и порой носила неэквивалентный характер. Дефицит ресурсов вынуждал оптимизировать оплату труда, а в ряде случаев сводить ее к физиологическому минимуму, как это практиковалось в ГУЛАГе.

Детальный анализ специфики производства и распределения при социализме, содержится в работах Й. Шумпетера²⁶².

²⁶⁰ Бруцкус Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе (из журнала «Экономист». 1922. № 1, 2, 3). Б. м., 1922. С. 48–72.

²⁶¹ Зомбарт В. Избранные работы. С. 88.

²⁶² Может ли социализм работать? / Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. С. 549–610.

Диспропорции в отраслевой структуре хозяйства. Непременным атрибутом советского планирования были диспропорции в отраслевой структуре хозяйства в связи с тем, что приоритетное развитие производства средств производства объявлялось законом социалистического хозяйствования и находилось в тесной связи с социальной политикой государства. И. Мингулин полагал, что крупная промышленность – это не только основное оружие в борьбе с частным сектором, но и тот сектор экономики, который воспроизводит социальную базу нового строя²⁶³. Такая позиция была предопределена догоняющим характером развития советской экономики.

А. Гершенкрон уделяет этой проблеме особое внимание: «Советские руководители неустанно доказывали, и советские экономисты вторили им, что согласно учению Маркса рост выпуска средств производства обязательно должен превышать рост выпуска предметов потребления. ...Это утверждение, по сути, предполагает, что по мере роста объема выпуска увеличивается норма накопления. Иначе говоря, все бо́льшая доля валового продукта направляется на производство товаров, не относящихся к сфере потребления. Именно такие экономические отношения и определяли сущность советского промышленного развития, поскольку являлись стратегическим рычагом, с помощью которого советское правительство смогло воспользоваться всеми преимуществами отсталости России. Это было сделано с немислимым доселе размахом»²⁶⁴. Автор полагает, что экономика СССР являлась экономикой инвестиций. Он пишет: «В такой ситуации конечной целью производства был вовсе не рост потребления. Наоборот, в процессе непрерывного роста экономики расходы на потребление рассматривались как нежелательные, хотя и неизбежные издержки этого процесса... Благодаря проводимой политике увеличения нормы накопления советскому правительству удалось компенсировать факторы, существенно замедлявшие развитие экономики, а также удерживать в течение многих лет после окончания Второй мировой войны темпы промышленного роста на уровне лишь немного более низким, чем в 1930-е гг.»²⁶⁵

Огосударствление – предпосылка формирования теневой экономики. Доминирование государственного уклада и огосударствление всех прочих (через систему надзора и контроля, ограничение правоспособности, фиск, межбюджетные отношения, подавление конкуренции, нормированное распределение и ценообразования и т. п.) приводили к деформации многоукладной экономики, делая ее функционирование ущербным. «Ограничение на развитие рыночных отношений, так же как и их деформированный характер, приводили к тому, что все остальные, кроме государственного, уклады, без которых в принципе невозможно развитие

²⁶³ Мингулин И. Пути развития частного капитала. С. 13.

²⁶⁴ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 188.

²⁶⁵ Там же, С. 268–269.

социально-экономических отношений в стране, прежде всего мелкотоварный, вынуждены были становиться неформальными. Они развивались параллельно с разрешенными и институционально оформленными, что нарушало узаконенную систему общественных отношений, но в тоже время объективно давало этой системе возможность функционировать и даже развиваться»²⁶⁶.

В процессе борьбы с многоукладностью путем ликвидации бесполезных укладов или огосударствления полезных (кооперация), происходило вытеснение части предпринимателей в тень, тем самым создавалась питательная среда для развития неформального уклада, теневой экономики. В этой связи нэп можно рассматривать как период адаптации мелкотоварного и частнокапиталистического укладов к условиям доминирования государственного сектора. Государство способствовало расширению неформального сектора экономики как в виде черного, так и серого рынков, а также в виде широко распространенных в советское время неформальных связей между гражданами, основанными на конвертации символического (профессионального, репутационного, информационного, властного) капитала в реальные материальные блага. Эти отношения получили емкое и хлесткое определение – блат (от нем. das Blatt – лист).

Роль государства, с одной стороны, выражалась в ужесточении условий легальной деятельности частных производителей и посредников, в криминализации частной предпринимательской деятельности, с другой – унифицируя каналы снабжения, создавая свой советский аппарат распределения, который не всегда был мобилен и эффективен, власти провоцировали товарный дефицит. Несмотря на достаточно скромные запросы советских граждан и низкий уровень потребления, удовлетворить их в полном объеме государство не могло. Следовательно, спрос в значительной степени превышал предложение. Это обстоятельство объективно создавало условия для существования на всем протяжении советского периода неформального уклада и теневой экономики. Отметим, что это обстоятельство могло стимулировать и репрессивные практики, позволявшие снять с плеч государства ответственность за социальное обеспечение части своих граждан (неполноправных свободных в лице «лишенцев» и репрессированных).

В годы нэпа своего рода адаптацию проходили мелкотоварный и частнокапиталистический уклад, приспособившись к существованию в условиях абсолютного доминирования государственного (обобщественного, огосударвленного) сектора экономики. Непропорционально большую роль государства в экономике еще в дореволюционной России отмечали западные предприниматели, так что огосударствление можно рассматривать и как

²⁶⁶ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 26.

часть российской традиции, а опыт неформального взаимодействия с чиновниками у отечественных предпринимателей был всегда.

В годы нэпа, особенно на завершающей стадии, происходил жесткий и не вполне естественный отбор, когда имущество частных предпринимателей стало объектом повторной национализации, а сами они подвергались репрессиям. При этом с одной стороны, шел процесс мимикрии, перековки, перехода предпринимателей в государственный и кооперативный секторы, остро нуждавшиеся в кадрах; и в теневой сектор экономики, с другой. Насущная необходимость в наличии этого сегмента экономики была предопределена политикой самого государства.

«Неформальные отношения охватывали практически все виды социально-экономических отношений, включая частнопредпринимательские – как мелкие, так и достаточно крупные. Причем это наблюдалось, – по мнению современных экономистов, – в течение всего периода социалистического развития, административно-ограничивающего рыночные отношения, отрицающего многообразие форм собственности и формально разрешающего три их формы (общественно-государственную, колхозно-кооперативную и личную), унифицирующего социальные формы хозяйства и т. п.»²⁶⁷

Частный сектор не был ликвидирован, он перешел на нелегальное положение, ушел в тень²⁶⁸, а в ряде регионов продолжал существовать по факту, так как унифицировать экономические модели хозяйствования директивными методами, особенно на удаленных и труднодоступных территориях, не представлялось возможным. Существование подпольного бизнеса в условиях товарного дефицита было предопределено наличием потребительского спроса, но серьезно отражалось на эффективности производства, приводило к повсеместным и массовым хищениям, к злоупотреблениям и искажениям отчетных показателей. Это позволяет утверждать, что в СССР параллельно существовала как плановая, формальная, так и неформальная экономика. Необходимость учитывать реальность последней было не только способом адаптации рядового работника, но и условием карьерного роста руководителей любого ранга²⁶⁹. Советская экономика и после 1920-х гг. оставалась многоукладной, но не столь разнообразной, как в императорской России и – в более ограниченном виде – во время новой экономической политики. Современная российская экономика являлась носителем не столько дореволюционных предпринимательских традиций (которые начали возрождать в 1990-е гг.), сколько криминальных.

²⁶⁷ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 20–21.

²⁶⁸ Радаев В. В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 1. С. 5–24.

²⁶⁹ Килин А. П. Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 222–245.

Потенциал многоукладной экономики. В современных исследованиях, посвященных нэпу, делается попытка осмыслить проблему многоукладности. Например, Л. Н. Суворова констатирует: «В этой разобщенности укладов – слабость многоукладной экономики. В пространстве каждого уклада формировался свой рынок, который слабо был связан с рынками других укладов. В этих условиях рынок как инструмент единой политики не мог выступить тем механизмом гармонизации социально-экономических интересов различных укладов и слоев общества, и регулирующим началом объективно и неизбежно должно было стать государство. Стремление государства повысить общую эффективность экономики выглядит вполне закономерным. Если государство не способно выполнять свои функции, следуют еще больший развал и хаос. И государство уже выбирает формы и методы регулирования, либо прямое вмешательство в экономику»²⁷⁰.

Убеждены, что разнообразие может быть не только слабостью, но и силой, обеспечивающей устойчивость системы, особенно в ситуациях, когда государство дистанцируется от конкретного вида деятельности, предоставляет автономию для существования отдельных территорий, не отказываясь при этом от своих задач – обеспечения единства экономического и правового пространства страны. Необходимо помнить и об эффективности государственного управления, которое может не столько стимулировать развитие экономики, сколько тормозить его, фактически паразитировать за счет хозяйственной деятельности предприятий или извлекать сырьевую ренту в угоду сугубо эгоистическим интересам отдельных элитных групп.

Многоукладность и разнообразие форм собственности особенно актуальны в восстановительные периоды, в моменты ослабления центра и перераспределения властных полномочий в пользу регионов, либо на удаленных территориях, которые труднодоступны для прямого администрирования. Напротив, в условиях обострения угроз (внешних или внутренних, экономических или политических, мнимых или реальных) властные полномочия концентрировались в руках центра (имперского, союзного, федерального), а порой персонифицировались. При этом использовался механизм централизованного управления, направленный на тотальное изъятие необходимых ресурсов как с отдельных территорий, так и с граждан, индивидуальных и коллективных субъектов хозяйственной деятельности. Методы могли быть подобраны в зависимости от возможностей власти, сроков и целей мобилизации, быть как экономическими, так и директивными, направленными на прямое администрирование в отношении хозяйствующих субъектов.

²⁷⁰ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. С. 61

Вопреки стремлению унифицировать экономику страны и свести ее к моноукладности, по мнению З. В. Рыбиной, многоукладность сохранялась и была представлена социалистическим, кооперативным, колхозным, национальным и индивидуально-трудовым укладами²⁷¹.

Демократия и многоукладность. Помимо экономических, ограничение многоукладности можно рассматривать и с точки зрения политических процессов, в частности, развития демократии. «В основе становления и развития гражданского общества в развитых странах лежит его многоукладность, то есть возможность создавать многообразные государственные структуры различными социальными группами в целях реализации своих гражданских и политически амбиций и защиты своих социально-экономических интересов»²⁷².

Ликвидация многоукладности приводила к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России, как минимум, оказывалась проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнопредпринимательского укладов. Проблема существования замкнутого круга частного сектора хозяйства, которая активно обсуждалась в 1928–29 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели не только экономическую угрозу, потенциал для реставрации капитализма, но и политический раскол – стремление обособиться, отделиться от зоны жизненных интересов властей. Частников напрямую обвиняли в связях с белым движением и контрреволюционерами²⁷³.

Монополия на власть, которая базируется на монополии в экономической сфере, при отсутствии внешнего контроля создает почву для манипуляций. «Огосударвленность, – по мнению экономистов, – следует понимать не только как господство государственного хозяйства, а прежде всего как использование возможностей государства осуществлять социально-экономические преобразования не в интересах большинства населения, а в интересах господствующих групп, подменяющих государство, использующих властный (административный) ресурс для реализации преимущественно своих целей: сохранение собственной власти и укрепление государства для внешней экспансии этой власти – в советское время; сохранение власти и личного обогащения – в современных условиях»²⁷⁴.

Многоукладность мирового хозяйства. Рассматривая многоукладную экономику нэпа, существовавшую в СССР в 1920–1930-е гг., в более широком контексте, мы можем говорить о

²⁷¹ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 72

²⁷² Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 26.

²⁷³ Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 56–63.

²⁷⁴ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Потребности и трудности развития многоукладности в России. С. 37.

ней как о подсистеме мирового хозяйства. Этот подход вполне согласуется с глобальным, как бы сказали сегодня – с «геополитическим», видением большевиками перспектив развития. Стратегические цели большевиков выходили далеко за пределы национального государства, а победа мировой революции виделась как конечная цель. Весьма примечательно, что государственная символика СССР, в частности герб, был задуман на вырост, символизировал претензию на влияние, выходящее далеко за пределы национальных рамок; фактически это был герб будущего мирового государства.

Какая экономическая политика играла доминирующую роль – внутренняя или внешняя? Учитывая специфику диктаторских режимов, которые стремятся консолидировать элиты и общество для реализации сверхзадач, судьбоносных и мессианских целей, в нашем случае для построения глобального социалистического государства при помощи мировой революции, внешнеполитические цели могли доминировать. Противостояние военной угрозе (реальной или мнимой), усиление давления со стороны враждебного капиталистического окружения, необходимость догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству основных видов продукции (но не по уровню жизни) – это цели, находящиеся вовне, стратегические, грандиозные и поэтому доминирующие. Модель многополярного мира, идея мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим устройством, напротив, предопределяли существование многопартийности, идеологического плюрализма, многообразие и мирное сосуществование различных форм собственности, многоукладность.

Оценка перспектив сосуществования частнокапиталистического и социалистического укладов в рамках национального хозяйства не была однозначной, она менялась в течение нэпа, а потенциал этого взаимодействия оценивался в интервале от непримиримой борьбы до сотрудничества. Представители «левых» и «правых» течений в партии по-разному оценивали как потенциал многоукладного хозяйства, так и перспективы его существования.

Можно говорить о том, что модель взаимодействия хозяйственных укладов внутри страны явилась отражением, проекцией, образом восприятия перспектив сосуществования социалистического государства и капиталистического окружения. Внутренняя экономическая политика была неразрывно связана с внешней. Ожидание мировой революции сменилось включением СССР в мирохозяйственные связи (как думали тогда, на длительную перспективу), а затем возобладала идея изоляционизма. Автаркия, «железный занавес» и прочие образы могут восприниматься с известной долей условности по причине того, что в XX веке абсолютная изоляция страны от мирового экономического пространства была уже невозможной.

Необходимость взаимодействия с западными капиталистическими странами породила такую форму сотрудничества как концессии. Взаимодействие с иностранным капиталом на внешнем рынке предопределило наличие оазисов, островков или резерваций (определение

зависело от оценок частного капитала как такового) капитализма внутри страны. Таким образом, монополия государства на внешнюю торговлю могла реализовываться в различных формах, как допускающих, так и исключаящих участие частной инициативы.

2.5. Территориально-рыночная модель регионального управления

Изучая СССР как самое большое в мире государство, полиэтничное, с ярко выраженной асимметрией в уровне социально-экономического развития отдельных регионов, необходимо рассмотреть и региональную политику в 1920–1930-е гг. с точки зрения действующей модели управления.

Если Древнюю Русь называли страной городов, то Россию по праву можно называть страной регионов, и эта характеристика в равной степени относится к императорской, советской и постсоветской России. Разумеется, проблемы объединения различных территорий в рамках одного государства и взаимоотношения центра и периферии также являлись традиционными. В прошлом они могли не называться региональной политикой, но являлись таковыми по сути²⁷⁵.

В. П. Тимошенко в своих исследованиях активно применял метод моделирования при анализе как внешней, так и внутренней, прежде всего региональной политики СССР, при рассмотрении как международных, так и межрегиональных и внутрирегиональных хозяйственных связей²⁷⁶. Он обозначал модель регионального управления, которая была реализована в 1920-х гг., как территориально-рыночную или регионально-корпоративную²⁷⁷.

Модель регионального управления целесообразно рассматривать с использованием богатого арсенала методов региональной политики. В экономических и географических исследованиях представлены различные определения региональной политики. Довольно распространенным является определение региональной политики как деятельности органов власти по управлению социально-экономическим развитием регионов страны. Исследователи отмечают системный характер этой деятельности, определяя региональную политику как целенаправленную деятельность органов власти, как систему намерений и действий, реализующую интересы государства, как систему мер, осуществляемых региональными властными структурами²⁷⁸.

²⁷⁵ Алексеев В. В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999. 194 с.

²⁷⁶ Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики; Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

²⁷⁷ Тимошенко В. П. В составе Уральской области. С. 81–95.

²⁷⁸ Лексин В. Н., Швецов А. И. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2003. 368 с.

Ряд исследователей делает акцент на взаимодействии региональной политики с общей системой государственного управления, определяя региональную политику как особую подсистему государственного регулирования, ориентированную на достижение определенных целей регионального развития, как особый вид государственной экономической политики, направленной на государственное регулирование территориального развития²⁷⁹.

Довольно емким с точки зрения учета различных аспектов регионального управления является определение региональной политики как системы целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизма их реализации²⁸⁰.

В данном случае федеральный центр позиционируется как субъект, а регион как объекты управления, соответственно, речь идет о реализации интересов центра в отношении регионов, что органично вписывается в концепцию «вертикали власти».

Напротив, большей абстракцией и демократизмом отличается определение, данное в работах В. Н. Лексина и А. Н. Швецова: «Региональной политикой можно считать лишь такую систему намерений и действий, которая реализует интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов методами и способами, учитывающими природу современных региональных процессов, и которая осуществляет все это преимущественно в структуре меж- и внутрирегиональных связей»²⁸¹.

Цели региональной политики после октября 1917 г. Революционные преобразования 1917 г. привели к смене политического режима, формы правления и государственного устройства страны. Это потребовало решить ряд проблем, прямо соотносящихся с направлениями региональной политики: национально-государственным строительством; районированием и новым административно-территориальным устройством; выравниванием уровня экономического развития ранее отсталых территорий.

Первая проблема решалась на основе принципа права наций на самоопределение. Образовался Союз Советских Социалистических Республик. Решение второй проблемы вызревало в ходе разработки Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО), когда вся страна была разбита на ряд исторически сложившихся экономических районов, в рамках которых проектировался подъем промышленного производства на базе преимущественного развития электроэнергетики. Он получил развитие в середине 1920-х гг., когда началось районирование всей страны. Стали создаваться крупные экономические районы: Уральская область, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный края, которые

²⁷⁹ Михеева Н. Н. Региональная экономика и управление. Хабаровск, 2000. 400 с.

²⁸⁰ Основные положения региональной политики в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2256.

²⁸¹ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. С. 68.

оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производства, образовывали единые народнохозяйственные комплексы, ориентированные на сокращение перевозок, новые технологии, привлечение необходимых людских ресурсов²⁸². Третья проблема была и остается как традиционной, так и трудноразрешимой для России. Преодоление социально-экономической асимметрии было актуальной задачей, особенно на периферии. Зачастую индустриальный рынок на этих территориях осуществлялся более высокими темпами, чем в РСФСР. Однако разрыв по линии Восток – Запад не преодолен до сих пор, а моноспециализация отдельных регионов препятствует их развитию в условиях рынка.

Стратегические цели могли быть достигнуты различными путями. Определяющую роль играл политический, экономический и военный потенциал центра. В условиях ограниченности ресурсов и необходимости восстанавливать экономику страны после окончания Первой мировой и Гражданской войн, децентрализация и делегирование части полномочий в регионы виделись наиболее рациональным вариантом. Децентрализация и территориальный принцип управления экономикой предопределили формирование территориально-рыночной, или регионально-корпоративной, модели региональной политики.

Формирование региональной политики основано на признании значимости региональных интересов, т. е. таких материальных и духовных интересов личности, удовлетворение которых связано с местом жительства и которые одновременно являются общими для большей части населения данной территории. Основным носителем региональных интересов является население во всем многообразии его ролей и функций, а роль медиаторов и трансляторов идей, как правило, узурпируют региональные элиты. Именно поэтому важны условия, при которых могут формироваться эти специфические взгляды населения, когда человек осознает себя носителем этих интересов, когда есть возможность формировать региональные элиты, по своему политическому весу и степени легитимности сопоставимые с центральными. Региональная политика самих регионов, региональные интересы населения имеют шанс на реализацию лишь в том случае, если население, местные органы власти, собственники средств производства на конкретной территории будут осознавать себя акторами региональной политики.

В годы нэпа сложились условия, которые позволили реализовать этот потенциал, и центр не только диктовал свою волю периферии, но и вступал в диалог, выстраивал равноправные отношения сотрудничества с регионами страны. Было это вызвано его слабостью, адекватной оценкой собственных сил, или же рассматривалось как вынужденная мера в процессе

²⁸² О проблемах административно-территориального устройства см.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 357–381.

накопления ресурсов для решительного наступления на права регионов в будущем – вопрос дискуссионный.

Территориальная специфика – предмет исторической регионалистики. Разумеется, что для достижения поставленных целей и центру, и регионам необходимо было учитывать специфику территории.

«Существенное приращение документальной базы и совершенствование исследовательской техники, – по мнению И. Б. Орлова, – не только позволили по-новому взглянуть на такие проблемы, как местная власть или региональное предпринимательство, но и наметить выходы к такой новой для отечественной историографии нэпа теме как отношение центра и регионов, раскрытие которой невозможно вне конкретного фактического материала, в большей степени отложившегося в местных архивах... На современном этапе именно историческая регионалистика, рассматривающая регион как естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей, способна придать новый творческий импульс исследованиям в области социальной истории... Рыхлость и размытость социально-информационного пространства России определили особое значение активации социальной жизни на провинциальном уровне. Кроме того, в провинции более явственно видно столкновение старого и нового как одной из существенных черт российского общества двадцатых годов»²⁸³.

По утверждению Р. А. Хазиева, на Урале, в частности в Башкирии после революции 1917 г., сложилась особая рыночная модель хозяйственных связей, которая препятствовала реализации в регионе военно-коммунистических методов управления. В качестве предпосылок автор называет следующие факторы: «Расположение Урала на границе Европы и Азии не было только чисто территориальным явлением. Урал являлся центром переплетения национальностей, культур, религий, обычаев, разнообразных форм организации производства. Длительное функционирование на Урале нескольких типов рыночно-ориентированных субъектов: частнопромышленных и части казенных заводских производств, аренды старо- и ново-пришельцами исконных земель местных народов, не имевшее аналогов в России башкирское вотчинное землевладение, семейно-групповое хуторское фермерство порождали массовое признание необходимости и эффективности многообразия трудовых экономических отношений. Подобная многополюсная евразийская реальность изначально не могла органично воспринять такую единую форму социалистической унификации, как военный коммунизм»²⁸⁴.

²⁸³ Орлов И. Б. Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–34, 36.

²⁸⁴ «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003. С. 15.

Автор полагает, что геополитический фактор predetermined формирование многоукладности в экономической и социокультурной сфере, что препятствовало процессу форсированной унификации хозяйственных укладов в период военного коммунизма, но проявилось с особой отчетливостью во времена нэпа.

И. Б. Орлов, делая обзор региональных исследований, посвященных 1920-м гг., выделил ряд факторов, которые predetermined специфику реализации нэпа на различных территориях. Назовем их в том порядке, в котором их рассматривал автор: миграция, геополитическое положение региона, ландшафтно-географические условия, особенности экономической специализации и социальной организации региона, сохранение очагов Гражданской войны, сепаратистские тенденции, демографические и национально-конфессиональные особенности населения, административные «переделы», длительность и прочность позиции коммунистов в регионе, уровень профессионализма местной власти²⁸⁵.

В соответствии с системой регионоведческого описания эти факторы могут быть представлены в следующем виде:

- *географическое положение* predetermined природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение;
- *ресурсный потенциал*, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы;
- *отраслевая структура экономики региона*: отрасли специализации; уровень комплексного развития, возможности диверсификации; степень развития многоукладности, т. е. наличие различных укладов и характер связей между ними (рыночные, плановые начала: зачастую степень «рыночности» predetermined наличием отраслей, производящих потребительские товары или отраслей ВПК); степень экономической автономии, в т. ч. связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона; интенсивность товарообменных операций. Все регионы формировались как «регионы для страны» и тем самым вписывались в единую систему хозяйства, но степень вовлеченности была разной, в зависимости от того, какая доля валового регионального продукта (ВРП) шла на обеспечение потребностей самого региона, а какая на удовлетворение общесоюзных потребностей;
- *социально-демографические особенности*: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этническая и конфессиональная структура;
- *политические факторы*: степень зрелости и уровень консолидации региональных элит (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в т. ч. региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской

²⁸⁵ Орлов И. Б. Нэп в региональном ракурсе. С. 33–34, 36.

власти, уровень лояльности центру, характер взаимоотношений центра и периферии, интенсивность этих связей, наличие и влияние региональных органов управления;

– *уровень консолидации региона* в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований, либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга;

– *экономическое районирование*: его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям.

Формирование региона не может основываться исключительно на одном признаке, пусть даже очень существенном. Идея тотального планирования предопределила стремление совместить границы административно-территориальных единиц с границами экономических регионов, при этом в качестве каркаса экономики региона рассматривалась промышленность, зачастую тяжелая. Такое специфическое видение было предопределено идеологическими установками на необходимость приоритетного формирования индустриального уклада в СССР и инвестирование прежде всего в тяжелую индустрию. Доказать преимущество социализма стремились не путем повышения жизненного уровня населения, а победой над развитыми странами в производстве средств производства. К внешним факторам развития в этом смысле относились стремление «догнать и перегнать» и милитаризация экономики в преддверии ожидаемой мировой войны, которая была предопределена враждебным капиталистическим окружением.

Районирование. Противоречивость политики в отношении административно-территориального деления сочеталась с устойчивой стремлением подогнать пространственную организацию общества под «лозунг момента», как правило «приблизив органы управления к населению», для укрепления центральной власти на местах. Эти тенденции на широком хронологическом материале детально проанализировал В. Н. Круглов²⁸⁶. При описании периода 1917–1933 гг., он следующим образом оценивает позицию В. И. Ленина: «Позиция вождя большевиков состояла в “диалектическом подходе” – т. е. в отсутствии однозначной позиции. Взгляды и трактовки менялись под влиянием изменений в общественно-политической ситуации, с учетом шансов на возможно быстрый успех в борьбе за власть и ее удержание. Октябрьский переворот совпал с периодом поддержки Лениным идеей федерализма (“советской федерации”), что фактически и определило дальнейший курс большевиков. Кроме того, федералистская риторика позволяла привлечь “передовые отряды” национальных меньшинств, а для новой и еще не вполне укрепившейся власти был ценен каждый союзник»²⁸⁷.

²⁸⁶ Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М., 2020. С. 62.

²⁸⁷ Там же, С. 62.

О. В. Горбачев на основе анализа отечественной и зарубежной литературы делает убедительный вывод о том, что «в борьбе экономического и национального подходов к районированию, каждый из которых был серьезно идеологически обоснован, в конце концов победил третий, административный подход, не столько социалистический, сколько имперский по сути»²⁸⁸.

По мнению В. Н. Круглова на разработчиков нового административно-территориального деления существенное влияние оказали экономический детерминизм; технологический подход, в основу которого положен образ страны как фабрики, а регионов как цехов (продолжая аналогию – «человек как винтик»); абсолютизация научного здания как инструмента рационального построения общества и прогнозирования его развития²⁸⁹.

В целом поддерживая выводы автора, следует подчеркнуть, что научный подход предполагает осмысление и анализ ограничений, который имеет тот или иной метод исследования. В теоретическом и методологическом плане и сегодня представляет интерес дискуссия по проблемам районирования, сочетания централизованного и местного управления в районах страны, проходившая в 1921–1922 гг. в Госплане республики и опубликованная в Протоколах президиума Госплана²⁹⁰.

Дискуссии велись и в структурах Наркомата финансов СССР. В материалах Комиссии по изучению районирования Института экономических исследований Финансово-экономического бюро говорилось, что необходимо учитывать различные принципы регионообразования и не сводить все к наличию на территории промышленных предприятий. Отмечалось, что районирование – это не столько констатация сложившегося положения вещей, сколько определение перспектив развития территории с учетом объективных предпосылок и роли региона в национальной экономике.

Помимо сложившейся системы многоукладного хозяйства, предлагалось учитывать социальные и культурные аспекты. Отмечалось, что границы экономических, социальных и культурных ареалов не совпадают друг с другом, и любое административное деление приведет не только к консолидации, но и к разобщению, к разрыву экономического, социального и культурного пространств. При этом речь шла об административных границах, которые по своей сути должны быть контактными и не препятствовать функционированию единого экономического пространства страны.

²⁸⁸ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. С. 179.

²⁸⁹ Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг. С. 86–87.

²⁹⁰ Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. В 3-х тт. М. : Экономика, 1979. // «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/gosplan1921-22/index.html>

«В основу образования, например, Уральской области Госплан и Уралэкосо положили соображения о состоянии и перспективах уральской промышленности» (Отчет Уральского Облэкосо за 1921–1922 гг.). Народный комиссариат финансов находил тогда, что крупная промышленность как основа районирования Урала – слишком узкая основа²⁹¹.

«Она не охватывает целого ряда других моментов, чрезвычайно важных для районирования. Преобладающим элементом населения Урала является население сельское, составляющее, по данным переписи 1920 г., 82 %. Основные показатели сельского хозяйства, даже в настоящий момент его сильнейшего упадка, говорят о значении его для Урала <...> Точно так же недостаточен признак, положенный в основу районирования Урала (“тяжелая промышленность”) и с точки зрения состояния и задач государственного хозяйства на Урале. Ибо если частью этой последний может зависеть от состояния промышленности, то частью (и притом, быть может, большей) он зависит от характера нужд сельскохозяйственного населения»²⁹².

Признаком критического мышления является осознание членами Комиссии ограниченности научного знания: «Экономическая география – не совсем еще точная наука, и образование на основе данных этой науки областей деления не носит совершенно бесспорного характера. Не бесспорен, следовательно, и положенный в основу районирования метод. “Выделение экономического района” – дело трудное. Здесь нет ничего бесспорного, наоборот, все спорно. В конечном счете решение вопроса зависит от того какие предполагать интересы: промышленности или сельского хозяйства, промышленности крупной или промышленности средней или мелкой, интересы сибиряков или интересы уральцев <...> Основная трудность заключается, как мы видели в том, что самая возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени *утопической* [выделено нами – А. К.]»²⁹³.

Авторы доклада отмечают, что трудно будет совместить в одном центре и административные, и экономические управленческие функции, особенно в аграрных регионах. Обращает на себя внимание и традиционный прием, когда новация выдается за традицию, с целью облегчить ее восприятие, снизить сопротивление при ее внедрении.

«Конечно, старое деление страны на губернии и др. едва ли может приводить кого-бы то ни было в особенное восхищение. Мы не знаем, однако, насколько новое, проектируемое Госпланом, деление окажется способным стать универсальным в той мере, чтобы охватить собой все части управления и хозяйства. Такое деление вероятно, вообще невозможно, как с

²⁹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10.

²⁹² Там же.

²⁹³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10, 12.

административной точки зрения (в силу различия задач, возлагаемых на разные отрасли управления и в силу различия их организационной структуры), так и в хозяйственном отношении. Все разнообразие хозяйственной деятельности не может быть укладываемо в строгие рамки, очерченные исходя из той или иной экономической схемы. Если для цели развития промышленности пригодно одно деление, то *для цели кооперации и торговли или сельского хозяйства оказывается пригодным другое* [выделено нами – А. К.]. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что наше старое административное деление было создано центральной властью ради ее интересов и целей. Мы имеем перед собой деление, созданное усилиями двух долгих столетий, и оказывается пригодным для цели сохранения государственного единства столь обширной страны, как Россия. И никакая центральная власть в России не может разрушить его без риска получить вместо него нечто такое, что лишит ее возможности проводить на всем этом огромном пространстве поставленные себе задачи и цели»²⁹⁴.

Административно-территориальное деление основывалось на экономическом районировании и опиралось на теорию рациональной территориальной организации производства. Государство ограничило свое участие в непосредственном руководстве хозяйственной жизнью, и появилась возможность существенной децентрализации управления народным хозяйством, а вслед за этим и региональным развитием»²⁹⁵.

В сводках Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) отражена вера граждан в силу традиции: «Население к районированию относится удовлетворительно, но среди крестьянского населения Верхотурского района заметно недоверие к районированию и слышны разговоры, что “пушай товарищи переустраивают, пока до старого не дойдут, а лучше старого им не сделать”»²⁹⁶. Это высказывание согласуется с нашим представлением о нэпе как чередовании новаций и ретроинноваций.

Индикатор эффективности районирования. В процессе районирования многоукладная экономика не оставалась пассивной. Речь идет о той реакции, которую вызывало изменение границ территорий (делимитация и демаркация) с позиции различных укладов. Со стороны государственного сектора хозяйства возникали возражения, относящиеся к кадровой политике, к вопросам административной подчиненности. Кооперативный уклад реагировал на необходимость погашения задолженности в связи с реорганизацией и аудитом, также его представителей волновали вопросы логистики и снабжения. Частный сектор наиболее активно реагировал на изменения границ, так как его деятельность основывалась на сложившихся

²⁹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 17.

²⁹⁵ Тимошенко В. П. В составе Уральской области. С. 82.

²⁹⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 28.

экономических отношениях, достаточно устойчивых логистических схемах, на системе формальных и неформальных связей с властями. Неподконтрольные напрямую государству уклады могли служить индикатором оценки целесообразности и эффективности районирования, направленного, по замыслу организаторов, на оптимизацию аппарата управления, приближение его к населению и максимальную реализацию потенциала территории, путем совмещения административных и хозяйственных ареалов. Материалы сводок ОГПУ свидетельствуют, что наибольшие возражения по поводу нового административного деления поступали со стороны кооперации, которая не могла произвольно подогнать уже сложившиеся каналы снабжения и распределения под новую схему. Разумеется, частного никто не спрашивал, но его мобильность помогала преодолевать административные барьеры, которые порой искусственно создавались на его пути. Формирование нового административно-территориального деления сверху привело к тому, что кооперативная сеть в большей степени была вынуждена ориентироваться на административные реалии; при этом не учитывалось сложившееся экономическое деление, распределение зон влияния хозяйственных органов, транспортный фактор и отрасли специализации отдельных территорий. Частное предпринимательство было более мобильным, независимым и ориентировалось, прежде всего, на сложившиеся (или меняющиеся) экономические связи. Как следствие, кооперация была более уязвимой и, помимо кадрового, финансового, организационного и технологического голода, могла испытывать трудности в связи с неадекватной экономическим отношениям административно-территориальной нарезкой территорий.

Территориально-рыночная модель. Формирование в годы нэпа территориально-рыночной (регионально-корпоративной) модели региональной политики, предполагало предоставление бóльших прав регионам. Специфика этой модели управления выражалась в локализации производства с учетом местных условий, в общности интересов предприятий различных форм собственности, в формировании оптимальной интегрированной системы хозяйственных укладов. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. В дихотомии «план – рынок» рыночные начала, идеи хозяйственного расчета порой доминировали, так как органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности. Напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание, тем более что реальная практика свидетельствовала о неэффективности данных механизмов.

В рамках этой модели проявили себя следующие тенденции: децентрализация, делегирование союзной и республиканской властями полномочий региональным властям; преобладание территориального принципа управления экономикой через советы народного хозяйства (СНХ); формирование многоукладной экономики, соответствующей уровню

социально-экономического развития региона и отражающей его специфику; кооперирование и интеграция предприятий различных форм собственности на одной территории; наличие конкурентной среды как внутри региона (между хозяйствующими субъектами), так и на уровне страны (между отдельными регионами, которые выступали как товаропроизводители и объекты инвестиций); формирование региональных элит, как подлинных акторов региональной политики, обладающих политическими и экономическими ресурсами для лоббирования региональных интересов.

Проблема взаимоотношения центральных и региональных элит на материалах Урала была проанализирована в монографии Дж. Р. Харриса, который убедительно доказал, что в раннесоветском обществе регионы являлись не только объектами, но и субъектами региональной политики, активно лоббировавшими свои интересы в Москве. Вступая в конкурентную борьбу с другими регионами за ресурсы, они могли оказывать существенное влияние на результаты централизованного планирования²⁹⁷.

Вполне естественно, что описание территориально-рыночной модели региональной политики, которая была реализована в годы нэпа, мы рассматриваем на примере Уральской области (1923–1934 гг.). К специфическим чертам региона можно отнести: удаленность от внешних границ; диспропорции в отраслевой структуре производства (преобладание отраслей тяжелой промышленности); зависимость от поставок продуктов питания и товаров широкого потребления из других регионов; доминирование государственного сектора в промышленном производстве; дефицит капиталов. Эти характеристики предопределяли, с одной стороны, ограниченное поле деятельности для частного сектора хозяйства, с другой, повышали его значимость в сфере занятости, снабжения населения товарами повседневного спроса и обеспечения необходимым набором услуг.

Рассмотрение процесса восстановления экономики Уральской области в 1920-е гг. невозможно без учета места и роли частного сектора хозяйства. Задачи восстановления хозяйства предполагали включение в хозяйственный оборот максимально большого количества ресурсов, которые были из него изъяты в годы революции и Гражданской войны. Использование потенциала региона в полном объеме стало возможным на базе предприятий различных форм собственности, различных по размерам, специализации и организационной структуре. Именно многоукладность хозяйства Урала, даже при правовом и экономическом неравенстве различных секторов хозяйства, позволила в относительно короткие сроки восстановить экономику региона до довоенного уровня.

Допущение в экономику элементов рыночного хозяйства создало условия для конкуренции. Именно соперничество позволяет проявиться как достоинствам, так и недостаткам различных

²⁹⁷ Harris J. R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. P. 235.

форм хозяйствования, показать их адекватность или неадекватность экономическим реалиям. Вызывают интерес примеры конкуренции Урала с другими регионами страны (Донбасс)²⁹⁸ как в сфере товарной специализации, так и в качестве объекта инвестиций. Децентрализация, которая выразилась в создании крупных территориальных образований (Уральская область), делегирование полномочий по управлению предприятиями союзного подчинения на уровень региона, формирование собственной налоговой базы территории, создание инфраструктуры (в том числе рыночной) – эти механизмы неразрывно связаны с изменением соотношения властных полномочий между центром и регионами. В условиях восстановительного периода, дефицита централизованных ресурсов децентрализация виделась как вполне рациональный и оправданный шаг.

Можно проследить, как формировалась и была реализована государственно-рыночная модель регионального управления на Урале. Она оказалась весьма эффективной. Если к концу 1920 г. оборот крупной промышленности Урала упал до 14 % от уровня 1913 г., то на базе многоукладной экономики, сочетания централизованного и местного управления к середине 1920-х гг. металлургия и металлообработка были восстановлены практически до довоенного уровня (92,2 %), химия – до 91 %. Кооперативный, частный и концессионный секторы составляли в 1925–1926 гг. 22,2 % предприятий с объемом валовой продукции 10 %. Отметим, что частный сектор не допускался в тяжелую промышленность Урала²⁹⁹.

По мнению В. П. Тимошенко «в этот период закладывается будущее предназначение Урала в государственной стратегии СССР как “опорного края державы” и начинаются следующие процессы: формируется экономическая модель развития Урала в контексте плана ГОЭЛРО на базе хозяйственной интеграции крупных территориальных образований; на основе создания и экономической интеграции трестов, синдикатов, частного сектора и иностранных концессий формируются общие региональные интересы Уральской области, складывается новый опыт взаимоотношений периферийного региона с Центром; на Урале создаются условия для обеспечения индустриального роста всей страны (начато проектирование Магнитогорского комбината – 1925 г., принято постановление СНК РСФСР “О развитии Урала как мощной промышленной базы страны”, разработан “Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.”)».

Автор описывает основные характеристики, которые, по его мнению, были присущи территориально-рыночной модели и позволили объединить разрозненные интересы субъектов регионального хозяйствования и управления в единый территориальный интерес: свобода торговли; развитие товарно-денежных отношений; существование разных типов собственности

²⁹⁸ Harris J. R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Pp. 35–37.

²⁹⁹ Тимошенко В. П. В составе Уральской области. С. 83.

и социальной организации производства (различных укладов). Особо отмечается, что связи осуществлялись через рынок, где самостоятельными контрагентами выступали госпредприятия, частные предприниматели, концессионеры, кооператоры и многочисленные мелкие производители города и деревни³⁰⁰.

В. П. Тимошенко отмечает: «Важным средством поддержки рыночного равновесия был государственный бюджет – создавались централизованные фонды для целевого финансирования крупных проектов национального и регионального значения, уменьшения диспропорций в хозяйстве. Несомненно, экономика несла в себе значительные элементы саморегулирования. И среди них не последнее место занимала конкуренция на рынке. Конкуренция, разумеется, создавалась усилиями частного сектора, который, несмотря на невысокий удельный вес, влиял на установление розничных цен, заготовку сырья, сбыт промышленной продукции»³⁰¹. Это согласуется с нашими представлениями о том, что количественные и качественные показатели частного сектора экономики не всегда находились в прямой зависимости.

Формирование Уральской области и согласование интересов как производителей с потребителями, так и предприятий различной формы собственности не были беспроблемными. Отметим, что границы Уральской области существенно отличались от границ Уральского экономического района, так как этнический и идеологический (классовый) факторы существенно скорректировали первоначальный замысел. Но очевидно, что многоукладность и территориальный принцип управления позволили наладить взаимодействие различных акторов региональной экономики, максимально вовлечь в хозяйственный оборот ресурсы территории, в т. ч. направляемые на реализацию региональных программ. Это, в свою очередь, предопределило высокие темпы восстановительного процесса.

Экономический потенциал Уральской области создавал основу для формирования региональных элит, способных планировать развитие территории и осуществлять рациональное использование ее ресурсов, не только природных, а также инфраструктурных и трудовых.

Территориальный принцип управления, предполагавший подчинение предприятий, размещенных на территории, региональным властям, давал в их руки мощный рычаг для лоббирования территориальных интересов. «Около двух третей всех трестов (в Уральской области в 1925 г. 18 из 31) находились в подчинении региональных властей. Хотя центр имел за собой всю полноту бюджетно-налогового контроля, в распоряжении регионов оставался значительный объем прибыли предприятий. Заинтересованность в бесперебойном поступлении налогов из регионов заставляла центр ограничивать размеры их отчислений в общесоюзный

³⁰⁰ Тимошенко В. П. В составе Уральской области. С. 82–83.

³⁰¹ Там же, С. 83–84.

бюджет. Кроме того, первоначальная неспособность охватить государственным планированием из единого центра все региональные сегменты народного хозяйства заставляла идти на создание в регионах сильных и компетентных органов, обладавших значительной самостоятельностью (Уралэконо, УралСНХ, Уралплан, Уралгипромет)»³⁰².

Кульминацией идей регионализма явился «Генеральный план хозяйства Урала на 1927–1941 гг.», имеющий большое значение для формулировки стратегии развития территории, но так и не реализованный при смене политического курса³⁰³.

В Генеральном плане была заложена идея комплексного развития региона, гармоничного и сбалансированного развития всех элементов пространственно-локализованной среды, что, в свою очередь, должно было обеспечить развитие территории в стратегической перспективе. Сбалансированное развитие различных секторов экономики и отдельных отраслей отражало представление региональных элит о перспективах развития территории. Напротив, форсированное развитие отдельных отраслей, призванных обеспечить потребности страны в целом, создание предприятий-гигантов, работало на модель «региона для страны» и активно лоббировалось представителями центральных властей.

Еще одним фактором, обеспечивающим возможность существования территориально-рыночной модели, явилась политическая борьба в партийном руководстве страны и их стремление получить поддержку региональных партийных лидеров, что, несомненно, придавало им дополнительный вес при решении хозяйственных вопросов³⁰⁴. Это обстоятельство играло существенную роль при формировании высшей партийной бюрократии, шансы на включение в состав которой резко возрастали в том случае, если кандидат представлял интересы региональной или отраслевой корпорации.

Переход к модели территориального комбината. Предпосылки нового реформирования (или контрреформирования) административно-территориального деления Урала закладывались в 1929 г. Необходимость централизовать и унифицировать систему административно-территориального деления привела к ликвидации округов. Основной ячейкой низового административно-территориального деления стал район, в большей степени административная, чем экономическая единица, так как в отведенных ему территориальных масштабах он не мог быть самодостаточным, способным обеспечить комплексное развитие территории. Ликвидация округов в 1930 г. стала очередным шагом к централизации и перераспределению ресурсов. Появилась потребность свернуть процесс саморегулирования, в том числе в рамках нэповской модели, предполагавшей использование рыночных механизмов.

³⁰² Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. С. 455.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же, С. 456.

Полагаем, что именно округа оказались тем слабым звеном в вертикали власти, которые в большей степени ориентировались не на центральные, а на местные интересы. Оптимальное по масштабу административно-территориальное образование позволяло в годы нэпа консолидировать личные и корпоративные интересы представителей различных хозяйственных укладов. Округа имели определенную отраслевую специализацию, сложившуюся инфраструктуру и механизм согласования и принятия решений. Возможно, что они были в большей степени соразмерны региональным интересам в переходный период, когда основной целью являлось восстановление хозяйства после гражданской войны.

Многоуровневая система управления в условиях советской экономики позволяла нейтрализовывать директивные импульсы, которые исходили из центра, адаптировать деятельность конкретных предприятий к постоянно меняющимся условиям. Очевидно, что с изменением стратегических целей развития и ориентацией на форсированную индустриализацию и коллективизацию, промежуточные административно-территориальные образования могли быть помехой. Поэтому с 1930 г. на территории Уральской области начался процесс ликвидации окружного деления. Сохранялись лишь те округа, которые формировались по этно-территориальному признаку и были предназначены реализовывать принцип автономного существования отдельных этнических групп, в нашем случае малочисленных народов крайнего Севера. Речь идет о Тобольском (впоследствии Остяко-Вогульский, Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецком автономных округах. Такая избирательность еще раз демонстрирует тот факт, что округа по своей природе были автономиями, стремившимся к максимальной реализации собственных региональных интересов.

Реформирование ВСНХ и создание наркоматов ознаменовало собой отказ от территориального и переход к отраслевому принципу управления экономикой. В 1934 г. была ликвидирована Уральская область, которая распалась на три новых области – Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. В 1934–1937 г. была физически уничтожена региональная элита Урала, которая формировалась в 1920-е гг. Таким образом, на смену территориально-рыночной модели регионального развития пришла модель территориального комбината 1929–1941 гг. Ядром этой модели становится формирование Урало-Кузнецкого комбината, объединяющего в своих границах территории Урала (в том числе и Башкирии), Западной Сибири и Северного Казахстана, рудные и угольные месторождения. При этом регионально-корпоративная модель развития трансформируется в централизованное административно-политическое управление, а собственные интересы региона отодвигаются на второй план. В рамках этой модели проводится административно-территориальная реформа, Уральская область дробится на несколько образований. В этот период усиливается диспропорция в отраслевой структуре региона, абсолютно доминируют отрасли тяжелой промышленности и

отраслевая структура хозяйства подчиняется целям создания военно-промышленного комплекса.

Рассматривая модель многоукладной экономики и территориально-рыночную модель региональной политики, можно прийти к очевидному выводу, что эти модели взаимосвязаны и взаимообусловлены. В их основе лежит идея децентрализации, допущение многообразия форм собственности и видов хозяйственной деятельности, признание региональных отличий и делегирование части полномочий Центра регионам. С этими либеральными интенциями сосуществовали подавление оппозиционных течений в партии, борьба за единство методами и способами, далеко выходящими за рамки, принятые допустимыми в демократических странах.

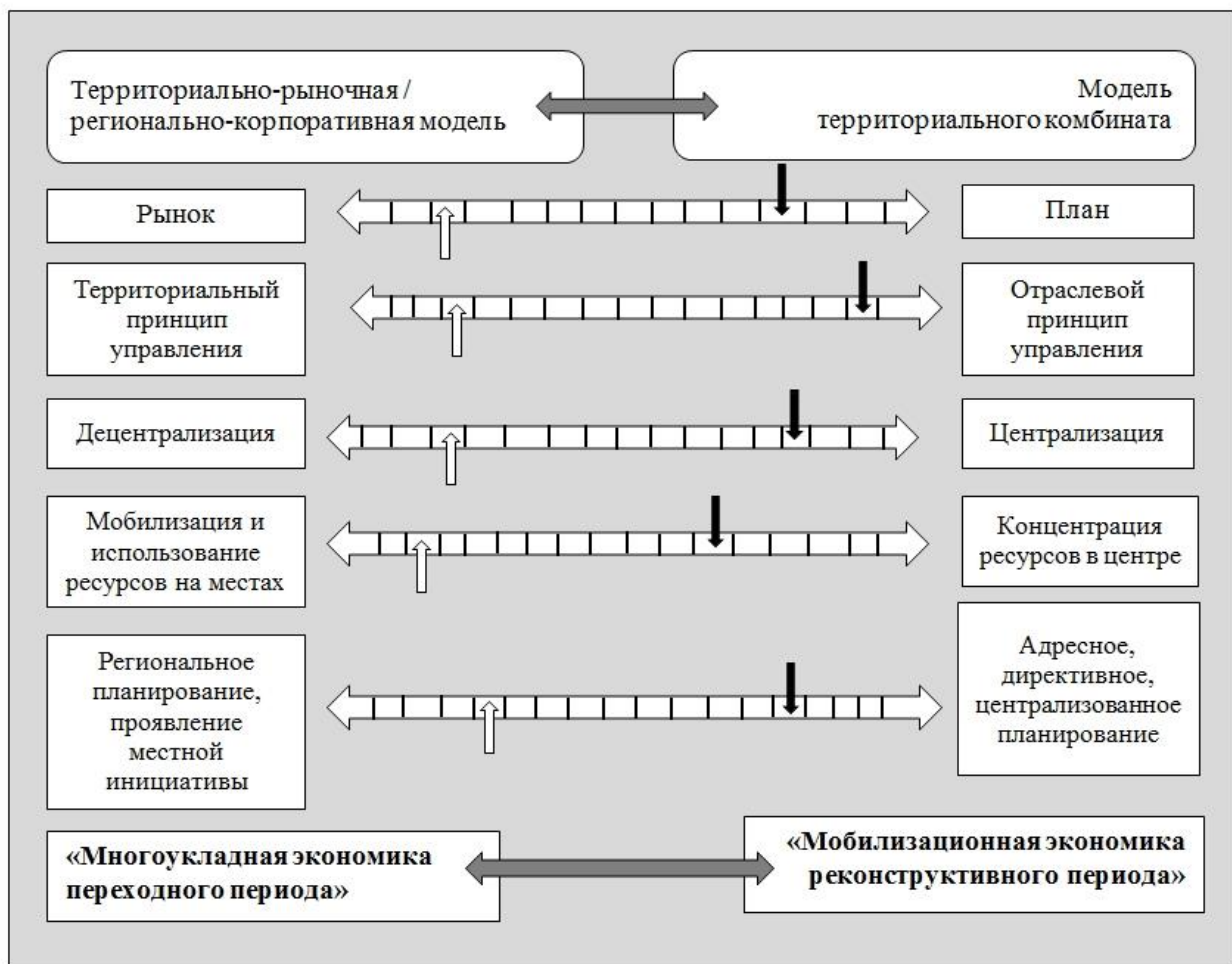

Рис. 5. Модели региональной политики

Свертывание рыночных начал в экономике, целый ряд показательных процессов над оппозицией; чистка советского аппарата (имеющего опыт руководства в условиях рынка); замена «регионалов» на классово близких и более лояльных чиновников-варягов, – эти мероприятия могут быть включены в контексте борьбы с правым уклоном. Результатом этих кампаний стала деградация профессионального уровня управленцев. В новых условиях при

отсутствии автономного бюджета и хозяйственной самостоятельности исчезла необходимость в сохранении слоя налогоплательщиков в лице предпринимателей.

Сравнительный анализ приоритетов территориально-рыночной модели регионального развития и модели территориального комбината представлен на Рис. 5.

При рассмотрении внутривластных дискуссий 1920-х гг. возникает представление о том, что наиболее острой критике подвергались те предложения оппозиции, которые максимально соответствовали реальным, а не декларируемым целям новой власти. Им мстили не за несогласие, а за присвоение идей, которые должны были исходить из недр ЦК. После разгрома оппозиции ее идеи реализовывались, но уже от имени правящей партии.

Симбиоз моделей. Модель многоукладной экономики и территориально-рыночная модель регионального управления, точнее векторы их развития, не являются двумя параллельными прямыми, которые никогда не пересекаются. Есть примеры их синтеза, например, политика государства в отношении малых народов Севера, в том числе и тех, кто проживал на территории Уральской области в Тобольском округе. В данном случае пересечение моделей обусловлено тем, что представление о принципах хозяйствования первоначально учитывало региональную и этническую специфику, базировалось на признании многоукладности и необходимости длительного периода для реализации комплекса мер по преодолению отсталости. Однако изменение политического курса привело к радикальным трансформациям, о которых писал Ю. Слѣзкин³⁰⁵. Стали доминировать тенденции к унификации, форсированию процесса ликвидации многоукладности, был сформулирован государственный заказ на выявление реальных или мнимых врагов Советской власти, а вслед за тем последовала экспроприация ресурсов, необходимых для реализации основной цели – индустриализации.

В зоне пересечения модели многоукладной экономики нэпа и территориально-рыночной модели региональной политики могут быть обнаружены новые уклады, например горнозаводской, сочетающий в себе начала индустриального и аграрного укладов, сложившийся в провинциальных городах и рабочих поселках Среднего Урала³⁰⁶.

³⁰⁵ Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. 512 с.

³⁰⁶ Эта проблема активно обсуждалась в 1970-е гг., в том числе в стенах Уральского государственного университета. См.: Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. – Свердловск, 1972. Судя по накалу страстей, эта проблема до сих пор является дискуссионной. См.: Гаврилов Д. В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат-лы V регион. науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 5–22. Архивные материалы заставили нас обратиться к этой проблеме вновь. См.: Килин А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2017. № 1 (250). Вып. 41. С. 133–141; Он же. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа // Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития. Мат-лы межрег. конф., приуроч. к 280-летию г. Челябинска, 30 сентября – 1 октября 2016 г. / Сост. Ю. В. Краснова. Челябинск, 2016. С. 43–53.

Рассмотрение диаспорного уклада возможно не только в рамках национально-государственных, но и административно-территориальных образований. Отмечено, что даже расселение отдельных этносов в крупных городах не случайно, они тяготеют друг к другу и формируют особые уклады. На Урале была очевидна специализация у торговцев различной этнической принадлежности. Например, азербайджанцы традиционно занимались торговлей фруктами, а татары и башкиры занимали значительную долю на мясном рынке, греки владели сетью пекарен в Екатеринбург-Свердловске. Ликвидация черты оседлости и массовая миграция евреев в восточные регионы страны могут рассматриваться как предпосылки к формированию соответствующего диаспорного уклада³⁰⁷. Малоизученными являются некоторые аспекты хозяйственной деятельности цыган, китайцев³⁰⁸, латышей на территории Урала и Сибири. Политика перевода кочевых народов на оседлый образ жизни привела к формированию диаспорного уклада не только в сельской местности, но и в городах. Показательным примером чего может служить создание цыганских колхозов³⁰⁹, а впоследствии микрорайонов в города с компактным проживанием цыганских общин (цыганских поселков), которые существуют и сегодня.

Патриархальный, или семейный, уклад сыграл чрезвычайно важную роль в адаптации населения к экстремальным условиям раннесоветского общества, как в годы войны, так и в период индустриализации. Несмотря на настойчивые попытки сделать невозможным автономное экономическое существование личности, дефекты централизованной распределительной системы настраивали граждан на выработку механизмов самообеспечения. В целом, семейное предпринимательство являлось традиционным для дореволюционной России, несмотря на сетования по поводу размывания купеческого сословия, так как к третьему поколению представители знатных купеческих фамилий стремились в творческие профессии и уходили из бизнеса³¹⁰. Перспективы развития семейного предпринимательства в условиях современной России весьма благоприятны.

Подводя итоги данной главы, сделаем акцент на обосновании использования в нашем исследовании такой категории как «частнопредпринимательский уклад».

1. Сочетание идеологических, правовых (обусловленных исторической ситуацией) и экономических проблем отражены в характеристике «частный». В основу хозяйственного уклада абсолютное большинство исследователей закладывают форму собственности на

³⁰⁷ В. Зомбарт рассматривал роль евреев в мировой экономической системы. См.: Зомбарт В. Избранные работы. М., 2005. С. 139–168.

³⁰⁸ Авдашкин А. Судьбы китайцев на Урале в 1920–1930-х гг. // Российская история 2021. № 1. С. 91–105

³⁰⁹ Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2005. С. 187–226.

³¹⁰ Бурьшкин П. А. Москва купеческая. С. 249; Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох. С. 35–48.

средства производства. Правовой режим частной собственности в раннесоветском обществе не был однозначно определен, содержал ряд противоречий и не может быть приравнен к правовому состоянию, который она имела в дореволюционной России. Говорить о равноправии различных форм собственности однозначно нельзя. Легализация частной собственности сопровождалась рядом ограничений, при этом рамки дозволенного в отношении нее были весьма подвижны. Однозначным являлось противопоставление частного и обобщественного секторов хозяйства. Концепция государственного капитализма, призванная продемонстрировать интеграцию двух форм собственности, в большей степени обозначала формирование монополистических объединений под эгидой государства, рыночные начала в деятельности трестов и синдикатов должны были играть подчиненную роль.

Конфронтация частных укладов (семейный, патриархальный, частнохозяйственный, частнопредпринимательский и т. п.) и обобщественных (социалистический, кооперативный (огосударственный) и т. п.) отводила частнику, в лучшем случае, роль попутчика, в худшем – врага. Частный сектор представлялся как анахронизм, пережиток прошлого, уходящая натура, призванная исчезнуть в скором будущем.

2. Экономические и социальные характеристики уклада отражены в определении «предпринимательский». Как пишет З. В. Рыбина: «Синтез частной формы собственности с таким видом деятельности, как предпринимательство, привел к выделению частнопредпринимательского уклада»³¹¹.

Активность, динамизм, инновационность и автономность личности нашли в нем свое отражение³¹². Предпринимательство рассматривается не только как вид специфической профессиональной деятельности, но и как уклад, порождающий особую социальную среду, которой было присуще фрондерство и противопоставление государственной власти, выражавшееся порой в нарушении закона. Предприниматель (нэпман) рассматривался как конкурент и противник плановых начал, олицетворяющий рыночную стихию. «Предпринимательский», применительно к укладу, который используется при характеристике профессиональных торговцев, видится нам наиболее адекватным. По классификации В. И. Ленина частнопредпринимательский уклад ближе к мелкотоварному или частнохозяйственному укладам. При этом, первый в большей степени применим к производственному сектору, а не сектору услуг, а к частнохозяйственному относилось абсолютное большинство граждан России, занятых в сельском хозяйстве. Однозначно, в основной своей массе частных торговцев нельзя отнести и к частнокапиталистическому укладу, поскольку не все они реализовывали функцию капиталистического накопления. В современных

³¹¹ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 20.

³¹² Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. С. 142.

условиях частнопредпринимательский уклад подразделяется на предприятия среднего и малого предпринимательства. Это позволяет говорить об особом правовом режиме их функционирования в стране с развивающейся рыночной экономикой³¹³. Такая градация, не использовалась нами применительно к торговле в 1920–1930-е гг., вместо этого рассмотрен вопрос об отнесении частных торговцев к капиталистам и пролетариям, т. е. использовалось некое подобие классового критерия, который был актуален для современников.

Повсеместное распространение торговли в условиях переходного периода, предопределяет необходимость более детальной дифференциации и социальной стратификация различных групп, занятых в торговле. Наиболее обобщенное, но не вполне строгое деление на профессионалов – торговцев и случайных людей – торгашей. Безработный, торгующий с рук, порой по поручению и на средства торговца-оптовика, пролетарий-торговец и концессионер, находились на различных ступенях в социальной иерархии.

3. «Углубление понятия системы социально-трудовой деятельности, конкретизация его с учетом основных отраслей народного хозяйства»³¹⁴, приводит нас к расширенной формулировке – «частнопредпринимательский уклад в торговле». Со временем, на смену представлениям о торговле как серии сделок, приходило осознание ее как особого вида профессиональной деятельности³¹⁵. Поскольку торговля является специфическим видом деятельности³¹⁶, а ее формы и методы обусловлены конкретно-исторической ситуацией, в данном случае можно говорить о сочетании как экономических, так и исторических аспектов. Специфика торговли обусловлена как характером самого процесса, так и внешним фактором – оценочными суждениями относительно ее функций и субъектов, которые с завидным постоянством находят свое отражение в различных культурах, в самые разные эпохи. В большинстве случаев декларируется отказ признавать социально-значимые функции торгового посредничества, поскольку посредник ничего не производит, но видимый след его присутствия – это торговая наценка. Негатив постоянно воспроизводится из-за противостояния продавцов и покупателей, а торговые посредники наделяются негативными чертами. Это, как правило, чужие, иноверцы или инородцы, которые благодаря своей мобильности и пониманию рыночной конъюнктуры, наживаются за счет потребителей. В большинстве культур торговля – это дискриминируемый вид деятельности, либо признаваемая допустимой и значимой, но лишь при условии регламентации с позиции общего блага.

³¹³ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 113.

³¹⁴ Там же, С. 22.

³¹⁵ Гайденок П. П. Социология Макса Вебера. Предисловие / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 50

³¹⁶ Торговля – отрасль хозяйства и вид экономической деятельности, направленный на осуществление купли-продажи, обмена товаров, а также связанные с ними процессы непосредственного обслуживания покупателей, доставки товаров, их хранения и подготовки к продаже.

4. Экономико-географический и исторический аспекты необходимо учитывать при использовании укладного подхода в конкретно-исторических исследованиях. В нашей работе изучение частной торговли ограничено периодом 1920–1930-х гг., а само явление локализовано в границах Уральского региона, под которым понимается первоначально совокупность уральских губерний (1921–1922), Уральская область (1923–1934), а затем территория Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей (1935–1936). Обстоятельство места действия предопределяет специфический, а порой уникальный набор и сочетание укладов, являющийся следствием комплекса характеристик региона (географическое положение, характер колонизационных процессов, этнический и конфессиональный состав населения, отраслевая структура, степень развитости социальной и производственной инфраструктуры и т. п.).

Региональная специфика в эволюции частнопредпринимательского уклада в торговле предопределена и особенностями региональной политики данного периода, которая, в свою очередь, обусловлена характером взаимосвязей центра и регионов. Соответственно степень рыночности хозяйственных связей и комплексности развития территории в различных регионах имеют свою специфику³¹⁷. На рассматриваемый период пришелся процесс формирования территориально-рыночной модели регионального управления, а впоследствии ее радикальная и форсированная трансформация в модель территориального комбината. Модели многоукладной экономики и территориально-рыночную модель объединяет принцип многообразия и свободы, наличие возможности для самореализации различных субъектов в различных, порой весьма специфических экономических и пространственных условиях. Они противопоставляются идеям унификации и моноукладности (в терминологии З. В. Рыбиной – одноукладности) модели мобилизационной экономики. Если территориально-рыночная модель способствовала развитию частнопредпринимательского уклада, то модель территориального комбината ориентировалась на его ликвидацию.

5. Исторический фон эволюции частнопредпринимательского уклада в торговле представляется нам весьма живописным. Российская модель управления была неразрывно связана с процессом догоняющего развития, который в 1920–1930-е гг. реализовывался путем перехода к новой, еще не апробированной в мировой истории модели социалистического государства.

Несомненно, нэп был передышкой, относительно мирным промежутком между военным периодом (Первая мировая и Гражданская войны), военным коммунизмом и форсированной

³¹⁷ По мнению Р. А. Хазиева в Башкирии даже в годы военного коммунизма региональная политика местных элит отличалась более ярко выраженной рыночной направленностью. См.: Хазиев Р. А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. Уфа : Башк. ун-т, 2000. 184 с.

индустриализацией, послужившей базой для формирования советской мобилизационной экономики. Это был период становления системы государственного управления и восстановления экономики с использованием традиционных рыночных, товарно-денежных механизмов.

В сфере государственного и партийного строительства воспроизводилась бюрократическая, чиновничья, иерархическая система, цементируемая партийными организациями. В хозяйственной жизни были допущены элементы рыночной экономики и многоукладность. По сути, *de jure* признавалась система хозяйства, сложившаяся *de facto*. Возобладал здравый смысл, и многие утопические положения были существенно приглушены, приближены к реальности, демифологизированы. Основанием для построения нэповской экономики были ее антиподы – капитализм и военный коммунизм, при этом нэп впитал в себя черты обоих.

Новая экономическая политика, несомненно, была политикой, лишь в малой степени ориентированной на экономические методы регулирования. «Новой» ее можно назвать лишь в сравнении с военным коммунизмом. Противоречивость и непоследовательность ряда шагов властей можно рассматривать как выражение устойчивой российской традиции. От предыдущих и последующих этапов отечественной истории нэп отличала широта амплитуды этих колебаний, сравнимая по масштабам с 1990-ми гг.

Эти процессы протекали в рамках специфической модели нэпа – экономики переходного периода с присущей ей многоукладностью, а затем привели к трансформации в модель мобилизационной экономики, с унифицированным и деформированным набором укладов. Все это произошло за относительно короткий промежуток времени, чрезвычайно емкий и наполненный событиями период отечественной истории.

Глава 3. Государственная политика в отношении частной торговли

3.1. Товарно-денежные отношения при социализме

Социализм – дитя капитализма. Описание социалистического общества как общества будущего неизменно приобретало характер утопии. Реалистичность этой идее придавало ее противопоставление капитализму. Критика недостатков капиталистического общества – неравенства в сфере производства и распределения, социального расслоения, имущественной и интеллектуальной дифференциации, различий в образе жизни высокоурбанизированных и аграрных территорий, проявлений расизма и национализма (особенно явственно проступающих в рамках колониальной системы) и прочих пережитков позволяла выстроить образ общества будущего, в котором эти противоречия должны быть искоренены.

Очевидно, что сторонники радикальных преобразований, как предсказывающие неизбежность социальной революции, так и непосредственно призывающие к ней, понимали, что мобилизовать своих сторонников путем пропаганды детальных планов организации производства не удастся. Была необходима пусть абстрактная, но соответствующая настроению масс идея, которая консолидировала бы различные социальные группы (пусть на непродолжительный, но критически важный период) в борьбе с существующим строем. Таким образом, утопизм является атрибутивным свойством любой революционной идеологии, а отнюдь не недостатком исключительно социалистической идеи.

М. Вебер, рассматривая политику как профессию, с одной стороны, обращал внимание на прагматизм большевиков, с другой, выводил их методы за рамки политических, поскольку их организации носили насильственный характер. Он писал: «Советы же со своей стороны сохраняют или, скорее, снова вводят высокое вознаграждение предпринимателям, аккордную зарплату, систему Тейлора, военную и трудовую дисциплину и ведут поиски иностранного капитала – одним словом, снова просто должны принять все то, с чем боролись как с классовыми буржуазными учреждениями, чтобы вообще сохранить в действии государство и хозяйство»³¹⁸.

Эффективным и постоянно воспроизводимым механизмом идеологического воздействия на массы являлось стремление большевиков сформулировать лозунги, отвечающие чаяниям значительной массы населения. Сегодня это назвали бы популизмом. Но этот механизм позволял достигать поставленных целей и, как следствие, был эффективен в стремлении удержать власть. Многие из того, что декларировалось, не было осуществлено, но с целью поддержания доверия к своим программам, укрепления авторитета революционеров было необходимо продемонстрировать реальные результаты. «Земля крестьянам», «фабрики

³¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 672.

рабочим» – эти лозунги не были реализованы. Но были вполне конкретные действия, которые позволяли использовать их в качестве примера эффективности новой власти. Одним из них стала денежная реформа 1922–1924 гг.

А. Гершенкрон пишет о том, что лишь марксизм как «единственно верное учение» обеспечил успех индустриализации в России, так как «научно доказал» неизбежность модернизации³¹⁹.

Формирование модели социалистического общества происходило не столько на основе осознанных и детализированных планов построения будущего, сколько на отрицании капитализма. При этом обе социально-экономические системы имели много общего. Социалистические отношения зарождались внутри капиталистического общества (вопреки утверждениям некоторых теоретиков марксизма). «Именно при капитализме появляются социалистическая идеология и коммунистические партии»³²⁰. Обобществление производства осуществлялось в предшествующий социализму период, тогда же существовали государственная собственность и государственное регулирование экономики. С особенной отчетливостью эта тенденция проявлялась в экстремальные периоды войн. Первая форма соединения труда и собственности, кооперация, также появилась при капитализме³²¹.

Элементы капитализма сохранялись и на всем протяжении существования советской системы. Переходный период представляется как время сосуществования различных укладов, воплощавших старое и новое.

Для переходного периода характерны определенные хронологические рамки его привязка к конкретному историческому периоду, неоднородность (сочетание старого и нового) и альтернативность (наличие точек бифуркации)³²².

Рыночные элементы проникали в экономику социализма, совершенно точно в теньную, но отчасти и в официальную – в виде хозрасчета на предприятии и механизмов материальной заинтересованности работников. Их роль была весьма значительной при необходимости активизировать человеческий фактор.

Можно утверждать, что именно капитализм был той моделью, с которой лепился социализм, только при этом ставилась задача «идти от противного» и сделать наоборот.

Экономические законы и/или рабочие гипотезы. В наследство от капитализма новому строю достался и ряд экономических законов, которые нашли себе применение при социализме. Многоукладная экономика рассматривалась и как единый хозяйственный механизм, и как система, функционирующая на основе различных принципов, которые противоречили друг

³¹⁹ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 84–85.

³²⁰ Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества. С. 95.

³²¹ Там же, С. 100.

³²² Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 102.

другу, но сосуществовали в одном правовом и хозяйственном поле. Такая ситуация порождает вопрос: действовали ли эти законы изолированно друг от друга и распространялись лишь на свои хозяйственные уклады, либо оказывали негативное воздействие на антагонистические, вовлекая их в сферу своих интересов?

Г. А. Дихтяр рисует картину своеобразного правового плюрализма в экономике переходного периода, когда наряду с законами прибавочной стоимости, конкуренции и анархии производства, действовали плановые начала. «Однако действие этих законов в переходный период, – считает автор, – нельзя отождествлять с их действием в условиях капитализма. Сфера их применения в переходный период становится весьма ограниченной: они действовали, притом далеко не в полную силу, в рамках капиталистического уклада, занимавшего сравнительно небольшое место... В конечном итоге объективный ход экономического развития приводит к тому, что экономические законы капитализма полностью отмирают вместе с самим капиталистическим укладом. Единственными экономическими законами остаются экономические законы социализма»³²³. Такая картина вызывает вопросы относительно того, по каким законам существовали патриархальный, диаспорный и неформальный уклады в советской экономике.

Основной экономической закон социализма имел гуманистическую и демократическую направленность и формулировался как «закон движения социалистической экономики, содержанием которого является обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества посредством наиболее полного удовлетворения их постоянно растущих материальных и культурных потребностей, достигаемого путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе научно-технического прогресса»³²⁴. Обращает на себя внимание, что закон ориентирован, прежде всего, на процесс потребления, а не производства.

Оставшиеся в наследство от капитализма законы, такие как закон стоимости или закон товарного производства, по мнению советских экономистов, продолжали сохранять свое значение и могли быть применимы в случае необходимости. «Однако действие этого закона в условиях многоукладной экономики существенно отличается от его действия в капиталистическом хозяйстве. В различных экономических укладах закон стоимости действует по-разному. В частнокапиталистическом и мелкотоварном укладах закон стоимости действует стихийно, сохраняет роль регулятора производства и способствует разложению мелкотоварного производства, воспроизводству капиталистических отношений. В социалистическом же укладе,

³²³ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 45.

³²⁴ Основной экономической закон социализма // Большая советская энциклопедия: в 51 т. М., 1949–1958. Т. 31. С. 305.

основанном на общественной собственности на средства производства, закон стоимости с самого начала играет роль регулятора производства»³²⁵.

Предполагалось избирательное и точечное применение закона стоимости, например, «в интересах социалистической экономики, в борьбе за повышение производительности труда и снижения затрат на производство продукции»³²⁶.

В наследство от капитализма новому строю досталось индустриальное производство, которое являлось не только базисом, но и целью модернизации при социализме. «Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»³²⁷. Приоритетное развитие тяжелой промышленности привело к существенным диспропорциям в отраслевой структуре экономики, создало серьезные препятствия для устойчивости национальной валюты.

Характер товаров и товарного производства при социализме, функция денег при новом строе являлись предметом дискуссий не только в 1920-е, но и в 1960-е гг. Монография Г. А. Дихтяра, посвященная советской торговле, начинается с главы, в которой автор полемизирует со своими коллегами, которые отрицают существование в СССР товарно-денежных отношений. Они полагают, что товарное производство и социалистическая собственность являются полной противоположностью друг другу.

Экономисты, отрицающие товарно-денежные отношения при социализме, отводят им роль лишь учетно-плановых, распределительных инструментов. Деньги, по их мнению, служат мерилем трудовых затрат и подобны трудовым квитанциям, а товарным хозяйством может быть только при наличии частной собственности. Такая позиция могла быть обусловлена желанием описать существующий строй как исключительный, принципиально отличающийся от капитализма, как систему, уже готовую перейти на более высокий уровень социального развития – коммунизм, т. е. в данной концепции проявляется стремление забежать вперед по идеологическим мотивам. С другой стороны, возможно, имела место реальная оценка ситуации, осознание того, что ни торговли, ни денег в их классическом понимании в СССР не существует, а экономические законы игнорируются³²⁸.

³²⁵ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 46.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. С. 300.

³²⁸ Изучение хозяйственных практик советских предприятий приводит к выводу, что существовало несколько моделей хозяйственного поведения как руководителей, так и рядовых работников – официальная и неформальная. Вторая модель ориентировалась на адаптацию к условиям централизованного планирования, микшированию ее недостатков и наиболее одиозных проявлений. См.: Килин А. П. Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы). // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 222–245; Он же. «Советское – значит отличное?» (Синарский трубный

План и рынок. При рассмотрении экономических законов, как доставшихся в наследство от капитализма, так и новых, являвшихся завоеваниями нового строя, неизменно возникал вопрос о плановых началах, о законе плановости при социализме. В интерпретации В. И. Ленина этот закон подразумевал следующее: «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность»³²⁹. Эта формулировка вызывает аналогии с термином, который часто используется в современной практике «сбалансированное развитие» и, несмотря на противоречивость, воспринимается абсолютным большинством как рациональная и конструктивная идея в связи с тем, что речь идет о поступательном развитии объекта управления в долгосрочной перспективе.

Формулировка В. И. Ленина вызывает массу вопросов относительно того, действительно ли планы, разрабатываемые в СССР, отвечали требованию сбалансированности, так как планы и общенационального (ГОЭЛРО), и регионального³³⁰ масштаба, предусматривающие комплексное развитие, не были реализованы или не могли быть реализованы в принципе.

Весьма показательна в этой связи дискуссия, которая активно велась как накануне, так и после осуществления денежной реформы. Противоборствующие группы условно можно назвать «рыночниками» и «антирыночниками», по определению С. М. Борисова, сторонниками «власти денег» и «власти плана». Сторонники управляемого товарно-рыночного хозяйства считали, что «растущее регулирование со стороны государства должно, тем не менее, опираться на стоимостные рычаги, объективные законы и возможности производства и обмена, предполагающие наличие налаженного и стабильного денежно-валютного инструментария и активное его использование в интересах экономического развития. Другой лагерь объединил сторонников приоритета силы государственной власти перед действием объективных экономических законов. Они полагали, что преимущества победившего пролетарского государства позволяют управлять всем народным хозяйством страны на плановой основе, подчиняя воле плана остальные экономические инструменты, включая деньги»³³¹.

На наш взгляд, такая классификация не совсем верна. Обе стороны придерживались плановых начал, но категорию «план» понимали по-разному. В *первом* случае план рассматривался как координация действий между различными отраслями «народного хозяйства», с учетом как рыночных, так и административных рычагов управления, а основными

завод в 1950-е годы) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 194–212; Он же. Из истории «Курганхиммаша»: эпоха Илюшина. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 167–186; Он же. «Надо здраво решить эти вопросы и дать качественные машины для фронта»: проблемы качества выпускаемой продукции на Ирбитском мотоциклетном заводе в годы Великой Отечественной войны // Архивы Урала. № 19. 2015. С. 186–206.

³²⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // ПСС. Т. 3. С. 620.

³³⁰ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. 728 с.

³³¹ Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. М., 1997. С. 159.

целями являлись достижение баланса, предупреждение кризисов и противоречий, которые неизбежно возникали бы в динамичной системе, а также минимизация возникающих рисков. *Вторая* группа воспринимала план как закон, директиву, пусть и оторванную от реалий сегодняшнего дня, но направленную на достижение идеологических стратегических целей, зачастую находящихся за пределами не только хозяйственной деятельности, но и за пределами национальных границ государства. Ими двигала идея мировой революции, цель ускоренной модернизации и победа в гонке за лидерство с зарубежными странами. Для достижения сверхзадачи, реализации революционной идеи можно было отступить от ряда экономических законов, признать их несуществующими, а экономические категории было позволительно рассматривать как политические инструменты. В условиях замкнутой экономики такая модель имела шанс не только на реализацию, но и на воплощение.

По мнению С. М. Борисова, различия в подходе привели даже к своеобразному ведомственному размежеванию. Приверженцы объективных рыночных процессов, в основном разработчики и исполнители денежной реформы, группировались вокруг Наркомфина и госбанка, тогда как сторонники волевых действий государства, среди которых было немало апологетов “военного коммунизма”, объединились вокруг ВСНХ и Госплана³³².

Представляется, что такое размежевание было обусловлено не только различиями в зонах ответственности, но и кадровой политикой, при которой руководитель подбирал команду единомышленников. Этому подходу вполне соответствовала традиция вождизма, которая проявляла себя и в годы нэпа.

А. Ноув иначе трактует ситуацию и отмечает, что практика планирования в 1923–1926 гг., существенно отличалась от последующих десятилетий. Автор связывает эти особенности с кадровым составом Госплана, полагая, что его сотрудники были готовы проявлять достаточную гибкость³³³.

Диалектический подход, в рамках которого рынок являлся индикатором при оценки эффективности государственных предприятий, работающих согласно плану, демонстрировал В. А. Базаров: «Смычка между государственной промышленностью и мелким товарным производителем требует свободного рынка лишь постольку, поскольку сама госпромышленность нуждается в нэпе как основной предпосылке своего нормального существования и развития. Товарный рынок восстановил личную заинтересованность. Товарный рынок и базирующийся на нем “хозяйственный расчет” создают своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия, что, конечно, упрощает задачу контроля и самоконтроля. Основные

³³² Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 159.

³³³ Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991. P. 96.

элементы нэпа являются в обозримом будущем необходимыми предпосылками всякого действительного планирования и регулирования, и потому именно в интересах самого планового хозяйства, а отнюдь не по соображениям одной только “смычки” с деревней требуют всемерного укрепления»³³⁴. Эффективность планирование и выполнение плана В. А. Базаров связывал с балансом в экономике страны или оптимальным ростом производительных сил, последовательным повышением благосостояния трудящихся масс и повсеместным развертыванием процесса обобществления³³⁵.

Горячим сторонником сочетания плановых и рыночных начал был Г. Я. Сокольников. «Утверждая, что только очень наивный человек может вообразить, будто введение принципов планового хозяйства само по себе способно тотчас устранить кризисы, народный комиссар финансов полагал, что планировать – это значит, прежде всего, располагать резервами. “Нужно быть хозяйственником типа средневекового алхимика, – отмечал Г. Я. Сокольников, – чтобы вообразить, что можно заранее составить план, который учтет все решительно, все колебания внутреннего рынка, все колебания международной конъюнктуры и т. д., вплоть до колебания погоды”. В условиях ограниченных ресурсов, когда плановое хозяйство представляет собой “очень шаткую постройку”, которая в любой момент может натолкнуться на кризис, планирование не должно связывать “свободу маневрирования на рынке”»³³⁶.

При обсуждении пятилетнего плана на XV съезде ВКП (б) вопрос о том, что представляет собой план при социализме приобрел особую актуальность. Председатель Госплана Г. М. Кржижановский полемизировал с оппонентами по поводу специфики советского планирования: «Вот сейчас находятся некоторые экономисты, которые резко отделяют полосу восстановительного периода нашего хозяйства от периода преобразовательного; они говорят, что на первое время строительства мы имели такие рельсы в довоенном наследстве, которые облегчили нам продвижение вперед. Они с усмешкой говорят о планах строительства за это время, ибо с их точки зрения нам с начала новой экономической политики чрезвычайно помогал сам рынок, он нас поправлял, он нас учил, а план здесь не при чем»³³⁷.

Ссылаясь на авторитет В. И. Ленина, который говорил, что для реализации хозяйственного плана необходимо «единство воли»³³⁸, Г. М. Кржижановский делает следующий вывод: «Что такое хозяйственный план, в чем его главная суть? Его суть – в воспитании единства хозяйственной воли. Кто может гарантировать в нашей стране быстрейшую реализацию этого

³³⁴ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6. С. 11.

³³⁵ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 82.

³³⁶ Генис Вл. Упрямый нарком с Ильинки // Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте. М., 1995. С. 26.

³³⁷ Кржижановский Г. М. Сводоклад к докладу А. И. Рыкова «О пятилетнем плане народного хозяйства» // XV съезд ВКП (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 785.

³³⁸ Ленин В. И. Отчет о политической деятельности ЦК // Девятый съезд РКП (б). Москва, 1920. Стенографический отчет. М., 1934. С. 31.

единства воли? Только партия, только тот основной организующий стержень, который является первоосновой твердости не только нашего политического, но и хозяйственного фронта. Вот почему обсуждение съездом вопросов перспективных планов хозяйства, сосредоточение воли партии на этих вопросах являются решающим началом для всей хозяйственной жизни нашей страны и в частности для нашего успеха в работах по планированию»³³⁹.

На наш взгляд, эта позиция подчеркивает доминирование идеологии над экономикой, демонстрацию ее неограниченных возможностей, в том числе по преодолению экономических законов, препятствующих динамичному развитию. Полагаем, что такой радикализм ближе идеалистическому, чем материалистическому мировоззрению.

По мнению Ф. Броделя, – «Деньги – это очень старое изобретение, если понимать под ними средство ускорения обмена. А без обмена нет общества... Города и деньги являются одновременно и двигателем, и показателем развития; они вызывают изменения и указывают на них. Но при этом они также являются их следствием»³⁴⁰.

Этому рациональному суждению было противопоставлено утопическое представление об обществе будущего, причем исходившее от теоретиков, пропагандирующих материалистическое понимание истории. И. Каспэ анализируя истоки утопического в позднесоветской культуре, отмечает стремление «преодолеть отчуждение» путем исключения из общественных практик медиаторов, посредников, к которым она относит и товарно-денежные отношения. «Максимальное сокращение зазора между “формой” и “содержанием”, означаемым и означающим подразумевает предельное сужение поля интерпретации и вытеснения фигуры интерпретатора... С вытеснением интерпретативных процедур и интерпретирующих инстанций связаны и все те особенности утопической социальности, которые с неомарксистских позиций видятся как “преодоление отчуждения”. Денежная система – как коммуникативный посредник, как способ метафоризации социальных отношений, символического обмена одних значений на другие, – конечно, должна быть устранена в первую очередь»³⁴¹. Из этого следует, что стремление свести к минимуму или исключить полностью товарно-денежные отношения – это атрибутивное свойство большинства или всех утопических проектов. «...Упорядоченному и функциональному пространству абсолютного смысла, каким пытается выглядеть утопия, прямо противоположно пространство лавки, захлавленное странными вещами, функция которых далеко не всегда очевидна. Если утопия – территория вытеснения, то лавка... – хранилище вытесненного»³⁴².

³³⁹ Кржижановский Г. М. Свод доклад к докладу А. И. Рыкова «О пятилетнем плане народного хозяйства». С. 790.

³⁴⁰ Бродель Ф. Динамика капитализма: [Пер. с фр.] / Фернан Бродель. Смоленск, 1993. С. 20–21.

³⁴¹ Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М., 2018. С. 27–28.

³⁴² Там же, С. 110.

Автор рассматривает торговлю как модель общества: «Утопический взгляд, одержимый идеей планирования, помечает городской разнородной многочисленных маленьких лавок как “уродливый”: Кабе предлагает заменить его универсальными общественными магазинами, Беллами – величественными центрами распределения товаров. О философской традиции, в рамках которой универмаг рассматривается как метафора общества, и о связи этой метафоры с утопией XIX века пишет М. Бьюмонт³⁴³.

В отличие от реальности, в «лавке-утопии» не могут быть реализованы рыночные законы, сохраняя форму места торгового посредничества, по своему содержанию утопическая модель превращает торг в сказочное действо: «...Лавка, которая меня в данном случае интересует (как бы она ни называлась – лавкой древностей или волшебной лавкой), – не обычный магазин. Разыгрывающаяся в ней мистерия торговли, столь противоположная утопическому отказу от денег и частной собственности, как правило, завершается тем, что магические предметы отдаются даром или продаются за бесценок»³⁴⁴.

Лавка-утопия противопоставляется реальной лавке, которая завоевывает мир³⁴⁵. Находясь на примитивной стадии развития рыночных отношений, являясь низшей формой обмена, она демонстрирует завидную адаптивность. Вопреки революционным проектам, лавки, деньги и торговля благополучно существуют и сегодня.

Условия существования товарно-денежных отношений при социализме. Обосновать возможность и объективную реальность существования товарно-денежных отношений при социализме, а точнее в переходный период (как от капитализма к социализму, так и во время второго марш-броска от социализма к коммунизму) можно. Однако для этого необходимо выявить в советском обществе следующие предпосылки: общественное разделение труда, наличие различных форм собственности и укладов, внешнеэкономическую деятельность, в рамках которой страна выступала участником глобального рынка. Другими словами, все те отношения, которые требуют согласования интересов различных акторов хозяйственной деятельности, использование ими общепризнанного эквивалента для организации обмена, обеспечивающего динамику экономической деятельности. Все эти признаки присутствовали не только в рыночной, планово-рыночной, но и в централизованно-плановой модели отечественной экономики. Условия и препятствия существования товарно-денежных отношений при социализме представлены на Рис. 6.

³⁴³ Бьюмонт М. Мир как универсальный магазин: утопия и политика в конце XIX века // Новое литературное обозрение. 2004. № 6 (70). // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/70/bu12.html>

³⁴⁴ Каспэ И. В союзе с утопией. С. 111.

³⁴⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3-х томах. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 55.

Рис. 6. Предпосылки и препятствия для существования товарно-денежных отношений при социализме.

В подтверждение приведем перечень факторов, которые Г. А. Дихтяр относит к предпосылкам развития товарно-денежных отношений при социализме. Помимо общественного разделения труда, он называет «наличие в советском обществе различных форм собственности, вызвавших необходимость товарного обмена не только между различными секторами, но в силу единства экономических процессов и между отдельными предприятиями внутри государственного сектора; особенности организации общественного хозяйства, выражающиеся... в известной экономической обособленности социалистических, в том числе государственных, предприятий, вследствие чего между этими предприятиями как носителями общенародной собственности становятся объективно необходимыми товарные отношения»³⁴⁶. Существенным фактором автор считает «внешние экономические связи с другими странами»³⁴⁷.

³⁴⁶ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 31.

³⁴⁷ Там же, С. 33.

Таким образом, товарно-денежные отношения являлись естественным (в условиях дореволюционной России) и неизбежным (в условиях советского общества) атрибутом хозяйственной деятельности в силу их универсальности и отсутствия реальных альтернатив.

Общественное разделение труда. Концепция социалистического устройства базируется на идее равенства, что предполагает унификацию, приведение различных показателей к общему знаменателю. Создание равных условий для развития личности не приводит к фатальному и безусловному равенству в уровне благосостояния, так как степень развития человеческих способностей нивелировать невозможно. Тезис равенства нуждался в конкретизации, в этой связи формулировались отдельные направления, задачи, которые было необходимо решить на пути к справедливому обществу.

Вопрос о мотивации в новом обществе решался на основе признания абсолютного приоритета коллективного над индивидуальным началом. Социализм – от латинского «*socialis*» – общественный. Отказ от частной собственности был «базисом» социалистической идеи. Он лег в основу преобразований во всех сферах жизни. Но если в хозяйственной практике он был реализован, то в социальной сфере советское общество было далеко от унификации, а дифференциация и неравенство не только существовали в качестве пережитка, но и культивировались.

Тотальное равенство не предполагалось, потому что принцип отказа от частной собственности распространялся исключительно на социальную группу трудящихся, точнее пролетариев, что исключало из уравнительной модели, как минимум на переходный период, эксплуататоров и социальную группу «врагов».

Общественное разделение труда в условиях рынка является естественным и закономерным процессом, результатом усложнения технологий, переходом к массовому производству, росту товарности. В определенных видах деятельности качественный результат может быть достижим лишь при условии, что персонал обладает специальными знаниями, порой в достаточно узкой сфере.

В советском обществе, построенном на новых принципах, предполагалось преодолеть эту тенденцию как порождающую социальное (классовое), имущественное неравенство. Ставились цели сглаживания различий между физическим и умственным трудом (признак информационного общества), городом и деревней, универсализации управленческих практик (через ликвидацию разницы между менеджерскими функциями и функциями рядового исполнителя), сближения производственной и посреднической функций (в результате чего торговля как посредническая деятельность должна была исчезнуть).

В хозяйственной деятельности, по сути, речь идет о процессе, обратном общественному разделению труда, когда достигается новый уровень эффективности работника благодаря

высокой технологической оснащенности и оптимальному (но кратно превышающему возможности капитализма) уровню производительности труда. При этом хозяйственная деятельность граждан носит универсальный характер. К. Маркс называл эту категорию «всеобщий труд»³⁴⁸.

В. И. Ленин полагал, что профсоюзные объединения будут приобретать со временем все более широкую специализацию, а «затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать»³⁴⁹.

Идея преодоления разделения труда и идея равенства были тесно взаимосвязаны. Социализм виделся как общество, основанное на приоритете общественной собственности на средства производства, в котором отсутствует эксплуатация человека человеком, а распределение материальных благ строится на принципах справедливости. Реализация принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», по мнению советских экономистов, предполагает баланс между мерой труда и мерой потребления. В этом виделась еще одна причина сохранения товарно-денежных отношений³⁵⁰.

Общественное разделение труда существовало не только между индивидуумами, вносящими различный вклад в производство, было обусловлено не только различной специализацией промышленных предприятий, но и различиями в аграрном и индустриальном труде, в специфике отдельных отраслей, асимметрией регионов, которые не были равны по набору факторов производства. Описанная нами территориально-рыночная модель региональной политики создавала оптимальные условия для реализации потенциала территории, ее участия в межрегиональном, национальном и международном разделении труда.

Вопрос о взаимодействии рабочих и крестьян, города и деревни, взаимоотношении аграрного и индустриального секторов экономики был наиболее острым, активно обсуждался, но, пожалуй, не был прояснен окончательно. Парадокс ситуации заключался в том, что для воссоединения и полного взаимопонимания рабочего класса (пролетариата) и трудового крестьянства был необходим торговый посредник, который, с классовой точки зрения, был их антагонистом и врагом. Интеграция двух основных секторов хозяйства страны – промышленности и сельского хозяйства, находящихся на разных стадиях развития, консолидация двух основных классов, провозглашенных опорой нового строя – оказалась невозможной как без частного предпринимательства, так и без буржуазных специалистов.

³⁴⁸ Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества. С. 14.

³⁴⁹ Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме. С. 33.

³⁵⁰ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 26.

Пытаясь согласовать интересы рабочих и крестьян как эксплуатируемых трудящихся, трудно было не признать существенные отличия в принципах хозяйственной деятельности в промышленности и в сельском хозяйстве. Согласование, синхронизация интересов рабочих и крестьян, нахождение баланса между ними в терминологии тех лет получили название «смычка». Однако речь шла не о сбалансированном и комплексном развитии двух основных секторов экономики – индустриальном и аграрном, а о решении политических задач – удержания власти и поиске путей снятия социальной напряженности между двумя классами. Идеологические установки и политические задачи доминировали над идеей экономической целесообразности; как следствие, «смычку» пытались осуществить методами и способами, которые вступали в противоречие с экономическими законами. Декларируя равенство сторон, на практике доминировали интересы пролетариата, точнее, номенклатуры, правящей от его имени. К тому же идея индустриализации имела абсолютный приоритет по отношению к революционному преобразованию деревни. Индустриализация определяла задачи и темпы коллективизации.

Ю. Ларин, которого современники считали «левым», писал: «У нас в настоящее время существует диктатура пролетариата, ограниченная соображениями о необходимости поддержания союза с крестьянством»³⁵¹. Очевидно, что автор рассматривает союз с крестьянством как вынужденную меру, ограничивающую полноту власти пролетариата.

Проблема неравенства социальных групп в условиях социализма порождает еще более острый вопрос – о наличии эксплуатации в новом обществе. Если факт внеэкономического принуждения и несбалансированного или неэквивалентного обмена между отдельными социальными группами признается, означает ли это, что имеет место эксплуатация человека человеком? Если эксплуатация «бывших», отживших, старых, враждебных классов и сословий, а также представителей частнокапиталистического сектора считалась вполне приемлемой, то как быть с крестьянством, по отношению к которому демонстрируется доминирующее или покровительственное поведение со стороны рабочего класса?

Эту проблему на примере сравнительного анализа позиции Е. А. Преображенского и Н. И. Бухарина в отношении крестьянства поднимали Г. И. Бондарев и А. А. Шкреба³⁵².

Многообразие форм собственности. Рассмотрев модель многоукладной экономики, проанализировав характер взаимоотношений различных укладов, остановимся на некоторых принципиальных моментах общего плана, предопределивших формирование советской экономики.

³⁵¹ Всероссийская конференция РКП (б). 19–21.12.1921. Цит. по: Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 68.

³⁵² Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества. С. 80–81.

На раннем, романтическом этапе революции идея мировой революции решала проблему взаимоотношений с внешним миром, который со временем должен был стать «внутренним». В связи с образованием единого, мирового государства рабочих и крестьян внешнеэкономические связи исчезли бы, а обмен и снабжение продуктами промышленности и сельского хозяйства осуществлялись бы в рамках единого интернационального, глобального мирового хозяйства. Как объединение производителей в единый трест или синдикат исключало необходимость в торговых связях между отдельными предприятиями, так и объединение всех стран в единое государство делало излишним заключение внешнеторговых договоров и существование конвертируемой валюты, а возможно и валюты как таковой. Такое развитие событий гарантировало бы блестящие перспективы для реализации идеи уничтожения товарно-денежных отношений.

Мировая революция осталась нереализованным проектом, а реального социализма не удавалось обнаружить ни в экономической, ни в политической сферах. Институты новой государственной власти формировались на основе уже сложившейся традиции. Как следствие, формировалась специфическая модель советского социализма, включающая в себя элементы докапиталистических и капиталистических моделей.

О возможности такого развития событий говорилось еще на IV съезде РСДРП при обсуждении аграрной программы партии. В ходе дискуссии был поднят вопрос о вероятности реставрации после революции. А. С. Мартынов, отмечая специфику российского феодализма, предупреждал: «У нас реставрация феодализма была бы невозможна после экспроприации помещичьих земель, если б в основе нашего феодализма лежало поместное хозяйство, но в том-то и дело, что российский феодализм, прежде всего, есть феодализм государственный. Он сложился на почве закабаления народа государством. И само помещичье землевладение у нас выросло не из вотчинного хозяйства, а из служилых отношений помещиков к государству. Поэтому-то Плеханов прав, когда утверждает, что принцип национализации несколько не изменяет тех экономических отношений, на почве которых вырос наш азиатский деспотический строй»³⁵³. В. И. Ленин, полемизируя с меньшевиками, настаивал на национализации земли. При этом он не исключал возможности реставрации прежних форм хозяйствования, отмечая, что «У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе»³⁵⁴.

Столкнувшись с новой реальностью, когда после совершения революции власть оказалась в руках партии большевиков, но социалистический пролетариат на Западе не спешил оказать помощь России, В. И. Ленин поставил цель создать базу для развития социализма в виде

³⁵³ Четвертый (объединенный) съезд РСДРП (апрель-май 1906 г.). М., 1959. С. 111.

³⁵⁴ Там же, С. 127.

государственного капитализма, а главным врагом была объявлена мелкобуржуазная стихия. Реализовать эту цель предполагалось радикальными методами на основе имеющихся в ограниченном количестве ресурсов.

В. И. Ленин писал: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача – учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³⁵⁵.

Таким образом, модернизацию страны предполагалось осуществить традиционными для нее способами. Сравнение революционных преобразований с реформами классово чуждого большевикам Петра I не случайно. Создается устойчивое представление о том, что процесс модернизации в России обречен идти по петровской модели. Доказав свою успешность в прошлом, этот механизм используется новыми правителями России снова и снова. В его пользу говорит тот факт, что фигура Петра сохраняет свой положительный ореол на протяжении столетий. Неслучайно А. Гершенкрон, объясняя механизм реализации догоняющей модернизации (преодоления отсталости) в годы первых пятилеток проводит прямое сравнение методов Петра I и И. В. Сталина³⁵⁶. «Паттерн экономического развития [преодоление отсталости – *А. К.*], – делает вывод А. Гершенкрон, – статус которого в период перед началом Первой мировой войны был низведен до роли раритетного музейного экспоната, получил в советской России новую жизнь. Однако анахронический (или, скорее, псевдоаняхронический) характер советского эксперимента по осуществлению индустриализации быстрыми темпами не помешал СССР достичь значительных успехов. Напротив, сочетание традиционных средств угнетения с современными технологиями и четкой организацией оказалось исключительно эффективным»³⁵⁷.

Многообразие форм собственности существовало на протяжении всего советского периода (принято называть государственную, колхозно-кооперативную и личную собственность граждан), однако в годы нэпа была легализована неорганичная для социалистического государства частная собственность. Допущение частного капитала носило ограниченный характер, что нашло отражение в советском законодательстве. В. И. Ленин писал: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это – мы... Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения;

³⁵⁵ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. С. 301.

³⁵⁶ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 184–185.

³⁵⁷ Там же, С. 186.

расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris romani* к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого... Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но втрое подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов, – вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении нэпа»³⁵⁸.

Исходя из иных предпосылок, но с этим тезисом вполне согласуется мнение Й. Шумпетера о невозможности использовать термин «государство», применительно к социалистическому обществу. «Не следует его использовать ни применительно к феодальному строю, ни к социалистическому обществу, ибо как в том, так и в другом не существовал и не мог проявиться тот водораздел между частной и общественной сферами, который в значительной мере и определяет само содержание понятия “государство” во всем его объеме, т. е. весь диапазон его функций, методов, отношений»³⁵⁹.

В. П. Дмитренко отмечает, что легализация частного оборота потребовала признания того, что частные имущественные права находятся под охраной законов и пользуются судебной гарантией. Правовой основой легализации частной собственности явился гражданский кодекс РСФСР³⁶⁰. В нем была закреплена следующие нормы: «Ст. 1. Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением... Ст. 4. В целях развития производительных сил страны РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности) всем гражданам, не ограниченным по суду в правах. Пол, раса, национальность, вероисповедание, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской правоспособности».

Право на предпринимательскую деятельность было сформулировано в следующем виде: «С. 5. Каждый гражданин РСФСР и союзных советских республик имеет право свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущества с ограничениями, указанными в законе, совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые

³⁵⁸ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // ПСС. Т. 44. С. 398–400.

³⁵⁹ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. С. 552.

³⁶⁰ О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским Кодексом РСФСР») Постановление ВЦИК от 11.11.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда».

Виды собственности были зафиксированы в ст. 52: «Различается собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная».

Статья 54 содержала перечень объектов частной собственности: «Предметом частной собственности могут быть: немунципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота».

При этом предполагалось, что каждое дело суд призван был решать, руководствуясь общими началами законодательства и общей политикой Советского государства. В ст. 5 Постановления о введении в действие Гражданского кодекса говорилось: «Распространительное толкование Гражданского кодекса РСФСР допускается только в случае, когда этого требует охрана интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс». Правовой статус частного предпринимательства был существенно ниже дореволюционного: законодательство регулировало лишь допущение в известных пределах предпринимателей к хозяйственной деятельности.

Изменились не только правовая и политическая системы – существенным образом усилилась и роль государства в экономике. В столь короткий срок не было возможности в полной мере воссоздать рыночные механизмы, тем более в условиях, когда это воссоздание воспринималось как временная мера, как отступление. Порой откат происходил на ранний, более примитивный уровень экономических связей, с опорой на докапиталистические их виды.

Следует также учитывать, что в годы нэпа произошла частичная реставрация традиционных форм хозяйственной деятельности, а точнее – использование сложившихся до 1913 г. хозяйственных практик. Л. Д. Троцкий дал следующее разъяснение: «Почему, собственно, рабочее государство оказывается вынуждено использовать на первых своих шагах методы и учреждения капиталистического строя, рынка? Потому, что новых методов для распределения производительных сил и средств между разными отраслями хозяйства еще нет. Надо пользоваться старыми, рыночными, пока не создали новых – централизованных, плановых, учетных. Такова общая формула новой экономической политики»³⁶¹.

³⁶¹ Троцкий Л. Д. О промышленности // Двенадцатый съезд РКП (б). Москва. 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 310.

При этом стратегической установкой власти была ликвидация многоукладности и обобществление производства. Процесс обобществления (т. е. огосударствления) распространялся не столько на конкретные хозяйственные единицы, частные предприятия, сколько на уклады в целом.

В декабре 1928 г. председатель Госплана Г. М. Кржижановский в докладе на XV съезде ВКП (б) сформулировал следующую триединую задачу: индустриализация и электрификация, которые позволят продемонстрировать более высокие темпы развития по сравнению со странами Запада; укрепление военной мощи и «одновременно провести дальнейшую глубокую линию по обобществлению хозяйства, – и не только производственного процесса, по и процесса распределения, причем мы имеем в виду это обобществление производить так, чтобы все время благосостояние трудящихся масс увеличивалось и подымался бы их культурный уровень»³⁶².

Внешнеэкономическая деятельность. Объектом нашего исследования является частная торговля как подсистема внутренней торговли СССР. Внешняя торговля не является предметом специального анализа. Однако абсолютно исключить ее из поля зрения не представляется возможным. Внешнеторговые связи рассматриваются нами в связи с товарооборотом Урала в период после октября 1917 г.

Монополия внешней торговли оказывала существенное влияние на конфигурацию торговли внутренней. Существенную роль в политике государства играл экспорт, стремление контролировать процесс сбора и реализации экспортных товаров, в том числе с использованием ресурсов частного. Одновременно существенную роль играли нелегальные формы взаимодействия с внешним миром и контрабанда являлась одним из значимых каналов поступления товаров на внутренний рынок.

Необходимость взаимодействия с внешней средой, по определению – враждебной и агрессивной, рассматриваемой как антитеза новому строю, приводила к конфликтам. С одной стороны, зависимость от внешнеэкономических связей в условиях догоняющей модернизации была очевидной. Доказать преимущества социализма можно было, лишь заимствовав за рубежом технологии, уже внедренные в экономику конкурентов. Для этого были необходимы валюта, либо высоколиквидные ресурсы, востребованные на мировом рынке. Эта ситуация с неизбежностью порождала рыночные отношения внутри страны, так как выполнение экспортных планов являлось приоритетной задачей для центра и регионов. Аккумулирование экспортных товаров на всей территории страны могло быть эффективным лишь при условии хотя бы ограниченной материальной заинтересованности и эквивалентности при обмене денег на товар, либо товаров на товар (бартер), как это происходило во взаимоотношениях с аборигенами при заготовке пушнины на Крайнем Севере.

³⁶² Кржижановский Г. М. Сводный доклад к докладу А. И. Рыкова «О пятилетнем плане народного хозяйства». С. 790.

Экспортная ориентированность отдельных секторов предопределяла и создание концессий, которые рассматривались как оазисы или язвы (в зависимости от идеологических установок гражданина) капитализма на территории Советской республики. В любом случае они были неизбежным следствием сложившейся ситуации. Концессии зачастую были единственной возможностью для России вернуться на свои прежние внешние рынки, с которых она ушла сама или была вытеснена в период политической нестабильности и войн. Дефицит финансовых средств вынуждал обращаться за внешними заимствованиями, отсутствие технологий и управленческого опыта – за оборудованием и специалистами.

Полагаем, что допущение рыночных отношений с участием иностранных граждан могло быть использовано в пропагандистских целях, было призвано свидетельствовать о человеческом облике социализма, привлечь в страну иностранные капиталы, наладить необходимые советской экономике внешнеэкономические связи.

Характер внешнеэкономических связей зависит от взаимоотношений двух или нескольких национальных государств. Возможности советского государства были лимитированы границами суверенной территории, выйти за которые было трудно. Разумеется, такие попытки предпринимались – в роли лоббистов СССР выступали и Коминтерн, и рабочее движение в зарубежных странах. Но двусторонние отношения предполагают учет взаимных интересов контрагентов, а они соблюдались далеко не всегда. Понимая важность внешнеэкономических связей в условиях нэповской экономики и допущения рыночных механизмов, советское правительство закрепило за собой «командные высоты» в экономике, и одной из них стала монополия на внешнюю торговлю³⁶³.

Традиционные и общепринятые методы таможенного контроля и протекционизма, по мнению В. И. Ленина, не могли решить проблему защиты внутреннего рынка. Полемизируя с Н. И. Бухариным, он писал: «Никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. <...> Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли <...> На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и

³⁶³ Зиновьев Г. Е. О политической деятельности ЦК // Двенадцатый съезд РКП (б). С. 20.

его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ (Народный комиссариат внешней торговли), ибо при этой системе работают рядом и заграничный, и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться, и научиться, и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков»³⁶⁴.

На XII съезде РКП (б) Л. Д. Троцкий заявил: «Если спросить, на чем зиждутся наши надежды на развитие социализма в нашей стране, то мы скажем: во-первых, политическая власть партии, подкрепленная Красной Армией; во-вторых, национализация средств производства; в-третьих, монополия внешней торговли»³⁶⁵.

Торговое посредничество на внутреннем и внешнем рынках находилось в тесном и диалектическом единстве. Участие в сделке «социалистического купца» не делало характер этих отношений социалистическим. Но арсенал методов государственного регулирования на внутреннем рынке был намного более разнообразным, чем на внешнем. Отстаивая монополию на внешнюю торговлю, власти создавали благоприятные условия для активного использования административных, внеэкономических методов принуждения. Монополия на внешнюю торговлю позволяла государству извлекать выгоды из межстрановой конкуренции при низкой производительности труда внутри страны. Таможенные платежи пополняли государственный бюджет, а внешнеэкономические сделки становились орудием идеологической борьбы и методом воздействия на иностранных партнеров. Политика цен в условиях товарного дефицита не могла быть такой же эффективной, если бы внешние рынки были открыты. Железный занавес являлся одной из основных предпосылок формирования советской распределительной системы. Так, можно предположить, что продажа крестьянами хлеба за границу в случае послаблений в монополии государства на внешнюю торговлю могла привести к росту цен на сельскохозяйственную продукцию и отчасти сократить зазор в ножницах цен.

Но монополия внешней торговли не только обеспечивала преимущества, но и создавала проблемы, ограничивая сферу влияния рыночных сил. Это негативно сказывалось на ценовой политике в периоды ножниц цен; монополия не позволила превратить червонец в свободно конвертируемую валюту, поскольку его оборот ограничивался внутренним рынком.

Финансово-кредитная и денежная системы. Финансовая система включает в себя бюджетную систему, финансы предприятий (в том числе в качестве источника налоговых поступлений), страхование и кредит (государственный и банковский). В свою очередь денежная

³⁶⁴ Ленин В. И. О монополии внешней торговли // ПСС. Т. 45. С. 336.

³⁶⁵ Троцкий Л. Д. О промышленности. С. 334.

система состоит из официальной денежной единицы, порядка эмиссии наличных денег, а также организации и регулирования денежного обращения. Все эти элементы претерпевали существенные изменения в раннесоветском обществе, поскольку их номинальное существование в условиях рыночного и централизованного планового хозяйства было основано на различных принципах, при учете или игнорировании экономических законов. Рыночные принципы хозяйствования потребовали радикального разрыва с военно-коммунистическими методами. Об этом в докладе «О финансовой политике партии» на XI съезде РКП (б) говорил Г. Я. Сокольников: «Распределение, которое раньше почти целиком было в наших руках, теперь проходит... через рынок. Для того чтобы эти процессы производства и распределения могли совершаться через рынок, необходим инструмент обмена – денежная система. Но, конечно, нельзя представлять, что рядом с нами существует рынок, на котором будет своя денежная система, и что наше обобщественное хозяйство будет независимо от этого рынка. Нет, опыт последнего полугодия мог убедить нас, что наше обобщественное хозяйство, государственная индустрия, попадают все в большую и большую зависимость от рынка, все больше и больше связываются с ним»³⁶⁶.

Далее наркомфин отмечал: «Если наше государственное хозяйство становится во все большую и большую зависимость от рынка, мы становимся все больше и больше в необходимость все хозяйство проводить через рынок, и, следовательно, через деньги, как инструмент обмена на этом рынке»³⁶⁷.

Г. Я. Сокольников обозначил и основные направления финансовой политики государства: сокращение государственного бюджета; развитие местного бюджета; развитие системы денежных налогов; развитие системы государственных доходов; снятие всего того, что можно, в области промышленности с государственного бюджета; обложение промышленности, которая должна давать установленные ресурсы государству; развитие системы аренды, концессий, смешанных обществ, которые дают возможность развиваться производительным силам и дают нам возможность использовать иностранный капитал с одной стороны и обложение в пользу государства – с другой; укрепление товарооборота, увеличение емкости товарного рынка³⁶⁸.

Эти идеи легли в основу финансовой программы партии. Отметим те из них, которые имеют непосредственное отношение к торговле. Предполагалось добиться стабилизации финансовой системы за счет сбалансированного бюджета, что, в свою очередь, предполагало сокращение расходной и наращивание доходной части бюджета. Снятие бремени финансирования государственного сектора, что было возможно за счет перехода от

³⁶⁶ Сокольников Г. Я. О финансовой политике партии // Одиннадцатый съезд РКП (б). Москва. 1922. Стенографический отчет. М., 1961. С. 313.

³⁶⁷ Там же, С. 315.

³⁶⁸ Там же, С. 329.

финансирования к кредитованию, внедрение системы хозрасчета и стимулирования частнопредпринимательского уклада в производственной и торговой сферах.

В частном секторе видели не только попутчика при решении проблем производства и снабжения, но и источник налоговых поступлений, способствующий снижению бюджетного дефицита. «Конечно, очень скверно, что мы не можем через свой аппарат Компрода производить распределение, что мы вынуждены допускать частных торговцев. Наша задача не в том, чтобы мешать торговцам производить работу, которую мы признали экономически необходимой, а в том, чтобы этого частного торговца обложить; чтобы, допуская его экономическую работу, в то же время с него взимать в порядке советского права, в порядке использования налоговой системы как одного из могущественных орудий революционной политики пролетариата, взимать с него налог в пользу рабоче-крестьянского государства и, допуская его торговать, укреплять эту власть за счет налога, который ложится на него, и регулировать в порядке этой налоговой политики процессы накопления капитала, которое теперь при новой экономической политике возможно»³⁶⁹.

Г. Я. Сокольников призывал искать источники инвестиций за пределами страны, активно привлекать иностранный капитал, в том числе при организации внешней торговли: «Государственная торговля должна главным образом развиваться за счет средств, предоставляемых ей кредитом (кредит со стороны мелкого обладателя экспортного сырья, кредит со стороны европейского и американского обладателя импортного товара), причем получение такого кредита может и должно быть организовано через госбанк. Поддержка кооперативной торговли на безубыточных для государства основаниях должна быть широко осуществляема»³⁷⁰.

Во внутренней торговле допущение частника было оправдано, по мнению Г. Я. Сокольникова, не только экономией государственных средств и налоговыми поступлениями, но и являлось косвенным стимулом для повышения товарности сельского хозяйства: «Необходимость допустить к торговле частный капитал в области внутренней торговли означает отмену внутренних торговых монополий, а в области внешней торговли – разрешение смешанных обществ, предоставление торговых концессий и т. п., при сохранении государственной монополии. При этом основной задачей торговой политики должно быть стимулирование перехода крестьянства от потребительского к товарному хозяйству, ибо только в таком переходе заключается гарантия подъема производительных сил в сельском хозяйстве,

³⁶⁹ Сокольников Г. Я. О финансовой политике партии. С. 322–323.

³⁷⁰ Основные положения финансовой программы (Тезисы к XI съезду партии) // Одиннадцатый съезд РКП (б). С. 675.

которое, в свою очередь, является единственной гарантией скорейшего выхода из экономического и финансового кризиса»³⁷¹.

Активизация товарооборота с участием различных хозяйственных укладов способствовала появлению сбалансированного денежного обращения, не позволяла денежной массе застаиваться.

Бездефицитный бюджет предполагал развитие кредитной системы (банковский кредит), которая, с одной стороны позволила бы аккумулировать денежные средства населения (эту функцию выполняли общества взаимного кредита частной торговли и промышленности, с другой, взяла на себя роль инвестора при реализации производственных программ. Особое внимание уделялось сельскохозяйственному кредиту, призванному стимулировать развитие крестьянских хозяйств. При этом отмечалось, что контроль за кредитованием должен был исходить из идеи сбалансированности денежной и товарной массы и препятствовать инфляции. Государственный кредит (одним из механизмов реализации которого являлись облигации) мог быть использован для погашения бюджетного дефицита и стимулировать безналичное обращение в стране. Активное привлечение населения, в том числе частных предпринимателей, к приобретению облигаций порой носило добровольно-принудительный характер, о чем свидетельствуют материалы ОВК. Страхование как форма аккумуляции финансовых ресурсов не получило широкого распространения и в отношении частного сектора хозяйства также носило принудительный характер.

Изменение межбюджетных отношений и перенесение центра тяжести на местные бюджеты позволило бы стимулировать собираемость налогов на местах, активизировать местную инициативу, освободить от излишней нагрузки союзный и республиканские бюджеты. Такой подход к межбюджетным отношениям полностью согласуется с территориально-рыночной моделью региональной политики.

Таким образом, денежная реформа стала бы лишь верхушкой айсберга, и для ее реализации требовалось модифицировать финансовую систему в целом. «Следовательно, – полагал Г. Я. Сокольников, – подходить к денежной реформе нам приходится не с точки зрения непосредственной денежной реформы, а прежде всего со стороны бюджетной, со стороны правильной организации системы наших доходов и расходов»³⁷².

Денежная реформа 1922–1924 гг. Идеальный образ червонца как стабильной валюты закрепился в сознании населения еще в ходе денежной реформы С. Ю. Витте (1895–1897). В годы военного коммунизма этот образ воплощал в себе мечту о стабильности и «золотом веке», который оказался в прошлом. Царские золотые были предметом ностальгии. Введение

³⁷¹ Основные положения финансовой программы. С. 675–676.

³⁷² Сокольников Г. Я. О финансовой политике партии. С. 319.

советского «золотого червонца» в ходе денежной реформы 1922–1924 гг. отвечало мечтам масс о стабильной денежной единице. Этим обстоятельством отчасти можно объяснить темпы и качество реализации как денежной реформы, так и политики нэпа в целом. «Все зигзаги и потрясения проходили на глазах одного поколения людей: в общественном сознании и памяти гримасы военного коммунизма представлялись временным и досадным недоразумением по сравнению со стереотипами ценностей, житейских привычек и навыков, сложившихся до войны и до революции... Устроители реформы хорошо чувствовали эту сторону вопроса, стараясь там, где возможно, придавать реформируемым денежным атрибутам старые, привычные черты»³⁷³.

Денежное обращение, помимо объективных условий, базируется на степени доверия населения к национальной валюте. Это доверие являлось в годы нэпа экономическим ресурсом, которое необходимо было использовать, активно реанимируя рыночные формы хозяйствования³⁷⁴.

Сама денежная реформа проходила с середины 1921 г. до середины 1924 г. и состояла из трех этапов: 1) подготовительные меры; 2) параллельное обращение с «совзнаком» и 3) обмен «совзнаков» на червонные деньги³⁷⁵.

Червонец был выпущен в обращение на основании декрета СНК³⁷⁶, а первые банкноты появились 27 ноября 1922 г. В контексте нашего исследования необходимо отметить тот факт, что помимо золотого, он имел товарное обеспечение. Поэтому устойчивость денежной единицы определялась балансом товарной и денежной массы. Червонцы выпускались не как законные денежные средства (ими продолжали числиться «совзнаки»), а как банковские деньги, как обязательства государственного банка, формально не отвечающего по обязательствам правительства. Таким образом, червонная валюта приобретала необходимое качество денежного посредника не благодаря государственному принуждению, а через реальный экономический интерес³⁷⁷. «Новая валюта, введенная денежной реформой, – говорилось в одном из отчетов государственного банка, – основана на золоте, но денежная единица, положенная в основу этой системы, не была определена в отношении веса и пробы металла... Строго говоря, закон не дает пока ответа на вопрос о том, что является сейчас в СССР денежной единицей – червонец или что-то другое, например, золотой рубль»³⁷⁸.

³⁷³ Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 122.

³⁷⁴ Доверие как экономическая категория проанализировано в работе Ф. Фукуямы. См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. 730 с.

³⁷⁵ Мы не ставим перед собой цель детально проанализировать эти процессы. Отметим, что фактический материал, связанный с так называемым «разменным кризисом» 1924 г. представлен в параграфе 3.2.

³⁷⁶ О предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов. Постановление СНК от 11 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР 1922. № 46. Ст. 578.

³⁷⁷ Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 131–132.

³⁷⁸ Там же.

Таким образом, правовой статус национальной валюты не был четко закреплен, что стало отражением общего отношения к нэпу как временному отступлению. С другой стороны, отсутствие конкретики оставляло место для маневра в финансовой сфере.

В отличие от дореволюционного, советский червонец так и не стал свободно конвертируемой валютой. Монополия внешней торговли создавала поле деятельности для него в основном на внутреннем рынке, где его обменивали на иностранную валюту и золото. «...С наибольшей последовательностью принцип свободы валютных сделок реализовывался в отношении частного сектора, в то время как операции государственных и кооперативных организаций подвергались контролю и ограничениям. “Более тесное регулирование валютных операций частных лиц и учреждений, распыленных и фактически неуловимых для надзора, было бы нерациональным, – заметил по этому поводу профессор Д. А. Лоевецкий. – Всякое регулирование имеет смысл лишь постольку, поскольку оно эффективно. Всякое неэффективное регулирование, не достигая цели, вместе с тем компрометирует органы власти, его декретирующие”»³⁷⁹. Сформулированный принцип «разумной достаточности» государственного регулирования очевиден и рационален, однако он очень часто игнорировался.

Если внешний валютный рынок на протяжении всего периода нэпа жестко регламентировался, то внутренний сужался по мере свертывания нэпа и был окончательно ликвидирован в 1930 г., когда была запрещена торговля как товарами на товарных биржах, так и валютой и валютными ценностями в фондовых отделах при товарных биржах³⁸⁰.

Товарный дефицит являлся непременным атрибутом советской экономики, он приводил к инфляционному давлению на розничные цены и покупательную способность червонца. На рубеже 1926–1927 гг. был введен новый индекс цен, который свидетельствовал о стабилизации или даже снижении розничных цен. Структура сводного индекса розничных цен на две трети состояла из показателей по государственной и кооперативной торговле, где цены на товары по причине товарного дефицита носили не реальный, а номинальный характер. Использование распределительной системы еще в большей степени искажало картину.

Частный сектор хозяйства и в этом случае являлся индикатором состояния экономических процессов, поскольку действительная покупательная способность червонца могла проявиться только в частной торговле, где цены назначались на реально существующие товары и были гораздо выше цен обобществленного сектора. Соответственно, они росли более быстрыми темпами³⁸¹.

³⁷⁹ Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 144.

³⁸⁰ Об упразднении товарных бирж и фондовых отделов при них. Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1930 г. // Сборник законов. 1930. № 10. Ст. 120.

³⁸¹ Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 159.

Помимо товарного дефицита, негативным фактором, влиявшим на курс червонца, был рост банковского кредитования строительства индустриальных объектов, прежде всего в отраслях тяжелой промышленности, для которых характерны большая капиталоемкость и длительные сроки окупаемости. Основным потребителем продукции тяжелой промышленности являлось государство, а связь с широким потребительским рынком, обеспечивающим большую скорость товарооборота, была слаба.

Потребность в финансовых ресурсах привела к росту эмиссии. Ф. Э. Дзержинский, выступая в 1926 г. на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции, заявлял: «Когда говорят, что именно отсутствие средств показывает, что мы должны прекратить вести капитальные работы или сократить их сверх всякой меры, то я утверждаю, что я, как председатель Высшего Совета народного хозяйства, с такой точкой зрения буду бороться до конца, потому что она неправильная в корне»³⁸².

В результате господства «плановых начал», спустя десять лет после начала нэпа и денежной реформы покупательная способность червонного рубля в среднем равнялась примерно 20 довоенным копейкам, а в частной торговле – 5–6 копейкам³⁸³.

Основные финансовые итоги нэповского десятилетия были противоречивы (табл. 1 Приложения). Одновременно с ростом производства и сбалансированности бюджета, рос и дефицит внешнеторгового баланса, а денежная система была подвержена инфляции.

Торговля. Монолитность социалистического хозяйства предполагала унифицированное распределение в рамках единого народно-хозяйственного комплекса. Напротив, многоукладность требовала столь же большого разнообразия в организации хозяйственных связей. Государственный, кооперативный, частнопредпринимательский, мелкотоварный и прочие уклады выступали в роли как производителей, так и потребителей товаров и услуг. Эти процессы накладывались на пестрый фон торгового посредничества, в которое были втянуты практически все слои населения Советского Союза, которые поочередно были то продавцами, то покупателями.

В этом контексте вопрос о согласовании интересов производителей и потребителей, относящихся к различным хозяйственным укладам, приводит нас к проблеме организации товарооборота, форм и методов торговли и распределения при социализме.

Под торговлей мы понимаем отрасль хозяйства и вид экономической деятельности, направленный на осуществление купли-продажи, обмена товаров, а также связанные с ними процессы непосредственного обслуживания покупателей, доставки товаров, их хранения и подготовки к продаже.

³⁸² Цит. по: Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 165.

³⁸³ Там же, С. 154.

Понятие «торговля» конструкторами советского строя воспринималось весьма своеобразно – не как особое звено в хозяйственных связях между потребителями и производителями, а главным образом как инструмент распределения. Вынужденное применение рыночных механизмов в период нэпа вносило разлад в распределительный механизм. Но даже в этой ситуации сохранялся приоритет политических задач советской торговли над экономическими.

Отказ от товарно-денежных отношений в условиях военного коммунизма сменился периодом нэпа. После его свертывания частнопредпринимательский уклад ушел в подполье, в котором находился вплоть до «перестройки». Частная торговля в большей степени, чем кооперация претерпевала на себе последствия смены политического курса.

В. И. Ленин считал использование торговли вынужденной мерой: «Если бы мы оказались в силах опереться на военный и политический энтузиазм, который был бесспорной и гигантской исторической силой и великую роль сыграл, который на долгие годы отзовется и в международном рабочем движении, – если бы этот энтузиазм, при известной степени культуры и при известной неразрушенности наших фабрик, помог нам перейти к непосредственному социалистическому строительству, то такой неприятной штукой, как коммерческий расчет и искусство торговать, мы бы не занимались. Тогда этого было бы не нужно. А сейчас нам нужно этим заниматься. Почему? Потому что мы руководим и должны руководить экономическим строительством»³⁸⁴.

Выступая на партийной конференции и придавая большую полемическую заостренность своим выступлениям, В. И. Ленин оппонировал отдельным докладчикам, которые впали в уныние от идеи о необходимости вернуться к торговле: «Тов. Семков очень ясно сказал: “Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили”. Тов. Семков, это правильно, что нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность – такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили. В лучшем случае в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах даром. Когда нам говорят: “Нас в тюрьмах торговать не учили”, то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих к “штурму”, на период “осады”. Тов. Семков обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии. Эту ошибку надо сознать и исправить»³⁸⁵.

³⁸⁴ Ленин В. И. Заключительное слово на VII Московской губернской партийной конференции. С. 216.

³⁸⁵ Там же.

«Ленин, – сказал мне Стеклов [главный редактор газеты «Известия»], – произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. “Научитесь торговать!” – мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно целые главы марксизма от нас отрезать. Давать руководящие принципы они нам уже не могут. А когда [И. М.] Варейкис бросил Ленину такое замечание, тот крикнул: “Пожалуйста, не обучайте меня, что взять или что откинуть от марксизма, яйца курицу не учат!”»³⁸⁶

Всем известны слова В. И. Ленина о России как слабом звене в цепи империализма. Парадоксально, но сильным звеном во внутренней политике после прихода к власти большевиков, оказалась торговля. «В данный момент в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля – вот то “звено” в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921–1922 годов, “за которое надо всеми силами ухватиться” нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко “ухватимся”, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать. Это кажется странным. Коммунизм и торговля?! Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия»³⁸⁷. Если представить себе это расстояние – от патриархальной общины до коммунизма, то в современном понимании оно намного более значительно, чем себе представляли большевики. Оно сопоставимо с расстоянием от традиционного до постиндустриального или даже информационного общества, которое заняло у человечества сто лет.

В марте 1921 г. вводился план «А» по введению прямого товарообмена, локализованного в достаточно узких территориальных рамках – «местном товарообороте». Этот план не сработал, а вместо него явочным порядком стала разворачиваться традиционная торговля. Постфактум ее были вынуждены объявить планом «Б». В. И. Ленин писал: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас! Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем

³⁸⁶ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 67.

³⁸⁷ Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // ПСС. Т. 44. С. 221.

предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся. Другого выхода нет; а, между тем, сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо. Когда, например, говоришь: перед нами задача, чтобы государство стало оптовым торговцем или научилось вести оптовую торговлю, задача коммерческая, торговая, – это кажется необычайно странным, а некоторым и необычайно страшным. “Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма?” Не следует ли по сему случаю окончательно прийти в уныние и сказать: ну, все потеряно!»³⁸⁸. В. И. Ленин призывал реалистично относиться к существующим противоречиям нэпа и адаптировать их под свои цели: «Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя. Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства. Противоречий стало больше. И понятно, что, пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя»³⁸⁹.

Перспективы ликвидации торговли. В планах строителей социализма предполагались высокая динамика изменений всех сторон жизни общества, существенная трансформация отраслевой структуры экономики и исчезновение отдельных ее секторов. Торговля была одним из кандидатов на выбывание. Эти взгляды были характерны не только для романтического периода революции, когда Е. А. Преображенский и Н. И. Бухарин в 1919 г. полагали, что уже созданы все условия для ликвидации крупной частной торговли, а мелкая торговля исчезнет со временем: «С тех пор, как главным производителем товаров на национализированных заводах является само пролетарское государство, было бы бессмысленно, если бы оно само себе перепродавало товар, содержа на своей шее торговцев <...> Мелкая торговля будет убита лишь постепенно, по мере того, как все большее и большее количество продуктов, поступающих для снабжения населения, будет проходить через руки государства»³⁹⁰. Эти настроения

³⁸⁸ Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике на VII Московской губернской партийной конференции 29–31 октября 1921 г. // ПСС. Т. 44. С. 208–209.

³⁸⁹ Там же, С. 212.

³⁹⁰ Бухарин, Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. М., 1920. С. 275–276

доминировали и на излете нэпа, когда строились стратегические планы развития страны в условиях мирного времени, с целенаправленным и системным усилением плановых начал. Показательным примером является «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», который рассматривался как составная часть плана развития страны в целом. Авторы документа предлагают сам термин «торговля» использовать с известной долей условности. «В разрезе генерального 15-летнего плана развертывания хозяйства самый термин “торговля” является условным, и правильнее было бы говорить не о торговле, как она понимается сейчас, но об обращении материальных благ в широком смысле слова. Такая постановка вопроса вытекает из того, что современная торговля, как форма этого обращения, является только временным этапом развития нашего хозяйства. С уверенностью можно сказать, что к концу периода реконструкции формы обращения ценностей весьма значительно изменятся, и распределительный аппарат примет совсем иной вид, чем сейчас. Предугадать эти формы теперь представляется, конечно, невозможным. Поэтому приходится или вовсе отвлекаться от форм обращения, или, если это невозможно, исходить по необходимости из теперешних категорий обращения: товарные массы, продажные цены, наценки, товарооборот и т. д. Необходимо также иметь в виду, что торговый план не является самостоятельной частью хозяйственного плана, но представляет своего рода увязку ряда производственных процессов. Вследствие этого к нему приложимы все те оговорки об условности и приближенности исчислений, которые делаются генпланами по сельскому хозяйству и промышленности»³⁹¹.

Ликвидация торгово-посреднической деятельности на завершающем этапе нэпа как лишнего звена в производственной цепочке и потенциальной угрозы реставрации капиталистических отношений была, на наш взгляд, утопичной, но не абсурдной идеей.

В отечественной историографии есть примеры разработки подобного рода альтернативной модели, так Ю. П. Бокарев рассматривал возможность исключения товарно-денежных отношений из экономики 1920-х гг. в условиях натурального обмена между городом и деревней, обосновывая стратегическую, а не конъюнктурную направленность политики военного коммунизма³⁹².

Й. Шумпетер отмечает эту особенность социалистической экономики – отделение производства от распределения регламентацию системы распределения на основе правил, созданных самим государством. «Распределение, таким образом, становится самостоятельной операцией и, во всяком случае, по логике вещей полностью отделяется от производства. Принятый политический закон или политическое решение должны соответствовать

³⁹¹ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. С. 619.

³⁹² Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы : Источники, методы исслед., этапы взаимоотношений. М., 1989. 310 с.

экономическим и культурным особенностям данного общества. Со временем они сами начинают определять эти особенности, поведенческие нормы общества, его цели и достижения... Государство может осуществлять принцип равенства – опять-таки исходя из того или иного понимания идеи эгалитаризма – а может исходить из необходимости неравенства в той или иной степени»³⁹³. Отметим, что переход от эгалитаризма к элитаризму произошел в политике государства в 1920–1930-е гг.

При определенных условиях торгово-посредническая деятельность могла быть ликвидирована или сфера ее применения сведена к минимуму (Рис. 7). Для этого требовалось исключить ее посреднические функции. Производитель в лице государственных синдикатов создавал бы собственную систему сбыта продукции, которая одновременно могла использоваться как инструмент заготовки необходимого сырья. Эта тенденция особо отчетливо проявилась в годы нэпа, в ходе трестирования и синдицирования государственной промышленности, при попытке ВСНХ создать наркомат внутренней торговли в первые годы нэпа³⁹⁴.

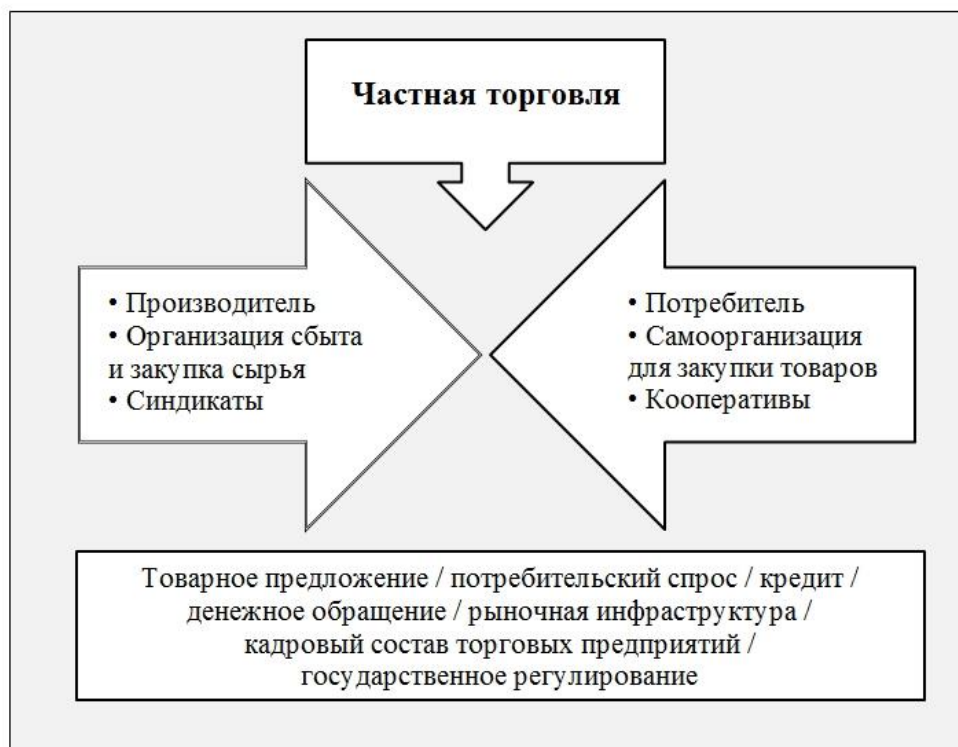

Рис. 7. Стимулы и ограничения развития частной торговли в годы нэпа.

Одновременно, двигаясь с противоположной стороны, но во встречном направлении, должна была осуществляться самоорганизация потребителей. Создавая потребительские союзы

³⁹³ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. С. 558

³⁹⁴ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 88–89.

и соответствующую инфраструктуру для заготовки и реализации необходимых продуктов, в соответствии с нуждами собственных членов, кооперативы выбивали бы почву из-под ног у частного торгового посредничества. Кооперативная система могла более равномерно и под общественным контролем осуществлять задачи обеспечения граждан, придерживаясь принципа социальной справедливости, реализуя не только экономическую, но и социальную функцию.

Двигаясь навстречу друг другу, производители и потребители теоретически могли искоренить стихию рынка, которая виделась не столько как альтернативный механизм хозяйствования, сколько как идеологическая диверсия в стране победившего социализма.

Такое развитие событий было возможно при определенных условиях.

1. Государственный и кооперативный уклады должны были стать доминирующими акторами хозяйственной деятельности, если не в количественном, то в качественном плане; на это требовалось достаточно много времени.

2. Государственное регулирование в экономической, социальной и правовой сферах должно было обеспечивать режим наибольшего благоприятствования такого рода взаимодействию. При этом искусственная или форсированная ликвидация частника и, как следствие, обеспечение вне рыночных конкурентных преимуществ госсектору и кооперации, их монополизм на рынке не должны были привести к снижению эффективности их деятельности.

3. Производители и потребители должны были обладать высоким уровнем сознательности, быть готовыми к существенному увеличению производительности труда, к практике самоограничения и обладать высоким уровнем самоорганизации.

4. Промышленность и сельское хозяйство (впрочем, как и сфера услуг) должны были быть в состоянии производить продукцию, которая в полном объеме удовлетворила бы базовые потребности населения, а дефицит товаров являлся бы исключительно редким и временным явлением, т. е. товарное предложение и потребительский спрос должны были быть относительно стабильными и сбалансированными. Эти условия позволили бы свести к минимуму или полностью ликвидировать конкуренцию, как одну из институциональных основ рыночных отношений.

5. Производители и потребители должны были быть готовы взять на себя дополнительную нагрузку (временные, финансовые, материальные затраты) на организацию собственной товаропроводящей (снабженческой) сети.

6. Финансовые средства, необходимые для создания товаропроводящей сети, должны были выделяться из фондов, создаваемых для развития предприятий, либо добровольно аккумулироваться самими гражданами – членами кооператива; и то и другое предполагало наличие финансовых излишков.

7. Денежно-кредитная система должна была быть относительно устойчивой, обеспечивать доступность денежного кредита для осуществления заготовок и реализации товаров на льготных условиях, а национальная валюта не должна была подвергаться резким курсовым колебаниям.

8. Созданный товаропроводящий аппарат в своей деятельности был должен руководствоваться не собственными (коммерческими) интересами, а реализовывать интересы учредителей, порой вопреки собственной выгоде.

9. Кадровый состав работников товаропроводящей сети должен был обладать исключительными компетенциями, знанием как производственного процесса, так и технологий заготовки, хранения и продвижения товаров (с учетом их специфики: например, железоскобяные товары и свежая рыба требовали особого подхода), их транспортировки (логистики), навыками взаимодействия как с производителями сырья, так и с рядовыми покупателями, знать основы бухгалтерского и материального учета. Отметим, что вопрос с кадрами для советской торговли, как государственной, так и кооперативной, стоял особенно остро, т. к. резервирование наиболее подготовленных специалистов шло из частного сектора, а не из наиболее идеологически выдержанных пролетарских слоев и членов ВКП (б), что создавало определенное напряжение³⁹⁵.

Кадровая проблема в сфере торговли и кредитования была предопределена еще и тем, что эти виды деятельности рассматривались партийными идеологами как временные, обреченные на исчезновение в процессе построения социализма. Это означало, что совершенствоваться в этой сфере и тратить время на обучение кадров было нерационально. Сказывалось и общее негативное отношение к торговле.

Разумеется, не все эти условия были утопичными, и многие из них могли быть реализованы в отдаленной перспективе. Но стратегический план по форсированному строительству социализма не допускал эволюционных методов преобразования общества. Революция продолжалась, на этот раз в хозяйственной сфере. Отметим, что взгляды руководства страны на то, что является революционным, а что контрреволюционным, менялись, и зачастую обвинения, которые предъявлялись оппозиции, реализовывались правящим большинством после разгрома своих оппонентов. Так, тезис «правой оппозиции» о легализации советской торговли и отказе от прямого товарообмена был воплощен в жизнь в 1930-е гг.

Справедливое и нормированное распределение материальных и культурных благ в централизованном порядке под прямым руководством государства или правящей партии было выражением идеи всеобщего равенства, которая провозглашалась пролетарской революцией. Сама идея вытекала из неудовлетворенности населения своим уровнем жизни и неприятием

³⁹⁵ См.: Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 224–250.

имущественной и социальной дифференциации, достигавшей в дореволюционной России значительных размеров. Самые злые и голодные люмпенизированные слои населения были наиболее пригодны к социальной мобилизации и могли сыграть решающую роль в разрушении старого мира. Напротив, идея дифференциации потребления, основанная не на сословных признаках, а на оценке значимости труда для общества в целом, признание приоритета тяжелого физического труда по отношению к умственной деятельности, легализация фактического неравенства в получении материальных и культурных благ предопределяла возрастающую роль торговли как универсальной посреднической деятельности в советской хозяйственной системе.

Отказ от утопических теорий безденежного продуктообмена вновь заставил обратить внимание на роль денег как универсального товара, как форму кристаллизации меновой стоимости, средство расчетов и платежа. Использование товарно-денежных отношений, пусть и в ограниченном объеме, привело к реанимации торгово-посреднической деятельности, к формированию образа советской торговли, которая по форме напоминала прежнее дореволюционное изобилие (Елисеевский магазин в Ленинграде в этом смысле был своеобразным эталоном), но по своему содержанию была призвана реализовать идею централизованного распределения, фактически маскировать и прикрывать его. Закрытые распределители, отраслевые базы, торгсины и прочие специфические формы торговли являлись символами иерархии потребления³⁹⁶, основанной не столько на трудовом участии граждан в социалистическом производстве, сколько на номенклатурном принципе, близком сословной системе дореволюционной России.

Г. А. Дихтяр детально описывает советскую торговлю как идеальный конструкт, лишенный дефектов: «Советская торговля представляет собой форму товарного обращения, присущего социалистическому способу производства... В условиях социализма торговля как форма товарного обращения находится в гармоническом единстве со своим содержанием, выполняя важную роль в процессе социалистического воспроизводства»³⁹⁷. Убеденность автора не вызывает сомнений, но возникает вопрос: почему на всем протяжении советского периода этот идеал никогда не был воплощен в жизнь? Несоответствие действительности пропагандистским образам могло вдохновить на очередную мобилизацию ресурсов, на новые свершения, а могло, напротив, способствовать формированию социальной апатии и разочарования, поскольку искомый идеал был недостижим

В период нэпа плюрализм присутствовал не только в экономике, но и в области идей – как в оценке реальных процессов, так и будущих перспектив развития. Теоретики-экономисты

³⁹⁶ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008. 251 с.

³⁹⁷ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 53–54.

невольно становились практиками; они не только активно участвовали в дискуссиях, но и были движущей силой принятия решений. Взгляды на товарно-денежные отношения и их перспективы предопределяли конкретные шаги в финансовой, производственной и торгово-посреднической деятельности. Такие предпосылки развития товарно-денежных отношений как общественное разделение труда, многообразие форм собственности и внешнеэкономическая деятельность подлежали переосмыслению в контексте планов построения социализма. Для окончательной ликвидации товарно-денежных отношений гипотетически было проще всего ликвидировать многоукладность и, соответственно, многообразие форм собственности, а также сгладить различия в общественном разделении труда (умственный и физический труд, город и деревня).

Радикальное по сравнению с военным коммунизмом изменение отношения к торговле не означало, что ей зарезервировано место в «светлом будущем». Идеи исчезновения торговли как пережитка прошлого нашли отражение в «Генеральном плане хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.» Но этому плану, как и перспективе исчезновения торговли, не суждено было реализоваться.

3.2. Смычка города и деревни

Звонкое слово «смычка» в сознании просвещенной публики воссоздает образ новой экономической политики, период 1920-х гг., когда после окончания Гражданской войны на первый план вышли задачи восстановления хозяйства, когда в процессе формирования раннесоветского общества тесно переплетались как традиции, так и новации, создавая яркую и противоречивую картину повседневности.

О популярности термина «смычка» свидетельствует его использование в качестве имени собственного. Например, в Тюмени Центральный рабочий кооператив носил название «Смычка». В научно-популярной литературе говорится, что было изобретено женское имя «Даздрасмыгда», которое расшифровывалось как «Да здравствует смычка города с деревней».

После окончания Гражданской войны было необходимо консолидировать социальные группы, которые объявлялись социальной базой нового государства на рациональных, объективных основаниях, учитывающих конкретные материальные интересы сторон. «На смену идеологического убеждения, пропаганды – должны прийти материализованные блага, убеждение “силой вещей”»³⁹⁸. Если в годы Гражданской войны консолидация пролетарских слоев города и деревни осуществлялась, по словам В. И. Ленина, как политический и военный союз, то в условиях мирного времени «смычка» была призвана сформировать союз экономический³⁹⁹.

³⁹⁸ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. С. 291–329.

³⁹⁹ Там же, С. 306.

Под «смычкой» понимали процесс согласования интересов рабочего класса и крестьянства, интеграцию аграрного и индустриального укладов хозяйства страны. На первый план выдвигались экономические интересы сторон, хозяйственные связи, прежде всего торговля, как специфический и интеграционный вид деятельности.

Для реализации «смычки» было необходима товарная масса, способная удовлетворить запросы села, однако экономический потенциал страны серьезно пострадал в годы Гражданской войны, упал уровень производства. В условиях тотального дефицита и несовершенства системы управления основной акцент делался на распределение имеющихся ресурсов. Отсутствие собственного аппарата не позволяло внедрить систему централизованного распределения, поэтому был использован традиционный и привычный для большинства населения метод – торговля. Однако частная торговля несла на себе клеймо классовой неполноценности, кооперативная торговля находилась в стадии становления (сочетала в себе как достоинства, так и недостатки частной и государственной торговли), а государственная торговля была слишком инертна и забюрократизирована. В результате появилось новообразование – «советская торговля», которая являлась торговлей лишь в нелегальной своей части, а по сути, была воплощением идеи централизованного распределения. Товарный дефицит оставался атрибутом советского общества, и основной акцент в экономике социализма делался не на эффективном производстве, а на рациональном распределении. Таким образом, отсутствие действующих эффективно торговых организаций наряду с другими проблемами, препятствовало реализации «смычки».

Социально-политический аспект. Можно говорить и о социально-политическом аспекте смычки. В количественном плане рабочие и крестьяне представляли собой совершенно несоразмерные массы населения. Сельское население абсолютно доминировало и, в соответствии с демократическими процедурами, его интересы должны были учитываться в большей степени. Но политика властей была направлена на приоритетную поддержку рабочих («мы» в устах большевиков, это, прежде всего, рабочие), которые составляли меньшинство, но, в силу идеологических причин, наделялись исключительными качествами. В процессе смычки рабочие были ведущими, рассматривались как передовой и лидирующий класс, а крестьяне – ведомыми, отстающими. В. И. Ленин явно переоценивал революционный порыв рабочих: «Вот почему мы должны были отступить к государственному капитализму, отступить к концессиям, отступить к торговле. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой

отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции»⁴⁰⁰.

Представляется, что рабочие и крестьяне в основной своей массе не воспринимали себя в качестве подлинных участников процесса революционных преобразований в целом, и «смычки» в частности. Настоящим актором являлась партийно-советская номенклатура, заинтересованная в укреплении и сохранении своих политических позиций.

Отметим, что классовый принцип предполагал, что «смычка» должна была осуществляться, прежде всего, между пролетарскими слоями города и деревни, что, в свою очередь, предполагало социальную дифференциацию рабочих и крестьян по классовому принципу. За скобки выводились кулаки и зажиточная часть деревни, а также неблагонадежный элемент города (спецы, нэпачи, «бывшие» и т. п.). Если пролетаризированную часть рабочих можно считать эффективными производителями, то люмпенизированные слои деревни, которых большевики видели основными союзниками рабочих в деревне, напротив, являлись слабым звеном в товарном сельскохозяйственном производстве, сами нуждались в поддержке и могли предложить городу скорее рабочие руки, чем продукты своего труда. При этом пролетарии были в абсолютном меньшинстве относительно основной массы как рабочих, так и крестьян, что существенно сужало социальную базу для «смычки». Не очевиден и тот факт, что пролетаризированные слои города и деревни в действительности ощущали свое классовое единство; порой принадлежность к городу или селу, включенность в тот или иной хозяйственный уклад играла более существенную роль в самоидентификации индивида, чем принадлежность к пролетариям. В этой связи возникает вопрос о возможности или невозможности точно определить границы того или иного хозяйственного уклада; вероятно, можно говорить об абсолютном доминировании мелкотоварного уклада.

Разумеется, когда классовая принадлежность предполагала конкретные преференции (льготное налогообложение, прием на работу или оценка кандидата при сокращении штата, доступ к образовательным или медицинским услугам, участие в выборах или снисхождение в случае судебного разбирательства), то она активно демонстрировалась и использовалась. При декларировании материализма как основы мировоззрения большевики фактически мистифицировали и идеализировали ряд характеристик, в особенности социальное происхождение и классовую принадлежность.

Рабочие и крестьяне о «смычке». Неоднозначность, противоречивость, а порой и конфликтность оценок кампании по «смычке» города и деревни демонстрируют высказывания рабочих и крестьян. Эти суждения отражены в информационных сводках окружных отделов ОГПУ по Уральской области за 1924 г. Вероятно, вопрос о результатах проведения кампании

⁴⁰⁰ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. С. 310.

по «смычке» был задан вышестоящими организациями или входил в состав опросных листов, потому что эта тема отражена во многих сводках всех без исключения округов.

Сотрудники ОГПУ отмечают, что сближение шло лишь под нажимом административных и партийных органов. В одной из сводок сообщалось: «[Кунгурский кожевенный завод] О смычке рабочих с крестьянами, первые остаются в большинстве пассивными, и никаких трактовок среди них не наблюдается»⁴⁰¹. «На вопрос о смычке с крестьянством рабочие реагируют пока безразлично, ибо последние голодные годы показали рабочему, что крестьянин тогда не считался с его нуждой и отбирал у него последние вещи за кусок хлеба»⁴⁰². «О смычке с крестьянством часть рабочих [говорит], что помогать чем-либо крестьянину не надо, потому что крестьянство в голодное время за кусок хлеба рвали с рабочего последнюю рубашку»⁴⁰³.

Из сводки по Пермскому округу: «О смычке с крестьянством дело стоит далеко неблагоприятно, многие рабочие совершенно не понимают этого вопроса, вникающие в это – смотрят узко и в большинстве случаев открыто высказываются, что из этого ничего не выйдет и совершенно не интересуются»⁴⁰⁴.

Приведем данные по Кунгурскому округу о настроениях рабочих на Суксунском заводе: «Вопрос о смычке с крестьянством рабочим малопонятен, за смычку они считают обмен вырабатываемых ими фабрикатов (самоваров) на хлеб и другие продукты сельского хозяйства»⁴⁰⁵. Отметим, что первоначально В. И. Ленин именно так и трактовал это понятие – как взаимовыгодный обмен, однако автор сводки делает акцент на более тесной интеграции, оказании помощи, шефстве, идеологическом влиянии рабочих на крестьян. Такое расширительное, далекое от утилитарного понимания этого явления было наиболее распространено среди современников.

Были и более конструктивно настроенные рабочие, которые оправдывали необходимость «смычки» не идеологическими, а чисто прагматическими соображениями: «На вопрос о смычке с крестьянством рабочие смотрят доброжелательно, хотя говорят, что настало то время, что мы сделались нужны крестьянину, не то что в 1921 году во время голодовки. И в то же время говорят, авось и еще нам придется обратиться к крестьянину в случае голода»⁴⁰⁶. «По вопросу смычки с крестьянством сознательные рабочие высказываются, что смычка необходима, ибо рабочий и крестьянин не могут существовать один без другого, но полностью работы по смычке с крестьянством вопрос еще не налажен из-за ряда причин, как то страдный период и

⁴⁰¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 44.

⁴⁰² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 99.

⁴⁰³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 201.

⁴⁰⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 90.

⁴⁰⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 158.

⁴⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 138.

т. д.»⁴⁰⁷. «Новолялинский завод <...> Вопрос о смычке с крестьянством – работа усваивается хорошо, взято шефство над деревнями»⁴⁰⁸.

Напротив, рабочие, которые сами активно занимались сельским хозяйством и добились самообеспечения продуктами питания, потребности в тесном взаимодействии с деревней не ощущали. В сводке по Тобольскому округу отмечается следующее: «Рабочие Рыбпромыслов <...> всецело существуют и зарабатывают деньги летом, а зимой они занимаются частью спекуляцией и домашним хозяйством, и определенного класса пролетариата среди них почти нет. Вопросы смычки рабочих с крестьянами интересуют всех, рабочие вполне желают добиться того, чтобы город был ближе к деревне, снабдить деревню необходимыми товарами и получить для города, но отсутствие большого количества потребителей продуктов сельского хозяйства как-то мало отражает всю важность смычки города с деревней»⁴⁰⁹.

Спектр мнений достаточно широк, но в большинстве своем он демонстрирует нейтральные или благожелательные позиции. Негатив предопределялся как исторической памятью о голоде 1921 г., так и взаимоисключающими интересами сторон в отношении цен на фабрикаты и продукцию сельского хозяйства. В оценках рабочих присутствует чувство превосходства и представление о том, что именно они должны являться инициаторами и проводниками «смычки».

Антагонизм или классовая солидарность? При изучении сводок ОГПУ складывается впечатление, что чрезвычайно высокий уровень солидарности рабочих и крестьян, которые провозглашались социальной опорой советской власти, не был выгоден правоохранителям, предположим, что и властным структурам в целом. При наличии противоречий между этими группами органы власти могли выступать в роли арбитра, списывая недостатки собственного администрирования на одну из сторон. Эта аргументация могла быть использована при обосновании фискальной политики, когда реально существовавшие проблемы сложно было объяснить лишь происками врагов советской власти (нэпманов, белогвардейцев, попов или кулаков).

На антагонистические отношения рабочих и крестьян в годы нэпа обращает свое внимание Д. Р. Вайнер⁴¹⁰. По его мнению, конфликты обострились на фоне высокого уровня безработицы, были вызваны жесткой конкуренцией за средства существования, источники дохода и социальный статус. Автор обосновывает свои выводы материалами профсоюзных организаций. В них говорится о стремлении защитить профсоюзы от заражения мелкособственническими

⁴⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 188.

⁴⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 115.

⁴⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 69.

⁴¹⁰ Weiner D. R. "Razmychka?" Urban unemployment and peasant in-migration as sources of social conflict // Fitzpatrick, S., Rabinowitch A., Sities R. (Eds). Russia in the era of NEP explorations in Soviet society and culture. Indiana University Press, 1991. Pp. 144–155.

настроениями. С этой целью предлагалось затруднить крестьянам вступление в профсоюзы, занимающие промежуточное положение между аграрным и индустриальным секторами экономики (пищевиков, работников сахарной, лесной промышленности, транспортных рабочих) и тем самым облегчить им трудоустройство в городах.

Если, по приведенным нами данным, на взаимоотношения рабочих и крестьян оказывала воздействие память о голоде 1921 г., т. е. они были предопределены прошлым, то Д. Р. Вайнер говорит о влиянии этого антагонизма на последующие события. Он использует неологизм «размычка» в качестве антонима слову «смычка». «Размычка», по его мнению, в последующем привела к активному вовлечению рабочих в процесс коллективизации деревни или, по крайней мере, обеспечила молчаливое согласие с репрессивными мероприятиями властей в аграрном секторе. К 1930-м гг. времена, когда крондштадские матросы выступали в защиту крестьянства, чувствуя с ними определенную связь, уже прошли.

«Смычка» как интеграция аграрного (сельского) и индустриального (городского) укладов. Наше внимание привлёк еще один взгляд на «смычку» как на процесс вовлеченности крестьянского населения в индустриальное производство, т. е. «орабочивание» крестьян и обратный процесс – «окрестьянивание» рабочих. Возникают сомнения относительно применимости термина «смычка» не к кампании, проводимой государством, а к процессу вовлеченности населения в смежные виды деятельности на личном, персональном уровне. Но подобный подход находит свое отражение в исторических источниках периода 1920-х гг. и представляется обоснованным. Анализ информационных сводок дал фактический материал для размышления, впоследствии аналогичный подход был обнаружен нами в выступлении Н. К. Крупской по случаю смерти В. И. Ленина: «Рабочие говорили ему не только о порядках на фабрике, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне. Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка дана, товарищи, самой историей: русский рабочий одной ногой своей, одной стороной своей – рабочий, другой стороной – крестьянин»⁴¹¹.

Представление о российском рабочем как полурбочем-полукрестьянине объективно отражает российские реалии, но вступает в противоречие с идеологической доктриной, так как актуализирует проблему социальной базы революции, ставит вопрос о классовой чистоте той социальной группы, от имени которой реализовывали диктатуру пролетариата.

Таким образом «смычка» в данном контексте трактуется как традиционный способ адаптации и вполне сложившаяся повседневная практика населения России. По словам Ф. Броделя «пересекает границы рынка»⁴¹². Такой подход согласуется с тезисом о мобильности

⁴¹¹ Крупская Н. К. Сердце Ленина билось за всех угнетенных // Уральский рабочий. 1929. 29 января. С. 1.

⁴¹² Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 24.

индивидуума относительно принадлежности к различным укладам⁴¹³. Человек, таким образом, перемещается по различным социальным полям, меняя свой статус в соответствии с ценностной системой того или иного уклада (габитуса)⁴¹⁴.

О «полукрестьянине-полурабочем» писал А. П. Танияев, объясняя успехи антибольшевистского движения на Урале в начале Гражданской войны: «Вплоть до Октябрьской революции уральский рабочий представлял своеобразный тип рабочего: полукрестьянина, полурабочего. В силу исторически сложившихся условий, он был не только продавцом своей рабочей силы, но и мелким земельным собственником, имевшим здесь же около завода свой домик и клочок земли (огород, покос), а иногда и пашню, в последнем случае являясь одновременно и земледельцем-крестьянином. Эта двойственность экономического положения и интересов уральского рабочего не могла не наложить отпечаток на его психологию и политические настроения. Не случайно, что наряду с большевиками среди уральских рабочих пользовались большим влиянием и успехом социалисты-революционеры»⁴¹⁵.

Эта позиция была подвергнута критике, так как ставила под сомнение образ Урала как бастиона пролетарской диктатуры. В своей рецензии О. А. Васьковский отмечал: «Автор правильно объяснил поведение отсталых слоев рабочих в момент начавшейся гражданской войны. Однако общая оценка социальной природы уральского рабочего явно ошибочна, тем более что она не подтверждается конкретными социологическими материалами. Полностью сбросив со счета пролетарское ядро рабочих, которые вынесли на себя главную тяжесть борьбы с контрреволюцией, поставив их на одну доску с мелкими собственниками, А. Танияев допустил серьезное отступление от марксистско-ленинской методологии, от исторической правды и попал под влияние буржуазных идеологов»⁴¹⁶.

Следуя этой логике, можно сделать вывод, что под «влияние буржуазных идеологов» попали и сотрудники ОГПУ, которые в своих отчетах писали о категории «полурабочих-полукрестьян» на уральских предприятиях в 1924 г.

С. П. Постников и М. А. Фельдман отмечают, что «период нэпа привел к восстановлению в конце 1920-х гг. социокультурного типа рабочего, существовавшего до 1917 г., но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций»⁴¹⁷.

⁴¹³ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание. С. 22.

⁴¹⁴ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 333 с.

⁴¹⁵ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). В документах и материалах. С вводным очерком А. Танияева. Свердловск: Изд-во Уралпрофсовета, 1929. С. 17.

⁴¹⁶ Васьковский О. А. Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале. Учеб. пособ. Свердловск, 1981. С. 22–23.

⁴¹⁷ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М., 2009. 367 с.

Сформировавшиеся как города-заводы, уральские города в основе социальной структуры своего населения имели служилых людей (государственных служащих, военных), инженеров и рабочих, частных предпринимателей. После октября 1917 г. в основу социальной стратификации были положены классовый принцип и деление на старые отжившие классы и новые трудящиеся массы. Декларировалась политика диктатуры пролетариата, в рамках которой пролетариат наделялся исключительными, порой мессианскими качествами под чутким руководством партии. Реальная картина была намного сложнее и противоречивее: гегемон зависел от воли администрации и мог оказаться безработным в случае конфликта со спецом, а кадрового рабочего, который обзавелся не только семьей, но и домашним хозяйством, можно было назвать «пролетарием» лишь с известной долей условности.

В действительности рабочие на уральских предприятиях, проживая в городах или рабочих поселках, были тесно связаны с сельскохозяйственной деятельностью, с аграрным укладом. Значительную часть времени они проводили не у станка, а на земле или в очередях, так как рабочий был вынужден сам заниматься самообеспечением, самоснабжением, поиском и получением продуктов питания и товаров повседневного спроса.

К подлинным, классическим пролетариям относили лишь тех рабочих, кто не имел собственного хозяйства, огорода, а порой и собственного жилья, проживая в общежитиях, бараках или в арендованном помещении; как правило, это были холостые мужчины. К этой группе можно отнести временных (сезонных) работников, приглашенных из других регионов на уральские предприятия, которые, выполняя государственные задания и получив заказы, в срочном порядке расширяли свое производство и не имели возможности подготовить собственные кадры.

Серьезное влияние на положение рабочих оказало проведение денежной реформы 1922–1924 гг., которая, с одной стороны, стабилизировала курс национальной валюты, а с другой, породила дефицит наличности, особенно мелкой разменной монеты, привела к росту цен.

«Рабочие в доменном цехе [Нижнесалдинского металлургического завода – А. К.] чувствуют себя пришибленными. Разменной монеты не хватает, зарплата рабочим выдавалась 3–5 червонцами, на этой почве имеет место большое недовольство, т. е. червонцы не могли разменять по 6 и более дней. Процент звонкой монеты не выдавали уже две полочки, т. е. целый месяц. ЦРК работает слабо, отсутствует достаточный капитал на оборот»⁴¹⁸.

Ограниченность предложения на рынке наличной национальной валюты и взимание налоговых платежей не в натуральной, а в денежной форме, вынуждали искать дополнительные заработки для получения наличности, либо включаться в обмен денежных суррогатов на

⁴¹⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 232.

официальные денежные единицы. Стремление рабочих получить жалование⁴¹⁹ в денежной форме свидетельствует о том, что денежная система была относительно устойчивой, а рынок предоставлял необходимые товары. Напротив, в условиях острого дефицита деньги обесцениваются, товары в открытом доступе отсутствуют, что стимулирует рабочих включаться в ведомственную распределительную систему, недоступную для посторонних.

Таким образом, жалование и иные материальные блага, которые рабочий получал на предприятии, не гарантировали необходимого уровня благосостояния его и членов его семьи.

Пролетаризация и мелкобуржуазная стихия. В этой ситуации личное подсобное хозяйство виделось гарантом продовольственной безопасности, относительно стабильным источником самообеспечения. Кадровые рабочие имели собственный дом, приусадебный участок, огород, покос, крупный и мелкий рогатый скот, птицу, некоторые держали пасеку⁴²⁰. Получаемые продукты позволяли поддерживать свое существование при задержке заработной платы, временной консервации производства или ремонте предприятия, а в случае увольнения – на период поиска работы. Этот страховой фонд, находящийся в собственности рабочего, позволял ему адаптироваться в экономическом плане, но создавал напряжение в политической сфере, вызывал обеспокоенность надзорных органов, так как связывал его с мелкобуржуазной стихией, провоцировал обывательские настроения.

В сводке Тагильского отдела ОГПУ говорится: «Настроение рабочих Баранчинского завода удовлетворительное, так как большинство рабочих – местные жители, имеющие свои мелкие хозяйства, и несвоевременная выдача зарплаты не так сильно влияет на них»⁴²¹.

В отчете по аграрному Курганскому округу уполномоченный пишет: «Быт рабочих изменяет свою форму слабо, что вполне естественно, так как в округе в полном смысле чисто рабочих не имеется, а на 90 % полурабочие-собственники»⁴²².

Собственное хозяйство, по мнению авторов сводок, снижало заинтересованность рабочего в повышении производительности труда на заводе, поэтому с этими пережитками предлагалось активно бороться.

В сводке говорилось, что имеется «вспомогательное хозяйство рабочих и, в крайнем случае, [имеют] одну корову. Ранее наблюдались случаи недобросовестного отношения некоторых рабочих к производству, но в настоящее время это явление изжито благодаря тому,

⁴¹⁹ Отметим, что термин «жалование», заимствованный из дореволюционного прошлого, активно использовался в документах 1920-х гг., но исчез в середине 1930-х гг.

⁴²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 97.

⁴²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 43.

⁴²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 96.

что профсоюзом и ячейкой РКП (б) и общими собраниями рабочих принимались меры против таких личностей, вплоть до увольнения»⁴²³.

В сводке Ишимского округа сообщается, что на Петуховском механическом заводе «проводится, так называемая, “пролетаризация”, т. е. увольняются работающие на заводе крестьяне и нанимаются чистые пролетарии, с условием, что таковые смогут заменить по квалификации уволенных»⁴²⁴. В данном контексте под «крестьянами» не могут пониматься исключительно деревенские жители, так как речь идет о необходимом уровне квалификации работников.

Пролетаризация включала в себя не только чистку кадров, но и создание проблем для мелких собственников, в том числе в налоговой сфере. Вот так описывается ситуация в г. Кургане: «С рабочих-собственников, т. е. с тех, которые имеют свои дома, сейчас взыскивают налог в пользу голодающих. Некоторые рабочие по этому поводу говорят, что “сами-то мы с большими семьями живем чуть ли не впроголодь, а с нас берут налог по 10 руб. в пользу голодающих, между тем как еще должны платить нам”, но общего характера это недовольство не носит»⁴²⁵.

Представляется, что пролетаризация как идеологически детерминированный процесс противоречила экономической целесообразности. Государство было не в состоянии в полном объеме взять на себя заботу о материальном обеспечении пролетариев как в натуральной, так и в денежной форме. Высокая степень зависимости материального обеспечения рабочих на государственных предприятиях от уровня заработной платы в конечном итоге приводила к росту государственных расходов, которые власть не могла себе позволить (дефицит ресурсов и стремление сдержать инфляцию и обеспечить устойчивость червонца). Таким образом, стремление избавить рабочих от отягощавшего их бремени собственности не компенсировалось мерами социального обеспечения, в том числе в сфере заработной платы, материального и продовольственного снабжения. За «пролетарское первородство» приходилось платить очень высокую цену прежде всего самим рабочим. Это приводило к снижению жизненного уровня, к необходимости обращаться к частному рынку не только в качестве покупателя, но и продавца. Объективно это не сужало, а расширяло рыночный сегмент частной торговли.

Вопреки мнению крестьян, рабочие должны были уплачивать налоги, в том числе налог на имущество, которым владели. Это обстоятельство повышало заинтересованность рабочих в выплате жалования не в натуральной, а в денежной форме. Вызывала тревогу ситуация на Нижнетагильском заводе: «Особенно волнует рабочих вопрос с уплатой всевозможных

⁴²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 157.

⁴²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. Л. 111.

⁴²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 197.

местных и государственных налогов, как то: усадебные налоги, страховка за скот и прочее, срок уплаты которых кончается 1 июня с. г., а так как рабочие денег не имеют, то налоги не платят и им преподносят окладные листы, и есть случаи, у некоторых рабочих описывают имущество»⁴²⁶.

В депо станции Нижний Тагил Пермской железной дороги: «<Имеется> недовольство рабочих на дополнительную земельную ренту, ибо таковой рабочие не имели в виду, и среди них идет разговор, что возможно в будущем еще будут налоги, тогда мы должны работать только на налог»⁴²⁷.

В Алапаевске: «Рабочим, занимающимся хлебопашеством, было отказано в выдаче денег, которые они просили для внесения за сельхозналог через предприятие к 1 ноября, так как срок уже истекал, на что управление комбината также отказало, мотивируя неимением денег, в связи с чем рабочие остались недовольны и роптали, что “с нас просят, а нам не дают”. Со стороны рабочих слышны предложения, чтобы выдавали наличными деньгами 60–70 %, которые удовлетворили бы вполне рабочих»⁴²⁸.

В сводках ОГПУ очевидны намеки на то, что несовершенство распределительной системы склоняет рабочих на сторону частной торговли, а экономическая проблема переводится в политическую плоскость. «Если бы выдавали 60–70 % наличными, – говорили рабочие, – тогда бы хватило на расходы по хозяйству, и можно было бы вложить в сберегательную кассу, талоны же <...> неудобны и частными торговцами принимаются за полцены <...> Рабочие высказываются за частную торговлю, боясь, чтобы не получилось большого перерыва в снабжении рабочих товарами и продуктами первой необходимости, что может тяжело отразиться на производстве»⁴²⁹.

Отход. Рассматривая активное вовлечение рабочих в сельскохозяйственное производство, отметим не менее интенсивное привлечение крестьян в промышленность. Необходимость уплачивать сельскохозяйственный налог в денежной, а не в натуральной форме вынуждала крестьян искать источники денежных поступлений. Если в городах ощущался дефицит наличности, то в деревне звонкой монеты практически не было, а наличность, полученная в городе, оседала в качестве средства накопления и не возвращалась в денежный оборот. В одной из сводок по Кунгурскому округу описывается состояние Юго-Осокинского района: «По бытовым условиям в довоенное время район являлся наполовину промышленным, и население такого считалось полурабочим-полукрестьянским. В данное же время район является чисто земледельческим, и население его заинтересовано исключительно приобретением земельных

⁴²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 61.

⁴²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 177.

⁴²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 257.

⁴²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 259.

участков и в обработке таковых <...> Замечается уход населения на промысловые отхожие работы, как то: плотников, каменщиков и др., которые равняются довоенному»⁴³⁰.

Отхожие промыслы неоднократно упоминаются в сводках: «Неудовлетворительное отношение в некоторых деревнях в связи с взиманием налога деньгами, это заставляет крестьян выезжать на заработки исключительно с целью уплаты налогов»⁴³¹. «За последнее время крестьянство уходит на ближайшие заводы и рудники где и работает, чтобы иметь возможность заплатить третий срок сельхозналога»⁴³². «Петрокаменский район. Отхожие промыслы наблюдаются по всему [Тагильскому] округу приблизительно в 50 % больше довоенного времени – это вызывается вопросом изыскания средств на уплату сельхозналога»⁴³³. Суксунский район Кунгурского округа: «За последнее время значительно увеличивается приток крестьян бедняков на отхожие промыслы в большей части на полевые работы, на почве нехватки собственного хлеба для существования в текущем году»⁴³⁴.

Эти факты свидетельствуют о том, что наряду с «окрестьяниванием» рабочих шел процесс «орабочивания» крестьян, создавая предпосылки для массовой урбанизации 1930-х гг. Маятниковая миграция по маршруту «город – село» была сезонным, но постоянным явлением и придавала мобильность трудовым ресурсам, но не способствовала повышению эффективности деятельности в базовых для крестьян и рабочих отраслях производства.

Приметой времени было так называемое «интегральное домашнее хозяйство, сочетающее сельское хозяйство и примитивно-промышленную работу, не порывающее, однако, связи с местным рынком»⁴³⁵. Так, например, крестьянин мог выступать в роли производителя, осуществлять перевозки, сам реализовывать свой товар на рынке, а в свободное от сельскохозяйственных работ время заниматься ремеслом, уходить на заработки в город или лесозаготовки (отходничество).

Урбанизация и рурализация. Трансформация сложившихся форм хозяйственной деятельности, в особенности на локальном уровне, достаточно сложный и длительный процесс. Революция 1917 г. не могла одновременно изменить экономические отношения, которые складывались столетиями. По нашему мнению, реалии экономики переходного периода не только не ослабили, но значительно усилили процесс вовлечения рабочих в сельскохозяйственное производство и заинтересованность крестьян в отхожих промыслах. Несовершенство планового, централизованного распределения механизма и работа рыночного механизма в тестовом, демонстрационном режиме предопределили торговую активность

⁴³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 93.

⁴³¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 198.

⁴³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 296.

⁴³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 317.

⁴³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 79.

⁴³⁵ Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). С. 17.

жителей города и села, увеличение времени на добывание необходимых продуктов питания и товаров первой необходимости. В этой связи можно говорить о специфическом хозяйственном укладе рабочих, которые проживали в городах, но были активно связаны с аграрным сектором хозяйства.

Размывание границ между аграрными и индустриальными видами деятельности можно рассматривать как регресс в общественном разделении труда. Такой выбор личностной стратегии не был предопределен стремлением к самореализации в различных сферах деятельности, а был вызван дефектами системы хозяйствования. Если эти проблемы не решались на уровне отдельного предприятия, путем создания рабочих кооперативов, общественных столовых или получением продуктов питания за счет бартерного обмена товаров широкого потребления фабричного производства («фабриката») на продукты питания, то весь груз самообеспечения ложился на плечи самого рабочего. Соответственно, крестьянин также был вынужден активно включаться в бартер, в торговлю на рынке, если сельскохозяйственная и потребительская кооперация не могла удовлетворить его потребность в фабрикате. Декларируемая смычка реализовывалась на микроуровне, а на макроуровне давала сбои.

Этот факт демонстрирует существенные дефекты как в системе торговли, организованной на рыночных началах, так и в системе распределения, базирующейся на идее тотального планирования. Ни частный, ни государственный секторы не могли решить проблем, связанных с характером производства, вытекавших из дисбаланса хозяйственных укладов и отраслей экономики. Совершенно естественно, что в этой ситуации напрашивается вывод о необходимом сочетании различных форм и методов производства и распределения, взаимодополняющих друг друга и в более полной мере удовлетворяющих потребности трудящихся.

Складывалась парадоксальная ситуация, при которой, в силу сложившихся обстоятельств, рабочие и крестьяне были вынуждены заниматься однотипными видами деятельности, активно интегрироваться как в сельскохозяйственное, так и в промышленное производство, могли иметь кровных родственников в городе и в деревне, но при этом в социальном плане жестко дистанцироваться друг от друга, отстаивая противоположные, взаимоисключающие интересы и предъявляя целый ряд претензий к противоположной стороне. Споры возникали относительно времени работы (лимитированное или нелимитированное); цен на продукты (завышение цен на фабрикаты или сокрытие хлебных излишков с целью роста цен на них; неэквивалентность, по мнению обеих сторон, уровня цен); приоритет личного и общественного (мелкобуржуазная крестьянская стихия и обывательщина среди рабочих). Возможно, что баланс интересов был достижим естественным, эволюционным путем лишь на основе рационального сочетания плановых и рыночных начал, которые в условиях советской России периода нэпа могли играть весьма ограниченную роль. Таким образом, противоречия нэпа непосредственно отражались на

взаимоотношениях рабочих и крестьян, весьма неоднородных по своей структуре социальных групп. «Смычка» на уровне личных стратегий и как форма персональной адаптации к условиям действительности воспринималась как нечто очевидное и вполне естественное, однако лозунг «смычки города и деревни» как политический проект не имел массовой поддержки. Более того, складывается впечатление, что если бы «смычка» была достигнута на экономической почве, в результате сбалансированного товарного обмена города и деревни, то это противоречило бы интересам власти. Экономические интересы, реализованные на рыночных началах, основанные на сбалансированном, добровольном и эквивалентном обмене индустриального и аграрного секторов экономики, вступили бы в противоречие с интересами правящей партии, ориентированной на интересы городского пролетариата и приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности.

Представляется, что процесс урбанизации, активно протекавший в годы нэпа, был не столь однозначен и сопровождался своей противоположностью, рурализацией города. Он вел не только к росту численности городского населения, но и к маргинализации значительной его части, к «окрестьяниванию» рабочих и «орабочиванию» крестьян, к архаизации городской культуры. Эти тенденции способствовали консервации патриархального уклада, создавали питательную почву для неформальной экономики, размывали социалистический уклад, основой которого была государственная промышленность. Необходимо отметить, что самообеспечение рабочих (вынужденное или в силу традиции) сокращало рыночный сегмент для всех видов торговли, а дефицит финансовых ресурсов не позволял в полной мере развернуться частному торговцу, который в меньшей мере, чем кооперация, практиковал товарный кредит. С другой стороны, самостоятельная экономическая база позволяла «полурабочему-полукрестьянину», несмотря на свой сомнительный классовый статус, быть экономически более независимым от государства, обладать определенной автономией. В условиях мобилизационной экономики такой тип хозяйствующего субъекта был ненадежным, а значит и нежелательным попутчиком. Пролетаризация кадров промышленных предприятий и повсеместное внедрение централизованного распределения создавали базу для ускоренной индустриализации.

3.3. Периодизация политики государства в отношении торговли

В работах отечественных исследователей торговля анализируется в контексте экономической политики государства, как следствие этапы эволюции внутренней торговли соответствуют общим трендам в хозяйственной сфере. Торговля в этой связи рассматривается как элемент, составная часть хозяйственной деятельности, а траектория ее развития подчинена целям государства. Основу периодизации предопределяют внешние по отношению к торговле институциональные факторы, которые приводят к ее трансформации. Основными источниками,

позволяющими проследить изменения в политике государства по отношению к торговле, являются нормативно-правовые акты и решения высших партийных органов⁴³⁶.

Нами рассматривались различные варианты периодизации, предложенные как отечественными, так и зарубежными исследователями. Разумеется, этот обзор не является исчерпывающим, но нами выделены работы следующих авторов: Г. Я. Нейман (1935), Г. А. Дихтяр (1961), Г. Л. Рубинштейн (1964), В. П. Дмитренко (1971), В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов (1978), Е. В. Демчик (1998), Д. Хесслер (2004), Е. А. Осокина (2008) и Э. Рэндалл (2008).

Можно констатировать, что со временем детализация хронологических этапов уступает стремлению показать тренды и тенденции на более длительных хронологических отрезках.

Большое внимание собственно торговым и распределительным практикам уделяет Г. Я. Нейман, который в работе 1935 г. буквально по горячим следам, детально анализирует период 1930-х гг. и выделяет собственные подэтапы, как правило, на основе изменения форм и методов торговли. При этом его периодизация основана на изменениях макроэкономической политики государства: 1. 1917–1918 гг. – от революции до военного коммунизма; 2. 1918–1921 гг. – военный коммунизм; 3. Март 1921–1926 гг. – восстановительный период; 4. 1927–1935 гг. – реконструктивный период⁴³⁷.

Делая обзор торговой политики государства за период 1927–1935 гг., автор стремится описать пройденный путь как вполне последовательный, осознанный и целенаправленный процесс перманентного совершенствования распределительной системы, при котором шло движение от победы к победе. Основывая свою периодизацию на изменении государственной политики в отношении торгово-посреднической деятельности, автор ссылается на многочисленные директивы и нормативно-правовые акты, принятые в отношении торговли. Г. Я. Нейман воспроизводит в деталях все колебания государственной политики, предопределенные как изменениями экономической и политической конъюнктуры, так и борьбой с оппозицией. В таком изложении радикальные повороты и маневры властей, вызванные необходимостью реагировать на кризисы в сфере торговли, сглаживаются, а ситуации неопределенности и противоречивости позиции затушевываются. Наиболее острые моменты связываются с политическим противостоянием оппозиции или происками частного капитала, поэтому государственное регулирование в экономической сфере рассматривается как реакция на диверсии идеологических врагов.

⁴³⁶ Твердюкова, Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 326 с.

⁴³⁷ Нейман Г. Я. Внутренняя торговля СССР. М., 1935. 347 с.

В своей монографии Г. А. Дихтяр выделяет следующие этапы в развитии торговли: октябрь 1917 г. – июнь 1918 г. – этап товарного обмена и снабжения в начальный период строительства социалистической экономики; 1918–1920 гг. – период снабжение населения в период иностранной интервенции и Гражданской войны; 1921–1925 гг. – торговля в период восстановления народного хозяйства (отметим, что при обозначении этого этапа автор впервые использует термин «торговля»); 1926–1932 гг. – торговля в период построения экономического фундамента социализма; 1935–1937 гг. – торговля в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства⁴³⁸.

Обращает на себя внимание разделение этапов на две группы: в которых преобладали товарный обмен, централизованное снабжение и периодов собственно торговли. Такое деление может считаться весьма условным, так как введение карточной системы и закрытых распределителей свидетельствует об устойчивой тенденции свести торговлю к распределению. Предложенную периодизацию можно интерпретировать в том смысле, что в рамках первых этапов доминировало уравнильное распределение, которое потом сменилось дифференцированным.

В монографии Г. Л. Рубинштейна были расширены хронологические рамки изучаемой проблемы, а границы этапов скорректированы. Автор начинает анализ с рассмотрения внутренней торговли накануне, а затем в годы Первой мировой войны. Затем исследователь выделяет этап «борьбы за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти» (октябрь 1917–1918 гг.). При характеристике периода 1918–1920 гг. Г. Л. Рубинштейн, так же как и Г. А. Дихтяр, избегает термина «торговля», поскольку она находилась на нелегальном положении. В его интерпретации это «заготовка и снабжение в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Затем следуют классические варианты: торговля 1921–1925 гг. в период восстановления народного хозяйства; 1926–1929 гг. как период борьбы за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства; 1929–1932 гг. – период наступления социализма по всему фронту; 1933–1937 гг. – период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР. Г. Л. Рубинштейн расширяет и верхнюю границу своего исследования, доводя его до июня 1941 г., обозначая его как «период борьбы за упрочение и развитие социалистического общества»⁴³⁹.

Наиболее глубоко и детально первый этап в истории торговли в годы нэпа (1921–1924 гг.) изучил В. П. Дмитренко⁴⁴⁰. Автор презентует государственную политику предельно широко,

⁴³⁸ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. 472 с.

⁴³⁹ Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964. 396 с.

⁴⁴⁰ Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу (1921–1924 гг.). М., 1971. 271 с.

рассматривает как идеологический, так и экономический контексты, описывает процесс формирования органов государственного управления в сфере торговли и распределения, анализирует ход партийных дискуссий и эволюцию представлений о роли торговли при социализме. Особо ценными представляются выводы В. П. Дмитренко относительно характера взаимоотношений торговых предприятий, относящихся к различным хозяйственным укладам. Отметим и тот факт, что В. П. Дмитренко дал высокую оценку работам Г. Я. Неймана⁴⁴¹.

Впоследствии периодизация строилась на аналогичных основаниях – этапах государственного регулирования в отношении частной торговли. Периодизация В. А. Архипова и Л. Ф. Морозова включает четыре этапа: 1) весна 1921 г. – весна 1924 г., 2) весна 1924 – декабрь 1924 г., 3) 1925–1926 гг., 4) 1927–1931 гг.⁴⁴²

Е. В. Демчик рассматривает эволюцию частного предпринимательства и выделяет три этапа, которые соответствуют жизненному циклу любой системы. 1921–1923 гг. – возрождение частного предпринимательства, 1924–1926 гг. – развитие частнопредпринимательской деятельности и 1927–1930 гг. – ликвидация частной торговли и промышленности. Каждый из этапов рассматривается на материалах Сибири, включенных в общесоюзный контекст⁴⁴³.

Подход отечественных историков контрастирует с периодизацией, предложенной в работе Д. Хесслер⁴⁴⁴. В центре ее внимания находятся розничная торговля и обеспечение населения товарами повседневного спроса, а также процесс формирования советской модели распределения в целом. Ее вариант периодизации построен по схеме «от кризиса к кризису». Автор выделяет несколько переломных моментов, которые переживала страна в первые годы советской власти и концентрирует внимание именно на этих болевых точках. Это периоды 1917–1922, 1928–1933 и 1939–1947 гг. Здесь автор выделяет два экстремальных периода – Гражданской и Второй мировой войн, а также период первых пятилеток, когда шел процесс слома нэпа и формирования советской распределительной системы.

Если В. П. Дмитренко сосредоточил свое внимание на начальных этапах нэпа, то Е. А. Осокина обратилась к периоду 1927–1941 гг.⁴⁴⁵ Автор предлагает дробную периодизацию, основой которой служит политика властей в создании, а затем преодолении кризисных ситуаций в сфере снабжения. *Первый этап* (1927–1930) характеризуется рядом мероприятий по разрушению рынка, к которым относятся нарушение баланса между спросом и предложением, что послужило причиной формирования товарного дефицита и введения карточной системы

⁴⁴¹ Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. С. 18.

⁴⁴² Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – начало 30-х годов. М., 1978. 263 с.

⁴⁴³ Демчик, Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. 240 с.

⁴⁴⁴ Hessler J. A Social History of Soviet Trade. 366 p.

⁴⁴⁵ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008. 251 с.

(1927–1929), а также коллективизация (1929–1930). *Второй этап* (1931–1935) ознаменовался отказом от эгалитарного подхода и реанимацией элементов рыночного хозяйства. *Третий этап* (1936–1941) Е. А. Осокина рассматривает как период для которого характерен синкретизм или параллельное существование механизмов централизованного распределения и относительно свободной (точнее ненормированной, бескарточной) торговли.

Свободу торговли не следует переоценивать, поскольку имелся целый ряд ограничений. По мнению Г. Алексопулос «к середине 1930-х годов партия стала более терпимо относиться к мелкой неформальной торговле и даже продвигала “культурную” торговлю. Тем не менее, ее политика оставалась столь же амбивалентной, как и в предыдущие годы, поскольку легализация некоторых видов рыночной торговли сочеталась с суровыми уголовными приговорами для лиц, которые осуществляли “спекулятивные” продажи»⁴⁴⁶.

Работа Э. Рэндалл посвящена розничной торговле и потреблению в СССР в годы первых пятилеток⁴⁴⁷. Автор рассматривает различные аспекты реализации кампании по формированию новой, советской торговли, изменение политики партии в отношении распределения. Не выделяя специфические периоды, она противопоставляет торговые и распределительные практики 1920-х и 1930-х гг., обращается к проблеме изменения политики государства, выражающейся в отказе от эгалитарного потребления и переходе к дифференцированной, стимулирующей его разновидности.

Полагаем, что периодизация, на которой мы основываем собственное исследование, является вполне традиционной. За основу взяты изменения макроэкономической политики государства и нормативно-правовое регулирование экономической деятельности, в частности – торгово-посреднической.

При этом необходимо учитывать специфику исследований, основанных на региональном материале, поскольку обстоятельства места действия меняются в связи с изменением административно-территориального деления и реформирования как самой территории, так и органов управления. При определении хронологических рамок необходимо учитывать как реализацию модели регионального управления, так и модели многоукладной экономики.

На этой основе были определены хронологические рамки нашего исследования 1921–1936 гг. и выделены институциональные основы предопределившие этапы эволюции частнопредпринимательского уклада в торговле Урала (См. табл. 2 Приложения).

Первый этап 1921–1922 гг. – характеризуется стремительным и стихийным возрождением товарно-денежных отношений. Легализация товарообмена в рамках локальных рынков привела к повсеместному распространению частной торговли в традиционных, а порой и архаичных

⁴⁴⁶ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 167.

⁴⁴⁷ Randall A. The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s. P. 251.

формах⁴⁴⁸. Переход к мирной жизни был неразрывно связан в сознании людей с победой над голодом и стремлением удовлетворить свои повседневные потребности. Отсутствие устойчивой национальной валюты стимулировало безденежный товарообмен или бартерные сделки. Институты рыночного хозяйства стали возрождаться, но не могли быть задействованы в полной мере. Государственный сектор стремился компенсировать дефицит товаров через систему снабжения, основанную на классовом принципе, при этом декларируя свое стремление к эгалитарному распределению среди лояльных групп населения. Эти процессы накладывались на трансформацию системы административно-территориального деления, когда первоначальные планы на укрупнение региона (1917) были пересмотрены и прежние губернии стали дробиться. Создавались компактные единицы, более приспособленные для целей восстановительного периода. Это территория Пермской, Тюменской, Челябинской и Екатеринбургской губерний, вошедших впоследствии в состав Уральской области.

Главная цель – повышение товарности сельского хозяйства, вынуждает легализовать многоукладность, которая *de facto* не переставала существовать в годы военного коммунизма. Легализация предполагает формирование правовых основ ее функционирования.

На восходящей стадии нэпа был принят ряд законодательных актов, направленных на денационализацию объектов кустарной и мелкой промышленности, гарантировались определенные права собственности частных лиц. Однако сохранялись и ограничения. Гражданские права охранялись законом только тогда, когда они не противоречили советскому социальному и хозяйственному назначению. Ст. 28 Кодекса законов о труде объявляла недействительными условия найма, если они ухудшали положение трудящихся по сравнению с условиями, устанавливаемыми законом⁴⁴⁹.

Была отменена коммерческая тайна. Правом ревизии и обследования частных предприятий наделялись финансовые органы, рабоче-крестьянская инспекция, профсоюзы и органы Наркомтруда⁴⁵⁰. Отметим, что эти организации весьма часто пользовались предоставленным им правом. Помимо них, контрольные функции по собственной инициативе брали на себя различные органы власти.

Происходит стихийное, повсеместное и стремительное возрождение частнопредпринимательского уклада. Очевидно, что либерализация в отношении частника

⁴⁴⁸ О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147; О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов губерниях, закончивших разверстку. Декрет СНК РСФСР от 28 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1921. № 26. Ст. 149.

⁴⁴⁹ Кодекс законов о труде 1922 г. . Постановление ВЦИК от 09 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 70. Отдел первый. С. 1157–1187.

⁴⁵⁰ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 120.

вызвана неспособностью властей регулировать процесс в полном объеме, как следствие, первоначальные планы по допущению товарообмена в локальных территориальных рамках (местный товарооборот) трансформируются в неизбежное признание свободы внутренней торговли. Декларируется, что монополия внешней торговли является незыблемым принципом советской экономики. Наряду со свободой внутренней торговли в качестве символа социализма происходит становление распределительной системы, основанной на эгалитарном принципе.

Второй этап 1923–1924 гг. на Урале связан с процессом формирования Уральской области и, соответственно, с необходимостью реформирования торгового аппарата, ориентированного как на рыночную торговлю, так и на распределение, включающего в себя как государственный, так и кооперативный уклады. Делегирование значительных полномочий на места, в рамках территориально-рыночной (регионально-корпоративной) модели регионального управления, позволило увеличить политический и экономический вес региональных элит, ориентировать их на реализацию региональных интересов. Происходит выделение в границах Уральской области округов, а затем низовое районирование – определение сети районов. Местные органы управления наделяются значительными полномочиями, в частности по формированию местного бюджета.

Значительную роль в восстановлении экономики, сыграло проведение денежной реформы, которая позволила стабилизировать национальную валюту и активно внедрять товарно-денежные отношения в практику всех секторов экономики. Повышение товарности сельского хозяйства, произошла активизация денежного обращения в связи с взиманием сельхозналога в денежной форме. В качестве негативного последствия сложившегося механизма ценообразования следует отметить резкий рост цен на фабричную продукцию («ножницы цен»).

Частнопредпринимательский уклад, продемонстрировавший свой значительный потенциал, стал восприниматься как реальная угроза, что предопределило его ограничение при помощи административных методов. Такая возможность появилась в связи с тем, что структуры советской власти стали более организованными и консолидированными, сформировали (или реанимировали из дореволюционного прошлого) управленческие практики, в том числе и фискальные. Этот период был отмечен контрнаступлением на частный капитал.

Под лозунгом «смычки» города и деревни начали активно проводиться мероприятия по снижению цен в государственной торговле, а также работа по сокращению товарного и денежного кредитования частника, усилилось давление налогового пресса (увеличение налогов в 1,9 раза по промысловому обложению и в пять раз по подоходному)⁴⁵¹. Как результат,

⁴⁵¹ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 123.

частные предприниматели стали активно сворачивать свою деятельность, что привело к сокращению товарооборота.

Хозяйство страны вновь стало лихорадить. В. М. Куликов отмечает, что увлечение некоторых советских работников административными мерами в борьбе с частным капиталом в 1924/25 г. привело в ряде мест к неоправданно быстрому свертыванию деятельности частных заведений. В итоге за 1924/25 г. удельный вес частного торгового капитала сократился в общем обороте с 26,8 до 14,2 %, а в розничном – с 54,6 до 31,1 %, т. е. более чем в полтора раза⁴⁵². В декабре 1924 г. в речи Ф. Э. Держинского на совещании Президиума ВСНХ и руководителей Совнархозов республики была дана команда «отбой». В докладе говорилось о том, что необходим частичный возврат средств в промышленность и о целесообразности «использования частного капитала в известных пределах, не забывая, однако, о всемерной поддержке кооперации»⁴⁵³. Предполагалось, что частный предприниматель будет временно выполнять те функции, которые не в состоянии взять на себя государственные и кооперативные организации. Частный капитал воспринимался как источник пополнения бюджетов за счет взимаемых налогов и как резерв на случай новой экспроприации.

Третий этап 1925–1926 гг. можно охарактеризовать как период, когда территориально-рыночная модель регионального управления была реализована в наибольшей степени. Уральская область окончательно оформилась, а административно-управленческие процессы были налажены, при этом происходили постоянные изменения на низовом уровне, сетка административных районов постоянно менялась. В рамках области функционировали самые разнообразные хозяйственные уклады, объединенные общими интересами по использованию и реализации ресурсов территории. Не случайно территориально-рыночную модель регионального развития, иногда называют территориально-корпоративной. Многообразие укладов, действующих в легальном поле, обеспечивает высокие темпы восстановления хозяйства региона. Период характеризуется некоторой либерализацией в отношении частнопредпринимательского уклада. С начала 1925 г. до конца 1926 г. властью инициировался процесс оживления товарооборота при активном вовлечении в него частника. На III съезде Советов в мае 1925 г. прозвучала здравая мысль, что налоги с частной торговли должны взиматься так, чтобы не вызывать сокращения товарооборота⁴⁵⁴. Были приняты постановления о налоговых льготах для ремесленников и кустарей. Для предприятий, производивших дефицитные товары, отменялись налоговые добавки в местный бюджет, которые по-прежнему были самостоятельными и играли существенную роль в развитии территорий.

⁴⁵² Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале, 1925-1932. Свердловск, 1987. С. 144.

⁴⁵³ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 125.

⁴⁵⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 483.

Мероприятия правительства, направленные на либерализацию частной инициативы, совершенно естественно вызвали ее рост, активизацию частной торговли, увеличение производства продукции мелких заведений, одновременно, они свидетельствовали об угрозе существующему строю, давали почву для обвинений в реставрации капитализма. Вину за последующие новые проблемы экономического плана по инерции вновь возлагали на «врагов». Таким образом, государство манипулировало общественным мнением, получая политические дивиденды при любом исходе событий.

Четвертый этап 1927–1929 гг. демонстрирует очевидную переориентацию властей на моноукладную экономику, которые делали ставку на доминирование государственного или социалистического уклада в рамках первых пятилеток, а также на изменение приоритетов регионального развития. Уральская область начинает рассматриваться как «регион для страны» («Генеральный план хозяйства Урала на 1927–1941 гг.»), при этом рассматривается возможность ее комплексного и сбалансированного развития. Акцент в развитии делается на отрасли тяжелой промышленности и начинают формироваться контуры модели территориального комбината в региональном развитии. Постепенно осуществляется ограничение полномочий региональных элит в экономической плоскости.

При разработке планов первых пятилеток берется курс на форсированное развитие экономики страны, которое требует концентрации ресурсов в руках государства и, соответственно, приводит к радикализации методов борьбы с многоукладностью. Активно используются не столько экономические, сколько методы прямого административного давления.

Самым эффективным средством ликвидации капиталистических элементов явилась налоговая политика. Она была направлена на изъятие не только доходов, но и прежде сделанных накоплений. Прекращение отпуска частникам сырья, топлива, товаров в торговую сеть, переход на нормированное снабжение населения – все это сделало невозможным легальное функционирование частной торговли и промышленности⁴⁵⁵.

Начинает осуществляться коллективизация (раскрестьянивание) села, происходит свертывание кредитной системы. Кризис хлебозаготовок (хлебная стачка) явилась следствием непоследовательной политики государства, но привела к выводам о необходимости радикальных мер в отношении мелких собственников в деревне.

На Февральском пленуме ЦК ВКП (б) 1927 г. еще раз была повторена аксиома, гласившая, что хотя частный капитал занимает около 22 % всего товарооборота и около 40 % розничного, его дальнейшая роль неуклонно будет снижаться. Вместе с тем было отмечено, что «было бы переоценкой своих сил и забегание вперед, если бы мы ставили себе задачу теперь же

⁴⁵⁵ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 129.

совершенно вытеснить частный капитал с рынка»⁴⁵⁶. По данным Наркомторга, на компенсирование частной торговой сети ушло бы 650 млн руб.⁴⁵⁷

Но уже в конце 1927 г. стал доминировать курс на ликвидацию частника и был сделан вывод о том, что к «элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»⁴⁵⁸.

На XV съезде ВКП (б) отмечалось: «Частнокапиталистические слои города и деревни, смыкающиеся с некоторыми бюрократическими элементами советского и хозяйственного аппарата, стремятся усилить свое противодействие наступлению рабочего класса, пытаются оказывать враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои служащих и интеллигенции, на отсталые слои кустарей и ремесленников, крестьян и рабочих»⁴⁵⁹.

Отметим, что сфера влияния частного капитала была обозначена предельно широко и включала практически все слои населения. Это было, с одной стороны преувеличение, а с другой – соответствовало действительности, так как в частное предпринимательство, главным образом в частное торговое посредничество, были вовлечены все без исключения слои населения.

Г. Я. Нейман писал о том, что этот этап характеризуется: «Развертыванием реконструктивных процессов, обострением классовой борьбы в стране, переходом к производственной смычке между городом и деревней как основной форме смычки. В этот период необходимо особо отметить “развитие новых форм заготовок, применение чрезвычайных мер, внедрение контрактации как основного метода... новых форм товарооборота между городом и деревней” [автор делает ссылку на И. В. Сталин – А. К.], резкое сокращение абсолютных размеров оборотов частной торговли, дальнейший рост обобщественного товарооборота и повышение в нем роли потребкооперации, введение (1928/29 г.) карточной системы по хлебу, а затем и по другим товарам».

Лимитирование продуктов питания и товаров повседневного спроса (карточная система) было, с точки зрения пролетарского государства, предпочтительнее, чем стихия рынка. Частного торговца обвиняли в спекуляции, в нем видели причину недостатка продуктов. В этом есть доля истины: если бы различные уклады были представлены в торговле более равномерно, товарооборот был бы более сбалансированным.

Завершающий этап легального существования частной торговли знаменовался острыми политическими дискуссиями и противоборством мнений в рамках коммунистического выбора. Применительно к частному предпринимательству это выразилось в отмене закона о частной

⁴⁵⁶ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 147.

⁴⁵⁷ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 127.

⁴⁵⁸ КПСС в резолюциях...Т. 4. С. 262.

⁴⁵⁹ Резолюция по отчету ЦК // XV съезд ВКП (б). С. 1283.

аренде государственных предприятий (май 1928 г.), ликвидации большинства концессий (конец 1930 г.), в упразднении товарных бирж и ярмарок, в прекращении деятельности акционерных обществ, обществ взаимного кредита (февраль 1930 г.)⁴⁶⁰.

Перегибы на местах как в направлении радикализации директив центральной власти, так и напротив – саботаж в отношении принятых решений. Со стороны управленцев на местном и региональном уровне, дело было не столько в правом или левом уклонах, сколько в здравом смысле и рациональной оценке ситуации с производством и снабжением в конкретном регионе.

Пятый этап 1930–1936 гг. ознаменовался переходом на модель территориального комбината в региональном развитии, что вытекало из концепции первых пятилетних планов. Интересы региона теряли свое значение, поскольку он рассматривался как средство для достижения общесоюзных планов. Реформа ВСНХ привела к отказу от территориального принципа в управлении народным хозяйством и переходу к отраслевому принципу. Это усилило централизацию и сконцентрировало функции по принятию решений в руках союзного центра.

Это период ставилась задача продемонстрировать преимущества социализма в конкуренции с капитализмом, а высокие темпы индустриализации были основным аргументом в этом противостоянии. Необходимость концентрации ресурсов на приоритетных направлениях и обеспечение высоких темпов развития стратегических отраслей приводили к усилению директивных начал, ликвидации «лишних» управленческих звеньев. Местные бюджеты, лишившись доходной базы теряют самостоятельность. Упразднение округов, в связи необходимостью форсировать коллективизацию (1930 г.), а затем упразднение Уральской области (1934 г.) привело к существенному сокращению ресурсного потенциала региональных элит, к потере их относительной автономности, впоследствии подавляющая часть руководителей Уральской области была физически уничтожена.

На этом этапе доминирует сметно-бюджетное финансирование социалистических предприятий, а не их кредитование, происходит в целом перестройка финансово-кредитной системы. Увеличение эмиссии снижает покупательную способность червонца.

Происходит уничтожения частнопредпринимательского уклада не только в торговле, но и в сельскохозяйственном и кустарно-ремесленном производстве. При этом активно культивируется идея новой, советской, культурной торговли, особенно в ситуации отмены нормированного распределения.

Дефицит ресурсов, в том числе товаров широкого потребления, объективно приводил к отказу от эгалитарного распределения в пользу элитарного, к градации класса-гегемона на отдельные группы (стахановцы, ударники, номенклатура) претендующих на лучшие условия и

⁴⁶⁰ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 129.

приоритетное обеспечение. Г. Я. Нейман отмечает, исключительно в позитивном ключе, следующие черты торговли этого периода: «а) осуществленная в конце Первой пятилетки и в начале Второй реорганизация форм заготовительной работы – переход от контрактации к системе обязательных поставок государству – и перестройка закрытых форм снабжения (создание ОРСов (Отделов рабочего снабжения) как цехов снабжения на крупных предприятиях); б) начало широкого развертывания (с весны 1933 г.) коммерческой торговли хлебом и другими продовольственными товарами и усиление экономического регулирования цен базарно-колхозной торговли; в) разделение Наркомснаба на два наркомата, создание самостоятельного Народного комиссариата внутренней торговли (июль 1934 г.); г) отмена с 1 января 1935 г. карточной системы и установление единой цены по хлебу, крупе, муке и некоторым другим продуктам решениями ноябрьского пленума ЦК 1934 г.»⁴⁶¹ Отметим, что в трактовке Г. Я. Неймана закрытые распределители рассматривались как временная и вынужденная мера.

После ликвидации Уральской области (1934) и образования Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей, несмотря на жесткий административный и идеологический нажим, частнопредпринимательский уклад существовал в легальном поле. Его присутствие можно отследить по данным правоохранительных органов, а величина вписывается в рамки статистической погрешности.

Согласно Правилам регистрации кустарных и ремесленных промыслов: «Запрещаются нижеследующие промыслы и выдача на них регистрационных удостоверений: <...> л) всякого рода частная торговля (скупка-перепродажа), торговое посредничество (вояжеры), кроме продажи чистильщиками обуви мелких принадлежностей для обуви (шнурки, стельки, набойки с шурупами, вакса, гуталин)». В примечаниях делалось исключение: «Продажа продуктов своего сельского хозяйства в сыром или переработанном виде колхозниками и трудящимися единоличниками, а также ведущими подсобное сельское хозяйство рабочими, служащими и другими трудящимися, а также предусмотренная постановлением СНК СССР от 2 августа 1935 г. № 1673 продажа на станциях железных дорог и пристанях сельскохозяйственных продуктов колхозниками и окрестным трудящимся населением с полок, прилавков, лотков и с рук производится беспрепятственно без регистрационных удостоверений»⁴⁶². Именно эти формы частной неорганизованной торговли наблюдали граждане СССР, путешествуя железнодорожным транспортом.

⁴⁶¹ Нейман Г. Я. Внутренняя торговля СССР. С. 7.

⁴⁶² Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов. Утверждены СНК СССР 26 марта 1936 г. // Финансовое и хозяйственное законодательство. 1936. № 11. С. 17.

По мнению Е. Д. Твердюковой именно изданием этого нормативно-правового акта целесообразнее датировать время окончательного вытеснения частного из легального товарооборота⁴⁶³. На этом завершилась история легальной частной торговли в раннесоветском обществе, но продолжился этап существования ее в теневой экономике социализма, в рамках неформального хозяйственного уклада.

Наступление и отступление. На различных этапах доминируют тенденции «наступления» или «отступления» государства по отношению к частному капиталу; преобладающую роль играют рыночные или административные методы заготовок, открытые или закрытые формы распределения.

Тема «отступления» постоянно звучит как в речи современников, так и в работах исследователей, особенно советского периода. Историки, следуя за источниками, постоянно воспроизводят это понятие для описания сущности и феномена экономической модели периода нэпа.

Использование военной терминологии неслучайно. Отступление как тактический, оперативный или стратегический маневр в войне и военном деле рассматривается в качестве способа ведения войны, а не ее прекращения. В отличие от военных действий, «отступление» в годы нэпа было лишено конкретики. Не было ясности в вопросах о том, как долго продлится отступление, как глубоко и в каком направлении. Современники задавались вопросом: где границы отступления? Очевидно, что под отступлением понималось отступление от первоначальных темпов построения социализма и форсированной ликвидации многоукладной экономики. Этот процесс затрагивал прежде всего экономическую сферу, при этом в политическом плане шло наступление на сторонников альтернативных точек зрения. Воспользовавшись кризисной ситуацией, В. И. Ленин перешел в решительное наступление, при его активном участии была принята резолюция «О единстве партии»⁴⁶⁴.

Таким образом, можно было нейтрализовать тот негативный фон, который вызвал нэповский маневр. Было очевидно, что нэп был вынужденной мерой, он показал утопичность революционных лозунгов и радикальных планов преобразований. Использование ретроинноваций, обращение к опыту дореволюционной России показало неспособность решить реальные хозяйственные задачи совершенно новыми методами.

Несомненно, нэп был маневром, но не таким запланированным и последовательным, как его стремились представить. В период нэпа отступление и наступление чередовались как в отношении использования рыночных механизмов, так и в отношении частной торговли.

⁴⁶³ Твердюкова Е. Д. *Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг* // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. С. 55.

⁴⁶⁴ О единстве партии. С. 585–587.

Каждый раз, столкнувшись с очередным кризисом, порожденным самими властями и являвшимся результатом недооценки рыночных механизмов, государство делало шаг назад, отступало. Затем, действуя методом проб и ошибок, совершало рывок вперед. Нэп дает пример ситуативной модели поведения с очень коротким горизонтом планирования. Не случайно В. И. Ленин, которого можно считать режиссером нэпа, уходил от ответа на вопрос о сроках его завершения. Как правило, его ответы сводились к тому, что время покажет, нужно действовать по ситуации. Однако, на наш взгляд, со временем его представления менялись, и период решительного наступления отодвигался на отдаленную перспективу.

Можно говорить о высоком уровне гибкости и прагматизма, которые проявили большевики с целью сохранения власти. В. И. Ленин писал: «Безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения, общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»⁴⁶⁵.

Мероприятия верховной власти, как принято в обществе авторитарного типа, инициировались идеологическими органами, в данном случае – съездами партии. По этой причине периодизация, ориентированная на решения съездов, конференций и пленумов, достаточно адекватно отражает перипетии правительственной политики в отношении частной торговли.

3.4. Методы государственного регулирования и частные торговые практики

Классификация методов. Методы и способы государственного регулирования экономики страны, в том числе и торгово-посреднической деятельности, весьма разнообразны.

В современной литературе они подробно описаны и систематизированы применительно к нынешнему состоянию государственного регулирования торговли. Приведем пример одной из многих классификаций, которая с известной долей условности может быть применена к историческому материалу (Рис. 8). В рамках нашего исследования особое значение имеет классификация, основанная на механизмах воздействия (экономические, организационно-правовые, социально-психологические и идеологические); по организационным особенностям воздействия (профилактические, пресекающие, поощрительные); по характеру выполняемых функций (разрешительные, контрольно-запретительные, аналитические, информационные, координирующие), а также по типу воздействия (прямые и косвенные).

⁴⁶⁵ Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме. С. 59.

В историографии существуют различные оценки мероприятий властей, проводимых в 1920–1930-е гг. Подходя к изучению социального организма с традиционными мерками, авторы подразделяли деятельность властей на экономические и на административные (внеэкономические) мероприятия, что может соответствовать представлению о прямых (административных) и косвенных (экономических) методах регулирования. Исследователи-практики, анализирующие методы государственного регулирования в 1920-е гг., так или иначе, отдавали предпочтение экономическим мероприятиям и в своих рекомендациях отстаивали их приоритет.

Историография советского периода была призвана доказать необходимость репрессивных мероприятий как ответной реакции на дезорганизующую деятельность частного капитала. Исследователи, работавшие в конце 1920-х гг., также утверждали, что частник был ликвидирован преимущественно экономическими методами. Такая точка зрения являлась господствующей до начала 1990-х гг. Е. В. Демчик указала на противоречивость данной позиции⁴⁶⁶. Утверждалось, что поскольку государственный уклад к концу 1920-х гг. полностью заменил частный капитал во всех сферах и отраслях хозяйственной деятельности, то частник себя исчерпал. Более того, он стал вредным и паразитическим элементом советской экономики. Таким образом, произошла эквивалентная, исторически прогрессивная замена отжившего уклада новым. Одновременно с этим, на фоне картин дезорганизаторской, вредительской деятельности нэпмана, направленной на подрыв советского строя, обосновывалась необходимость репрессий. Цель репрессивных мероприятий виделась в защите нового общества от подрывных элементов и, как следствие, в перспективе – в полной и окончательной ликвидации частного сектора хозяйства. В результате, с одной стороны, отстаивался тезис об экономической победе обобществленного сектора, а с другой, обосновывались репрессивные мероприятия властей.

В этой связи весьма двусмысленно выглядят аргументы экономического вытеснения частника. Так, например, данные, приведенные в статье В. А. Архипова, свидетельствуют об очевидном снижении доли частника в торговом обороте (табл. 3 Приложения).

Этот факт традиционно рассматривался как показатель развития обобществленного сектора, в первую очередь кооперации, и свидетельствовал о замещении частника на рынке кооператорами. С другой стороны, эти цифры показывают, что доля госторговли и кооперации росла за счет ликвидации «третьего лишнего» субъекта товарооборота в лице частного торговца. Таким образом, при оценке результатов государственного регулирования причина и следствие меняются местами. По нашему мнению, падение доли частника в товарообороте

⁴⁶⁶ Демчик Е. В. Частный капитал города в 1927–30 гг.: вытеснение или ликвидация? // Вестник ЛГУ. 1990. Вып. 1 (№ 2). С. 18.

являлось не предпосылкой для дальнейшего наступления на его позиции, а следствием мероприятий государства. Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок своей статьи, Е. В. Демчик приходит к аналогичному выводу о насильственной ликвидации частного капитала⁴⁶⁷. Автор убедительно отстаивает свою точку зрения и справедливо указывает на противоречия в предшествующей историографии.

Методы государственного регулирования торговли				
Тип воздействия: • прямые • косвенные	Направленность источника воздействия: • внешние • внутренние	Период воздействия: • стратегические • тактические • оперативные	Способ воздействия: • профилактические • пресекающие • поощрительные	Направление (механизм) воздействия: • экономические • организационно-правовые • социально-психологические • технические • научные • политико-идеологические
Содержание: • общие • частные • специальные	Масштаб: • глобальные • локальные	Возможность прогнозирования: • прогнозируемые • непрогнозируемые	Периодичность: • постоянны • периодические • разовые	
Характер выполняемых функций: • разрешительные • контрольно-запретительные • аналитические • информационные • координирующие • меры государственной поддержки		Организационные формы применения: • индивидуальные • групповые • коллегиальные • корпоративные	Характер управленческого воздействия: • статические • динамические	Последствия, оказывающие влияние: • сильное • среднее • слабое
Степень структурированности: • высокоструктурированные • слабоструктурированные • хаотичные		Ресурсный потенциал: • ограниченный • без ограничений	Степень вероятности: • реальные • потенциальные	Результативность: • эффективные • малозффективные • неэффективные

Рис. 8. Классификация методов государственного регулирования торговли⁴⁶⁸.

Для выяснения соотношения административных и экономических мер в ликвидации частной торговли в годы нэпа необходимо определить сущность понятий «экономические» и «внеэкономические» меры воздействия применительно к рассматриваемой эпохе⁴⁶⁹. Существует точка зрения, что экономические методы влияют на субъекты хозяйственной деятельности опосредованно, регламентируя, главным образом, связи и правила игры. Внеэкономические методы, напротив, воздействуют непосредственно на субъект, корректируя его поведение, ограничивая или расширяя права субъекта хозяйственной деятельности.

⁴⁶⁷ Демчик Е. В. Частный капитал города в 1927–30 гг.: вытеснение или ликвидация? С. 21–22. Концепция получила развитие в монографии: Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. 302 с.

⁴⁶⁸ Сост. по: Крамарев А. Н. К вопросу о классификации методов государственного регулирования торговли // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). // Проблемы современной экономики – электронный журнал. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1701>

⁴⁶⁹ Классификация методов государственного регулирования торговли в современных условиях представлена на Рис. 8.

В. А. Архипов обращает внимание на различное толкование экономических и внеэкономических мероприятий⁴⁷⁰. При этом под последними подразумевается законодательное регламентирование сфер и пределов частной промышленности и торговли, применение различных санкций, вплоть до уголовного преследования за нарушение законности. Экономические меры в широком смысле, по мнению В. А. Архипова, включали в себя развитие обобщественного сектора промышленности и торговли, а в узком смысле – политику кредита, цен и налогов.

Возможна и иная, весьма вольная трактовка, подразумевающая под экономическими мероприятиями деятельность отдельных лиц или групп, учитывающих законы хозяйственной жизни, деятельность научно-обоснованную и прогнозируемую; при этом внеэкономическим, или точнее, неэкономическим мерам отказано в учете хозяйственной целесообразности.

Идеологические установки на построение бесклассового общества и планового хозяйства господствовали на протяжении всего нэповского десятилетия. Практически невозможно провести грань между экономическими и административными мероприятиями правительства. В. М. Куликов писал по этому поводу: «Одним из наиболее действенных орудий ограничения и вытеснения торговой буржуазии являлась налоговая политика Советского государства, носившая ярко выраженный классовый характер»⁴⁷¹. Не менее ярко выраженный характер носила политика цен, а также нормы, регламентирующие аренду помещений, ассортимент товаров, порядок организации торговли, ограничения в номенклатуре товаров и т. д.

Правила игры, устанавливаемые для различных субъектов хозяйственной деятельности, были неодинаковыми. Экономические градации проводились по идеологическим параметрам, весьма размытым и постоянно меняющимся, в зависимости от политической конъюнктуры, от выдвигаемого лозунга момента.

К парадоксальному выводу приходит в своей работе З. В. Рыбина, которая полагает, что вопреки устоявшемуся мнению многоукладность хозяйства страны обеспечивает экономический рост (а не только восстановление), которые требует минимального применения административных мер⁴⁷². Это утверждение справедливо для ситуации, когда институциональная среда благоприятствует развитию механизмов саморегуляции и самоорганизации системы многоукладной экономики, формирует правовую системы для согласования интересов различных укладов.

Б. Д. Бруцкус обосновывал приоритет внеэкономических методов неэффективностью государственного сектора, что не давало ему шансов победить частника в ходе экономического

⁴⁷⁰ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 129.

⁴⁷¹ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. С. 146.

⁴⁷² Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 77

соревнования: «Сравнительные расчеты Института конъюнктуры Народного комиссариата финансов, относящиеся к 1913 и к 1926/27 гг., дают ясное представление о последствиях социалистического преобразования внутренней торговли для сельского хозяйства... Затраты социалистического аппарата в 2–3,5 раза выше, чем в частной торговле до войны... До войны производитель получал 70–74 % цены хлеба, реализованного на внутреннем рынке, а теперь едва половину. Этих фактов достаточно, чтобы объяснить, почему частная торговля могла быть заменена социалистической не в результате свободной конкуренции, но лишь принудительными мерами»⁴⁷³.

Частный сектор в легальной торговле СССР неуклонно сокращался. Если в 1922–1923 гг. на долю частной торговли приходилось 78 % всей розницы, а в 1924–1925 гг. эта доля снизилась до 42 %, то в 1926–1927 гг. она составляла 37 %⁴⁷⁴.

Как уже отмечалось, легальная торговля существовала и облагалась налогами вплоть до 1936 г. Лишь согласно Правилам регистрации кустарных и ремесленных промыслов от 26 марта 1936 г. запрещались любая частная торговля и торговое посредничество⁴⁷⁵. По мнению Е. Д. Твердюковой именно изданием этого нормативно-правового акта целесообразнее датировать время окончательного вытеснения частника из легального товарооборота⁴⁷⁶.

Государственное регулирование на региональном уровне. Чрезвычайно интересны региональные аспекты государственной политики по отношению к частнопредпринимательскому укладу в торговле, в нашем случае – в применении к Уралу. Модель многоукладной экономики в сочетании с регионально-рыночной моделью региональной политики, реализованные на Урале, сформировали специфическую картину товарообменных операций с участием частника.

На региональном уровне мероприятия правительства осуществлялись через организации, подведомственные Народному комиссариату внутренней торговли (НКВТ, с 1925 г. – Народный комиссариат внешней и внутренней торговли), такие как Уралторг, Уралмедторг и другие. Силами аппарата этих учреждений велось наблюдение и осуществление непосредственного воздействия на свободный рынок. Так, например, осуществлялся контроль за выполнением постановлений о торговле, предельных ценах, о соответствии деятельности предприятий общим направлениям торговой политики. НКВТ проводились плановые и внеплановые (летучие) ревизии: как прошло снижение цен, как производится отпуск товаров частникам, каковы накладные расходы.

⁴⁷³ Бруцкус Б. Д. . Советское и крестьянское хозяйство. С. 33–32.

⁴⁷⁴ Крицман Л. К анализу происходящего перелома // Проблемы экономики. 1930. № 4–5. С. 17; Эти же данные приводят в своих работах А. Ноув (Р. 99) и М. Хилтон (Р. 230).

⁴⁷⁵ Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов. Утверждены СНК СССР 26 марта 1936 г. // Финансовое и хозяйственное законодательство. 1936. № 11. С. 17.

⁴⁷⁶ Твердюкова Е. Д. Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг. С. 24–35

В Уральской области регулирующие мероприятия проводились также силами совнархозов и подчиненных ему местных трестов (например, Уралмет). Третьим крупным субъектом рынка являлись торговые представительства центральных трестов и синдикатов, подведомственных ВСНХ. Они не имели дела с Уральским областным СНХ и фактически никому на Урале не подчинялись. Всероссийский текстильный синдикат, Кожсиндикат, Райнефторг, Резинотрест, Сахаротрест, Синдшвейпром практически являлись монополистами на уральском рынке⁴⁷⁷. Основным рычагом влияния этих организаций являлась регламентация в снабжении частника. Следуя директивам партийных органов, а также собственных вышестоящих инстанций, тресты и синдикаты то открывали каналы сбыта товаров, то сужали их до минимума.

Другим влиятельным инструментом воздействия на частника являлись финансовые органы, осуществлявшие на практике фискальную политику государства. Значительную роль играли областные и окружные отделы финансов, подчиненные Народному комиссариату финансов (НКФ).

На Урале, где позиции частных торговцев не были сильны, национализация (или огосударствление) торговли происходила ускоренными темпами. За период с 1925/26 по 1928/29 гг. общий оборот частного сектора сократился в 2,3 раза, розничный в 2,2 раза, а из оптового он был вытеснен полностью. Удельный вес частного капитала в общем товарообороте сократился с 16,2 до 4,4 %, а в розничном – с 29 до 9,4 %. К лету 1930 г. его доля в общем товарообороте Уральской области составляла около 3 %, а к концу 1931 г. оставалось всего 184 легальных частных торговых заведения, уже которые не играли никакой роли в товарообороте⁴⁷⁸.

С ужесточением политики в отношении частника к экономическим органам присоединились органы правоохранные, в том числе и ОГПУ. Их присутствие на протяжении всего нэповского десятилетия ощущалось постоянно, но к концу 1920-х гг. стало особо заметным.

В документах Уралплана находим четкие ориентиры на сокращение роли частника в товарообороте до минимума. Так, к 1932/33 гг. намечалось сократить долю частного сектора на 35 % по сравнению с 1928/29 гг.⁴⁷⁹

Особенности процесса ликвидации частного предпринимательства на Урале имели в своей основе две предпосылки. *Первая* – Урал, как регион периферийный, подвергался волнам правительственных мероприятий с определенным запозданием. *Вторая* – в этом промышленном регионе торговля, в том числе и частная, была развита недостаточно.

⁴⁷⁷ Нефедов И. Как регулируется торговля на Урале // Хозяйство Урала. 1924. № 21. С. 28.

⁴⁷⁸ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы. С. 157.

⁴⁷⁹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2780. Л. 58.

В. М. Куликов приводит данные о том, что в 1924/25 гг. на долю нэпманов приходилось 71,3 % всех торговых заведений, 14,2 % общего и 31,1 % розничного товарооборота Уралобласти⁴⁸⁰. Автором делается вывод, что на Урале значительно сильнее была развита торговая сеть государственного и кооперативного сектора и более чем на 10 % выше его удельный вес в общем и розничном товарообороте, чем в целом по стране.

На наш взгляд, эти цифры отнюдь не свидетельствуют о силе обобщественного сектора в торговле Урала, который был слабо развит. Доказательством тому служат переживаемые населением региона кризисы снабжения. Автор справедливо отмечает, что среди частных торговых заведений преобладали мелкие, а число крупных торговых предприятий было меньше, чем по Союзу в целом.

Дисбаланс в структуре промышленного производства Урала требовал больших усилий от сферы распределения, снабжавшей регион товарами широкого потребления. Кооперация, занимавшая значимые позиции, и госторговля действовали с максимальным напряжением сил. Отказываться от такого подспорья в лице частного торговца, который в сложившихся условиях не мог создать серьезной угрозы обобщественному сектору, было экономически нецелесообразно. Этим обстоятельством отчасти можно объяснить саботаж со стороны финансовых работников, которые в 1929 г. оказались на одной скамье подсудимых вместе с частными торговцами.

Что понимали под регулированием на местах? Проблемы с процедурой взимания налогов возникали также в силу ограниченности информации о частном секторе хозяйства. Это обстоятельство заставляло союзные и республиканские органы власти проводить специальные обследования. В 1924 г. такого рода исследованием была охвачена территория Уральской области. С целью сбора материала анкета ВСНХ была разослана по округам, которые, с той или иной полнотой, дали на нее свои ответы. В ряду прочих в анкете содержался вопрос о регулировании частной торговли. Интерес вызывает оценка органами власти собственной деятельности. Так, например, весьма распространенной была точка зрения, что частная торговля не подвергается регулированию. При этом под регулированием респонденты понимали прямое вмешательство государства, администрирование и применение санкций.

В анкете из Челябинского округа говорилось: «Прямых мероприятий по регулированию частной торговли не проводится»⁴⁸¹. Пермский округ: «Непосредственному регулированию частная торговля не подвергается, однако она принуждена ровняться по кооперации и госторговле»⁴⁸². Екатеринбургский округ: «Регулирование в настоящее время касается лишь

⁴⁸⁰ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы. С. 143.

⁴⁸¹ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 44.

⁴⁸² ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 77.

кооперативной и государственной торговли и все влияние на частную торговлю ведется через соответствующие мероприятия в кооперативных и государственных предприятиях»⁴⁸³. Ишимский округ: «Регулированию со стороны каких-либо органов частная торговля не подвергалась, если не указывать регулирование в административном направлении, что, конечно, до некоторой степени препятствовало развитию частной торговли»⁴⁸⁴.

Таким образом, по мнению респондентов, экономические мероприятия по отношению к частнику проводились опосредованно, через обобществленный сектор. Под регулированием понимался только прямой нажим, и высказывалась точка зрения, что такая форма не имела распространения.

В анкетах других округов регулирование непосредственно связывалось с вмешательством властей. В отчете Тюменского округа говорилось: «<Частная торговля> регулируется через окрисполком, окркомвноторг, через издание специальных постановлений в области порядка и часов торговли, вывешивание списка цен на точно указанные виды товаров, в целях ознакомления широкого потребителя с ценами данного торгового предприятия и прочее»⁴⁸⁵.

Указывалось, что в Троицком округе регулированию частная торговля подвергалась: «В городе со стороны окрторгкома, в деревне со стороны сельсоветов. Регулирование частной торговли выражается пока в установлении времени торговли, вывешивании торговцами цен на предметы широкого потребления. Последние мероприятия не дают возможности торговцу вздуть цены, получать большую пользу и развиваться»⁴⁸⁶.

На вопрос об особенностях обложения частных торговцев местные органы власти отвечали однозначно: налогов частник платит больше. К налогам добавлялись обязательный выкуп облигаций, добровольные пожертвования по подписным листам и т. п. Особенно часто отмечалась высокая арендная плата, взимаемая с частника за торговые помещения. «Так, в Екатеринбургском округе <...> делается скидка арендной платы для первичных кооперативов в 50 %, для остальных 30 %, и государственных предприятий 20 %»⁴⁸⁷. С частника же брали полностью всю сумму.

Единодушны авторы и в ответе на вопрос о тенденциях развития частной торговли – ее перспективы оценивались весьма скептически, но слишком оптимистично, что вытекало скорее из идеологических установок, чем из реального положения вещей. В Ишимском округе: «Благодаря всем указанным выше условиям торговли частных лиц, дальнейшее развитие

⁴⁸³ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 115.

⁴⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 72.

⁴⁸⁵ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 49.

⁴⁸⁶ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 122.

⁴⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 115.

таковой должно само по себе прекратиться и или стоять в одной стадии своего развития, или же умереть»⁴⁸⁸.

В отчете Тюменского округа отмирание частного сектора виделось более реалистично и как результат экономического соревнования с обобществленным сектором. «В отношении характеристики роли мелкой розничной частной торговли можно с положительностью утверждать, что пока нет, и в ближайшее время не может быть создано достаточно разветвленных и дешево стоящих государственных аппаратов по проведению товаров от госпромышленности к потребителю, роль эта в отношении проведения товаров преимущественно лежит на частной торговле. Что же касается тенденции в развитии частной торговли, то также, с несомненностью [следует – *А. К.*], что по мере развития торговых аппаратов госторговли и кооперации, построенных на строго коммерческом торговом начале, конкуренция будет постоянно убивать частную торговлю и производить в количественном отношении отбор на принципах борьбы за существование»⁴⁸⁹.

Материалы обследования свидетельствует о том, что в политике руководства округов, несмотря на единую точку зрения в отношении частной торговли, были свои особенности. Чиновникам приходилось работать в атмосфере менявшихся партийных решений, двойственности позиций, когда частная торговля и разрешалась, и пресекалась одновременно. Так, отчет Тюменского округа имел наиболее выраженную рыночную направленность. В нем дан всесторонний анализ как положительных, так и отрицательных сторон частной торговли. Общий настрой ответов достаточно конструктивен и не носит выраженной идеологической окраски.

Налоговая политика. Отказ от принципов военного коммунизма предполагал реабилитацию товарно-денежных отношений, а вслед за этим и возрождение финансовой системы в ее классическом варианте; необходимость самостоятельно формировать бюджеты разных уровней привела к воссозданию налогового аппарата.

«Налоговая политика должна иметь задачей регулирование процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. п. В этом отношении налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху»⁴⁹⁰. Руководствуясь этой директивой, правительство разработало документ о промысловом и подоходном налоге. В январе 1923 г. было принято соответствующее положение⁴⁹¹. В соответствии с ним, органы власти имели возможность устанавливать налоговые надбавки на

⁴⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 72.

⁴⁸⁹ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 49.

⁴⁹⁰ Основные положения финансовой программы. С. 476.

⁴⁹¹ См.: О введении в действие Положение о государственном промысловом налоге. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 сентября 1926 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. № 243.

местные нужды, которые могли превышать суммы общесоюзных. Акцент делался на косвенные налоги, сбор которых в условиях становления фискальных органов был более предпочтительным.

«Центр тяжести налоговой (денежной) системы может быть поэтому сейчас только в косвенном обложении как более легко осуществимом (акцизы на предметы массового потребления), дополняемом реальными прямыми налогами на промысла и торговлю и целевым подушным обложением (борьба с голодом, эпидемиями); обложение производства и потребления предметов роскоши должно быть особенно суровым»⁴⁹².

В фонде финансового отдела исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов хранится документ, авторами которого, судя по всему, являлись сотрудники Пермского губернского финансового отдела, в котором изложены основные проблемы, связанные с промысловым налогом и предлагаются конкретные методы при определении оборотов предприятия.

«Комиссариат финансов при разработке положения о промысловом налоге учитывал с одной стороны слабость и неподготовленность своего финансового аппарата на местах, а с другой неустойчивость и неясность форм вновь зародившейся торговли. Поэтому положение о промысловом налоге и правила его взимания построены были на довольно грубых, примитивных основаниях: облагая торговлю и промыслы патентным сбором, как предварительным, положение о промысловом налоге стремится затем выровнять обложение посредством дополнительного налога, названного уравнительным сбором, определяя мощность предприятия и его платежеспособность величиною его оборотов. Понятно, что такое построение налогов является шагом назад по сравнению с действовавшими до революции положением о промысловом налоге, которое стремилось выровнять обложение не по обороту, а по прибыльности предприятия. Не только облагаемые предприятия, но сами органы фиска чувствуют всю несправедливость исчисления окладов налога по величине оборотов, так как прибыль разнородных предприятий далеко не пропорциональна их оборотам. Напрасно некоторые сторонники системы обложения по оборотам указывают на то, что она якобы является стимулом для правильной постановки коммерческих предприятий (сумей извлечь из большого оборота большую прибыль), но они забывают, что быстрое обращение капиталов (нарастание оборотов) стоит в тесной зависимости от получения меньшего процента прибыльности (дешевле пустить товар – быстрее возратить затраченный капитал)»⁴⁹³.

За основу налогообложения частных предпринимателей была взята система, которая существовала до революции, но в более архаичной форме. Этот факт подтверждает наш вывод

⁴⁹² Основные положения финансовой программы. С. 476.

⁴⁹³ ГАСО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 142. Л. 121.

о том, что в рамках нэпа использовались ретроинновации, при этом можно наблюдать откат к более примитивным, но имеющим больше шансов на форсированное внедрение, хозяйственным практикам.

На Урале инициированная партийными органами кампания по ужесточению налогового пресса вела к сокращению частной торговли. Сумма взимаемых с нее налогов была абсолютно несопоставимой с долей частного сектора в экономике. Налоги на частные торговые и промысловые заведения на Урале в 1923/24 г. выражались в сумме 4339727 рублей, что составляло 60,9 % всего обложения торгово-кустарного оборота. Между тем, по данным финорганов, оборот частной торговли и промышленности составлял лишь 24,4 % всего оборота⁴⁹⁴.

Ноябрьский 1926 г. пленум Уралобкома потребовал от коммунистов и фракций ВКП (б), регулирующих органов строго проводить линию на сокращение накопления частного сектора хозяйства, особенно в области торговли. В этих целях стремились активизировать работу по выявлению и полному обложению нетрудовых доходов⁴⁹⁵. В результате в 1926/27 гг. на Урале частные торговцы выплатили 74,1 % всей суммы подоходного налога и 9/10 суммы налога на сверхприбыль⁴⁹⁶. Широко практиковались единовременные сборы и подписки на акции государственных займов, которые являлись дополнительным способом изъятия средств.

К этой сумме следует добавить более высокую по сравнению с кооперацией арендную плату за помещение, высокий подоходный налог с владельцев частных предприятий, а также прочие платежи и сборы (табл. 4 Приложения).

Поставленные в столь жесткие условия, частные торговцы стремились рассредоточить свой капитал, измельчить торговлю, скрыть доходы. Широкое распространение получила практика скупки и перепродажи товаров через подставных лиц крупным торговцам.

О более высоком уровне степени налогообложения частника свидетельствуют следующие данные. Налоги с частников составляли 6,49 коп. на оборотный рубль, что почти в семь раз превышало налоги сельских потребительских обществ. Патентный сбор был в 3,8 раза больше кооперативного, государственные сборы больше в 3,4 раза, а уравнильный сбор – в пять раз. Особенно значительные налоговые суммы взимались местными органами власти. Местные сборы с частников составляли 1,34 коп. на оборотный рубль, то есть были чуть ли не в два раза больше патентного сбора и, соответственно, в 27 раз больше аналогичных налогов потребительских обществ⁴⁹⁷. Действуя почти бесконтрольно, власти последовательно выдерживали классовую линию и грабили награбленное.

⁴⁹⁴ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 526. Л. 4.

⁴⁹⁵ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы. С. 147.

⁴⁹⁶ Там же, С. 148.

⁴⁹⁷ Стариков А. И. Торговые расходы в частной торговле // Частная торговля Союза ССР. С. 80.

Так, при проведении в жизнь постановления о сборе средств на культурно-хозяйственное строительство Тобольский ОкрФО обращался с вопросом в ОблФО о сумме сбора с бывших торговцев. Возник вопрос: «В какой сумме сбора облагать бывших торговцев, живущих на доходы от содержимых [орфография источника – *А. К.*] в прошлом торгово-промышленных предприятий, если по их прожитку подходящий налог составляет сумму ниже 200 рублей?». Далее пояснялась причина появления этого вопроса: «Ввиду того, что частник, имеющий довольно приличный капитал, полученный от содержания в прошлом торговли, или промышленного предприятия в настоящее время, чтобы скрыть свое действительное наличие капитала маскируется путем или поступления на отдельные работы хозяйственных и других предприятий; менее мелкие работы с небольшой оплатой труда, или выбирает регистрационное удостоверение на извозный промысел. Но наряду с этим источником он все же живет на те нетрудовые доходы, которые он получил в прошлом. Следует ли здесь этих лиц учитывать и облагать (как лиц, живущих преимущественно на нетрудовые доходы) наравне с нетрудовыми элементами?»⁴⁹⁸

Чиновник здесь проявил большое рвение в духе партийных директив, направленных на повсеместную и исчерпывающую экспроприацию частников. За этими строками видится возникший в сознании управленца образ гражданина Корейко и ставший классическим сюжет «Золотого тельца».

Помимо налогов необходимо учитывать и штрафные санкции по отношению к частнику, связанные с несвоевременными выплатами (см. табл. 5 Приложения). Причины задолженности по налогам и, соответственно, необходимость выплаты пени, Г. П. Падучев объясняет следующим образом: «Частный торговец довоенного периода не в столь сильной степени испытывал нужду в оборотных средствах, как торговец современный, а если бы у него даже почему-либо оказывался в тот или иной момент недостаток в кассовой наличности, то в таком случае к его услугам всегда была широко разветвленная сеть кредитных учреждений, имевшая полную возможность целиком удовлетворить все его потребности в денежных средствах. Что касается напротив того, частного торговца настоящего времени, то его положение в достаточной степени исчерпывающе характеризуется ответом...: “Не имелось денег, а занять было не у кого”»⁴⁹⁹.

В информационных сводках ОГПУ подробно описываются процессы, происходившие на вольном рынке. Например, указывалось, что в Тобольске торговцы в массовом порядке закрыли свои лавки, ссылаясь на чрезвычайно высокие налоги⁵⁰⁰.

⁴⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

⁴⁹⁹ Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике. С. 40; О проблемах кредитования в ОВК см. п. 5.3.

⁵⁰⁰ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 234–235.

Неналоговые сборы. Таким образом, налоговую систему сами специалисты считали несовершенной. Помимо налоговой, на частных предпринимателей возлагалась значительная неналоговая нагрузка. Так в 1924 г. по Союзу доля изъятия из доходов буржуазии по промысловому и подоходному обложению с местными надбавками в совокупности с обязательным выкупом облигаций государственных займов составляла от 32 до 50,2 % в торговле, в зависимости от разряда⁵⁰¹.

В ответах на вопрос о формах регулирования по округам Урала встречается упоминание о «добровольном пожертвовании путем подписных листов», «пожертвований по разным случаям и поводам» и «обязательном приобретении облигаций золотого займа»⁵⁰². Практически облигации всех займов навязывались частным предпринимателям. Поскольку принудительно размещавшиеся облигации были воспрещены к котировке на бирже и к принятию в залог, их рыночная цена была значительно ниже номинала, что в скрытой форме создавало дополнительное обложение частной торговли⁵⁰³.

Г. П. Падучев приводит отзывы частных торговцев в отношении облигаций, расходы на которые отражены в бюджетных обследованиях (см. табл. 5 Приложения). «В свое время налог этот вызывал против себя среди торговцев довольно много нареканий... Впоследствии торговцы получили возможность значительную часть, оказавшихся у них облигаций, реализовать... Некоторая часть облигаций была торговцами представлена в Губкомотдел в обеспечение исправного соблюдения договоров за наем занимаемых ими торговых помещений. Облигации продавались торговцами в разное время и по неодинаковой цене. Однако в общем из анкет явствует, что выручка от продажи облигаций составляет половину суммы, затраченной на их покупку»⁵⁰⁴. Автор отмечает, что к 1926 г. принудительное размещение облигаций среди торговцев было отменено, что явилось безусловным облегчением лежащей на них налоговой тяготы.

Арендная плата. При проведении опроса частных торговцев с апреля 1924 по апрель 1925 г. вопросы арендной платы были весьма актуальными (см. табл. 5 Приложения). П. Г. Падучев, анализируя ставки арендной платы, выделил две группы предприятий, различающихся, прежде всего, по ассортименту и характеру торговли. Автор делает вывод, что по первой группе ставки арендной платы были в 10 раз, а по второй в 2,5 раза больше довоенных⁵⁰⁵.

⁵⁰¹ Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 122.

⁵⁰² ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 65; 77; 122.

⁵⁰³ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 33.

⁵⁰⁴ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 39.

⁵⁰⁵ Там же, С. 45–46.

Как отмечает автор, на это время пришелся первый этап введения червонца, поэтому его курсовая стоимость была на уровне золотого паритета, максимально приближенного к дореволюционному рублю. В связи с этим нельзя оправдывать рост аренной платы инфляцией. Автор отмечает парадоксальную ситуацию, при которой доля арендных платежей в сумме расходов крупных торговцев была ниже, чем у торговцев III разряда. «Предприятия крупные имеют возможность совершать торговые операции, даже и не завозя товары на свои склады, а продавая его, как говорят, на рельсах, заключая сделки на бирже и т. д. В результате, в группе крупных предприятий плата за наем помещения и составляет относительно меньшую величину, чем в группе предприятий средних»⁵⁰⁶. Отметим, что крупные торговцы могли являться собственниками магазинов и складов, в связи с чем необходимость в аренде отпадала.

По мнению Г. П. Падучева, рост аренной платы приводил к росту цен на товары в частном секторе, что вступало в противоречие с целями проведения денежной реформы – всемерного понижения товарных цен. Причину роста арендной платы автор видит в необходимости сформировать местный бюджет без дефицита, в том числе за счет поступления в местный доход арендной платы⁵⁰⁷. Автор делает вывод, что «сравнительная высота арендной платы является в значительной мере не результатом каких-либо случайных обстоятельств, а представляет собой в точном смысле этого слова – среднюю равнодействующую всей совокупности финансово-экономических условий переживавшегося тогда момента»⁵⁰⁸.

Г. П. Падучев приводит пример того, как с 1 октября 1924 г. Воронежский губкомотдел установил твердую арендную плату за места на рынках, исходя из двух признаков: за занимаемую площадь (квадратный аршин) и ассортимента торговли. Для торговли съестными припасами применялись более низкие ставки по сравнению с торговлей прочими товарами. «Торговля съестными припасами... производится почти исключительно в интересах городского населения... При таких условиях получается, что низкие сравнительно ставки арендной платы для торговли съестными припасами и более высокие ставки для торговли прочими товарами создают покровительственное отношение к интересам городских жителей в ущерб интересам деревни»⁵⁰⁹.

Это замечание справедливо, если рассматривать городское и сельское население как покупателей, а арендные ставки как фактор ценообразования. Напротив, их положение меняется, если говорить о горожанах и жителях села как продавцах. Продовольствие в значительной степени реализовывалось его производителями, в то время как фабричные товары являлись объектом перепродажи. Примечателен сам факт противопоставления интересов

⁵⁰⁶ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 42.

⁵⁰⁷ Там же, С. 46.

⁵⁰⁸ Там же, С. 47.

⁵⁰⁹ Там же.

городских и сельских жителей, при котором автор выступает на стороне крестьян как покупателей, возможно в контексте преодоления «ножниц цен».

«Губкомотдел обнаруживал и весьма большую строгость по отношению к неисправным арендаторам, которые должны были уплачивать за просрочку 2 % в день или 720 % за год. В этом направлении Коммухозы ушли далеко вперед финорганов, начислявших на своих недоимщиков пеню в размере $\frac{1}{4}$ % в день в течение 15-ти дней и размере $\frac{1}{2}$ % в последующие дни... При этом... коммунальный отдел не может сообразоваться с индивидуальными условиями, в которых находятся те или другие плательщики, а делает это автоматически, без всяких послаблений, даже в тех случаях, когда неисправность арендатора не носит злостного характера, а вызывается чисто временными затруднениями»⁵¹⁰. При этом автор оговаривается, что в настоящее время (1926 г.) декретом СНК РСФСР предельный размер пени за несвоевременный взнос платы за коммунальные услуги установлен в 0,1 % за первый месяц просрочки платежа и не свыше 0,2 % в день за последующее время.

Дополнительным бременем на частника ложились различные штрафы, не связанные с налогообложением или арендной платой. «Владелец предприятия рассказывает, что его покупатель, закуривая папиросу, уронил от спички серу, в результате чего в балагане загорелась вата. Вспыхнувший пожар был потушен собственными силами торговца, но так как на пожар приехали пожарные, то владелец за неосторожное обращение с огнем подвергся штрафу на 10 руб. В другой раз тот же торговец был оштрафован, также на 10 руб. за то, что спустя 10 мин. после установленного для закрытия часа он при открытых дверях рассчитывался с кредитором... Штрафы за позднее закрытие торговли имеют своим источником расхождение на несколько минут в показаниях часов у штрафующего и штрафуемого»⁵¹¹.

Политика цен. Еще одним эффективным методом ликвидации частного предпринимательства являлась политика регулирования цен. В период свертывания рыночных механизмов главной своей задачей власти считали борьбу со спекуляцией. Поэтому несомненный интерес представляют материалы комиссии, созданной для этих целей. Ее полное название: «Уральская областная комиссия по борьбе со спекуляцией, чрезмерными розничными наценками на товары и ускорению продвижения товаров к населению». Комиссия была создана по постановлению малого президиума Уралоблисполкома от 16 ноября 1925 г.⁵¹²

Провозгласив социальную направленность своей политики, призванной обеспечить смычку города и деревни, государство проводило курс на снижение цен, прежде всего на продукцию промышленности. Однако острый товарный дефицит в сочетании с действующими рыночными

⁵¹⁰ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 48.

⁵¹¹ Там же, С. 41–42.

⁵¹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610.

механизмами вел к повышению цен и к инфляции. «В капиталистических странах, – отмечалось в материалах комиссии, – последствием нехватки товаров явилось бы немедленное повышение отпускных цен и, как следствие этого, дальнейший рост розничных продажных цен, ибо частный капиталист стремился бы возможно шире использовать нужду населения. В условиях Советского строительства мы имеем совершенно обратное явление, несмотря на превышение спроса над предложением, оптовые отпускные цены промышленности неизменно снижаются с целью достигнуть полной смычки города с деревней»⁵¹³.

Д. Хесслер отмечает специфическое отношение властей к торговле, в которой видели не особый вид экономической деятельности (торгово-посредническая деятельность, обеспечивающая связь потребителей и производителей), а аспект социальной политики, сводимый к смычке (согласованию экономических и политических интересов) двух социальных групп, классов – рабочих и крестьян⁵¹⁴. Соответственно, политика цен строилась не на основе калькуляции затрат и потребительского спроса, а являлась орудием классовой борьбы; апелляция же к экономическим реалиям воспринималась как проявление оппозиционности и фракционность. Не случайно при описании политики снижения цен упускался из виду важный вопрос о том, за счет каких ресурсов осуществлялось снижение.

Снижение цен за счет роста производительности труда, внедрения новых технологий и повышения эффективности управления промышленными предприятиями не представлялось возможным в связи с дефицитом специалистов, отсутствием современного оборудования и трансформацией системы управления производством, в том числе, его ориентацией на выполнение плана, государственного задания. К тому же этот путь требовал значительных ресурсных и временных затрат. Поэтому цены снижались за счет сокращения издержек в сфере обращения, что с неизбежностью приводило к деградации как системы торговли, так и распределения.

Негативные последствия не замедлили сказаться, но, по логике автора отчета, они вытекали из действия рыночных механизмов. «Вовлечение всего народного хозяйства, включая и сельское, в орбиту планового воздействия, далеко не закончено, и наряду со строго плановым началом на народное хозяйство в целом в значительной степени влияет начало и чисто стихийное, одним из последствий которого является расхождение ножниц на промышленную и сельскохозяйственную продукцию»⁵¹⁵.

В 1926 г. рост цен стал наиболее очевиден. Так, удельный вес стоимости промтоваров в бюджетном наборе увеличился с 42,8 % до 43,4 % в августе, в сентябре до 46,9 %, а в октябре –

⁵¹³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 16.

⁵¹⁴ Hessler J. A Social History of Soviet Trade. P. 333.

⁵¹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 55.

до 48,2 % стоимости всего набора⁵¹⁶. Таким образом, темп возрастания розничных цен на промтовары оказывался более значительным, чем общий темп удорожания жизни за этот же период. Рассматривая причины этого процесса, члены комиссии по борьбе со спекуляцией подразделяют их на «законные» и «незаконные». К первому типу, по их мнению, относятся изменения в налоговом обложении или в торговой политике, повлекшие за собой рост торговых и накладных расходов. Но этого, констатируют члены комиссии, не произошло. Следовательно, в силу вступили «незаконные» причины – они являются спекулятивными и вызваны «исключительно желанием некоторых хозорганов, кооперации и частных торговцев повысить процент получаемой с оборота прибыли»⁵¹⁷.

Б. Д. Бруцкус так оценивал эту политику: «Официальная цель политики цен советского правительства была снизить рыночные цены примерно до довоенного уровня, чтобы так поддержать покупательную способность червонца. На пути этой цели стояли высокие издержки социалистической торговли. Другая трудность – высокие издержки производства национализированной промышленности. В 1924/25 г. издержки производства национализированной промышленности стабилизировались на уровне, вдвое превышавшем довоенный. В последующие два года 1925/26 и 1926/27 гг. попытки их снизить были безуспешны. Правда, общие расходы упали, вследствие развития промышленности, и была проведена значительная рационализация, но все сбережения были использованы на значительное увеличение заработной платы. По расчетам советской статистики заработная плата в 1926/27 г. должна была несколько превзойти довоенную, а рабочее время уменьшиться на 25 %. Это вознаграждение – если принимать буквально – за скромный труд, не соответствовало существующей плохой организации труда и всего народного хозяйства. Это фактически отразилось в том, что заработная плата теперь составила больший процент издержек производства, чем до войны... Советское правительство использовало монополизацию крупной промышленности для “первоначального социалистического накопления”. Все товары народного потребления, произведенные национализированной промышленностью, облагались высоким акцизом, и соответствующие отрасли промышленности благодаря повышению цен получали значительную прибыль»⁵¹⁸.

Причиной спекуляции справедливо виделся товарный голод, но не менее значимой являлся принудительный ассортимент (в терминологии 1990-х гг. – «нагрузка»). В условиях 1926 г. складывалась парадоксальная ситуация на которую указывают и сами члены комиссии: «Казалось бы, в условиях товарного голода понуждение к приобретению излишних товаров в

⁵¹⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 57.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Бруцкус Б. Д. Советское и крестьянское хозяйство. С. 32–33.

одни руки, – особенно частного торговца – является нелепостью, а между тем эта нелепость до сего времени еще не изжита. Необходимость сбыта малоходких, а иной раз и низкокачественных товаров и ускорение оборота побуждала наши хозорганы отпуск ходовых товаров обуславливать приобретением малоходовых»⁵¹⁹.

Такой затратный механизм снабжения вынуждал частного торговца делать еще более высокие наценки на ходовые товары, чтобы компенсировать убытки при приобретении «нагрузки». Лишь крупные скупщики могли оперировать различными видами товаров, получая при этом значительные прибыли. Отмена принудительного ассортимента должна была явиться стимулом к улучшению трестами качества своих фабрикатов, привести к сокращению производства неходовой продукции, находящей сбыт с большим трудом даже в условиях товарного голода. Однако государственные предприятия не в полной мере подпадали под действия законов рынка, так как рассматривались не только как производственные, но и социальные подразделения, не только как хозяйственные единицы, но и как опора государственного сектора в многоукладной экономике и инструмент борьбы с частником.

Ассортимент и динамика цен на товары массового спроса находят свое отражение в сводках ОГПУ. Вышестоящим органам информанты предоставляли сведения о дефицитных товарах, особенно тех, отсутствие которых могло спровоцировать социальную напряженность (мука, керосин, спички, мыло, сахар и табак). Периодически приводились сравнительные данные о ценах на товары в кооперативах и в частной рознице.

Например, в Информационной сводке Сарапульского окружного отдела ОГПУ приводятся следующие данные: «Общее состояние рынка и взаимоотношения частных с кооперативными организациями и обратно – разнообразное. Естественно, частные торговцы к кооперации и госторговле в силу конкуренции относятся враждебно и при каждом повышении, по сравнению с ними цен на товары, стараются указать, что кооперация торгует выше их и т. д. Цены на товары и продукты по округу таковы...⁵²⁰». Данные сводки, оформленные нами в виде табл. 6 Приложения.

В сводках приводятся противоречивые сведения относительно ценовой конкуренции. Как правило, если дается развернутое сопоставление цен на ряд товаров (скорее всего, полученные на основе данных, предоставленных с мест или от специальных органов), то товары в кооперации оказываются дешевле. В то же самое время, описывая процедуру предоставления рабочим товаров в кредит (в том числе в связи с задержкой выплаты заработной платы), агенты отмечают, что цены на товары в рабочих кооперативах были выше рыночных. Критикуя ассортиментную политику кооперации, авторы сводок приводят данные о том, что товары не

⁵¹⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 58.

⁵²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 76. Л. 12–14. Данные, оформленные нами в виде табл. № 6 Приложения

соответствуют потребностям населения и цены на ряд товаров выше рыночных в связи с высокими накладными расходами кооперативов.

Отмечается, что возможность резко повышать цены у частника появляется в случае отсутствия необходимого товара в кооперативах или государственной торговле. Так как дефицит в обобщественном секторе был постоянным явлением, то и возможности для повышения цен имелись всегда. В этой же связи рассматриваются результаты политики снижения цен, которая проводилась государством в этот период. Именно административное снижение цен в обобщественном секторе, которое носило выраженный пропагандистский характер, порой вынуждало кооперативы реализовывать товары по себестоимости, что серьезно подрывало позиции частника.

Денежное обращение. Помимо товарного дефицита, проблемы со снабжением были вызваны чрезвычайно сжатой сферой денежного обращения. Денежная реформа, в результате которой в стране появилась устойчивая валюта, повсеместно встречала поддержку населения, но с целью контроля над денежной массой государство жестко контролировало эмиссию денежных знаков. В обращении находилось ограниченное количество банкнот и монет, поэтому их место занимали денежные суррогаты, в том числе талоны. Зачастую заработная плата выдавалась рабочим крупными купюрами, которые они самостоятельно должны были разделить на несколько человек⁵²¹. Размен купюр мог встретить серьезные затруднения. В особом дефиците были банкноты мелкого номинала и серебряная монета. Примечательно, что в качестве конкурентного преимущества частные торговцы обещали на сдачу с покупки выдавать звонкую монету, что, даже несмотря на более высокую цену по сравнению с кооперативными лавками, привлекало к ним клиентов.

В сводках по Тобольскому округу этой проблеме уделяется большое внимание: «За последнее время торговля в общем тормозится отсутствием мелкой разменной монеты. Покупатели: крестьяне, рабочие и служащие при отсутствии в обращении мелких денежных знаков переживают затруднения, ненормальности и т. п. в отношении приобретения необходимого»⁵²². «Производится рядом торговцев скупка золотых и серебряных монет, которые отправляются преимущественно в Москву. Цена золотой десятки была 20 червонных рублей, а теперь в связи с выпуском серебряной монеты 12 рублей»⁵²³.

Стабильность национальной валюты, по мнению некоторых сотрудников ОГПУ, была негативно воспринята частными торговцами в связи с тем, что в условиях инфляции была возможность произвольно увеличивать торговую наценку. Приводятся данные о том, что

⁵²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 28.

⁵²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. 25 об.

⁵²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 26 об.

частные предприниматели в Пермском округе пытались подорвать веру населения в устойчивость червонца. «Есть к проведению денежной реформы отрицательные элементы: это торгаши и спекулянты, у коих почва спекуляции и наживы ускользает в область преданий. Они стараются, хотя не открыто, но все же подорвать авторитетность проведения твердой валюты, так, например: а) продавая или покупая червонец (банкноты) на совзнаки, они дают стоимость совзнаками ниже стоимости (действительной) червонца на 10–15 тысяч и б) спекулянты червонцев и звонкой монеты говорят, что червонец неустойчив и скоро ценность его будет падать»⁵²⁴.

На наш взгляд, эта оценка тенденциозна, поскольку твердая валюта позволяла точнее планировать и ускорять товарооборот в частном секторе. В сводке по Тобольскому округу встречаем соответствующее мнение: «Что же касается отношения торговцев к твердой валюте, то таковые относятся к этому доброжелательно, так как они знают, что на курсе ничего не теряют и вырученные у них деньги за день не обесцениваются»⁵²⁵.

В сводках речь идет о частной торговле, которая активно включалась в обмен крупных купюр, порой аккумулировала у себя звонкую монету для активизации товарооборота и привлечения клиентов, и в этой связи вопрос о негативном отношении к ней в сводках не ставился. «Кооперация в Курганском округе стала постепенно развивать свои функции, а также государственная торговля берут вверх и побивают частную торговлю, которая в скором времени будет должна уйти со сцены. Но хотя частные торговцы ухищряются на разные ухищрения, как был случай, один частный торговец во время торгового дня в субботу, приготовил мелкие серебряные монеты, каковыми и сдавал крестьянами сдачи, где был случай, что крестьяне звали друг друга покупать те или иные товары, что здесь дают сдачу серебром, которого они давно не видали. Таким способом удалось этому торговцу в тот день поторговать хорошо. Но в настоящее время государственные торговые аппараты, а также и кооперация стараются удовлетворить сдачей крестьян серебряной монетой»⁵²⁶.

Закономерно, что описываемая проблема переводилась из экономической в политическую плоскость, соответствующей профилю ОГПУ, по этой причине торговцам приписывалось негативное отношение ко всем мероприятиям советской власти, в том числе и к денежной реформе.

«Денежная реформа встречена во всех слоях населения доброжелательно. Каких-либо кривотолков не замечается. В свою очередь находятся еще пессимисты из антисовэлемента, не верящие в здоровую финансовую политику Соввласти. Как, например, местный торговец

⁵²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 38.

⁵²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 33–34.

⁵²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 71–72.

Зиберман, каковой в кругу своих собратьев, при разговоре о денежной реформе выразился: “Ну, конечно, жди, что выпустят золотую и серебряную монету, где же Соввласть возьмет золота и серебра, разве наделает денег из железа, благо такового много. И все, что говорят и пишут о звонкой монете, – это чепуха”»⁵²⁷.

В сводках ОГПУ отмечается, что денежное обращение более активно в городах и порой находится в зачаточном состоянии в деревне. Говорится о том, что денег у крестьян нет, что они любыми способами пытаются их получить, чтобы заплатить налоги, в том числе путем отходничества. Серебряные денежные монеты крестьяне использовали как средство накопления, изымая их из обращения. «Отношение крестьян к выпуску серебряной монеты хорошее, но замечается то, что попадающие крестьянам серебряные деньги последние принимают их с жадностью, ложат их в карман не пуская в обращение и везут домой для показа или сбережения»⁵²⁸.

Отсутствие денежного обращения на селе существенно сужало рынок сбыта частника, вынуждало его использовать бартер. Хотя и в городах звонкая монета не была в избытке. «...Из задержанного письма адресатом: Китай, Тяньцзин, Английская концессия № 46 из Лысьвы, видно следующую выдержку: “Завод работает полностью <...> деньгами не дают, а ордерами, нынче дали всем рабочим и служащим по 50 коп. серебром на поглядок, налогов очень много, за все с рабочего дерут, а милиция со всякими пустяками привязывается” (дано задание райуполномоченному о выяснении личности и проч.)»⁵²⁹.

Кооперативный уклад как инструмент борьбы с частником. В информационных сводках ОГПУ детально рассматриваются формы и методы ведения частной торговли, как правило, в сравнении с кооперацией. Сотрудники ОГПУ постоянно указывали на прямую связь между развитием кооперации и частной торговли. Деятельность кооперации оценивалась как с экономической точки зрения (удовлетворения потребностей ее членов, эффективности, доли населения, вовлеченной в кооперативное движение), так и с идеологических, классовых позиций (классовый состав правления, связи с частником). Все недостатки кооперации автоматически превращались в преимущества частной торговли.

Сведения по Троицкому округу: «Торговля Уралторга тихая по тем обстоятельствам, что в Уралторге нет подбора товаров, и в последнее время наблюдаются большие накладные расходы, примерно, подотдел обуви, накладные расходы от 20 до 30 %, подотдел галантерейный 35 %, мануфактурный 30 %. Почему частные крупные магазины стали торговать лучше, например Товарищество “Восток” торгует лучше всех. 6–7 человек не успевают

⁵²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 30 об.

⁵²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 33.

⁵²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 66

отпускать покупателей. Товарищество “Восток” имеет хороший подбор и ходкий товар для населения. Мелкие торговцы торгуют неважно. Только до 11 часов дня можно наблюдать около их лавок покупателей»⁵³⁰.

Отношение к частнику находилось в прямой зависимости от оценки деятельности кооперативных организаций. При этом создавались «сообщающиеся сосуды» общественного мнения, когда недовольство частником играло на руку кооперативам, а недостатки в работе кооперативных организаций позволяло набирать очки частнику. Отметим, что условия, в которых находились кооперативы и частные предприятия, не были равны, они находились в разных весовых категориях. Налоговая и тарифная политика, величина арендных ставок, механизм распределения фабриката (продукции, выпускаемой на государственных предприятиях) – эти экономические, по сути, методы регулирования торговой деятельности были основаны на классовых принципах, в соответствии с которыми предпочтение отдавалось предприятиям обобществленного сектора⁵³¹. Существовали серьезные отличия и в возможности привлекать покупателей.

Частный рыночный сегмент мог резко сужаться. Он предопределялся покупательной способностью населения, основанной на обращении наличных денежных знаков, т. е. у частника товар можно было приобрести, прежде всего, за наличные деньги, лишь в виде исключения используя бартер, векселя или кредит (в товарной или денежной форме). В сводках ОГПУ упоминается возможность получения товара в кредит, но не описываются условия его предоставления. Очевидно, что он не мог быть более льготным, чем в кооперации. «Отношение рабочих к кооперации доброжелательное, но от частной торговли часть еще отстать не могут, в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, но по силе необходимости приходилось идти к частному торговцу, переплачивать дороже кооперации, чтобы только взять до получения кредит»⁵³².

Кооперативная торговля имела больше возможностей предоставлять товары в кредит; более того, на подавляющем большинстве уральских предприятий заработная плата рабочим выдавалась в пропорции 40 % на 60 %: меньшая часть в виде денежных знаков, а большая в натуральной форме или в виде талонов на приобретение товаров в кооперативных лавках⁵³³. Таким образом, потребитель был ограничен в выборе, а кооперативы реализовывали свой товар нерыночными методами. Получая вместо денег талоны, рабочие сильно проигрывали, так как

⁵³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 90.

⁵³¹ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 118–147.

⁵³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 119.

⁵³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 175.

были лишены выбора, а порой просто не могли приобрести необходимые им товары из-за узости ассортимента кооперативных предприятий.

В материалах Тобольского окружного отдела ОГПУ, не без симпатии к происходящему, описывается случай, когда рабочий обманул приказчика в кооперативной лавке с целью получить ходовой товар, который, как правило, отпускался исключительно за наличные. «Наблюдается скверное отношение рабочих Местхоза на почве того, что мясная лавка отпускает по книжкам для рабочих только третий сорт мяса, хорошее же мясо прячется. Один из рабочих просил – нельзя ли ему отпустить хорошего мяса, приказчик ответил, что оно уже продано. Также обижаются на магазин Местхоза рабочие комбань [коммунальных бань – А. К.], один раз рабочий зашел в магазин купить себе кожи на подошвы. “Вам по книжке?”, – спросили его, он ответил. – Да, по книжке”. “Так знаете, у нас кожи хорошей нет, все дрянь”. И в доказательство показал рабочим какие-то обрезки. Зная это, другой рабочий пошел и сказал, что ему нужна кожа за наличные деньги, тотчас же нашлась хорошая кожа, рабочий велел отрезать на три пары подошв, а потом предъявил заборную книжку»⁵³⁴.

К недостаткам в работе кооперативов относились отсутствие необходимых товаров; невозможность приобрести ходовой товар; его низкое качество; часто более высокие цены, чем цены вольного рынка; отпуск дефицитных товаров в кооперативе только за деньги, которых у рабочих не было; огромные многочасовые очереди; предоставление товаров специалистам и членам их семей вне очереди, тем самым, по мнению рабочих, нарушались принципы социального равенства и справедливости. Очевидно, что столкновение с этими проблемами в кооперативах заставляло рабочих быть более лояльными к классовому врагу в лице частного торговца.

Уровень и качество обслуживания в государственных магазинах, кооперативах и частных лавках также различались, причем ненавязчивый сервис являлся атрибутом, как правило, предприятий обобщественного сектора, в которых продавца заменил работник прилавка.

М. Хилтон считает, что в борьбе за «новую торговлю» в революционном рабочем государстве чиновники намеревались воспроизвести модель классовой борьбы и в торговом зале, опрокинув отжившую коммерческую аксиому о том, что потребитель является королем или что «потребитель всегда прав», возвысить розничного работника до положения доминирующего. Чтобы осуществить эту революцию, профсоюзные чиновники и журналисты признали необходимость перевоспитания работников розничной торговли и потребителей, привить им новое сознание и подготовить их к их новым ролям. Планировалось превратить работника отдела продаж в знающего и объективного консультанта, который полностью и честно оценивал потребности потребителей, а не в эгоистичного лакея, который давил на

⁵³⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 215.

клиентов, чтобы они покупали вещи которые им совсем не нужны⁵³⁵. Эталонным заведением при этом рассматривался московский ГУМ, имевший свой филиал и в Екатеринбурге.

Полагаем, что этот революционный подход к торговле был чужд провинциальному потребителю, который ориентировался на дореволюционную модель поведения продавцов с покупателями. Экспертное мнение работника прилавка могло восприниматься как надменность или элементарная грубость. Разумеется, что и технологии продаж были далеки от идеалов ГУМа. Из сводки Пермского окружного отдела ОГПУ: «Мотовилихинский ЦРК “Самопомощь” 8 мелких [магазинов] с небольшим подбором товаров, главный склад, обслуживающий отделения и магазины, три крупных магазина, распределитель – для выдачи рабочим муки, буфет, столовая и пекарня. Средства кооперации только из членских взносов весьма невелики и товары приобретаются главным образом от государственных коопераций в кредит. <...> В апреле и мае произведено кредитование рабочих долгосрочно на пять месяцев и краткосрочное – под окончательный расчет. Кредитование происходит неравномерно. Во время полочки товара создается большая очередь, с разного рода инцидентами. Безалаберно происходит учет выписки, завод списков не посылает, а лишь руководствуясь талонами, так что вполне возможна подделка талонов, чем вызывается недоверие и тем самым вступление в члены кооператива, между тем как можно при имеемых средствах населения добиться настоящего успеха.

Произошел случай с женой председателя, которая по выходе из магазина с покупками, встречена толпой покупателей, стоящих в очереди, недружелюбно, и покупки ее были разбросаны по улице, чем это вызвано – не установлено.

Товарный подбор для кооператива по количеству мал или поступает неравномерно и нередко плохого качества. Зачастую к получке рабочих нет необходимых товаров. В получку рабочих открытые магазины не удовлетворяют требованиям, так как их мало, помещения невелики, кроме того, информация населения относительно цен, подбора товара и условий кредитов, очень слаба. Почему, прежде чем взять кредит, рабочие ходят справляться в кооператив об условиях. Вообще же, ведение дела в кооперативе неважное»⁵³⁶.

Преимущества, которые государство предоставляло кооперативам, зачастую обращались против самих этих организаций. Кооперативы не столь внимательно относились к ассортименту собственных магазинов; товар приобретался не на конкурсной основе, а распределялся; правление кооперативов порой допускало нерациональные расходы, в том числе с целью личного обогащения правления, вопреки интересам своих членов; обороты кооперативных предприятий были более медленными, чем у частника; кредиты, которые предоставлялись

⁵³⁵ Hilton M. L. Selling to the masses : retailing in Russia, 1880–1930. P. 208.

⁵³⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 87.

рабочим под гарантии руководства предприятий, порой не возвращались; цены на кооперативные товары нередко были выше цен частного рынка из-за большого количества накладных расходов (обусловленных множеством посреднических звеньев). Помимо этого, цены искусственно завышались с подачи руководства предприятия с целью в максимально короткие сроки погасить задолженность по заработной плате перед рабочими. Были единичные примеры более эффективной работы кооперативных организаций, которые на равных конкурировали с частными предприятиями и вытесняли их с регионального рынка рыночными методами. Но в большинстве случаев использовались методы прямого административного нажима и вытеснения частника из оборота при помощи правоохранительных или фискальных органов. Потребители в такой ситуации только проигрывали.

«Будем жить!» В рамках кампании наступления на частника подверглись ревизии торговые заведения братьев Миркиных, которые занимались оптово-розничной торговлей галантерейными товарами в Свердловске и имели несколько магазинов. Наше представление о характере предпринимательской деятельности братьев Миркиных можно дополнить сведениями, которые содержатся в конфиденциальном досье, составленном специалистами Урало-Сибирской конторы Кредит-бюро. Благодаря материалам, выявленным и опубликованным Р. А. Хазиевым, мы имеем возможность существенно дополнить представление об участниках судебных процессов сведениями, которые собраны сторонними и незаинтересованными наблюдателями. «25 июня 1926 г. Миркин Лейба Залманов (Лев Соломонович), Миркин Вульф Залманович (Владимир Соломонович). г. Свердловск, ул. Малышева, 42. Предприятие основано... в октябре 1924 г. По сведениям, Миркин Л. З. до 1917 г. имел часовое дело в г. Ярцеве Смоленской губернии. Миркин В. З. имел в довоенное время ювелирный магазин. Среди частных торговцев “Товарищество Миркиных” выделяется как одно из крупнейших по оборотам... За первое полугодие текущего операционного года [01.10.1925–01.04.1926] оборот составил 60 тыс. руб. Наличие товаров на 1 июня 1926 г. определялось в 20 тыс. руб., задолженность по выданным вексям около 3 тыс. руб. и открытым счетам около 8 тыс. руб. Товары предприятием закупаются, главным образом у московских частных фирм и преимущественно за наличный расчет и иногда в кредит на небольшие сроки. Как передают, Миркины еще в 1924 г., держа дело, прекратили платежи. Однако до протеста своих векселей Миркины не допускали, так как вошли в соглашение со своими кредиторами и переписали векселя на другие сроки. Как отмечают, Миркины помимо средств, вложенных в дело, располагают значительными свободными средствами, полученными от реализации ценностей при ликвидации ювелирного магазина... Тем не менее, компетентные лица советуют

кредитовать с осторожностью и предельной цифрой кредита называют 2 тыс. руб. Сдержанное отношение к кредитованию объясняется не вполне благоприятным коммерческим прошлым»⁵³⁷.

В ходе судебного разбирательства были допрошены как владельцы предприятия, так и служащие. Выяснилось, что в качестве основания для начисления налога инспекторами использовались бухгалтерские книги Миркина (опороченные рядом экспертов), в результате чего государство недополучило сотни тысяч рублей налоговых поступлений. Вызвала много вопросов и политика ценообразования в заведениях братьев Миркиных. Формирование отпускной цены в рознице осуществлялось не только на основе экономических характеристик, калькуляции затрат и планируемой прибыли, но и исходя из личностных характеристик покупателя. Торговец в этой ситуации, должен был быть психологом, выяснить мотивацию покупателя, понять степень его заинтересованности в товаре, навскидку определить его платежеспособность. Диалог, построенный на взаимном недоверии, но облеченный в максимально располагающую манеру, предусматривал ряд традиционных маркетинговых приемов (скидки, кредит, подарки, бонусы и прочее).

Возможность маневрирования с ценами возникала лишь при разработке соответствующей системы кодировки. Штрихкоды и специальные считывающие устройства являются атрибутами постсоветской торговли в ее наиболее организованных формах. В 1920-е гг. действовали иные, весьма простые, но судя по результатам торговой деятельности, весьма эффективные механизмы⁵³⁸. В протоколе допроса продавца заведения И. Ф. Гаранина читаем: «Фирму Миркина я знаю с 1926 г. Мне известно, что фирма за последние годы особенно развилась и росла. Особенно расцвет фирмы был с переходом в новое помещение, нужно сказать, что здесь торговля шла сверх всяких ожиданий. Выручка в день достигала, примерно, торговали до 2000 рублей в день. Дней же торговли в 200–300 рублей – выручки я не помню. В большинстве же торговля была очень крупная, при такой торговле упомнить продаваемые вещи не было возможности. Бывали выручки на 2600 рублей в день. При продаже товаров талонной системы не велось и все это передавалось хозяину – Миркину, который был сам кассиром и проводил по ведомости проданный товар. Проводил ли Миркин по ведомости весь товар для меня не известно. Были случаи, когда он не успевал отмечать в ведомости за проданный товар и обращался к нам, продавцам, и, безусловно, всего продаваемого товара мы, продавцы, запомнить не могли, кроме крупных продаж; при том ведомость с нами Миркиным не проверялась, таким образом, Миркин мог и не записывать в ведомость проданный товар и укрывать оборот своей фирмы»⁵³⁹.

⁵³⁷ Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа. С. 129.

⁵³⁸ Килин А. П. «Будем жить!» Из практики борьбы с частной торговлей на Урале в годы нэпа // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 185–199.

⁵³⁹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 86–86 об.

В протоколах допросов приводится пример использования буквенного кода для обозначения цены товара, выложенного в торговом зале или на складе и доступного рядовым покупателям. Цена, точнее себестоимость товара, обозначалась не цифрами, а буквами. Продавец, в зависимости от ситуации, времени продажи, качества товара и субъективной оценки покупательной способности клиента мог устанавливать торговую наценку в определенных пределах, тем самым пытаясь извлечь максимальную прибыль и ускорить товарооборот заведения. И. Ф. Гаранин показал на допросе: «Символ “Мы будем жить” был введен для определения своей цены, так как установленных открытых продажных цен не было, и эти символические знаки означали свою цену, из расчета которой мы должны были исходить, набавляя, по указанию Миркина, по 40 % и больше. <...> Наценка товарная на оптовые продажи [была] минимум 15 %, максимум 36 %. Розничные цены от 40 % до 50 %. При продаже, таким образом, Миркин мог накладывать любой процент прибыли в зависимости от рынка и этим самым извлекать большую прибыль и скрывать прибыль от ОкрФО»⁵⁴⁰.

Сам Л. З. Миркин, отвечая на вопросы следователя, уполномоченного экономического отдела ОГПУ Токмакова, так описывал ситуацию: «Вопрос: Что за таинственные знаки вы ставили на товары?

Ответ: Это обозначение себестоимости товаров буквами, состоявшими из десяти букв “Будемъ жить”. Каждая буква номеруется в хронологическом порядке до 9, а мягкий знак обозначает ноль. (Б у д е м ъ ж и т ь = 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0).

Вопрос: Почему вы такими символами метили товары?

Ответ: Для [указания] себестоимости всем служащим.

<...> Вопрос: Ведь вы обозначали шифрами только себестоимость, каким же образом служащие ориентировались в наценках при ассортименте большом в галантерейных товарах?

Ответ: Они знали продажные цены на каждую вещь, как оптовую, полуоптовую и розничную. Товар расценивали сами продавцы большей частью, а иногда я совместно с ними.

Вопрос: Не было ли случаев, что бы вы разным покупателям продавали одинаковые вещи по разным ценам, в один и тот же день?

Ответ: Таких в принципе не было, но случайно могло быть, в зависимости от качества товара и нужды в деньгах, а также от сезона.

Вопрос: Не имелась ли ваша “точная” и головоломная система книг и “учета” фирмы очковтирательством?

Ответ: Нет. Количественный и сортовой учет товаров мы вели для того, чтобы их налоговые органы могли в любой момент проверить наличие товаров в предприятии по книгам,

⁵⁴⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 86 об.

так оно и было, ибо проверка товаров финорганами была произведена неоднократно, каковая оказалась правильной.

Вопрос: Признаетесь ли вы в том, что скрывали свои фактические обороты?

Ответ: Обороты мы свои не скрывали»⁵⁴¹.

Практика показывала, что как учет торговой деятельности, так и проверки финансовых органов были далеки от совершенства и не позволяли точно учитывать торговый оборот предприятий. Очевидно, что система учета частных предпринимателей была нацелена на сокрытие реальных доходов и сокращение налогооблагаемой базы (если использовать современную терминологию – с целью оптимизации налогообложения).

Судя по материалам дела, шифр действительно не предназначался для широкого круга лиц, даже не все сотрудники магазина знали ключевое слово.

В ходе допроса свидетеля А. В. Миньковой⁵⁴² выяснилось следующее: «У частной фирмы Миркин и К^о я служила продавщицей с 1925 по 1928 гг. <...> Более подробных сведений я не знаю, так как они меня вообще сторонились и скрывали свои торговые дела. Например, даже цена на товарах устанавливалась не цифровая, а проставлялись какие-то условные буквы, которые были известны хозяину и продавцам Экельбаум и Гаранину И. Ф. Это делалось для того чтобы взять цену, ту, которую может заплатить тот или иной покупатель. От меня же они скрывали, и в каждом отдельном случае приходилось спрашивать»⁵⁴³.

На вопрос следователя, почему этот шифр скрывали от А. В. Миньковой, З. Л. Миркин отвечал: «Потому что она плохо соображала и занималась только розницей. Кроме того, ее работой были мы недовольны, а потому мы ей не хотели открывать коммерческий, секретный шифр, поскольку думали его сокрыть, а главное, она продавала в розницу, где на все имеется одна определенная продаваемая цена, и себестоимость товара ей знать было необязательно»⁵⁴⁴.

В заключении экспертной комиссии, назначенной экономическим отделом ОГПУ по Уралу для проверки обложения налогами частных торговых фирм и кустарей г. Свердловска в ноябре и декабре 1929 г., говорилось: «Пользование шифром “Будем жить”, Комиссией установлено по счету, выданному Нижне-Туринскому ЦРК, от 5 апреля 1927 г. Такое явление комиссия считает недопустимым, так как пользование условными знаками дает возможность бесконтрольно делать произвольный процент наложения и скрывать действительный оборот и прибыль от налоговых органов»⁵⁴⁵.

⁵⁴¹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 102–104

⁵⁴² Минькова Анна Васильевна, 25 лет, место рождения – г. Полоцк, девица, неимущая, низшее образование, из кустарей, беспартийная, на момент допроса – продавщица магазина Уралкомбината.

⁵⁴³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 128–128 об.

⁵⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 102.

⁵⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 384. Л. 5.

В статье, опубликованной в газете «Уральский рабочий», упоминался эпизод с кодом: «Под покровительством подкупленных агентов финансово-налогового аппарата торговцы преуспевали. Жизнерадостное настроение частника нашло свое выражение в оригинальном шифре мошеннической торговой фирмы братьев Миркиных. Для сокрытия действительных наценок на продаваемые товары оборотистые братья прибегали к зашифрованным пометкам цен, составленных со слов “Будем жить”. Этот жизнерадостный шифр обошелся государству в 129487 руб.»⁵⁴⁶. Именно в такой сумме в ходе следствия был оценен ущерб государству от снижения обложения торговли братьев Миркиных.

Журналист не случайно использовал словосочетание «жизнерадостный шифр», на наш взгляд, кодовая фраза могла служить не только чисто утилитарным целям, но и быть своего рода слоганом, содержащим миссию организации, которая была призвана выработать положительный настрой, создать позитивную мотивацию для персонала. Нельзя не признать, что ключевая фраза, с учетом времени (1929 г.) и места торговой деятельности (город Свердловск – сердце пролетарского Урала), была слишком оптимистичной.

Излишне самоуверенным может показаться ответ З. Л. Миркина на вопрос следователя: «Почему ваша фирма – наикрупнейшая в галантерейной частной отрасли Урала – существовала и процветала, тогда, как другие закрывались?». «Ответ: Наша фирма – крупнейшая в Свердловске, но не на Урале. <...> Наша фирма процветала и существовала до настоящего времени, потому что мы работали честно и соблюдали закон, ведя точную отчетность. Другие фирмы закрывались по разным обстоятельствам, в большинстве ввиду непризнания Финотделом их отчетности»⁵⁴⁷.

Нормированное снабжение частника. Одним из механизмов воздействия на вольный рынок являлась политика нормированного снабжения частника, получившая название «новой торговой практики». «Независимо от того, в какой товаропроводящий канал товар передается, то есть кооперации, мелкооптовой торговле или частному торговцу, – отпуск товаров синдикатом должен обуславливаться принятием со стороны посредника на себя обязательств доставить товар потребителю со строго определенной надбавкой, в зависимости от ступени этого посредника»⁵⁴⁸.

Нарком внутренней и внешней торговли А. Микоян так оценивал эту кампанию: «Сейчас проводятся следующие опыты с частником: государственные торговые организации снабжают его в организованном порядке товарами с условием, что он получит товар по определенной цене и обязуется продавать его также по определенным ценам. Мы даем ему нормальную

⁵⁴⁶ М. Н. Дело о миллионах, подаренных частнику. С. 5.

⁵⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 130–130 об.

⁵⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 59.

прибыль и известную нагрузку его предприятиям, чтобы он не искал нелегальных источников получения товаров»⁵⁴⁹. Это была вынужденная мера, так как розничная сеть государственной торговли была слаба. Однако, тресты и синдикаты, пользуясь тем, что их товар продается легко и по высоким ценам, предпочитали государственным и кооперативным магазинам частника, который платил наличными и немедленно, а также пытались развернуть свою собственную сеть лавок и магазинов. Что касается кооперации, то тресты и синдикаты неохотно шли на продажу ей больших партий товаров, ссылаясь на неумение торговать, на высокие накладные расходы, на множество передаточных звеньев от кооперативного опта к конечному первичному звену⁵⁵⁰. Отметим и то обстоятельство, что товары в кооперацию шли на условиях товарного или вексельного кредита, что существенно сдерживало товарооборот, к тому же не давало синдикатам оборотных средств, в которых они остро нуждались как для закупки сырья, так и для выплаты заработной платы. Идя по рыночному пути, некоторым синдикатам удавалось реализовать до 90 % товаров, предназначенных в розничную торговую сеть через частника.

Этот пример наглядно демонстрирует двойственность положения трестов. С одной стороны, они находились в подчинении ВСНХ, чьи планы и распоряжения были обязательны для исполнения, с другой, реализация их продукции осуществлялась через синдикаты, в задачи которых входило сбывать фабрикаты государственных предприятий в соответствии с рыночной конъюнктурой. Этот дуализм был закреплен в «Положении о промышленных трестах», которое усиливало плановое начало и, одновременно, требовало создавать предпосылки для расширения хозрасчета⁵⁵¹.

В данном случае мы имеем позитивный пример государственного регулирования. Была реальная возможность сбалансировать интересы некоторой группы государственных предприятий и частных торговцев. В материалах Уралплана отмечалось: «Частники весьма охотно заключали соответствующие договоры. Может быть, во многих случаях эти договоры вызывались не столько коммерческим расчетом частников, сколько опасением торговать мануфактурой по высоким ценам. Так или иначе, торговцы шли на условия Всероссийского текстильного синдиката»⁵⁵². Торговцам такой договор гарантировал стабильное поступление товаров, с одной стороны, и выводил их из-под огня репрессивных мероприятий, с другой. Появлялась легальная возможность продолжать свое дело, сосуществовать рядом с

⁵⁴⁹ Микоян А. Внешняя и внутренняя торговля СССР. М., 1927. С. 45.

⁵⁵⁰ Хозяйственный механизм новой экономической политики (По материалам 1920-х годов). Сб. обзоров. ИНИОН АН СССР. М., 1990. С. 93; Архипов В. А. Этапы и методы регулирования частного торгового-промышленного предпринимательства. С. 126.

⁵⁵¹ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 83–84; См. Положение о государственных промышленных трестах // Свод законов СССР. 1927. № 39. С. 392.

⁵⁵² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 102.

обобщественным сектором. Такого рода компромисс дал свои результаты – цены в частной торговле снизились.

Однако политика планового снабжения частника продолжалась недолго. Уже к концу 1927 г. договоры стали расторгаться по инициативе государственных предприятий, но под нажимом контролирующих органов. В условиях товарного голода цены частной торговли вновь поползли вверх. Потребитель от этого только проиграл.

Оценка рыночной конъюнктуры товаров и услуг. В компетенцию комиссии по борьбе со спекуляцией, помимо уже перечисленных нами функций, входила задача проведения обследований рынка. Так, с 16 ноября 1925 г. по 4 мая 1926 г. областной и окружными комиссиями был проведен ряд обследований государственных, кооперативных и частных торговых заведений, а также ряда первичных сельских и городских кооперативов на предмет выявления спекуляции. По роду торговли были охвачены все группы товаров⁵⁵³.

По мнению членов комиссии, основными причинами спекуляции и товарного ажиотажа на рынке являлись: «а) слабая работа кооперативного инструкторского аппарата; б) недостаточное регулирование торговли на местах представителями органов Наркомторга; в) бюрократизм и формальное отношение к делу со стороны руководителей торгующих организаций (в особенности кооперации) и задержка в снабжении низовой сети товарами; г) отсутствие достаточного учета спроса и предложения на рынке, в результате чего товары даже по оптовым продажам проходили ненужных посредников; д) недостаток промышленных товаров»⁵⁵⁴.

Комментируя эти положения, следует отметить, что все они справедливы и объективно отражали ситуацию на рынке. Однако их иерархия строится исходя из постулата о прогрессивности плановых начал, а главной причиной негативных явлений считали человеческий фактор. Если же происходили сбои и кризисы, то в этом была виновата не плановая система, а люди, недостаточно четко выполнявшие инструкции. Репрессивные мероприятия властей, нацеленные в первую очередь на человека, были призваны сделать его лучше, а при необходимости исправить.

«Система мероприятий, направленная к ликвидации спекуляции, – отмечалось в материалах комиссии, – должна быть двоякой: с одной стороны, коренная и жестокая чистка аппаратов всех хозорганов и госпредприятий от элементов, потворствующих или способствующих спекуляции – путем искусственного вздутия цен, выдержки товаров, предоставления значительных партий товаров в руки заведомых скупщиков, – и привлечение их к суду вместе со скупщиками, не останавливаясь перед применением к виновным самых суровых наказаний, как к врагам рабочего класса; а с другой – и определенная регламентация в

⁵⁵³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 66.

⁵⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 67.

области лимитации розничных цен»⁵⁵⁵. На применение такой меры как показательную судебную практику обращал внимание В. П. Дмитренко⁵⁵⁶.

В выводах комиссии классовому подходу отдавался приоритет, а меры в области экономического регулирования отодвигались на второй план. Примечательно, что делается оговорка о нежелательности использования силовых методов. «Правда, при свободе конкуренции и частного оборота такое явление не совсем нормально и даже, пожалуй, нежелательно, однако, как временная мера, она может принести определенную пользу»⁵⁵⁷.

Это высказывание всего лишь реверанс нэпу, который еще не отменен, но декларируемые им положения уже коренным образом отличаются от духа партийных директив и реальной практики хозяйствования.

Еще одно положение, содержащееся в материалах комиссии, вызывает интерес: «Перечисленные недочеты торгового аппарата массового явления не представляли. В общем, на Урале частный капитал, занятый в оптовой торговле, невелик и большого значения в отношении взвинчивания цен и дезорганизации рынка иметь не мог»⁵⁵⁸. Организационные выводы, сделанные по итогам обследования, подтверждают этот тезис цифрами. На основании полученных обследованием материалов снято с работы руководителей в кооперации – 8, в государственной торговле – 6. Возбуждены 24 следственных дела, из них по кооперации – 11, по госторговле – 10, по частной торговле – 3⁵⁵⁹.

Такое положение вещей вполне закономерно, так как руководители государственных предприятий, работающих на хозрасчете, с неизбежностью должны были подчиняться условиям рынка, устанавливать цены исходя из реального соотношения спроса и предложения. Это являлось предосудительным и даже наказуемым деянием, так как противоречило планам, утвержденным руководящими органами.

Доминирование идеологических мотивов особенно выразительно подчеркнуто в заключительной части материалов комиссии. По своему стилю они напоминают воззвание революционной поры, а по духу – близки периоду 1930-х гг.: «Спекуляции и спекулянтам должна быть объявлена самая решительная и беспощадная война, как предателям, стремящимся к свержению власти рабочих и крестьян. Надо надеяться, что лица, до сего времени так или иначе причастные к спекуляции, поймут серьезность момента, учтут решительность и беспощадность Советской власти при защите интересов рабочего класса и крестьянства и не только немедленно прекратят сами свою зловредную деятельность, но и окажут содействие в

⁵⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 59.

⁵⁵⁶ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 166–167.

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 59.

⁵⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 67.

⁵⁵⁹ Там же.

изжитии того тяжелого положения, к которому они привели своей деятельностью. Советская власть не мстит исправившимся, но без всякого снисхождения уничтожает тех, кто будет продолжать гнусную и предательскую работу спекулянта. Об это мы громко заявляем и пусть прислушаются те, кому об этом знать подлежит, ибо промедление для них “смерти подобно”»⁵⁶⁰.

Относиться к столь категоричным высказываниям можно по-разному. С одной стороны, это похоже на ритуальное заклинание, призванное продемонстрировать решимость властей. Несомненно, в этих строках звучит призыв к применению к спекулянтам всего спектра силового воздействия государственного аппарата. С другой стороны, реальная практика показывает, что региональные органы власти не всегда стремились форсировать процесс ликвидации частника из опасений резкого сжатия товарооборота и снижения налоговых поступлений.

Экономическое регулирование на транспорте. Среди ряда мероприятий государственной политики в отношении частного предпринимательства следует остановиться на так называемом «экономическом регулировании на транспорте». Это пример того, как проводимая в массовом порядке кампания, направленная против частника как врага обобществленного сектора, ударила по своим, так как проводилась без учета специфики региона и без глубокого экономического анализа возможных последствий. Так, в 1925/26 гг. по ряду причин в районах промышленного маслоделия существовала энергичная конкуренция внеплановых заготовителей с кооперативными маслозаводами. Например, для Курганского округа ситуация характеризовалась современниками следующим образом: «Казалось бы, участие частника в маслозаготовках в размере 10 % к заготовкам основных маслозаготовителей возможно было бы признать допустимым. В действительности же оно имело одни отрицательные стороны, ибо частник в погоне за маслом и при возможности реализации заготовленного масла на иногородних рынках по более высоким ценам, чем в Кургане, уплачивал за масло на 20 % выше основных заготовителей и тем самым вносил дезорганизацию в заготовки масла»⁵⁶¹.

Выступая на стороне кооперации, государство ввело экономическое регулирование на транспорте, выразившееся в запрете свободных отправок масла по железной дороге от частных лиц. Эта административная мера, лишив внеплановых заготовителей возможности скупать и отправлять масло по железной дороге в районах промышленного маслоделия, вместе с тем понизила спрос и в других районах, которые ни плановыми заготовителями, ни кооперацией в достаточной мере не обслуживались. Отсутствие учета местных условий привело к тому, что

⁵⁶⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Т. 1. Д. 610. Л. 60.

⁵⁶¹ Рожанский А. Частный капитал в Курганском округе // Хозяйство Урала. 1927. № 2–3. С. 209.

рынок молока не получил возможного для него развития⁵⁶². Образовывались так называемые торговые пустыни⁵⁶³, слепые зоны невидимые для глаз заготовителей и торговцев. Эта ситуация провоцировала архаизацию хозяйственной деятельности, ориентировала крестьянские хозяйства на замкнутость, создавала основу для консервации патриархального уклада, препятствуя развитию объективно сложившейся многоукладности.

В этом ряду стоят и некоторые мероприятия властей, которые были направлены непосредственно на регулирование обобщественного сектора, на оптимизацию сети торговых заведений, но обострили товарный дефицит в отдельных округах. Результатами этих действий могли воспользоваться частные торговцы, заполнявшие все свободные ниши.

Оптимизация товаропроводящей сети. В рамках кампании по рационализации, нормализации и экономии в Уральской области в 1926/27 гг. был закрыт ряд представительств синдикатов и трестов. «Совершенно определенно можно говорить о том, что Пермский рынок пострадал от ликвидации отделений Всероссийского текстильного синдиката и Резинотреста, Свердловский от ликвидации Текстильторга, Тюменский от ликвидации ВТС, Челябинский от ликвидации Москвошвея и т. д. Если не произошло ничего вредного от ликвидации Ленинграджиртреста, то закрытое отделение Госметра было восстановлено в начале 1927/28 гг. Закрытие ряда представительств дало экономию в расходах, но зато каких-то услуг не стало»⁵⁶⁴.

В случае кризиса сбыта и перегрузки местной торговой сети представительств трестов и синдикатов могли взять на себя страховую или компенсаторную функцию.

В 1926/27 гг. проводились также мероприятия по форсированному укрупнению кооперативов, слияние однолапочных в многолапочные. В некоторых случаях, как и следовало ожидать, в ходе кампании укрупнение осуществлялось без достаточных организационных и коммерческих оснований. К концу года произошел некоторый откат как реакция на необоснованное укрупнение⁵⁶⁵. Таким образом, в условиях планового хозяйства управление осуществлялось вполне традиционным способом – методом проб и ошибок, который не добавлял стабильности в ситуации на рынке.

Эти примеры свидетельствуют о несбалансированной политике государства не только в отношении частного предпринимательства, но и применительно к обобщественному сектору. Стремление увеличить, прежде всего количественно, роль государственной торговли и кооперации приводило к кризисным последствиям, так как осуществлялось административными методами без учета экономической целесообразности. Такая политика объективно приводила к усилению роли частной торговли, как в легальных, так и нелегальных

⁵⁶² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 91.

⁵⁶³ Бруцкус Б. Д. Советское и крестьянское хозяйство. С. 49–50.

⁵⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 91.

⁵⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 100.

формах. Дефицит как магнит притягивал частника, а потребитель, не обнаружив необходимого товара в госторговле или кооперации, вынужден был прибегать к услугам рынка – вольного, колхозного, черного или нелегального. Усиление роли частника рассматривалось властями как угроза существующему строю, как препятствие на пути построения социализма. Таким образом, недостатки политики государства в сфере торговли и распределения автоматически приводили к активизации частного сектора, а затем к усилению борьбы с ним.

Румология. Базар, рынок, ярмарка по традиции являлись не только местом торговли, но и источником информации. Традиционно именно здесь распространялись политические и иные новости⁵⁶⁶. Крестьяне, приехавшие на рынок, помимо товаров, увозили с него слухи и сплетни, информацию, которая была в дефиците. Проблема информирования населения совершенно определенно осознавалась сотрудниками ОГПУ. «Кондинский район. <...> В отдаленных от районов деревнях носятся всевозможные нелепые слухи, например, что Троцкий будто бы украл много золота и скрылся с ним за границу. Это все говорит о том, что в Кондинском районе отсутствует всякая связь с городом и газеты, если имеются, так только в сельсовете и с. Нахрачи [административный центр Кондинского района – А. К.]»⁵⁶⁷.

В этой связи в сводках ОГПУ подчеркивается негативное идеологическое воздействие, которое оказывали частные торговцы на своих клиентов. Приводится множество примеров провокационных и контрреволюционных разговоров, которые вели торговцы. «Среди торговцев Тобольского рынка замечено распускание такого рода слухов: “Что скоро что-то будет. ВЦИК уже поругался, Троцкий против Ленина, Преображенский тоже против кого-то, все это из-за торговли, говорят, что опять война. Ленин воюет с Троцким, будто бы будет голосование: кто пойдет воевать за Троцкого, а кто за Ленина” и т. д. Такого рода слухи замечены в спекулянтской толпе, где говорилось: “Вот если бы нам дали возможность, то мы купили бы Тобольскую кооперацию целиком, тогда пусть бы она конкурирует с нами. При этом нам разрешили бы иметь дело с заграницей”. Личности, говорившие это, устанавливаются. Провокационная зараза с Тобольской толкучки, замечено, разносится крестьянством по деревням, где разрастается сильнее и глупее. В деревне, мы знаем, такого рода слухи всегда имеют место. При этом явлении кулачье и контрреволюция отыгрывается на темноте сельского населения, предсказывая предстоящую войну, восстание, гибель соввласти и РКП (б) и т.д.»⁵⁶⁸

Угроза надвигающейся войны, постоянно существовавшая в сознании населения, отрицалась в том случае, если источником распространения панических слухов являлись оппоненты советской власти. При этом потенциальная или реальная военная угроза

⁵⁶⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1988. С. 14.

⁵⁶⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 123.

⁵⁶⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 2 об.

использовалась в официальной идеологии как обоснование мобилизационной модели экономики, милитаризации промышленности, автаркии и неизбежных ограничений уровня жизни и политических свобод. Одна и та же идея дискредитировалась или пропагандировалась одновременно, в зависимости от источника происхождения и каналов распространения.

Зачастую слухи, распространявшиеся торговцами, относились к сфере их деятельности и могли рассматриваться нами как элемент маркетинга. «В связи с понижением цен во всех госторговых предприятиях и кооперации, настроение частного торговца отчаянное и плохое, т. к. видит свой крах, почему, негодуя на Соввласть, распускает всевозможные слухи, говоря, что “вот только они (госторговля и кооперация) распродадут свой товар, тогда на нашей стороне будет праздник, а из-за границы им товаров не дадут, и наш товар пригодится и мы свое возьмем”»⁵⁶⁹.

Порой слухи носили панический характер, и их последствия для торговли не были очевидными. Это мог быть маркетинговый ход по типу «окончательная распродажа ввиду закрытия магазина» или способ вызвать недовольство советской властью и спровоцировать социальную напряженность.

«Настроение у торговцев падает, у них мало покупателей, распространяют слухи, что в Ново-Николаеве частная торговля победила кооперацию»⁵⁷⁰.

Сводка Тюменского окружного отдела ОГПУ содержала следующие сведения: «Среди частных спекулянтов лихорадочно разносятся слухи, что якобы их всех из Тюмени будут выселять, будет лишь кооперативная и государственная торговля, так как в Москве уже частных спекулянтов нет. Такие слухи распространяют ссыльные из Москвы и Ленинграда спекулянты»⁵⁷¹.

«Настроение рыночных торговцев плохое, все торговцы говорят, что в Москве прикрывают всю частную торговлю, а потому и у нас также должны прикрыть. Некоторые говорят, что есть распоряжение Центра, что частным торговцам будет разрешено торговать только первые три дня недели, а последние три дня разрешено не будет. Кроме того, крупные спекулянты возмущаются и распускают слухи, что их будут выселять из города так же, как выселяли из Москвы и Ленинграда. Одним словом, стараются распускать разные, ни на чем не основанные слухи. Спекулянты свой товар продают выше кооперативных цен и жалуются на непосильные налоги и некоторые намерены прикрыть свою торговлю»⁵⁷².

Последствия ликвидации частника. Генеральная линия на вытеснение частника из оборота прослеживалась в деталях, отдельных фактах и бытовых эпизодах, которые нашли свое

⁵⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 39.

⁵⁷⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 119.

⁵⁷¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 72.

⁵⁷² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 87.

отражение в периодике и архивных материалах. Мелочный контроль шел во вред торговле – это понимали и сами руководители. В подтверждение приведем высказывания членов Уральского облизполкома на совещании, посвященном вопросам частной торговли. Примечательно, что это не расцвет, а закат нэпа – 1930 г.

Товарищ Сивков: «В Курганском округе случаи <...> продажи и покупки рыбы сопровождаются очень часто принудительным отбиранием этих продуктов. Это явление приобретает нездоровый характер»⁵⁷³.

Приведем еще несколько бытовых зарисовок, которые иллюстрируют уровень развития рынка на Урале. «Когда административные органы замечали крестьянина, приезжающего на рынок регулярно, они начинали в это дело вмешиваться. Например, привозят воз картошки – милиционер для порядка установления очереди вмешивается в это дело, а крестьянин смотрит на это дело так, что сегодня милиционер регулирует очередь, а завтра у меня отнимет все. Тогда крестьянин идет по пути меньшего сопротивления, он продает свою продукцию прасолу [торговый посредник, перекупщик – А. К.], забирает деньги и уезжает, а прасол по двойным ценам продает продукты первой необходимости»⁵⁷⁴.

Товарищ Хорош: «По приезде на рынок крестьянин рассматривается как частный торговец, поэтому наш аппарат облагает его налогом, а если данный торговец несколько раз приезжает, то мы заставляем его брать патент»⁵⁷⁵.

Ему оппонирует товарищ Пальгов: «Когда происходят заготовки, скажем Облторга, то крестьянин старается продать, чтобы получить деньги, а если он приедет на рынок, и несколько раз, то ему предлагают “возьми патент”. А когда он берет патент, то его считают спекулянтом, поэтому такая политика выколачивания денег посредством патентов не достигает цели. Крестьянин лучше не повезет на рынок, но не будет брать патент»⁵⁷⁶.

Был возможен и иной вариант, когда крестьянин продавал свой товар перекупщику, чтобы не платить рыночные сборы. В сводке Тобольского окружного отдела ОГПУ описывается следующая ситуация: «Деятельность рынка в данное время очень слаба. Крестьянину нужно сбыть свой товар – муку, овес и т. п., но потребитель не имеет средств. Кооперация для скупки хлеба на рынке также не имеет средств, поэтому крестьянин вынужден сбывать свои продукты частным торговцам по дешевой цене. Сбывать продукты спекулянту крестьян наталкивает еще следующее обстоятельство: выезжая на рынок, агент финотдела с крестьян просит деньги за местовое, деньги же у них не у всех и не всегда есть до момента продажи. Платить за местовое

⁵⁷³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2839. Л. 2.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2839. Л. 4.

⁵⁷⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2839. Л. 7.

ему нечем. Агент Финотдела тащит крестьянина в милицию и вот во избежание таких явлений, крестьянин вынужден сбывать свои продукты спекулянтам»⁵⁷⁷.

На совещании в Свердловском облисполкоме поднималась проблема контроля над кустарным производством: «Товарищ Попов: По линии кустарей, тов. Хорош, нужно дать специальное поручение посмотреть в чем тут дело. Кустарей и ремесленников не в наших интересах зажимать. Сейчас не найдешь кто бы починил сапоги. Рабочие начинают об этом разговаривать»⁵⁷⁸. Последняя ремарка весьма примечательна, так как намек на возможную социальную напряженность среди социальной опоры нового строя – рабочих в государстве диктатуры пролетариата смещал акценты с экономической в политическую плоскость.

Далее тов. Попов продолжал: «Необходимо также сейчас усилить организацию кооперативных сапожных и пошивочных мастерских. У нас есть кооперативная сапожная мастерская, это около Дома крестьянина, где очередь стоит по 50–60 человек. Затем в отношении административных органов. Я думаю, Вам нужно поменьше регулировать. В Златоусте была такая история. Стали привозить муку, и милиционер стал регулировать по 5 и по 3 фунта выдавать и, в конечном счете, базар совершенно прекращен. Надо отказаться милиционерам регулировать, люди сами будут регулировать, а самое главное, нам надо усилить работу насчет кооперации»⁵⁷⁹. Эти замечания подтверждают тезис о том, что в конце 1920-х гг. стремительно сокращалась сфера услуг, во многом питаемая частным предпринимательством. Совещание происходило в 1930 г., когда даже столь незначительные проявления частной инициативы достаточно жестко регламентировались.

Высказывания руководителей областного уровня основаны на здравом смысле. Региональные власти понимали, что при отсутствии адекватной замены частной инициативе есть риск возникновения социальной напряженности среди населения. Именно этими меркантильными и эгоистическими мотивами можно объяснить и позицию сотрудников налоговых органов, которые шли навстречу частнику, что позволяло предпринимателям оптимизировать применяемую к ним систему налогообложения.

Отметим, что мелочный контроль за распределением товаров был вызван не только инициативой административного аппарата на местах, т. е. субъективными причинами, но и объективными обстоятельствами – дефицитом продуктов питания и введением карточной системы. Становилось все меньше и меньше объектов для торгово-посреднической деятельности. Товарный дефицит нарастал с реализацией планов индустриализации.

⁵⁷⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 246.

⁵⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2839. Л. 6.

⁵⁷⁹ Там же.

Б. Д. Бруцкус указывает на непосредственную связь активного капиталовложения в строительство новых заводов с инфляцией, отмечая, что дисбаланс в отраслевой структуре производства (доминирование тяжелой промышленности) приводил к товарному дефициту, что, в свою очередь, вело к ликвидации частной торговли и возвращению распределения в духе военного коммунизма⁵⁸⁰.

Значительное количество промышленных предприятий, возводимых на Урале в рамках первых пятилетних планов, приводило к приоритетному финансированию экономики региона. При этом потребительские товары в значительной мере были привозными, так как предприятия легкой промышленности на Урале финансировались по остаточному принципу. Это означало, что «уральский» рубль по своей покупательной способности был легче «московского» как вследствие малого предложения, так и из-за проблем с логистикой.

Б. Д. Бруцкус отмечает, что проблемы со снабжением в городах не шли ни в какое сравнение с товарным голодом в сельской местности: «“Анархистский элемент” рынка был побежден этим ударом планового хозяйства. Но законы рынка могли быть побеждены лишь одним способом – путем его разорения. И это произошло: вместо повышения цен образовался острый товарный голод, при котором деньги теряют свое значение, потому что имея деньги, невозможно приобрести товары... Это положение чрезвычайно обострилось из-за уничтожения частной торговли... Торговая сеть не могла быть восстановлена в довоенном объеме, когда власти уже снова пришли к ее разорению. Правда, сеть кооперативных лавок расширилась, но частные закрывались быстрее... Во многих областях были закрыты $\frac{3}{4}$ частных лавок. Поэтому возникли так называемые “торговые пустыни”, в которых сельское население вообще не могло снабжать себя промышленными товарами». По мнению Б. Д. Бруцкуса возникали сомнения в существовании торговли в обычном смысле этого слова, поскольку торговля была заменена плановым распределением. «Это централизованное распределение товаров, пишет экономист, – нисколько не соответствовало разнообразным потребностям большой страны с ее пестрым населением. И это означало обесценение массы товаров, так как цена определяется не историей возникновения и не количеством труда, затраченного на его изготовление, как верят марксисты, а значением для удовлетворения потребностей населения в настоящий момент»⁵⁸¹. Подчеркнем отмеченные Б. Д. Бруцкусом масштабы страны и разнообразие населения, предопределявшие сложившиеся хозяйственные практики – уклады.

Карточная система. На смену торговле пришло распределение. Показателем этого процесса явился переход на нормированное распределение товаров широкого потребления, введение заборных книжек и карточек. В сферу распределения входили работники кооперации

⁵⁸⁰ Бруцкус Б. Д. Советское и крестьянское хозяйство. С. 49.

⁵⁸¹ Там же, С. 49–50.

городов, промышленных центров и новостроек. В некоторых районах на карточную систему стали переходить уже в 1928 г., но повсеместно она была введена в первые месяцы 1929 г. Бюро Уралобкома ВКП (б) 1 марта 1929 г. рассмотрело и утвердило предложения Уралоблисполкома о нормах выдачи хлеба различным категориям трудящихся. Позднее были установлены нормы снабжения населения другими продуктами и товарами⁵⁸². В основу карточной системы был положен классово-производственный принцип. Заборные книжки выдавались только лицам, источником существования которых были трудовые, с точки зрения властей, доходы⁵⁸³. Частные торговцы, лишённые избирательных прав, к этой категории не относились и выпадали из системы нормированного личного распределения.

Введение карточной системы еще более смещало ориентиры государственной политики от рынка к идеям прямого продуктообмена, который виделся как идеальный вариант, гарантирующий соблюдение принципа уравнительного распределения и социальной справедливости. Некоторые экономисты считали, что от системы заборных книжек должен быть совершен переход не к свободе выбора товара на основе товарно-денежных отношений, а к свободе выбора продуктов на основе системы продуктообмена. Именно эти идеи подталкивали местные власти и торговые организации к нормированному отпуску даже недефицитных товаров, в результате чего происходило замораживание товарооборота и ухудшение обслуживания населения. Ответной реакцией на этот процесс можно объяснить критические высказывания в адрес регулирующих органов на совещании в облисполкоме.

Нормированное распределение и рост плановых заготовок сельскохозяйственной продукции существенно сужали сферу деятельности частного торговца. Параллельно с этими процессами шел процесс администрирования и регулирования в отношении частного сектора хозяйства, который носил все более ярко выраженный репрессивный характер.

В директивах, данных на места в декабре 1927 – феврале 1928 гг., ЦК ВКП (б) определил конкретную программу действий для местных партийных, советских, кооперативных и общественных организаций, в том числе предложил пересмотреть налоговое обложение хлебом торговцев, нарушающих установленные заготовительные цены, применять к злостным спекулянтам ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР⁵⁸⁴. Естественно, что постановление центрального партийного органа было дублировано на местном уровне. Задача усиления нажима на частного предпринимателя, решение проблем, с ним связанных, были переданы от хозяйственных к правоохранительным органам. Логическим завершением этого процесса явилось принятие в августе 1932 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе со

⁵⁸² Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления. С. 155.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Там же, С. 152–153.

спекуляцией», которое предусматривало в качестве минимального наказания лишение свободы сроком на 5 лет и конфискацию имущества⁵⁸⁵.

Черный рынок – неформальный уклад. Мероприятия властей вынуждали частного торговца уходить в тень, в подполье, переходить на нелегальную форму деятельности. По мнению В. М. Куликова, в массовом порядке этот переход стал осуществляться с 1928 г.⁵⁸⁶ Уже отмечалось, что частная торговля существовала на протяжении всего периода рождения, становления и развития Советского государства, лишь меняя свои формы в зависимости от предлагаемых обстоятельств. Потребность в свободном рынке существовала и в конце 1920-х гг., но реализоваться она могла лишь нелегальным образом.

При рассмотрении проблем репрессивной политики государства по отношению к нелегальным формам торговли предпочтение очень часто должно отдаваться неопубликованным, архивным материалам. В связи с тем, что к аналитическим материалам государственных органов доступ был ограничен, содержащаяся в них информация более насыщена фактами, а пропагандистская составляющая выражена слабее.

Обратимся к материалам Уральского областного финансового отдела (УралОблФО), посвященным «борьбе с нелегальной деятельностью частного капитала в торговле». В документах отмечается, что в условиях полного отсутствия легальных предприятий нелегальная деятельность частника активизируется. Обследования, проведенные в крупных городах Урала (Свердловск и Пермь), дают картину массового перехода частных торговцев на незаконные формы деятельности.

В Свердловске в 1928/29 г. было зарегистрировано 938 предприятий и выявлено 325 нелегальных; в 1932 г. на 46 зарегистрированных предприятий приходилось 2041 незаконных (причем, последний показатель содержит данные лишь за I квартал. См.: табл. 7 Приложения)⁵⁸⁷.

Дефицит информации о последних легальных предприятиях на Урале отчасти могут компенсировать конъюнктурные сводки Уральской конторы Кредит-бюро. Эти данные включались в общую сводку по СССР и доступны исследователям. Специфика этих документов заключается в том, что по традиции легальные предприятия рассматривались в экономическом контексте, а нелегальные – в административно-репрессивном и сведения о них содержатся в судебно-следственных делах. Легальных объектов изучения к началу 1930-х гг. в пределах Уральской области осталось немного, буквально единицы, но они все еще действовали.

⁵⁸⁵ О борьбе со спекуляцией. Постановление ЦИК СССР № 46, СНК СССР № 1285 от 22.08.1932 // СЗ СССР. 1932. № 65. Ст. 375

⁵⁸⁶ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления. С. 159.

⁵⁸⁷ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

«г. Свердловск. <...> За последнее время [июнь–июль 1930 г. – *А. К.*] наблюдается небольшое расширение легальной деятельности частного рынка. Имеется около сорока торговых единиц, которые в процентном отношении облагаются уравнительным сбором. Кроме того имеются ручные торговцы [торгующие с рук – *А. К.*], выбирающие патенты в твердых ставках и нелегальные мешочники, которые под видом крестьян продают сельскохозяйственные продукты⁵⁸⁸.

Дефекты снабжения или сбои в организованной торговле вызывали к жизни формы торговли, больше характерные для военного коммунизма. В 1930-е гг. на страницах конъюнктурных обзоров вновь появился мешочник: «Наблюдающееся в течение отчетного месяца [июнь 1930 г. – *А. К.*] повышение цен объясняется тем, из близнаходящихся к Свердловску заводов наезжали мешочники и потребители за покупкой муки. Мешочники на Свердловский базар привозят муку и другие сельскохозяйственные продукты по железной дороге из Кунгурского и Красноуфимского районов, где цены на муку значительно дешевле⁵⁸⁹.

Основными источниками товаров служили «хищения и злоупотребления на базах, складах и магазинах государственных и кооперативных торговых организаций, большинство которых поражены хищениями, вследствие засоренности аппарата чуждыми элементами, недостаточностью поставленного учета»⁵⁹⁰. По традиции, причины виделись в людях, не желавших воспринимать новые отношения, а борьба с нарушениями проводилась посредством создания аппарата контроля. В него входили как органы фиска, так и специально созданные в городе Свердловске инспекторские участки. Активно привлекались правоохранительные органы и налоговый актив, последний стимулировался материально через «выдачу премий и открывательского вознаграждения»⁵⁹¹.

Относительно ассортимента и источников поступления товаров к частнику в конъюнктурном обзоре Кредит-бюро по г. Свердловску за июнь 1930 г. приводятся следующие сведения: «Наблюдая объекты спекуляции видно, что возят все, а главным образом те товары, которые исчезли из свободной продажи в государственных и кооперативных организациях. Туалетное мыло не так давно было в продаже сколько угодно. Стоило только этот товар выдавать по карточкам, как он явился предметом подпольной торговли. Товар всячески прячется, подбирается такой вид упаковки, чтобы меньше всего вызвало сомнения [подозрения – *А. К.*]. Мука в большинстве привозится в постели, в кожаных чемоданах в ремнях. Кроме того, под видом домашних вещей масса нелегальщины провозится багажом.

⁵⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 127. Л. 7.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

⁵⁹¹ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 13.

Нелегальщина в крестьянском обороте занимает примерно 30–40 %, в особенности нелегальщина имеет преимущество по мясу, где под видом крестьян зачастую торгуют спекулянты, ухитряясь добыть чужой окладной лист [документ удостоверяющий уплату сельскохозяйственного налога – *А. К.*], или поставить к возу вместо себя крестьянина. Кроме того нелегальщина занимает значительное место по торговле маслом и яйцами; торгуют с земли на рынке под видом крестьян, а на самом деле здесь ютятся почти все городские жители, занимающиеся исключительно такого рода торговлей»⁵⁹².

«Промтовары приобретаются у закрывшихся торговцев из их остатков (галантерея, москатель). Зелень, овощи – у китайцев огородников, яйца, масло – у пассажиров, приезжающих на станцию, а также производят свою скупку в районах – хлеб – из частных хлебопекарен, мясо – у крестьян. Покупка исключительно за наличный расчет, а если кредит и допускается, то только до конца торгового дня, причем сам арендатор обычно дежурит у лавки и забирает деньги»⁵⁹³.

«Если в прошлые годы частный рынок обслуживал преимущественно крестьянского потребителя, то в настоящее время к нему прибегают рабочие и служащие (мясо, масло, яйца) и нетарифицированное население города, не имеющие продовольственных карточек (главным образом по мясу, хлебу и другим продовольственным продуктам)»⁵⁹⁴.

Начальной мерой пресечения деятельности нелегальных частных торговых предприятий были штрафы. Огромный объем работы вынуждал упрощать процедуру до минимума, принимать решения на месте, руководствуясь при этом классовым чутьем.

«Практика налоговой работы, – отмечалось в материалах ОблФО, – показала, что установленный сложный порядок исчисления предположительных оборотов, доходов и т. д., в борьбе с нелегальным частником неприменим. Фактически налоговые органы при выявлении нелегальных частников определяют размеры аванса и штрафа в соответствии с количеством обнаруженного товара, социальным положением лица, злостностью нарушения <...> Обычно во всех без исключения случаях выявленные нелегальные частники не выбирают регистрационное удостоверение на торговлю и дальнейшее производство с ними окончательных расчетов как с закрывшимися, является простой, ненужной формальностью»⁵⁹⁵.

В результате такого рода процедур возникала благоприятная почва для злоупотреблений. Отсутствие правил порядка оформления конфискованных товаров могло приводить к тому, что в лучшем случае продукты передавались в столовые, в худшем – конфискат использовался для собственных нужд. При этом финансовые органы не ставились в известность об изъятиях.

⁵⁹² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 127. Л. 65.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 13.

Традиции экспроприации вновь давали о себе знать. При рассмотрении дел нелегальных торговцев строго выдерживался классовый принцип.

Отметим, что бывшие торговцы попадали в поле зрения инспекции реже, чем граждане из категории «рабочие и служащие». Это свидетельствует, с одной стороны, о широком распространении торговой деятельности как вспомогательной в самых широких слоях населения, а с другой, о способности профессиональных торговцев избежать контроля. В то же время отчетливой была тенденция на сокращение числа профессиональных торговцев, так как этот вид деятельности становился довольно рискованным.

Ситуация нашла отражение в материалах ОблФО: «Продажа на рынке нескольких килограммов продуктов и прочего приводит к раскрытию целых тайных складов подобных товаров – нескольких тонн муки, мыла и прочего. Поскольку наряду с этим на рынке наблюдаются многочисленные случаи мелкой продажи вещей зачастую трудящимися, разного рода инвалидами и прочее – разграничение этих двух видов представляет основную трудность работы, влечет к искривлениям налоговой политики, с одной стороны, и значительной неполноты выявления действительных спекулянтов, с другой»⁵⁹⁶.

Меры борьбы со спекуляцией предлагались исключительно административные, при помощи фискального и репрессивного государственного аппарата.

Торговцы, занимавшиеся легальным видом деятельности, лишались избирательных прав по профессиональному признаку и во внесудебном порядке. Рамки ограничений гражданских прав могли сужаться до размеров тюремной камеры, так как политические преступления, в совершении которых уже на XV съезде ВКП (б) обвинялись частные предприниматели, влекли за собой уголовное наказание в виде лишения свободы. Однако, в условиях режима строгой экономии, тюремное заключение было роскошью. Как правило, приговор предусматривал принудительные работы в различных формах.

Идеологические установки и хозяйственная практика. Непоследовательность государственной политики в отношении торговли при рассмотрении этапов и методов государственного регулирования становится очевидной. По мнению А. Гершенкрона, это было связано с тем, что «официальная идеология в России представляет собой некое странное сочетание различных принципов, которые служат лишь для оправдания проводимой политики, практически не имеющей никакого отношения к исходной марксистской идеологии»⁵⁹⁷.

Д. Хесслер обосновывает специфический и внутренне противоречивый подход к торговле противоречиями в «политике» и «политической культуре» руководства страны⁵⁹⁸. Если под

⁵⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 13.

⁵⁹⁷ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 275–276.

⁵⁹⁸ Hessler J. A Social History of Soviet Trade. P. 336.

политикой она понимает действия, направленные на реализацию поставленных задач, то под «политической культурой» – психологию управленцев, предопределяющую реакцию на конкретную ситуацию. По мнению автора, именно этим можно объяснить борьбу с бюрократизмом и, одновременно, рост властного влияния (качественного и количественного) бюрократического аппарата. Реагируя на кризисные ситуации в экономике, политика и политическая культура действовали в противоположных направлениях и лишь усугубляли имеющиеся проблемы. Если идея революционного напряжения, культивируемая в первые послереволюционные годы, нашла свое продолжение в политике репрессий 1930-х гг., то в сфере торговли и распределения такой преимственности не наблюдается, а политика и политическая культура явно друг другу противоречили.

В отечественной историографии используют другое противопоставление – идеологические установки, выработанные партийным большинством, и реальная экономика, которая требует немедленной реакции, исходя из закономерностей рыночной, либо плановой экономики. Противопоставляются идеология и экономика, а политика лишь отражает эти противоречия. Можно говорить о том, что на позднем этапе революции изменились приоритеты в сравнении с ее началом. Если первоначально приоритеты располагались в последовательности «идеология, политика, экономика», то в годы нэпа на первое место выдвинулась экономика, а идеология была вынуждена легализовать и оправдывать изменение курса в интересах сохранения власти, т. е. обосновывать реализацию политических целей.

3.5. Замкнутый круг частного сектора хозяйства

Позиционная война частного капитала и обобществленного сектора осуществлялась на протяжении всего периода нэпа, а не только на его завершающей стадии. Однако особого накала она достигла во второй половине 1920-х гг. Это выразилось в более интенсивных действиях властей, направленных на вытеснение частника из легального товарооборота, ликвидацию частных предприятий, использование административных мер, в том числе фискальных, в объеме, вступавшем в противоречие с экономической целесообразностью.

Чем больше отдалялся во времени период свершения социалистической революции, тем более закономерным был вопрос – что она дала гражданам? И чем менее утешительным был ответ, тем важнее становился поиск виновников. В этой ситуации традиционный антагонист диктатуры пролетариата – мелкобуржуазная рыночная стихия – становилась объектом как идеологической, так и экономической критики.

Борьба с многоукладностью, огосударствление экономики и унификация моделей хозяйственного поведения с неизбежностью приводили к усилению нажима на частный

сектор⁵⁹⁹. В этой связи закономерным выглядит стремление частника к большей изоляции от государственного сектора, к формированию автаркичной системы, которая минимизировала бы внешнее вмешательство, обеспечила бы его относительно стабильное существование в ближайшей перспективе.

Нелегальные и полуполюгальные формы предпринимательства, воспринимавшиеся через призму классовой борьбы, привлекали внимание современников⁶⁰⁰. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение замкнутого круга частного сектора хозяйства как наиболее яркий пример реализации и функционирования частнокапиталистического уклада в экономике нэпа⁶⁰¹. По нашему мнению, замкнутый круг частного сектора хозяйства явился результатом политики государства и ответной реакцией частного сектора на ограничение сферы его влияния в экономике.

В то же самое время, самим фактом своего существования он давал повод оппонентам говорить о борьбе частного и государственного секторов экономики, государственного и частнопредпринимательского укладов. Представленный в более совершенном, законченном и чистом виде, как частнопредпринимательский уклад, круг демонстрировал более высокую экономическую эффективность. Сформированный в рамках нэповской многоукладной экономики, он рассматривался как открытая угроза, как пример возрождения капитализма, не только экономическая, но и идеологическая диверсия против нового строя.

В таком контексте мы рассматриваем процесс ликвидации частнокапиталистического уклада в экономике СССР на заключительном этапе новой экономической политики, когда в соответствии с методикой проведения пропагандистских кампаний был использован наглядный образ. Использование этого символа имеет свою историю, он укоренен в традиции и адаптивен к восприятию массовым сознанием⁶⁰². Что представлял из себя этот феномен и насколько исходящая от него угроза социализму была реальной?

Исследуя частное предпринимательство на материалах Украины, Л. И. Бородкин и М. А. Свищев при помощи математических моделей распространили сделанные ими выводы на всю территорию СССР. Авторы утверждают, что при экстраполяции динамики развития частного предпринимательства на перспективу становится очевидным, что реальной угрозы

⁵⁹⁹ Килин А. П. Борьба с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» в год «великого перелома» // 1929 : «Великий перелом» и его последствия : Материалы XII международной научной конференции из серии «История сталинизма». Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М., 2020. С. 45–55.

⁶⁰⁰ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927. 312 с.; Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. 254 с.

⁶⁰¹ Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. Саратов, 1930. 240 с.; Килин А. П. Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «Астраханского дела» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 77–91.

⁶⁰² Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 56–63.

капиталистического перерождения советского строя не существовало⁶⁰³, соответственно, угроза была явно преувеличена.

Внимание современников к частнохозяйственной практике не случайно актуализировалось в 1927 г. По мнению Л. Н. Суворовой: «Тенденция к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйства на уровне кустарной промышленности и местных рынков, по возможности не регулируемого государством, которая проявлялась всякий раз, когда государство вытесняло частного из общегосударственного оборота, вновь проявилась в 1926 г. На уровне “малого круга оборота” [оборот города и прилегающих территорий, торговцев и кустарей-ремесленников – А. К.] к середине 1920-х гг. оседало от 45 до 70 % кожевенного сырья, которое возвращалось к деревенскому покупателю уже готовой продукцией»⁶⁰⁴.

Полагаем, что оценка замкнутого круга в системе координат «капитализм – социализм» может быть поставлена под сомнение. Помимо того, что рыночная экономика и капитализм не являются тождественными понятиями (Ф. Бродель), это был шаг назад по сравнению с той системой, которая на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как капиталистическая. А в качестве инновации это явление можно рассматривать исключительно в период свертывания нэпа. По сути, это был пример архаизации рыночных механизмов, пример ретроинновации, корни которой уходят в прошлые века. Ф. Бродель приводит пример «противорынка» XVIII в., который противопоставляется более развитым рыночным институтам в виде биржевой торговли: «Наконец развивается то, что английские историки называют выражением *private market* в противоположность *public market*. Последний находится под бдительным контролем городских властей, в то время как первый ускользает от всякого контроля. Этот *private market*, который задолго до наступления XVIII в. стал устанавливаться по всей Англии систему прямых закупок товаров у производителей, нередко с предварительной оплатой, закупок у крестьян, находившихся вне сферы рынка, шерсти, зерна, полотна и т. п., – означал организацию, в противовес традиционной регламентации рынка, самостоятельных коммерческих цепочек, весьма длинных и свободных в своих действиях, и которые, впрочем, без всякого стеснения пользовались этой свободой»⁶⁰⁵. Соответственно в товарных биржах было намного больше капиталистического, чем в замкнутом круге, но первые были под контролем государства, а второй – нет, соответственно в нем видели большую угрозу.

В материалах 1920–1930-х гг. замкнутый круг рассматривался исключительно как зрелая стадия развития частного капитала. Ю. Ларин, подводя итоги существованию частного капитала в СССР за период 1921–1927 гг., следующим образом описывал направления его

⁶⁰³ Бородкин Л. И., Свищёв М. А. Социальная мобильность в период нэпа: к вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.

⁶⁰⁴ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. С. 250–251.

⁶⁰⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. С. 32–33.

эволюции: «1) от обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного; 2) при отступлении частного хозяйства в целом перед хозяйством государственным (и кооперативным) – внутри частного хозяйства относительный рост значения и доли хозяйства капиталистического; 3) тенденция капиталистов к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйственного круга, по возможности нерегулируемого государством; 4) отсутствие прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и вытекающее отсюда несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в СССР»⁶⁰⁶.

Вопреки последнему утверждению, автор как раз и описывает технологию относительно самостоятельного и независимого функционирования хозяйствующих субъектов: «Здесь своего рода попытка создать экономическое “государство в государстве”, создать такую цепь связей, при которой некоторые хозяйственные процессы, от истоков возникновения до конечного потребления, целиком были бы организованы капиталистически... Одни частники производят какие-то товары, другие частники у них эти товары покупают и продают потребителю, третьи частники их же кредитуют. Распространена, например, такая цепь: сначала заготовка сырья капиталистами; потом переработка его на капиталистических фабриках или кустарями, которых капиталист снабжает сырьем; затем идет организация капиталистами торговли соответствующими изделиями. И во главе всего этого – капиталистический кредит, который финансирует и играет решающую роль»⁶⁰⁷. Работу схемы Ю. Ларин демонстрирует на примере мучного дела, прослеживая цепочку от заготовки зерна до частных хлебопекарен. Схема замкнутого круга частного сектора хозяйства представлена на Рис. 9.

Знакомство с этой картиной способно вызвать у современного читателя ощущение гармонии, так как являет собой пример связей, основанных на принципах рыночного хозяйства и учитывающих интерес всех ее участников: производителей, посредников и потребителей. В этой системе в роли производителей выступают сельскохозяйственные производители, владельцы мукомольных предприятий, пекарен и денежных ресурсов, в роли посредников – частные торговцы и транспортники, а в роли конечных потребителей – граждане, приобретающие хлеб на рынке.

Используя метод аналогии, напомним о существовании анекдота, в котором Г. Киссинджер объяснял принцип «челночной дипломатии». В этой истории основная роль отводится именно посреднику, напротив, в сценарии с «замкнутым кругом» Ю. Ларин настаивает на доминировании капиталистического кредита. По нашему мнению, основную роль в организации и запуске механизма замкнутого круга играл частный торговец.

⁶⁰⁶ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 286.

⁶⁰⁷ Там же, С. 292

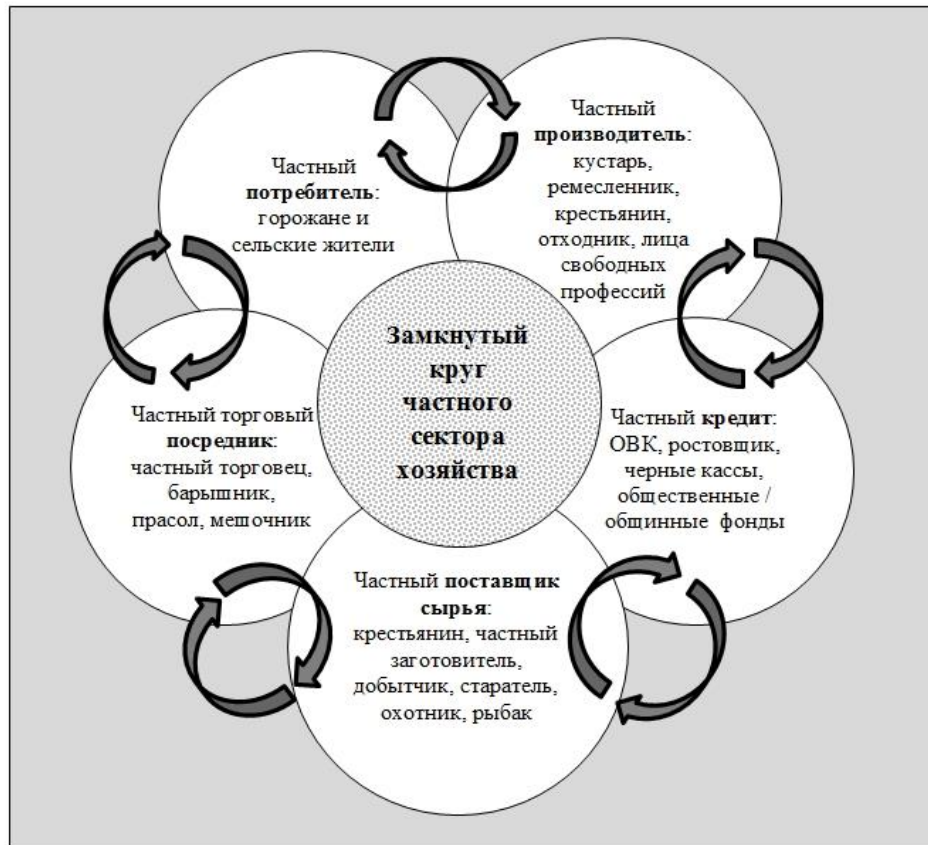

Рис. 9. Схема замкнутого круга частного сектора хозяйства.

Полагаем, что организация эффективного взаимодействия между производителями и потребителями, не только в производственной цепочке, но и в пространственном аспекте, была самой трудной задачей в условиях переходной экономики. О торговле как основном звене частного круга говорит Е. А. Демчик: «В докладе Л. Б. Каменева на XIII съезде РКП (б) о внутренней торговле и кооперации, сопровождавшемся показом диаграммы, на которой в противовес стройной фигуре государственного торгового служащего был изображен, как сказал докладчик, “толстый тип” рядом со своим магазином, носившим символичное название “лавка Обиралова”, прямо указывалось, что оптовой и оптово-розничной торговле должна быть объявлена решительная борьба. Итак, первой мишенью для удара по частному капиталу был избран частный опт, во-первых, как наиболее, если можно так выразиться, капитализируемая по своей сущности и крупная по размерам ценностей, сосредоточенных в одних руках, форма частной торговли, во-вторых, как верхушечное звено частнокапиталистического круга хозяйства, держащее в подчинении и зависимости более мелких частных предпринимателей»⁶⁰⁸.

⁶⁰⁸ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири от возрождения к ликвидации. С. 76–77.

При этом необходимо учитывать специфику экономики нэпа и рассматривать каждого актора, вовлеченного в хозяйственную деятельность различных укладов, не в одной, а в нескольких ролях.

Экономические связи и логистика являлись слабым звеном централизованной хозяйственной системы, в том числе, когда речь шла о сотрудничестве государственных предприятий на принципах коммерческого расчета. Материалы судебно-следственных дел дают тому массу подтверждений⁶⁰⁹. На наш взгляд, Ю. Ларин преувеличивает значение капиталистического кредита, о чем свидетельствуют материалы Урало-Башкирской конторы Кредит-бюро и ОВК, действовавших на территории Уральской области.

Обратим внимание на оценку Ю. Лариным степени замкнутости частнопредпринимательского оборота: ««Замкнутый круг» стремится нигде не приходить в соприкосновение с государством, ни на одном звене хозяйственного существования данного предмета не пропускать его через государственный аппарат, – такова “идеальная” схематическая постановка. В жизни эта схема далеко не во всех случаях осуществляется полностью, но в известных пределах, иногда довольно крупных, может быть наблюдаема сплошь и рядом»⁶¹⁰. Реальность порой ярче и разнообразнее, чем фантазии или голая схема. Частник стремился к независимости от госсектора, но полной независимости не достиг, так как попадал в сферу деятельности фискальных, контрольных и правоохранительных органов, пользовался услугами государственных монополий (транспорт, связь, почта). При этом возможности контролирующих органов не стоит переоценивать, потому что они работали в динамичной среде и находились в стадии формирования. Именно поэтому никто из современников не брал на себя смелость указать точную сумму частного капитала в экономике как в силу нелегальной деятельности значительной части предпринимателей, так и из-за отсутствия отлаженной системы контроля и учета.

В чем виделась опасность для социалистического сектора со стороны частника? Угроз было несколько: чрезмерные наценки, которые могли отразиться на благосостоянии граждан (социальное направление); уход от налогов (фискальное); стремление дистанцироваться от прямого государственного регулирования (административное); сокращение сырьевой базы госсектора за счет создания конкуренции на рынке (сырьевое); оценка замкнутого круга как пятой колонны, на которую эмигранты и контрреволюционеры хотели опереться с целью реставрации капитализма в России (идеологическое).

Последнее положение было наиболее выигрышным, так как переводило вопрос о существовании частнокапиталистического уклада из экономической в идеологическую и

⁶⁰⁹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1, Д. 10. Л. 264–264 об.

⁶¹⁰ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 292.

политическую плоскости, приписывало частнику стремление свергнуть существующий строй и в полном объеме реставрировать прежние порядки, что квалифицировалось как государственная измена.

Ю. Ларин приводит цитату из работы Г. И. Ломова: «В декабре 1926 г. в Париже состоялось совещание бежавших из СССР за границу крупных фабрикантов и банкиров, в котором участвовали Рябушинский [умер в 1924 г. – *А. К.*] (“костлявая рука голода”), Третьяков, Асмолов, Глинка и др. Участвовали также виднейшие белогвардейские буржуазные экономисты, как Струве, Гефтинг и т. п. Совещание обсудило сначала доклад “о современном положении промышленности в СССР” (постановлено, что замечательный успех “достигнут вопреки советской власти” благодаря содействующей работе “жизненных сил могущественного хозяйственного организма России”), а затем доклад В. Гефтинга – о роли частного капитала в хозяйстве нашей страны. В докладе этом Гефтинг обещает, что частный капитал экономически победит советское хозяйство, и указывает для этого следующий путь: “По мере того как советская власть пытается освободиться от услуг частного капитала путем создания казенного торгового аппарата и прекращения отпуска товаров частнику – усиливается стремление последнего, путем объединения со своими естественными союзниками, образовать замкнутую хозяйственную систему, состоящую из крестьян, кустарей, мелких промышленников и частника... Частник опирается на собственную производственную базу в лице кустарей и мелких промышленников – значит укрепляются его позиции в борьбе с заготовительными органами за скупку крестьянского сырья. Частный капитал более прислоняется к своему естественному союзнику – активной верхушке крестьянства”»⁶¹¹.

Ю. Ларин косвенно признает не только наличие замкнутого круга, но и ограниченность средств борьбы с ним в данный момент: «Попытка капиталистов создать “замкнутый круг” на основе мелкого частного трудового хозяйства заранее обречена на неудачу. Она может иметь лишь преходящий, временный успех на тот отрезок времени, пока средства и внимание пролетарского государства отвлечены были к другим задачам, еще более первоочередным и еще более неотложным».

Далее он пишет: «Отбить у капиталистов рабочих покупателей, отбить у капиталистов основные заготовки продуктов мелких трудовых хозяйств в деревне, отбить у капиталистов весь сбыт госизделий – вот схематически основные задачи конкурентной экономической борьбы для периода ближайших лет»⁶¹².

⁶¹¹ Ломов Г. И. Народное хозяйство СССР в освещении совещания экономистов и промышленников старой России. // Экономическая жизнь. 1927. 16 апреля (цит. по: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 295).

⁶¹² Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 296, 298.

Угроза замкнутого круга вновь стала активно использоваться в связи с новым наступлением на частника, так как свертывание нэпа нуждалось в идеологическом обосновании. Идеологическим фоном являлась борьба с оппозицией, получившей в пространственно-пропагандистской системе координат наименование «правой» и персонифицированная в лице Н. И. Бухарина. По одному из мнений, с которым солидарны многие исследователи, «теоретическая схема Н. Бухарина повторяет традиционный марксистский подход в русле динамики антитезы “капитализм – социализм”, а ее конкретные результаты сопоставимы с целевой установкой Е. Преображенского»⁶¹³. Не вдаваясь в детали межфракционной борьбы, отметим, что дискуссии о приоритетах в развитии страны велись бурные. Тем и интересен этот период отечественной истории, что высказывались различные точки зрения, а политические противники аргументировали свою позицию с опорой на экономическую теорию⁶¹⁴.

Методы борьбы с замкнутым кругом наглядно продемонстрированы на примере судебных процессов, в первую очередь «астраханского дела», а вслед за ним – и череды процессов, охвативших всю территорию страны, в том числе территорию Уральской области.

3.6. Показательные судебные процессы и налоговые кампании

Судебные процессы. Показательные судебные процессы служили инструментом психологического давления как на противников советского режима, так и на рядовых граждан.

Описывая систему давления на частника с использованием судебных органов В. П. Дмитренко отмечает, что такая возможность была заложена в основу советского законодательства⁶¹⁵. Действительно, этот метод активно пропагандировал В. И. Ленин в самом начале нэпа: «В газетах шум по поводу злоупотреблений нэпо. Этих злоупотреблений бездна. А где шум по поводу образцовых процессов против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой? Этого шума нет, ибо этих процессов нет. НКЮст “забыл”, что это его дело, – что не суметь подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро за злоупотребления новой экономической

⁶¹³ Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. С. 256.

⁶¹⁴ См.: Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012; Бондарев Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества (судьбы социализма). С. 73–81; Благих И. А., Булах Е. В. Два подхода к механизму государственного регулирования рынка: Л. Н. Юровский и Е. А. Преображенский // Проблемы современной экономики. 2013. №1 (45). С. 246–250; Воейков М. И. Концепция экономического развития Е. А. Преображенского // Проблемы современной экономики. 2014. №1 (49). С. 256–161.

⁶¹⁵ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 165–166. Богатый фактический материал о судебных процессах с участием частника, но за более поздний период содержится в монографии Е. Д. Твердюковой. См.: Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 326 с.

политикой, это долг НКЮОста»⁶¹⁶. «Прошу Вас сообщить мне в кратчайший срок, чтобы я с полной точностью мог видеть, кто именно (кроме наркома, отвечающего за все) отвечает <...> за проведение образцовых процессов (каждый член коллегии должен показать себя на постановке и проведении нескольких образцовых процессов)»⁶¹⁷.

В. П. Дмитренко приводит следующий факт: «15–18 декабря 1921 г. в Москве был организован первый крупный судебный процесс над 35 частными предпринимателями, который показал нэпманской буржуазии твердую решимость Советского государства последовательно защищать интересы рабочих и крестьян. Процесс широко освещался в прессе. Об активности органов юстиции по защите интересов трудящихся в первые годы нэпа свидетельствует тот факт, что в числе подсудимых по процессам 1924–1926 гг., значительную часть которых (иногда подавляющую) составляли частные предприниматели, уже привлекалось к судебной ответственности в 1921–1923 гг. от 60 до 85 %. В частности, по делу Центросоюза, слушавшемуся в феврале 1923 г., на скамью подсудимых попала большая группа частных торговцев. За экономическую контрреволюцию посредник С. Шейн был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу; остальные подсудимые – к разным срокам тюремного заключения»⁶¹⁸.

Астраханское дело. Кампания, которая началась в городе Астрахань в 1928 г. с сотрудников губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела, прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередное наступление на частный капитал. Маневр заключался в том, что удар наносился не только на фронте борьбы с частником, но и по тылам противника, по тем сотрудникам советских органов, которые поддерживали частных предпринимателей. Ю. Ларин, перечисляя источники первоначального накопления частного капитала в народном хозяйстве СССР, называл такие элементы «агентами и соучастниками частного капитала в госаппарате»⁶¹⁹.

По законам жанра, любая кампания должно носить звучное и запоминающееся название. В данном случае «астраханщина». Это клише кочевало со страницы на страницу периодических изданий, вмещало в себя массу смыслов, которые были понятны участникам тех событий.

Сообщения об астраханском процессе и выявленные на Урале аналогичные примеры, образчики злоупотреблений и сращивания части государственного аппарата с частным капиталом сопровождались пространными статьями обличительного характера, в которых

⁶¹⁶ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20.02.1922 // ПСС. Т. 44. С. 397.

⁶¹⁷ Там же, С. 400.

⁶¹⁸ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 166–167.

⁶¹⁹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 9.

критиковалась оппозиция. Например, взгляды Н. И. Бухарина давались в изложении его оппонентов, поэтому он оказывался в заведомо уязвимой и проигрышной позиции. Такие публикации были далеки от классической формы политической дискуссии и носили пропагандистский характер.

Суть астраханского дела сводилась к тому, что ряд частных и кооперативных организаций, занятых рыбным промыслом, при помощи взяток должностным лицам снижал свои налоговые отчисления. В связи с этим были арестованы и репрессированы не только непосредственно виновные лица; чистке подверглись многие хозяйственные, государственные и партийные организации Астраханского округа. Расследование длилось весь 1928 г. и закончилось в мае 1929 г. Первоначально арестованным было предъявлено обвинение по ст. 117 и 118 УК РСФСР (дача и получение взяток). Однако по указанию из Москвы вину переквалифицировали по ст. 57, ч. 7 – экономическая контрреволюция, и дело приобрело политический оттенок⁶²⁰.

Значение этого дела в развернувшейся вслед за ним пропагандистской кампании подчеркивает тот факт, что в 1930 г. вышла отдельная книга, посвященная процессу, в которой детально описывался как сам процесс, так и условия функционирования рыбных промыслов, были проанализированы все приемы и методы, которые использовали частники⁶²¹.

Приговор «астраханцам» был показательно суров: «28 октября 1929 г. после пятидневного совещания суд вынес приговор по астраханскому делу... Четырнадцать частных и агентов классового врага приговорены к расстрелу, тринадцать к заключению на десять лет. Суд приговорил к расстрелу бывших руководителей торговле – Панкова [впоследствии расстрел заменен ВЦИК 10 годами лишения свободы – А. К.] и Протодьяконова, агента-взяточника Авдеева, бывших работников финотдела Адамова, Власова, Алексеева, Семикова, частных Ивана Солдатов, Блоха, Вышнепольского, Полевого, Заславского, Кузнецова, Калинина с конфискацией всего имущества. К девяти годам заключения со строго изоляцией приговорены бывшие сотрудники финотдела – Анкудинов, Чурашев, Стругалло, посредники при передаче взяток Сигалов, частники Лисов, Ростов, Солдатов, Шлейн, Хансоверов, Кантер, Гладченко, Узилевский. Остальные обвиняемые приговорены к разным срокам заключения». И как отмечал корреспондент: «Рабочими Астрахани приговор встречен с удовлетворением»⁶²².

На примере «астраханского дела» можно рассмотреть специфический уклад, который складывался в результате коммерциализации присваивающего хозяйства, в частности, на рыбных промыслах Астрахани. Патриархальным укладом это назвать трудно, так как размах

⁶²⁰ Тюрин А. О. «Частник прорывает фронт диктатуры пролетариата»: «Астраханское дело» в протоколах собраний трудящихся // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 1. С. 19–28.

⁶²¹ Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. 240 с.

⁶²² Приговор астраханцам // Уральский рабочий. 1929. № 250 (4147). 30 октября; Текст приговора см.: Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. С. 233–238.

добычи был близок к индустриальному. В основе лежит частнокапиталистический уклад, который глубоко интегрировался в государственный сектор. Обвиняя частных заготовителей во всех смертных идеологических грехах и преступлениях против пролетариата, в ряде случаев их оппоненты признавали более высокую производительность труда и эффективность производства в частном секторе. Этот «кейс» позволяет в деталях рассмотреть процесс формирования и функционирования неформального уклада, различные аспекты, связанные с черным рынком и теневой экономикой⁶²³.

Дело Свердловского окружного финансового отдела. Заголовок, рассматриваемого нами дела, выглядит следующим образом: «Дело по обвинению А. А. Гудкова, М. В. Мухина, А. Г. Якобсона, П. С. Логинова, Ф. Ф. Вешкорцева, П. М. Брегман и др. в извращении налоговой политики (01.01.1929–31.12.1929).

В отличие от «астраханского», где в центре внимания оказался рыбный промысел, «свердловское» дело, или «дело ОкрФО», основывалось на выявлении злоупотреблений в фискальной сфере⁶²⁴. Отметим, что кампания охватила несколько округов Уральской области. Помимо Свердловского, аналогичные проверки, а затем и судебные дела были возбуждены в Курганском и Златоустовском округах.

Не только в периодических изданиях, но и в материалах судебно-следственных дел прослеживается непосредственная связь с «астраханским делом». Публикации в газете «Уральский рабочий» побудили равнодушных горожан обратить внимание органов ОГПУ и на другие происки частного капитала, при этом напрямую проводилась параллель с «астраханским делом». К делу ОкрФО было приобщено письмо Я. Г. Чистякова-Мальшева, в котором говорилось о злоупотреблениях частного Н. Н. Попова и механика Вунь. «В газете “Уральский рабочий” был опубликован кое-какой материал о работниках Свердловского ОкрФО, которые, по примеру “Астраханцев”, имели связь с частником и поддерживали его (частника), доходя иногда до преступлений. Я хочу обрисовать одну из отраслей, которая на 90 % была в руках частного...»⁶²⁵. Далее шло описание выявленных автором письма злоупотреблений.

В ходе следствия анализировалось три основных направления деятельности ОкрФО: 1) работа налогового аппарата по взиманию прямых налогов; 2) деятельность отделений по взиманию прямых и косвенных налогов; 3) особо рассматривалась работа «Отделения

⁶²³ Классификацию и обоснование отдельных элементов теневой экономики детально проанализировал В. В. Радаев. См.: Радаев В. В. Теневая экономика в России: изменение контуров.

⁶²⁴ Килин А. П. Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «Астраханского дела». // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 77–91.

⁶²⁵ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 382. Л. 16.

ликвидации недоимок налогоплательщиков и реализация имущества государственных фондов»⁶²⁶.

В качестве обвиняемых по делу проходили 14 служащих областного и окружного финансовых отделов, эксперты Института государственно-бухгалтерских экспертиз рабоче-крестьянской инспекции (ИГБЭ РКИ). Среди них не было ни одного руководителя высшего звена, а только их подчиненные. Трое на момент следствия являлись членами ВКП (б), один выбыл из партии, остальные были беспартийными.

Им инкриминировались следующие статьи Уголовного кодекса: Ст. 109 – злоупотребление властью или служебным положением; Ст. 116 – присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, санкция; Ст. 117, ч. 1 – получение должностным лицом взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения; Ст. 117, ч. 2 – если получение взятки совершено при отягчающих обстоятельствах, как то: а) ответственном положении должностного лица, принявшего взятку, б) при наличии прежней судимости за взятку или неоднократности получения взятки, в) с применением со стороны принявшего взятку вымогательства; Ст. 169 – злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество) – лишение свободы на срок до двух лет. Мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению – лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества⁶²⁷.

По данным статьям обвинения признали себя виновными частично (только в должностных преступлениях и преступлениях по должности) два человека, относительно одного обвиняемого нет указания на признание вины, а остальные обвиняемые свою вину не признали.

Обвиняемыми выступали частные предприниматели, а также рядовые граждане, дававшие взятки, в количестве 20 человек. Среди них относились к категории частных торговцев 11 чел., были также владельцы хлебопекарен (4), содержатели парикмахерских (2), бань и номеров (1) и рядовые граждане (2).

Отметим интернациональный состав обвиняемых: двое являлись греческими подданными, один – гражданином Чехословакии, остальные – гражданами СССР.

Абсолютное большинство обвиняемых уже были лишены избирательных прав как частные предприниматели. Среди этой категории обвиняемых признали свою вину три человека (в протоколах допросов отражена мотивация этого поступка, при этом давалась высокая оценка

⁶²⁶ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 382. Л. 162–194.

⁶²⁷ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Постановление ВЦИК. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

работе следователей), двое признали свою вину частично, а остальные обвиняемые не признали своей вины.

Этой категории лиц вменялось в вину нарушение следующих статей Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): Ст. 118 – дача взятки и посредничество во взяточничестве; Ст. 169, ч. 2 – мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению⁶²⁸.

Обвинительное заключение строилось на том, что чиновники занижали уровень налогообложения частника исключительно из личных, корыстных целей, брали за это взятки в денежной и натуральной форме.

На наш взгляд, этот факт, несмотря на его очевидность, не может объяснить массовость явления, так как подобное происходило на всей территории страны, на самых разных уровнях управления, в различных отраслях и сферах деятельности. Если явление носит системный характер, то необходимо проанализировать объективные факторы, так как дефекты системы нельзя сводить исключительно к несовершенству природы человека и жажде наживы. Списать все на корысть чиновников или частных предпринимателей – значит упрощать ситуацию. Дать простой ответ на вопрос и отказаться от более глубокого анализа, на наш взгляд, было бы неверно. Массовость выявления «астраханщины» по всей территории страны свидетельствует о наличии кампании, анализ которой позволяет более детально рассмотреть характер взаимоотношений частного капитала и органов государственного регулирования в 1929 г.

По нашему мнению, проблема неадекватности налогообложения в раннесоветском обществе лежит в самой системе взимания налогов. Достаточно резкое возвращение в хозяйственную практику элементов рыночного хозяйства потребовало оперативного создания соответствующих институтов, в том числе фискальных. Система налогообложения была заимствована из дореволюционного прошлого, а в качестве объектов налогообложения выбирались наиболее доступные для анализа, поддающиеся элементарному учету, те, которые было трудно скрыть от контролирующих органов⁶²⁹.

Формирование фискальных органов происходило оперативно, если не сказать в авральном порядке, в условиях дефицита кадров. Частично их рекрутировали из «спецов», тех, кто имел опыт подобной работы до 1917 г., в большей степени из выдвиженцев, лояльных к советской власти, бывших красноармейцев с низким общим и профессиональным уровнем образования. Эта проблема была особенно характерной для низового звена налогового аппарата, что

⁶²⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Взятка как объект изучения занимает центральное место в работе И. Б. Орлова и Г. М. Мартиросяна. См: Орлов, И. Б., Маркосян, Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011. 199 с.

⁶²⁹ См. подробнее: Промысловый налог. Обложение патентным сбором; Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. Екатеринбург, 1994. 80 с.

постоянно отмечается в документах. В отчетах делается акцент на высокой текучести кадров, причинами которой были низкий уровень оплаты труда по сравнению с коммерческой сферой, недостаток квалификации работников, высокие политические и административные риски, так как цена ошибки была слишком высокой. Необходимо учитывать и большой коррупционный потенциал в этой сфере деятельности. В качестве причин современниками назывались также чрезмерный объем работы в условиях дефицита кадров.

Судьбы частных предпринимателей и сотрудников финансовых органов в чем-то схожи. Как правило, и те, и другие являлись выходцами из бедных слоев населения и чаще всего имели невысокий уровень образования. Большинство прошло службу в рядах царской, белой и красной армий (в различных пропорциях и последовательности). После демобилизации или после краткосрочного периода работы в послевоенное время наступало время выбора жизненной траектории, зачастую вынужденной, так как налоговая работа не была призванием этих людей. Поэтому определяющими при выборе места работы часто являлись факторы безработицы и нестабильности на рынке труда.

Эти факты заставляют усомниться в эффективности мер, предложенных для искоренения недостатков в работе финансовых органов. В частности, большие надежды возлагались на выдвиженцев. Лица из пролетарской среды должны были исправить все искривления классовой линии, руководствуясь классовым чутьем.

Отметим, что абсолютное большинство сотрудников окружного финотдела, впрочем, как и областного, были выходцами из пролетарских семей. Они сами в свое время были выдвиженцами, что не мешало им совершать противоправные поступки. Недостаточная квалификация сотрудников, отсутствие профессионального образования, низкий уровень заработной платы, большая текучесть кадров и явно рискованная сфера деятельности – все эти факты назывались в качестве причин неэффективной работы финансовых органов, и с приходом выдвиженцев количество нарушений неизбежно увеличилось. Стоит отметить, что со свертыванием нэпа, исключением из легальной сферы деятельности частных предпринимателей характер деятельности финансовых, в том числе и фискальных, органов менялся. Возможно, что в этих новых, рыночных условиях, выдвиженцы могли быть более эффективными работниками, так как в этом случае они были скорее исполнителями, чем субъектами плановой хозяйственной деятельности.

Еще одно обстоятельство сближало позиции частного предпринимателя и работника финансовых органов. Свертывание частного сектора хозяйства привело к сокращению налогооблагаемой базы. Сокращалась, таким образом, и сфера деятельности налоговых органов. Полное исчезновение субъектов и объектов налогообложения, огосударствление всех сфер жизни сводило деятельность финансовых органов исключительно к распределению

бюджета и контролю за его использованием. Таким образом, налоговики оставались практически без работы. Поэтому понятно стремление сотрудников налоговых органов не форсировать, а затягивать процесс полного и окончательного вытеснения частного капитала из хозяйства страны. Работа в качестве сотрудника налоговых органов могла расцениваться в этой связи как временная, а угроза безработицы – как вполне реальная и устойчивая. Учитывая биографии сотрудников ОкрФО, которые содержатся в личных делах, можно утверждать, что с безработицей они были знакомы не понаслышке⁶³⁰.

Объективная общность интересов налоговых работников и предпринимателей воспринималась надзорными органами с настороженностью, если не с недоумением.

Бухгалтер-ревизор ОблФО А. И. Рудаков на допросе на вопрос уполномоченного экономического отдела (ЭКО) ОГПУ Токмакова «Как же такое могло получиться, что ваши заключения, как эксперта, соответствовали интересам государства и частных лиц одновременно?» отвечал: «Мое заключение как эксперта одновременно должно быть выгодно и государству, и частному предприятию»⁶³¹. При этом он пояснил, что при анализе рассматривается только соответствие заполнения книг правилам учета, а не фактическое состояние дел, которое может оценить только ОкрФО при проведении ревизии.

С другой стороны, в деле есть примеры, когда финансовые инспекторы использовали методы частного, в том числе этически сомнительные, для взыскания недоимок. Из протокола допроса свидетеля инспектора третьего участка Свердловского ОкрФО П. Ф. Мухлынина от 21 ноября 1929 г.: «Личность гр-на Франко⁶³² жуликоватая и вот почему <...> Обещали зачесть сумму, внесенную женой, уже после развода, так как с него было взять нечего, но просили доплатить оставшуюся сумму. После его доплаты, провели ревизию его имущественного положения – произвели опись лошади и другого имущества и покрыли всю задолженность <...> после этого он [Франко] упрекнул меня в несостоятельности как представителя государственного учреждения, что я поступил с ним по жульнически и т. д. Я считаю, что поступил нехорошо, но иначе мы не сумели бы с него взыскать недоимку, словом на жулика пришлось и мне быть жуликом»⁶³³.

Отметим, что недостатки финансового, бухгалтерского и товарного учета были повсеместной практикой в условиях нэпа, как в частных, так и в государственных организациях, как со стороны налогоплательщиков, так и налоговых органов.

⁶³⁰ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1 «Л». Д. 158, 159, 160, 236.

⁶³¹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 53–53 об.

⁶³² Франко Андрей Иванович, 36 лет, содержатель частных бань и номеров, чехословацкий подданный (уроженец д. Гинковци). Обвинен по ст. 118, 169 ч. 2 УК, виновным себя не признал.

⁶³³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 382. Л. 51 об. – 52 об.

Обращение к опыту прошлого побудило искать специалистов в среде «бывших», не только привлекать их к процессу организации финансовых отделов, но и использовать их опыт в процессе обучения новых кадров. Вновь стали популярными работы дореволюционных авторов, которые могли быть использованы в качестве методических пособий в практической деятельности органов фиска. Например, сотрудниками Пермского губернского финансового отдела рекомендовалась работа Е. С. Филимонова⁶³⁴. В ней автор рассматривает способы определения оборотов: на основе торговых книг, по пересекающимся официальным данным государственных и кооперативных организаций, в ходе опроса сведущих лиц, в ходе сравнительного анализа схожих предприятий, а также по расходам. Отметим рациональный и взвешенный подход при описании как достоинств, так и недостатков каждой из этих методик и рекомендации использовать их в комплексе. Представляется, что практика сбора прямых и косвенных сведений, их анализ для определения суммы налогообложения может рассматриваться как процесс информационно-аналитической деятельности, требующий соответствующей подготовки и высокой квалификации финансового инспектора.

В протоколе допроса свидетеля, старшего инспектора ОблФУ С. И. Глузмана речь идет о проблемах в деятельности финансовых инспекций⁶³⁵: «Во-первых, налоговая инспекция малоквалифицирована и малоопытна, во-вторых, не было умения работать, в-третьих, вредно отражалась на работе частая смена инспекторов и, в-четвертых, на всей работе лежит печать спешности, безалаберности и безответственности. Из отдельных предприятий, обращает на себя внимание дело Янченко. У Янченко, где убыток за два года достигает свыше 50 тыс. руб. Здесь необходимо было установить самое строгое наблюдение, надо было сделать внезапные и полные обследования (полезен был бы негласный опрос рабочих), чтобы разбить данные книг. Правда эта работа технически не совсем проста, но, если память мне не изменяет, в этом отношении ничего сделано не было. Второе дело, Мунасыпова⁶³⁶ и К°. Крупное предприятие с оборотом до 400000 рублей. Здесь чрезвычайно легковесно отнеслись к проверке торговых книг, не сделали экономического анализа. Несмотря на подозрительно малый процент прибыли, не сделали сравнения продажных цен, указанных в книге, с действительными ценами рынка»⁶³⁷.

Расчет налоговой базы был затруднен в связи с тем, что в идеале предполагал получение данных об обороте торговых заведений. Эти данные необходимо было вычислять индивидуально, что требовало больших затрат времени и сил, поэтому на практике

⁶³⁴ Филимонов Е. С. К вопросу об определении оборотов и прибылей торгово-промышленных предприятий. Пермь: Типо-лит. губ. правл., 1901. 89 с.

⁶³⁵ Глузман Семен Иосифович, 37 лет, место рождения г. Тобольск, женат, ребенок, пользуется избирательным правом, неимущий, высшее образование, юридический факультет, из мещан, отношение к воинской службе – 56 категория, беспартийный, политические убеждения – беспартийный.

⁶³⁶ Мунасыпов Калимулла – 40 лет, частный торговец – обвинен по ст. 118, 169 ч. 2 УК – виновным себя признал частично.

⁶³⁷ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 155–155 об.

использовали примерные нормы для однотипных заведений – как по объему, так и по предметам торговли. Проблема в том, что и в этих однородных группах обнаруживались серьезные различия, что ставило под сомнение объективность начисления налогов. Либо должны были существовать специфические показатели, рассчитанные на основе уникальных характеристик, либо унифицированные усредненные показатели, так как расчет производился по нормам.

Из протокола допроса А. К. Башинского: «Нормы отчисления для торговцев и кустарей были из года в год не обоснованы, за отсутствием достаточных обследовательских материалов. Все дело шло ненормально, не исключая и окружную налоговую комиссию, где часто сменялись председатели (в этом году их было пять) <...> Анализ налогового обложения за 1928/29 г. по цифровому отчетному материалу показал чрезвычайную пестроту обложения среди отдельных аналогичных групп налогоплательщиков по инспекторским участкам. Без знакомства с источниками доходов плательщиков на местах и без наблюдения за ними – нет возможности сказать, насколько в данном споре инспектор отклонился от истины, и в какой степени недообложил налогоплательщика»⁶³⁸.

Дефекты учета были свойственны и частным предпринимателям. В качестве примера можно привести анализ качества бухгалтерского учета в торговой фирме Мунасыпова [по другой версии Манасыпова – А. К.]. А. И. Рудаков⁶³⁹ так описывает свою встречу с бухгалтером в финансовом отделе. «Обращался я с бухгалтером вежливо без грубостей, причем, когда я стал спрашивать бухгалтера Манасыпова, чем он может подтвердить фактические остатки товаров с книжными, так как нет количественного учета, а также оборот товаров и почему, как у Сунцева, так и у Манасыпова, по счетам получается кредитовое сальдо по активным счетам и дебетовые – по пассивным, и ряд других существенных противоречий правилам счетоводства и отчетности, он доказать не мог. Тогда я ему, как члену союза, и сказал, что тебе не бухгалтером быть, а колбасой и яйцами торговать на барахолке, так как ты своей системой такую бухгалтерию поставишь, в госорганах, что для воровства и других темных комбинаций будут открыты широкие ворота, а посоветовал, чтобы он поступил для подготовки на счетоводческо-бухгалтерские курсы. Все сидевшие в отделе счетчики-сотрудники, когда ушли бухгалтера – убедились, что действительно этой бухгалтерией не может быть подтвержден торговый оборот»⁶⁴⁰.

⁶³⁸ ГАСО. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 382. Л. 81 об.–82 об.

⁶³⁹ Рудаков Алексей Иванович, 34 года, экономист УралОблФО, эксперт Института государственно-бухгалтерских экспертиз Рабоче-крестьянской инспекции, беспартийный, обвинялся по ст. 109, 117 ч. 2, виновным себя не признал. ГАСО. Ф. Р-148. Оп.1. Д. 382. Л. 184–193.

⁶⁴⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 55.

Система налогообложения в годы нэпа отражала все изменения экономической политики государства по отношению к частнику. Этапы либерализации в отношении частного капитала сменялись прессингом, очередной и заключительный этап которого пришелся на начало 1930-х гг. Соответственно, налоговые органы были вынуждены оперативно реагировать на политическую конъюнктуру. По объективным причинам в провинции реакция налогового аппарата на новые политические инициативы порой запаздывала. Материалы судебно-следственных дел подтверждают этот тезис. По мнению А. А. Гудкова⁶⁴¹, политика в отношении частника изменилась слишком резко, и окружной финансовый отдел не успел оперативно реагировать.

На допросе 17 октября 1929 г. А. А. Гудков показал следующее: «Отношение к частнику со стороны Облфинотдела было сдерживающее, которое я характеризовал так “к книгам надо относиться осторожно и если книги имеют незначительные дефекты с формальной стороны, то их нужно принимать” или “частник свертывается, а если мы будем усиленно нажимать, то мы не выполним бюджета”, “частника нужно сохранить, так как наши госорганы и кооперация еще не могут охватить рынок”. Твердое и устное, и письменное руководство, т. е. классово-правильное руководство в области борьбы с частником через налоговый [аппарат] уже появилось лишь со стороны области в последнее время, т. е. август – сентябрь. Достойного руководства работой городских инспекторов со стороны ОкрФО, начиная с 1923 г. я не видел, лишь потому, что в аппарате ОкрФО люди сидели с меньшей квалификацией, чем инспектора участков. <...> В большинстве ОкрФО переписывало циркуляры ОблФО и спускало на них [инспекторов], а ОблФО, в свою очередь, размножало и рассылало полученные циркуляры НКФ»⁶⁴².

Такая оценка ситуации вполне адекватна. Фининспектор обладал живым умом, его речь связна и аргументирована, он полагал, что обладает «практическим политическим чутьем»: «О своей политической подготовке я могу заявить лишь, что я могу самостоятельно разбираться в той или иной политической ситуации. Никакой специальной подготовки я, за исключением ленинского кружка, в каких либо школах не проходил и не получил, считаю себя политически слаборазвитым, но могущим определять и разобратся самостоятельно в вопросах

⁶⁴¹ Гудков Андрей Александрович, 32 года, место рождения – Верхне-Уфалейский завод, женат, пользовался избирательным правом, неимущий, из кустарей, член ВКП (б) с 1919 г., до февраля 1917 г. работал как кустарь овчинник в Уфалейском заводе на Пермское губернское земство для нужд армии, до 1917 г. занимался той же работой и работал в комсомоле. Последнее место службы – Свердловский ОкрФО, фининспектор (рационализатор) и управделами. Проживал: г. Свердловск, ул. Первомайская, 26. Судим за хулиганство и халатность по 111 ст. УК. В первом случае получил 1 год условно, по второму оправдан (ГАСО. Ф. 148-Р. Оп. 1. Д. 385. Л. 269). Отметим, что заголовок единицы архивного хранения «Дело по обвинению А. А. Гудкова и др. в извращении налоговой политики» дан на основе судебного решения, в котором среди обвиняемых А. А. Гудков случайно оказался на первом месте. Перечень обвиняемых не основывался на алфавитном порядке. На самом деле его роль в процессе более чем скромная. В рамках дела обвинялся по ст. ст. 117 ч. 2, 169 УК, виновным себя не признал.

⁶⁴² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 278–278 об.

политической жизни партии и советской власти, а так же до сего времени достаточно верно разбирался в уклонах различных партийных группировок»⁶⁴³.

Необходимость четко и оперативно реагировать на изменения политической конъюнктуры порой парализовала деятельность некоторых руководителей. Характеризуя заведующего ОкрФО Абрамовича, А. А. Гудков говорит следующее: «Хотя и имеет финансовую подготовку, но специфически бюджетного и налогового дела не знал, как администратор, по моему мнению, хороший и работу поставить умел бы, но болея душой за работу ОкрФО, он, в тоже время, проявлял невероятную трусость, во всем его руководстве проглядывала боязнь за свои действия, особенно в области практического руководства работой, и сколько я его знаю по работе, дабы свалить с себя ответственность за то или другое дело, как правило, передавал на разрешение своему заместителю»⁶⁴⁴.

Наступление на частника, преследовавшее цель его полного уничтожения, было для всех очевидным, возникал вопрос только о сроках этого маневра. Несомненно, финансовые работники были осведомлены о новой кампании и даже предупреждали о ней частных предпринимателей, но, на наш взгляд, сами недооценили темпов перемен. Из протокола допроса от 3 октября 1929 г. свидетеля, частного торговца Г. В. Кругляшева: «Также Чумичев⁶⁴⁵ мне говорил, что когда он ликвидировал торговлю и хотел отстроить гараж, для автопроката, то его друзья из ОкрФО определенно предупредили, что это гиблое дело, что предполагается нажим на частников и налогами разденут донага. Характерно, что почти на второй же день после ликвидации дела Чумичев устроился на работу в Комхоз»⁶⁴⁶.

Почему же наличие частного сектора хозяйства было выгодно региональным властям и, соответственно, региональным органам фиска?

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной модели регионального управления дало положительные результаты. Специфика этой модели заключалась в локализации производства, в наличии многоукладности, в общности интересов предприятий различных форм собственности. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. Рыночные начала органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности; напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание. Эти элементы рыночности и адекватные оценки экономической ситуации на локальном уровне встречаются в протоколах допросов. Допрошенный в качестве свидетеля помощник финансового инспектора

⁶⁴³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 279.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Чумичев Константин Яковлевич, 43 года, частный торговец. Обвинен по ст. 118, 169 ч. 2 УК, виновным себя не признал.

⁶⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 381. Л. 184.

второго участка, молодой коммунист А. С. Васильев⁶⁴⁷, подвергал критике осторожность своих старших товарищей: «На облфинсовещании т. Румянцев [заведующий ОблФО – А. К.] в своем выступлении так говорил: “Вы, товарищи, не спешите с переобложением, не увлекайтесь этим делом, что их-де надо сохранить”»⁶⁴⁸.

Активизация товарооборота, наполнение рынка товарами, продуктами питания и потребительскими товарами происходила не без участия частного сектора. Это отчасти снимало социальную напряженность, которая возникала в связи с дефицитом продовольствия и товаров повседневного спроса. Выступая в качестве коммерческого посредника, частник позволял наладить деятельность обобщественного сектора там, где это было ему выгодно, и где он не вступал с ним в прямую конкуренцию. Темпы развития обобщественного сектора были недостаточно высокими, и в полном объеме кооперация и госторговля заменить частника не могли. Система централизованного распределения была не в состоянии удовлетворить запросы населения. Это обстоятельство было очевидно региональным руководителям, поэтому форсированное уничтожение частника сулило им массу проблем, решение которых далось бы с большим трудом и могло поставить под сомнение сохранение ими своих постов. Насколько это понимание ситуации влияло в реальное противодействие конкретных руководителей, сложно сказать. Обращение к судебным-следственным делам позволяет обнаружить факты саботажа генеральной линии, основанные не только на личных, но и региональных интересах. Это особенно важно по той причине, что традиционно рассматриваются прямо противоположные факты, примеры радикализации провинциальных управленцев, ситуация, при которой декларируемые на высшем уровне власти задачи реализовывались на местах с большим рвением, чем планировалось (пресловутые перегибы на местах).

Сбор налогов с крупных предприятий, пусть и по заниженным ставкам, виделся финансовым инспекторам более предпочтительным, чем взимание налогов с мелких предприятий, с минимальным фискальным эффектом, так как требовал больших затрат времени и сил. Была высока вероятность ликвидации мелких частных предприятий после уплаты налога, что вызывало необходимость заново проводить работу по выявлению, фиксации и обследованию частника. Стабильность работы крупных частных предприятий была залогом того, что налоговые проверки приобретали систематический и менее затратный характер, позволяли пополнять местный бюджет, решали проблемы снабжения на местном рынке, способствовали формированию неформальных связей, которые затем конвертировались в

⁶⁴⁷ Васильев Алексей Степанович, 27 лет, место рождения – Каслинский завод Шадринского округа, женат, служащий, неимуший, образование низшее, окончил центральные курсы НКФ, из рабочих, член ВКП (б), последнее место службы – инспектор 2-го участка г. Свердловска. Прибыл в Свердловск 15 января 1929 г. и был назначен в аппарат ОкрФО.

⁶⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 96 об.

вполне конкретные материальные блага. Несмотря на это, повсеместное распространение такой фискальной практики, которую демонстрировали сотрудники Свердловского окружного финансового отдела, нельзя объяснить исключительно коррупционной составляющей.

Повседневная практика налогообложения крупной, оптовой и мелкой, розничной торговли отличалась. Налоговые работники в силу минимизации трудозатрат основное внимание уделяли крупной торговле, при этом занижая ее налогооблагаемую базу, так как были заинтересованы в стабильной работе этих заведений, в их сохранении, тем более что соотношение поступающих в казну налогов и трудозатрат было оптимальным.

В отношении розничников политика отличалась, но четкой закономерности в стратегии и тактике обложения нами не выявлено. Некоторые розничные предприятия облагались максимальными налогами, порой под горячую руку попадали и те, которые имели льготы по налогам или вообще не должны были облагаться налогами. В одних случаях предприятия разорялись, в других пытались оспорить свою правоту в административном порядке. Таких было меньшинство, так как средств для уплаты судебных издержек у них не было.

Протокол допроса А. Д. Иванова⁶⁴⁹ от 2 ноября 1929 г.: «Признаю, что действительно политика налогового обложения Свердловского окрфинотдела была неверна. С фруктово-частника (розничника) налоги брали больше, исходя из 30 % прибыли, а нашей крупной фирме делали поблажки, т. е. налоги брали, исходя из процентов прибыли на товары до 20 %, хотя действительный процент прибыли нашей фирмы был в 30 %, не ниже. <...> Весь торговый оборот и проценты отражался полностью в книгах фирмы, но ОкрФО взимало с нас налоги исходя из 20 % максимально. <...> Большим плюсом для деятельности нашей фирмы было еще и то, что с рынка ушла фирма “Плодвинсоюз”, это обстоятельство было большим облегчением для всего частного фруктового рынка. <...> [Наша] фирма вела полную бухгалтерию, все счета покупок, продаж при всяких ревизиях ОкрФО предоставлялись полностью. Мы пользовались большим кредитом со стороны частных лиц. Товары реализовывались частникам и госкооперативным организациям: Уралторгу, Уралкомбинату, ЦРК и др. с предоставлением кредита»⁶⁵⁰.

Есть материалы, подтверждающие факт того, что часть мелких торговых и кустарно-ремесленных предприятий попадала в своеобразную слепую зону и их вообще не облагали

⁶⁴⁹ Иванов Александр Дмитриевич, 35 лет, русский (по другим данным – еврей), из Красноярской губернии Енисейской волости, село Ужур, 31 год, 1898 г. р., из крестьян, образование – народная школа, женат, сын, беспартийный, недвижимого имущества не имел. До 1915 г. учился, с октября 1915 по 3 февраля 1917 года служил при городском питомнике садоводстве младшим инструктором, 3 февраля 1917 г. призван в армию в качестве рядового, служил в Красной армии в командирской должности с 1918 по 1923 г., красноармеец запаса, в 1927 г. в декабре был перечислен в тыловое ополчение. Торговал яблоками, проживал по адресу: Свердловск, ул. Гоголевская, д. 47. Приметы: выше среднего роста, черные волосы и борода темно-черная, глаза каре-черные, нос остро-длинный с горбатинной». Обвинен по ст. 169 ч. 2 УК, признал себя виновным. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 146–146 об.

⁶⁵⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 211–212.

налогами. В результате проверки Свердловского ОкрФО было выявлено около 600 таких предприятий. Ситуация объясняется избирательностью налоговиков, стремлением оптимизировать свою деятельность.

«Относительно непривлечения к обложению 500 плательщиков. Неполнота охвата обложения налогами предприятия и плательщиков в практике работы городских инспекторских участков имеет место. Так, например, бригада сотрудников ОблФУ при обследовании налоговой работы Свердловского ОкрФО и городских участков 2–12 сентября 1929 г. в своих выводах отмечает, что в 1928/29 г. не выяснено, не обследовано (а, следовательно, не обложено) соответствующими налогами 458 предприятий и владельцев этих предприятий и 137 кустарей, применяющих наемный труд, а всего, таким образом, не обложено, 595. <...> Комиссия считает, что непривлечение к налоговому обложению <...> нанесло государству значительный материальный ущерб, сумму которого ориентировочно определяем в размере 215000 руб., исходя из следующего расчета: средний доход, падающий на одного кустаря, применяющего наемный труд – 4000 руб. Налог выражается с этой суммы дохода 459 руб. Не охвачено обложением 137 кустарей. Стало быть, недобор составляет 62883 руб. Средний доход, приходящийся на одного торговца (по патенту третьего разряда) – 3000 руб., налог 330 руб. Не охвачено обложением 460 владельцев предприятий. Отсюда недобор 151800 руб.»⁶⁵¹.

Отметим, что в материалах комиссии постоянно подвергается критике формальный подход сотрудников ОкрФО к определению объемов налогообложения. Однако в собственных расчетах они использовали тот же метод (метод аналогии и расчет на основе величины среднего дохода на одно предприятие), разница лишь в том, что расчеты проводились по верхней планке, а в расчетах ОкрФО иногда применялись заниженные исходные данные.

Бюджетная политика в 1920-е гг. отличалась от последующей потому, что в годы нэпа местные бюджеты были более самостоятельными и местные органы власти были вынуждены финансировать свою деятельность, ориентируясь на собственные источники доходов. Налоги частного сектора пополняли местный бюджет, поэтому задолженность частного сектора по налогам (недообложение, недоимочность частного сектора) можно рассматривать как потерю бюджетных средств. С другой стороны, это была плата обобщественного сектора за неэффективное хозяйствование и возможность компенсировать недостатки собственной деятельности с помощью частного сектора.

В заключении экспертной комиссии приводятся данные о состоянии недоимочности по Свердловскому округу. «Если общая сумма недоимки (числящаяся за обобщественным и

⁶⁵¹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 381. Л. 69 об.–70.

частными секторами) имеет тенденцию к постепенному из года в год снижению, то недоимочность по частному сектору, наоборот, из года в год увеличивается»⁶⁵².

Эти данные призваны подтвердить недостатки в работе налоговых органов, которые не прилагали достаточных усилий для взимания долгов с частного сектора. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют еще и о закрытии частных предприятий, в том числе и по причине усиления налогового бремени, даже с учетом неправомерного, по мнению членов комиссии, льготирования со стороны ОкрФО.

Из протокола допроса свидетеля, финансового агента С. Ф. Белоусова⁶⁵³: «По нашему 3 участку констатируется большое недообложение частников главным образом кустарей. <...> Для меня лично становится несколько непонятной политика исходящая от НКФ. С одной стороны, общая политика диктуется о наступлении на частника, а с другой говорит, что частника надо сохранить, не нажимать, это по линии нашей НКФ. Так, например, кажется в декабре месяце 1928 г. приезжал член правления НКФ РСФСР Шалимов, который, как мне передавал Пилюгин, накричал и натопал ногами на Мухлынина Порфирия, назвал нас баранами, за то, что мы работаем неправильно, что нас надо выпороть, что мы работаем день и ночь, а четкости в работе нет. Или взять, например, дело с Миркиным⁶⁵⁴: когда его опорочили и хотели переобложить, зав[едующий] ОкрФО Рабинович или Антонов, точно не помню, говорил, что Миркина надо сохранить, что Миркин для бюджета полезен. Миркина, между прочим, помню тогда переобложили, но под давлением это переобложение отменили. <...> Работаю я с 1923 г., работал с охотой, а теперь совсем затерялся; не пойму политики, которую надо проводить. Вот теперь, когда накружили, что назначается, Абрамович приказал переобложить, якобы недообложенных кустарей в двухдневный или трехдневный срок, а через день два спрашивает, как обстоит дело и сказал: “Обложить без всяких обследований”»⁶⁵⁵.

Особо стоит отметить роль прессы в развернувшейся кампании. В материалах судебно-следственного дела встречаются ссылки на публикации в периодических изданиях, с которыми были знакомы подследственные. «Протокол допроса от 9 октября 1929 г. Якобсона А. Г.⁶⁵⁶: “Виновным себя во взяточничестве, как об этом опубликовано в газете "Уральский рабочий", не признаю”»⁶⁵⁷.

⁶⁵² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 381. Л. 67–67 об.

⁶⁵³ Белоусов Степан Филиппович, 26 лет, женат, двое детей, имущественное положение – пролетарий, беспартийный, сочувствовал ВКП (б).

⁶⁵⁴ Миркин Лейба Залманович, 58 лет, частный торговец. Обвинен по ст. 118, 169 ч. 2 УК, виновным себя не признал.

⁶⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 136–137.

⁶⁵⁶ Якобсон Александр Геннадьевич, 27 лет, место рождения – г. Н.-Тагил, служащий, русский, с 1922 по 1929 гг. инспектор косвенных налогов Свердловского ОкрФО, беспартийный, на момент допроса работал чертежником в Уралмете. Обвинен по ст. 117 ч. 2, 169 УК, виновным себя не признал.

⁶⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 383. Л. 8.

Порой журналисты проявляли больший радикализм и идеологическое рвение, чем судьи. Описывая аналогичный процесс над сотрудниками Курганского ОкрФО, журналист М. Литвинов писал: «Массы не присутствовали на процессе. Зал судебного совещания представлял “краткосрочные курсы” для всевозможных частников по изучению методов налогового обложения. Мясные торговки, бакалейщики, галантерейщики, хлебные спекулянты, чиновники, изгнанные из госаппарата, вот кто сидел в зале суда с записными книжечками в руках и записывал “на всякий случай” интересные детали практики налогового дела. Суд работал буквально в мелкобуржуазном окружении. Допрос частника Кириллова, например, проходил под всеобщий гул “аудитории”, причем все симпатии этой “уважаемой публики” были, разумеется, на стороне частного заводчика. Нужно сказать, что и окружной суд в этом деле, как и вообще в деле борьбы с правым уклоном и извращениями политической линии партии, был не на высоте положения. Судебные работники, как и профсоюзные руководители, не учли важности показательных моментов процесса, не обеспечили себе рабоче-крестьянское окружение: суд проходил в тесном помещении окрсуда, тогда как помещений, рассчитанных на большой состав публики, в Кургане достаточно»⁶⁵⁸.

Борьба с уклонами. Доминирование идеологии над экономикой предопределяло рассмотрение любых явлений действительности под классовым углом зрения, в контексте глобальной борьбы старого и нового, добра со злом. Соответственно на налоговые органы накладывались обязательства быть не столько фискальным инструментом для пополнения доходной части бюджета, сколько инструментом возмездия, экспроприатором незаконно нажитых средств частником в пользу обобщественного сектора в духе теории первоначального социалистического накопления Е. А. Преображенского.

Акторам предпринимательской деятельности, как частным торговцам и промышленникам, так и сотрудникам налоговых органов стремились навязать не свойственные им роли. Представлялось, что финработник должен был быть не только экономистом и бухгалтером, счетоводом и чиновником, но и идеологическим работником, пропагандистом. По этой причине в прессе раздавались призывы рассматривать деятельность фининспектора как идеологическую, а не сугубо административную. Приведем цитату из заметки журналиста Ивникова, опубликованной в газете «Уральский рабочий» и посвященной судебным процессам над сотрудниками ОкрФО и ОблФО: «Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов. Формально правильная ревизия часто объективно покрывает загнивание в отдельных звеньях налогового аппарата. Финансовый ревизор должен быть не только контролером-техником, но и политическим работником... Никто никогда не

⁶⁵⁸ Литвинов М. Агентура классового врага разоблачена. Процесс курганского финотдела // Уральский рабочий. 1929. 24 декабря. С. 3.

вменял ревизору в обязанность привлекать к его обследовательской работе широких кругов общественности. Считалось вполне естественным, что ревизор проводит свою чрезвычайно ответственную политическую работу единолично. Надо коренным образом изменить систему ревизорской работы, необходимо устранить причины, которые сводят на нет работу налогового ревизора и дают возможность чуждым людям, пробравшимся в налоговый аппарат, годами вести свою грязную работу»⁶⁵⁹.

Политизация всех сторон жизни общества требовала разработки и применения шкалы координат, на которой были отмечены правый, левый уклоны и центральная линия партии. На волне борьбы с правым уклоном этот термин проник и в повседневную деятельность органов фиска, а вслед за тем и на страницы протоколов допросов. Идеологизация бухгалтерского дела осуществлялась планомерно, но нельзя сказать, что на этом пути не встречались препятствия. Например, отмечалось, что формально правильно оформленные бухгалтерские книги признать достоверными нельзя, очевидно, по субъективным или идеологическим причинам. Идеи революционной законности и политизация хозяйственных правонарушений в материалах судебно-следственных дел встречается довольно часто. Из протокола допроса П. Ф. Мухлынина от 21 ноября 1929 г.:

«Вопрос: Было ли допущено искривление классовой линии в практической налоговой работе ОкрФО?

Ответ: Да, искривление классовой линии было, как со стороны налогового подотдела ОкрФО, так и со стороны работников налоговых участков ОкрФО. Искривление классовой линии выражалось в том, что работниками налогового п[од]отдела ОкрФО предоставлялась рассрочка по уплате платежа налогов частным торговцам (Мунасыпов и К^о, Кузьмин и К^о, в то время как кооперативные организации в рассрочке платежа налогов получали отказ (Свердловская контора товарищества рыболовов и охотников), заключалось в неполноте охвата всех объектов и субъектов обложения, и недообложении крупных кустарей с наемной силой и переобложении мелких кустарей-одиночек. <...> Думаю, что умышленного, с корыстной целью искривления классовой линии допущено не было. <...> Причины: Политическая близорукость налоговых работников ОкрФО. Плохая постановка в работе как самого ОкрФО, так и в работе налоговых участков. Отсутствие честности в работе и контроля за проделанной работой. Это положение объясняется невероятной перегруженностью в работе налоговых работников и текучестью аппарата. <...> Этот вывод сделала комиссия Наркомфина в лице Шалимова и Фохта, и обл[астной] ревизор Кайдалов. Привожу подлинные слова Фохта, который на техническом совещании сказал, что обложение произведено так: “Первый участок –

⁶⁵⁹ Ивников. Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов // Уральский рабочий. 1929. 19 сентября. С. 2.

недообложение (правый уклон), второй участок – нет ни того ни другого, т. е. обложение произведено правильно (центральная линия), третий участок – небольшое переобложение (левый уклон)». Впоследствии мне сказали, на словах, конечно, областной ревизор и Мухлынин С. Ф. зав[едующий] налоговым подотделом, что тебе, Мухлынин, придется регулировать переобложение на подоходном налоге и другими путями, чтобы избежать массового свертывания частных предприятий. В результате чего я старался сохранить здорового частника, а налоговый п[од]отдел мне в этом помогал, если не сказать больше. Целому ряду частников предоставлялись понижения в налоге, несмотря на то, что [их] жалобе, мной как инспектором [было] отказано»⁶⁶⁰.

Рассмотрение хозяйственных правонарушений и преступлений под идеологическим углом зрения предопределяло оценку степени лояльности обвиняемых к советской власти и их отношения к кампании власти против частника.

Вместе с Мунасыповым был арестован один из совладельцев его предприятия А. Д. Иванов. Он один из немногих признал свою вину и выразил желание сотрудничать со следствием. Из протокола допроса свидетеля Л. А. Панфилова⁶⁶¹ узнаем мнение А. Д. Иванова по поводу арестов частных торговцев: «Гр. Иванов А. Д. – член Товарищества Мунасыпова. Несколько раз говорил, что он был офицером – кавалерийским или что-то в этом роде, и что служил в Красной армии, и что к нему относились подчиненные хорошо. Ругал ли он советскую власть, я не слыхал, но за последнее время в связи с арестами торговцев он говорил, что советской власти надо прикончить частную торговлю, вот они и арестуют частников, и что они на торговцев смотрят как на опасный элемент. Вообще-то Иванов А. Д. человек, как говорится, скрытный и от него правду узнать трудно»⁶⁶².

По нашему мнению, запланированного эффекта от этих судебных процессов не получилось, так как кампания, старт которой дал «астраханский процесс», пошла на спад. Вышедшая 2 марта 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» переформатировала повестку дня – на смену борьбе с правым уклоном пришла борьба с перегибами на местах – началась новая пропагандистская кампания, которая лишь маскировала намерения властей окончательно решить вопрос с частным предпринимательством, ликвидировать мелкотоварный, частнопредпринимательский хозяйственный уклад в экономике страны.

⁶⁶⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 382. Л. 40–41 об., 54.

⁶⁶¹ Панфилов Леонид Александрович, 29 лет, место рождения – г. Свердловск, русский, женат, пользуется избирательным правом, собственный дом, образование неоконченное среднее, специальное (счетоводство), до 1917 г. служил в товариществе «Братья Агафуровы». С 1919 по 1922 на военной службе, последнее место работы – трест Уралуголь, адрес – Сибирский проспект д. 2 «а».

⁶⁶² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 385. Л. 163 об.

1929 г. олицетворяет не только нажим на частника, но и переоценку хозяйственных укладов, которые рассматриваются не через экономическую, а исключительно через идеологическую оптику. В условиях ограничения легальных форм взаимодействия частного и обобществленного секторов экономики вытеснение частника привело к формированию замкнутого круга частного сектора хозяйства.

Парадокс ситуации заключался в том, что кампания против замкнутого круга продемонстрировала, что круг не такой уж и замкнутый, как его описывали, так как в него входили в том числе и государственные служащие, вовлекались ресурсы обобществленного сектора экономики. Вряд ли случайным был факт, что среди обвиняемых основную массу составляли представители окружного управленческого звена. Особое внимание к региональным, в частности, окружным органам власти, закономерно. В рамках политики централизации и форсированной модернизации требовалось нивелировать региональные интересы, сосредоточить все ресурсы и рычаги стратегического и оперативного управления в руках центра. В 1930 г. округа в пределах Уральской области были ликвидированы, за исключением этнических. В этом контексте судьба Уральской области была предрешена, а переход к модели территориального комбината был неизбежен.

Кампания по взысканию недоимок и чистке налогового аппарата. Налоговые органы, в частности, областные и окружные финансовые отделы, ответственные за сбор налоговых платежей находились в сложной и противоречивой ситуации, так как являлись примером симбиоза старого и нового, располагались на стыке рыночных и плановых начал, разрывались между необходимостью соответствовать идеологическим установкам партийных органов и экономической целесообразностью. Как следствие, работой налоговых органов были недовольны практически все – и налогоплательщики, и органы власти, заинтересованные в пополнении бюджетов. Причину недостатков видели не в системе, а в людях, в засоренности фискальных органов социально чуждыми элементами и в бюрократизме новых советских чиновников.

В. И. Ленин писал: «Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата... Как мы действовали в более опасные моменты Гражданской войны? Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы

обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры»⁶⁶³.

Новый советский аппарат воспроизводил управленческие технологии старого дореволюционного чиновничества, так как кадры резервировались из социальных слоев, которые имели возможность получить образование до октября 1917 г., являлись выходцами из привилегированных сословий, а новые управленческие технологии были лишь декларируемыми принципами, а не реальной практикой.

Л. Д. Троцкий весьма образно описал сложившуюся ситуацию: «Увеличилось число бюрократов, а что правящие круги все более и более врастают в верхние слои советско-нэповского общества, что создаются два слоя, два образа жизни, два рода привычек, два рода отношений или, если резкими словами сказать, создаются элементы бытового двоевластия, которое, при дальнейшем развитии, может превратиться в двоевластие политическое. А политическое двоевластие будет уже непосредственной угрозой диктатуре пролетариата. Огромный слой городского партийно-советского люда до трех часов живет, как чиновник, после трех часов живет, как обыватель, либеральничает против ЦК, а по средам, после 6 часов, осуждает оппозицию за маловерие. Это тип партийца, который весьма подобен тому царскому чиновнику, который исповедовал в частном порядке теорию Дарвина, а когда нужно – представлял свидетельство о святом причастии»⁶⁶⁴.

Борьба с бюрократизмом могла провозглашаться всерьез и надолго, включать существенную трансформацию партийной структуры (превращение партии нового типа в элемент многопартийной системы), а могла ограничиться разбавлением бюрократов выходцами из пролетарской среды. Врожденное классовое чутье должно было подсказать верное решение при принятии управленческих решений, сломить сопротивление врагов, к которым причисляли как «бывших» в чистом виде, так и перерожденцев. Однако, «волком выгрызть бюрократизм» не получилось, а выдвиженцы со временем сами становились надежными звеньями бюрократической цепи.

Изучение истории советского общества показывает, что большинство мероприятий советской власти носило характер кампаний. Одна из них под названием «астраханское дело» уже была нами рассмотрена. Ее отголоски прокатились по всей стране, не исключая Урал.

На страницах газеты Уральского обкома ВКП (б) «Уральский рабочий» наряду с освещением «астраханского дела» регулярно публиковались материалы о вскрытых нарушениях в финансовых организациях Уральской области, описывались мероприятия по

⁶⁶³ Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин. Предложение XII съезду партии // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 383–388.

⁶⁶⁴ Троцкий Л. Д. Заключительное слово на заседании ЦКК. Июнь 1927 г. // Искра – Research. URL: <http://web.mit.edu/fjk/www/Trotsky/sochineniia/1927/19270614.html>

ликвидации прорывов и изживанию недостатков в более широком контексте борьбы с правым уклоном. Серия статей, репортажей, заметок, публикаций, посвященных лидерам оппозиции, превращалась в массированный информационный поток, который был призван оказать максимальное воздействие на население, задать высокий градус идеологическим баталиям, подготовить общественное мнение к проведению репрессий как актуальных и необходимых мер воздействия.

Ситуация в Златоустовском окружном финансовом управлении описывалась следующим образом: «Закончено следствие по делу о злоупотреблениях и правоуклонистских делах в ОкрФО. В руках финотдельцев карточка обследования являлась просто анкетой, где доподлинно записывали “со слов” торговцев ответы на все основные вопросы. Так “со слов” и определялись обороты. Финработники не раз заявляли: “Частнику и так жить трудно”. Налоговые инспектора Козловский, Забавнев, Петров способствовали разложению аппарата. Работники налоговых участков оказывались под влиянием частных, шла пьянка, половая распущенность. Недобор промыслового и подоходного налогов за 28–29 г. определен в 113 тыс. руб. Наряду с этим были случаи чрезмерного обложения сезонников, мелких кустарей, чистильщиков сапог и т. д.»⁶⁶⁵.

Недостатки, порой и преступления, в деятельности финорганов выявлялись с завидной регулярностью. В результате был сделан вывод, что собственными силами чиновники не справятся. Была необходима свежая, желательна пролетарская кровь, которая позволила бы обновить деятельность финансовых структур.

«Аппарат финорганов будет освежен выдвиженцами. 10 ноября [1929 г.] открылось Всероссийское финансовое совещание. В докладе о кадрах финансового аппарата член коллегии Наркомфина РСФСР тов. Федоров отметил, что некоторая часть аппарата уступила позиции классовому врагу и разлагалась (Астрахань, Тула, Ленинград, Саратов и другие). Даже после вскрытия дел во многих местах продолжает наблюдаться сращивание налогового аппарата с частником и кулаком. Кадры финансовых работников засорены чуждыми и неустойчивыми элементами. Наркомфин направит в местные органы 200 окончивших вузы, 30 комсомольцев, 75 выдвиженцев рабочих и т. д.»⁶⁶⁶.

Одним из методов оздоровления работы финансовых органов являлось обновление кадрового состава за счет включения в их состав рабочих, т. е. орабочивание бюрократических структур. Для этого: «Уралпрофсовет постановил открыть в Свердловске шестимесячные курсы по подготовке налоговых работников. Это решение вызвано необходимостью оздоровить аппарат финотделов. Искривление классовой политики в Свердловском ОкрФО явилось

⁶⁶⁵ Классовый враг на службе ОкрФО // Уральский рабочий. 1929. 24 октября.

⁶⁶⁶ Аппарат финорганов будет освежен выдвиженцами // Уральский рабочий. 1929. 13 ноября.

следствием засоренности налогового аппарата чуждыми людьми. Среди налоговых работников ОкрФО было много вычищенных из советских учреждений. Такие факты наблюдаются и в других финотделах области. Задача открывающихся курсов – подготовить рабочих с производства для работы в налоговом аппарате»⁶⁶⁷.

Одно из самых тяжких обвинений в адрес финансовых организаций состояло в том, что финработники срачиваются с частным сектором, идут ему на уступки, занижают сумму доходов и, соответственно, занижают объем налогообложения, что приводит к сокращению доходной части бюджета. В ходе проверок, как правило, выявлялись факты недообложения частных предпринимателей. «Краткий анализ основного обложения подоходным налогом по Свердловскому округу за 1928–1929 г.» содержит сведения о том, что одни и те же виды деятельности предприятий одного разряда, расположенных в сходных условиях, при неизменной рыночной конъюнктуре облагались налогами по различным ставкам.

«Рост средних доходов по округу, по отношению к 1927/28 г. колеблется по Второму разряду от 2,8 % (8 участок) до 83,7 % (5 участок), по Третьему разряду – 35,4 % (1 участок) до 95,7 % (6 участок), по группам высших разрядов – 10,5 % (3 участок) до 22,5 % (2 участок). Эта пестрота в обложении, по нашему мнению, может быть объяснена исключительно невнимательным отношением налоговых инспекторов к делу выявления фактической доходности... Следует признать, что снижение доходов владельцев наиболее крупных предприятий не находит себе объяснения ни в конъюнктуре, ни в каких-либо других условиях деятельности этих предприятий. Напротив, 1927/28 г. является благоприятным для работы частника и весьма выгодным в связи с затруднениями в снабжении потребителя товарами, для получения ими сверхприбылей. Недообложение этих групп плательщиков и такую пестроту в обложении, по нашему мнению, можно объяснить только тем, что <...> зачастую не применяли выработанных СНК [Советом Народных Комиссаров] норм для достаточных на то оснований»⁶⁶⁸. Лишь в отношении лиц свободных профессий налоги взимались относительно равномерно. Основную причину такого разнообразия специалисты видели в практике обложения. «Даже по г. Свердловску кустари с наемными рабочими в большинстве своем не были обследованы ни разу, кустари-одиночки охвачены обследованием не более чем на 20 %. Из общего числа 3373 плательщиков доход определен при помощи следующих методов (в процентах к итогу): индивидуальное обложение – 27,8; индивидуальное нормативное – 10,1; по показаниям плательщиков – 11,3; по показаниям свед[ущих] лиц – 16,2; по аналогии – 2,6; по нормам <...> – 24,4; по прочим данным – 7,6»⁶⁶⁹.

⁶⁶⁷ Орабочивание налогового аппарата // Уральский рабочий. 1929. 22 октября.

⁶⁶⁸ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 227. Л. 3.

⁶⁶⁹ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 227. Л. 5.

На основании этого делаются выводы о том, что очевиден низкий процент лиц, обложенных индивидуально; высокий процент обложения по нормам, полученным за счет второго участка и по показаниям сведущих лиц (кто конкретно выступал в роли экспертов, не уточняется).

В материалах ОкрФО содержится акт проверки владельцев торговых (выше III-го разряда) и промышленных предприятий г. Свердловска, освобожденных в 1927/28 г. от подоходного налога по необлагаемому минимуму. В большинстве случаев сотрудник Свердловского ОкрФО Коцюба отмечает необоснованность освобождения или использование заниженной ставки налогообложения, однако, в некоторых случаях освобождение от налога признано правомерным: «Кардаш Матвей – торговал пивом на вынос по патенту III разряда с 01 апреля по 11 мая 1928 г., размер оборота составлял 2000 руб. Освобожден за отсутствием дохода. Замечания: Освобожден правильно, так как имеются данные, что некоторое время состоял безработным, а после работал в Асбесте. Доход по нормам, по торговле пивом 13 %, т. е. 260 руб.»⁶⁷⁰

Напротив, «Алексеева Ольга – торговля готовым платьем по патенту III разряда с 17 ноября 1927 г. по 05 января 1928 г., размер оборота 4750 руб. Доход от торговли 449 руб. или 9 %. Замечания: Процент прибыльности недопустимо низкий, ничем совершенно не обоснован. Исчисление обосновано исключительно на показаниях плательщицы. Сообщены сведения 2 участком»⁶⁷¹.

В документе есть одиозный пример освобождения от налога крупного предпринимателя: «Янченко Федор – торговля обоями, стеклом и др. по патенту V разряда с 01 октября 1927 г. по 30 сентября 1928 г., размер оборота 116400 руб. Замечание: Необходим срочный пересмотр обложения. Пересмотр дела по обложению Янченко поручить группе подотдела с приглашением бухгалтеров и представителей ОблФО»⁶⁷².

В материалах финансовых организаций содержатся сведения, относящиеся к системе взимания налогов, отчетные мероприятия, аналитические документы, выявляющие недостатки в работе и материалы о дополнительном обложении налогоплательщиков или об отмене незаконно предоставленных льгот. Однако эта деятельность, по мнению властей, была недостаточно радикальной и эффективной, поэтому требовались чрезвычайные и экстренные меры с привлечением кадров со стороны.

В архивных документах содержатся сведения о проведении кампании по взысканию с частного сектора недоимок по налогам. Если конкретизировать, то речь идет о трех документах:

⁶⁷⁰ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 227. Л. 21.

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 227. Л. 22.

письме заведующему Свердловским ОкрФО, подробной инструкции о проведении кампании и памятке (краткой инструкции), предназначенной непосредственно членам рабочих бригад. Все документы носят типовой характер, т. е. предназначались для рассылки руководителям ОкрФО, поэтому тексты напечатаны на пишущей машинке, по всей видимости, в нескольких экземплярах, а название конкретного отдела и фамилия его руководителя вписаны от руки. Все документы отмечены грифом «Совершенно секретно».

В письме заведующему Свердловским ОкрФО Лебедеву от заместителя заведующего ОблФУ Урала Иванова от 20 января 1929 г. говорилось следующее: «На Урал прибыл представитель Центрального Штаба по ликвидации недоимок с частного сектора для организации кампании по всей Уральской области. Организация этой кампании намечается примерно следующим образом. В области создается областной штаб из представителей – прокурора, ГПУ, ОблФУ, РКИ и рабочих с производства, под председательством рабочего с производства; такие же штабы организуются в округах. Для оперативной работы на определенных территориях организуются тройки. Для непосредственного взыскания организуются бригады рабочих. Вся работа по взысканию сводится: а) к проверке действия налогаппарата по взысканию, б) непосредственному взысканию недоимок с отдельных недоимщиков.

Взысканию подвергается вся недоимка частного сектора свыше ста рублей, как числящаяся на счетах, так и сложенная (условно или безусловно). При непосредственном взыскании на рабочие бригады возлагаются производство обысков и изъятие всякого имущества вплоть до облигаций, залоговых квитанций, денег и друг[ого]. Рабочие бригады снабжаются прокуратурой ордерами на обыск, как самих недоимщиков, так и третьих лиц. Вся работа бригад по взысканию будет начата внезапно в одно определенное число, по всей области и будет производиться ночью. 21 декабря [исправлено на 23 декабря – А. К.] организация этой кампании будет согласована с окружными организациями и после этого будет дано официальное указание о методах и способах реализации...»⁶⁷³

Очевидно, что приведенный текст не оригинален по своему содержанию, а фактически дублирует письмо, направленное в адрес Областного финансового отдела из Москвы. Это становится очевидно по той причине, что в ряде случаев слово «область» непосредственно в документе зачеркнуто и заменено на «округ».

В инструкции, предназначенной для рабочих инспекторов, подробно описывались план и технология проведения кампании. В преамбуле говорилось о целях кампании и о том, что инициаторами ее проведения выступили рабочие Москвы под руководством партийных организаций: «Выполнение контрольных цифр по бюджету требует от работы наших

⁶⁷³ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

финорганов четкой работы по мобилизации средств на социалистическое строительство, особенно в части максимального взыскания налоговых поступлений с частнокапиталистических элементов. Между тем, как чистка финорганов обнаружила прямые извращения классовой линии в налоговой политике в части сложения недоимок по безнадежности, рассрочке платежей и явного недообложения частнокапиталистического сектора <...> Задача мероприятия должна сводиться: 1. <К> принудительному взысканию текущей недоимки со злостных неплательщиков, с одной стороны, и неправильно сложенной и списанной недоимки, с другой стороны, и выявления факта недообложения частника, с одновременным изъятием от него имущества и ценностей, и обращение их на покрытие числящейся за ними недоимки по налогам и другим обязательствам перед государством. 2. К оценке классовой линии в работе финансово-налогового аппарата финорганов на основе критического анализа и тщательного изучения полученного материала, в результате проведения операции о причине накопления недоимок, а также методов борьбы с частником в интересах фиска»⁶⁷⁴.

Декларируемые цели свидетельствуют о дефиците ресурсов для реализации планов форсированной индустриализации, поэтому было необходимо активизировать работу по первоначальному социалистическому накоплению, изъятию из необобщественного сектора ресурсов, необходимых государству. Помимо некооперированной деревни, источником внутреннего накопления были кустарно-ремесленное производство и частная торговля, т. е. частнопредпринимательский уклад в целом. Острота ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что для очередной экспроприации активно привлекали рабочих с производства. Представители финансово-кредитного сектора экономики, строившие свою работу на основах экономического расчета, прагматизма и хозяйственной целесообразности, рассматривались центральной властью как ненадежные или не вполне лояльные исполнители, не способные в полном объеме реализовать линию партии.

Если в качестве причины недостаточно полного обложения частника указывалась низкая квалификация финансовых инспекторов и большая текучка кадров, то в кампанию вовлекались граждане, у которых вообще отсутствовали специальные знания. Примечателен тот факт, что в ходе операции рассматривалась как текущая задолженность, так и уже списанная, выведенная ранее «за баланс» с соблюдением всех формальных процедур. Таким образом, ставилось под сомнение ранее принятое решение финансовых органов.

Предполагалось, что: «Политическое мероприятие проводится под руководством местных органов КК РКИ путем организации и вовлечения в эту работу рабочих с производства. Для непосредственного руководства и ведения оперативной работы на крупных предприятиях,

⁶⁷⁴ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

преимущественно, шефствующих над финорганом по инициативе самих же рабочих организаций создается «центральный штаб рабочей бригады» из представителей рабочих, составляющих большинство, КК РКИ, ОГПУ, Финоргана и прокуратуры. Штаб возглавляется начальником из числа рабочих»⁶⁷⁵.

Далее говорилось: «Центральный штаб бригады работает при прокуратуре и в тесном контакте с ней. Проведение и юридическое оформление операций производится по мандату и ордеру прокуратуры <...> Прямыми исполнителями работы являются рабочие с производства из числа товарищей, активно проявивших себя на общественной работе, безусловно выдержанные, дисциплинированные и проверенные на практической работе. В зависимости от объема работы, в том или другом финансовом районе или участке, рабочие распределяются по оперативным тройкам. В оперативную работу можно также вовлекать наиболее преданных делу работников финансового аппарата. Однако ни в коем случае не поручать им самостоятельной работы, а только совместно с рабочим и под его руководством»⁶⁷⁶.

В данном случае административными полномочиями, точнее функциями прокурорских работников наделяются общественники, рабочие-активисты с производства.

Особый раздел инструкции был посвящен процедурам подготовки к работе. Информационной базой для работы «троек» должны были стать сведения, предоставляемые финансовыми органами. «В целях соблюдения конспирации центральный штаб по договоренности с исполкомом получает от финоргана поименный список налогоплательщиков и недоимщиков по каждому финансовому району или участку»⁶⁷⁷.

Еще один документ, который содержится в архивном деле – это обращение непосредственно к наиболее деятельному и активному участнику акции – рабочему. В нем перечислены действия, которые должен осуществить участник рабочей бригады. Отметим, что эти рекомендации фактически предполагали выполнение рядовым рабочим роли следователя, а составление детальной анкеты на должника потребовало бы серьезных аналитических навыков. В частности, в обращении говорилось: «Товарищ! Перед тобой две основные задачи: 1) по каждой недоимке ознакомиться со всем материалом финотдела, заполнить на каждого недоимщика анкету и проверить правильность действия финработников по взысканию недоимки и по ее сложению, если она была сложена; 2) взыскать недоимку, т. е. отправиться к недоимщику на квартиру и на его предприятие, если оно у него есть, выяснить все имеющиеся у недоимщика имущество и арестовать это имущество (т. е. описать его), чтобы путем дальнейшей его продажи покрыть недоимку»⁶⁷⁸.

⁶⁷⁵ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

⁶⁷⁶ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 6.

⁶⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 7.

⁶⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 14.

Противоречие заключается в том, что исходные данные для анализа ситуации с задолженностью рабочие бригады должны были извлекать из документов, подготовленных финотделом. В то же время, добросовестность чиновников ставилась под сомнение и преследовалась цель выявления нарушений в их деятельности.

Перечень⁶⁷⁹ того, что должен был сделать член рабочей бригады непосредственно на предприятии или в доме у должника был настолько внушительен, что был сопоставим с выездной налоговой проверкой, которая требовала значительного количества времени и сил, а также соответствующей подготовки, которой порой недоставало даже налоговым инспекторам. Для сбора информации по данному перечню понадобились бы не только аналитические способности, но и навыки оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо отметить, что обыску помещений и конфискации имущества могли быть подвергнуты не только те граждане, которые входили в заранее составленный список должников, но фактически любой гражданин, в отношении которого возникли подозрения в связях с частным предпринимателем.

Требования к документированию операции (ст. VII инструкции) были связаны как со стремлением придать легальность кампании, так и для обеспечения контроля над всем процессом. Помимо списка недоимщиков, на каждого должника предполагалось завести дело, которое включало в себя анкету, протокол обыска, акт описи имущества, использованный ордер на обыск и иные сопроводительные документы, в т. ч. расписки о приеме ценностей и изъятого имущества.

В соответствии с инструкцией, операция осуществлялась рабочими бригадами по мандату прокуратуры, однако их правовой статус не был четко прописан. Они сочетали в себе не только функции контрольных и надзорных органов (финансовых органов, РКИ, прокуратуры), полномочия судебных приставов, оценщиков, следователей (прокуратуры, суда, ОГПУ), но и секретарей-делопроизводителей. По нашему мнению, соблюдение перечня формальностей по документированию всех процедур было невозможно без специальной подготовки и профессиональных навыков. Исходя из этого, можно предположить, что основной объем административной работы брали на себя представители финансовых, правоохранительных или надзорных органов, т. е. специалисты. По факту это должно было существенно ограничивать роль рабочих в данной кампании. Как известно, роль составителя документа всегда более значительна, чем того человека (или даже коллегиального органа), который его принимает. Если основная нагрузка по документированию ложилась на рабочих с производства, то качество таких материалов не могло быть высоким. В таком объеме, в столь короткие сроки и в

⁶⁷⁹ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 14.

экстремальной обстановке оформить документы в соответствии с требованиями было весьма проблематично.

В ст. IX инструкции рассматривается процедура оценки и реализации конфискованного имущества и ценностей. Обращает на себя внимание, что после изъятия и предварительной оценки предусматривалась действительная оценка в более спокойной обстановке и с привлечением специалистов, т. е. «оценку производят компетентные комиссии, назначенные исполкомом <...> В состав Оценочных комиссий обязательно вводятся представители рабочих и члены центрального штаба»⁶⁸⁰. После действительной оценки определялась сумма, которую следовало направить на погашение задолженности.

Объективность оценки комиссии стоит поставить под сомнение по следующим причинам. В соответствии с инструкцией, часть конфискованного имущества направлялась на реализацию через торгово-кооперативную сеть в приоритетном порядке рабочим. Стоимость реализации напрямую зависела от оценки, поэтому члены рабочих бригад имели прямую заинтересованность как в максимальном объеме конфискации, так и в занижении оценочной стоимости имущества должника. Существование товарного дефицита делало процесс изъятия имущества у зажиточной части населения весьма привлекательным. Однако о конфликте интересов можно говорить только в том случае, если бенефициарами при распродаже имущества оказывались непосредственно члены «троек».

С точки зрения фиска также было нерационально завышать стоимость оценки в связи с тем, что денежные средства от реализации имущества шли на погашение налоговой задолженности. Установка на максимальное изъятие средств у частного сектора предполагала дальнейшее наращивание налоговой нагрузки, что давало основания для новых изъятий. В инструкции ничего не говорится о процедуре возврата гражданину той части имущества (или вырученных от его реализации сумм), которая оставалась после погашения задолженности, или о механизме зачета излишне изъятых средств в счет погашения будущих налогов. Очевидно, что существование частного предпринимательства в ближайшей перспективе не рассматривалось. Исторический горизонт, связанный с частным сектором хозяйства, был предельно короток.

Выводы по главе. Государственная политика как в отношении торговли в целом (внешней и внутренней), так и частной торговли, как ее составного элемента, была предопределена общими, порой диаметрально противоположными, представлениями о роли и перспективах существования товарно-денежных отношений при социализме. В своем развитии эти взгляды в течение 1920–1930-х гг. прошли три стадии: отрицание, признание и

⁶⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 11.

модификация. Отрицание пришлось на годы военного коммунизма, признание на период нэпа, а модификация была связана со становлением модели мобилизационной экономики.

Такие предпосылки развития товарно-денежных отношений как общественное разделение труда, многообразие форм собственности и внешнеэкономическая деятельность подлежали переосмыслению в контексте планов построения социализма. Для окончательной ликвидации товарно-денежных отношений гипотетически было проще всего ликвидировать многоукладность и, соответственно, многообразие форм собственности, а также сгладить различия в общественном разделении труда (умственный и физический труд, город и деревня). Эти воззрения, в конечном итоге предопределяли разработку и применение конкретных методов государственного регулирования.

При этом разнообразие методов и приемов государственного регулирования в отношении частного торгового предпринимательства было предопределено как неоднородностью самого объекта воздействия, так и ситуационным поведением властей. Политика государства в отношении частного капитала отличалась целенаправленным стремлением уничтожить этот рыночный сегмент, которому не было места в социалистическом обществе, и, в то же самое время, объективной необходимостью в существовании многоукладной экономики, проявлявшейся как в повседневной практике, так и в череде острых кризисов 1920–30-х годов.

Классификация методов государственного регулирования в условиях раннесоветского общества основана на понимании того, что примат политики над экономикой был атрибутивным свойством системы. Экономические методы носили дискриминационный характер по отношению к частному сектору. Их реализация сопровождалась рядом отклонений и перегибов, как в сторону ужесточения, так и в направлении условной либерализации политики по отношению к частнику.

Этапы государственной политики были предопределены решениями, принятыми на партийных съездах и борьбой с оппозиционными течениями в большевистской партии.

Текущая ситуация и необходимость давать ответы на вызовы времени, искать выход из кризисных ситуаций, которые в большинстве своем являлись следствием ошибочных решений властей, предопределяли колебания в линии партии и корректировку курса в отношении частного капитала на протяжении 1920–1930-х гг.

Недостатки государственной торговли и распределительной системы в целом приводили к рурализации городской жизни, к необходимости рабочему заниматься сельским хозяйством и торговлей в процессе адаптации к ситуации, при которой повсеместно господствовал дефицит продовольствия и товаров повседневного спроса. В этом контексте смычка города и деревни воплощалась в сочетании аграрных и индустриальных видов деятельности в жизни горожан и сельских жителей на индивидуальном уровне, а не как процесс согласование интересов двух

господствующих классов. Происходило размывание границ между городом и деревней, не за счет более высокого уровня производительных сил, а в рамках архаизации и универсализации хозяйственных практик отдельного человека, что противоречило тенденции на углубление общественного разделения труда.

Показателем того, что государственное регулирование частного торгового предпринимательства было основано на доминировании идеологии и административных методах являлось особое внимание к нему со стороны правоохранительных органов. Информационные сводки ОГПУ позволяют получить фактический материал о положении частной торговли в уральской провинции, об отношении к ней различных социальных групп, на конкретных примерах рассмотреть мероприятия властей, направленных на регулирование частного сектора хозяйства. Частные предприниматели в сводках ОГПУ представлены как классовые враги и источник потенциальных рисков, которые которых необходимо нейтрализовать силовым органам.

Необходимость первоначального социалистического накопления вынуждала использовать частное предпринимательство как инструмент извлечения ресурсов (материальных и финансовых), а также в качестве механизма решения хозяйственных проблем на местах, особенно на отдаленных, а значит, недоступных для централизованного распределения территориях.

Годы нэпа были периодом пробы сил и взаимной адаптации государственного и частного секторов экономики. Любое действие властей вызывало противодействие частника, не только в плане саботажа принятых решений, но и как побудительный мотив для появления новых практик, методов и способов ведения торговли, изменения ассортимента и локации частного предпринимательства. Кампании, проводимые властями, имели разнонаправленный результат, порой позитивный (новая торговая практика), а чаще негативный (экономическое регулирование на транспорте), что сказывалось на интенсивности товарооборота. Это, в свою очередь, стимулировало стремление частного сектора замкнуться, насколько это было возможно, в рамках собственного, частнопредпринимательского уклада, свести контакты с государственным сектором к минимуму. Таким образом, замкнутый круг частного сектора хозяйства можно рассматривать как результат государственной политики, а не только в качестве зрелой фазы развития частнопредпринимательского уклада.

Проведение показательных судебных процессов над частными торговцами и государственными служащими, которые являлись «агентами и соучастниками частного капитала в госаппарате» (Ю. Ларин), демонстрирует не только антагонизм государственного и частного укладов, но и стремление местных властей избежать форсированного уничтожения частника. В ходе судебных процессов были выявлены как различные торговые практики, в том

числе связанные с оптимизацией налогообложения, так и дефекты механизмов фискального учета и процедуры взимания налогов. Отметим, что и те, и другие были далеки от совершенства, существенно отклоняясь от установленных нормативов. Не абсолютизируя коррупционную составляющую, считаем, что причиной общности интересов частного и служащих финансовых органов была в общей судьбе, поскольку в рамках мобилизационной им не было места. Региональные руководители осознавали, что исчезновение частного было чревато проблемами со снабжением населения, поскольку ни кооперация, ни государственная торговля были не в состоянии заменить частного в полном объеме.

В ходе судебных процессов все настойчивее звучало требование окончательно решить вопрос с частной торговлей, что приводило к обвинительным приговорам, пусть и не столь строгим, как в последующие годы. Одним из методов, направленных на ликвидацию частного, явились кампании по взиманию задолженности по налоговым платежам, по своей форме и методам, напоминающим реквизиции первых лет советской власти. Форсированная ликвидация частного связана с выбором мобилизационной модели экономики, с автаркией, с установкой на обострение классовой борьбы, с процессами индустриализации и коллективизации. Исчезновение частного привело к дефициту ресурсов, так как обобществленный сектор был не в состоянии заполнить экономические ниши, прежде занимаемые частной торговлей. Но эти издержки, с точки зрения властей, были оправданы тем, что идеологический вред от наличия и эффективного существования частного сектора хозяйства был намного сильнее, чем снижение жизненного уровня населения и введение нормированного снабжения.

Частный сектор не был ликвидирован, он перешел на нелегальное положение, ушел в тень⁶⁸¹, а в ряде регионов фактически продолжал существовать, так как унифицировать экономическую модель хозяйствования директивными методами, особенно на удаленных и труднодоступных территориях, не представлялось возможным. Существование черного рынка в условиях товарного дефицита было предопределено наличием неудовлетворенного потребительского спроса, что серьезно отражалось на эффективности производства, так как приводило к хищениям и злоупотреблениям в, казалось бы, монолитном государственном секторе экономики. Теневая экономика являлась носителем не столько предпринимательских традиций (которые бросились возрождать в 1990-е гг.), сколько криминальных.

Советская экономика оставалась многоукладной на протяжении всего своего существования, но не столь разнообразной и разноцветной по палитре, как в императорской России и в годы новой экономической политики.

⁶⁸¹ См.: Радаев В. В. Теневая экономика в России: изменение контуров.

Глава 4. Организационные формы и специализация частной торговли

4.1. Основные характеристики товарооборота Уральского региона

Период нэпа являет собой пример дуалистичного сочетания, своеобразный гибрид государственного регулирования и частнопредпринимательской инициативы. Время, когда сосуществовали разнородные и кажущиеся несовместимыми элементы хозяйственной жизни, конкурирующие экономические уклады. Возможно, что эта конкуренция (даже с учетом неравенства прав субъектов), обеспечивала высокий динамизм и успешность политики восстановления хозяйства после Гражданской войны.

В столь сложной и неоднозначной ситуации, когда экономическая политика государства не отличалась стабильностью и колебалась вместе с линией партии, именно торговля могла претендовать на роль барометра экономической жизни.

В этой связи проблема межрегиональных торговых связей Урала представляется чрезвычайно актуальной. На примере товарного обмена можно проследить все сильные и слабые стороны экономического развития региона, его особенности, оценить позитивные и негативные последствия государственной политики в области товарообмена. Через призму межрегиональных торговых связей отчетливо видны устремления и конкретные направления экономической политики как региональных властей, так и центральных партийных и плановых органов.

Проблема создания единого российского рынка не была решена в годы нэпа, подобно тому, как не удалось ее разрешить до начала Первой мировой войны. Отсутствие сбалансированного продуктообмена можно было объяснить грандиозными пространствами России, ее моноцентричностью (когда большинство финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов концентрировалось в столицах). Последнее обстоятельство логически вытекало из роли государства в управлении всеми процессами жизни общества. Отметим, что усиление госрегулирования было характерно для всех воюющих стран, но возможности вернуться на рыночный путь развития России уже не представилось.

Первая мировая война внесла дисбаланс в единый российский рынок. Условия военного времени вынуждали применять чрезвычайные меры, вводить государственное регулирование, которое было логически продолжено политикой военного коммунизма.

Даже такое кардинальное потрясение, каким стал для России 1917 г. (когда совершился переход сначала от самодержавия к буржуазной демократии, а от нее к диктатуре), не могло поколебать доминирующую роль государства. Главным ориентиром большевистского руководства при строительстве нового строя стало всеобъемлющее централизованное планирование, которое рассматривалось как источник созидательной силы. Товарооборот

воспринимался под этим же углом зрения: «Правильный хозяйственный план области возможен ...только на основе составления народно-хозяйственного баланса. Для построения последнего, помимо учета дохода и расхода той или иной отрасли народного хозяйства внутри области, необходимы еще учет того, что область получила извне и что дала от себя за тот или иной промежуток времени»⁶⁸².

Одной из наших задач является рассмотрение товарооборота на Урале в системе межрегионального разделения труда. В отечественной историографии есть примеры такого рода анализа. Например, В. П. Тимошенко рассматривал место Урала на мировом рынке в 1917–1941 гг.⁶⁸³ Говоря о межрегиональном обмене, следует отметить, что в количественном выражении связи Урала с другими регионами страны были намного более интенсивными, чем с зарубежными странами⁶⁸⁴.

Уральская область включала несколько типичных в естественно-историческом и экономическом отношениях обширных зон. Сюда входили колоссальные пространства Урало-Тобольского Севера с их большими пушными ценностями и широкими колонизационными возможностями, Уральский хребет с его неистощимыми лесными и ископаемыми богатствами, южная и юго-восточная части области с весьма благоприятными условиями для развития товарного сельского хозяйства, с промышленным скотоводством, птицеводством, экспортным маслоделием и проч.⁶⁸⁵

Все это создавало предпосылки для активного товарообмена как внутри региона, так и за его пределами. Однако в течение длительного времени Уральский регион характеризовался как территория развития затратных отраслей промышленности. Свободных капиталов было крайне недостаточно. Возникшие сравнительно небольшие накопления, как правило, находили свое применение в более благоприятных для инвестиций регионах и отраслях, перекачивались в центральные районы России.

Огромные территориальные пространства России, традиция внутренней колонизации и присоединения земель, наличие богатейших природных ископаемых предопределили узкую специализацию в развитии новых территорий. Сложившаяся диспропорция в структуре промышленного производства определялась значительным перевесом отраслей тяжелой индустрии и, как следствие, на Урале традиционно ощущалась потребность в продукции легкой промышленности. Регион в значительной степени зависел от ввоза из других районов страны, только 1/3–1/4 часть потребляемых уральским населением промтоваров производилась на

⁶⁸² Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 351.

⁶⁸³ Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях. 1917–1941 гг. Свердловск, 1991. 148 с.

⁶⁸⁴ Килин А. П. Уральская область в межрегиональной торговле в 1920-е годы. // Историческая наука на рубеже веков. Мат-лы и тезисы науч. конференции. Екатеринбург, 2000. С. 408–410.

⁶⁸⁵ Коробкин М. Урал и его значение в экспортном хозяйстве СССР // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 311.

местных предприятиях. В результате увеличивалась нагрузка на торговый аппарат. Приходилось покрывать большие расстояния, разделяющие производителей товаров широкого потребления в Центре России и уральских потребителей. С принятием курса на индустриализацию, проблема снабжения Урала товарами широкого потребления еще более обострилась. Увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность региона привело к значительному росту городского населения, к увеличению денежной массы, не обеспеченной товарным предложением.

Вопросы, которые обсуждались на страницах журнала «Хозяйство Урала» в 1920-х годах, не утрачивали актуальности на протяжении всего советского периода. «Серьезной проблемой является экономическое районирование сферы сбыта отдельных крупнейших торгово-промышленных единиц. Как отдельные производства, так и отдельные промышленные районы, производящие предметы широкого потребления, в дальнейшем должны будут развиваться на основе рентабельности и приспособления к требованиям потребителя, с одной стороны, и на основе удовлетворения нужд экономически тяготеющих районов, с другой. Последний момент выявляет необходимость детального исследования и изучения как довоенного и современных рынков сбыта, так и всех основных экономических факторов торговой деятельности»⁶⁸⁶, – говорилось в одной из статей.

Характеристика Уральской полосы. Следует отметить, что в рамках Уральского региона (в период до Первой мировой войны) довольно отчетливо проявлялось деление на специфические торговые районы. Наибольшей торговой активностью отличался Горнозаводской Урал (в 1920-е гг. это была территория округов Верхне-Камского, Пермского, Тагильского, Кунгурского, Златоустовского, части Сарапульского, Екатеринбургского, Челябинского и Троицкого). Менее развитой была торговля в земледельческом Предуралье (большая часть Башкирской республики и, частично, Сарапульский и Курганский округа). Третьим по значимости в отношении торгового потенциала было Зауралье (Ирбитский, Шадринский, Челябинский, часть Екатеринбургского и Троицкого округов). До Первой мировой войны это территориальное образование носило обобщенное название «Уральская полоса».

Специфические условия Уральского региона достаточно полно использовались в довоенное время. Традиционное в нашем представлении транзитное положение Урала как границы Европы и Азии при анализе товаропотоков находит свое подтверждение. Многоукладность экономики региона адекватно отражала внутреннюю отраслевую структуру, предопределяла особую роль Урала в страновом и международном разделении труда.

⁶⁸⁶ Ардов Н. Торговые связи Урала с другими районами (рынки сбыта продукции уральской промышленности) // Хозяйство Урала. 1926. № 10. С. 183.

Выделим несколько взаимозависимых и взаимодополняющих типов товаропотоков, наличие которых было predeterminedено положением региона в территориальном и отраслевом экономическом пространстве.

Во-первых, транзитный статус Урала способствовал организации максимального выгодного обмена товаров с востока, пушнины с севера и европейских промышленных изделий. Это, так называемый, «транзитный» или реверсивный поток.

По своей направленности он смыкается с волнообразным товаропотоком, когда товары из европейской части страны реализовались на Урале, а уральская продукция (более низкого качества) находила сбыт на Востоке. Примером такого рода распределения может служить процесс реализации бумаги. Напротив, шанс пробиться на рынок европейской части страны и за рубеж имели уральские товары высокого качества, к которым относились металлические изделия. Таким образом, посредническая роль Урала в продвижении товаров с востока на запад и в обратном направлении была неоднозначной. На западе реализовывалась более высококачественная продукция.

Во-вторых, на Урале гармонично сосуществовали сельскохозяйственные и промышленные районы, производящие товарную продукцию. Это позволяло региону добиваться обеспечения населения наиболее важными продуктами питания и товарами широкого потребления за счет собственного производства, основанного на различных хозяйственных укладах. При известной доле условности такая структура производства придавала сбалансированный и законченный характер местному хозяйству. Большую роль в этой системе играло высокоразвитое ремесленное и кустарное производство. Таким образом, можно говорить о «внутреннем», замкнутом в пределах одного региона товаропотоке, ориентированном, прежде всего, на нужды местных потребителей. Разумеется, это не означало автаркию и даже какую-либо изоляцию от внешних региональных и международных рынков. В этой характеристике следует учитывать и невысокий уровень потребления населения, подавляющее большинство которого относилось к крестьянскому сословию.

В-третьих, Урал являлся районом, специализирующемся на производстве продукции тяжелой, лесной и солеваренной промышленности. Он обеспечивал ею близлежащие районы, а также рынки Европейской части России, Сибири и Средней Азии. Это позволяло на протяжении длительного времени иметь положительное сальдо в торговом балансе Уральской полосы. За счет распространения этой продукции по всей территории страны и за ее пределы формировался третий «радиальный» товаропоток.

Указанные направления движения товаров с территории Урала не существовали изолированно; они накладывались друг на друга и тесно переплетались. Именно сочетание этих товаропотоков позволяет нам представить насыщенную и разнообразную палитру торговых

связей Урала в довоенное время. Зримым воплощением этих многообразных торговых связей являлась сеть ярмарок, различного масштаба и специализации.

Товарооборот в годы нэпа. В годы военного коммунизма были нарушены все те товаропотоки, о которых говорилось выше. Столкновения на внешних границах, Гражданская война и иностранная интервенция обрубили концы радиальному товаропотоку. Многие предприятия Урала, как горнодобывающие, так и металлургические, функционировали на основе непрерывного процесса производства. Их остановка, даже на непродолжительное время, требовала последующих серьезных мероприятий по восстановлению. В результате был нанесен серьезный удар по базовым отраслям региона, что повлекло за собой свертывание производства.

Политическая нестабильность, инфляция и сокращение промышленного производства (работавшего в первую очередь на нужды армии) лишили крестьян мотивации для обмена продовольствия на необходимые им товары, что повлекло за собой сжатие внутреннего товаропотока. Хотя источники фабрикатов и продукции кустарно-ремесленного производства были достаточно близки к потребителю и транспортные издержки были не столь велики, как в столичных центрах, обмен между городом и деревней сворачивался и оживлялся лишь на неформальной основе на плечах «мешочников». Более 2/3 продовольствия в города попадала именно благодаря неформальному укладу. Он с трудом поддается учету, как следствие – в нашем распоряжении нет надежных данных о товарообороте Урала в годы военного коммунизма. Дефицит информации о нелегальном снабжении является объективной проблемой. А. Ю. Давыдов отмечает, что «авторы опасались крайней недостаточности данных для серьезного изучения народного нелегального снабжения»⁶⁸⁷.

Транспорт. Логистика является основой для развития торговых связей и, соответственно, основной причиной их ограничения и локализации. Преодоление пространства является той традиционной ценностью, которая объединяет совершенно различные периоды отечественной истории. Замкнутость, изолированность отдельных экономических анклавов, многоукладность хозяйства были вызваны ограниченными возможностями транспортной инфраструктуры, препятствовали формированию единого экономического пространства страны.

Инфраструктура предопределяет как интенсивность, так и направление торговых потоков. Именно контроль над транспортом, путем административных запретов или тарифной политики, позволял наиболее эффективно воздействовать на торговлю со стороны государства. Транспортная сеть Урала не была достаточно развитой. Это было связано с рельефом, с периферийным расположением региона, а также с оттоком инвестиций в начале XX в. из железнодорожного строительства Урала на аналогичные объекты Юга России.

⁶⁸⁷ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 5.

Железнодорожное хозяйство области не являлось единой хозяйственной единицей. По территории Урала проходили пять железных дорог: Пермская, Омская, Самаро-Златоустовская, Московско-Казанская и Троицко-Орская. Четыре последние дороги на территории Урала присутствовали лишь небольшими участками, и только Пермская железная дорога на 80 % находилась в пределах Уральской области. Кроме того, на эту дорогу приходилось 63 % всех железнодорожных путей, проходивших по территории Уральской области, и она выполняла около 3/4 всего местного железнодорожного грузооборота⁶⁸⁸. Наши представления о динамике грузооборота на Урале формируются главным образом на основе данных по Пермской железной дороге.

Водные пути. До появления железных дорог водные пути сообщения играли громадную роль в истории человечества, по ним шло расселение народов и образование государств. Водные пути Урала, дополняя железные дороги, являлись наиболее дешевым видом транспорта и наиболее удобным для передвижения таких громоздких грузов, как лес, хлебные грузы, камская соль, некоторые виды горнозаводских грузов (чугун, железо), каменный уголь, а также другие виды топлива⁶⁸⁹.

Товарооборот Уральской области в 1922/23 г. определялся в 36 % довоенного⁶⁹⁰. Различия в товарообороте с дореволюционным этим не исчерпывались. Существовала также разница в ассортименте продукции и районах сбыта. Но это лишь внешние признаки. После Октября 1917 г. многоукладная экономика приобрела новые черты. Появился новый социалистический уклад; кооперация шла по пути огосударствления; в годы нэпа был легализован частнокапиталистический уклад; по-прежнему доминирующее значение имел мелкотоварный уклад, действующий в более стесненных по сравнению с дореволюционным периодом условиях.

Учитывая эту ситуацию, следует отметить, что роль Урала в межрегиональном разделении труда была predeterminedена соображениями экономической эффективности настолько, насколько она оценивалась государством.

Помимо общих идеологических установок, значительное влияние на характер торговых связей оказывало новое, сформированное в 1919–1922 гг. административно-территориальное деление. В соответствии с ним были распределены зоны ответственности заготовительных и снабженческих организаций. Каждый губернский торговый отдел имел свой ареал. Так, Тюменский торговый отдел Губернского Совета народного хозяйства (ГСНХ) на 80 % сбывал продукцию в Сибирь и там же производил заготовки (на те же 80 %). Преимущественно в

⁶⁸⁸ Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924/25 году // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 351.

⁶⁸⁹ Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924/25 году. С. 351; Торговля Урала. С. 271–295.

⁶⁹⁰ Торговля Урала. С. 278.

Сибири производил заготовки и Челябинский губторг. Наоборот, Екатеринбургский пайторг и Пермторг сбывали продукцию почти исключительно на Урале с заготовкой в России (Пермторг на 62 %, Екатеринбургский пайторг на 50 %) ⁶⁹¹. Их влияние во многом предопределялось исключительной административной ролью Перми и Свердловска, их транспортными функциями. Таким образом, с объединением губторгов в синдикат «Уралторг» за последним оказался огромный рынок заготовок и сбыта: Сибирь – Урал – Москва.

Рынки сбыта уральской продукции в 1920-е гг. Материалы Уральского статистического управления дают возможность реконструировать более и или менее полную картину рынков сбыта основной продукции уральской промышленности. Наибольшая доля в ассортименте продаваемой Уралом продукции традиционно принадлежала металлургии – наиболее конкурентоспособной отрасли хозяйства.

Необходимо отметить, что уровень конкурентоспособности уральской продукции не сводился только к вопросу качества, так как по целому ряду позиций Урал являлся монополистом.

Металлургия. Из изделий этой группы наибольшее значение для товарооборота Урала, особенно внешнего, имеет кровельное железо. Это традиционный для региона вид экспортной продукции. Основной его потребитель – Центральная Россия (московский рынок). За июль–декабрь 1922 г. в этот регион с Урала было продано 3 тыс. тонн кровельного железа. Большое количество железа потребляла Сибирь (2,2 тыс. тонн). Следующее место занимал Средне-Поволжский район (2 тыс. тонн), местный Уральский (770 тонн) и, наконец, Средне-Азиатский (300 тонн). Широкое распространение имело и сортовое железо. Из 5,6 тыс. тонн 1,6 тыс. тонн было продано на Урале, 1,5 тыс. тонн в Центральную Россию, 740 тонн в Сибирь, 620 тонн на Среднее Поволжье и до 1 тыс. тонн реализовано в разных местах вне Урала различным контрагентам Уральского горнозаводского синдиката. В значительных количествах вывозились с Урала гвозди, в основном в Центральную Россию, в таком же объеме, сколько потреблял сам Урал. Затем следовали Сибирь и Среднее Поволжье ⁶⁹². Исключительно в центр вывозился колчедан. Монополистом в потреблении уральского металлического магнетита была Центральная Россия. Следующее по значимости место в вывозе металлов принадлежало чугунному мелкому литью. Больше всего этой продукции ввозила Сибирь, затем шли Центральная Россия, Средняя Азия и Поволжье; значительная доля приходилась на местное потребление. Почти в одинаковом количестве с мелким литьем вывозился штыковой и литейный чугун, главным образом в Центральную Россию, около 10 % от центрального вывоза

⁶⁹¹ Торговля Урала. С. 288.

⁶⁹² Там же, С. 282.

шло в Сибирь. На центральный же рынок поступало и крупное чугунное литье (до 40 % общей синдикатской продажи), и наполовину меньше – в Среднее Поволжье⁶⁹³.

В условиях товарного голода, в особенности на товары широкого потребления, большим спросом пользовалась уральская посуда (сшивная и эмалированная), при этом половина всей сшивной посуды шла в Сибирь, а 25 % поступало на центральный рынок. Напротив, 60 % всей эмалированной посуды потреблялось центральными рынками, а оставшаяся шла в Сибирь, на Волгу и в Среднюю Азию.

Несмотря на товарный голод и постоянно ощущаемый дефицит товаров широкого потребления, реальная практика полна примеров неэффективного распределения. Так, например, по разрядкам эмалированная посуда поступала в сельскую местность, где не находила сбыта. В крестьянском быту использовалась чугунная посуда, пригодная для печей. В такой ситуации в силу вступали законы рынка, и частные торговцы перекупали в кооперативных магазинах этот залежалый и, одновременно, остродефицитный товар, а затем с выгодой перепродавали его в других регионах или в крупных городах.

Большим спросом в Поволжье пользовалась уральская железная проволока, некоторое ее количество поступало и на центральные рынки, а самая малая часть расходовалась на месте.

Из дефицитных товаров широкого потребления следует назвать проволочную ткань и плотницкие инструменты (центральные рынки), косы и серпы (Сибирь), пилы поперечные и продольные (Сибирь, Поволжье, Центральная Россия, Средняя Азия), топоры и лопаты (Сибирь), шурупы для дерева (Среднее Поволжье)⁶⁹⁴.

Основной тенденцией в торговле металлическими изделиями являлось последовательное увеличение объемов сбыта металлов на восточных окраинах за счет Европейской России, а также расширение ассортимента продукции по сравнению с довоенным уровнем.

Анализируя перспективы районирования спроса и предложения продукции черной металлургии к концу 1920-х гг., экономист-практик С. П. Фармаковский отмечал: «Уральская металлургия по своей географической природе должна снабжать металлом, прежде всего, свой естественный северо-восточный район европейской части Союза ССР и часть Западной Сибири. Затем к ней географически тяготеют Верхнее и Среднее Поволжье, Казахстан и Туркестан. И, наконец, на долю снабжения Урала падает, в порядке вывоза излишнего производства, часть потребностей центральных районов, Ленинградской области, Нижнего Поволжья и через Волго-Каспий, Закавказья»⁶⁹⁵. Отметим, что роль центральных районов

⁶⁹³ Торговля Урала, С. 283.

⁶⁹⁴ Там же.

⁶⁹⁵ Фармаковский С. П. Перспективы районирования спроса и предложения черного металла // Хозяйство Урала. 1927. № 10. С. 86.

заметно снижалась. Это предопределялось как ростом металлургической базы на юге России, так и потребностями в более качественной продукции (табл. 8 и 9 Приложения).

Продукты лесной промышленности. Из этой группы товаров, сбыт которых организовывал Камско-Уральский лесобумажный трест, преимущественно на Урале потреблялись следующие виды продукции: дрова, пиломатериалы, бумага и картон, тес липовый и осиновый, а также древесный уголь. Бревна почти полностью шли в Поволжье и Центральную Россию, туда же отправлялись крупные партии липового и осинового теса и различных пиломатериалов. Спрос на уральские лесные материалы в этих степных районах был велик, в особенности на дрова, бумагу и картон. Что касается Сибири, то туда в большом количестве поступали деревянные бочки, крупные партии лесоматериалов и крупнейшие партии бумаги и картона (Сибирь являлась основным его потребителем), в сравнительно небольших количествах Сибирь покупала на Урале древесный уголь. В Среднюю Азию поступали пиломатериалы, причем в очень крупных объемах⁶⁹⁶.

Химикаты. Уникальные ископаемые запасы Уральского региона позволяли вести эффективную добычу и переработку дефицитного сырья, необходимого для промышленности всей страны. Так, за 8 месяцев 1922/23 г. (с октября по май) трестом Уралхим было продано 4 065 тонн кальцинированной и 2 715 тонн каустической соды. Этот продукт (в порядке установленных приоритетов) почти полностью поглощался Европейской частью России и Украиной; незначительное количество кальцинированной соды шло в Сибирь и на среднеазиатские рынки.

Только Европейская часть Союза ССР потребляла уральский серный колчедан, техническую азотную кислоту, медный и железный купорос, хромокалиевые квасцы, а хромонариевые поступали в Сибирь⁶⁹⁷ (табл. 10 Приложения).

Соль. Добыча соли также относится к традиционным отраслям уральской промышленности. Высокое качество пермской соли, получившей название «пермянка», было хорошо известно в России. Она содержит йодистые соединения и благотворно влияет на организм при болезнях щитовидной железы и радиационном облучении. В советское время соляную промышленность Урала представляли солеваренные заводы, объединяемые Пермсолью. В 1920-х гг. «пермянка» имела сбыт, главным образом, на центральных рынках, куда она вывозилась по системе реки Волги и ее притоков. С волжских перевозочных складов соль распространялась в центральных губерниях и в Северо-Западной области. Учитывая неполноту статистики перевозок водным транспортом, приведем некоторые данные. Так, в 1924/25 г. сбыт был распределен следующим образом: центральные и северные губернии СССР

⁶⁹⁶ Торговля Урала. С. 284.

⁶⁹⁷ Там же

– 62 %, Урал – 28 %, Сибирь и Дальний Восток – 7 %, и прочие районы – 3 %. Рынок Урала насыщался солью достаточно полно, однако ее потребление в годы нэпа было все же ниже довоенного уровня⁶⁹⁸.

Асбест относился к высоколиквидным видам продукции не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Значительная его часть шла на экспорт. Асбестовые изделия находили сбыт через трест Ураласбест. За 9 месяцев 1922/23 г. было продано 2,1 тыс. тонн сортового асбеста, из них 1,6 тыс. тонн за границу; остальное было реализовано в Европейской части РСФСР, на Украине и в Крыму⁶⁹⁹.

Текстиль. Уже было отмечено, что Урал испытывал недостаток в продукции легкой промышленности. В нее вкладывали непропорционально меньше средств, чем в тяжелую индустрию. Однако продукция фабрик пользовалась чрезвычайно высоким спросом. Мануфактура являлась своеобразной валютой. Располагая тканями, можно было с большой выгодой приобрести продукты питания и самые разнообразные товары широкого потребления. Этот фабрикат относился к высоколиквидным товарам, поэтому позволял ускорить товарооборот, получать за него живые деньги и решать проблемы с обеспечением предприятий сырьем и выплатой заработной платы работникам в денежной, а не товарной форме. Работая на привозном сырье, предприятия области значительную часть своей продукции были вынуждены отправлять в другие регионы (табл. 11 Приложения). При этом на Урале существовал постоянный дефицит текстильной продукции.

Сельскохозяйственная продукция. Значительное место в региональном экспорте занимала сельскохозяйственная продукция, в том числе идущая на экспорт. Большим спросом пользовались сливочное масло, а также мясная и кожевенная продукция (табл. 12 Приложения).

Ввоз. О ввозе товаров на Урал систематических сведений не имеется. Судить о характере и размерах этих операций можно, исходя из данных Уральской конторы Торгово-промышленного банка (Промбанка) о его переводных денежных операциях. Свыше половины, а точнее 53 % всех переводов было адресовано в Москву. Размер переводов в другие населенные пункты СССР, даже в Ленинград, был в разы меньше. Если рассматривать операции по оплате переводов (перечисление денег на Урал), то и в этом случае получается аналогичная картина: основная часть переводов на Урал (в Екатеринбург – Свердловск) поступала из Москвы (около 40 % общей суммы всех переводов). Этот факт наглядно демонстрирует, что основной торговой артерией Урала было направление от Москвы и на Москву. Существенно более скромное, но все же заметное место среди прочих городов, участвовавших в переводных операциях с

⁶⁹⁸ Ардов Н. Торговые связи Урала. С. 188–189.

⁶⁹⁹ Торговля Урала. С. 284.

Уралом, принадлежало Ростову-на-Дону (27 % всех переводов). Это закономерно, поскольку Юго-Восток республики был важным торговым партнером Уральского региона⁷⁰⁰.

Среди других городов, занимавших заметное место в денежных переводах на Урал, отметим Ново-Николаевск (Новосибирск) и Ленинград. Тесные торговые связи у Урала существовали с Харьковом и Нижним Новгородом. Преимущественно из Харькова на Урал поступали продукты украинского производства, а Нижний Новгород имел крупное значение как место проведения всероссийской ярмарки.

Следует отметить, что переводов на Урал было значительно больше, чем с Урала. Так, по восьмимесячному отчету Уральской конторы Промбанка, при ее посредничестве в 1924 г. на Урал поступило 3,65 млн руб. золотом, переведено же с Урала 1,2 млн руб. золотом. Эти цифры достаточно убедительно показывают, что Урал, как до Октября 1917 г., так и в 1920-х гг. имел положительный торговый баланс⁷⁰¹. Представление об ассортименте ввозимых товаров широкого потребления дает табл. 13 Приложения.

В ввозе товаров широкого потребления на Урал существовали свои лидеры. Так, 63,5 % сахара завозилось с Украины и из Крыма, 14,6 % из Волжского района и 12,6 % из Северо-Западной области, остальные районы играли незначительную роль. Поставки мыла распределялись более равномерно: 35,5 % из Волжско-Камского района и Башкирии, 23,1 % из Московского Промышленного района, 20,3 % мыла поставляли Казахстан и Сибирь, 16,7 % – Северо-Западный район. В поставках бумажной ткани лидировал Московский Промышленный район, в котором концентрировались предприятия легкой промышленности – 94,5 %. Этот же район выступал поставщиком «прочей мануфактуры», на его долю приходилось 76,3 %.

Резиновые изделия поступали из двух регионов. На долю Северо-Западного района приходилось 50,8 % поставок и 31,2 % шло из Московского Промышленного района. Табачные изделия поступали из различных районов страны. Задержки с поставками этого вида продукции переживались достаточно остро. Подлинный дефицит табака и связанную с ним напряженность может оценить только человек, находящийся в никотиновой зависимости. 24,8 % табака поставлял Северо-Западный район, 18,1 % Казахстан и Сибирь, почти поровну Московско-Промышленный (13,7 %), Украина и Крым (13,4 %); 11,5 % Центрально-земледельческий, на остальные регионы приходились меньшие доли.

Такого рода перераспределение произведенной продукции в условиях товарного голода приводило к неэквивалентному обмену между регионами. Урал вынужден был отправлять свою продукцию в центр, руководствуясь хозяйственным планом, а затем выступать в роли просителя товаров широкого потребления.

⁷⁰⁰ Торговля Урала. С. 284–285.

⁷⁰¹ Там же.

Товарный голод для Урала был хроническим явлением. Поставки товаров широкого потребления в этот промышленный край в 1920-е гг. не отличались стабильностью и стимулировались центральными органами власти в случае острой необходимости выполнить государственный заказ, или в периоды социальной напряженности.

Ярмарочная торговля. Показателем баланса торговых интересов и возможностей регионов могли служить ярмарки. В условиях восстановления естественного продуктообмена и как фактор, стабилизирующий связи между регионами, они стали занимать заметные позиции. Эта традиционная для России форма торговли еще раз доказала свою жизнеспособность. Однако, прерванные за годы Гражданской войны и периода военного коммунизма ярмарочные связи восстанавливались с большим трудом. За десятилетие, предшествующее нэпу, в экономических взаимоотношениях многих районов произошли более или менее значительные изменения. Место прежних торговых связей заняли новые.

В январе 1924 г. на совместном заседании ряда комиссий Института экономических исследований (ИЭИ) при НКФ РСФСР обсуждался вопрос об обложении ярмарок. Звучали разные мнения; в том числе говорилось о том, что ярмарки являются анахронизмом и отживающим явлением экономической жизни, их существование является временным и искусственно возрождать их не стоит. Отмечалось, что поскольку ярмарки имели значение лишь для оптовой торговли, которая всецело находится в руках государства, то ожидать от них новых возможностей не приходится. С другой стороны, существовала точка зрения, что в условиях экономического регресса ярмарки могут иметь значительное влияние на развитие торгового оборота, что они, как и частная торговля в городах, играют существенную роль в снабжении населения. Особо подчеркивалась роль мелких сельских ярмарок, где мелкие товаропроизводители могли реализовать продукты своего труда. В резолюции по итогам обсуждения говорилось: «Наши ярмарки были в прошлом необходимым явлением торгово-промышленной жизни, но они уже задолго до 1914 г. постепенно теряли свое прежнее экономическое значение в общем торговом обороте. Финансовая политика правительственной власти в отношении ярмарок сводится в настоящее время к освобождению от обложения как государственного, так и местного, всех ярмарок, имеющих общегосударственное значение, и особо важных с точки зрения интересов местного населения, с применением к прочим ярмаркам обложений на общих основаниях с другими торговыми предприятиями. Установление в настоящее время каких-либо особых сборов с ярмарочной торговли не представляется экономически необходимым. Но установление особых льгот для ярмарочной торговли едва ли было бы полезно, в виду отсутствия у ярмарок как большого значения в современном торговом обороте, так и особенно в виду отсутствия перспектив на широкое их

развитие в будущем. Исключением являются сельские ярмарки, сохраняющие свое основное значение. Льготы этим ярмаркам в промысловом обложении следовало бы расширить»⁷⁰².

Отметим, что в случае, если ярмарка признавалась имеющей общегосударственное значение, ее участники, помимо освобождения от промыслового налога, могли воспользоваться льготными тарифами при перевозке грузов железнодорожным и водным транспортом.

На Урале в четырех губерниях до Октября 1917 г., насчитывалось 74 ярмарки с оборотом свыше 100 тыс. руб. золотом каждая. Общий оборот всех этих ярмарок превышал 60 млн руб. золотом⁷⁰³.

Ирбитская ярмарка, которую когда-то называли «второе Всероссийское торжище», после Нижегородской ярмарки, снова была открыта в советское время. До постройки Великого Сибирского пути Ирбитская ярмарка имела для товарооборота Сибири и Урала колоссальное значение. В годы расцвета объемы торговли ярмарки достигали 40–45 млн руб.⁷⁰⁴

По данным, приведенным А. В. Дмитриевым, «сумма привоза товаров в 1829 г. равнялась 10,8 млн рублей... В 1839 г. привоз реализуемых в Ирбите товаров укладывается в 11,9 млн руб. серебром, к 1845 г. он вырос до 20,2 млн»⁷⁰⁵. Автор отмечает, что расцвет ярмарки пришелся на период всплеска золотодобычи на Урале.

В последние годы перед Первой мировой войной, вследствие общего упадка ярмарочной торговли и открытия торговых складов по линии Сибирской железной дороги (в частности, в Челябинске), обороты ярмарки уменьшились. До постройки Сибирской железной дороги Ирбитская ярмарка была огромным мануфактурно-чайным торгом, с помощью которого Сибирь, а более конкретно, охотники пушного промысла и скотоводы сибирских степей, на целый год снабжались европейскими товарами. Европейская же Россия получала из Ирбита годовой запас чая и разнообразные продукты животноводства, а также ковры, кошмы, шелковые материи и наиболее ценный товар – пушнину. Через эту ярмарку проходило не менее 50 % добываемой в Сибири пушнины.

В 1920-е гг., после восстановления, Ирбитская ярмарка снова стала мануфактурно-пушным торгом, а также местом продажи металлов. Однако, для Урала значение Ирбитской ярмарки оказалось невелико, гораздо меньше, чем Нижегородской ярмарки. Так, в 1923 г. в Нижний Новгород было завезено уральских товаров на 3,6 млн рублей, а в Ирбит всех товаров (не только уральских) прибыло лишь на 3,2 млн руб.

⁷⁰² РГАЭ. Ф, 7733. Оп. 1. Д. 6410. Л. 246.

⁷⁰³ Торговля Урала. С.292.

⁷⁰⁴ Торговля Урала. С.293; Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. № 5 (542). С. 179–220; Дмитриев А. В. Ирбитская ярмарка (1801–1917). Екатеринбург, 2004. 192 с.

⁷⁰⁵ Дмитриев А. Ирбитская ярмарка (1801–1917). С. 183.

Степень значимости Уральского региона в качестве поставщика продукции на общероссийский рынок демонстрирует его роль на Нижегородской ярмарке. В 1923 г. Урал по числу фирм (35 из 490) и по количеству привозимого товара занимал на Нижегородской ярмарке третье место, оказавшись непосредственно за Центрально-Промышленным и Верхне-Волжским районами. Позади Урала остались такие районы, как Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Украина и Кавказ. По весу уральские грузы составили 10 % всей завезенной массы грузов; на рынке металлов Уралу принадлежало почти 50 % товаров.

Привоз уральских товаров на Нижегородскую ярмарку в 1923 г. составил около 3,6 млн руб., причем по ассортименту они распределялись следующим образом: металлы – 46 %, кожаный товар и обувь – 18 %, текстильный товар – 13 %, химический товар – 6 %, пушнина, кожсырье и шерсть – 5 % (по ценности к общей сумме привоза). Продано товаров Уралом на 3,3 млн золотых руб.

Закупка Урала на ярмарке 1923 г. свелась к следующему: мануфактура, бакалейно-колониальные, скобяные товары и хлебофураж. В довольно крупные суммы вылились закупки изделий павловских и тульских кустарей⁷⁰⁶.

О сроках проведения ярмарок в Свердловске дает представление табл. 14 Приложения.

Состав участников ярмарок был разнообразным (см. табл. 9 Приложения) Изменения полностью совпадали с общими тенденциями во внешнем товарообороте Уральской области. Основной особенностью ярмарок советского периода было доминирование на них уральских контрагентов. Абсолютное большинство составляли торговые организации и синдикаты из г. Свердловска (118, 121 и 82 соответственно на второй, третьей и четвертой ярмарках) и предприятия Уральской области (соответственно 35, 30, 24). Конкуренцию им по своей численности могли составить лишь торговые организации из Центрально-Промышленного района (30, 38 и 49 организаций). Весьма заметным было участие контрагентов из Средне-Волжского района (14, 8, 11), Казахстана (15, 20, 12), Сибири (12, 5, 17) и Западного Китая. Последние не принимали участия во второй ярмарке, но были представлены весьма солидными делегациями на третьей (20 участников) и четвертой (47 представителей торговых организаций). Остальные регионы были представлены в незначительной степени или ограничились участием одной или двух организаций, выступавших скорее в качестве наблюдателей, а не участников. Отметим, что география участников ярмарок постоянно расширялась за счет привлечения стран Востока, что подтверждает справедливость неоднократно повторяемого тезиса о «восточном направлении» в сбытовой политике уральской промышленности.

⁷⁰⁶ Торговля Урала. С. 294.

В отчетах ОГПУ содержатся сведения о проведении ярмарок в округах, о составе и настроениях их участников (как продавцов, так и покупателей), ассортименте и объемах торговли, ценах. В материалах Пермского окружного отдела ОГПУ говорилось: «С 10 марта по 3 апреля с. г. [1924] в селе Ильинском и др. проходили ярмарки, на которые были командированы местной кооперацией представители с товарами, которые продавались по пониженным ценам. Крестьянство к товарам, выброшенным на их рынок кооперацией, отнеслось весьма хорошо и впечатление произведено громадное, почему крестьянство осталось довольным, считая, что кооперация ему не враг»⁷⁰⁷. «В гор. Перми с 9 по 20 июля с. г. [1924] открылась Петровская ярмарка, которая протекает нормально»⁷⁰⁸.

Отметим, что, помимо констатации фактов, сотрудники ОГПУ пытались проследить причинно-следственные связи при анализе ситуации. В сводке Троицкого округа отмечается связь развития ярмарочной торговли с поступлением сельхозналога в денежной форме: «Заметен сдвиг в сторону усиления поступления налога добровольным порядком, без применения штрафов по отношению к беднейшей части населения. Этому способствовали прошедшие ярмарки в Варне, Наслединской и Полтавке, где крестьяне нашли сбыт своей продукции»⁷⁰⁹.

В сводке по Тюменскому округу говорилось: «В Новозаимском районе была открыта двухнедельная ярмарка на которую приезжали частные торговцы из г. Тюмени, Ишима и др. городов, а также и кооперативы. Спрос был на коноплю, лен, щетину, пушнину и другие товары. Со стороны крестьян спрос был в большинстве на мануфактуру, но ощущался большой недостаток в мелких дензнаках, что, до некоторой степени, отражалось на сбыте товаров и было заметно недовольство, как со стороны покупателей, так и со стороны продавцов»⁷¹⁰.

Документально подтверждается предоставление кооперативным и государственным организациям особых льгот и преференций по сравнению с частными торговцами. «С 15.06.1924 г. в г. Тюмени открылась первая окружная сырьевая ярмарка. Развитие ярмарки слабое. На ярмарке почти только принимают участие кооперативные организации и государственные, частных приезжих торговцев зарегистрировано совсем ничтожное количество. На все товары в черте ярмарки кооперативным и государственным магазинам сделаны скидки от 5 до 20 %, также предоставлена льгота по железнодорожному и водному пути, для доставки и отправки товаров до 50 % скидки за провоз. Есть небольшой подъезд мелких кустарей из деревни. Покупателей пока совсем мало. На первом месте по торговым операциям и сбыту товаров стоит Сельское ЕПО «Пахарь» окрпотребсоюза, который также

⁷⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 51.

⁷⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 104.

⁷⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 178.

⁷¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 40.

конкурирует перед всеми торговцами. В магазине Гума, Уралторг и Сельхозсоюзе нет достаточного ассортимента товаров. У частных торговцев почти совсем остановлен сбыт товаров, так как цена у них на все товары выше кооперативных и государственных магазинов»⁷¹¹.

Общие тенденции. 1. Главная масса уральских изделий сбывалась вне Урала, на рынках Европейской России; второе место занимал Урал, затем шли Сибирь и Средняя Азия. Основным и традиционным районом сбыта уральской продукции являлась Европейская Россия, на рынках которой в 1924/25 г. было реализовано 58 % всех изделий. Второе место занимал Урал – 28 %, затем рынки Сибири – 11 % и Средней Азии – 3 %. Металлические товары и бумажные фабрикаты сбывались в основном в Центральной России; напротив, изделия текстильной и деревообрабатывающей промышленности расходились в значительных объемах на Урале. Начавшийся еще в 1923/24 г. процесс усиления сбыта на окраинных восточных рынках (Сибирь, Средняя Азия) за счет Европейской России продолжался и в 1924/25 г. (табл. 15 Приложения).

2. В 1924/25 г. стала проявляться тенденция усиления сбыта в окраинных районах за счет центральных рынков. Этот процесс был связан с восстановлением промышленности центральных районов, которые в определенной мере получили возможность самостоятельно удовлетворять свои нужды. Снижение доли центральных районов объясняется также тем, что после Гражданской войны они поглощали огромное количество продукции, полученной за счет не менее нуждающихся производящих регионов, в том числе самого Урала.

3. Довольно заметную долю в потреблении уральских металлов имели Юг России – Украина, Кавказ и восточные районы страны. Уральский металл помогал восстановлению разрушенной металлургической базы и насыщал продукцией те территории, в которых отсутствовало собственное производство.

4. В материалах 1920-х гг. неоднократно подчеркивалось: «В условиях резкого превышения спроса над предложением и ненасыщенности уральского рынка, первоочередной задачей уральской промышленности являлось более или менее полное удовлетворение местных нужд»⁷¹². Однако это положение никогда не было реализовано в полной мере. Лишь в период индустриализации, когда Урал стал снова превращаться в лидирующую промышленную базу страны, в товарообменных операциях ему был отдан приоритет. Однако полностью решить проблему снабжения региона товарами повседневного спроса не удалось, так как рост населения осуществлялся опережающими темпами. По оценке С. Г. Струмилина, потребительский спрос горожанина на продукцию фабричной промышленности превышал

⁷¹¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 120.

⁷¹² Ардов Н. Торговые связи Урала. С. 196.

спрос сельского жителя как минимум в пять раз. При переселении в город бывший крестьянин нуждался и в сельскохозяйственной продукции, которой в прошлом он обеспечивал себя сам⁷¹³.

Как мощный промышленный край, Урал имел реальную возможность обслуживать пока еще слабо индустриализированные районы, такие как Западная Сибирь, Казахстан, Туркестан и, в известной мере, внешние рынки – ближнюю Монголию, Западный Китай, Персию. На этих рынках разнообразная продукция уральской промышленности, которая при текущей конъюнктуре не имела перспектив реализации на западе страны (лес, металлоизделия, текстильная продукция, химические товары, кустарные изделия и др.), могла выдерживать ценовую конкуренцию даже с изделиями европейской промышленности⁷¹⁴.

Восточная ориентация уральской промышленности распространялась на экономическое пространство Сибири и Средней Азии и далее за пределы СССР. К середине 1920-х гг. уральские плановики уже уверенно включали в рынки сбыта региональной металлопродукции территорию Туркестана и сопредельные с ним страны Востока: Афганистан, Иран, Монголию, Западный Китай⁷¹⁵. Такое взаимодействие создавало предпосылки для формирования на Урале диаспорного уклада, ядром которого являлись представители тех этносов, с которыми налаживались хозяйственные, в первую очередь торговые связи. Знание особенностей территории, языка, товарного ассортимента и специфики его продвижения создавало предпосылки для переселения на Урал представителей тех регионов, которые были заинтересованы в Урале как в рынке сбыта или источнике товаров.

Как уже отмечалось, при рассмотрении межрегионального товарооборота Урала необходимо учитывать целый комплекс разнонаправленных тенденций. Не последнюю роль играли и идеологические установки. Восстановление промышленности центральных районов страны, несомненно, было оправдано, так как в довоенный период они были индустриально развитыми. Свою роль сыграло стремление руководства страны восстановить в первую очередь те предприятия, которые генерировали социальную опору нового строя – пролетариат.

В контексте мировой революции большие надежды возлагались на Запад. Когда прогнозы не оправдались, то симптомы зарождения нового строя стали видеть на Востоке, который, как в свое время Россия, рассматривался как очередное «слабое звено». По этой причине настойчиво повторялся тезис о восточной ориентации экономической политики государства, орудием которой должна была стать уральская промышленность. Эти прогнозы частично оправдались, и Урал внес значительный вклад в создание индустриальной базы в Китае.

⁷¹³ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М., 1930. С. 429.

⁷¹⁴ Коробкин М. Урал и его значение в экспортном хозяйстве СССР. С. 317.

⁷¹⁵ Зубков К. И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е – 1920-е годы) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 90.

Роль Уральского региона в советское время была полностью подчинена стратегии центрального руководства: концепция «региона для страны» служила средством для достижения глобальных целей.

Такое положение вещей приводило к тому, что говорить об Урале, как о регионе, способном обеспечить себя самостоятельно необходимыми продуктами питания и товарами широкого потребления, не приходится. Имела место полная зависимость региона от системы централизованного распределения. Шел постоянный торг с ведомствами за дотации, поставки сырья и товаров. Это выглядело как своеобразное развитие российской бюрократической традиции. В соответствии с единым народнохозяйственным планом, представление о прогрессивном развитии связывалось, прежде всего, с разворачиванием отраслей тяжелой промышленности. Легкая индустрия и сфера обслуживания развивались по остаточному принципу. Доминирующей схемой распределения товаропотоков с Урала в советское время была радиальная. Специализация Урала сделала его монополистом в производстве большого количества видов металлоемкой продукции, в том числе военного назначения. Что касается последней, то она транспортировалась как на запад, так и на восток.

4.2. Роль частного сектора в организации товарооборота

В условиях нэпа, при допущении рыночных механизмов обмена, роль торговой деятельности трудно переоценить. Она осуществляла связь различных секторов экономики: государственного, кооперативного и частного; промышленности и аграрного сектора; производителей и потребителей. Торговля обеспечивала вовлечение в общесоюзный рынок патриархального и мелкотоварного (по определению В. И. Ленина) укладов.

Отметим, что чем менее стабильной была ситуация, тем более оперативно и гибко должна была функционировать торговля. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание современники. М. М. Жирмунский отмечал: «Условия падающей валюты, затруднявшие калькуляцию и приводившие к невозможности для промышленности угнаться в своих отпускных ценах за растущей себестоимостью, хронический и редкий недостаток в оборотных средствах, оторванность от провинциальных рынков, вынуждавшая промышленность работать на территориально ограниченных рынках – все это, в своей совокупности, ставило промышленность в еще более тесную зависимость от рынка... Гегемония торгового капитала над промышленным явилась той основной причиной, благодаря которой убытки промышленности... делались, в значительной степени, прибылями частного торгового капитала»⁷¹⁶.

⁷¹⁶ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 57–58.

Сложившаяся в начале 1920-х гг. ситуация в экономике отводила роль источника накопления частного капитала государственному сектору, а наиболее оптимальным каналом для подобного рода перекачки являлась торговля. Отсутствие отлаженной системы снабжения и сбыта, налаженных связей в государственном секторе поднимало значимость частного посредника. При этом на законодательном уровне государственным предприятиям в отношениях друг с другом было запрещено прибегать к частному посредничеству. Однако это правило нарушалось.

Показателен пример, легший в основу судебного разбирательства по «делу Тетерина». Предприниматель Тетерин, «купив 31.10.1922 г. у отделения Камураллеса 410 куб. м дров, эти самые дрова, не приняв их формально, 04.11.1922 г. продал по более высокой цене Горнотресту. Таким образом, ловкий спекулянт Тетерин сумел нажить деньги на двух Гострестах: Лесном и Горнозаводском, в обоих случаях, надо полагать, не без поддержки со стороны руководителей этих трестов. Дирекция Горнозаводского треста, нуждаясь в дровах для Нытвенского завода, как это видно из переписки, желала и “отвоевывала” получить от Камураллеса дрова бесплатно. Впоследствии же, когда вопрос о бесплатном отпуске дров для Горного треста был решен неблагоприятно, то руководители Горнотреста пытались будто бы купить дрова у Камского Камураллеса на товарообмен за неимением денег, на что будто бы не согласилась дирекция Камского Отделения Лесотреста. Таким образом, два Гостреста, из коих один нуждался в продукции другого, не могли договориться о покупке один у другого и, в конце концов, прибегли к оригинальному способу своеобразного “арбитража” в лице спекулянта Тетерина. Камское отделение, по разъяснению сотрудников Лесозаготовительного отдела, нуждавшееся в деньгах, не желало продавать дрова Горнотресту в обмен на продукты последнего, но зато согласилось на продажу дров частному лицу в обмен на товар, продав эти дрова в убыток, а Горнотрест в свое время, требуя бесплатного отпуска дров у Камураллеса, купил таковые у Тетерина по более высокой цене, чем у Камураллеса. Убыток Камского отделения Лесотреста – 2 574 руб. 58 коп. золотом»⁷¹⁷. Анализ судебно-следственных дел показывает, что этот пример являлся довольно типичным.

Торговля давала максимальную скорость оборота капитала, не требовала крупных первоначальных затрат, была мобильна; в условиях товарного дефицита практически любой товар находил сбыт. Ведение торговой деятельности было возможно в скрытых формах, что, в свою очередь, создавало условия утаивания реальных доходов для уклонения от налогов. Торговую деятельность было столь же легко прекратить, как и начать. В условиях инфляции резко возрастает роль бартерных операций, и имеющийся на руках товар является более надежным средством платежа, нежели обесценивающиеся денежные знаки. Для занятия

⁷¹⁷ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 10. Л. 264 об.

мелочной торговлей не требуются и значительные профессиональные навыки. По этим причинам торговля привлекала максимальное число желающих заняться собственным делом в период экономической нестабильности. Зачастую лишь в торговле человек мог найти средства к существованию, так как уровень безработицы был высоким. В торгово-посредническую деятельность были вовлечены и те слои населения, которые не могли официально трудоустроиться, например, «лишенцы», ссыльнопоселенцы и т. п.

Отсутствие советского, то есть полностью подконтрольного государству, торгового аппарата выдвинуло частного торговца на первый план, а следом за ним – поднимаемую усилиями властей кооперацию.

Накопление. Происходившее в годы нэпа частнокапиталистическое накопление, в отличие от дореволюционной эпохи, имело существенные особенности. Как отмечал советский экономист И. Мингулин, «это накопление весьма неустойчиво, оно в большинстве не оседает в каких-либо солидных, прочных формах. Капиталы быстро накапливаются и еще быстрее исчезают. Поэтому частный капитал отличается весьма большой текучестью. В этом наше преимущество перед ним и одновременно наша беда. Частный капитал делается весьма трудно учитываемым. Составляя по своему удельному весу небольшую величину около 10 % всех капиталов промышленности и торговли страны (1,6 млрд. руб. частных, при 17 млрд. руб. капиталов обобществленного сектора для 1926/27 гг.), частный капитал по своему значению занимает значительно большее место»⁷¹⁸.

Отметим, что учесть точную сумму частного капитала не представляется возможным как в силу полулегальной деятельности предпринимателей, так и из-за отсутствия отлаженной системы контроля. Этот вопрос волновал руководство страны, поскольку частные капиталы рассматривались, с одной стороны, как источник для «первоначального социалистического накопления», а с другой – как угроза капиталистического реванша.

Экономисты, современники этих событий, путем сложных умозрительных заключений приходили к самым разнообразным результатам. По оценке Ю. Ларина, частный капитал по стране к 1921 г. располагал суммой приблизительно в 150 млн руб.⁷¹⁹ Эти средства считались более чем скромными и крайне недостаточными для привлечения к социалистическому строительству. С другой стороны, они свидетельствовали о значительных успехах пролетарского государства в экспроприации капиталов. В то же время Урал оставался практически без частных капиталов как в силу своей яркой революционности, так и вследствие сложившейся диспропорции в отраслевой структуре производства.

⁷¹⁸ Мингулин И. Пути развития частного капитала. С. 141.

⁷¹⁹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927 312 с.; Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. М.; Л., 1927. 254 с.

Дефицит капиталов следует считать отличительной чертой Уральского региона. Неблагоприятный инвестиционный климат был характерен для края не только в советскую эпоху. Специфическая промышленная ориентация этого горного региона отводила ему роль металлургической базы страны, с развивавшимся впоследствии на этой основе машиностроением. Большая территория России и наличие богатых месторождений полезных ископаемых давали возможность выбора для размещения производства и формировали достаточно узкую специализацию отдельных регионов. Во многом именно это предопределило диспропорцию в экономическом развитии Урала, выразившуюся в перевесе отраслей тяжелой промышленности и недостаточном развитии легкой индустрии.

Как известно, основой для первоначального накопления являются отрасли легкой и пищевой промышленности, имеющие большую оборачиваемость капиталов. Тяжелая промышленность является потребителем средств и имеет более длительные сроки окупаемости. Именно поэтому для Урала характерно состояние, близкое к инвестиционному вакууму. Существование уральского хозяйства во многом зависело от государственной поддержки. Не обладая достаточной мобильностью в периоды экономической стагнации, Урал крайне нуждался во внешних субсидиях. Но, в силу сложившейся моноцентричности России, большая часть средств с периферии оседала в европейской части страны.

Очевидно, что политические коллизии начала XX в. негативно влияли на экономику. По окончании гражданской войны, принесшей с собой разруху, порой полную разбалансировку хозяйственного механизма, ситуация с наличными капиталами еще более усложнилась.

Вывоз капиталов должен был начаться еще до революции, когда нестабильная ситуация заставляла обращать денежные средства в портативные ценности: золото и драгоценные камни. Их удобнее было скрывать, а при необходимости оперативно вывозить как в другие регионы, так и за границу. Основной удар по частному капиталу нанесла национализация. Предприниматели, не успевшие вывезти или скрыть свое имущество, были разорены. Политический хаос периода гражданской войны, экономическая нестабильность снова делали привлекательными портативные ценности. Стоит заметить, что процесс обращения денежных средств в сокровища на Урале был предельно облегчен, так как места добычи золота и драгоценных камней находились в непосредственной близости.

Пространственный фактор. Что касается российской торговли, то, по причине рассредоточения производства, ее роль особенно велика. Россия, занимавшая огромные пространства, выполняла функции поставщика товаров и рынка сбыта для многих государств, была тесно вплетена в систему мирохозяйственных связей.

Необходимость в расширении торговой инфраструктуры ощущалась остро и постоянно. Речь идет не только о внешнеэкономической деятельности. Внутри страны из-за

неудовлетворительных транспортных возможностей регионы оказывались изолированными от внешнего мира, что вело к натурализации хозяйства, к консервации патриархальных отношений. Это относилось, например, к районам Тобольского Севера, входившего в состав Уральской области.

Россия как до 1917 г., так и в 1920-е гг., оставалась страной мелких производителей. Уровень развития производства, степень его обобществления во многом определяют формы и методы распределения. По этой причине мелкооптовая и розничная торговля были не менее, а более необходимы, чем торговля оптовая, централизованная. Именно на их долю выпадала основная нагрузка. Мелкий розничный торговец должен был довести товар до конкретного потребителя: крестьянина, промысловика, рабочего. В то же время, торговец являлся и заготовителем сырья для промышленности, скупая у производителей продукты их труда. Нередко такой процесс носил безденежный характер – в форме бартерного обмена. Таким образом, в рыночные отношения включались самые глухие уголки страны, а в производство вовлекалась значительная доля сырья, не востребованная ранее. Очевидно, что мелкими и мельчайшими формами торговли занимались частные лица, а отнюдь не государственные организации. *Во-первых*, это определялось характером производства (мелкое и частное), *во-вторых*, лишь на определенных ступенях обобществления производства, в организациях средних или крупных, возможен эффективный контроль за наемной силой. Мелкие предприятия, часто построенные на основе семейных и кровнородственных связей, не имели достаточных средств для содержания аппарата управления, да и не нуждались в нем.

В частной промышленности и торговле в 1920-е гг. было занято около 5 млн чел. Средства к существованию они добывали самостоятельно, основываясь на своих знаниях и опыте. Ликвидировав частный сектор, государство не было в состоянии что-либо предложить взамен. Только индустриализация сформировала устойчивый и всевозрастающий спрос на рабочие руки.

Торговля при нэпе: отличительные черты. Отметим, что торговый аппарат в годы нэпа не достиг довоенного уровня. Сравнительные данные за 1927 г. охватывают лишь Европейскую часть страны, где торговля развивалась более активно. «Если численность частных торговых предприятий, имевшихся в 1912 г. на современной территории Европейской части Союза ССР, принять за 100 %, то теперешний частный аппарат по числу своих заведений составляет в сельских местностях лишь 19,3 % от довоенного, в городах и поселениях городского типа 113,5 %, по уезду в целом 45,5 % довоенного частного аппарата», – отмечалось в материалах

комиссии ВСНХ⁷²⁰. Эти данные свидетельствуют о серьезных изменениях в структуре торговли, которые произошли к 1920-м годам.

Во-первых, торговля стала концентрироваться по преимуществу в городах, минуя деревню. Это было связано с начавшимся процессом урбанизации и с централизованным распределением продукции государственной промышленности. В большинстве случаев источником поступления товаров для частника служил государственный сектор (тресты, синдикаты), поэтому оптовые закупки были возможны только в городах – здесь существовал наиболее стабильный спрос из-за сосредоточения основной массы платежеспособного населения. Частник переносил свою деятельность в деревню лишь в случае жесткой конкуренции с обобществленным сектором. Такой переход увеличивал транспортные расходы и требовал дополнительных, а значит, и нежелательных затрат. В условиях товарного дефицита потребитель «охотился» за товаром, следовательно, транспортные издержки перекладывались на него.

Общая направленность на ограничение частного предпринимательства и отсутствие стабильной государственной политики вынуждала частника прибегать к разукрупнению своего капитала, уступая опт государству и занимаясь мелкой торговлей. Это является *второй* отличительной чертой частной торговли советского периода.

В-третьих, в отличие от довоенной, частная торговля в 1920-е гг. была чрезвычайно мобильной. «Если в довоенное время почти 2/3 частных предприятий уезда были предприятиями оседлыми, лавочного типа, и лишь треть приходилась на долю палаточной, развозной и разносной торговли, то современный частный аппарат почти на 3/4 состоит из предприятий, торгующих из палаток в развес и разнос, и лишь одна четверть его предприятий ведет оседлую торговлю из постоянных лавочных помещений», – отмечалось в материалах комиссии ВСНХ⁷²¹.

Отсутствие законодательных гарантий, политическая нестабильность в отношении частника, отсутствие крупных капиталов или их сокрытие, стремление избежать налогов – все это делало частную торговлю в годы нэпа чрезвычайно распыленной, по преимуществу розничной и мобильной. Мобильность предопределялась и условиями конкуренции с обобществленным сектором, поставленным в более привилегированные условия. Частник стремился к непосредственному контакту с потребителем, действовал в тех регионах, где не было аппарата госторговли и кооперации, пытался продать там, где существовал дефицит на тот или иной товар. Стремление избежать фискальных обязательств, зачастую переход на

⁷²⁰ Брауде Х. И. Частная торговля // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. М.; Л., 1927. С. 124–125.

⁷²¹ Там же, С. 125.

нелегальные формы торговли предопределяли стремление частника к мобильности, «гнали его в дорогу».

Мобильность частника была предопределена и стремлением максимально увеличить оборот капитала.

Отмеченные нами черты были характерны для частной торговли всей страны. Однако на Урале они преломлялись через призму региональной специфики.

Региональная специфика. В отличие от других регионов страны, где взаимодействие между промышленностью и торговлей осуществлялось по классической схеме – «промышленность производит, а торговля реализует», «на Урале промышленность – источник существования 190 тысяч рабочих и служащих, и состояние и развитие промышленности определяет главную часть спроса населения на товары»⁷²².

Промышленность на Урале обеспечивала население работой и, в идеале, денежными ресурсами, а товарами должна была снабдить торговля, используя при этом самые разнообразные источники. От ее маневренности, умения ориентироваться в многоукладной экономике зависела эффективность снабжения населения и, в конечном счете, работоспособность трудящихся.

В промышленных центрах Урала потребность в продукции легкой промышленности ощущалась и до революции. Регион в значительной мере зависел от ввоза из других районов страны. Только 1/4 – 1/3 часть потребляемых уральским населением промтоваров являлась местной продукцией⁷²³. Следовательно, нагрузка, приходившаяся на торговлю из-за больших расстояний между производителем и потребителем, была велика.

Данные на 1927 г., отраженные в «Генеральном плане хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», свидетельствуют о росте доли местной продукции: «Некоторая активность товарного баланса Урала не подлежит сомнению, но для выражения ее в более или менее определенных и точных цифрах нужно еще проделать очень большую работу. Приблизительные же расчеты дают для 1926–27 г. примерно такие соотношения: как в товарах индивидуального потребления, покупаемых населением Урала, так и в товарах, идущих для хозяйства, – местная продукция занимает немного более половины»⁷²⁴. В качестве перспективной виделась цель перейти на «самообслуживание» в хозяйственном потреблении. При этом отмечалось, что «характеристика Урала, как района, промышленность которого развивается более в направлении производства средств производства, чем производства предметов потребления, заставляет думать, что в потреблении населения удельный вес ввозных промтоваров значительно возрастет»⁷²⁵.

⁷²² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 92.

⁷²³ Там же.

⁷²⁴ Генеральный план хозяйства Урала. С. 623.

⁷²⁵ Там же.

В материалах Уралплана отмечалось, что во второй половине 1920-х гг. острота проблемы снабжения не была преодолена. 71 % продукции цензовой и 62 % всей уральской промышленности в 1926/27 гг. приходились на производство средств производства, а, следовательно, снабжение широкого рынка было весьма слабо связано с уральской промышленностью⁷²⁶.

С принятием курса на индустриализацию проблема снабжения Урала товарами широкого потребления еще более обострилась. Увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность региона привело к значительному росту городского населения, к увеличению денежной массы, не обеспеченной товарным покрытием. Сфера легкой и пищевой промышленности развивалась исходя из остаточного принципа, поэтому постепенно деградировала. Если до 1917 г. большая часть услуг приходилась на частный сектор, то в первые годы советской власти он был лишен возможности функционировать с полной отдачей. Нэп дал возможность развиваться частной инициативе.

Торговля периода нэпа во всем своем многообразии являлась отражением существовавших экономических укладов. Для того чтобы представить пестроту рыночных отношений, необходимо познакомиться со всеми субъектами предпринимательской деятельности.

Торговый аппарат Урала включал в себя следующие составляющие:

1. Обособившийся от производственных объединений сбытовой аппарат государственной промышленности (синдикаты).
2. Госторговля, как в чистом ее виде (организации, имеющие своей основной целью торговое посредничество), так и госорганы и общественные организации, осуществлявшие торговое посредничество в качестве подсобного занятия, но имеющие своей главной целью выполнение других функций.
3. Потребительская кооперация как система, в основе своей торгово-посредническая.
4. Прочие виды кооперации в той мере, в какой они выполняли торгово-посреднические функции.
5. Частная торговля⁷²⁷.

Наиболее значимым показателем роли субъекта торговли является его доля в торговом обороте. Исследователи-экономисты и хозяйственники справедливо отмечали, что в 1920-е гг. торговые обороты определялись исключительно исходя из данных фиска. Однако налоговые органы не в состоянии были оперативно отразить постоянно меняющуюся картину рыночных отношений. Проблемы с организацией самих налоговых органов приводили к избирательному и неполному учету налогоплательщиков. Это относилось, прежде всего, к небольшим частным

⁷²⁶ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 91.

⁷²⁷ Антонов Д. Уральский торговый аппарат // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 35.

торговым предприятиям, состав которых был чрезвычайно мобилен, а жизненный цикл невелик. Полученные с мелких торговых заведений налоговые сборы могли не покрывать расходы на их администрирование.

Обороты частной торговли, полученные методом сплошного учета по данным налоговой статистики, определялись следующими цифрами: в 1923/24 г. – 88 млн руб., в 1924/25 г. – 86,4 млн руб., в 1925/26 гг. – 132,5 млн руб. Недостатком этих данных являлось отсутствие сведений об оборотах предприятий I разряда⁷²⁸. Такого рода дефект официальной статистики заставляет уделять большее внимание исследованиям, проводившимся в 1920-е гг., содержащим более точные данные. Так, по расчетам Г. Исупова, торговый оборот частных предприятий Урала определяется для 1925/26 г. в 140 млн руб. (с учетом предприятий I разряда), а за 1926/27 г. – в 151 млн руб.⁷²⁹ Насколько значимыми были эти суммы для хозяйства Урала? Ответить на этот вопрос можно, определив долю частного сектора в общем посредническом обороте области (табл. 16 Приложения).

Как видим, удельный вес частной торговли в общем посредническом обороте Урала был сравнительно невысок и в 1926/27 г. определялся в 14,9 %. В этом отношении показатели частной торговли заметно отличались от общесоюзных. Так, по данным НКТ, удельный вес частных оборотов в посреднической торговле СССР определялся для 1924/25 г. в 27,8 %, для 1925/26 г. в 24,8 % и для 1926/27 гг. в 18,5 %. Вновь отметим, что в данных НКТ оборот частной торговли I разряда не учтен⁷³⁰.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за II полугодие 1924/25 г. позволяют сделать сравнительный анализ частных торговых оборотов по различным районам России (табл. 17 Приложения). Доля Урала в общем частном торговом обороте СССР определялась в 3,8 %, это шестое место по стране. На первом был Центрально-промышленный район (26,7 %), за ним следовали Северо-Кавказский (8 %), Приозерный (7,7 %) и Центрально-земледельческий (5,2 %). Частные торговые предприятия Урала не были крупными: при средней по стране сумме оборота на одно предприятие 4,9 тыс. руб. на Урале она составляла только 3,6 тыс. руб. в год⁷³¹.

Однако такого рода данные воспринимались руководством области как несомненно положительные. Идеологическая установка на ликвидацию частника, восприятие его как врага позволяли толковать сложившуюся ситуацию в качестве образца для других регионов. Докладывая об опережении выполнения заданий партии, руководство области одновременно говорило о серьезных трудностях с организацией продуктообмена в регионе.

⁷²⁸ Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 21.

⁷²⁹ Там же.

⁷³⁰ Там же, С. 24.

⁷³¹ Озерский П. Аппарат и обороты частной торговли // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. III. С. 143–144.

Частная торговля в городах и сельской местности развивалась неравномерно. Стремление сократить издержки заставляло частного перемещаться ближе к источникам поступления товара, в города, туда, где продуктообмен шел наиболее активно. Города являлись крупными торговыми центрами, куда за покупками приезжали и крестьяне. По свидетельству очевидцев, «в селе крестьянин не имеет регулярных денежных поступлений, покупает только самое нужное и в необходимых количествах, учитывая даже незначительную разницу в ценах. Все свои большие покупки впрок он откладывает до поездки в город, где и товар дешевле, и качество лучше»⁷³².

Город являлся оптимальной точкой для развития торговли в условиях товарного голода. Впоследствии, когда в результате мероприятий правительства частник был поставлен в невыгодные условия по сравнению с обобщественным сектором, он перенес свою деятельность в сельскую местность, т. е. туда, где конкуренция со стороны госторговли и кооперации была слабее. Отметим, что в сельской местности были населенные пункты, в которых частник являлся единственным торговым посредником и куда «не ступала нога кооператора». Общей тенденцией, однако, являлось повсеместное сокращение количества частных предприятий как в городе, так и на селе (табл. 18 Приложения).

Неоднородным являлось и распределение частной торговой сети по Уральской области. Больше всего торговых заведений было в округах с крупными городскими центрами – Пермском и Свердловском. Но если Свердловский округ лидировал по количеству частных предприятий (1 770 на 1 октября 1926 г.), то Пермский – по величине оборота, приходившегося на одно предприятие (23,3 тыс. руб. против 14,2 тыс. руб. в Свердловском). При среднем удельном весе частной торговли по области 61 %, в ряде округов этот показатель был превышен: в Свердловском и Челябинском (66 %), Кунгурском и Тюменском (65 %), Курганском (64 %), Сарапульском (63 %) и Троицком (62 %) ⁷³³ (см. подробнее табл. 19 Приложения). Наиболее активно торговля шла в округах, где имелось два сектора экономики – промышленный и аграрный, и где в городах концентрировались значительные массы населения. В этих округах наиболее активно развивался внутренний, «круговой» товарооборот, в котором значительную роль играла мелкая, а значит, частная торговля.

В сводке Троицкого окружного отдела ОГПУ говорилось: «Состояние вольного рынка характеризуется некоторым подъемом в смысле спроса на товары, главным образом мануфактуру, со стороны потребителя... <отмечается> увеличение покупательной способности в связи с начавшейся реализацией урожая <...> Есть опасение, что даже при наличии товаров государственная и кооперативная торговля могут не в состоянии удовлетворить всех

⁷³² Попов Г. М. Цены и накладки частной торговли // Частная торговля Союза ССР: М., 1927. С. 143.

⁷³³ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 43.

покупателей по слабости своих торговых аппаратов и тем самым усилить конкуренцию частного капитала. А такое положение весьма вероятно, если принять во внимание, что по состоянию на 01.06.1924 г. процент отношения к обороту всей торговли составляет: государственной 16, кооперативной 13 и частной 71. Но, по сравнению с прежней, последние три месяца частная торговля несколько сократилась, но это сокращение касается мелких торговцев и вообще мало изменило общего положения. Такой большой процентный охват рынка частным капиталом объясняется тем, что в округе слишком слабо насаждена государственная торговля и при самых ограниченных средствах»⁷³⁴.

Источники снабжения частника. Значение частной торговли как связующего звена в многоукладной экономике можно исследовать на разнообразном материале. По нашему мнению, одним из наиболее важных показателей в этой связи являются данные об источниках снабжения частника. Товары поступали в торговую сеть самыми разнообразными путями, как легальными, так и нелегальными. Государство было заинтересовано в том, чтобы промышленность использовала по преимуществу каналы сбыта обобщественного сектора (госторговля и кооперация), а частник держался на голодном пайке. Однако в условиях кризиса сбыта было принято решение о 30 %-м лимите продукции. Именно такое количество товара предприятие могло реализовывать через частника, который, в свою очередь, брал на себя обязательство продавать товары с фиксированной торговой наценкой.

По данным обследования, проведенного в 1925/26 г. Г. Исуповым, частник покупал в пределах Уральской области у обобщественного сектора хозяйства 41 % товаров (в том числе у госпромышленности – 7,5 %, в госторговле 25,9 % и кооперации 7,6 %) и 58,3 % у частного сектора (в том числе 21,9 % у частных лиц, 13,5 % у кустарей и ремесленников и 22,9 % на базаре). Кроме того, за пределами области, по отношению к внутриобластным покупкам, было приобретено 28 % товаров⁷³⁵ (табл. 20 Приложения).

Очевидно, что госторговля играла весьма существенную роль в пополнении ассортимента частного торговца. Налицо была прямая перепродажа, квалифицируемая как спекуляция. С другой стороны, подобного рода сделки могли играть и положительную роль в распределении, соответствующем реальным, а не плановым потребностям. Подтверждением может служить приведенный выше пример со скупкой частником эмалированной посуды в деревне с последующей ее перепродажей в городе. В этом случае частник шел навстречу запросам рынка и использовал недостатки централизованного распределения. К положительным моментам деятельности частника относится и работа по вовлечению в торговый оборот продукции кустарей и ремесленников. Мелкие кустарные производители были не в силах активно

⁷³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 120.

⁷³⁵ Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 22.

заниматься сбытом собственной продукции и в достаточном количестве обеспечивать себя сырьем. Эти функции брал на себя частник (разумеется, в тех случаях, когда товар являлся ходовым и сулил выгоду).

В аналитическом обзоре Уралплана, посвященном торговле Урала в 1926/27 г., говорилось о том, что, вопреки общераспространенному мнению, частник был мало связан с кустарем. «По-видимому, во многих случаях кустарные промыслы, работающие на широкий рынок, глохнут, хотя современное состояние крестьянского хозяйства является чрезвычайно благоприятным для развития кустарного промысла. Кустари страдают не от эксплуатации частных скупщиков, а от того, что очень слабым является звено, связывающее их со сбытовым рынком»⁷³⁶. Отметим то обстоятельство, что автор обзора видит причину критического положения кустарного промысла в недостаточном развитии рынка. Этот факт, считает автор обзора, обладает тем большим значением, что источники его находятся не в недостатке сырья и оборудования, а лишь в самой организации рынка⁷³⁷.

В 1929 г., в процессе очередного наступления на частный капитал, хозяйственным связям кустаря и частного торговца стали уделять особое внимание в связи с дефицитом сырья и в рамках борьбы с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства».

Общая сумма всей товарной массы, поступившей для обращения в частный торговый аппарат за 1925–1926 хозяйственный год, была определена Г. Исуповым в 96,6 млн руб.⁷³⁸

Легальные источники поступления достаточных, недефицитных товаров, были ориентированы прежде всего на частную розницу, достаточно разветвленную, чтобы их реализовать. Оптовую торговлю стремился монополизировать обобществленный сектор. По данным сплошного учета Уралстатуправления, в чисто оптовой торговле удельный вес частника составлял в 1925/26 г. только 1,2 %, в смешанной оптово-розничной торговле – 5,3 % и в чисто розничной – 29,3 %⁷³⁹. Такое положение вещей было обусловлено характером политики в отношении частника. Ведение крупной оптовой торговли в условиях государственного давления было невыгодно, а в большинстве случаев – невозможно. Налоговый пресс был слишком силен.

Ценообразование. Трудные условия деятельности заставляли частных торговцев повышать цены. «У частника цены были выше» – это утверждение являлось общепринятым как в массовом сознании, так и в кругах специалистов. Однако насколько цены частников были выше государственных и по каким причинам, мнения расходились.

⁷³⁶ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2732. Л. 92.

⁷³⁷ Там же.

⁷³⁸ Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 23.

⁷³⁹ Там же, С. 25.

Г. А. Дихтяр утверждает: «Многоукладность экономики переходного периода, особенно в начальный период нэпа, обуславливала противоположные тенденции в движении цен на частном рынке и в обобщественном секторе. В первые годы нэпа, когда мелкотоварный сектор вместе с частнокапиталистическим занимал преобладающее место во всем производстве валовой продукции страны, цены частного рынка складывались главным образом под влиянием соотношения спроса и предложения товаров и были подвержены стихийным колебаниям. Повышенные цены, по которым продавали товары мелкие товаропроизводители и капиталисты, создавали угрозу сокращения реальной заработной платы рабочих и служащих, а в конечном итоге – уменьшения емкости внутреннего рынка и нарушения необходимых пропорций в развитии отдельных отраслей народного хозяйства»⁷⁴⁰.

Такая интерпретация была призвана доказать преимущества советской торговли, однако «ножницы» цен, которые образовались на рынке, были спровоцированы резким ростом цен на продукцию промышленных предприятий и падением цен на сельскохозяйственную продукцию. Рост цен в госпромышленности был во много раз интенсивнее, чем в сельском хозяйстве, основанном на мелкотоварном укладе. Именно эта ситуация заставила говорить о «смычке» между городом и деревней, поставила вопрос о ценах в разряд политических.

Роль розничных цен в экономической и политической жизни страны получила отражение в резолюции февральского Пленума ЦК ВКП (б) 1927 г.: «В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а, следовательно, и политические проблемы Советского государства. Вопросы установления правильных взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, вопросы обеспечения взаимосвязанного и взаимнообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, вопросы распределения национального дохода и связанные с ним вопросы индустриализации СССР и укрепления как экономически, так и политически рабочего класса, вопросы обеспечения реальной заработной платы, укрепления червонца, наконец, планомерное усиление социалистических элементов нашего хозяйства и дальнейшее ограничение частнокапиталистических элементов народного хозяйства – все это упирается в проблему цен»⁷⁴¹.

В 1920-е гг. было принято подразделять представленные в номенклатуре товары на фабричные и сельскохозяйственные, а также на «достаточные» и «недостаточные». Цены на товары, имеющиеся в достаточном количестве у кооперации, госторговли и частника, были невысоки. Напротив, цены на товары «недостаточные», находящиеся в дефиците, в том числе и в торговых учреждениях обобщественного сектора, были предельно высокими. Подъему цен способствовали периодические кризисы производства или сбыта, порождавшие дефицит

⁷⁴⁰ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 47.

⁷⁴¹ Цит. по: Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 53–54.

товаров в тех или иных регионах страны. Когда механизм централизованного распределения, находящийся в руках государства, давал сбои, то этим обстоятельством моментально пользовались частные торговцы. При этом они получали значительные прибыли за счет спекуляции, с одной стороны, а с другой, удовлетворяли потребности тех, кто был в состоянии заплатить. По результатам проведенного нами анализа можно констатировать, что цены частной торговли не были столь высоки по сравнению с ценами госторговли и кооперации (табл. 21 Приложения). «Справедливость требует отметить, что наша статистика цен нередко отмечает равенство цен или даже, наоборот, превышение цен кооперации над частными»⁷⁴², – подтверждает этот вывод Г. Исупов. Но это суждение было верным лишь в отношении достаточных товаров.

Цена на товары формировались, исходя из сложного сочетания факторов. Это были твердые цены госторговли, рыночные цены базара и цены кооперации. «Соотношение цен кооперации с частными <...> Некоторые товары в кооперации ниже частных по цене на 20 %, мануфактура в среднем ниже на 12 %, обувь и кожтовары на 10 %, бакалейные от 8 до 15 %, хлебные продукты дешевле на 8 %, мясные на 2 коп. в фунте, галантерейные дешевле на 20 % и т. д. Галантерейная торговля, по преимуществу, в руках частных торговцев, причиной этого то, что галантерейные товары в большинстве случаев производятся кустарями или же привозятся контрабандным путем из-за границы. Государственные и кооперативные организации галантерею приобретают у частных торговцев оптовиков»⁷⁴³.

Высокие, порой неэффективные издержки в государственной и кооперативной торговой сети приводили к росту цен по сравнению с частным рынком. С другой стороны, государственная кампания по снижению цен на фабричные товары, предоставление товарного и денежного кредита своим низовым подразделениям, льготные транспортные тарифы и ставки арендной платы, во многом основанные на классовом подходе, позволяли конкурировать с частником в ценовой политике. Это приводило к сокращению товарооборота в частном секторе. Цены были ниже в государственных магазинах и кооперативах, но только тогда, когда товар там был. В связи с тем, что поставки были неритмичными, а спрос превышал предложение, в периоды отсутствия товаров в обобщественном секторе частник пытался наверстать упущенное, и цены в частной рознице взлетали вверх. В связи с тем, что частник вел торговлю в основном на собственные средства, а доля денежных займов, полученных из обществ взаимного кредита частной торговли и промышленности была крайне мала, он не мог широко кредитовать покупателей. Напротив, стремительный рост численности потребительских кооперативов объясняется возможностью предоставления товарных кредитов в счет заработной

⁷⁴² Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 30.

⁷⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 161.

платы. Талоны, бланки, ордера, товарные и заборные книжки получили массовое распространение на предприятиях Урала. Во многом это была вынужденная мера, так как, в связи с проведением денежной реформы, денежная масса резко сократилась, а задержки заработной платы были хроническими.

Биржевые торги. Одним из факторов формирования цен можно считать торги на товарных биржах. Здесь осуществлялась сбалансированная смычка обобщественного и частного секторов экономики. Сводки товарных бирж, публикуемые в региональной прессе, являются обобщенным и репрезентативным источником в арсенале исследователя, занимающегося политикой ценообразования в 1920-е гг. Информация о ценах содержится и в сводках ОГПУ, но она не носит систематического характера.

Более уязвимыми с точки зрения информативности биржевые сводки являются при рассмотрении доли частного в *биржевом обороте*. Эти данные, пригодные для сравнения с положением в целом по стране, в действительности не отражают подлинного объема частной торговли. Связано это как с нелегальным прохождением товара в частной торговле, так и с отличным от госторговли товарным ассортиментом. На биржах заключались, как правило, сделки на поставки оптовых партий товара, а частник был особенно силен в рознице. Приведенные в табл. 22 Приложения данные о доле частного в биржевом обороте еще раз подтверждают тезис о сравнительно невысокой доле частного посредничества в торговле Уральской области.

Исследуя биржевую статистику с целью выяснения вопроса о ценах в торговле 1920-х гг., следует обратить внимание на особенности ценообразования в различных секторах экономики. Так, цены частной торговли и обобщественного сектора формировались по различным принципам. В кооперации и госторговле основой ценообразования являлись закупочные цены. Транспортные и торговые наценки мало изменялись, а розничные цены были подвержены строгому контролю государства. Частная торговля, напротив, в основу ценообразования закладывала сбытовые цены, зависящие от конъюнктуры рынка. Ее целью являлось поддержание сбытовых цен на максимально высоком уровне. Исходя из этой задачи, определялись закупочные цены⁷⁴⁴. Такого рода механизм более оперативен и мобилен, он позволял избежать ненужных издержек, так как получение торговой прибыли напрямую зависело от сокращения затрат. Все авторы исследований, посвященных частной торговле, едины во мнении, что её аппарат был организован более экономно и действовал эффективнее.

Капиталы частного постоянно находились в обороте, не оседая в виде мертвых ценностей. Значительную часть капитала, как правило, более 3/4, составляли собственные средства

⁷⁴⁴ Попов Г. М. Цены и накладки частной торговли. С. 149.

предпринимателя, в то время как кооперация существовала за счет государственных кредитов – денежных или товарных.

Частная торговля имела потенциал для развития, но специфические условия региона – отсутствие капиталов и диспропорции в структуре хозяйства – препятствовали ее развитию. Помимо объективных экономических причин, значительную роль в слабом развитии частной торговли на Урале играла идеологическая установка на свертывание частного сектора.

4.3. Формы частного торгового предпринимательства

Типологизация. Формы торговой деятельности могут быть классифицированы по самым разным основаниям⁷⁴⁵. Сложившаяся в 1920-е гг. классификация форм частного торгового предпринимательства ориентировалась на требования фискальной системы. Государство, заинтересованное в максимальном учете частных торговцев, разработало систему, в основе которой лежало разделение всей торговой деятельности на пять разрядов. Новой эту систему можно назвать лишь условно, так как в основных чертах она заимствовала дореволюционную схему. Это закономерно, так как разработать собственную модель в короткий срок новая власть была не в состоянии, а учитывая установку на ликвидацию частника в будущем (более или менее отдаленном), создавать досконально разработанную налоговую систему было нецелесообразно. Несомненной новацией являлся классовый подход при оценке хозяйственной деятельности и предоставление льгот обобществленному сектору. Следуя принципу «друзьям – все, а врагам – закон», в полном объеме налоговое бремя возлагалось лишь на частный сектор хозяйства.

Основной целью системы разрядов было максимальное налогообложение торговли. Разумеется, государство было заинтересовано в наиболее широком охвате налогоплательщиков и взимании возможно больших сумм. Зафиксированные в документах финансовых органов рамки налогообложения для различных разрядов были широки и позволяли устанавливать максимальные суммы налогов. Определение сроков, ассортимента и объема торговли осуществлялось методом поглощения малого большим. Такой вариант был в принципе неизбежен, так как делались попытки охватить всю динамическую систему, что влекло за собой значительные колебания параметров с целью учета прогнозируемого расширения торговли, с одной стороны, и политику сдерживания подобного развития событий, с другой.

⁷⁴⁵ Пример современной классификации форм торговли на основе объектного принципа представлен на Рис. 10. В схему внесены коррективы, исключены те формы, которые в рассматриваемый период не встречались.

Основным видом налога являлся государственный промысловый налог. Он состоял из патентного и уравнительного сборов. Патентный сбор уплачивался посредством выборки (выкупа) промыслового патента на занятие торговлей⁷⁴⁶.

Классификация торговых заведений проводилась по различным основаниям: временным, территориальным, в зависимости от характера торгового помещения, от характера используемой рабочей силы и количества работающих, от ассортимента реализуемых товаров, от характера и размера операций.

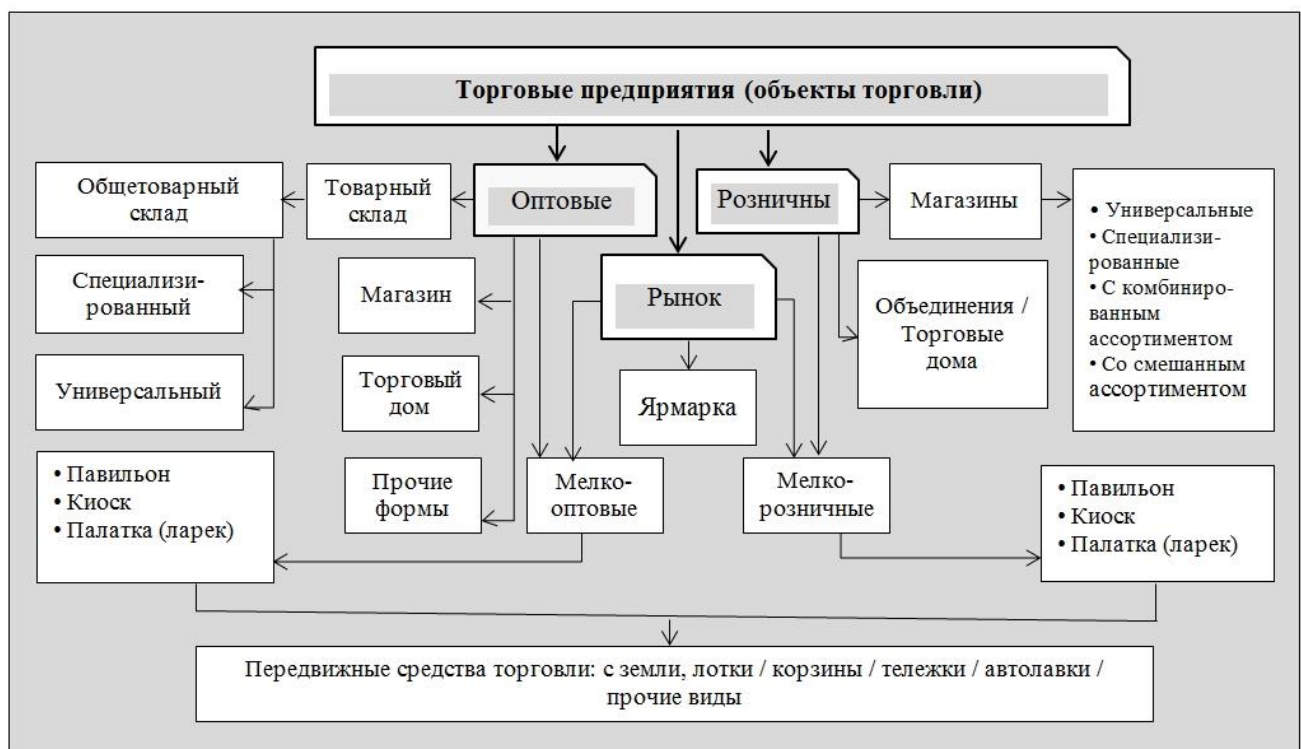

Рис. 10. Классификация торговых предприятий на основе объектного признака⁷⁴⁷.

По временным характеристикам все торгово-промышленные предприятия подразделялись на постоянные, сезонные и кратковременные. Постоянными предприятиями считались такие, срок деятельности которых заранее не был определен или ограничен. Сезонные и кратковременные должны были быть рассчитаны на тот или иной срок. К сезонной торговле относились предприятия, занятые реализацией сезонных товаров, например, овощей, фруктов, ягод, мороженого, прохладительных напитков, свежих грибов и т. п., а также торговля в курортных местностях и на ярмарках, продолжавшихся не более 15 дней. Однако, 15 оставшихся дней, не занятых торговлей, также необходимо было оплачивать. Торговля на

⁷⁴⁶ Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М., 1926. С. 3; См.: О введении в действие Положения о государственном промысловом налоге. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 сентября 1926 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15.10.1926). Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. № 243).

⁷⁴⁷ Сост. по: Торговые предприятия (объекты) // Принципиальные схемы. URL: <https://tenoraten.appspot.com/shemy-torgovogo-predpriyatiya.html>

ярмарках, превышающих по своей продолжительности 15 дней, разрешалась при наличии трехмесячного патента.

Осуществлялся контроль за тем, чтобы под вывеской одного торгового заведения не объединялись несколько. Отмечалось, что «отдельным торговым заведением считается всякого рода и наименования приспособленное для производства торговли особое помещение, находящееся в одном здании и принадлежащее одному предпринимателю». При обложении патентным сбором передвижной торговли отдельные патенты должны были выбираться на каждое подвижное средство. Это могли быть: лодка, лоток, воз, ларь, стол, и т. п. В случае же объединения в одном заведении различных видов торговли, предусмотренных различными пунктами «Расписания разрядов торговых предприятий», на каждый вид торговли была обязательна выборка отдельного промыслового патента⁷⁴⁸. Так, например, торговля подержанными вещами разрешалась в рамках второго разряда и не могла сочетаться с торговлей антиквариатом, для чего была необходима выборка патента третьего разряда.

Налогами облагались всякие товарообменные операции, в том числе бартерные сделки. Исключение делалось лишь для крестьян, обменивающих продукты своего труда на предметы первой необходимости. Однако, как свидетельствуют материалы личных дел «лишенцев», это положение часто нарушалось, и крестьян вынуждали брать патенты.

Общие регулирующие мероприятия властей, направленные на подчинение частного торговца жесткому фискальному контролю, на практике не делали различия между перекупщиками и мелкими производителями. Это особенно заметно в рамках проведения кампаний по взысканию недоимок и ужесточения правил торговли на базарах и рынках.

Территориальный признак: пояса. Для определения размера патентного сбора, помимо разделения всех торгово-промышленных предприятий на разряды, все местности Союза ССР были разделены на пояса. Тем самым вводился территориальный критерий обложения.

Москва, как местность с наиболее развитой торговлей и промышленностью, находилась на первом месте и стояла вне пояса. К первому, высшему поясу, относились города: Киев, Одесса, Ленинград, Ростов-на-Дону с Нахичеванью, Харьков, Тифлис и Баку. Как видим, крупные уральские города не входили в первый пояс, они располагались во втором: Свердловск, Оренбург, Пермь, Уфа. К третьему, среднему поясу, относились: Златоуст, Курган, Мотовилихинский завод, Нижнетагильский завод, Сарапул, Троицк, Тюмень, Челябинск, а также уезды столиц и городов первого и второго поясов. К четвертому поясу были отнесены: 1) все прочие, не отнесенные к высшим поясам города и посады, а также местечки, слободы и поселения городского типа; 2) уезды губернских городов третьего пояса. К пятому, низшему поясу – все остальные местности.

⁷⁴⁸ Промысловый налог. С. 6.

Условия территориальной разбивки предусматривали различные ставки патентного сбора, или иначе – цены полугодовых промысловых патентов (табл. 23 Приложения).

Разряды торговли. Как и в других ситуациях, в процессе реанимации товарно-денежных отношений при разработке сетки разрядов использовали дореволюционный опыт. «Революционность» в данном случае проявилась в том, что первый разряд в соответствии с новой классификацией был самым низким, тогда как в прошлом – самым высоким, т. е. – «кто был всем – стал ничем».

Непосредственной основой для выделения пяти разрядов торговли служили следующие критерии, рассматриваемые во взаимозависимости: размеры занимаемого помещения, число обслуживающих лиц, характер производимых торговых операций (опт, розница) и род продаваемых товаров⁷⁴⁹.

Отметим, что в качестве критериев были выбраны внешние признаки, показатели, которые бросаются в глаза: их изменения легче проконтролировать и труднее скрыть. Если бы речь шла о необходимости выявления сущностных характеристик (объем оборота или уровень доходности предприятия), то работы финансовым органам, несомненно, прибавилось бы, а возможно, она была бы парализована. В материалах судебно-следственных дел неоднократно подчеркивалось, что при взимании подоходного налога, даже при наличии бухгалтерских книг, при определении налогооблагаемой базы брались базовые или типичные величины доходности предприятий, а индивидуального расчета доходности предприятия не производилось⁷⁵⁰.

Детализация разрядов торговли, предусмотренная нормативно-правовыми актами, неоднократно рассматривалась в литературе. На наш взгляд, эта градация позволяет проследить различия между укладами, то, какие виды деятельности, с точки зрения современников, относились к патриархальному, а какие к частнокапиталистическому укладу. Споры о целесообразности отнесения торговцев I и II разрядов к капиталистическим элементам активно велись в 1920-е годы.

Рассмотрим, что понималось под каждым из пяти разрядов. По патенту I разряда допускалась следующая торговля: «а) только товарная торговля, производимая единолично самим хозяином; б) только торговля на базарах, рынках и в других местах, отведенных для уличной торговли; в) только торговля с рук, с земли или небольших лотков, из мешков, корзин, ящичков и т.п. емкостей, переносимых вместе со всем наличным товаром одним человеком; г) только операции со следующими товарами, которыми разрешено торговать по патенту I разряда»⁷⁵¹.

⁷⁴⁹ Промысловый налог. С. 16.

⁷⁵⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 382. Л. 78 об. – 80.

⁷⁵¹ Промысловый налог. С. 19–20.

Далее следовало перечисление ассортимента товаров, состоящее из 16 пунктов. Условно их можно объединить в несколько крупных товарных групп: 1) продукция сельского хозяйства в сыром виде и после первичной переработки; 2) продукты питания; 3) товары первой необходимости; 4) изделия кустарно-ремесленного производства (кроме изделий из драгоценных камней и металлов); 5) подержанные вещи (за исключением дорогостоящих и антиквариата).

Основные ограничения, которые накладывались на торговлю I разряда, относились к объемам торговли и стоимости продаваемой продукции.

По патенту второго разряда разрешалась торговля, производимая единолично или с помощью одного члена семьи, когда такая торговля производилась: «а) или из подвижных помещений значительного размера (возов, тележек, столов, перевозных лотков, ларей) на базарах, рынках и в других местах; б) или из небольших постоянных помещений, не имеющих значения закрытой комнаты (киоски, будки, палатки, навесы, углы) площадью не более одной квадратной сажени (4,55 м²) и не имеющих внутреннего доступа покупателям»⁷⁵².

Именно этот пункт Положения позволял финансовому инспектору относить даже мелочную торговлю ко II разряду, если она велась из отдельной, пусть и жилой комнаты, приспособленной для торговли.

Об этом свидетельствуют материалы личных дел «лишенцев». Приведем отрывок из заявления бывшего торговца Василия Михайловича Башегурова: «Патент был взят III разряда в силу того, что торговля была [с] внутренним входным помещением, в таких помещениях по патенту II разряда торговать не разрешалось и при торговле моей наемной силы никакой не было, да и при моей торговлишке одному делать было нечего, а тут увеличивают, что, дескать, крупная торговля, товаришко я брал тут же в Воткинске, таскал мешком на себе. Я считаю крупную торговлю тех, кто ездил за товарами в Москву, Нижний, Казань, получал товар кипами или вагонами, это есть крупная торговля, а у меня всего товаришко было на двести рублей, да и то половину кредитовался»⁷⁵³.

Если в «Росписи товаров» для предприятий I разряда перечислялось, чем разрешено торговать, то для II разряда перечислялись предметы, не допускаемые к торговле. Это были, как правило, дорогостоящие сложные приборы и механизмы. Подразумевалось, что эти товары не изготавливались на месте, а являлись объектом перепродажи. Часть товарной номенклатуры, в том числе и сырье, относилась к ценной, в связи с тем, что ее заготавливали с целью экспорта.

Не разрешалось торговать по патенту II разряда следующими вещами: «1) драгоценными камнями, золотыми и платиновыми изделиями; 2) изделиями из серебра, бронзы, мельхиора и

⁷⁵² Промысловый налог. С. 21.

⁷⁵³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 7. Д. 212. Л. 2.

британского металла [оловянный сплав, используемый для изготовления столовой посуды – *А. К.*], за исключением мелких дешевых, как, например, крестов, колец, серег; 3) антикварными вещами; 4) медными, никелевыми, никелированными и алюминиевыми кастрюлями, тазами, кубами и самоварами, а также примусами, керосиновыми и переносными печами, кроме подержанных; 5) оптическими, фотографическими, хирургическими, физическими и т. п. приборами, электронными принадлежностями, швейными и вязальными машинами; 6) музыкальными инструментами, граммофонами, патефонами, музыкальными ящиками и принадлежностями к ним, кроме дешевых народных инструментов – гармоний, балалаек и т. п.; 7) резиновыми и гуттаперчевыми изделиями, кроме мелких изделий (игрушки, соски и пр.) и подержанных галош; 8) сбруями и шорными изделиями, кроме простой крестьянской упряжи и принадлежностей; 9) шагренью, хромом, шевро, лайкой, лакированной и тисненой кожей и изделиями из них, кроме простых крестьянских сапог и башмаков и фетровой обуви; 10) москательными товарами, кроме квасцов, соды, синьки, клея, краски для яиц и т. п. москательных товаров для домашнего обихода; 11) пухом гагачьим и лебяжьим; 12) готовым платьем и носильным бельем, кроме бывших в употреблении; 13) всякого рода материей и тканями (кроме домотканых материй) и изделиями из них, а также бывшими в употреблении; 14) готовыми шляпами мужскими и женскими, кроме уборов кустарного производства и вещей, бывших в употреблении»⁷⁵⁴.

В отличие от двух предыдущих разрядов, торговля по патенту III разряда не имела ограничений в ассортименте. Предполагалось, что тот перечень товаров, который был запрещен для торговли по второму разряду, разрешен для третьего разряда. Основным критерием его выделения был розничный характер торговли. «По патенту III разряда торговых предприятий разрешалась розничная торговля всякими товарами из лавок, магазинов и других закрытых помещений и из лабазов в один-два раствора или из дворов, или иных открытых мест, если такая торговля производилась при участии не более четырех лиц, считая в том числе и хозяина»⁷⁵⁵.

Ассортимент торговли мог сыграть определенную роль при решении вопроса о восстановлении в избирательных правах. Приведем в качестве примера «Дело Василия Ивановича Лагуткина». В выписке из постановления Уралоблика отказ мотивирован тем, что В. И. Лагуткин торговал книгами и учебниками на базаре в течение 9 лет (с 1921 по 1930 гг.), торговля носила крупный характер – по патенту III разряда, а также заявитель не имеет пятилетнего стажа трудовой деятельности⁷⁵⁶. Однако, в заявлении Лагуткина говорится о том,

⁷⁵⁴ Промысловый налог. С. 23.

⁷⁵⁵ Там же, С. 24.

⁷⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 4289. Л. 1.

что его коллеги, также торговавшие книгами, были восстановлены в избирательных правах, а ему в этом праве было отказано. В заявлении не указано, по какому разряду производилась торговля его коллегами, но судя по всему, тоже по третьему.

«И на мой вопрос секретарю Облисполкома: почему вами восстановлены в правах гражданства двое книжников города Свердловска Шарнин А. Н. и Старцев Д. И., он мне ответил, что они восстанавливаются как букинисты и не имели канцтоваров. Таковой его довод мне показался довольно неубедительным. Кто же больше ценится? Тот, который больше проводил больше старую, отжившую книгу или тот, который проводил исключительно новую. Правда, я начал работу тоже со старой книгой, но в 1923 г. принципиально прекратил ее иметь, по причине того, что им замусоривалось само дело и выглядело грязным. А канцтовары являлись как общее правило всех книготорговцев, ибо это в деле два собрата поддерживающие один другого. Кроме того, объем моего дела был довольно незначительным, с годовым оборотом от 19 до 24 тыс. руб., так что личная доходность не превышала 150 руб. в месяц»⁷⁵⁷.

Таким образом, торговля старой книгой, вероятнее всего приравненной к подержанным вещам, а не к антиквариату, считалась менее коммерчески ориентированной и доходной.

Выделение последующих IV и V разрядов происходило на основании числа занятых лиц и определения объема партий продаваемых товаров.

«По патенту IV разряда разрешается: а) розничная торговля всякими товарами из тех помещений, что и торговля по Третьему разряду, но имеющих более двух растворов, или обслуживаемая более чем четырьмя, но не свыше чем десятью служащими, считая, в том числе, и хозяина; б) полуоптовая торговля из тех же помещений, что и розничная торговля Четвертого разряда, т. е. продажа однородных товаров партиями, стоимостью каждая не ниже 25 черв. рублей и не свыше 75 черв. руб., при числе обслуживающих торговлю лиц не более семи, считая, в том числе и хозяина. Если торговое предприятие одновременно с полуоптовой торговлей ведет торговлю и розничную, то оно не может рассматриваться как розничное и поэтому должно выбирать патент IV разряда, хотя бы торговля производилась только при участии четырех лиц, считая в том числе и хозяина. Под продажей партионной следует понимать продажу партиями только однородных товаров. Поэтому отпуск в одни руки разных неоднородных товаров на сумму от 25 черв. руб. до 75 черв. руб. не будет продажей партионной»⁷⁵⁸.

На практике частная торговля IV разряда не была розничной. К этой категории относилась полуоптовая и оптовая торговля, перекупка товаров партиями. Как уже отмечалось, при определении объекта налогообложения принимались во внимание лишь очевидные признаки,

⁷⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 4289. Л. 15–15 об.

⁷⁵⁸ Промысловый налог. С. 25.

нюансы не учитывались. При определении разряда всегда делалась поправка в сторону его увеличения.

К торговле по патенту V разряда относилась: «а) розничная торговля из магазинов, обслуживаемых более чем десятью лицами, считая, в том числе, и хозяина; б) полуоптовая торговля при числе обслуживающих ее лиц свыше семи, считая хозяина; в) оптовая торговля, т. е. продажа всяких однородных товаров партиями, стоимостью каждая свыше 75 черв. руб. На одновременное производство в одном и том же заведении оптовой торговли и розничной, или оптовой и полуоптовой допускается выборка одного патента V разряда»⁷⁵⁹.

В 1926/27 г., когда торговля приобрела бóльший размах, с целью повышения обложения крупных предприятий из V разряда был выделен дополнительно шестой разряд. В подавляющем большинстве исследований в 1920-е гг. не проводилось разделение на эти два высших разряда, что позволяет оперировать сопоставимыми статистическими данными за десятилетие.

С. Г. Струмилин, обосновывая тезис о сокращении объемов частной торговли, сравнивает данные о выборке торговых патентов за 1912 и 1926 гг. Помимо факта сокращения торговой сети, эти сведения доказывают сопоставимость данных налоговой статистики до и после 1917 г. Автор пишет: «В 1912 г. на территории нынешнего Союза ССР было выбрано, включая полугодовые патенты, в пересчете на годовые, всего 954 тыс. торговых патентов. Причем по разрядам, применительно к нынешней номенклатуре, это число распалось следующим образом [см. далее табл. 24 Приложения – А. К.]»⁷⁶⁰.

Достоверность и объективность фискального учета. Приведенная классификация торговых предприятий по разрядам была довольно сложной для применения в прикладных исследованиях. Отмечая ее недостатки, исследователи были вынуждены ее использовать из-за отсутствия более удобной альтернативы. Д. Антонов указывал, что все данные о торговом аппарате Урала основываются на учете органов фиска и не могут дать достаточно полного представления об организационных формах торговли⁷⁶¹. Такое положение следует считать естественным, так как налоговые органы подходят к торговле исключительно как к объекту обложения. Самостоятельных исследований организационных форм торговли и бюджетов частных предпринимателей на уральском материале не проводилось. Исключением является исследование Г. Исупова, однако оно значительно уступает по глубине погружения в тему работе Г. П. Падучева, выполненной на воронежском материале⁷⁶².

⁷⁵⁹ Промысловый налог. С. 25.

⁷⁶⁰ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. С. 254.

⁷⁶¹ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 44.

⁷⁶² Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике. Воронеж, 1926. 106 с.

С. Г. Струмилин отмечал: «Несомненно, и число торговых заведений, охватываемое патентной статистикой, далеко от стопроцентной полноты и точности. В области мелкой ручной уличной торговли ускользает от органов фиска, вероятно, не один десяток тысяч плательщиков. Но уже киоск, лавочку, магазин – никуда не спрячешь. И здесь точность учета можно считать вполне удовлетворительной. Менее удовлетворительно у НКФ распределение патентов по срокам их выборки и периодам торговли; в этом отношении иной раз данные о выборке патентов и обложении уравнильным сбором дают очень значительные расхождения. Гораздо хуже обстоит дело с учетом торговых оборотов. Здесь при отсутствии надлежащей отчетности все данные базируются на голословном показании плательщика и опытности фининспектора, который на основании ряда внешних и далеко не достоверных признаков вносит свои поправки в показания плательщика»⁷⁶³.

Несовершенство налогового аппарата было predetermined темпами, которыми его воссоздавали, кадровым дефицитом и низкой квалификацией персонала. По оценкам сотрудников Пермского губфинотдела в 1923 г., «по крайней мере, по Пермской губернии обложение промысловым налогом еще не налажено ни в смысле выявления объектов обложения для привлечения к патентному сбору, не в смысле изучения товарооборота предприятий, облагаемых уравнильным сбором. Налоговые щупальца еще не проникли до сих пор вглубь уездов: по селениям поразительно мало предприятий, обложенных патентным сбором. Между тем нет никакого сомнения, что в деревнях при отсутствии стационарной торговли – должны быть значительно развита торговля подвижная, базарная, а также скупка. Кроме того, по уездам очевидно ускользают от обложения мелкие промышленные предприятия, ремесла и личные промысловые занятия. Интенсивность выявления объектов обложения, расширение надзора вглубь уездов является для фининспекции одной из первоочередных задач»⁷⁶⁴.

Городская перепись промышленных и торговых предприятий 1923 г. поставила вопрос об организационных формах торговли несколько шире, но и она отталкивалась от данных налогового учета. Понимание несовершенства существующей классификации приводило авторов исследований к необходимости выдвигать собственную градацию торговых заведений. Это делалось с целью упростить деление, сделать его более функциональным и применимым к решению конкретных задач.

Д. Антонов характеризует разряды следующим образом: «I разряд – торговля без постоянных помещений, т. е. в разнос, развоз и т. д., по общему правилу – карликовая; II разряд – мелкая розничная торговля из ларьков, палаток и т. д.; III разряд – средняя торговля из

⁷⁶³ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. С. 257–258.

⁷⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 142. Л. 122.

постоянных магазинов, как общее правило – розничная; IV и V разряды – оптовая и наиболее крупная розничная торговля»⁷⁶⁵. Сам автор отмечает условность предложенной им классификации, но работает именно с ней.

Ю. Ларин (М. Лурье), досконально занимавшийся изучением частного капитала по стране в целом, рисует более масштабную картину. Он подразделяет все частные торговые предприятия на три группы, начиная с более крупных. «Первая группа – это оптовики и полуоптовики, что приблизительно соответствует IV и V разрядам по налогообложению». Их всех, по подсчетам Ю. Ларина, имелось на 1 октября 1926 г. 23 тыс. чел. «Вторая группа – это около 155 тыс. чел. торговцев III налогового разряда»⁷⁶⁶. По мнению Ю. Ларина, – «это те, которые имеют собственные магазины – не киоски, а настоящие магазины»⁷⁶⁷.

С данным тезисом трудно согласиться. По-видимому, Ю. Ларин делает свои выводы на материалах общесоюзной статистики или стремится преувеличить размер частного капитала в средних разрядах. Действительно, в центральных районах России, особенно в Москве, частная торговля приобрела достаточно крупные размеры, но применительно к Уралу утверждение Ю. Ларина выглядит явно преувеличенным. Основываясь на материалах личных дел «лишенцев», а также на материалах сводок ОГПУ и судебно-следственных делах, можно с уверенностью сказать, что собственные магазины у торговцев III разряда встречались крайне редко. Как правило, торговля велась из киоска, квартиры в собственном доме или иных приспособленных площадок, имевших характер отдельного, но отнюдь не специализированного помещения.

Продолжая характеристику второй группы, Ю. Ларин пишет: «Они имеют обычно и наемных служащих в этих магазинах, занимаются иногда и полуоптовыми операциями. Вместе первая и вторая группа, почти 180 тыс. чел. торговцев – это есть те, кого можно причислить к крупной и средней торговой буржуазии»⁷⁶⁸. На наш взгляд, торговцев III разряда необходимо выделить в отдельную промежуточную группу. На ее характеристике остановимся ниже.

В третью группу Ю. Ларин включает I и II налоговые разряды. «Это те, кто торгует из киосков (II разряд) и с рук (I разряд), например, с лотков, разносчики газет и т. п. Их на 1 октября 1926 г. имелось около 450 тыс. чел. по стране. Их нельзя считать капиталистами: сплошь и рядом это безработные, торгующие на улице пирожками и т. п. впредь до приискания занятия. Отчасти, и весьма нередко, это просто нанятые крупными частными предпринимателями разносчики, которых он заставляет выбирать патент. Тут полное подобие с системой распыления, какая в индустрии наблюдается в виде “домашней” системы

⁷⁶⁵ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 44.

⁷⁶⁶ Ю. Ларин использует данные С. Г. Струмилина (Плановое хозяйство. 1926. № 9. С. 9).

⁷⁶⁷ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 168.

⁷⁶⁸ Там же.

капиталистической промышленности. И прибегают к такому “распылению торговли” особенно часто как раз капиталистические скупщики кустарных изделий, организаторы кустарной домашней промышленности»⁷⁶⁹.

С такого рода развернутой характеристикой торговли I и II разрядов вполне согласуются и наши данные. Таким образом, у Ю. Ларина происходит слишком резкий переход от средней буржуазии к категории граждан, которые не могут считаться «капиталистами» и для которых торговля является вариантом самозанятости.

Применительно к Уралу предлагалась еще более конкретная классификация, которую использует Б. Эвенчик. Он исходит из данных ОблФО о числе частных предприятий по разрядам и выводит условную среднюю величину капитала, вложенного в каждый разряд. В результате получается следующая шкала (в черв. руб.): V разряд – 10 000 руб., IV разряд – 5 000 руб., III разряд – 750 руб., II разряд – 200 руб., I разряд – 50 руб.⁷⁷⁰ Отметим значительный разрыв между III и IV разрядами в сумме вложенных средств.

Используя данную классификацию, основанную на известных рода допущениях, Б. Эвенчик рассчитывает долю частной торговли в общем торговом обороте Урала за рассматриваемый финансовый год. На первое полугодие 1923/24 г. он определяет эту сумму в 5,7 млн руб., а на второе – в 4,7 млн руб.⁷⁷¹ Классификация разрядов торговли, основанная на сумме капиталовложений, хорошо работает и отражает существенные характеристики объекта. Однако она имеет и свои недостатки. Как уже отмечалось, получить документально подтвержденные данные о реальной доходности и капиталовложениях частных предпринимателей не представляется возможным.

В работе С. В. Шейхетова содержится ссылка на еще один вариант классификации нэпманов: «Неизвестный автор “Советской Сибири” выделял не две, а три группы. Он писал в 1924 году: “Наши буржуа разделяются на три класса: нэпман – акула, нэпман – середнячок и нэпман – “хипесник”». При этом “акулы” получают годовой доход в размере 10 тыс. руб., “середняки” – от 2 до 10 тыс. руб., а “хипесники” – это криминальные элементы, промышленяющие незаконными махинациями, в том числе контрабандой, и учет их доходов практически невозможен»⁷⁷².

Эта классификация ставит перед нами еще одну проблему – разделения частных торговых предпринимателей на легальных и нелегальных, активно вовлеченных в теневой сектор экономики и тем самым формирующих особый «неформальный» хозяйственный уклад.

⁷⁶⁹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 168–169.

⁷⁷⁰ ГАСО. Ф, Р-241. Оп. 1. Д. 526. Л. 3; Эвенчик Б. Проблемы торгового капитала на урале // Хозяйство Урала. 1925. № 2. С. 55. С. 47–62

⁷⁷¹ ГАСО. Ф, Р-241. Оп. 1. Д. 526. Л. 3.

⁷⁷² Шейхетов С. В. Нэпманы Сибири. // Сибирская заимка. URL: http://zaimka.ru/soviet/cheikh1_p1.shtml

Наряду с уже рассмотренными нами сведениями, существовали характеристики, позволяющие более детально представить отличия разрядов торговли друг от друга. Особый интерес вызывает мелкая розничная торговля I и II разрядов. По данным Д. Антонова, в 1926/27 г. эти разряды были монополизированы частниками. Обобщественная торговля на 1 октября 1924 г. имела менее 5 % в составе мелких предприятий Урала, такой же эта доля сохранилась на 1 октября 1925 и 1926 гг. Только в 1926/27 г. общественный сектор начинает расти как абсолютно, так и по удельному весу (до 6,5 % общего количества мелких предприятий)⁷⁷³.

Если рассматривать соотношение по разрядам внутри частной торговли Урала, то в 1926/27 г. 75 % приходилось на предприятия I и II разрядов, остальное на III, крупные же предприятия в частном секторе были представлены десятками, если не единицами⁷⁷⁴. Такого рода соотношение является общей тенденцией. Она прослеживается на материалах Союза в целом, но на Урале проявляется особенно отчетливо.

Группа мелких торговцев являлась наиболее мобильной и трудно учитываемой. Она в наибольшей степени подвергалась внешнему влиянию. Это обстоятельство создавало значительные трудности при учете этой категории торговцев. Так, например, ОблФО при подсчете опиралось на число выбранных и сданных патентов за год, т. е. число предприятий, формально заявивших о начале и прекращении своей деятельности. На первый взгляд, разница этих двух цифр должна была дать количество действующих предприятий. Но необходима весьма существенная поправка. Самые мелкие предприятия, торгующие по патентам I разряда и не облагаемые уравнильным сбором, были мало заинтересованы в возвращении патентов, так как для них это не было связано с уменьшением налоговой нагрузки.

Д. Антонов, говоря о большом числе закрывшихся мелких частных предприятий, вводит термин «годовой коэффициент текучести». Например, для предприятий I разряда по официальным данным, основанным на фискальной статистике, в 1926/27 г. он был равен 14 %. Автором использовался термин «смертность» предприятий.

При этом для всех остальных предприятий торговли Уральской области, т. е. выше I разряда и обложенных уравнильным сбором, коэффициент был равен 25 %, а для предприятий II разряда (ларьковая и палаточная торговля) – 36 %. Вполне естественно предположить, что для мелкой розничной торговли реальный, а не фиксируемый налоговой статистикой, «коэффициент текучести» должен быть намного выше. Это вполне логичное заключение и поэтому, по экспертной оценке Д. Антонова, он находился примерно на уровне 50 %⁷⁷⁵.

⁷⁷³ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 44–45.

⁷⁷⁴ Там же, С. 44.

⁷⁷⁵ Там же, С. 40.

Группа мелких торговцев порождала различные оценки и наделялась различными характеристиками у тех исследователей, которые пытались их описать с «классовых позиций». Самая категоричная и обобщенная картина виделась в черно-белых тонах. При делении экономики на два сектора, обобществленный и не обобществленный, частная торговля, кем бы она ни была представлена, целиком и полностью относилась ко второму, частнокапиталистическому укладу.

Напротив, дифференцированный подход к частникам привел к умозаключению, что самых мелких торговцев, предпринимателей I разряда, следует относить не к частнокапиталистическому сектору, а условно приравнять к самостоятельным производителям. Это в большей степени приближало их к патриархальному или мелкотоварному укладу. С. Г. Струмилин предложил для категории мелких торговцев использовать термин «торговый пролетариат»⁷⁷⁶. Подобного рода радикализм не вызвал поддержки у коллег в связи с тем, что термин «пролетариат» был зарезервирован за представителями нового господствующего класса – работниками промышленных предприятий, лишенных какой-либо собственности. Процесс «пролетаризации», протекавший на заводах Урала, предполагал увольнение с предприятий тех рабочих, которые имели собственность в виде земельных наделов, частных домов, огородов, приусадебных участков и прочего движимого или недвижимого имущества. В данном же случае, когда речь шла о торговцах, предполагалось владение имуществом, которое являлось объектом купли-продажи. В контексте нашего исследования термин «торговый пролетариат» приобретает несколько иной смысл в связи с тем, что в диссертации рассматривается процесс активного вовлечения пролетарских слоев города в товарообменные операции. При этом рабочие были вынуждены выступать в роли торговцев и продавать не только свои рабочие руки, но и вполне конкретные товары. Здесь можно говорить либо о «торговом пролетариате», либо о «торгующих пролетариях».

На практике в огромной своей массе мелкой торговлей занимались люди, вынужденные искать средства к существованию в условиях безработицы или лишившиеся средств к существованию в результате несчастного случая, неурожая, потери кормильца и тому подобное. В частную торговлю «отливалась», по выражению Н. И. Бухарина, масса промышленных рабочих, выброшенных за ворота фабрик и заводов⁷⁷⁷. Нередко торговля являлась дополнительным источником дохода помимо основной деятельности (сельское хозяйство, ремесло, работа на заводе или фабрике, государственная служба и т. п.). Это положение достаточно убедительно иллюстрируют материалы личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей. Однако на практике было невозможно отделить эту

⁷⁷⁶ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 40.

⁷⁷⁷ Бухарин, Н. И. Азбука коммунизма. С. 278.

группу от профессиональных торговцев, как мелких, так и крупных, практикующих метод рассеянных, рассредоточенных форм предпринимательства.

Необходимо отметить, что группа торговых заведений, относимых к IV и V разрядам, несмотря на солидность своего положения, являлась достаточно динамичной. Это делало ее отчасти схожей с мелкими торговцами I разряда. Крупные торговые заведения являлись объектами наиболее пристального внимания со стороны финорганов. Торговцы IV и V разрядов испытывали на себе те же колебания правительственной политики, что и другие группы предпринимателей, однако налоговый пресс давил на них с большей силой. Общей тенденцией являлось сокращение количества крупных предприятий после очередного повышения налогов.

Особенно в этом отношении был примечателен 1924 г. В сводке Окружного отдела ОГПУ по Златоустовскому округу отмечалось: «Имеющиеся в городе крупные частные мануфактурные и бакалейные магазины свою деятельность прекращают, сходят на нет и вылезают в лотки, рассуждая, что налоги велики – торговать нельзя»⁷⁷⁸.

Но, как и в течение всего периода нэпа, налоговая политика не была прямолинейной, а состояла из множества маневров и была полна противоречий. Так, в 1929 г. по отношению к тем предприятиям, которые более или менее благополучно дожили до этого времени, органично вписались в региональные хозяйственные связи и адаптировались к условиям, которые диктовало государство, могли применяться определенные льготы.

«Середняк» в торговле. В столь динамичной ситуации находило подтверждение правило «золотой середины» и наиболее устойчивой формой являлась торговля средних размеров, относившаяся к III разряду.

Граждане, которые занимались предпринимательством достаточно продолжительное время и на профессиональной основе, отдавали предпочтение этой форме торговли. Промежуточный III разряд позволял оптимально согласовать интересы частного и государства. Рамки этого разряда давали достаточно свободы для торговца, в том числе в части отсутствия ограничений по ассортименту. Это было важным условием, так как в стремлении максимально ускорить товарооборот и быстро реагировать на запросы рынка частнику приходилось диверсифицировать свою деятельность как по ассортименту, так и по видам торговли.

Налоги, как бы они ни были тяжелы, позволяли при благоприятных условиях получать прибыль. Средняя категория торговцев оказалась самой устойчивой и постоянно пополнялась за счет крайних разрядов. Это были, с одной стороны, наиболее удачливые предприниматели I и II разрядов, а с другой – торговцы, решившие свернуть торговлю IV и V разрядов (по терминологии авторов сводок ОГПУ – «уйти в лотки»). Вполне вероятно, что под прикрытием

⁷⁷⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 143.

III разряда скрывали подлинными объемами своей торговли крупные предприниматели, использовавшие рассеянные формы предпринимательства.

Несмотря на относительную устойчивость этого вида торговли, в определении «классовой сущности» середняков также не существовало единой точки зрения. Аналогичные проблемы были и в отношении оценки сельских производителей, так как категории «кулак» и «середняк» отнюдь не являлись строго формализованными. Оценка базировалась не столько на экономических, сколько на идеологических установках и в рамках проведения очередной кампании границы этих социальных групп могли меняться.

В отношении «торговцев-середняков», торгующих по патенту III разряда, дискуссия не была особо активной, а диапазон мнений в исследовательской среде был незначителен. Ю. Ларин однозначно относил их к частнокапиталистическому сектору. И. Мингулин занимал иную позицию, предполагая более детализированный подход, и отмечал, что «вряд ли можно соглашаться с отнесением всех торговых заведений III разряда к капиталистическому кругу предпринимателей»⁷⁷⁹. С. Г. Струмилин подтверждает эту точку зрения расчетами. Так, например, средний дневной оборот заведения III разряда, по его расчетам, составлял 52 руб. (в ценах 1925/26 г.). «Величина явно ничтожная для капиталистического предприятия. Личные расходы владельца такого среднего заведения равны 99,2 руб. в месяц, а вместе с “накоплением” – 143,2 руб. Ясно, что в лице владельца среднего торгового заведения мы имеем перед собой типичного мелкого буржуа, а его “накопление” есть не что иное как откладывание на черный день за счет жизненного уровня. Если эти средние цифры можно справедливо упрекнуть в том, что от них имеются значительные отклонения вверх, то не следует забывать, что имеются также отклонения вниз. Кроме того, – и это особенно важно для характеристики торговой сети, – отклонения вверх отражают более или менее крупные, немногочисленные заведения; отклонения вниз, наоборот, определяются мелкими и многочисленными заведениями. Поэтому мы считали бы экономически справедливым отнести к капиталистическому кругу не более половины торговых заведений III разряда»⁷⁸⁰.

Идя на уступки сторонникам Ю. Ларина, С. Г. Струмилин отмечал: «Поскольку нас интересуют судьбы частного капитала, мы ни в коем случае не должны возводить в ранг опасных нам капиталистов тех наиболее мелких торговцев с лотков или из ларьков и киосков, которые едва ли оправдывают своей торговой выручкой даже полную оплату своего труда. Мы думаем, что и добрая половина торговцев мелочной торговли III разряда лишь с очень большой натяжкой может быть отнесена к разряду капиталистической торговли. Но, во избежание

⁷⁷⁹ Мингулин И. Пути развития частного капитала. С. 134.

⁷⁸⁰ Там же.

излишних споров, отнесем условно все частные торговые заведения III разряда к категории извлекающих прибавочную ценность, т. е. капиталистических по своей природе»⁷⁸¹.

Разумеется, эта категория предпринимателей была неоднородной. В числе предприятий III разряда находились и те, которые приносили значительный доход и в которых шел процесс аккумуляции ресурсов. В условиях советского строя эти капиталы либо активно поглощались, шли на потребление, либо могли использоваться для ссуд частным лицам или направляться на развитие собственного бизнеса. Последний вариант был наиболее вероятным, так как внешние источники заимствований для частного предпринимательства были существенно ограничены, а экономические условия диктовали необходимость высокой динамики торговой деятельности.

Примеры ростовщического кредита находим в материалах личных дел «лишенцев»⁷⁸². Отметим, что ссуды предоставлялись на доверительной основе узкому кругу лиц, зачастую объединенных родственными или конфессиональными связями. В противном случае был велик риск изъятия капиталов государством. Легальной формой использования денежных средств было вхождение в качестве пайщика в общество взаимного кредита частной торговли и промышленности. Среди членов ОВК значительную долю составляли «крепкие середняки».

Значительное количество классификаций на основании различных критериев осложняет целостную и обобщенную оценку торговли III разряда. На наш взгляд, можно говорить об отнесении к частнокапиталистическому укладу торговли III разряда в целом по стране при условии, что отнесение к тому или иному разряду происходило взвешенно и объективно и не преследовало исключительно фискальных целей. Учитывая, что на Урале частная торговля в силу объективных причин не получила широкого распространения, предприятия III разряда не всегда могли являться значительным источником накопления капитала.

Многоукладность в торговле. Имея представление о характере каждого из разрядов, можно более отчетливо представить себе, какое место они занимали в каждом из секторов многоукладной экономики. Очевидно, что в обобществленном секторе торговли преобладали крупные и средние предприятия, а в частном – мелкие и карликовые. Из общего числа достаточно крупных предприятий (IV и V разряды) на частный сектор на 1 октября 1924 г. приходилось 12 %, а на 1 октября 1927 г. – 11 %. Средняя по масштабам торговля (III разряд) по числу предприятий уже более чем на 1/3 принадлежала частникам. Что касается мелкой торговли (I и II разрядов), то она была полностью монополизирована частным сектором. Обобщественная торговля Урала на 1 октября 1924 г. располагала менее 5 % мелких предприятий⁷⁸³.

⁷⁸¹ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. С. 260–261.

⁷⁸² Напр.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 507, 508, 556, 623, 706, 731.

⁷⁸³ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 44–45.

При оценке доли частного сектора в различных секторах экономики и определении его роли в торговых операциях, помимо сетки разрядов использовали деление по принципу «опт – розница». Напомним, что оптовой считалась закупка или реализация однотипных товаров на сумму свыше 75 черв. руб. Мы уже отмечали, что в связи с проблемами учета точные суммы как доходов, так и сделок не всегда можно было установить.

Такого рода градация условна и по ряду других причин. Если исходить из буквы «Расписания разрядов...», то к розничной торговле следует отнести предприятия I, II и III разрядов полностью, IV – частично, а заведения V разряда считать исключительно оптовыми. Однако на практике эта ситуация была иной. Сказывались межрегиональные различия и особенности торговли, вытекавшие из специфики ассортимента или способа организации торговли. Несмотря на недостаточно высокую степень концентрации торгового аппарата на Урале, предприятия III разряда могли вести и полуоптовую торговлю. Тем самым по своим параметрам они вплотную приближались к заведениям IV разряда, но не сливались с ними. Одна из причин – торговля велась меньшим числом персонала.

Занимаясь закупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции, частный торговец также осуществлял полуоптовые или оптовые операции. Нередки были случаи, когда частник покупал у населения сырье мелкими партиями, а, затем, накопив определенное количество товара, осуществлял продажу крупными партиями в кооперативные организации. Полуоптовый или оптовый характер носила предпринимательская деятельность, связанная с реализацией продукции ремесленного производства. Таким образом, определенную часть торговцев III разряда можно отнести к полуоптовой торговле. IV разряд, следовательно, относится к категории полуоптовой торговли, а V – к оптовой. Специфика Уральского региона проявилась в том, что распространение получили относительно небольшие торговые предприятия, крупные предприятия были редкостью.

Различия между оптовой и розничной торговлей не ограничивались объемами товарооборота, но и зависели от структуры капитала, точнее от соотношения собственных и заемных средств. В розничной торговле эти пропорции выражались в соотношении 3:1, в полуоптовой – 4:1, а в оптовой 2:1. Структура заемных средств была различной. В розничной торговле преобладал товарный кредит (70 % всего кредита), в полуоптовой товарный кредит был равен денежному (50 %), а в оптовой он значительно меньше денежного (25 %) ⁷⁸⁴.

Различной является и структура доходов и расходов в оптовой и розничной торговле. В среднем по СССР за 1925/26 г. валовый доход по отношению к обороту давал для розницы 20,5 %, для полуопта 14,8 % и для опта – 11,5 %. Эти данные (как и большинство сведений, почерпнутых из налоговой статистики) вряд ли отличаются полнотой. Торговые расходы

⁷⁸⁴ Брауде Х. И. Частная торговля // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М.: Л., 1927. С. 148.

частников падают на торговый оборот в размере 8,2 % в оптовой торговле, 8,5 % в полуоптовой и 10 % в рознице. Отметим, что в рознице из всех торговых расходов 70 % уходило на уплату налогов и аренду, в полуопте только 40 %, а в опте 34 %⁷⁸⁵. Эти данные подтверждают тезис о том, что оптимальной формой торговли являлись предприятия средние по объему, III разряда.

Бюджетные обследования. В этой связи большую ценность представляют исследования бюджетов частных торговых предпринимателей, проведенных как на общесоюзном, так и региональном материале. С. Г. Струмилин приводит данные обследования НКФ (табл. 25 Приложения) и отмечает, что «частная торговля эксплуатирует главным образом свой собственный семейный труд, прибегая к наемному лишь в отдельных наиболее крупных предприятиях. Поэтому в цифре 440 млн помимо предпринимательской прибыли содержится и очень изрядная сумма заработной платы членов семьи торговца»⁷⁸⁶. Этим объясняется, что самая значительная доля расходов падает на содержание (жалование) торговца.

Ряд регионов опубликовал обследования на основе собранных данных, например, на материалах Воронежской губернии. В выборку попали только предприятия III, IV и V разрядов, которые, по мнению авторов обследования, могут считаться наиболее устойчивыми и занимающимися торгово-посреднической деятельностью на профессиональной основе. Немаловажную роль играл и тот факт, что только крупные торговые заведения вели бухгалтерские книги, финансовую и товарную отчетность. Данные о среднестатистическом бюджете представлены в табл. 5 Приложения.

Г. П. Падучев отмечает: «Крупный торговец имеет сравнительно мало расходов общественно обязательных и в соответствии с этим увеличивает долю расходов, зависящих от его усмотрения, как ремонт помещения, заработная плата служащим и т. д. Напротив, у торговца-розничника бюджет складывается в подавляющей своей части именно из общественно-обязательных расходов. Чтобы справиться с этими расходами, розничник вынужден, что называется “лезть из кожи вон”. Дабы найти выход из положения розничник должен соблюдать самую жестокую экономию, там, где это только для него представляется возможным... И вот розничник пускается во все тяжкие. Он избегает нанимать служащих, пользуясь трудом членов семьи. Он не берет извозчика для перевозки товаров, а держит у себя с этой целью ручную тележку и, превращаясь время от времени в “рикшу”, тащит товар собственными силами в лавку “на своих двоих”. Именно так и объясняли торговцы Третьего разряда скромный размер оказавшихся у них общих расходов»⁷⁸⁷.

⁷⁸⁵ Брауде Х. И. Частная торговля. С. 153.

⁷⁸⁶ Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. С. 278.

⁷⁸⁷ Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике. С. 35.

Приведенные данные актуальны при рассмотрении вопросов государственного регулирования частных предпринимателей и проблем кредитования.

Тенденции развития. Острая нехватка капиталов была характерна для всего периода существования частной торговли. Торговые предприятия, занимавшиеся оптово-розничным посредничеством и по объему своей работы приближавшиеся к кооперативным союзам (и даже наиболее крупные из них, как, например, городские предприятия V разряда), были в 3–4 раза меньше обеспечены средствами, чем районные сельскохозяйственные союзы⁷⁸⁸. Этим объясняется тяготение отдельных предпринимателей к объединению своих капиталов в товарищеские предприятия. Этот процесс был особенно характерен для городских поселений.

Как указывает В. П. Дмитренко, «соотношение городской и деревенской частной торговли отражало положение, существовавшее в стране и до революции, когда внутренняя торговля отличалась чрезвычайно слабым развитием сети постоянных торговых предприятий в деревне, оборот которых составлял 10 % всего торгового оборота страны. В деревне преобладала базарно-ярмарочная торговля, скупка через агентов и неорганизованный товарообмен между самими крестьянами. В 1913 г. сельская торговля (включая базарную и ярмарочную), по некоторым расчетам, составляла не более 20–25 % внутреннего товарооборота страны, в том числе на лавочный оборот приходилось 1 млрд руб., а на внелавочный (базарный и внутридеревенский) – 1,5 млрд руб. (в ценах 1913 г.). Если в городе Европейской России оборот на душу населения составлял 430 руб., то в деревне – не более 22 руб.»⁷⁸⁹

В связи с последовательно проводимой политикой вытеснения частника с рынка промышленной продукции происходила переориентация предпринимателей на операции с кустарными изделиями. В условиях товарного голода такого рода сделки приносили выгоду всем – как производителям, так и потребителям, как ремесленникам, так и торговым посредникам. Если в первые годы нэпа оптовая и оптово-розничная торговля концентрировалась, главным образом, в губернских городах Урала, то впоследствии они стали тяготеть к периферии. В 1923 г. половина общего числа оптовых и оптово-розничных предприятий области находилась в губернских городах, 35,8 % в других городах и только 14,4 % в прочих поселениях городского типа. Совершенно исключительной являлась роль Екатеринбурга, где в 1922 г. сосредоточивалось 57 % общего числа оптовых и оптово-розничных предприятий губернии⁷⁹⁰. Позднее начинается весьма быстрое отступление частной оптовой торговли на периферию. Это было вызвано, *во-первых*, ростом на местах торгового аппарата промышленности, перенесшего значительную часть торговли промтоварами на

⁷⁸⁸ Брауде Х. И. Частная торговля. С. 148.

⁷⁸⁹ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 136–137.

⁷⁹⁰ М. С. Торговля Уральской области // Уральский коммунист. 1923. № 11–12. С. 27.

периферию; *во-вторых*, политикой вытеснения частника из промышленного товарооборота, толкавшей его на работу с сельскохозяйственными продуктами и сырьем, на сотрудничество с кустарем как альтернативным источником товарной продукции.

Давая характеристику частной торговли Союза ССР в целом, М. М. Жирмунский отмечал ее отличительные черты: «а) более быстрый, чем для всего товарооборота, темп устремления на периферию; б) усиленное внимание к деревенскому товарообороту и расширение операций с группой сельскохозяйственных товаров; в) значительное внимание к кустарному производству, ставшему источником снабжения частной торговли и усиленно вовлекаемому в орбиту ее влияния авансированием деньгами, сырьем и полуфабрикатами»⁷⁹¹.

Эта характеристика адекватно отражает тенденции развития частной торговли во второй половине 1920-х гг., причем именно те, которые были позднее насильственно прерваны.

Дело в том, что в сближении частника с кустарем увидели угрозу капиталистического реванша, а в сложившемся на основе этого сотрудничестве «замкнутом круге частного сектора хозяйства» – очаг капитализма в советской России.

Частная торговля Урала, в отличие от СССР в целом, не занимала доминирующего положения на рынке. Это проистекало как из дефицита капиталов, так и из специфической структуры производства региона. По своей форме это была мелкая, розничная торговля, которая отличалась большой мобильностью и распыленностью. Такое состояние частной торговли позволяло ей существовать наряду с обобществленным сектором хозяйства и снабжать самые широкие слои населения товарами, выполняя, тем самым, социально-значимые функции.

4.4. Товарная специализация и товарная номенклатура частника

Частная торговля претендовала на вовлечение в сферу своей деятельности всех возможных видов продукции. Ограничения, которые накладывались на частное предпринимательство, были двух видов. *Во-первых*, государство существенно урезало сферу деятельности частника, оставляя за собой «командные высоты», а с ними и значительную часть промышленной и экспортной продукции; *во-вторых*, ограниченными были возможности самой частной торговли, испытывавшей недостаток в средствах и значительный дискомфорт от методов государственного регулирования.

В ноябре 1921 г. постановлением ВЦИК и СТО было отменено действовавшее с 1918 г. постановление ВСНХ «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами». До весны 1922 г. частнику запрещалось торговать солью, птицей, кожсырьем, пушниной, животными и растительными волокнами, лесом и лесными материалами, а также

⁷⁹¹ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 120.

предметами оборудования государственных предприятий. Летом 1922 г. официально была разрешена свободная торговля мясом, сельскохозяйственными орудиями, семенами и медикаментами. Таким образом, с середины 1922 г. ассортимент товаров частного рынка, за некоторым исключением, стал идентичен ассортименту государственной и кооперативной торговли. Однако по-прежнему государство сохраняло монополию на спиртоводочные изделия, драгоценные металлы и – до 1923 г. – на хлопок⁷⁹².

Источники наглядно свидетельствуют о том, что сферой применения частной инициативы могла стать практически любая отрасль хозяйства.

Достаточные и недостаточные товары. Участие частной торговли в распределении конкретных продуктов было неодинаковым, так как предпочтение отдавалось определенным товарам. Несомненно, что частный торговец предпочитал оперировать на рынке дефицитных (или, используя терминологию тех лет, недостаточных, ажиотажных) товаров. Операции с ними позволяли извлекать максимальную прибыль благодаря высоким ценам, высокой ликвидности и скорости оборота капиталов.

К недостаточным товарам относилась, прежде всего, продукция, не выпускавшаяся в СССР, и монопольным правом на закупку которой за рубежом обладало государство. Это мог быть и контрабандный товар, операции с которым сулили самые высокие прибыли.

По сведениям И. С. Кондурушкина, в импортной контрабанде преобладали мануфактура (40 %), галантерея (21 %), парфюмерия, кожа (12,6 %), и, до 1925 г., – спирт и спиртные напитки⁷⁹³.

Если рассматривать товарную номенклатуру внутреннего рынка, то в дефиците был фабрикат – продукция промышленных предприятий, выпускавшаяся государственными трестами и реализуемая через систему государственных синдикатов. К недостаточным товарам относилась продукция Всероссийского текстильного синдиката (ВТС), Всероссийского кожевенного синдиката (ВКС), Всесоюзного синдиката силикатной промышленности (Продосиликат), Махорочного синдиката, Металлосиндиката и Резинотреста. Продукция же Сахаротреста, Солесиндиката, спичечной промышленности и Нефтесиндиката весьма условно относилась к категории достаточных товаров⁷⁹⁴.

Особо необходимо выделить мануфактурные товары. В условиях постоянного дефицита и инфляции они являлись надежным средством для вложения капиталов и представляли собой наиболее выгодный объект для бартерных сделок.

⁷⁹² Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 134.

⁷⁹³ Частный капитал перед советским судом. С. 135.

⁷⁹⁴ Жирмунский М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 124.

Разумеется, торговля исключительно дефицитными товарами была практически невозможна, так как они производились на государственных предприятиях, и их реализация по каналам государственной торговли обеспечивала значительные поступления в казну. Государство было заинтересовано в ограниченном доступе частного к дефицитным товарам. Ориентируясь прежде всего на потребительский спрос, в предлагаемых обстоятельствах предприниматель пытался оперировать широким ассортиментом товаров, учитывать колебания конъюнктуры и местную специфику. Конечно, в первую очередь это относится к крупным торговым предприятиям, имеющим возможность диверсифицировать свои капиталовложения. Однако и мелкий розничник очень редко имел в своем лотке лишь один товар; как правило, его ассортимент определялся достаточно обширным и расплывчатым термином «мелочный товар».

Крупные оптовые торговцы, концентрируя свое внимание на дефицитных товарах, использовали операции с достаточными товарами для получения оборотных средств. Например, оптовик, получая на условиях товарного кредита сахар, сбывал его иногда с убытком для себя за наличный расчет полуоптовому или розничному торговцу. Полученные от сделки средства он использовал для операций на рынке недостаточных товаров, пытаясь не только компенсировать убыток, но и получить прибыль⁷⁹⁵.

Ходовой ассортимент частного. Несмотря на традиционную критику частного предпринимательства как неполноценного и дефектного по сравнению с обобщественными формами торговли, общепризнанным являлось положение о чрезвычайной мобильности частного, особенно в плане ассортимента.

В ходе обследования, проведенного Уралкомвнутриторгом в Екатеринбурге в 1924 г.⁷⁹⁶, был изучен ассортимент пяти предприятий мануфактурной торговли, шести железоскобяной, шести бакалейной и пяти хлебной, причем брались предприятия как высших, так и низших разрядов. В ходе обследования отмечался, как один из характерных признаков частной торговли, чрезвычайно ходкий ассортимент товаров. Так, например, в мануфактурной торговле ситец составлял 50–60 % общего оборота, остальное были очень востребованные хлопчатобумажные ткани, одежная бумажная материя, сатин, грубое сукно и т. д.

В железоскобяной торговле отмечалось большое количество товаров, необходимых в хозяйстве и повседневном обиходе населения: различная железная поделка, чугунное литье, гвозди, железоскобяные мелочи, сортовое железо и т. д. Такого рода разнообразие достигалось благодаря тесным связям торговца с ремесленниками. Железная поделка покупалась частными посредниками у кустарей-жестянщиков, которым торговец за некоторую плату давал на переделку листовое железо. Чугунное литье приобреталось также у кустарей – или за наличные,

⁷⁹⁵ Мингулин И. Пути развития частного капитала. С. 70–71.

⁷⁹⁶ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 7. Д. 703. Л. 63.

или в обмен металла на готовую продукцию⁷⁹⁷. Такого рода сотрудничество позволяло наиболее адекватно отвечать на запросы рынка. Продукция заказывалась, исходя из реальных потребностей, в необходимых количествах, с заранее заданными параметрами и определенного качества. Спрос учитывался в наибольшей степени, так как ограниченность партии товаров позволяла наиболее точно перекрыть заранее определенный рыночный сегмент.

В материалах обследования отмечались особое разнообразие и «текучесть» в ассортименте бакалейной торговли. В этом виде торговли наблюдалась адаптация к условиям не только времени, но и места. Ассортимент, таким образом, пополнялся в зависимости от местонахождения магазина. Торговцем учитывались социальный состав населения, его потребности, принимались во внимание даты выдачи жалования и ближайшие праздники⁷⁹⁸. Мы далеки от мысли, что маркетинговая тактика выстраивалась частным торговцем на основе научного подхода, скорее всего, это была логика здравого смысла. Более того, очевидны были и неудачи частника. Действуя на свой страх и риск, он мог нести убытки и в конечном итоге разориться, о чем свидетельствует высокая «смертность» частных торговых заведений. В свою очередь, восторженные оценки «особенностей» частной торговли, даваемые авторами отчета, довольно красноречиво, пусть и опосредованно, характеризуют торговлю обобщественного сектора – кооперативную и государственную. В принципе, все вышеперечисленные черты являются нормой в условиях рыночного хозяйства и обеспечивают более высокий уровень конкурентоспособности одних торговых предприятий по сравнению с другими. В период господства централизованного планового распределения такая работа частника, считавшаяся обычной до Октября 1917 г., уже в середине 1920-х гг. воспринималась, как нечто неординарное, особенно в связи с критикой государственной и кооперативной торговли.

Такая реакция на результаты обследования частной торговли может быть объяснена тем обстоятельством, что руководящие работники Уральского Областного совета народного хозяйства (Уралоблсовнархоза) должны были работать над эффективностью вверенных им торговых организаций. Отметим, что в сводках ОГПУ при описании тенденций на товарном рынке традиционным «спарринг-партнером» частной торговли выступает кооперация. Именно недостатки кооперации заставляют обращать внимание на достоинства частных предпринимателей.

В информационной сводке Тюменского округа сообщалось: «Отношение рабочих к кооперации в целом удовлетворительное, но к тюменским кооперативным органам неважное, так как таковые потеряли всякий авторитет перед рабочими благодаря их дефицитности и закладке товаров в госбанк, а также в ЦРК (Центральный рабочий кооператив – А. К.) не

⁷⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 7. Д. 703. Л. 63.

⁷⁹⁸ Там же.

имеется абсолютного подбора ассортимента товаров, которые могли бы удовлетворить рабочих»⁷⁹⁹.

Все недостатки кооперации рассматриваются сквозь призму конкуренции с частником, под классовым углом зрения, а дефицит товаров в кооперации и узкий и несоответствующий потребностям трудящихся ассортимент – как причина для создания в конкретной местности социальной напряженности, общественного недовольства и антисоветских настроений. При этом предпосылки видели именно в неэффективности отдельных предприятий или организаций, а не в системе в целом.

В отчете Уралоблсовнархоза отмечалось, что частная хлебная торговля также довольно разнообразна. Екатеринбургские хлебные торговцы в большинстве своем являлись перекупщиками. Имея представление о конъюнктуре, они перекупали хлеб у приезжавших на рынок крестьян и реализовывали его через сеть принадлежавших им лавок. Естественно, что при этом закупочные цены были ниже отпускных цен. Отметим, что закупочные цены госторговли и кооперации нормировались и, как правило, были ниже цен вольного рынка.

Достаточно оптимистично и самокритично звучит вывод, сделанный по материалам обследования: «Следовательно, частный торговец, несмотря на все рогатки, которые ставятся ему, умеет подойти к покупателю вполне, и приспособливает свою торговлю к запросам рынка»⁸⁰⁰.

В материалах официальных органов подобного рода оценки частной торговли встречаются довольно редко. Однако шанс выявить их в архивных фондах, в не предназначенной для публикации делопроизводственной документации намного выше, чем при анализе партийной прессы. Как правило, в исследованиях, лишенных ярко выраженной пропагандистской направленности, корректно указывалось на положительные моменты в работе частника. В то же время значительное внимание уделялось негативным сторонам его деятельности и акцентировалось внимание на необходимости борьбы с частным капиталом.

Ассортимент частника по статистическим данным. Наиболее полное представление о роли частника в торговле теми или иными товарами дают биржевые сводки. Приведем данные о роли частника в покупках и продажах товаров по 40 провинциальным биржам Союза ССР (табл. 26 Приложения).

В провинции частник выступал в качестве продавца в основном на сельскохозяйственном рынке (хлебофураж, сельскохозяйственные продукты питания и сырье) и бакалейно-колониальном, где его обороты составляли 65 % всех продаж частников и 40 % их покупок. В торговле всеми остальными видами товаров частная торговля существенной роли не играла, за

⁷⁹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 170.

⁸⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 7. Д. 703. Л. 63.

исключением металлов и лесных материалов, где ее доля в общем биржевом обороте выражалась в 5–6 %⁸⁰¹. По этим товарам частник был сильнее и в покупках. Как покупатель частный предприниматель специализировался, прежде всего, на промтоварах (текстиль, металл, кожа) – 45 % всех покупок, далее шла бакалея – 16,5 %, хлебофураж – 10 %, сельскохозяйственные продукты – 9 % и т. д. Соответственно этому удельный вес частных операций в обороте биржи с данными товарами по сельскохозяйственным продуктам питания составлял в 1924/25 г. – 16,7 % по продаже и 17,2 % по покупке; по сырью 12,6 % и 11,6 %; по хлебофуражу 13,3 % и 8,7 %; по текстилю 6,8 % и 15,8 %; по коже 2,7 % и 11,8 %⁸⁰².

Если данные бирж дают представление об ассортименте частной торговли в городе, то сведения о предметах сбыта на селе можно почерпнуть из материалов обследования Народного Комиссариата внутренней торговли.

Наибольшее число частных торговых предприятий (около 1/3) было занято смешанной и бакалейно-колониальной торговлей. Следом за ней по численности идет торговля живым скотом, птицей, мясом и прочим. Эта сфера торговли являлась одной из приоритетных для частника. В ней было занято около 1/3 всех частных торговых предприятий, тогда как госорганы были представлены на этом рынке лишь 1 % своих предприятий. Даже в кооперации торговля мясом имела весьма скромное значение.

Анализ личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей, позволяет увидеть, что большинство частных торговцев на Урале было занято реализацией продуктов питания. В табл. 27 Приложения приведены данные об ассортименте товаров и количестве торгующих. Таблица составлена по материалам личных дел «лишенцев», в которых содержится информация о предмете торговли. В процессе занятия торговлей ее объект мог меняться, поэтому общее количество наименований превышает число изученных нами личных дел.

Специфика реализации товаров. Среди наиболее часто встречаемых товаров значится мясная продукция (мясо, скот на мясо, колбасы и т. п.). Это связано не только с необходимостью для крестьян реализовывать свою продукцию на городских рынках, но и со специфическими условиями реализации этого товара.

В проведенном Экономическим советом ВСНХ обследовании, посвященном роли частной торговли, содержится информация о приоритетах в ассортименте частника. Так, например, в ответах чиновника Тюменского округа дается объяснение, почему частник доминирует в торговле тем или иным продуктом. В торговле мясом необходима высокая квалификация

⁸⁰¹ Брауде Х. И. Частная торговля. С. 140.

⁸⁰² Там же.

предпринимателя «в отношении подбора знающих мясное дело как при покупке для убоя живого скота, так и сортировке и развесе мяса, подвижности принорования к спросу и, наконец, наличием хорошего хранения мяса»⁸⁰³. В анкетах «лишенцев» довольно часто встречаются примеры, когда частник, открывая свое предприятие по реализации мяса, уже имел подобный опыт в прошлом⁸⁰⁴.

В торговле мясом активное участие принимали представители этнических групп, традиционно занимающихся скотоводством, что может свидетельствовать о предпосылках формирования диаспорного уклада, основанного на традиционном способе хозяйствования, включающего в себя как производство, так и реализацию сельскохозяйственной продукции.

Не стоит забывать и о традиционной специализации региона на мясном животноводстве. Этому направлению уделялось приоритетное внимание в «Генеральном плане хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». В соответствии с планом ставился вопрос о строительстве на Урале мощных по тем временам промышленных холодильников⁸⁰⁵.

Имела свою специфику и торговля свежей рыбой: «Она, особенно в летний период, оказывается в непосредственной связи с мелкими поставщиками рыбы и особенно знанием размера спроса и умением сообразоваться с ним так, чтобы непроданного товара не оставалось. По своему существу этот ход торговли может быть, в силу указанных причин, только мелким и потому для крупных торговых организаций не интересным»⁸⁰⁶.

Особую роль в заготовке и реализации рыбы играл частник на территории Тобольского Севера, где этот промысел являлся одним из основных источников дохода местного населения, наряду с охотой. Как отмечалось в сводке ОГПУ «Промышленность Севера <на> 30–60 % является рыболовство»⁸⁰⁷. Ограничение частника на этом рынке, приводило к серьезным проблемам в снабжении охотников и рыболовов Крайнего Севера.

Очевидно, что торговля скоропортящимися товарами была связана со значительным риском и могла быть успешной лишь при наличии оперативной связи с потребителем и разветвленной сети точек сбыта.

Следующими наиболее важными отраслями частной торговли после сельскохозяйственной продукции являлись торговля галантереей и мануфактурой. Если мануфактурной торговле госорганы и кооперация уделяли надлежащее внимание, то галантерея была отдана на откуп лоточникам. Имея в мелочной торговле только 7,5 % своих предприятий, частник фактически являлся монополистом по реализации галантереи на селе. Несмотря на то, что мануфактура в

⁸⁰³ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 47.

⁸⁰⁴ См. напр.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 14, 47; Оп. 7. Д. 204.

⁸⁰⁵ Генеральный план хозяйства Урала. С. 636.

⁸⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 47.

⁸⁰⁷ Информационная сводка Тобольского округа. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 18–19, 23.

годы нэпа выполняла функцию своеобразной валюты, ассортимент кооперативных магазинов не всегда соответствовал потребностям клиентов⁸⁰⁸.

Значительное число частных торговых предприятий также работало по реализации печеного хлеба и кондитерских изделий (6,5 %). Обратимся к отчету о состоянии частной торговли Тюменского округа: «Печеный хлеб – в условиях местных – небольшого провинциального городка, хлеб идет почти исключительно на продажу приезжающим на базар из пришлого элемента, так как большинство горожан выпечку хлеба ведут для себя сами, а отсюда размер выпечки должен быть подвижен, эластичен, в зависимости от базарных съездов, чтобы непроданного товара, как теряющего свое качество и цену, не было. Покупатель все мелкий, а отсюда приложение капитала в данной отрасли торговли и маловыгодно, так как требует разбросанности торговых помещений, вызывающих большие накладные расходы, и рискованно»⁸⁰⁹.

В крупных городах роль частника на рынке мучных изделий была predetermined тем, что производством хлеба и кондитерских изделий занимались частные фирмы. Так, например, в Екатеринбурге было несколько пекарен, владельцами которых являлись этнические греки⁸¹⁰.

Роль частника в торговле мукой определялась политикой цен: «Благодаря тому, что базарные рыночные цены на зерно стоят все время ниже оптовых, то при продаже муки и зерна крупные организации, закупающие оптом и имеющие относительно в большем размере накладных расходов, не в состоянии держать розничные цены на уровне с частными торговцами, а тем более с ценами крестьян, выезжающих на базар с продажей муки»⁸¹¹.

Контроль над хлебным рынком был стратегически важен для государства, так как хлеб являлся основным продуктом питания для большинства населения. Именно борьба за хлебный рынок определяла политику государства как в отношении крестьянства, так и частной торговли, а выполнение или невыполнение плана по хлебозаготовкам являлось сигналом для ужесточения или либерализации политики в отношении альтернативного, вольного рынка.

Данные факты убедительно доказывают, что приоритеты частника в торговле различными товарами были обусловлены характером спроса, спецификой объекта торговли и способом его реализации.

Следующими по доле участия частника следовали торговля сырой и выделанной кожей, кожевенными и шорными изделиями и готовой обувью (5,3 %); торговля хлебофуражом

⁸⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 143.

⁸⁰⁹ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 47.

⁸¹⁰ Например: Акридитис Константин Савельевич – 37 лет, содержатель хлебопекарни, греческий подданный; Караманидис Павел Абрамович – 33 года, частный торговец, содержатель хлебопекарни, греческий подданный. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 382 (Т. 5). Л. 184–193.

⁸¹¹ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 47.

(3,9 %); железоскобяными изделиями (3,5 %); зеленая и овощно-фруктовая торговля, которой было занято 2,5 % из всего числа торговых предприятий⁸¹².

Кожевенное производство являлось традиционной для Урала отраслью. Близость Центрально-Азиатского региона, население которого специализировалось на отгонном животноводстве, а также положение Урала в качестве транзитного пункта для продвижения в центральные районы России кож и мяса, создали предпосылки для развития кожевенного производства. В ряде округов Уральской области действовали кожевенные заводы. Наряду с ними, по традиции, этим производством занималось и местное население.

В табл. 28 Приложения содержатся сведения о доле частной торговли в реализации различных видов товарной продукции. Отметим, что данные приведены за 1923/24 хозяйственный год, т. е. период, когда политика вытеснения частника еще не набрала темпы. Нам представляется, что эти цифры дают представление о реальной картине, о потенциальных возможностях частной торговли и определяют долю, которую она в состоянии была на себя взять в товарообменных операциях в будущем.

Так, например, торговля зеленью, овощами, напитками, старьем, агентурно-комиссионное дело находились исключительно в частных руках (100 % оборота). По сравнению с государственной и кооперативной торговлей, частник имел значительный удельный вес в следующих отраслях: торговля скотом, мясо-рыбная, галантерея – свыше 90 %; кожевенная – 74 %; хлебофуражная – 63 %. Довольно существенное значение имела частная торговля мануфактурными товарами – 43 %; винно-гастрономическая – 40 %; табачными изделиями – 39 %. Слабо был представлен частный капитал только в торговле готовым платьем, топливом, сельскохозяйственными машинами и орудиями⁸¹³.

Необходимо отметить, что товарный ассортимент предопределял и скорость оборотов частника. Сотрудники Пермского губфинотдела отмечали наметившуюся в 1923 г., тенденцию: «Происходящая ныне дифференциация торговли по родам и видам торгова постепенно накладывает свой отпечаток на величину средних процентов прибыльности и последние становятся типичными, как по роду торгова (оптового, полуоптового и розничного), так и по его виду. Уже можно улавливать разницу в наложении процентов на товар мануфактурный по сравнению с бакалейным, на товар скобяной или железный по сравнению с хлебным и т. д. Торговля постепенно начинает приобретать определенные формы и, так сказать, стабилизироваться с одновременно с крепнущим курсом рубля. Уже теперь мы можем наблюдать ряд однородных торговых предприятий, работающих в одинаковых условиях приобретения и сбыта товаров. Разница в ценах Москвы и провинции сглаживается, застой и

⁸¹² Брауде Х. И. Частная торговля. С. 142.

⁸¹³ ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 11.

случаи бешеных прибылей в 300–500–1000 процентов становятся исключениями, рынок начинает подчиняться коммерческой закономерности»⁸¹⁴.

Все вышеприведенные данные свидетельствуют о значительной роли частной торговли на рынке. Однако все ее проблемы рассматривались нами с позиции продавцов. Масса материалов освещает взаимодействие государственного, кооперативного и частного секторов в сфере распределения. С другой стороны, было бы любопытно посмотреть на ситуацию глазами покупателя.

В нашем распоряжении имеются сведения о доле частника в снабжении населения лишь по нескольким товарам широкого потребления: мануфактуре, относимой к крайне дефицитным товарам, и товарам достаточным, таким как сахар, спички, керосин⁸¹⁵. Эти товары производились в обобщественном секторе промышленности, так что частник в данном случае выполнял исключительно посредническую функцию. Данные относятся к Союзу ССР в целом. В 1924/25 г. через частный торговый аппарат к населению поступало 34,8 % всей мануфактуры, 39,2 % сахара, 38,5 % спичек и 55,0 % керосина. В 1925/26 г. соотношение было следующим: мануфактура – 34,5 %, сахар – 35,6 %, спички – 21,3 %, керосин – 41,3 %.

Частник получал от госпромышленности по официальным каналам не более 10 % всей отпускаемой на рынок мануфактуры. Однако, используя дополнительные источники снабжения (в том числе нелегальные), частный предприниматель доводил свою долю в снабжении населения мануфактурой до 35 %. В среднем по всем четырем товарам доля частной торговли составила, по приблизительным подсчетам, около 36 % в 1924/25 г. и около 34 % в 1925/26 году.⁸¹⁶

Если дефицитные товары поступали в частную торговлю довольно сложными путями, то товары достаточные двигались «по пути наименьшего сопротивления». В период либерализации нэпа частник получал их от госпромышленности на условиях товарного кредита или под реализацию. Госпредприятия, заинтересованные в быстрейшем сбыте своей продукции, обращались к частнику. Государственная и кооперативная торговая сеть были еще довольно слабы и не всегда брались за продвижение товаров, требующих больших затрат. Эти продукты реализовывались среди населения небольшими партиями, которые требовалось доставить в самые отдаленные районы. В целом по СССР, роль частного капитала в непосредственной реализации промышленных товаров населению определялась в 40,6 % всей

⁸¹⁴ ГАСО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 142. Л. 121.

⁸¹⁵ Клушанцев Н. П. Частный капитал в оборотах с промышленными товарами // Частная торговля Союза ССР. С. 44.

⁸¹⁶ Там же.

массы выпущенной на широкий рынок промышленной продукции. В 1925/26 г. она несколько снизилась и составила 35,4 %⁸¹⁷.

Динамика номенклатуры товаров. Товарная номенклатура, которой оперировал частный капитал, на протяжении 1920-х гг. менялась. В первые годы нэпа частная торговля вызывалась к жизни для того, чтобы ликвидировать кризис сбыта. Из двух зол – социальная напряженность или допущение частной торговли – государство выбирало меньшее. Со временем государственная и кооперативная торговля укреплялась, а после денежной реформы и расширения периферийного оборота частный капитал стал вытесняться с рынка промтоваров, поступающих с государственных предприятий. Жесткая линия государства вынуждала частника искать новые рынки сбыта и пересматривать номенклатуру товаров. Отдавая предпочтение дефицитным промышленным товарам, частник все более вовлекал в сферу своей деятельности кустарную и сельскохозяйственную продукцию. С восстановлением промышленности и сельского хозяйства колоссальное значение стала приобретать проблема сырья. Продукция сельского хозяйства в частности, и сырье в целом устанавливали границы расширения государственной промышленности. Пока частник снабжался промтоварами от госпромышленности, работа на сырьевых заготовках имела для него такое же значение, как и всякая иная прибыльная торговая деятельность. Но промышленность все же отдавала предпочтение в отпуске товаров поставщику сырья, а не частнику. Впоследствии, с изменением торговой политики, сырье стало приобретать и другое значение. Частная торговля и оптовики все больше ориентировались на кустарную продукцию. Самый надежный путь для обеспечения ее бесперебойной поставки частник видел в тесной связи, скорее в зависимости, кустаря от поставщика сырья. Поставка сырья в кредит и получение готовой продукции по выгодным для частника ценам – такими виделись взаимоотношения торговца и ремесленника. Однако они не были односторонними.

Как правило, ремесленное производство было невелико по объему и могло сочетаться с другими видами деятельности, служить для значительной массы населения, причем не только сельского, но и городского, подсобным промыслом. Как следствие, кустарь был не в состоянии брать на себя снабжение сырьем и реализацию готовой продукции. Эти функции выполнял частный торговец. Таким образом, в условиях многоукладной экономики с доминированием элементов государственного регулирования формировалась традиционная раздаточная система производства. Логика развития частной торговли приводила к сближению ее с частным производителем и в идеале выглядела как замкнутый круг частнокапиталистического производства.

⁸¹⁷ Клушанцев Н. П. Частный капитал в оборотах с промышленными товарами. С. 46.

В середине 1920-х гг. эта система находилась в стадии формирования. Как любой идеал, она была недостижима. Государство год от года все настойчивее вторгалось в хозяйственную жизнь и расширяло свое присутствие во всех секторах экономики и видах деятельности. Стремление обеспечить контроль над всеми видами ресурсов в условиях их дефицита, необходимость их концентрации в руках государства вели к усилению давления на частника с целью его вытеснения из торгового оборота. Расширяя сферу своего монопольного права на распределение того или иного продукта, государство сужало товарный ассортимент необобщественного сектора, ограничивало объем его продаж. В конечном итоге частная торговля свелась к чисто базарной торговле или была вытеснена в тень, приобрела исключительно спекулятивный характер. Уже во второй половине 1920-х гг. начинается процесс сокращения числа частных торговых предприятий. Табл. 29 Приложения дает представление о темпах «смертности» частных торговых заведений по отраслям.

Особенно быстро сокращалось число предприятий мануфактурной торговли: в 1926/27 г. закрылось 23,4 % предприятий, в 1927/28 г. эта цифра возросла почти в четыре раза, до 85,4 %. Активизация государства на хлебном рынке привела в 1926/27 г. к закрытию на Урале 23,5 % предприятий, в 1927/28 г. – 80,9 %. Затем, по степени нанесенного частнику урона, следует мясная торговля (соответственно – 21,1 и 67,8 %) и торговля готовой обувью (25,4 и 59,3 %). Наименьший ущерб был нанесен галантерейной торговле: в 1926/27 г. закрылось 9 % ее предприятий, а в следующем – 30 %⁸¹⁸.

Товарная специализация частника определялась рыночной конъюнктурой и уровнем государственного регулирования. В сферу распределения, которую контролировал частник, попадали товары повседневного спроса. Они отличались высокой ликвидностью и способствовали быстрому обороту капитала. С ужесточением государственной политики частная торговля переключалась на товары сырьевой группы и территориально перемещалась в сельскую местность. В целом это движение можно оценить позитивно, так как частный торговец взял на себя весьма специфический и наиболее сочетаемый с мелкими формами товарообмена сегмент рынка. Однако этот процесс был насильственно прерван и заменен на механизм государственного распределения и жесткие меры выколачивания продукции из деревни.

Выводы по главе. Экономико-географическая специфика региона предопределяет его место в территориальном разделении труда и характер связей с окружающим его территориальным и отраслевым экономическим пространством. Положение Урала на пересечении транзитных путей в стране, где доминировал аграрный сектор экономики можно считать привилегированным. Проблему создавали большая протяженность территории, низкое

⁸¹⁸ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2781. Л. 3.

качество и недостаточное количество объектов транспортной инфраструктуры. Революционные преобразования не могли в одночасье изменить характер торговых связей, которые складывались на протяжении столетий. Произошел разрыв экономических связей, сжатие реальных и потенциально-возможных рынков сбыта.

Анализ товаропотоков, которые сложились на Урале в дореволюционный период или, как говорили некоторые авторы, в довоенный период или мирное время⁸¹⁹, демонстрирует возможность максимальной реализации как сырьевого, так и производственного потенциала региона в условиях рынка и существования многоукладной экономики. Наличие аграрного и индустриального секторов, богатый ресурсный потенциал и транзитное положение региона предопределили высокую активность товарооборота и положительный торговый баланс.

Основная функция торговли в годы нэпа заключалась в том, что она выступала в роли связующего звена между отдельными отраслями экономики, регионами, укладами, потребителями и производителями – на основе рыночных механизмов. Обеспечение производственных единиц сырьем, последующий сбыт произведенной продукции, насыщение потребительского рынка необходимыми товарами – в этом реализовывалась посредническая роль частной торговли. При этом частный сектор являлся источником поступления налогов для пополнения бюджетов, что было особо значимо для местных бюджетов. Баланс товарной и денежной массы мог служить основой для стабилизации денежной системы, основанной на червонце. Частная торговля являлась тем рыночным сегментом, который сглаживал негативные последствия безработицы, поскольку обеспечивал самозанятость значительной части населения. Негативным проявлением частного торгового предпринимательства можно считать стремление использовать недостатки централизованного распределения в свою пользу, овладеть ресурсами, не всегда законным способом, в ущерб обобществленному сектору хозяйства. Говорить о гармонии и мирном сосуществовании всех укладов, представленных на территории Урала не приходится, но общность региональных интересов позволяла оптимальным способом использовать ресурсы территории.

Частная торговля адаптировалась к изменяющимся условиям, приобретая разнообразные формы и работая с максимально широким товарным ассортиментом. Анализируя ассортимент частника, можно утверждать, что он стремился торговать всем, что приносило прибыль, ограничения же накладывались государством и экономической целесообразностью. Система разрядов, основанная на фискальных принципах, не могла адекватно отразить все многообразие существующих форм и видов торговли, существовавшей как в легальном, так и в нелегальном виде. Однако на сегодняшний день это наиболее распространенная форма классификации видов

⁸¹⁹ Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике. Воронеж, 1926. 106 с.

частного торгового предпринимательства. Весьма условным является и деление торговых заведений по принципу «опт – розница».

Торговые практики позволяют рассмотреть активность того или иного хозяйственного уклада в динамике, в процессе взаимодействия с другими укладами. Наиболее значимым критерием является определение возможности накопления в частном секторе хозяйства и характер использования этих капиталов.

Глава 5. Кредитование частного торгового предпринимательства

5.1. Кредитная система

Состав кредитной сети. Становление финансово-кредитной системы в России инициировалось и осуществлялось государством. Эта тенденция отчетливо проявлялась еще в дореволюционный период, но после октября 1917 г. она стала абсолютной.

В первой половине 1920-х гг. в стране сформировалась довольно разветвленная сеть банковских учреждений, включавшая два уровня: государственный банк и специализированные кредитные учреждения (спецбанки). Она была дополнена системой иных кредитных учреждений – коммунальными ломбардами, сберегательными кассами, обществами сельскохозяйственного кредита, обществами взаимного кредита частной торговли и промышленности, кредитными и ссудосберегательными кооперативными товариществами, которые отражали многоукладность экономической системы периода нэпа. Несмотря на наличие множества элементов в кредитной системе, в ее основу был положен принцип единства и централизации. Подчеркивалась доминирующая роль в ней госбанка, проводилась единая для всех банков государственная кредитная политика. В целом руководство банковской системой находилось в ведении Народного комиссариата финансов (НКФ), контроль над деятельностью банков – государственного банка (госбанк).

Этот процесс был реализован в соответствии с партийным курсом на доминирование государства в кредитной сфере. «Развитие товарооборота между городом и деревней, а также товарная циркуляция в пределах городских рынков и деревенских рынков, и еще в большей степени развитие товарооборота с внешними рынками не смогут успешно и быстро, происходить без могущественного содействия кредита, регулирование которого должно быть в руках госбанка. Создание подсобных кредитных институтов, контролируемых госбанком и содействующих сосредоточению свободных денежных средств для производительного использования, равно как создание сети учреждений мелкого (кредитная кооперация) и локального кредита должно происходить в пределах, не нарушающих доминирующей роли госбанка»⁸²⁰.

Отечественная кредитная система на протяжении весьма непродолжительного периода пережила несколько серьезных трансформаций: национализация (1917–1918), монополизация (народный банк, а затем государственный банк, 1918–1922), децентрализация и стремление преодолеть монополизм (1922–1928), централизация и унификация, направленные на сосредоточение кредита в руках нескольких банков и ликвидация коммерческого и частного кредита (1929–1932).

⁸²⁰ Основные положения финансовой программы. С. 477.

Ю. П. Бокарев так характеризует эту трансформацию: «Однако в конце 1920-х годов полным ходом шла перестройка нэповской системы в направлении создания мобилизационной экономики. Партия и правительство уже выработали свой курс в отношении кредита. Предполагалось, что он со временем все больше будет сближаться с финансированием, вплоть до слияния с ним... Однако вскоре от этой слишком радикальной позиции пришлось отступить. Полного превращения банков в институты государственного финансирования экономики не произошло. В этой обстановке советские исследователи ограничились критикой “правого” или “левого” уклонов в советской кредитной политике, навязывания ей “буржуазных” методов»⁸²¹.

Говорить о кредитной системе отдельного региона, например, Урала, было бы не совсем корректно. Банковская система, сам процесс ее формирования – прерогатива федерального (союзного) центра, и она едина для всей страны. Несмотря на централизованный характер процессов становления и развития финансово-кредитной системы, проявлялись специфические черты, свойственные тому или иному региону, а ее развитие на уровне регионов предполагало адаптацию к местным условиям. Особенно явно это распределение функций проявлялось в период функционирования рыночных механизмов, которые ставили определенный предел, либо минимизировали последствия унифицированных административных, директивных инициатив центра. Специфика проявлялась в различном сочетании элементов банковского сектора, в особенностях клиентуры, в уровне развития рыночных инструментов и институтов (например, бирж и кредитных бюро). Необходимо отметить то, что создание банковской системы было осуществлено целиком за счет внутренних ресурсов страны.

Важнейшая роль принадлежала государственному банку. По сути, он олицетворял собой командную высоту, которую заняло государство в кредитной сфере. Помимо того, что госбанк был «банком банков» и эмиссионным центром, «он является самым мощным кредитным учреждением, призванным свои активные коммерческие операции направлять в ту или иную сторону, согласно тем или иным требованиям, предъявляемым государственной властью к хозяйственной жизни страны. И осуществляет он это такими методами и в таких размерах, по отношению как к кредитному аппарату, так и всем торгово-промышленным предприятиям страны, кои, конечно, не имеют места в практике центральных банков других государств»⁸²².

Эта характеристика свидетельствует о больших полномочиях центрального банка страны, выходящих за традиционные рамки банковского регулирования, его исключительной роли как инструмента финансовой политики государства.

⁸²¹ Бокарев Ю. П. Формирование советской кредитной системы (1917 – начало 1930-х гг.) // Экономическое развитие и практика реформ. М., 2015. С. 73.

⁸²² Лурье Е. С. Современные русские банки // Финансы и денежное обращение в современной России. Л.; М., 1924. С. 69–70.

Поэтому вполне логичной и закономерной явилась идея В. И. Ленина о подчинении внутренней торговли торговому отделу государственного банка. В. П. Дмитренко отмечает: «Развертывание торговли, обострение классово-борьбы на рынке поставили уже в 1921 г. вопрос о необходимости создания общегосударственного органа, осуществляющего конкретное руководство торговлей и борьбу с частным капиталом. Первые предложения по этому поводу были сделаны непосредственно после перехода к нэпу. На заседании СНК 15 июля 1921 г. во время обсуждения вопроса о кооперативном товарообмене В. И. Ленин сделал заметки следующего содержания: «Руководство? Наркомат торг[овли] или Торг[овый] отд[ел] госбанка?»⁸²³

Рассматривая региональную специфику, отметим, что кредит на Урале имеет богатую историю. В связи с необходимостью обеспечения функционирования горнозаводской промышленности, имевшей очень длительный цикл производства, он являлся необходимым условием развития региональной экономики. Накануне революции основными владельцами уральских горных округов оказались крупные столичные банки, что облегчило процесс их национализации в первые годы Советской власти.

В силу того, что Уральский регион являлся периферийным, процессы становления банковской системы в годы нэпа несколько запаздывали. Кредитная система начала восстанавливаться с 1922 г. До этого практически на всей территории Урала госбанк являлся монополистом: кроме шести учреждений этого банка, здесь не было ни одного кредитного учреждения. Только в октябре 1922 г. и феврале 1923 г. открылись филиалы Всероссийского банка потребительской кооперации (Покобанк) (позднее Всероссийского кооперативного банка – Всекобанк) и Торгово-промышленного банка (Промбанка), но они долгое время играли малозаметную роль.

1922/23 хозяйственный год принес с собой значительное расширение кредитной сети Урала: в первом квартале начал свои операции Покобанк; во втором квартале – Промбанк, Пермское общество взаимного кредита; в третьем – Уральский сельскохозяйственный банк (Уралсельхозбанк). Общая сеть вместе со вновь открывшимися учреждениями госбанка к концу года достигла 20 учреждений. Их сводный баланс на 1 октября 1923 г. составил 9 216,2 тыс. рублей⁸²⁴.

В течение первого полугодия 1924/25 г. открылись Свердловский коммунальный банк (Комбанк), два филиала госбанка и один – Уралсельхозбанка. В июле – августе были созданы Сарапульское и Свердловское ОВК. По состоянию на 1 октября 1925 г. уральская кредитно-

⁸²³ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 87.

⁸²⁴ Мамиконов А. Л. Кредит на Урале в 1925–1926 гг. // Весь промышленный и торговый Урал. 1927. С. 35.

финансовая система включала 18 учреждений Госбанка, 5 – Промбанка, 12 – Уралсельхозбанка, 2 – Комбанка и 4 – ОВК⁸²⁵.

В дальнейшем кредитная система Урала активно развивалась. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, региону отводилась приоритетная роль в процессе восстановления хозяйства страны, с другой, – конкуренция и корпоративные интересы самих банков искусственно подстегивали процесс, форсировали формирование региональной сети. По состоянию на 1 августа 1927 г. на территории Урала было 20 учреждений госбанка, 8 – Промбанка, 4 – Всекобанка, 12 филиалов Уралсельхозбанка, 5 – Комбанка, 11 – ОВК. Всего функционировало 60 кредитных учреждений⁸²⁶.

Конкуренция на кредитном рынке. Темпы роста опережали реальный уровень развития экономики Урала. Рост филиальной сети зачастую предопределялся ведомственными интересами, в то время как капитал в подавляющей своей массе был государственным. Процесс привлечения средств частных клиентов шел медленно. Как следствие, возникла избыточность сети кредитных организаций, по мнению экспертов – «нездоровая конкуренция», с низким уровнем экономической эффективности.

В условиях конкуренции стали осложняться отношения между государственным банком и специализированными банками. Решать проблемы предпочитали административными методами. Предлагалось разделить клиентуру между всеми банками с закреплением за каждым кредитным учреждением определенного круга организаций. Практически решить этот вопрос было сложно, так как размер реальных ресурсов ряда банков мог не соответствовать объему потребностей потенциальных клиентов. Но считалось возможным упорядочить взаимоотношения и практику кредитования путем сосредоточения всех операций по каждому клиенту в одном месте. В условиях свободы рыночных отношений такая ситуация привела к тому, что вся клиентура стремилась разместить денежные средства в том банке, где учетные ставки по кредитам были наименьшими.

Вот как выглядела ситуация в г. Сарапуле: «В городе довольно-таки незначительном, кроме госбанка, есть еще и Комбанк, и Сельскохозяйственный банк, и Промбанк, и даже ОВК. В сущности, выходит, что на каждую основную торгующую или имеющую право на получение банковского кредита организацию приходится по банку. Отсюда и все последствия»⁸²⁷.

Последствия выражались в сокращении баланса отделения госбанка, в оттоке клиентуры в спецбанки.

⁸²⁵ Мамиконов А. Л. Кредит на Урале в 1925–1926 гг. С. 35.

⁸²⁶ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 437. Л. 15.

⁸²⁷ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 437. Л. 51.

Подтверждения этой тенденции находим в протоколах заседаний правления Уральской краевой конторы (УКК) госбанка. «На местах государственный банк конкурирует с спецбанками, неизбежно поддерживая, а иногда толкая спецбанки на уродливые проявления этой конкуренции. В какой-то мере это отражается на кредитной работе, совершенно ясно. В одних случаях происходит перегрузка кредитов (“интересных” клиентов), в других случаях недогрузка, переадресовка из банка в банк (“неинтересных” клиентов). Плановое обслуживание хозяйства от этого не выигрывает»⁸²⁸.

Под давлением этих выводов сложившаяся к 1927 г. финансово-кредитная система оценивалась как избыточная и нуждающаяся в реорганизации. Вопрос о рационализации кредитной сети был поднят в центральных органах власти. В ответе на запрос правления государственного банка инспекция УКК рекомендовала сократить сеть кредитных учреждений и представить ее следующим образом: 20 учреждений госбанка, 3 (минус 4 филиала) – Промбанка, 3 (– 1) – Всекобанка, 12 филиалов Уралсельхозбанка, 2 (– 3) – Комбанка, 5 (– 6) ОВК. Всего рекомендовалось сохранить 45 учреждений и 14 сократить. При этом делался вывод, что при таком положении сеть кредитных учреждений значительно бы оздоровилась⁸²⁹. При полном сохранении сети госбанка и Сельхозбанка планировалось наиболее значительное сокращение ОВК, филиалов Промбанка, Комбанка и Всекобанка. Самого серьезного конкурента в лице Промбанка планировалось подвергнуть наибольшему сокращению. Таким образом оздоровление или точнее – оптимизацию региональной кредитной сети планировалось осуществить административными методами, в пользу госбанка, а не отдавать решение вопроса об эффективности того или иного филиала на откуп рыночной стихии.

Говорить об избыточности кредитного аппарата на Урале можно лишь с известной долей условности. Конкуренция (порой недобросовестная) между кредитными организациями возникала в борьбе за наиболее крупных и перспективных клиентов (тресты, синдикаты, госторги). Помимо банковского процента, они сулили привлечение больших средств, распределяемых через бюджет, клиенты обязывались хранить всю наличность в учреждениях банка, что позволяло использовать банку остатки на счетах. В то же время, параллельно с этой банковской войной крупных игроков, мелкотоварный уклад постоянно ощущал дефицит не только средств, который был хроническим для экономики в целом, но и дефицит кредитных механизмов, позволяющих обеспечивать финансовыми ресурсами мелкую кустарную промышленность и торговлю. Такое положение вещей было следствием идеологической установки, закрепляющей за частным сектором хозяйства роль кредитора третьего сорта, основным же приоритетом считалось развитие обобщественного сектора хозяйства. Играло

⁸²⁸ И. Р. Госбанк и коммерческий кредит (В порядке дискуссии) // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 140.

⁸²⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 437. Л. 19.

свою роль доминирование государства в экономике, что предопределяло концентрацию капитала. Вопрос о децентрализации кредита поднимался неоднократно, но так и не был решен. Сказывались издержки бюрократической системы, которые снижали эффективность кредитной деятельности в целом и ограничивали кредитование на низовом уровне.

Клиентская политика в центре и на местах. При создании государственного банка в 1921 г. в качестве его потенциальных клиентов рассматривались предприятия исключительно обобщественного сектора. Но экономическая ситуация диктовала необходимость расширения сферы применения кредита, включения в нее частного, создания негосударственных финансово-кредитных организаций.

Народный комиссар финансов Н. Н. Крестинский в сентябре 1921 г. отмечал: «Поскольку мы разрешили частную промышленность и торговлю, поскольку мы заинтересованы в их развитии, – мы должны им помочь и дать кредит, – правда, не благотворительный кредит, а безубыточный, дающий прибыль государству»⁸³⁰. На протяжении периода нэпа правило соблюдалось. Это дает основание утверждать, что принципы банковского кредитования в наиболее полной мере были реализованы именно в отношении частной клиентуры. Кредитование государственного и кооперативного торговых аппаратов, имевших ряд льгот и привилегий, могло быть основано на иных основаниях, например, целесообразности, т. е. соответствии интересам государства, и по своей сути было близко государственному финансированию.

Предоставление кредитов частным лицам со стороны государственного банка было сопряжено с рядом условий. Это должен был быть здоровый частник, выполняющий социально-значимую функцию, при этом исключались частные посредники в сделках между государственными предприятиями, спекулянты и т. п.

«Разрешение кредитов частным организациям и лицам, – говорилось в циркуляре правления госбанка от 7 сентября 1922 г., – допускается в тех случаях, когда таковые или непосредственно являются производителями товарных ценностей, или же собирателями таковых от мелких производителей, или распределителями товаров среди населения. Частные посредники между правительственными учреждениями, предприятиями, трестами и кооперативными учреждениями к пользованию кредитами в той или иной форме под векселя в государственном банке не допускаются»⁸³¹.

Вполне понятна причина, побудившая издать подобный циркуляр, однако допущение частного предпринимательства было обусловлено не столько дефицитом ресурсов (которые в

⁸³⁰ Цит. по: Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке // Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. Вып. 2. М., 1925. С. 6.

⁸³¹ Цит. по: Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 14.

ходе национализации практически полностью перешли под контроль государства), сколько неспособностью организовать их эффективное использование. Именно в сфере коммерческого посредничества частник был особенно силен.

Неизменными атрибутами государственных кампаний в отношении частника являлись перегибы на местах, по сути – стахановские методы работы управленцев. С другой стороны, местные власти нередко проявляли медлительность и с опозданием реагировали на изменение политической конъюнктуры. Эти две тенденции только на первый взгляд противоречат друг другу, так как именно временной разрыв побуждал региональные власти преодолевать его за счет более высоких, форсированных темпов преобразований. Необходимо учитывать и закон искажения информации в процессе ее распространения.

Поставленная в работе Д. Хесслер проблема несоответствия «политики» и «политической культуры»⁸³², в данном случае может быть интерпретирована шире, применительно к отношениям «центр – регионы». Речь идет о различных «политических культурах» и различных «политиках» представителей центральных и региональных органов власти, о различиях в степени радикализма теоретиков и практиков, призванных решать проблемы в масштабах страны (обобщая и унифицируя различия) и частные, локальные проблемы конкретной территории, которые могли быть весьма специфичными.

В качестве примера диалога непонимания между представителями региональных и центральных органов власти можно привести решения по полному отказу частнику в кредите. По собственной инициативе в некоторых местных учреждениях госбанка учетно-ссудные комитеты отклоняли все ходатайства частных лиц о кредите и настаивали на принципиальной недопустимости кредитования частной торговли и промышленности⁸³³.

Реагируя на эту позицию (которая в условиях диктатуры пролетариата имела свою логику), правление госбанка прибегло к развернутой аргументации, призванной доказать целесообразность кредитования частника. «Испытываемое страной бестоварье и в особенности нужда в предметах крестьянского обихода и хозяйства неизбежно вынуждают органы государственной власти приветствовать всякую инициативу в области производства и товарооборота, от кого бы она ни исходила. Что касается условий, на которых имеет протекать кредитование частных лиц, необходимо принять, как общее правило, что условия эти должны быть для частных лиц менее льготными, чем для государственной и кооперативной клиентуры. Ставки учетного и ссудного процентов и комиссии должны быть для частной клиентуры выше, чем для прочей. Однако правление считает необходимым предостеречь руководителей филиалов от увлечения высоким размером этой разницы в процентах и комиссии, так как не

⁸³² См.: Hessler J. A Social History of Soviet Trade. P. 366.

⁸³³ Цит. по: Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 30.

следует забывать, что вызываемое высокими в пользу банка накладными расходами вздорожание товаров, в конечном счете, падает всей своей тяжестью на потребителя и, главным образом, на крестьянство. <...> Таким образом, предлагаемое некоторыми учетно-ссудными комитетами исключение частных лиц из круга кредитруемых госбанком клиентов должно быть решительно отвергнуто»⁸³⁴.

Очевидно, что основным получателем кредита на Урале являлся обобществленный сектор в промышленности и торговле (государство и кооперация), на них приходилось до 91 % общей суммы кредита. Доля частного была минимальной. Так, на 1 июля 1925 г. она составляла 0,2 %, а на 1 октября 1925 г. – 0,8 % к общему итогу⁸³⁵.

Кредитный план четвертого квартала 1924/25 хозяйственного года содержал в себе следующие положения: «Всемерно оказывая кредитную поддержку государственной и кооперативной торговле и содействуя укреплению ее позиции, банки одновременно должны, в целях увеличения общего товарооборота, вести и кредитование здоровой частной торговли и промышленности. Помимо этого, в наиболее крупных пунктах Урала с развитым товарооборотом должна быть вызвана инициатива по организации частного торгового капитала в общества взаимного кредита»⁸³⁶.

Когда речь идет о частной клиентуре, то в первую очередь подразумевают частную торговлю, потому что частная промышленность играла весьма незначительную роль. «На протяжении всего времени происходило непрерывное понижение ее значения и неуклонный рост значения частной торговли», – отмечал С. Л. Фридман⁸³⁷. Этот процесс объясняется наличием капиталов в частной торговле, так как активные операции банка ставились в зависимость от пассивных (участие в уставном капитале банков, остатки на текущих счетах). В целом частная промышленность не получила столь мощного развития как торговля, так как требовала большего вложения средств, была менее мобильной и менее доходной. Отметим, что в провинции доля кредитов частной промышленности была выше. Местные органы власти проявляли заинтересованность в существовании производств (мельницы, пекарни, предприятия бытового обслуживания), которые позволяли решить местные проблемы как в сфере снабжения и оказания услуг, так и занятости.

Неоднократно проводилось сравнение динамики развития частного капитала в различных отраслях хозяйства, при этом кредитная сфера явно отставала. «Удельный вес частного капитала в нашей кредитной системе во много раз меньше его удельного веса в промышленности и особенно в торговле, где, несмотря на трудности проникновения и целый

⁸³⁴ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 31–32.

⁸³⁵ Попов Я. Вопросы кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 1. С. 104.

⁸³⁶ Там же, С. 107–108.

⁸³⁷ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С.48.

ряд ограничительных законов, все же частный капитал не только пробивает себе дорогу, но даже в некоторых случаях успешно конкурирует с госторговлей и кооперацией, постепенно расширяя сферу своего влияния. Причины этого явления заключаются в недостаточном привлечении “чужих” средств в частных кредитных учреждениях»⁸³⁸.

Показатели динамики кредитования были особенно наглядны в сравнении с дореволюционным уровнем. «Восстановление кредита на Урале до довоенного уровня, несмотря на значительность сделанных достижений, много отстает от роста всего уральского хозяйства, и в частности от роста восстановления промышленности, сельского хозяйства, товарооборота области, вследствие чего хозяйство Урала чувствует постоянный недостаток в кредите»⁸³⁹.

Говорить о восстановлении кредита до довоенного уровня было явным преувеличением: «номинально, с недоучетом степени падения покупательной способности червонного рубля, пассивы современных кредитных учреждений Урала составляли 30,1 % и активы 54,2 % довоенных, а при переводе в довоенные рубли (по оптовому индексу Госплана на 1 апреля 1925 г. – 10 руб. = 5 руб. 14 коп.) пассивы составят 15,4 %, а активы 26,8 % довоенных. В области кредита на Урале налицо гораздо менее значительная степень восстановления довоенного уровня, чем во всех основных отраслях народного хозяйства. Отмеченное явление не представляет собой специфической особенности уральской экономики, так как в общем и целом, банковские активы и пассивы в общесоюзном масштабе достигают примерно такого же уровня, что и на Урале, и поэтому в настоящее время удельный вес их по Уралу в отношении к общегосударственным по сравнению с довоенным временем не только не падает, но даже несколько возрастает»⁸⁴⁰.

По активам и пассивам рост составил 1 % той доли, которую Урал имел в общем балансе кредитных учреждений дореволюционной России. Однако увеличение доли региона при общем падении размеров активов и пассивов можно объяснить сжатием территории государства, и, как следствие, удельный вес Урала в новых границах существенно возрос.

Особо следует отметить, что различия с довоенным уровнем были особенно разительны в сфере мелкого кредита. «Учреждений мелкого кредита в общей совокупности насчитывалось 1181, из них кооперативных – 790 (кредитные товарищества – 731; ссудосберегательные товарищества – 57; союзы учреждений мелкого кредита – 2), сословных – 381 и земских касс мелкого кредита – 10»⁸⁴¹. Напомним, что в 1927 г. на Урале насчитывалось лишь 11 ОБК.

⁸³⁸ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 57.

⁸³⁹ Попов Я. Вопросы кредита на Урале. С. 103.

⁸⁴⁰ М-ов А. Развитие банковского кредита на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 8. С. 93. Возможно, автором данной статьи является ответственный работник Уральской краевой конторы госбанка А. Л. Мамиконов.

⁸⁴¹ М-ов А. Развитие банковского кредита на Урале. С. 92.

5.2. Принципы кредитования частников

Формы кредитования. В условиях падающей валюты преобладающей формой кредитования являлся подтоварный кредит, имевший реальное обеспечение. Осуществлялся он путем открытия специальных текущих счетов под товары и товарные документы в виде срочных ссуд и товарных аккредитивов. Преобладающей формой являлись специальные текущие счета, а срочные ссуды были популярны в отделениях госбанка. В 1922 г. из общей суммы подтоварных кредитов на долю правления приходилось 20 %, а более 80 % кредитов было предоставлено отделениями государственного банка⁸⁴². Это свидетельствовало о дефиците финансовых ресурсов в провинции.

Условия предоставления кредита в 1922 г. заключались в следующем: «Предоставляя товарный кредит частной клиентуре, госбанк требовал от нее большего обеспечения и больших гарантий в отношении хранения заложенных товаров. Если обеспечение подтоварных кредитов госорганов и кооперации превышало их задолженность на 30–50 %, то в отношении частных лиц это превышение было в несколько раз больше. Кроме того, госорганам и кооперации предоставлялось право хранения товаров на собственных складах под сохранную расписку. Лишь в редких случаях предъявлялись требования хранения этих товаров на складах банка, либо на складах заемщика, но под наблюдением и контролем банковского артельщика. В отношении же частных лиц применялась почти исключительно последняя мера... Производственно-целевые кредиты, которые не играли заметной роли в кредитовании частной клиентуры, предоставлялись госбанком на особых условиях. ...Банк обычно выговаривал себе право на известную часть прибыли от реализации товаров или же обуславливал возврат ссуды продукцией заемщика. Из частной клиентуры этим кредитом пользовались исключительно частные промышленные предприятия, главным образом, по обработке бумаги, а также издательские объединения»⁸⁴³.

Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой реанимацию векселя. Одним из самых популярных видов кредитования частника стал вексельный кредит, который предполагал учет векселей и специальных текущих счетов под векселя. Правовой основой функционирования векселя в Советской России было принятое 20 марта 1922 г. «Положение о векселях»⁸⁴⁴, в основу которого был положен Вексельный устав 1902 г.

В Москве, где денежное обращение получило большее развитие, вексель применялся более активно, в то время как в провинции по причине дефицита финансовых ресурсов введение

⁸⁴² Дезен А. А. Кредит // На новых путях: (Итоги новой экономической политики 1921–1922). М., 1923. С. 204–205.

⁸⁴³ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 21–22.

⁸⁴⁴ Положение о векселях. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 марта 1922 г. // Собрание кодексов РСФСР. 2-е изд. Т. 1. М., 1923. С. 305–310.

новых или старых финансовых инструментов явно запаздывало. «Развитие вексельного кредита есть, несомненно, весьма благоприятный с экономической точки зрения факт, – отмечал А. А. Дезен, – так как способствует продаже товаров в кредит и ускорению товарного оборота, в то время как подтоварный кредит иногда, наоборот, позволяет задерживать товары на складах»⁸⁴⁵.

Отмечая динамику развития вексельного рынка, наличие всех атрибутов, присущих этому платежному средству, исследователи высказывают сомнения и тревогу по поводу качества этих финансовых инструментов. «Краткие сроки векселей [средний срок не превышал три месяца, что было ниже, чем в дореволюционной России. – А. К.] и несколько передаточных надписей и то обстоятельство, что большинство наших векселей имеют местом платежа Москву [место концентрации торговых организаций. – А. К.] и круглую сумму валюты в платеж и т. д. – все это свидетельствует о том, что наши вексельные портфели, несомненно, страдают искусственностью и что тут также сказывается воздействие нашего кредитного аппарата, который весьма быстро и решительно захотел достигнуть тех успехов, которые требуют достаточно длительной подготовки. С другой стороны, весьма громоздкая система наших торговых организаций, нуждающихся в оборотных средствах, всячески развивала и, может быть, не всегда естественно этот свой вексельный оборот»⁸⁴⁶.

Эта ситуация иллюстрирует тезис о том, что в годы нэпа внедрялись ретроинновации, которые могли носить демонстрационный характер и не соответствовали по своим качественным показателям уровню, который был достигнут страной к началу Первой мировой войны.

Процентные ставки. Характеристика кредитной политики государства отражается в динамике процентных ставок. В начале своей деятельности госбанком был установлен дисконтный процент в размере 8 % для государственных органов, 10 % – для кооперации и 12 % – для частных лиц. Затем базовая ставка была повышена до 12–18 % с пропорциональным увеличением по категориям заемщиков. В период стабилизации национальной валюты госбанк снизил ставку до 2 %.

Кредит был выгоден для клиентов по двум основаниям: во-первых, обесценение денег шло быстрее, чем рос процент по банковскому кредиту, и, во-вторых, величина рыночного учетного процента достигала 30 % в месяц⁸⁴⁷. С введением устойчивой валюты ставки стабилизировались, но по-прежнему дифференцировались в зависимости от формы собственности заемщика.

⁸⁴⁵ Дезен А. А. Кредит. С. 205.

⁸⁴⁶ Лурье Е. С. Современные русские банки. С. 74.

⁸⁴⁷ Там же, С. 72.

Ставки госбанка в 1924 г. для частной клиентуры превышали ставки, применяемые к государственным организациям и кооперации, на 16–36 %, в зависимости от формы кредитования. В Промбанке и Мосгорбанке это превышение было больше и колебалось в пределах 50–100 %. Дисконтная политика банков в отношении частной клиентуры определялась формой предоставления кредита. Наименьшей разницей между ставками была по вексельному кредиту, по которому можно судить о реальных заключенных сделках и продвижении товаров. Наоборот, товарный кредит, при котором товар не проходил путь от производителя к потребителю, а находился без движения, мог повлечь за собой увеличение этой разницы. Так, если по госбанку разница между процентной ставкой по учету векселей госорганов и частных лиц определялась в 25 %, то по срочным ссудам под товары она составляла 35 %⁸⁴⁸.

При рассмотрении практически всех экономических показателей, при анализе функционирования финансовых институтов и инструментов в условиях новой экономической политики мы вынуждены делать уточняющие оговорки и давать пояснения. Дело в том, что рыночные по сути механизмы использовались в специфических условиях и в ограниченном объеме. В связи с этим уместно привести оценку современного отечественного рынка ценных бумаг, высказанную одним из его участников: «Фондовый рынок в России есть, но это – демонстрационная версия»⁸⁴⁹.

Аналогичная ситуация складывалась и в годы нэпа. Как отмечали современники, дисконтная политика носила весьма специфический характер. Этот вывод следовал из сопоставления СССР со странами Запада или с отечественным дореволюционным опытом.

«Если там в те или иные моменты, путем повышения или понижения учетного процента можно было достигнуть того или иного экономического эффекта, в смысле расширения или сужения сферы кредита, в смысле того или иного воздействия на денежный рынок и т. д., то практика последних двух лет [1923–1924 гг. – *А. К.*] прекрасно подтвердила, что в наших условиях такой тонкий механизм, как арсенал средств дисконтной политики, значительного влияния не имеет, а все ее влияние чрезвычайно ничтожно. Ибо при абсолютном и относительном недостатке капиталов, при котором нам приходится жить и действовать, повышение или понижение процента на 1 или 2 в месяц, естественно, не играет какой-нибудь заметной роли»⁸⁵⁰.

Полагаем, что абсолютно исключить роль процентной политики было бы неверно, вопрос был в порядке цифр, в более грубой дифференциации ставок.

⁸⁴⁸ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 50.

⁸⁴⁹ Липсиц И. В. Экономика. М., 2007. С. 328

⁸⁵⁰ Лурье Е. С. Современные русские банки. С. 72.

Определение уровня кредитоспособности заемщика и степени риска является основой банковского кредитования. Однако и здесь проявлялась советская специфика. «Самое понятие кредитоспособности приобретает совершенно иное значение: кредитоспособным у нас признается не то предприятие, которое по своему балансу заслуживает доверия, а то, которое, по тем или иным заданиям, связанным с общей экономической политикой, правительство считает желательным финансировать [именно финансировать, а не кредитовать. — А. К.]»⁸⁵¹.

5.3. Основы функционирования Обществ взаимного кредита

Цели и задачи ОВК. При обсуждении планов создания ОВК государством ставились задачи, которые объективно должны были способствовать налаживанию связей между производителями и потребителями, сельскохозяйственным и промышленным сегментами рынка потребительских товаров. Другой задачей являлось привлечение в экономику страны финансовых ресурсов, которые либо находились без движения, либо оборачивались в теневом секторе. «В эту работу стали втягиваться понемногу и сохраненные частными лицами капиталы. Спрятанные товары пошли на рынок, а полученные за них деньги – в торговый оборот. Сохраненные бриллианты и ценности, мертво лежавшие в “земельных банках”, т. е. зарытые где-нибудь, превращались в оборотный капитал и шли в деловую работу», – так описывал ситуацию один из современников⁸⁵².

Выполнение этих задач сопровождалось массой условий и ограничений, которые демонстрировали классовую направленность экономических реформ и были далеки от модели свободной рыночной конкуренции.

Переход к новой экономической политике и восстановление кредитно-финансовой системы дали толчок к возникновению и развитию ОВК. В 1922 г. Правление государственного банка высказалось за то, чтобы такие кредитные институты были организованы, но с условием, что их деятельность будет согласована с общей кредитной политикой Советского государства. Это условие заранее определило появление противоречий во взглядах на ОВК между государством, самими обществами и их клиентами.

Рассматривая советскую кредитную систему в целом Ю. П. Бокарев отмечает: «Летом 1922 г. была разрешена организация частных кредитных учреждений — обществ взаимного кредита. Они должны были способствовать разгрузке Государственного банка от работы с частным капиталом и высвобождению его средств для финансирования государственных организаций. Организация обществ могла происходить лишь с разрешения Наркомфина. Им же утверждался устав обществ. Наркомфин также устанавливал предельные суммы кредитов,

⁸⁵¹ Лурье Е. С. Современные русские банки. С. 73.

⁸⁵² Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). Берлин, 1923. С. 21.

открываемых отдельным лицам, размер процентных ставок, производил ревизии работы обществ и имел право в случае необходимости их принудительно ликвидировать»⁸⁵³.

Вопрос о монополии государственного банка был поставлен практически сразу же после его воссоздания. Уже в декабре 1921 г. в тезисах госбанка, с которыми выступил А. Л. Шейнман на финансовой конференции, говорилось: «Имея в виду, что госбанк в качестве единственного носителя кредитных функций в стране не справится с кредитными запросами мелкой и средней промышленности и торговли, должно быть допущено образование обществ взаимного кредита. Обществам этим должно быть предоставлено право производства банковских операций в ограниченном виде. Уставы обществ должны утверждаться Наркомфином⁸⁵⁴. С той же целью развития кредитной периферии госбанка должно быть допущено образование частных кредитных институтов, при условии известного в них участия государства в той или иной форме»⁸⁵⁵.

Острая нехватка капиталов была характерна для всего периода легального существования частной торговли. Даже наиболее крупные торговые предприятия были гораздо хуже обеспечены средствами, чем районные кооперативные сельхозсоюзы. Этим объясняется тяготение отдельных предпринимателей к объединению своих капиталов в товарищеские предприятия. Особенно часто это происходило в городах.

Чтобы усилить привлечение средств частного капитала в организованный хозяйственный оборот, в 1922 г. была разрешена организация мелких частных паевых кредитных учреждений – обществ взаимного кредита частной торговли и промышленности⁸⁵⁶, а также ссудосберегательных и кредитных обществ (декрет от 27 января 1922 г.)⁸⁵⁷.

Широко распространенные ОВК предназначались для кредитования частной промышленности и торговли, городских кооперированных ремесленников и кустарей. Надзор за их деятельностью осуществлял Народный комиссариат финансов, а контроль за кредитными операциями – госбанк. В функции Наркомфина входило также решение вопросов об организации новых обществ и ликвидации существующих в случае нарушения ими устава или осуществления спекулятивных операций; определение размеров кредитов, предоставляемых членам обществ; установление минимального уровня процента по ссудным операциям. Сводный баланс 55 ОВК на 1 января 1924 г. выражался в 9 794 тыс. руб. и составил только

⁸⁵³ Бокарев Ю. П. Формирование советской кредитной системы (1917 – начало 1930-х гг.) // Экономическое развитие и практика реформ. М., 2015. С. 81.

⁸⁵⁴ В этой связи следует обратиться к дореволюционному опыту, когда процесс регистрации уставов частных компаний также носил разрешительный характер. См.: Килин А. П., Новоселова А. М. Уставы частных компаний дореволюционной России: организационный и содержательный аспект. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 7 (99). С. 254–255.

⁸⁵⁵ Цит. по: Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 9.

⁸⁵⁶ Мехряков В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 180.

⁸⁵⁷ Там же, С. 122.

0,8 % сводного баланса этих обществ на 1 января 1913 г.⁸⁵⁸ К концу 1925 г. по всему Союзу насчитывалось 172 ОВК. При этом следует отметить, что на начало 1925 г. их было всего 86⁸⁵⁹.

Советское государство, нуждавшееся в средствах на восстановление экономики, иногда само выступало в качестве инициатора организации ОВК, поэтому было вынуждено идти на компромисс с его потенциальными участниками. Причиной этого являлось еще и отсутствие четких представлений о том, как организовать работу ОВК с максимальной пользой в деле восстановления хозяйства. Нужно было построить модель идеального, с точки зрения государства, ОВК. Разработка эталонной конструкции являлась одним из направлений деятельности Института экономических исследований (ИЭИ) при НКФ РСФСР, который в 1924 г. определил основной круг задач ОВК. Отметим, что планы, обсуждаемые комиссиями ИЭИ, порой были более радикальными, чем принятые постановления и декреты правительства.

Одной из первых задач ОВК, по мнению представителей ИЭИ, было их содействие в ликвидации оптовых торговцев, как посредников между трестами и другими промышленными объединениями, так и между розничными торговцами. Для этого ОВК должны были, во-первых, создавать объединения розничных торговцев из своей клиентуры и, во-вторых, брать на себя оптовое посредничество. При этом предлагался следующий вариант пути организации данной системы: «Практически это могло быть организовано так: общество взаимного кредита осведомляется у своих членов, сколько им нужно товаров того или иного рода, который мог бы быть передан членам этого общества, главным образом, в кредит на известный срок, а кредит этот уже членам общества открыт, в зависимости от вступительного взноса, сделанного данным членом, и этот кредит за товар мог бы пойти в счет уже упомянутого кредита или в известной степени сверх его, быть может, даже за круговой ответственностью всех членов приобретателей этого товара»⁸⁶⁰.

Для распределения и реализации приобретенного таким путем товара также предлагался определенный механизм. «Полученный товар распределяется между розничниками с обязательством, что они будут продавать его по определенным ценам, которые определяются ценою треста плюс известная надбавка»⁸⁶¹. Таким образом, розничный торговец терял не только право выбора поставщика и качества товара, но и возможность устанавливать на него свою цену, а государство через ОВК получало бы возможность отслеживать ассортимент товаров, пользующихся наибольшим спросом и контролировать цены на них. «Общества взаимного кредита сделались бы очами и ушами государственных производственных

⁸⁵⁸ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 68.

⁸⁵⁹ А. Л. М. ОВК // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С. 106.

⁸⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 6896. Л. 82.

⁸⁶¹ Там же.

объединений»⁸⁶². Эта идеальная с точки зрения государства система движения товара позволила бы, минуя частного оптового торговца, застраховать тресты от убытков, а населению получить продукцию по более низким ценам. Насколько эта схема соответствовала интересам частного предпринимателя – не до конца ясно. Однако в период применения «новой торговой практики» (1925/26 г.) этот порядок применялся, но только непосредственно в отношениях между трестами и частными торговцами, минуя кредитные организации.

В обращении Валютного Отдела НКФ РСФСР в Бюро ОВК от 13 марта 1925 г. «О желательном направлении деятельности обществ взаимного кредита» говорится, что участие оптовых торговцев в создании пассивов обществ имеет большое значение, но, несмотря на это «НКФ РСФСР подтверждает, что на кредитование оптовика может быть выделена лишь очень ограниченная доля средств Обществ»⁸⁶³. Основными направлениями работы ОВК предполагалось сделать углубление кредитования розничных торговцев и поддержку мелкого кустарного производителя. В этом документе не говорится о полной ликвидации оптовых торговцев, но намечена тенденция их вытеснения из членов ОВК. Идея объединения розничных торговцев была реализована в Москве и Ленинграде к 1925 г.

Для эффективного функционирования ОВК в роли торгового посредника им предлагалось обзавестись аппаратом уполномоченных для закупки или продажи товаров по поручениям своих клиентов. ОВК должны были объединять розничных торговцев по отраслям их торговой деятельности, собирать сведения об ассортименте и количестве необходимых им товаров. При этом, если нужный товар был в распоряжении трестов или иных государственных объединений, то ОВК при закупке могло получить скидку, в зависимости от объемов партии. Если же товар не был сконцентрирован в одних руках, а распылен, то общество должно было бы организовывать тех торговцев, которые реализуют товар данного рода и провести совместную закупку. В этом случае в обеспечение своего заказа торговец обязан был выплатить ОВК определенный задаток. «Общество взаимного кредита, имея адреса по группам всех лиц, торгующих товарами определенного рода, если оно получает сведения, что из Туркестана, допустим, направляется сюда столько-то вагонов сушеных фруктов, то оно оповещает известных ему торговцев, торгующих сушеными фруктами, и осведомляется, сколько им нужно из данной партии, и, обеспечив себя задатками, может приобрести часть партии или всю»⁸⁶⁴.

Аккумуляция свободных денежных средств населения является основной функцией кредитной организации. Поэтому ОВК должны были заниматься привлечением вкладов населения в интересах хозяйства страны. «Привлечение вкладов – одна из главнейших задач

⁸⁶² РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 6896. Л. 82.

⁸⁶³ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

⁸⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 86 об.

обществ взаимного кредита, и это задача общегосударственного значения: средства, будучи распылены по мелочам среди населения, не имеют значения для экономического строительства страны, и поэтому, прежде всего, важно уметь их собрать»⁸⁶⁵.

В этом случае ОВК рассматривалось не как частное предприятие, которое способствует сохранению и увеличению вкладов своих клиентов в целях их обогащения, а как институт, способствующий мобилизации средств на нужды государства в процессе восстановления экономики. Для решения этой задачи ИЭИ разработал для ОВК следующие рекомендации.

Первый способ – это предоставление крупным вкладчикам возможности в определенных долях участвовать в операциях обществ. Ссылаясь на прошлый опыт частных банков, специалисты ИЭИ считали, что при определенных изменениях этот способ можно было бы применять и в современных условиях. До революции это выглядело следующим образом: «В прежнее время частные банки тем вкладчикам, которые держали крупные суммы на текущих счетах, при выпуске на биржу дивидендных бумаг, о которых заранее было известно что они по тем или другим условиям, – по своей ли внутренней ценности или вследствие тех мероприятий, которые намерен предпринять банк, – поднимутся в их курсовой расценке, банки нередко указывали или обращали внимание крупных вкладчиков на такую бумагу, советуя ее приобрести, или просто записывали на известную сумму этих бумаг таким лицам, при подъеме продавали, а разницу заносили крупному вкладчику на счет, и вследствие этого устанавливалась тесная связь между банком и крупным вкладчиком»⁸⁶⁶.

В такой ситуации вкладчик не был застрахован от потерь, однако такие операции с ценными бумагами были делом добровольным, клиент либо сам принимал решение об участии в приобретении ценных бумаг, либо доверял это банку, и, таким образом, возможные убытки не создавали банкам проблем с привлечением вкладов. Политическая и экономическая нестабильность 1920-х гг. привела к тому, что владельцы денежных средств предпочитали хранить свои капиталы вне кредитных учреждений. Привлечь средства клиентов на свои счета было довольно сложно, доверие восстанавливалось с большим трудом. Именно для решения этой задачи ИЭИ предлагал ОВК допустить некоторых своих клиентов до участия в их операциях с целью получения дополнительной прибыли. С этой целью ОВК предлагалось создавать страховые фонды, из которых покрывались возможные убытки. «На этот вопрос нужно обратить внимание в борьбе за вклады, а только что развитый план, обещающий лишь выгоду вкладчикам, но снимающий с них всякие убытки, как нельзя более подходит к ленивой психологии того, что называется “пассивного вкладчика”, т. е. лица, которое вносит деньги только чтобы их сохранить и чтобы получить некоторый прирост в процентах на него, и здесь

⁸⁶⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 84.

⁸⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 84 об.

создание такой приманки, быть может в другой форме, но построенной по только что упомянутому принципу, чрезвычайно важно»⁸⁶⁷.

Второй способ связан с упомянутыми уже организациями розничников. По мнению специалистов Института, общества должны были обязать розничных торговцев, получающих от них товар в кредит, вносить ежедневную выручку от продаж на текущие счета. При этом размер текущих счетов этих торговцев должен был непосредственно влиять на распределение между ними товаров, особенно дефицитных.

Третий способ – введение чековой оплаты за квартиру, коммунальные услуги для тех, кто имеет текущие счета в обществе. Эта мера должна была экономить время при оплате разнообразных услуг. А для облегчения приема вкладов рекомендовалось создать сеть приемщиков, которые были бы размещены во всякого рода солидных магазинах, что значительно бы облегчило сам процесс занесения денег на текущие счета и увеличило бы торговые обороты магазинов.

Четвертый способ предполагал, что ОВК должны были выступать представителями («принимать представительство») как отечественных производственных объединений, так и иностранных фирм, так как такая посредническая торговля приносила довольно крупные выгоды.

Некоторые из предложенных направлений работы ОВК не находили поддержки. Так, например, недовольство ОВК вызывала идея организации объединений розничников и передача ОВК функций торгового посредничества между ними и промышленными объединениями. При обсуждении этого вопроса на заседании денежно-кредитной Комиссии ИЭИ летом 1925 г. ее члены не поддержали эту идею.

«Среди самих розничников намечается охлаждение к этого рода образованиям, имевшим особое значение в недавнем прошлом, т. е. в то время, когда тресты весьма туго открывали товарный кредит частным лицам; в настоящее же время [1925 г. – А. К.], когда товарный кредит открывается в общем легко, – интерес к подобным объединениям неминуемо должен несколько снизиться, тем более что без достаточной кредитной помощи оформить это объединение будет весьма сложно – самая же разверстка товаров представит также немалые затруднения»⁸⁶⁸. «Передача функций оптовика на общества требует от последних специфических знаний в области товарного оборота, влечет за собой накладные расходы»⁸⁶⁹.

⁸⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 86.

⁸⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 52.

⁸⁶⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 54.

В этих довольно подробных рекомендациях прослеживается стремление не только указать, какому конкретно направлению в своей работе ОВК должны уделять больше внимания, но и какими методами им следует пользоваться.

Еще одной задачей являлось превращение единоличных предприятий в кооперативные и разработка механизмов их кредитования. Государственный банк, как основной кредитор, был не в состоянии охватить всю массу мелких частных предпринимателей, – «здесь нужно кредитное учреждение более гибкое, более близко стоящее к местному населению»⁸⁷⁰. Вновь предлагалось обратиться к дореволюционному опыту трансформации единоличных предприятий в кооперативные, паевые и акционерные товарищества.

«И в настоящее время ОВК, превращая единоличное предприятие в кооперативное, должно будет и финансировать его и, быть может, сосредоточить продажу продукции кооператива в своих руках за известное комиссионное вознаграждение, используя для этого свой аппарат уполномоченных, а финансируя кооператив, оно должно будет иметь и своих представителей в правлении кооператива»⁸⁷¹.

Отметим, что в документе речь идет о финансировании, что принципиально отличается от кредитования как основной задачи кредитных учреждений. Допускаем, что в данном случае речь идет либо о смешении понятий, либо о схеме, при которой ОВК становился собственником производственных и потребительских кооперативов.

На ОВК планировалось возложить функции по распространению среди своих клиентов государственных займов и дивидендных бумаг за определенное комиссионное вознаграждение. На практике ОВК действительно выполняли эту функцию. Конкретным примером может служить «Государственный внутренний 6 % выигрышный заем индустриализации народного хозяйства СССР» 1927 г. По постановлению НКФ РСФСР от 24 августа 1927 г. к распространению займа должны были быть привлечены все местные кредитные учреждения. Их участие в распространении займа должно было выразиться в «популяризации среди клиентуры нового займа, разъяснении его значения и в самой реализации – приеме подписки и продажей облигаций»⁸⁷². Контроль за проведением этой кампании возлагался на местные финансовые органы.

Очевидно стремление специалистов ИЭИ доказать целесообразность и эффективность использования ОВК при решении государственных задач. Обращаясь к дореволюционному опыту, авторы доклада с настойчивостью лоббировали идею создания ОВК, акцентируя внимание на возможности подчинить коммерческие интересы целям и задачам

⁸⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 82 об.

⁸⁷¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 83.

⁸⁷² ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

социалистического строительства, обосновать возможность контролировать и использовать в своих целях кредитную кооперацию.

В материалах ИЭИ делался акцент на необходимости борьбы со спекуляцией и незаконным обогащением, тем самым отдавалась дань идее социальной справедливости и, в конечном итоге, идеологически выдержанной экономической политике.

Кредитная политика ОВК должна была учитывать не только уровень кредитоспособности клиентов, но и характер их деятельности. Например, при кредитовании единоличных торговцев или торговых организаций необходимо было выяснять, имеют ли заемщики аппарат доведения товаров до населения или их деятельность носит спекулятивный характер. «В последнем случае, с государственной точки зрения, такая организация не должна была рассчитывать на открытие ей кредита, а организация, успевшая создать каналы по проведению товаров в население и не сидящая на этих товарах ради выжидания поднятия цен, а содействующая их циркуляции, имеет право на кредит и тем в большем размере, чем в этой организации лучше построен ее механизм, и, потому при открытии кредита в таких случаях нужно обязательно знакомиться с постановкой торгового аппарата у лиц или учреждений, просящих об открытии им кредита»⁸⁷³.

Таким образом, в ОВК видели не столько коммерческие предприятия, стремившиеся к максимальной прибыли, сколько элемент кредитно-проводящей сети обобщественного сектора. В таком подходе очевидно стремление к огосударствлению кредитной кооперации.

Ограничения в деятельности: членство, ареал, объекты кредитования. Рекомендации ИЭИ могли служить основой к разработке норм, определяющих правовой статус членов ОВК. До принятия «Положения об ОВК» в феврале 1928 г., членами ОВК могли быть все физические и юридические лица независимо от их социального положения и рода занятий. Циркуляр отдела надзора Валютного управления НКФ РСФСР «О праве служащих правительственных учреждений участия в кредитных организациях» от 28 апреля 1923 г. давал разъяснения о возможности государственных служащих состоять членами ОВК. «Так как общества взаимного кредита и ссудосберегательные товарищества ставят своей главной целью удовлетворение нужд в кредите своих членов на основании взаимной ответственности, а не получение прибыли, то и запрещение лицам, состоящим на государственной службе быть участником частных торговых и промышленных предприятий не распространяется на участие государственных служащих в качестве членов в обществе взаимного кредита и ссудосберегательных кооперативных кредитных товариществах»⁸⁷⁴.

⁸⁷³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 83 об.

⁸⁷⁴ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Однако уже через два года, 13 марта 1925 г., Валютный отдел НКФ РСФСР указывал ОВК на то, что «слишком много средств уделяется кредитованию группы лиц, причисляемых к категории служащих, кредитование коих не входит в прямые задачи Обществ»⁸⁷⁵.

Профсоюзы, несмотря на то, что закон не запрещал их членам состоять в ОВК, не поощряли этого. В ответе на запрос Тюменского общества бюро ОВК от 30 апреля 1926 г. сообщает: «Профсоюзные органы, относя ОВК к числу частнокапиталистических предприятий, имеющих целью доставлять своим членам необходимые для их оборотов капиталы, считают членство в профсоюзе не совместимым с членством в ОВК. Поэтому профсоюзные организации требуют от своих членов выхода из состава членов ОВК, угрожая в противном случае исключением их из профсоюза»⁸⁷⁶.

Вслед за лишением профсоюзного билета могло последовать увольнение с работы, так как не члены профсоюза подвергались увольнению в первую очередь, а работа им предоставлялась лишь после трудоустройства через биржу труда членов профсоюза.

Если первоначально требования к членству в ОВК были более либеральными, то впоследствии они стали ужесточаться. После утверждения ЦИКом и СНК СССР 8 февраля 1928 г. проекта «Положения об ОВК» бюро ОВК в порядке предварительной информации, уже на следующий день, 9 февраля 1928 г., разослало всем обществам основные изменения, вносимые в существующий порядок. «Новое “Положение” (ст. 2) вводит в этом отношении значительное ограничение, запрещая состоять членами ОВК всем госорганам и кооперации и предоставляя право членства лишь частным физическим и юридическим лицам, занимающимся торговлей, промышленностью или иной промысловой деятельностью в районе деятельности ОВК. Под лицами, “занимающимися иной промысловой деятельностью”, следует понимать также сельских хозяев, имеющих хозяйство в районе города (садоводы, огородники и проч.), всевозможные объединения, занятые торговой или производственной деятельностью, но действующих не на основе кооперативного устава, а также лиц, занимающихся свободными профессиями. Равным образом членами ОВК на предмет получения исключительно строительных ссуд, могут состоять домовладельцы и застройщики. Служащие и рабочие, как таковые, состоять членами ОВК, таким образом, не имеют право. Общества взаимного кредита также не могут состоять членами других ОВК»⁸⁷⁷.

25 марта 1928 г. бюро ОВК разослало всем обществам дополнительные разъяснения к «Положению об ОВК». В эти разъяснения входило также раскрытие содержания понятия «лица свободных профессий»: «Дать исчерпывающий перечень профессий, которые относятся к числу

⁸⁷⁵ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

⁸⁷⁶ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁸⁷⁷ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

“свободных”, Пленум бюро ОВК не нашел возможным. В число лиц свободных профессий, очевидно, не войдут ни рабочие, ни служащие, ни лица, занимающиеся торговлей, промышленностью или какой-либо производственной деятельностью, в результате которой является создание материальных ценностей. В эту категорию войдут лица, источник существования которых заключается в заработке от постоянного занятия какой-либо работой, являющейся их профессией. Таким образом, к лицам свободных профессий необходимо отнести, например, врача, не состоящего на службе и занимающегося частной практикой, или писателя, живущего на заработанное от литературного труда и также не состоящего на службе, или члена коллегии защитников»⁸⁷⁸.

Так же нуждается в пояснении выражение «район деятельности ОВК». До февраля 1928 г. ОВК не имели жестких территориальных рамок, строго определенного ареала деятельности. «Положение об ОВК» вводило такого рода ограничения. В ответ на запрос Уральского облфинотдела валютное управление НКФ РСФСР 2 июня 1928 г. дало разъяснения: «Район деятельности ОВК будет устанавливаться НКФ исходя из места нахождения Правления ОВК и прилегающих к нему поселений городского типа данного округа. Причем, в случае если встретится в этом надобность, НКФ, по представлению Облфо, может допускать расширение района деятельности отдельных Обществ также и на местности городского типа других округов области»⁸⁷⁹.

Требования такого рода практически лишали ОВК какой-либо самостоятельности в выборе клиентов и привязывали их деятельность к конкретному району. Государство постепенно усиливало свое давление, стремилось максимально сузить спектр выполняемых ОВК задач, чтобы облегчить контроль над ними, а при их посредничестве – и над частными предпринимателями.

Ограничения в деятельности ОВК касались не только категорий населения и территории функционирования, но и отдельных товарных групп, прежде всего дефицитных и социально значимых. Хлебный рынок подвергался регламентации в большей степени, чем другие. 1 января 1926 г. бюро ОВК разослало всем своим членам распоряжение валютного отдела НКФ «О финансировании хлебных операций частных лиц и предприятий». Оно носило отчетливо ограничительный характер: «Запретить кредитование хлебных операций частных лиц и предприятий по всем видам операций. Запрещается выдача ссуд под хлебные товары, учет дубликатов на хлебные грузы, финансирование хлебозаготовок и даже учет векселей, являющихся следствием хлеботорговой сделки или имеющих признак хлеботоварных операций со стороны векселедателя или векселепредъявителя. Запрещается, наконец, не только

⁸⁷⁸ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.

⁸⁷⁹ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 22. Л. 111.

кредитование, но и производство товаро-комиссионных операций с хлебом и его продуктами, хотя бы таковые и производились и по поручению, и в интересах госорганов и кооперации»⁸⁸⁰.

Исключение делалось для кредитования розничных хлеботорговцев, которые находились под наблюдением Народного комиссариата внешней и внутренней торговли (НКВит), мельничных предприятий в потребляющих районах Союза и операций с овсом.

Недостатки в деятельности ОВК: оценка участников. Разумеется, ОВК не были панацеей при решении проблем кредитования частных предпринимателей. На недостатки кредитной кооперации обращали внимание современники. В частности, их мнение приводит в своей работе Г. П. Падучев, основанной на результатах бюджетного обследования воронежских торговых предприятий в период с 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г.⁸⁸¹

Наиболее существенным недостатком, по мнению клиентов ОВК, была чрезмерно высокая стоимость кредита. «В этом отношении довольно характерной является анкета № 35, где предприятием высказывается пожелание пользоваться кредитом не в обществе взаимного кредита, а в государственном банке, так как там процентные ставки по активным операциям оказываются значительно ниже»⁸⁸².

Ситуация объяснялась тем, что пассив государственного банка, из которого его клиенты получали кредит, образовывался за счет эмиссии, а пассив ОВК должен был состоять из привлеченных ими на свои счета вкладов частных лиц. Очевидно, что государственный банк располагал большими возможностями и мог позволить себе более низкие процентные ставки. Совершенно другая ситуация складывалась в отношении ОВК. Дело в том, что неразвитость вкладных операций, которые должны были являться основным источником средств, приводила к тому, что сами ОВК были вынуждены обращаться в государственный банк за финансовой помощью. Необходимость выплачивать определенный процент государственному банку за использование кредита, а также банковская маржа ОВК приводили к тому, что кредит в них был значительно дороже. Причиной же недостаточности вкладных операций в обществах было, как правило, отсутствие свободных средств у потенциальных вкладчиков – частных лиц из торгово-промышленной среды, которые предпочитали обращаться за кредитом напрямую в государственный банк или его филиалы, чем переплачивать за кредит посредникам, какими, в своем роде, и являлись ОВК.

Итак, одним из первых пожеланий клиентов обществ было удешевление кредита, но его можно было достичь только «когда приток вкладов от частных лиц, и, в том числе от самих торгующих, в достаточной степени усилит финансовые средства обществ»⁸⁸³. В этом случае мы

⁸⁸⁰ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

⁸⁸¹ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 8.

⁸⁸² Там же, С. 75.

⁸⁸³ Там же, С. 76.

видим некоторую переключку пожеланий клиентов обществ с требованиями государства, но разница в том, что государство желало направить привлекаемые ОВК средства на нужды хозяйства страны, а клиенты обществ – на личные предпринимательские цели.

Недифференцированный подход к срокам кредитования так же вызывал недовольство со стороны клиентов. Это недовольство было связано с тем, что предприятия имели разную скорость оборота, которая определялась сроком нахождения товара у продавца с момента его закупки до реализации. «Однако, даже предприятие третьего разряда, торгующее колбасой, у коего средняя продолжительность пребывания товаров на складе составляет, что и вполне естественно, всего лишь два дня, заявляет претензию на невыгодность кредитования в обществе взаимного кредита, ввиду его краткосрочности. Что же касается предприятия III разряда, торгующего зерновыми и щепными товарами, где товар оборачивается лишь 5–6 раз в полугодие, или же предприятие так же III разряда, которое занимается торговлей галантерейными товарами и где товар лежит на складах целых два месяца, или, иначе говоря, обращается лишь три раза в полугодие, то для таких предприятий месячный срок кредита в Обществе оказывается совершенно неприемлемым»⁸⁸⁴.

Такая ситуация приводила к тому, что предприятия, которые нуждались в кредите и готовы были платить за него, просто не имели возможности им пользоваться, так как сроки платежей по кредиту не совпадали со сроками реализации товаров. «Например, ответ в анкете № 36, который гласит буквально следующее – “кредит желателен, но пользоваться я им не в состоянии, из боязни больших процентов и того, что срок платежа долга может прийти в то время, когда не будет средств”»⁸⁸⁵.

Поэтому клиенты высказывали пожелание применять индивидуальный подход при определении сроков кредитования.

Одной из самых трудноразрешимых проблем заемщики называли недостаточный размер кредита. Г. П. Падучев приводит данные анкеты, заполненной владельцем мучного предприятия V разряда, в которой говорится: «Размер кредита недостаточен. Из-за отсутствия кредита приходится приобретать товары в долг на 2, на 3 недели и переплачивать из-за этого продавцам. Членский взнос предприятия в обществе взаимного кредита – 250 руб. В соответствии с этим, кредит под векселя определен предприятию в размере 2 500 руб., но ввиду отсутствия у Общества необходимых средств оно фактически удовлетворяет предприятие лишь в пятикратном отношении к сумме взноса, т. е. лишь в размере 1 250 руб., а эта сумма не может устроить предприятие»⁸⁸⁶.

⁸⁸⁴ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 77.

⁸⁸⁵ Там же, С. 78.

⁸⁸⁶ Там же, С. 79.

Со своей стороны, владелец мануфактурного торгового предприятия IV разряда указывает на то, что «в то время как Обществом открыт ему кредит в сумме 5000 руб., у него имеется в портфеле векселей до 15 000 руб.»⁸⁸⁷.

Выходом из сложившейся ситуации для многих частных предпринимателей могло бы быть членство сразу в нескольких ОВК. Этот вопрос обсуждался на заседании денежно-кредитной комиссии ИЭИ в июне–июле 1925 г. в связи с докладом Б. Ф. Аккентьева. Докладчик выступал за запрет одному лицу состоять членом нескольких ОВК. По его мнению, эта мера должна была поднять «действительное значение капитала обеспечения»⁸⁸⁸. Контроль за соблюдением запрета должен был быть возложен на сами общества, которым следовало проводить взаимный обмен списками клиентов. Члены комиссии высказывали опасения, что «как бы обмен списками не произвел дурного психологического впечатления на население, будучи понят, как нарушение банковской тайны – результатом чего могло бы явиться отчуждение населения от кредитных учреждений»⁸⁸⁹. Было отмечено, что «современные ОВК. в силу своей маломощности не в состоянии еще открыть кредит отдельным лицам, вследствие чего данные лица и стремятся состоять членами в нескольких обществах»⁸⁹⁰. Но, несмотря на возражения, этот пункт доклада был принят комиссией. Официально двойное членство в обществах взаимного кредита было запрещено в 1928 г. «Положением об ОВК». В уже вышеупомянутом обращении бюро ОВК от 25 марта 1928 г. ко всем ОВК говорилось: «Что касается до одновременного членства одного и того же лица, юридического или физического, в двух или более ОВК, то это не только категорически воспрещается ст. 2 “Положения”, но и кроме того ст. 3 вводного закона предлагает правительствам Союзных Социалистических Советских республик внести в уголовные кодексы постановление, признающее одновременное членство в нескольких ОВК уголовно-наказуемым деянием. Чтобы избежать обвинения в невыполнении требований закона и нарушении устава, членам Правления и Приемного Комитета надлежит установить порядок, чтобы каждый вновь вступающий член Общества представлял подписку, что он не состоит членом других ОВК»⁸⁹¹.

Таким образом, выполнение пожелания клиентов обществ об увеличении им сумм кредита упиралось в дефицит средств у обществ, который был результатом, во-первых, недостатка вкладов со стороны частных лиц и, во-вторых, ограниченности кредита в государственном банке, которым пользовались сами ОВК.

⁸⁸⁷ Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 79.

⁸⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 51.

⁸⁸⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 52.

⁸⁹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 52–52 об.

⁸⁹¹ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 16. Л. 41.

Еще одним недостатком, который отмечали клиенты ОВК, являлся принцип десятикратной ответственности по операциям общества к сумме членского взноса. Эта ответственность часто являлась причиной нежелания предпринимателей кредитоваться в обществах. «В анкете № 10 указывается, что в ОВК предприятие членом не состоит, не желая брать на себя ответственности в десятикратном размере к сумме взноса наличными деньгами в оборотный капитал»⁸⁹².

Недовольны этой мерой были не только клиенты, но и члены правления ОВК. На заседании денежно-кредитной комиссии в июне–июле 1925 г. члены комиссии, возражая докладчику, настаивавшему на проведении этой меры, ссылались на то, что она практически не осуществлялась в прошлом и не способствовала интенсификации притока средств в ОВК. «Наряду с этим отмечалось несомненное влияние этого принципа в смысле удержания ряда лиц от вступления в члены ОВК из-за боязни серьезной материальной ответственности. Тем более что эта ответственность даже в случае выхода из членов ОВК, еще долгое время (впредь до утверждения соответствующего годовичного отчета) продолжает оставаться в силе»⁸⁹³.

Комиссия рекомендовала снизить уровень ответственности до пятикратной, но эта мера практически не была реализована.

ОВК – общественные по форме, частные по содержанию. Отмеченные нами проблемы носили, по преимуществу, экономический характер, однако наибольшие дискуссии возникали относительно того, к какому хозяйственному укладу следует отнести ОВК – к частнопредпринимательскому или кооперативному. Будучи кооперативными по форме, но капиталистическими по содержанию, ОВК всячески стремились подчеркнуть выполнение ими социально-значимых и даже государственных функций, обосновать тезис о том, что по своей сути они не частные, а общественные организации. Вероятно, это делалось с целью оптимизировать систему государственного регулирования, идеологически позиционировать ОВК как сегмент обобществленного сектора и в конечном итоге добиться режима большего благоприятствования для ведения предпринимательской деятельности.

В первую очередь, по мнению руководства ОВК, их работе мешало негативное отношение к ним как к частным коммерческим предприятиям, которые ставят перед собой корыстную цель – получение прибыли. На I Всесоюзном совещании представителей ОВК в 1925 г. была принята резолюция по докладу А. К. Парамонова «О положении взаимокредитного дела», в которой отмечалось, что «такое трактование нередко препятствует возникновению новых ОВК, замедляет рост числа членов, усугубляет расходы ОВК»⁸⁹⁴. Истинной же целью обществ

⁸⁹² Падучев Г. П. Частный торговец при Новой экономической политике. С. 72.

⁸⁹³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 52.

⁸⁹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 89.

предлагается считать следующую: «Путем организации частного капитала способствовать подчинению его государственным началам и путем построения кредита на началах взаимопомощи содействовать упорядочению частной торговли. <...> Посему, в целях оздоровления взаимокредитной системы, Совецание поручает Бюро добиваться признания ОВК организациями общественно-правовыми, соответственно их внутренней сущности»⁸⁹⁵.

Возлагая на себя обязательства по выполнению общественно значимых функций, ОВК пытались обеспечить себе некоторое «идеологическое прикрытие» для выполнения своей непосредственной функции – получения прибыли.

Подтверждая обязательство предоставлять кредит, преимущественно мелким розничникам и кустарям, а так же более активно привлекать вклады на свои текущие счета, представители ОВК не упускали возможности расширить круг своих полномочий и высказались за «необходимость предоставления им возможности – в интересах укрепления взаимокредитного дела – оказывать кредитную помощь и более крупным формам частной предприимчивости»⁸⁹⁶, признавали «нецелесообразным единое фиксирование размеров процентов по пассивным операциям административными распоряжениями»⁸⁹⁷. Принятие этих мер позволило бы ОВК стать более самостоятельными и ограничить свое кредитование в госбанке. Кредитуя мелких кустарей и розничных торговцев, ОВК не могли рассчитывать на получение высокого процента за пользование этим кредитом; соответственно, они не могли обеспечить выплату назначенного государством процента по пассивным операциям, что совершенно не способствовало привлечению вкладчиков. Обслуживание же более крупных частных торговцев могло обеспечить ОВК необходимыми средствами, но тогда они бы приобрели некоторую независимость. Однако в условиях нэповской модели хозяйствования независимость и автономность хозяйствующих субъектов могла рассматриваться как попытка реставрации капитализма, своего рода экономическая и идеологическая диверсия. В этой связи вполне закономерной является жесткая критика замкнутого круга частного сектора хозяйства, значимым элементом которого являлись ОВК.

Таким образом, общества взаимного кредита оказывались в сложной ситуации. С одной стороны, целью государства было привлечение частного капитала для восстановления экономики страны, а потом установление контроля над ним. Так как в основном в 1920-е гг. представителями частного капитала являлись мелкие и средние предприниматели, то именно в них государство и было заинтересовано. Поэтому все задачи, стоявшие перед ОВК, были связаны с охватом кооперативным движением мелких собственников и аккумуляцией их

⁸⁹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 89.

⁸⁹⁶ Там же.

⁸⁹⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6804. Л. 90.

средств. При этом государство постепенно усиливало свое давление на ОВК для реализации своих интересов. С другой стороны, сами частные предприниматели желали иметь в лице обществ легальный источник пополнения и приумножения своих капиталов, поэтому их задачи видели в максимальном улучшении условий кредитования. Такая ситуация вынуждала ОВК проводить политику лавирования в целях собственного выживания, что значительно снижало эффективность их работы и не давало возможности удовлетворить в полной мере потребности ни той ни другой стороны.

Социалистическое соревнование не должно было иметь ничего общего с рыночной стихией, которая была причиной нестабильности и кризисов при капитализме. Противоречивость установок и шаблонность, которые использовались при описании социалистического общества, особенно наглядны при оценке места и роли кооперации, в том числе кредитной.

Кооперация первоначально воспринималась как составная часть государственного капитализма, а затем была отнесена к обобществленному сектору и на нее возлагались большие надежды в процессе объединения мелких частных потребителей и производителей⁸⁹⁸.

В кооперации видели согласование индивидуальных и коллективных интересов, крупного и мелкого производства, аграрного и индустриального секторов экономики, города и деревни, рабочих и крестьян. Она выступала панацеей при описании путей построения социализма в России, стране, в которой доминировали мелкие крестьянские хозяйства, а социальная база режима, в лице индустриального пролетариата, была чрезвычайно узка.

Перед кооперацией ставились противоречивые задачи. С одной стороны, удовлетворить запросы ее отдельных членов и при этом реализовывать коллективные начала; работать эффективно, добиваться самокупаемости и рентабельности, но не заниматься рвачеством, делячеством и не ударяться в чисто коммерческие предприятия; развивать связь между городом и деревней, но действовать в условиях неэквивалентного обмена продукцией фабричного и аграрного производства; быть самостоятельной и демократической хозяйственной единицей, но подчиняться решениям партийных и советских организаций, в том числе в плане формирования кадрового состава правления. При формировании руководящих органов кооперации использовались те же методы, что и при большевизации советов. Эти и многие другие факты иллюстрируют процесс огосударствления кооперации и использования ее в качестве распределительной системы. Кооперация, которая была таковой лишь по форме, а не по сути, не могла выполнить возложенных на нее функций.

На наш взгляд, ОВК являются примером сочетания кооперативного и частнопредпринимательского укладов, что с точки зрения властей являлось скорее

⁸⁹⁸ Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. С. 118.

недостатком, чем преимуществом. Как путь к социализму, кооперация не предусматривала участия в ней мелкобуржуазных элементов. В свою очередь, пролетариат не имел ни опыта, ни материальных возможностей для организации хозяйственной деятельности на кооперативных началах. Как результат, при оценке деятельности кооперации учитывались прежде всего не экономические показатели, а социальный состав работников и способность выполнять функции распределительной системы (в случае с потребительской кооперацией). Кредитные кооперативы, которые состояли из частных предпринимателей и которые, по сути, способствовали консолидации мелких производителей, рассматривались как оплот реставрации капитализма.

5.4. Деятельность Обществ взаимного кредита и Кредит-бюро на Урале

Источники привлеченных средств и практика кредитования. Проанализировав место и роль ОВК в кредитной системе страны, основные цели и задачи этих организаций, в дальнейшем необходимо рассмотреть динамику развития вкладных операций и методы привлечения средств на текущие счета; выяснить основные потребности членов уральских обществ взаимного кредита и методы их удовлетворения, проанализировать социальный состав уральских ОВК и факторы, предопределявшие его динамику.

Процесс образования ОВК на Урале был начат в 1922 г., когда Губернское экономическое совещание выдвинуло предложение о создании в Перми общества взаимного кредита и поручило Пермскому отделению государственного банка принять непосредственные меры к его организации. Чтобы узнать мнение заинтересованных в открытии ОВК представителей торговой и промышленной деятельности, отделение государственного банка приняло решение созвать организационное собрание для обсуждения касающихся этой темы вопросов.

Первое ОВК на Урале – Пермское общество взаимного кредита – появилось 16 марта 1924 г. На 1 октября 1924 г. его баланс составил 48,3 тыс. рублей⁸⁹⁹. Новый этап в развитии ОВК на Урале начинается с конца 1925 г., когда в течение одного только IV квартала возникают одно за другим Сарапульское (9 июля) и Свердловское ОВК (17 августа). Сводный баланс трех обществ на 1 октября составил 314,1 тыс. рублей. Последующая динамика роста количества ОВК на Урале такова: к 1 ноября 1925 г. – 5, к 1 января 1926 г. – 7, к 1 апреля 1926 г. – 9, к октябрю 1926 г. – 11. Сводный баланс всех открытых ОВК на 1 апреля 1926 г. составил 803,9 тыс. рублей. Самым крупным по доле баланса было старейшее Пермское ОВК (в 1926 г. – 28,8 %; в 1927 г. — 34 %). К началу 1927 г. в число сильнейших выбивается и Свердловское ОВК (в 1927 г. – 23 %) ⁹⁰⁰. Наиболее слабыми были Тобольское и Верхнеуральское общества.

⁸⁹⁹ А. Л. М. ОВК. С. 104.

⁹⁰⁰ Налетов Н. Частный банк на Урале (ОВК) // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 135.

При разработке проекта Устава Пермского ОВК предполагалось, что основными источниками средств, необходимых для развития деятельности, будут являться капиталы, привлеченные на текущие счета и вклады. В «Объяснительной записке к проекту Устава Пермского общества взаимного кредита» отношения будущего общества с государственным банком характеризовались следующим образом: «Влияние государственного банка на операции ОВК, в смысле единства банковской политики, будет проведено путем переучета обязательств в госбанке и хранения свободных средств на текущем счете в том же банке»⁹⁰¹.

Очевидно, что разработчики проекта Устава планировали обойтись без кредита в государственном банке, рассчитывая на приток средств со стороны тех, для кого и организовывалось общество – торговцев и промышленников. В процессе работы ОВК эти надежды не оправдались. Уже 26 апреля 1925 г. в президиуме секции частной торговли и промышленности при Пермской товарной бирже один из представителей Пермского ОВК заявил, что он «находит необходимым теперь же возбудить ходатайство перед госбанком об увеличении капитала ОВК, на предмет удовлетворения частных торговцев кредитом, и настаивает на том, чтобы секция энергичнее поддерживала это ходатайство»⁹⁰². В ответ на это члены секции заявили, что «есть официальное уведомление от госбанка в ОВК о том, что деньги могут быть отпущены обществу при условии, если оно при кредитовании будет взимать заранее установленный процент, и, если торговцы будут согласовывать свои цены на товары с ценами Окрвноторга»⁹⁰³. Эта позиция государственного банка была предопределена политикой государства по отношению к частному капиталу и резко отличалась от позиции, выраженной в 1922 г., когда при обсуждении проекта Устава Пермского ОВК представители госбанка заявляли о готовности оказывать обществу содействие в его работе без выдвижения особых условий.

Протоколы заседания Совета Свердловского ОВК отражают процессы, аналогичные протекавшим в Перми. На заседании Совета 15 декабря 1925 г. было принято решение: «<В связи> со сжатием банковского кредита и испытываемыми обществом временными финансовыми трудностями, разослать группе наиболее отзывчивых членов общества циркулярные письма, призывающие их оказать поддержку путем внесения на текущие счета в обществе свободной наличности, чтобы общество имело возможность непрерывного и полного удовлетворения в кредите основной клиентуры»⁹⁰⁴.

Видимо, эта мера не принесла желаемого эффекта, так как 3 января 1926 г. Совет, рассмотрев баланс на 1 января 1926 г., постановил: «Активные операции за декабрь понизились

⁹⁰¹ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 22 об.

⁹⁰² ГАПК. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 41. Л. 39 об.

⁹⁰³ ГАПК. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 41. Л. 40.

⁹⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 96. Л. б/н.

за отсутствием оборотных средств. Совет берет на себя инициативу по объезду клиентов общества для привлечения вкладов на текущие счета»⁹⁰⁵.

Проблемы дефицита средств не избежало и Тюменское ОВК. Его открытие было запланировано на апрель 1926 г., но уже 27 февраля организационное бюро Тюменского ОВК направило заявление в тюменское отделение государственного банка с просьбой об оказании финансовой помощи: «Для нормального ведения работ Обществу крайне необходим кредит, ввиду чего не имея возможности в настоящий момент представить Вам все требуемые документы по открытию кредита, просим Вас не отказать при составлении плана банковского кредитования на третий квартал включить в него возможный, по Вашему мнению, кредит Тюменскому обществу взаимного кредита и, надеемся, Тюменское отделение государственного банка, зная благожелательное отношение ко вновь открываемому обществу со стороны административных органов, торгово-промышленных госорганов, кооперации и других кредитных учреждений, окажет возможную нам в этом поддержку»⁹⁰⁶.

Или столь любезное обращение осталось без ответа, или выделенная на кредит сумма была недостаточной, но, чтобы привлечь необходимые капиталы, в мае 1926 г. Правление Тюменского ОВК обратилось в Биржевой комитет с просьбой открыть в обществе текущий счет. Эта просьба была основана на решении Биржевого комитета распределить свои свободные средства между всеми местными банками⁹⁰⁷.

В отчете правления Тюменского ОВК за 1926–1927 операционный год отмечалось: «Временами сильное падение текущих счетов, временами жесткая политика госбанка, хотя для этого с нашей стороны не было никаких поводов, создавало много тяжелых моментов в прошедшем году. Сейчас мы держим большие средства в госбанке, не имея от него ни копейки. Надо признаться, что значительную помощь нам оказывал Промбанк. Не в обиду присутствующим надо сказать, что доля вины за слабые текущие счета падает на членов, не хотевших понять, что не следует держать ни одной лишней копейки в кармане»⁹⁰⁸.

Наличие средств на текущих счетах на момент отчета правление объясняло тем, что «удалось привить членам привычку держать деньги не в кармане, а в своем банке, что одновременно указывает на все увеличивающееся доверие к обществу»⁹⁰⁹. Появление такой привычки, видимо, отчасти можно объяснить и разного рода преимуществами, о которых упомянуто в отчете, но в чем эти преимущества состояли, не указывалось.

⁹⁰⁵ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 96. Л. б/н.

⁹⁰⁶ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

⁹⁰⁷ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

⁹⁰⁸ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁹⁰⁹ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

В Свердловском ОВК за 1927/28 г., по протоколам Ревизионной комиссии, было произведено две проверки, в которых отражено состояние вкладов и текущих счетов членов общества.

Первая проверка прошла в начале февраля, и в акте ревизии, составленном 7 февраля 1928 г., говорилось: «Текущие счета на первое февраля 1928 г. по отношению к 1 октября 1927 г. снизились на 49 %. Это снижение объясняется уплатой по подписке на заем индустриализации, уплатой налогов и уравнительных сборов»⁹¹⁰. Количество срочных вкладов достигало 5, а их сумма по сравнению с 1 октября 1927 г. увеличилась на 22 %. Количество бессрочных вкладов достигало 4 и по сравнению с 1 октября 1927 г. увеличилась на 60 %⁹¹¹.

Вторая проверка состоялась в июне. По сравнению с результатами предыдущей ревизии число срочных вкладов не изменилось, а их сумма выросла на 27 %; число бессрочных вкладов снизилось до 2, а их сумма сократилась на 41 %. Что касается текущих счетов, то их общая сумма сократилась на 13 %⁹¹².

Из этих данных видно, что общая тенденция привлечения капиталов в Свердловском ОВК на 1927–1928 г. выглядит примерно так: объемы средств на текущих счетах постоянно сокращались, на срочных вкладах – увеличивались, а на бессрочных – то резко росли, то снижались. Так как в документах нет упоминания о том, что Свердловское общество пользовалось кредитом, подобно Тюменскому, в каком-либо другом банке, кроме государственного, то можно предположить, что оно имело недостаток в оборотных средствах. Возможно, именно с действием этого фактора связано то, что в составе членов общества в указанном хозяйственном году стало резко возрастать число кустарей и ремесленников. Как правило, эта категория нуждалась в краткосрочном небольшом кредите, что вполне соответствовало возможностям Свердловского ОВК.

Ситуация в Пермском ОВК была значительно лучше, чем в Свердловском. В докладе правления общества по отчету за 1928/29 г., несмотря на то, что именно в этом году произошел переход на новый Устав, и общество лишилось значительного числа своих членов, присутствуют следующие данные о состоянии вкладов и текущих счетов. «Количество текущих счетов на 1 октября 1928 г. было 562, а на 1 октября 1929 г. 503. Из них членам общества принадлежит 275 счетов, а посторонним лицам 228»⁹¹³. Появление в обществе текущих счетов посторонних лиц, по-видимому, было новым способом привлечения средств, который очевидно противоречил прежней практике. Еще в 1925 г. в президиуме секции частной торговли и

⁹¹⁰ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 93. Л. б/н.

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² Там же.

⁹¹³ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. 56 об.

промышленности при Пермской Товарной бирже представитель Пермского ОВК специально подчеркивал, что «общество не может кредитовать не членов ОВК»⁹¹⁴.

Динамика финансовых показателей деятельности ОВК. Динамика привлечения средств выглядела следующим образом: с октября 1928 г. объемы средств на текущих счетах снижались, а с февраля 1929 г. начали постепенно расти, но в октябре 1929 г. уровня октября 1928 г. так и не достигли. Вклады же, наоборот, до февраля 1929 г. увеличивались, а после пошли на убыль⁹¹⁵.

На протяжении всего периода существования уральских ОВК привлечение средств было для них сложной задачей по причине как региональной специфики, так и политики государства по отношению к обществам, направленной на мобилизацию частных капиталов путем постепенного сокращения их кредитования государственным банком. Основной задачей, которую ставили перед ОВК их клиенты, было улучшение условий кредитования. Но у разных социальных категорий требования были разные. Поскольку в уральских ОВК преобладали розничные торговцы, кустари и ремесленники, то обществам приходилось ориентироваться на их потребности.

4 декабря 1925 г. валютный отдел НКФ РСФСР через бюро ОВК сообщал комитету рыночных торговцев города Тюмени: «Для утверждения устава Тюменского ОВК учредителям Общества необходимо представить в валютный отдел НКФ РСФСР заявление о согласии их понизить указанный в параграфе 5 устава минимальный размер кредита, допускаемого отдельному члену Общества, до 100 рублей, вместо предусматриваемых Вашим уставом 200 рублей. Требования такого рода предъявляются в настоящее время валютным отделом по отношению всех новых ОВК и имеют целью содействовать вступлению ОВК более широкого круга населения»⁹¹⁶.

Не имея финансовой поддержки со стороны государственного банка, Тюменское ОВК вынуждено было начать свою деятельность с ограничения сумм выдаваемых кредитов, что и было сделано на заседании Совета 12 апреля 1926 г. От запрашиваемой суммы кредита клиенту выдавали лишь определенный процент, например, «со 100 до 200 руб. – 50 %; с 200 до 500 руб. – 40 %; с 500 до 2500 руб. – 30 %»⁹¹⁷. Увеличивали эту сумму на 10 % только тем, кто открывал текущий счет в обществе, что служило стимулом для привлечения капиталов. На том же заседании были определены сроки кредитов, которые зависели от предоставляемых сумм: «от 100 до 200 руб. на 60 дней; от 200 до 500 руб. на 45 дней; от 500 до 2500 на 30 дней»⁹¹⁸.

⁹¹⁴ ГАПК. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 41. Л. 39.

⁹¹⁵ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. 57.

⁹¹⁶ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.

⁹¹⁷ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁹¹⁸ Там же.

Вопрос о сумме кредита рассматривался и на заседании Совета Свердловского ОВК 5 августа 1926 г. Совет постановил «поручить Председателю Правления возбудить ходатайство через бюро ОВК к НКФ об увеличении минимального кредита членам общества со 100 руб. до 250, а максимальный увеличить в 50 раз»⁹¹⁹.

Размер минимального кредита был важен потому, что, увеличивая его в 25 раз, общества получали ту максимальную сумму, которую они были вправе выдавать в качестве кредита своим клиентам. По идее, каждое общество должно было само определять минимальную сумму кредита, но реально эта прерогатива принадлежала НКФ.

Интересно отметить, что перед отчетом правления Тюменского ОВК за 1926/27 г. был сделан доклад Совета общества, в котором предлагалось основать Фонд вспомоществования нуждающимся членам общества⁹²⁰ и отчислить на его организацию 700 руб. К сожалению, мы не располагаем информацией о том, чем именно занимался этот фонд, но, судя по названию, можно предположить, что его задачей было предоставление дополнительных кредитов членам общества. По крайней мере, долго этот фонд не просуществовал. Уже в 1928 г. НКФ РСФСР в обращении к Тюменскому ОВК постановил, что «в дальнейшем всякие отчисления в упомянутый выше фонд, с закрытием его, должны быть прекращены, так как взаимопомощь в такой форме не входит в задачу ОВК»⁹²¹. Контроль за выполнением данного распоряжения был возложен на Уральский ОблФО.

Аналогичный фонд был создан и в Пермском ОВК. Данный факт может косвенным образом свидетельствовать о корпоративной солидарности, о ситуации, при которой все участники чувствовали некую общность и стремились к взаимопомощи. Однако не следует исключать варианта, при котором данный фонд являлся легальным способом перераспределения ресурсов в пользу не столько нуждающихся, сколько наиболее экономически активных членов, так как создавал возможности для дополнительного льготного кредитования.

В протоколах ревизионной комиссии Свердловского ОВК присутствуют материалы обследования деятельности общества за октябрь 1927 г. К сожалению, в акте обследования деятельности ОВК за 29 октября 1927 г. не указано, какой именно надзорный орган проводил проверку, но, судя по характеру документа, можно предположить, что это не ревизионная комиссия самого общества. По результатам этой ревизии был выявлен ряд нарушений: «Учет векселей правлением производится с нарушением параграфа 60 устава без предварительного рассмотрения предъявляемых к учету векселей приемным комитетом. Так с 24 по 27 октября

⁹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 96. Л. б/н.

⁹²⁰ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁹²¹ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 22. Л. 38.

проведено 15 учетов – приемный комитет при очередных заседаниях лишь санкционирует учет векселей своими подписями на реестрах»⁹²².

По-видимому, в случаях таких нарушений Устава члены приемного комитета располагали некоторой информацией о кредитоспособности векселедателя и для сокращения времени на процедуру учета векселя не утруждали себя его рассмотрением. «При просмотре лицевых счетов членов ОВК по учету векселей замечено нарушение параграфа 5 устава допущением кредитования отдельных лиц свыше установленного открытого кредита, а именно при кредите 2500 руб. задолженность Янченко Ф. В. составляла 3 ноября 1926 г. – 2698; 9 декабря 1926 г. – 2755; 11 декабря 1926 г. – 3269; 14 декабря – 3718; 17 декабря – 2615; 28 января 1927 г. – 2983; 22 февраля 1927 г. – 2669; 4 марта 1927 г. – 2902 рубля. По счету Книппис Б. Г. при кредите в 2500 руб. задолженность составляла 24 декабря 1926 г. 2842; 1 января 1927 г. – 2744; 4 января 1927 г. – 2836; 21 января 1927 г. – 3027 руб.»⁹²³.

И последнее нарушение, допущенное при осуществлении товаро-ссудных операций: «Обращает на себя внимание выданная 25 ноября 1926 г. ссуда Замятину П. Ф. на 2500 рублей под залог яблок, которые являются скоропортящимся товаром, что противоречит параграфу 19 устава. Ссуда прикрыта путем продажи яблок с торгов»⁹²⁴.

Несмотря на результаты предыдущей ревизии и указания по устранению недостатков в работе Свердловского ОВК, которые наверняка были ему предъявлены, ревизия валютного управления Уральского ОблФО, проведенная в апреле 1929 г., выявила аналогичные недочеты в деятельности общества. Они были перечислены в обращении Уральского ОблФО к Свердловскому ОВК в мае 1929 г.: «Допущение к учету векселей с поручительством лиц, использовавших полностью свой лимит по прямому кредитованию, в том числе членов правления, на столь значительную сумму, что ответственность таких лиц перед обществом достигает размеров, вдвое превышающих открытые им кредиты. Кроме того, установлено превышение в отдельных случаях, установленных параграфом 5 устава, предельных норм кредита для членов ОВК»⁹²⁵.

В ответ на это Свердловское ОВК в письме Уральскому ОблФО от 3 июля 1929 г. дало некоторые объяснения: «Общество считает, что задолженность клиентов по поручительству, так же как их задолженность по векселедательству в лимит открытого кредита не входит. При учете таким членам векселей как правление, так и приемный комитет нашего общества строго учитывает кредитоспособность каждого члена общества»⁹²⁶.

⁹²² ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 93. Л. б/н.

⁹²³ Там же.

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 94. Л. б/н.

⁹²⁶ Там же.

Эти нарушения не носили экстраординарного характера, но они демонстрируют гибкость и индивидуальный подход при выдаче кредитов различным клиентам. Принципы коммерческого расчета ставились выше соблюдения процедур, при этом нарушения не были направлены на дезорганизацию деятельности ОВК, хотя, возможно, они и преследовали личные интересы.

В процессе обсуждения проекта нового Устава, переход на который был осуществлен 14 июня 1929 г., Совет Свердловского ОВК особое внимание уделил новому порядку установления размера кредита. Новый Устав предусматривал, что максимальный и минимальный кредиты будут зависеть не друг от друга, как прежде, а от наименьшего и наибольшего размера членских взносов. Теперь максимальный кредит, открываемый члену общества, должен был равняться его членскому взносу, умноженному на 10. Установление размеров наименьшего и наибольшего членских взносов по-прежнему находилось под контролем НКФ. Поэтому Совет Свердловского ОВК на заседании 5 декабря 1928 г. постановил: «Наименьший размер членского взноса установить в 25 руб. Принимая во внимание то обстоятельство, что по новому Уставу максимальный открытый кредит будет зависеть от размера наивысшего членского взноса и, так как существующий максимальный кредит в 2500 рублей для города Свердловска, как промышленного центра Урала, нельзя считать высоким и достаточным для удовлетворения нужд даже мелких ремесленников и кустарей – установить наибольший членский взнос в размере 500 руб., о чем возбудить ходатайство перед НКФ РСФСР»⁹²⁷.

Существенным ударом по ОВК был отказ им в кредите со стороны госбанка. 13 июня 1929 г. на заседании Совета Свердловского ОВК наряду с проблемами, связанными с переходом на новый Устав, обсуждались будущие действия общества в связи с закрытием его кредита в государственном банке. Совет постановил, что «Общество должно принять все меры, зависящие от него, к увеличению собственных средств, в частности, к увеличению вкладов на текущие счета»⁹²⁸. Видимо, одним из способов увеличения текущих счетов стало их открытие не членам общества, которое впервые упоминается в акте ревизионной комиссии от 29 июня 1929 г.⁹²⁹ Закрытие кредита в государственном банке, слабое развитие текущих счетов и вкладов, несмотря на все принятые меры, предопределило решение Совета Свердловского ОВК о его ликвидации.

Итак, главной проблемой членов уральских ОВК был дефицит капитала, и основной задачей общества в целом являлось его преодоление. Для этого уральским ОВК приходилось идти на нарушения уставов, постоянно выявлявшиеся государственными органами при

⁹²⁷ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 98. Л. б/н.

⁹²⁸ Там же.

⁹²⁹ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 94. Л. б/н.

проведении ревизий. В такой ситуации было невозможно обеспечить всех клиентов обществ требуемыми суммами, так как, во-первых, это создавало определенный риск для существования самих обществ, а, во-вторых, эти средства требовалось изыскать.

Основным кредитором всех ОВК выступал госбанк. Но уже в 1926/27 г. постепенно начинается ослабление их зависимости от банков. Удельный вес банковских займов резко снизился – с 33 до 19 %⁹³⁰.

Уменьшение вкладных и учетно-ссудных операций частных лиц в уральские государственные и кооперативные банки было незначительным, так как они имели свою устойчивую клиентуру, и лишь часть ее поддавалась влиянию ОВК. Привлечение денежных средств в основном шло за счет мобилизации новых, не задействованных ранее ресурсов. Именно это позволило банкам расширить кредитование частных хозяйств в соответствии с их возросшими потребностями, переложив при этом лишь часть функций по кредитованию на ОВК.

Основную массу членов обществ составляли торговцы-розничники, кустари и ремесленники. Они являлись базовым элементом в ОВК как по количеству, так и по удельному весу в проведенных операциях. Удельный вес наиболее зажиточных торгово-промышленных групп – представителей оптово-розничной торговли и промышленности – был невелик (8,1 %). Однако они интенсивнее, чем другие социальные группы, участвовали в обороте средств обществ и получали значительную долю ссуд (39,7 % по данным 1925/26 г.)⁹³¹.

На первом месте по размерам кредитования ОВК стояли пищевая, торговая и кожевенная промышленность. Менее всего кредитовались хлебофуражная, деревообрабатывающая и лесная промышленность.

Считаем необходимым отметить, что в сводном балансе всех ОВК СССР уральские общества занимали незначительное место — всего порядка 4,1 %⁹³². Столь ничтожный их вес объяснялся слабым развитием частного оптового оборота на Урале по сравнению с Союзом.

Размеры привлеченных средств, количество клиентов – эти показатели весьма важны, но в кризисных условиях роль ОВК была намного выше, чем об этом свидетельствовали статистические показатели. Взаимообусловленность всех элементов экономического механизма наглядно показана в работах 1920-х гг. Так, например, кризис сбыта 1923 г. объяснялся негативным влиянием частного капитала, что повлекло за собой санкции по отношению к нему, в том числе усиление налогового пресса и резкое сокращение кредита. В поисках денежных ресурсов частник обратился к ОВК, что и вызвало бурный рост последних. По мнению одних

⁹³⁰ Налетов Н. Частный банк на Урале (ОВК). С. 132.

⁹³¹ А. Л. М. ОВК. С. 107.

⁹³² Налетов Н. Частный банк на Урале (ОВК). С. 135.

исследователей, ОВК сыграли роль буфера, сгладили денежный дефицит, взяли на себя основные риски по кредитованию частника⁹³³. Напротив, А. А. Дезен, например, считает, что ОВК со своей задачей не вполне справились, в результате произошло дальнейшее свертывание торговой деятельности⁹³⁴.

Приведем еще пример роли ОВК в финансовой сфере. При реализации государственных займов необходимо было ориентироваться на стоимость кредита на черном рынке. В свою очередь, конкурентом ростовщиков выступали ОВК. Расширение предложения со стороны последних автоматически приводило к снижению процентов по кредитам на черном рынке. Деятельность ОВК, которая регулировалась государством, позволяла сократить теневой денежный оборот, сделать его более прогнозируемым, давала возможность проводить более взвешенную эмиссию облигаций, укрепляло положение червонца.

Появление ОВК на кредитном рынке можно сравнить с кооперированием единоличных хозяйств в деревне. В обоих случаях кооперирование населения рассматривалось как шаг вперед по сравнению с частным, единоличным ведением хозяйства. И если государственный банк и ряд спецбанков олицетворяли собой государственно-капиталистический уклад (о различных трактовках этой категории мы уже говорили выше), то ОВК и ссудо-сберегательные товарищества – кооперативный уклад в кредитной системе государства. Именно на таком определении места ОВК настаивали сами члены обществ. Однако, по своему социальному составу ОВК относились к частнопредпринимательскому укладу и на этом основании органы государственной власти отказывалась им в поддержке, на которую могла рассчитывать кооперация. Отметим, что по сравнению с производственной и потребительской кооперацией ОВК в меньшей степени поддавались огосударствлению, что, в конечном итоге, и предопределило их судьбу. Многоукладность экономики – характерная черта нэпа. Она охватывала как процессы производства и распределения, так и кредитования. Вполне естественно, что в отношении последнего государство традиционно выступало естественным монополистом по целому ряду характеристик.

Социальный состав ОВК. В материалах ОВК большое внимание уделялось социальному составу участников. Отмеченная нами противоречивость в оценке классовой составляющей ОВК – «общественные по форме, но частные по содержанию» – проявлялась и в политике властей по регулированию социального состава участников кредитной кооперации.

В составе членов ОВК доминирующую роль играли торговцы. Этот тезис является бесспорным. Учитывая, что в торговлю были вовлечены широкие массы населения, изучение

⁹³³ Фридман С. Л. Частный капитал на денежном рынке. С. 39.

⁹³⁴ Дезен А. А. Финансовые проблемы частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1927. С. 171–172. Обращает на себя внимание, что А. А. Дезен рассматривает не финансовые проблемы частного капитала, а проблемы, возникающие у государства в связи с ним.

деятельности профессионалов имеет особое значение. В этой связи анализ социального состава ОВК полезен по той причине, что документы этих обществ для обеспечения возвратности кредитов давали максимально объективную оценку своим заемщикам. Решение о выдаче, либо отказе в предоставлении денежных ресурсов принималось коллегиально и взвешенно. Одним из условий получения кредита было участие в ОВК, внесение установленного пая в фонд общества, отсутствие задолженностей, а также надежная репутация, включающая в себя и оценку профессиональных навыков.

Идеологически ангажированная власть и классово-ориентированный подход в решении самых разнообразных, в том числе налоговых проблем предопределял стремление граждан к занижению (как вариант – пролетаризации) своего социального статуса, как настоящего, так и полученного в наследство из прошлой, дореволюционной жизни. Подтверждением тому могут служить личные дела «лишенцев», по которым можно судить, что крестьяне-середняки стремились относить свои хозяйства к категории бедняцких, а торговцы пытались выдать свой бизнес за сбыт кустарной продукции собственного изготовления. Эти дефекты массовых источников частично устранимы при анализе материалов ОВК.

Общества взаимного кредита рассматривались не только в качестве элемента кредитной системы, но и как инструмент воздействия на определенные социальные группы, как организация, призванная решать коммерческие задачи с учетом интересов государства. Поэтому вполне закономерна политика государства, которое стремилось регулировать не только финансовую деятельность ОВК, но и их социальный состав.

Пермское ОВК. При рассмотрении проекта Устава Пермского ОВК на организационном собрании, состоявшемся в 1922 г., в «Объяснительной записке к проекту Устава Пермского общества взаимного кредита» было заявлено следующее: «<ОВК будет> представлять собой определенный круг лиц, взаимно заинтересованных в развитии его операций, опираясь на самоуправление своих членов, несомненно, завоеует широкое доверие своего слоя и привлечет капиталы в виде вкладов и текущих счетов, и отсюда будет проводником возрождения промышленности и торговли, выдавая краткосрочные ссуды под учет вексельных операций и разных ценностей, тем самым способствуя торговле»⁹³⁵.

Можно предположить, что под определенным кругом лиц, которые в первом параграфе проекта Устава определялись как «занимающиеся коммерческой деятельностью», в этом случае подразумевались более или менее крупные предприниматели: оптовые торговцы и владельцы предприятий. Хотя в той же «Записке» давалось пояснение, что «наряду со средним промышленником и торговцем, совершенно свободно может пользоваться кредитом и

⁹³⁵ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

занимающийся мелким хозяйством, вырабатывающий продукт производства на рынок»⁹³⁶. При обсуждении проекта Устава выяснилось, что «Комиссия при разработке Устава ставила себе вопрос о выдаче ссуд известной части общества и не думала принимать на себя задачу объять необъятное»⁹³⁷. В итоге разработчики проекта Устава заявили: «Да мы и не скрываем, что будущее общество предполагает обслуживать главным образом деятельность торгово-промышленной жизни, так как полагаем, что задачи более мелкого кредита остаются за кредитными и ссудо-сберегательными обществами или кассами»⁹³⁸.

Такая позиция со стороны учредителей ОВК вызвала некоторое недовольство представителей отделения государственного банка, присутствовавших на совещании. Они в свою очередь отмечали, что «назначение этих обществ – разгрузить работу госбанка и дать возможность более широкому кругу лиц воспользоваться кредитом»⁹³⁹ и предлагали расширить операции вновь открываемого общества, чтобы его членами могли состоять «не только коммерсанты, но и служащие различных учреждений и мелкие собственники»⁹⁴⁰, а иначе оно будет иметь «уклон в сторону торгово-промышленного класса»⁹⁴¹. Эти возражения со стороны представителей отделения государственного банка не помешали при голосовании единогласно принять первый параграф в первоначальной редакции.

К сожалению, мы не имеем точных сведений о том, был ли первый параграф проекта Устава Пермского ОВК утвержден именно в таком виде, в каком проголосовали за него, или же нет. Но можно предположить, что некоторые уступки со стороны власти были сделаны, потому что его разработчики заявляли, что учли требования к границам деятельности ОВК, опубликованные в «Экономической жизни» и «Известиях ВЦИК»⁹⁴². Об этих уступках в какой-то мере может свидетельствовать и «Список учредителей Пермского общества взаимного кредита», который предположительно был составлен уже после организационного собрания, так как именно на нем было принято решение изменить название общества с «Пермского Промышленно-коммерческого общества взаимного кредита» на «Пермское общество взаимного кредита».

При анализе «Списка учредителей» Пермского ОВК видим, что из 51 учредителя 26 были торговцами, причем все – с дореволюционным стажем. У 19 человек нет указаний на род деятельности, которой они занимались до и после 1917 г. Один из 26 – бывший крупный коммерсант, еще двое были до революции владельцами магазинов (оптического и

⁹³⁶ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 22 «а».

⁹³⁷ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 16 об. – 17.

⁹³⁸ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

⁹³⁹ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 16 об.

⁹⁴⁰ Там же.

⁹⁴¹ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

⁹⁴² Там же.

писчебумажного) и возобновили свою деятельность в 1920-е гг. Один, бывший владелец мельницы, занимался торговлей и поставками хлеба, еще один был торговым агентом, а двое – членами Торгового товарищества.

13 из 51 учредителя были служащими, в большинстве своем государственными: агент государственных хозяйственных предприятий, заведующий хозяйственными заготовками Лесотреста, служащий Горнозаводского треста, представитель Главхима, агент Госстраха и т. д. Интересно отметить, что двое из них до 1917 г. имели опыт работы в ОВК.

Пятеро были членами различных товариществ, например, товарищества «Уралпенька», Товарищества технической конторы, «Хлебопек» и т. д.; трое были предпринимателями, возобновившими свою деятельность в годы нэпа: лесопромышленник, владелец столярной мастерской и владелец лесопильного завода; были также три банковских деятеля и один владелец прачечного заведения⁹⁴³.

Принятие новой редакции устава существенно повлияло на социальную структуру обществ. Пермское ОВК перешло на новый Устав 26 марта 1929 г. В докладе Правления общества по отчету за 1928/29 г. Совету Пермского ОВК говорилось: «Переход с 26 марта на новый Устав, который лишил значительную группу служащих и рабочих, в подавляющем большинстве домовладельцев, права быть членами общества; ограничение района деятельности пятью городами также вызвало выход членов, а всего в согласовании с требованием нового Устава выбыло 187 чел.»⁹⁴⁴.

По данным на 1 октября 1928 г. всего в обществе состояло 493 человека. При таком резком сокращении клиентуры необходимо было дать возможность выбывшим выполнить свои обязательства перед обществом. В докладе отмечалось, что «коммерческая клиентура выполнила свои обязательства в срок и аккуратно, без каких-либо потерь для общества. Что же касается рабочих и служащих, то, входя в их положение, пришлось дать им целый ряд льгот и рассрочек, в некоторых случаях довольно длительных»⁹⁴⁵.

Динамика социального состава членов общества за 1928/29 г. выглядела следующим образом. Кустарей и ремесленников выбыло 40 чел., вступило 71, розничных торговцев выбыло 35, вступило 42, домовладельцев соответственно – 32 и 36, лиц свободных профессий 1 и 2. Равное число выбывших и вступивших – 1 чел. – было в категориях промышленников и оптово-розничных торговцев. Служащих и рабочих выбыло 175 чел., лиц без определенных занятий 33 и сельских хозяев – 2. Среди вновь вступивших в члены общества лиц этих социальных категорий населения не было⁹⁴⁶.

⁹⁴³ ГАПК. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 154. Л. 20–21.

⁹⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. 55.

⁹⁴⁵ Там же.

⁹⁴⁶ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. 56 об.

«В результате получается, что уменьшение произошло, главным образом, за счет служащих и рабочих, а увеличение дали: кустари и ремесленники – 31, розничники – 7 и домовладельцы – 4, причем, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что выбывшие 40 кустарей имели членский взнос в среднем 84 руб., а 25 розничников – 70 руб., вступившие же 71 кустарь и ремесленник имеют средний членский взнос 53 руб. и 42 розничника – 49 руб., что указывает на изменение характера состава членов в пользу мелких за счет крупных»⁹⁴⁷.

Свердловское ОВК. Нам не удалось найти сведений о процессе обсуждения проекта устава общества, где могла идти речь о круге лиц, имеющих возможность получить кредит и состоять членом Свердловского ОВК. Учитывая тот факт, что с весны 1925 г. по всей стране стала проводиться новая политика по отношению к частному капиталу с целью его использования в интересах социалистического строительства, можно предположить, что готовность власти идти на компромисс несколько ослабла. Поэтому Свердловскому ОВК, открытому в конце лета 1925 г., пришлось принять условия валютного отдела НКФ, изложенные в обращении к бюро ОВК «О желательном направлении деятельности обществ взаимного кредита» от 13 марта 1925 г.⁹⁴⁸

Как этот документ повлиял на социальный состав Свердловского ОВК, сказать сложно, хотя мы располагаем сведениями о гражданах, состоявших членами общества в 1925/26 г. Данные о членах ОВК содержатся в справках о кредитоспособности, которые предоставлялись Кредит-бюро и опубликованы Р. А. Хазиевым⁹⁴⁹.

Приведем пример портрета члена Свердловского ОВК, который содержится в досье, составленном специалистами Урало-Сибирской конторы Кредит-бюро. «Соркин Рафаил Евелевич. г. Свердловск, Зеленой рынок. (42 лет, семейный, в прошлом служащий кожевенного предприятия) ...настоящее дело открыл в 1923 г. ...выбирая патент 3 разряда на свое имя. На такую же сумму у Соркина Р. Е. ...имеется в настоящее время товаров. Оборот за второе полугодие истекшего операционного года составил ...18 тыс. руб. ... В январе 1926 г. оборот составил 2 тыс. руб., а в феврале ожидается 3 тыс. руб. Накладные расходы достигают 7–8 % к обороту. Товары Соркиным Р. Е. закупаются, главным образом, в Кожсиндикате за наличный расчет... при принудительном ассортименте. Юфь он приобретает у местных кустарей, а сапоги частично за наличный расчет, частично путем товарообмена. Кроме того, Соркин Р. Е. работает с некоторыми организациями в Москве и Минске. В местном ОВК

⁹⁴⁷ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. 56 об.

⁹⁴⁸ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

⁹⁴⁹ «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003. 312 с.

Соркину Р. Е. открыт кредит до 2500 рублей, который он использует полностью, в силу значительности учетного процента. Сведений о неаккуратности в платежах не поступало»⁹⁵⁰.

По материалам «Журнала протоколов заседаний Приемного Комитета Свердловского ОВК» нам удалось восстановить примерный социальный состав лиц, принятых в члены общества в 1926/27 г.

Среди принятых в члены общества за этот период преобладали торговцы (39 чел.). В материалах нет указания на то, какую именно торговлю они вели, оптовую или розничную, и не указаны разряды их патентов. С формулировкой рода деятельности «торговля» за 1926/27 хозяйственный год было принято 9 чел.; еще 9 чел. было связано с торговлей пищевыми продуктами – мясом, сыром, хлебом, бакалеей; 9 чел. занимались продажей конкретных товаров – игрушек, мебели, обуви, бумаги и т. д. Пятеро из 39 торговали мануфактурой, трое – железными изделиями и столько же галантереей, один занимался кожевенной торговлей.

На втором месте по роду деятельности стояли владельцы предприятий и кустари-ремесленники, которых было принято соответственно по 15 человек. Среди владельцев предприятий были собственники: штемпельной мастерской, хлебопекарни, обойной мастерской, фанерного завода, производства шерсти и ваты, картонажной мастерской и т. д. Среди второй категории большинство было записано как «кустарь» без конкретного указания сферы деятельности, но встречаются кузнецы, сыровары, экипажный мастер, сундучный мастер и т. д.

Семеро, принятых в члены общества, были заняты в сфере оказания услуг: содержатели номеров, фотографы, лодочные перевозчики и лица, занимающиеся ломовым извозом. Пять человек были записаны как «служащие», а у четверых не указан род занятий⁹⁵¹.

По этим же материалам можно проследить эффективность действия распоряжения валютного управления НКФ СССР «О финансировании хлебных операций частных лиц и предприятий», распространенного бюро ОВК 1 января 1926 г. За 1926/27 г. Свердловское ОВК было вынуждено отказать в членстве и кредите пятерым из шести подавшим заявления торговцам хлебом и одному держателю мельницы⁹⁵². Несмотря на то, что Урал был районом, производившим зернопродукты, где было вообще запрещено финансирование мельниц, кредитование розничных торговцев хлебом допускалось при соблюдении двух условий – если они находились на учете органов Народного комиссариата внешней и внутренней торговли, и если кредит им предоставлялся не более чем на две недели. Видимо, этим условиям соответствовал только один из шести претендентов.

⁹⁵⁰ Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа. С. 113–114.

⁹⁵¹ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 91. Л. б/н.

⁹⁵² Там же.

По материалам Журнала протоколов заседания приемного комитета Свердловского ОВК за 1927/28 г. в социальном составе принятых в члены общества произошли некоторые перемены.

На первом месте по-прежнему остались торговцы – 35 человек. У тринадцати из 35 в графе «род занятий» указано просто «торговля», 12 чел. было связано с реализацией продуктов питания, причем не было ни одного торговца хлебом, а преобладала мясная и пивная торговля. Шесть человек занимались реализацией конкретных товаров – игрушек, трикотажа и чулок, уральских изделий и т. д., двое торговали кожей, столько же – железными изделиями.

На втором месте по числу принятых в члены общества (32 чел.), были кустари-ремесленники. У 12 из 32 не указано конкретной сферы деятельности, шестеро были портными, еще трое записаны как кустари-шапочники. Три человека были связаны с обработкой кож, было два столяра и два часовых мастера. По одному были представлены крендельщик, стекольщик, гравер по металлу и колесный мастер.

Далее следуют лица, занятые в сфере оказания услуг (11 чел.). Из них было шесть владельцев предприятий (например, предприятие по производству музыкальных инструментов, конфетное производство, картонажная фабрика), один служащий и пять человек без указания рода занятий. Наряду с перечисленными выше, кредитом в Свердловском ОВК стало пользоваться трудовое промышленное товарищество «Свой труд», которое занималось деревоотделочными работами⁹⁵³.

По результатам ревизии, проведенной 7 февраля 1928 г., социальный состав членов Свердловского ОВК выглядел следующим образом: розничные торговцы – 210 чел., кустари-ремесленники – 110, промышленники – 16, служащие и рабочие – 14, в категории «прочие» – 31 человек. Кроме того, членами Свердловского ОВК являлись одно государственное учреждение и одно кооперативное⁹⁵⁴. Среди торговцев в этот период членами состояли Петр Николаевич Суздальцев и Кузьма Исакович Хиенинсон, которые занимались торговлей подержанной мебелью. «Суздальцев П. Н. и Хиенинсон К. И. до открытия настоящего дела, существующего с апреля 1927 г., состояли участниками ликвидированной фирмы “Пример”. В виде складочного капитала обоими компаньонами было внесено по 2000 руб. В ОВК фирме предоставлен кредит до 2500 рублей, который используется не полностью. Неаккуратности в платежах не зарегистрировано и в местных торговых кругах о возможности кредитования предприятия в пределах 1500–2000 руб. высказываются благоприятно»⁹⁵⁵.

В 1928/29 г., судя по материалам «Журнала протоколов приемного комитета Свердловского ОВК», произошел кардинальный сдвиг в социальном составе вновь принятых членов. Если

⁹⁵³ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 91. Л. б/н.

⁹⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 93. Л. б/н.

⁹⁵⁵ Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа. С. 249.

прежде на первом месте находились торговцы, то теперь на первый план выдвинулись кустари-ремесленники (22 чел.). Среди них 9 чел. записаны без конкретизации сферы деятельности, трое были заняты в колбасном производстве, столько же было сапожников, кроме того – два гранильщика, один мастер по переплету, часовой мастер, ювелир и музыкальный мастер. Далее следуют 15 торговцев, 10 чел. занятых в сфере услуг, 5 человек не имеющих указания на род деятельности, трое владельцев предприятий, один служащий и кустарное предприятие по переработке кожсырья «Свободный труд»⁹⁵⁶.

Записи в «Журнале протоколов заседаний приемного комитета Свердловского ОВК» за этот операционный год заканчиваются 8 июня 1929 г., а 14 июня того же года Свердловское ОВК переходит на новый устав, утвержденный НКФ РСФСР 28 мая 1929 г.

По материалам приемного комитета прослеживается тенденция увеличения числа членов за счет торговцев и кустарей-ремесленников. Судя по тому, что количество лиц тех категорий, которым по новому Уставу было запрещено вступать в ОВК, служащих и рабочих, невелико, делаем вывод о том, что значительных изменений в социальном составе Свердловского ОВК не произошло. К тому же по результатам ревизии, проведенной в апреле 1929 г., областной финансовый отдел рекомендовал: «При составлении планов оперативной работы на будущее время иметь в виду необходимость направления кредитных средств Общества на обслуживание мелкой производственной клиентуры, торговли, домовладельцев, застройщиков»⁹⁵⁷.

Тюменское ОВК. В заявлении организационного бюро Тюменского ОВК в Тюменское отделение государственного банка от 27 февраля 1926 г. четко говорилось, что «цель общества заключается в развитии мелкой кустарной промышленности (кустарей одиночек) и поддержке здоровой частной торговли»⁹⁵⁸. Под здоровой частной торговлей, видимо, следует понимать мелких розничных торговцев при практически полном отсутствии оптовиков. И действительно, если посмотреть на социальный состав правления, совета и ревизионной комиссии Тюменского ОВК в 1926/27 г., то из 15 чел., входивших в состав всех трех вышеперечисленных органов управления, семеро являлись розничными торговцами, трое – служащими, двое – кустарями и столько же оптово-розничными торговцами, один – промышленником⁹⁵⁹. Если судить по «Отчету правления Тюменского ОВК за 1926/27 г.», то картина в принципе такая же. Большинство членов составляли розничные торговцы (166 чел.), далее шли кустари – 99, рабочие и служащие – 21, промышленники и сельские хозяева – соответственно по 10 чел.,

⁹⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 91. Л. б/н.

⁹⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 94. Л. б/н.

⁹⁵⁸ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

⁹⁵⁹ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

восемь оптово-розничных торговцев, два оптовых торговца и 13 человек в категории «прочие»⁹⁶⁰.

Очевидна динамика в социальном составе уральских ОВК. Если в 1922 г. главными клиентами Пермского общества были представители торгово-промышленных слоев населения, располагавшие некоторыми капиталами, то к 1925 г. появляется тенденция к увеличению числа розничных торговцев, кустарей-ремесленников и, несмотря на протесты профсоюзов и рекомендации валютного отдела НКФ, рабочих и служащих.

Необходимо учесть специфику Урала как региона, где частный капитал находился преимущественно в руках мелких производителей и торговцев, среди населения преобладали крестьяне, а в городах – рабочие промышленных и кустарных предприятий. Поэтому для развития своей деятельности уральские ОВК были вынуждены ориентироваться на существующую социальную структуру региона.

Переломным моментом для уральских обществ стал переход на новый устав, который окончательно определил их социальный состав. Так как в этот период государство проводило активную дискриминационную политику против частной торговли, а рабочим и служащим было запрещено вступать в члены обществ, то единственной сферой приложения своей деятельности уральские общества видели в привлечении в свои ряды кустарей-ремесленников и домовладельцев. Эта тенденция прослеживается на примере Пермского и Свердловского ОВК. В составе последнего, впрочем, еще до перехода на новый устав наблюдался некоторый перевес в пользу кустарей и ремесленников.

Таким образом, на социальный состав уральских ОВК влияло не только изменение политики государства и прямые административные запреты, но и отраслевая структура хозяйства региона.

Кредит-бюро как элемент инфраструктуры кредитного сектора. Как уже отмечалось, в 1920-е гг. финансово-кредитная система стремительно восстанавливалась, при этом рост количественных показателей опережал качественные характеристики деятельности кредитных учреждений. Так, в 1927 г. сеть кредитных учреждений оценивается как избыточная и нуждающаяся в реорганизации. Вопрос о рационализации кредитной сети был поднят в центральных органах. В ответе на запрос правления госбанка инспекция его Уральской краевой конторы рекомендовала сократить сеть кредитных учреждений. Делался вывод, что при таком положении сеть кредитных учреждений значительно бы оздоровилась⁹⁶¹.

Множественность кредитных учреждений и, как следствие, нездоровая конкуренция (в формулировке документов тех лет), порождала ряд проблем. Соперничество между

⁹⁶⁰ ГАТО. Ф. 238. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁹⁶¹ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 437. Л. 19.

кредитными учреждениями препятствовало обмену информацией о клиентах, в том числе недобросовестных. Возрастал риск невозврата кредитов. Много времени тратилось на выяснение подлинной кредитоспособности заемщика.

Эти обстоятельства привели к идее создания специализированного учреждения – кредитного бюро. Оно, являясь элементом финансово-кредитной инфраструктуры, брало бы на себя весьма значимые функции, которые в силу ряда причин не мог выполнять отдельное кредитное учреждение. Естественно, что возникновение подобной организации было возможно лишь при достижении определенного уровня развития товарно-денежных отношений и широкого распространения банковского кредита.

Помимо формирования досье и выдачи справок о кредитоспособности, Кредит-бюро аккумулировало информацию и выполняло функцию информационно-аналитического центра. Информационное поле Кредит-бюро включало в себя не только кредитные истории заемщиков, но и данные об экономической конъюнктуре (как на общесоюзном, так и региональном уровнях), содержало детальный обзор цен по различным товарам, категориям торговли и регионам, сосредоточивало сведения о тарифах на транспорте и многое другое. По нашему мнению, информационный потенциал материалов фондов Кредит-бюро в полной мере еще не использован.

Созданное первоначально как государственное предприятие (разработка проекта устава относится к январю 1922 г.) и подчинявшееся Наркомвнуторгу, Кредит-бюро было преобразовано в акционерное общество. Его устав был утвержден Советом труда и обороны 21 октября 1924 г. Учредителями общества выступили Наркомвнуторг СССР, Торгово-промышленный банк (Промбанк) и Московский городской банк. Акционерами помимо учредителей являлись Совет съездов биржевой торговли, Московская товарная биржа, Акционерный банк по электрификации (Электробанк), Среднеазиатский банк и Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк).

Деятельность Кредит-бюро в 1920-е гг. была более обширной, чем его современного аналога – бюро кредитных историй, и осуществлялась в трех основных направлениях:

1) выдача справок о кредитоспособности потенциальных заемщиков (то, что и предполагает принятый ныне закон «О кредитных историях»⁹⁶²);

2) производство взысканий по судебным приказам, исполнительным листам, опротестованным векселям и другим документам, т. е. оказание юридических услуг;

3) проверка транспортных документов в целях выявления обоснованности тарифов, предъявления претензий к транспортникам, в случае перебора, просрочки или нанесения

⁹⁶² О кредитных историях : [федер. закон № 218-ФЗ : принят Гос. Думой 30 дек. 2004 г. : по состоянию на 02 июл. 2021 г.] // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. № 1 (часть I) ст. 44.

ущерба клиентам. По сути, это был независимый аудит при решении хозяйственных споров на транспорте⁹⁶³.

В соответствии с основными целями общества формировалась и его структура, которая включала в себя три отдела: Отдел справок, Отдел взысканий и Отдел железнодорожных претензий.

С целью выполнения поставленных задач сотрудники бюро проводили сбор материалов, формировали архив, подготавливали справки (досье) и аналитические отчеты.

В состав клиентуры Кредит-бюро, помимо государственных и кооперативных организаций, входили и частные торговцы. Вполне естественно, что долю той или иной группы в числе клиентов бюро можно соотнести с участием в процессе кредитования этих секторов хозяйства в целом. На Урале основными потребителями банковского кредита являлись государственная промышленность, государственная торговля и кооперация: на них приходилось до 91 % общей суммы кредита. Кредиты на производственные цели (государственная промышленность и сельское хозяйство – в лице сельскохозяйственной кооперации) составляли 46 % от общей суммы выданных кредитов, а кредиты для торговли государственной и кооперативной (в лице потребительской кооперации) составляли 45 %⁹⁶⁴.

Доля частника была минимальной, но он лидировал на восходящей фазе нэпа по динамике роста. Так, на 1 июля 1925 г. эта доля составляла 0,2 %, а на 1 октября 1925 г. – 0,8 % к общему итогу⁹⁶⁵.

В отчетах правления АО «Кредит-бюро» содержатся данные по филиалам, в том числе Урало-Сибирскому. Отметим, что территориальные рамки его деятельности существенно превышали масштабы Уральской области. Однако в январе 1926 г. в Новосибирске открылась самостоятельная Сибирская контора Кредит-бюро⁹⁶⁶. Как следствие, в отчетах за этот год она фигурирует отдельно, наряду с Урало-Башкирской конторой. В 1926/27 г. в отдельное подразделение выделилось Башкирское агентство. Таким образом, постепенно деятельность Уральской конторы сосредоточилась исключительно в пределах Уральской области.

Материалы Кредит-бюро позволяют сопоставить «кредитную активность» в различных регионах страны (исходя из объемов обработанных запросов), рассмотреть долю частной клиентуры, проанализировать динамику численности частных предпринимателей по годам, соотнести эти данные с мероприятиями властей, направленных на свертывание частного сектора хозяйства. Отметим, что нами были рассмотрены материалы за тот период, который характеризуется нисходящей тенденцией в развитии частного сектора хозяйства, и в

⁹⁶³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 1.

⁹⁶⁴ Попов Я. Вопросы кредита на Урале. С. 104.

⁹⁶⁵ Там же.

⁹⁶⁶ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. С. 141–143.

документах нашли отражение проблемы, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам Кредит-бюро на этом этапе.

По данным годового отчета за 1926/27 г., в состав акционерного общества входил 21 филиал, причем пять из них открылись в течение отчетного года. Помимо филиалов, общество имело сеть корреспондентов и инкассаторов. Расширение сети Кредит-бюро на фоне сжатия кредита в отношении частного, может считаться, с одной стороны, ужесточением контроля за выдачей кредита, а с другой – попыткой пойти в глубь и максимально полно охватить клиентуру на вверенной территории, обеспечив себе тем самым необходимый объем работ.

Основное внимание в отчетах уделялось работе с частной клиентурой. Изменение доли частного рассматривалось с идеологической точки зрения (как проявление борьбы с частным капиталом), так и с прагматических позиций. Данные отчета демонстрируют тенденцию к сокращению кредитования частного как в количественном, так и в качественном выражении.

Ситуация, основанная на данных деятельности Кредит-бюро в масштабах всей страны, оценивалась следующим образом: «Снижение работы по справочным отделам не явилось для нас неожиданностью. Эта тенденция продолжает корениться в тех же самых объективных причинах, проявление коих было нами констатировано в отчете за 1925/26 г. Система генеральных договоров промышленности с кооперацией, товарный голод, сжатие банковских кредитов и сокращение сети банков, все уменьшающаяся роль частного-оптовика, закрытие ряда обществ взаимного кредита, ликвидация иногородних представительств, и по-прежнему неправильное понимание некоторыми хозяйственными органами режима экономии в отношении нас – вот те причины, действие коих еще более усилилось в отчетном году по сравнению с предыдущим»⁹⁶⁷.

В отчете Урало-Башкирского филиала Кредит-бюро за 1926/27 г. анализ проблем сводился к следующему: «Первым основным затруднением в работе Отделов взысканий являлось <...> измельчание дел. Чтобы дать излишек в 4 %, нам пришлось реализовывать дел на 22 % больше. Вторым, столь же, если не более существенным затруднением, явилось ухудшение качества передаваемых нам дел, так как удельный вес реализованной суммы по претензиям, в сопоставлении с суммой пропущенных претензий, снизился с 42 % до 33 %. В числе причин, которые привели к указанным результатам, следует указать: неполучение нами свежих и более крупных дел в силу сопротивления юридических аппаратов хозорганов, ухудшение положения ответчика – частного, уменьшение неплатежей по линии кооперации в связи с укрупнением последней, уменьшение размера сделок и, в связи с этим, уменьшения размеров претензий»⁹⁶⁸.

⁹⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 6.

⁹⁶⁸ Там же.

Следует отметить, что в качестве причин возникших затруднений назывались как негативные, так и вполне позитивные тенденции. Однако все они стали следствием государственной политики, направленной на свертывание рыночного сектора хозяйства. Укрупнение кооперации шло искусственным путем, частник вытеснялся не в результате естественной конкуренции, а буквально выдавливался из хозяйства страны. Многие споры, возникавшие между предприятиями, чаще всего находившимися в государственной собственности, решались без посредников, силами собственных юристконсультов.

В то же время оборот общества в целом увеличился. Это было достигнуто за счет других отделов. Так, по Отделу взысканий произошло увеличение оборота на 75 %, а по Отделу железнодорожных претензий – на 150 %⁹⁶⁹. Рост оборотов по Отделу претензий объясняется широким, почти полным охватом клиентуры, а по отделу перевозок – нарастанием проблем в сфере грузоперевозок, которые на Урале достигли своего критического уровня в 1930-е гг.

Особенно резкий спад в выдаче справок наблюдался в конторах Северо-Западной, Урало-Башкирской, Закавказской, Среднеазиатской, в Узбекском отделении и Московском справочном отделе. В частности, Урало-Башкирской конторой в 1926/27 г. было выдано справок на 33 % меньше, чем в 1925/26 г. Под сокращение попали практически все крупные торговые и промышленные центры. Основные причины оставались прежними: свертывание частника и сокращение кредитования. В отношении Московского отдела (сокращение на 12 %) было отмечено, что на его деятельность серьезно повлияла потеря им клиентов в лице ОВК и многочисленных представительств региональных организаций, занимавших весьма заметное место в его работе⁹⁷⁰.

В 1926/27 г. увеличилось количество архивных запросов, которые должны были раскрыть кредитную историю клиентов. Причиной увеличения, по мнению авторов отчета, послужило ухудшение положения частника на рынке, что заставляло кредиторов чаще и более тщательно проверять его финансовое состояние. Политика государства подрывала доверие к частнику как к надежному заемщику, увеличивала риски его кредитования.

В целом доля справок по объектам распределялась следующим образом (приводятся средние показатели и для примера – данные по некоторым филиалам) (табл. 30 Приложения).

Из приведенной таблицы следует, что доля частников, на которых составлялись справки, в Урало-Башкирской конторе была минимальной. 9 % – это самый низкий показатель для 1925/26 г. в целом по всем филиалам. В 1926/27 г. доля частника выросла, но по-прежнему оставалась минимальной, в том числе в выделившемся позднее Башкирском агентстве. Если же объединить данные Уральской конторы и Башкирского агентства (28 %), то итоговая цифра все

⁹⁶⁹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 5.

⁹⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 10.

равно ниже средних показателей по стране (30 %). Это подтверждает тезис о том, что одной из особенностей Уральского региона являлось слабое развитие частного предпринимательства, во многом predetermined диспропорцией в его отраслевой структуре.

В 1926/27 г. сократилось поступление дел и в Отдел претензий по Урало-Башкирской конторе. Она была одной из трех контор, о которых говорилось особо. «Что касается Урало-Башкирской конторы, то на ее работе отразились отрицательно поручения Синдшвейпрома, Сельмаша и Сельпромторга. Многочисленные дела этих клиентов, сильно увеличившие число претензий портфеля конторы – дела мелкие, спорные, бездоказательные и убыточные, по многим из которых расчеты относятся к 1924–1925 гг., являются серьезным тормозом в работе филиала»⁹⁷¹.

Урало-Башкирский филиал занимал в 1926/27 г. шестое место по размерам оборота (88 886,42 руб.) и пятое место по численности персонала (30 чел.).

Как уже отмечалось, в 1926/27 г. было открыто Башкирское агентство (4974,98 руб. при 5 сотрудниках), которое должно было сузить территориальные рамки деятельности Урало-Башкирского филиала.

Данные ревизии, проведенной в августе 1927 г., позволяют более подробно ознакомиться с деятельностью Урало-Башкирского филиала. В отчете указано, что в филиале сотрудников по штату числилось 32 чел., из них трое были коммунистами и двое – комсомольцами. Эти данные сопровождаются пометкой на полях «членов ВКП (б) – маловато»⁹⁷².

Отмечался недостаточный охват клиентуры по Отделу справок. Всего в отделе числилось 70 абонентов, из них свердловских клиентов было 53, пермских – 10, челябинских – 3, уфимских – 1, из прочих городов – 3. Корреспондентская сеть, состоявшая из лиц, предоставлявших информацию, по оценке ревизора составляла 400–500 человек. Это так называемые корреспонденты средней активности. К Отделу претензий у ревизора были весьма существенные замечания. Из общего количества клиентов (250) 100 составляли частные лица, а остальные 150 – государственные органы, кооперативные организации и различные частные паевые товарищества. При этом местных клиентов было 50, 90 – московских и 110 – из прочих местностей. «Приведенные выше данные показывают, что 40 % клиентов – частники. Это явление следует признать ненормальным. Для изжития его надо усилить акквизицию [привлечение – А. К.] протестованного портфеля госучреждений и реализацию последнего, хотя бы даже в ущерб реализации дел частников»⁹⁷³.

⁹⁷¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 23.

⁹⁷² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 92 «а». Л. 1.

⁹⁷³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 92 «а». Л. 3.

Отмечается также, что отдел работал с убытком, хотя большинство дел подлежало рассмотрению либо в городе, либо в районе и, следовательно, оперативность их решения целиком и полностью зависела от инициативы сотрудников. По Отделу железнодорожных претензий числилось 139 клиентов, 95 % которых составляли государственные органы и кооперация, остальные 5 % – частники. «Все сколько-нибудь крупные организации и учреждения, находящиеся на территории Уральской области, обслуживаются Отделом III почти на 100 %»⁹⁷⁴.

Выводы и предложения члена ревизионной комиссии Н. Г. Козина сводились к следующему: «1. Работу Урало-Башкирской конторы, в общем и целом, надо признать удовлетворительной. 2. Необходимо отметить недостаточный охват клиентуры по Отделу I. 3. Следует признать совершенно ненормальным соотношение государственной и частной клиентуры по Отделу II. 4. Произвести чистку портфеля Отдела II от засоряющих его нерентабельных и безнадёжных дел. 5. Заведование Отделом II возложить на заместителя управляющего конторой П. М. Леванова, а заведующего Отделом II – В. Л. Виленского – уволить»⁹⁷⁵.

Обращает на себя внимание классовый подход как при анализе клиентуры бюро, так и при оценке его кадрового состава. В этом, сугубо гражданском и чисто коммерческом учреждении, которое было призвано обеспечивать работу кредитных организаций, количество коммунистов признавалось недостаточным.

По нашему мнению, история кредита в условиях нэпа отражает противоречивость государственной политики в разных сферах хозяйственной жизни, имеет много спорных моментов, демонстрирует существенные расхождения между теорией и практикой, так как ее реализация протекала в весьма специфических, отличных от классических образцов формах.

Роль Кредит-бюро в ликвидации ОВК. Как создание Кредит-бюро в 1920-е гг., так и обсуждение этого вопроса в современных условиях, вызвано одними и теми же причинами – потребностями в развитии кредитно-финансовых отношений в условиях рынка. Эта организация в силу специфики своей деятельности являлась рыночной, ее доходы напрямую зависели от активности на рынке ссудного капитала, востребованности кредитных ресурсов заемщиками. Именно поэтому свертывание нэпа напрямую отразилось на его деятельности. Сложность и противоречивость ситуации заключалась еще и в том, что в обязанность Кредит-бюро вменялась ликвидация ОВК.

Так, например, в 1926/27 г. Среднеазиатская контора занималась взиманием недоимок. Была проведена проверка, «выявившая, невзирая на организационные недочеты и местные

⁹⁷⁴ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 92 «а». Л. 1.

⁹⁷⁵ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 92 «а». Л. 7.

особенности, явно положительные стороны оказанных конторой услуг и давшая вполне удовлетворительные финансовые результаты. Однако, как отмечается в отчете, эта работа не была до сего времени повторена в какой-либо другой конторе общества, хотя попытки этого делались (Москва, Ростов, Баку)»⁹⁷⁶.

В связи с изменением экономической ситуации, в поисках доходных видов деятельности Кредит-бюро стало заниматься взиманием недоимок в бюджет в процессе ликвидации организаций, главным образом, частных. Специфика ликвидации кредитных учреждений связана с тем, что необходимо было удовлетворить претензии вкладчиков. Однако в случаях с ОВК, где основными учредителями и пайщиками являлись частные торговцы и промышленники, преобладал классовый подход. При решении вопроса руководствовались порой не законом, а революционной целесообразностью и классовым чутьем.

Перед сотрудниками Кредит-бюро ставилась цель в полной мере удовлетворить претензии прежде всего государственных органов в части уплаты задолженности (реальной или мнимой) перед казной, и при возможности, по остаточному принципу, вернуть средства частным лицам. Наглядно этот процесс демонстрирует процедура ликвидации Свердловского и Пермского ОВК.

В ноябре 1929 г. на совещании управляющих филиалами государственного банка Уральской области с ответственными сотрудниками краевой конторы прозвучала идея об обреченности ОВК. В основу отчетного доклада были положены разработанные в Москве положения под названием «Итоги и дальнейшие пути реорганизации кредита и кредитной системы». В отношении ОВК там говорилось следующее: «Существование обществ взаимного кредита, в условиях настоящего момента, является нецелесообразным»⁹⁷⁷.

Причины назывались следующие: «Вытеснение частного капитала из торговли и промышленности подорвало базу частнокапиталистических кредитных учреждений, каковыми являются ОВК. Вместе с тем, разложение частного капитала, сопровождающееся злоупотреблениями и преступлениями, не могло не распространиться на ОВК, многие из которых нарушали уставы. Это привело к ряду судебных процессов и ликвидации многих ОВК, в первую очередь в больших городах»⁹⁷⁸.

Ликвидация Пермского ОВК была инициирована не самим обществом, а властями. По решению Окружного финансового отдела (ОкрФО) со счетов общества в бесспорном порядке была списана сумма членских взносов, которую предполагалось направить на погашение якобы имеющейся задолженности по налогам отдельных членов ОВК. В случае полного погашения

⁹⁷⁶ РГАЭ. Ф. 7624. Оп.1. Д. 23 «а». Л. 23.

⁹⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 3 «в». Л. 64.

⁹⁷⁸ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 3 «в». Л. 77.

вексельного портфеля ОВК и возвращения изъятых средств Общество, как было заявлено на чрезвычайном собрании его членов в марте 1930 г., могло погасить имеющиеся долги; более того, оно имело бы на счетах дополнительные средства. В ответ на требование ОкрФО пополнить складочный (уставной) капитал члены ОВК ответили отказом. В сложившихся условиях собрание вынуждено было принять решение о ликвидации общества⁹⁷⁹.

Тот факт, что ликвидация ОВК планировалась заранее и не была вызвана финансовыми проблемами, подтверждает обращение уполномоченного госбанка П. И. Славина в адрес правления Урало-Башкирской конторы Кредит-бюро. В письме в частности говорилось: «По имеющимся у нас сведениям, Пермское ОВК предполагают ликвидировать по нецелесообразности дальнейшего существования. Ввиду того, что Общество своею деятельностью находится в некоторой зависимости от Областного финансового отдела (а не Окружного финансового отдела) просим Вас, если возможно, переговорить с ОблФО о ликвидации Общества через Кредит-бюро»⁹⁸⁰.

Процесс ликвидации ОВК затянулся; в него, помимо Кредит-бюро, были вовлечены налоговые, судебные органы, ОГПУ, и в результате он приобрел ярко выраженный массовый и пропагандистский характер, явился проявлением классовой борьбы с частнокапиталистическими элементами. Можно говорить о демонстративном и показательном характере этого процесса.

В его ходе имели место факты благотворительной деятельности Пермского ОВК. По инициативе Окружного финансового отдела обществом была предоставлена ссуда Мотовилихинскому заводу (одному из крупнейших предприятий города), так как он испытывал заминку в деньгах для выплаты заработной платы. Ссуда была предоставлена на 10 дней по ставкам государственного банка⁹⁸¹.

Таким образом, оценивая роль Кредит-бюро в экономике 1920-х гг., можно говорить о нем как о необходимом элементе инфраструктуры финансово-кредитной системы. В оценках современников подчеркивается его позитивная роль для хозяйства страны в целом и отдельных регионов в частности. Кредит-бюро, возникнув как элемент рыночной инфраструктуры, сыграло существенную роль в развитии кредита. Одним из условий эффективного функционирования различных хозяйственных укладов являлся доступ к кредитным ресурсам. Соответственно Кредит-бюро вносило определенный вклад в политику мирного сосуществования кредитных учреждений различных форм собственности. На завершающем

⁹⁷⁹ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

⁹⁸⁰ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 39. Л. 7 «а».

⁹⁸¹ ГАПК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 36. Л. б/н.

этапе нэпа эта организация напротив, использовалась государством в качестве инструмента ликвидации учреждений мелкого кредита, в его борьбе с многоукладностью.

Выводы по главе. Как уже отмечалось, в своем развитии взгляды на товарно-денежные отношения при социализме прошли три стадии: отрицание, признание и модификация. На стадии «признания» в годы нэпа пришло осознание преждевременности отмены товарно-денежных отношений, что побудило руководство страны реанимировать не только товарооборот и деньги, но и сформировать каналы продвижения денежных потоков и центры их аккумуляции. Финансово-кредитная система была воссоздана в относительно короткий срок и по своему внешнему виду напоминала дореволюционную модель. Однако банковские учреждения не были самостоятельными, денежные потоки контролировались централизованно, государственный банк в этой системе играл существенную, но отнюдь не самостоятельную роль. Создание отраслевых банков и сети парабанковских учреждений в условиях дефицита финансовых ресурсов с неизбежностью привело к конкуренции, которая воспринималась однозначно как негативный и тревожный симптом, идущий в разрез с идеей централизованного планирования.

Различные уклады традиционно формировали собственные кредитные продукты, наиболее адекватные их потребностям. Проблема заключалась в том, что критерии экономической эффективности, принятые в банковском кредитовании, в полном объеме в годы нэпа не работали. Идеологические, политические и социальные аргументы перевешивали доводы, основанные на коммерческом расчете, в широком его понимании. Торговля и кредит, а также межбюджетные отношения должны были способствовать устойчивости национальной денежной системы, обеспечивать циркуляцию средств в рамках единого хозяйственного комплекса. К сожалению, добиться такого баланса не удалось, устойчивость червонца была поставлена под сомнение, а банковская реформа 1930 г. свела функции банков к расчетно-распределительным.

Успех или неуспех кредитного учреждения определялся не столько рентабельностью проводимых им операций и его способностью максимизировать прибыль при соблюдении необходимого уровня рисков, сколько доступом к централизованно распределяемым финансовым ресурсам. В этой связи особую роль могли сыграть ОВК, которые аккумулировали средства частных предпринимателей, домовладельцев и, на определенном этапе, рядовых граждан для реализации конкретных хозяйственных задач. Роль ОВК получила особую, не самую лестную оценку в контексте борьбы с замкнутым кругом частного сектора хозяйства, в котором видели источник реставрации капитализма.

Будучи кредитными кооперативами, ОВК состояли из мелкобуржуазных элементов. Это автоматически ставило их в невыгодное положение при том, что в кооперации видели средство

обобществления мелких производителей и своего рода рычаг, способный перевернуть, преобразовать Россию мелкотоварную и отсталую в Россию передовую и социалистическую.

Деятельность ОВК на Урале не отличалась особой активностью, но являлась необходимым и значимым элементом частного сектора хозяйства. Все перипетии борьбы с частным капиталом отражались на деятельности этих организаций и оставили значимый источниковый след, позволяющий более полно представить как хозяйственные практики нэпа, так и механизм функционирования частнопредпринимательского уклада в региональном измерении.

Примечательно, что Кредит-бюро в годы нэпа возникло довольно оперативно. Будучи продуктом и элементом инфраструктуры кредитного сектора, построенного на рыночных началах, в силу обстоятельств, Кредит-бюро играло противоречивые роли – и стимула в деятельности кредитной системы, и ее могильщика в части ликвидации ОВК.

В целом, оценивая деятельность кредитной системы в годы нэпа, можно говорить о том, что она была быстро воссоздана во внешне приемлемых для использования в рыночных условиях формах. Однако она была столь же оперативно адаптирована для нужд централизованной плановой экономики, избавляясь на этом пути от всего лишнего и не нужного для нее, в том числе и от ОВК.

Глава 6. Социальные аспекты частнопредпринимательского уклада

6.1. Акторы отечественного предпринимательства

Личность проявляет себя во всем многообразии ситуационных, социальных ролей и функций. Социальная идентичность реализуется в различных аспектах (гендерном, этническом, конфессиональном, профессиональном, региональном и т. п.). Каждый уровень идентичности предопределен установленными контурами, которые могут иметь различную степень конкретизации и жесткости, устойчивости (предопределенной правовыми и морально-этическими нормами). Сочетание различных идентичностей создает уникальную, порой противоречивую конфигурацию личности, определяет границы ей дозволенного в рамках правового поля⁹⁸². Такое многообразие порождает проблему сочетания контуров идентичности и согласованности действий индивида в определенной ситуации. Контуров могут не совпадать (конфликт личного и общественного; «православный атеист»; «рабочий-крестьянин»; «советский купец»).

Если исходить из тезиса, что человеку всегда будет больше интересен человек, даже в исторической ретроспективе, мы можем реализовать историко-антропологический подход⁹⁸³, а также акторную модель модернизации⁹⁸⁴ и обратиться к действующим лицам и исполнителям», вышедшим на сцену в период нэпа.

Модернизационные процессы, направленные на трансформацию общества, создают динамичную ситуацию, при которой происходит деформация социальной структуры, маргинализация значительной части населения и, как следствие, поиск новой идентичности. В период реформ возникает вопрос об акторах модернизационных процессов. Актор реализует собственные интересы, которые могут быть весьма специфичны и вступать в противоречие с интересами других субъектов. Политика в этом контексте оценивается не только по способности формулировать интересы определенных групп, но и по приемам согласования различных интересов. Динамика процесса и качество результата обеспечивается за счет многообразия участников и использования метода снятия противоречия через согласование интересов, а не уничтожения одной из сторон. Важную роль играет конфигурация или набор акторов, та система сдержек и противовесов при реализации различных интересов, которая формируется в обществе и обеспечивает реальный политический процесс.

⁹⁸² В этой ситуации применимо понятие «правовой плюрализм». См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. 310 с.; Обычное право и правовой плюрализм. Мат-лы XI Междунар. конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г.. М., 1999. 260 с.; Ковлер А. И. Антропология права. Учебн. для вузов. М., 2002. 251 с.

⁹⁸³ Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. М., 2013. 161 с.

⁹⁸⁴ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 95–100.

При восприятии реформ исключительно как революции, как процесса, призванного уничтожить архаические пережитки, а не каждодневной и рутинной работы по совершенствованию системы, вынужденной реагировать на изменения во внешней и внутренней среде, процесс преобразований радикализуется и ускоряется. В этой ситуации (дефицит времени, грандиозность планов, сила сопротивления) речь идет не столько о согласовании интересов, сколько об уничтожении одной из противоборствующих сторон.

Идеократическая модернизация распределяет роли (свой / чужой) в зависимости от идейных установок, которые дискриминируют иные формы самоидентификации, маргинализируя роль актора в технологической или экономической сфере («спецы» на советских предприятиях, частные торговцы на рынке). Выявление примазавшихся, тех, кто носит маску («редиска») становится функцией органов политического сыска⁹⁸⁵.

Успех модернизации и достижение цели реформирования зависит от того, насколько желаемый и реальный контуры идентификации совпадают, каким образом согласуются доминирующие интересы в различных ролях и функциях индивидуума. Что является приоритетным для человека, для защиты каких интересов он готов к активным действиям? Рассогласование приводит к ситуации, при которой человек думает одно, говорит другое, делает третье, что, в свою очередь, существенно снижает потенциал конструктивного воздействия на объекты действительности. С другой стороны, полное совпадение всех идентичностей возможно только в случае доминирования одной из них (или подавления всех остальных), что служит основой для радикализации взглядов, тогда как противоречия стимулируют рефлексию.

Одной из причин незавершенности или замедления модернизационных процессов в России в различные исторические эпохи является несогласованность интересов личности в различных контурах идентичности. Роль прогрессиста или реакционера в процессе модернизации формируется как под влиянием институциональных факторов, так и субъективного выбора индивида, зависит от того, какое место отводится субъекту (актора или «актера»⁹⁸⁶) и насколько цели реформ согласуются с его личными интересами (самостоятельный выбор позиции актора⁹⁸⁷ или «актера»)⁹⁸⁸.

⁹⁸⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. 375 с.

⁹⁸⁶ Актор – субъект отношений, осознающий свои интересы и свою роль в процессе, как правило, реализующий собственные интересы. Он именно субъект, а не объект управления. «Актер» – скорее образ, чем научная категория, призванная показать зависимость, несамостоятельность индивида, который, имитируя деятельность, играет роль и не осознает себя в качестве субъекта общественных отношений.

⁹⁸⁷ Примечательно, что этимологию термина «актор» можно непосредственно связать с торговлей. По данным, который приводит М. Вебер, «торговля господ» заключалась в реализации на рынке излишков произведенных в их поместьях продукции, но поскольку торгово-посредническая деятельность не считалась достойной их статуса, они прибегали к услугам посредников. «С этой целью они создали профессиональных купцов в качестве своих подручников. Сюда относится *actor* в античности, который вел дела от имени землевладельца, а также средневековый *negotiator*». См.: Вебер М. История хозяйства : Город. М., 2001. С. 188.

В этом контексте мы анализируем проблемы предпринимательского слоя в истории России. При всех различиях в правовом статусе, их роли в политических и экономических процессах, можно выявить ряд схожих черт, обусловленных институциональными особенностями российского общества.

Обосновывая неизбежность и закономерность социалистической революции в России, советская историография исходила из двух взаимоисключающих концепций. Одна из них описывала высокий динамизм в экономическом развитии страны, вектор которого вполне согласовывался с общим направлением развития стран Запада. Это было необходимо для того, чтобы доказать наличие в стране предпосылок для социалистической революции в виде крупной промышленности и будущего гегемона пролетарской революции – рабочего класса. Противоположная картина была более пессимистичной, ее композиция строилась на основе противопоставления старого, царского режима, и нового, первого в мире государства рабочих и крестьян. Сравнение предполагало описание феодальных пережитков, бесправия и угнетения всех социальных слоев общества, за исключением дворянства, высокого уровня эксплуатации пролетариата, имперского колониализма и милитаризма, спровоцировавшего войну и т. п.

Популистские обещания большевиков решить все эти проблемы радикально, быстро и в не столь отдаленной перспективе; целый ряд ошибок оппонентов, ставших противниками революции; дезорганизация во многих сферах общественной жизни – все это предопределило успех радикально настроенных лидеров партии нового типа⁹⁸⁹.

Однако, в объяснении предпосылок октября 1917 г. следует учитывать не только экономические и политические, но и социально-психологические аспекты действительности. Если речь идет о пролетариате, то, несомненно, необходимо описать портрет его антипода, буржуазии – спарринг-партнера на ринге классовой борьбы.

Такой подход актуализирует изучение образа предпринимателя как эксплуататора рабочего класса и организатора промышленного производства и товарного обращения в России.

Актуальным является вопрос о стратегических установках царского правительства и большевиков, шедших друг против друга, но демонстрировавших преемственность в стремлении усилить властные позиции и роль государства в политике и экономике. В этой связи показательна стратегия и тактика власти в отношении частного предпринимательства как до, так и после октября 1917 г.

⁹⁸⁸ Наше собственное исследование этих процессов было построено на анализе информационных сводок ОГПУ. См.: Килин А. П. Актеры и «актёры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа. / Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

⁹⁸⁹ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. 480 с.

Частник в рассматриваемые периоды, с одной стороны, напрямую зависел от благосклонности к нему государства в лице чиновничества, с другой, в силу своей природы, выступал как фрондер по отношению к властным институтам.

Сопоставление ситуаций, сложившихся накануне Первой мировой войны и в период новой экономической политики показывает, что в судьбах частных предпринимателей, в том числе торговцев, много общего. По нашему мнению, это свидетельствует о силе традиции, выражающейся в преемственности как государственной политики, так и общественного мнения по отношению к частному предпринимательству. Это делает столь непохожие исторические периоды в чем-то близкими друг другу. Уже тот факт, что действие этих сюжетов разворачивалось в одном и том же месте – на территории России, отчасти предопределяло ход событий⁹⁹⁰.

Историк в своих исследованиях достаточно часто сталкивается с фактами, которые вызывают аналогии, а порой и цепи ассоциаций из других эпох. Период нэпа дает много оснований для подобных сравнений. Без изучения предшествующего периода невозможно оценить как глубину качественных изменений, так и характер ретроинноваций, которые использовались в новых условиях.

В 1920-е гг. на непродолжительный срок возродились привычные для большинства населения товарно-рыночные формы хозяйствования⁹⁹¹. Они повлекли за собой появление ранее существовавших в России формы и методов частного предпринимательства. Частная инициатива в государстве диктатуры пролетариата не могла приобрести полноценной и законченной формы. Понимание этой ситуации приводит многих современных авторов к идеализации дореволюционного образа предпринимателя. В результате культивируется миф о золотом веке русского предпринимательства как идеале, к которому необходимо стремиться. Именно потребностями настоящего, поиском исторических корней объясняется популярность этой идеи у современных буржуа. Таким образом, в сознании выстраивается цепочка взаимосвязанных процессов, обращенная в прошлое.

6.2. Социальный облик граждан, занятых торговлей

Обращаясь к социальным аспектам частного торгового предпринимательства в 1920-е гг., исследователь объективно сталкивается с целым рядом трудностей⁹⁹². Как неоднократно отмечалось, этот период характеризуется острыми социальными конфликтами, перманентными

⁹⁹⁰ Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох // Социально-экономическая история. Вып. 6. Мат-лы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и Четвертой междунар. науч. конф. «Человек и природа – проблемы социально-экономической истории». М., 1995. С. 35–48.

⁹⁹¹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 6.

⁹⁹² Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. Екатеринбург, 1994. 80 с.

изменениями, в результате которых происходила трансформация социальной структуры общества. Примечательно, что в современной России исследователи социального статуса торговцев, выделяют аналогичные идентификационные критерии и сталкиваются с целым рядом сходных проблем⁹⁹³.

В задачи стратификационного подхода входит ранжирование людей по их месту в социальной структуре общества. По определению П. Сорокина, «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит свое выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны»⁹⁹⁴.

По мнению В. И. Ильина изучение социальных различий и иерархий, а также механизмов поддерживающих их, является предметом социологии, на который почти не претендуют другие науки. «Проблематика социальных различий и социального неравенства просматривается как ключевая в социологии как ключевая на всех этапах ее развития»⁹⁹⁵.

Очевиден и тот факт, что социальный статус предпринимателей существенным образом, менялся, когда он перемещался из одного социального поля (по П. Бурдьё) в другое⁹⁹⁶. Контраст между экономическим и политическим полем был разителен.

З. В. Рыбина, не являясь сторонницей стратификационного подхода, отмечает: «Если стратификация рассматривает социальную структуру в статике, то классовый подход изначально полагал ее динамично развивающейся. Если страты обладают нейтралитетом по отношению друг к другу, то общественные классы в своем большинстве находятся в состоянии антагонизма. Если классовая структура опирается на единообразный критерий – собственность на средства производства, то многочисленные виды стратификации такого единого критерия не имеют»⁹⁹⁷.

Мы не можем согласиться с выводом о том, что классовый подход является наиболее надежным, при условии его адаптации к современным условиям. С точки зрения экономиста, экономический критерий – отношение к средствам производства, как более конкретный и

⁹⁹³ «Социальный статус торговцев городских рынков выступает интегральным показателем положения данной группы в социальной структуре регионального социума, определяемым как объективными (род деятельности, доход, доступ к власти, уровень образования, стандарты потребления, семейный статус, гендерная принадлежность), так и объективно / субъективными (самоидентификация с социальным слоем, самооценка экономического положения, престиж профессии, система мотивации, индивидуально-личностный потенциал и др.) переменными». См.: Ульяновская, О. В. Социальный статус торговцев городских рынков в условиях современной России : региональный аспект : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Ульяновская Ольга Валентиновна. – Саранск, 2014. 178 с.

⁹⁹⁴ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302. Цит. по: Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 51.

⁹⁹⁵ Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 10.

⁹⁹⁶ Бурдьё, П. Социология политики. М., 1993. С. 40–41; 57.

⁹⁹⁷ Рыбина З. В. Концепция общественно-экономического уклада. С. 54.

единственный, имеющий однозначное толкование, является предпочтительным вариантом. Однако, как показывает наше исследование, он не вполне адекватно отражает социальную структуру не только современного, но и раннесоветского общества. Объединенные общностью целей в рамках территориально-рыночной модели регионального управления, субъекты рыночного хозяйства, относящиеся к разнообразным укладам, могли иметь собственные интересы, которые с неизбежностью приводили к конфликтам и противоречиям. Сам факт противоречий был обусловлен не только принадлежностью к той или иной страте, но и той ролью, которую брал на себя субъект – актора или «актера».

Ф. Бродель, рассматривая общество как «множество множеств», настаивал на детальном рассмотрении «социальной иерархии» (предпочитая этот термин понятиям «стратификация» или «классовая структура»), он призывал не ставить знак равенства между купцом и буржуа или капиталистом⁹⁹⁸. Следуя этому примеру, полагаем, что нельзя ставить знак равенства между частным торговцем и нэпманом или капиталистом.

Классовый подход, оперирующий крупными социально-экономическими категориями, упрощал ситуацию и не позволял отразить в полной мере всего спектра социальной жизни. Частные предприниматели, в соответствии с принятой градацией, должны были быть отнесены к мелкой и средней буржуазии. Опираясь на крупные категории, экономисты рассматривали исключительно число занятых в частной торговле, вычленив лишь самих торговцев с членами семей и используемую ими наемную силу⁹⁹⁹.

Граждан страны, которые в той или иной мере были вовлечены в торговлю, было намного больше, чем профессиональных торговцев, возможно, их количество исчисляется миллионами. Неоднородность этих многочисленных социальных групп, из которых состояла эта масса, очевидна. На данный момент мы не можем дать полную и исчерпывающую картину социальной стратификации частных торговцев периода нэпа. Вне поля нашего зрения оказались легальные или нелегальные участники внешней торговли, например, контрабандисты. Причина в том, что они не встречались нам в качестве просителей о восстановлении избирательных прав, поскольку в случае ареста попадали под действие уголовного законодательства.

В рамках данного исследования наше внимание привлекают не только профессиональные торговцы, но и граждане, вовлеченные в этот вид деятельности на временной основе и под давлением неблагоприятных обстоятельств. Их нельзя относить к предпринимателям, но можно говорить об использовании ими торгово-посреднической деятельности как метода адаптации к неблагоприятным обстоятельствам. Свою торговлю они воспринимали как временное занятие на период безработицы. Не будучи особо искушенными в торговле они могли попасть в поле

⁹⁹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. С. 462.

⁹⁹⁹ М. С. Торговля Уральской области. С. 27.

зрения надзорных органов и оставить свой след в исторических источниках именно как торговцы.

Методы и способы их вовлечения в частнопредпринимательский уклад были различны. Они могли являться источником товаров для предпринимателей, обеспечивать доступ к каналам централизованного распределения (через продажу на рынке чеков, талонов и карточек, дающих право на приобретение продуктов в кооперативах) или осуществлять функции наемного работника в частном секторе, в случае рассеянной оптовой торговли через подставных лиц. Распространенной практикой было принуждение фактически наемного работника выбирать патент на свое имя (современный аналог – перевод сотрудников в статус самозанятых).

Крупные предприниматели (нэпманы) привлекали наибольшее внимание рядовой публики и надзорных органов, но не являлись самой многочисленной частью профессиональных торговцев.

Выделенные В. И. Лениным пять укладов предполагали отнесение предпринимателей к трем из них (мелкое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство и государственный капитализм), что, в свою очередь, предопределяло неоднородность и многообразие форм и методов предпринимательской деятельности и, соответственно, формирование различных социальных групп внутри класса буржуазии.

На страницах экономических периодических изданий проходили дискуссии о степени буржуазности торговцев, которая, в значительной степени зависела от той доли накопления, которую могли себе позволять представители того или иного разряда. Разброс мнений был весьма широк – от торгового пролетариата до капиталиста и нэпмана.

Частный предприниматель в силу специфики своей деятельности не стремился к публичности. В свою очередь, исходя из идеологической установки на неизбежное вытеснение буржуазных элементов из оборота, торговец воспринимался властями как цель для критики и нападков, а не как объект изучения. Несмотря на это, в 1920-е гг. вышло немало работ, посвященных частной торговле. Наибольшее внимание уделялось противопоставлению обобществленного и частного секторов экономики. Частный торговец рассматривался через призму классовой борьбы, сопротивления старого новому, с идеологических, а не экономических позиций, что привносило в любой анализ элемент идеологизации и предвзятости суждений. Ситуация еще более обострялась, когда тема частного капитала использовалась в борьбе с оппозицией.

Мифологичность сознания является атрибутивным свойством общества, организованного по авторитарной модели. Разнообразные кампании властей во всех своих проявлениях формировали образ врага и были снабжены соответствующим мифом. В задачи пропаганды

входила подмена факта мифом и построение на этой основе такой конструкции, которая в наиболее выгодном свете представляла существующую власть.

Порой этот миф становился более живым и реальным, чем факт, и воспринимался как истинный еще на протяжении многих лет. В галерее исторических персонажей советского периода, наряду с портретами бывшего, контрреволюционера, кулака, врага народа присутствовали образы буржуа и нэпмана (или нэпача).

Эти определения носили ярко выраженный негативный характер и не вызывают симпатий даже сегодня, несмотря на десятки лет строительства капитализма в современной России. Нэпман представлялся в виде уменьшенной копии капиталиста, чужеродного предмета, пережитка прошлого, обманом и хитростью пролезшего в новый мир. Нэпман рисовался как существо ограниченное, лишенное интеллектуального потенциала, с мещанскими вкусами и барскими замашками. Утрируя, можно было бы представить нэпмана в образе толстой свиньи, плотно поевшей желудей, лежащей в луже и хрюкающей от удовольствия.

«Принято считать нэпмана синонимом спекулянта. Но это совсем не так. Нэпман, нэпману рознь. Лица утром “дающие золото” и “берущие доллары” и, в конце концов, кучами загребающие дензнаки и червонцы, с тем, чтобы вечером все это просадить в “Эрмитаже” или “Праге” – это лишь накипь нэпа. Таких, к сожалению много, слишком много, но все же это лишь пенка, а в большинстве нэпманы серьезные торговцы, а в последнее время и промышленники новой формации», – писал в своих воспоминаниях К. Борисов¹⁰⁰⁰.

Американский журналист М. Хиндус писал: «Они придумали новое слово – “нэпман” – и ни один человек, если он не побывал в России, не может понять, что означает это слово, возникшее в этой стране. Нэпман – символ вырождения, объект презрения и оскорблений! Пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кинематографе, злодей в повседневной жизни! Нэпман – ярлык, ругательство, анафема!»¹⁰⁰¹

При создании столь отталкивающего портрета нэпмана за образец брался наиболее обеспеченный, но отнюдь не самый многочисленный слой предпринимателей. Именно образ жизни наиболее преуспевающих дельцов разительно контрастировал с бытом большинства населения, которое испытывало нужду и голод. С точки зрения властей было логично обвинить в этом бедственном положении именно частный сектор хозяйства, не акцентируя внимание на провалах в собственной политике.

В журнале «Крокодил» публиковали сатирическую трактовку терминов «нэп» и «нэпманы», в которой они сравниваются со свиньей.

¹⁰⁰⁰ Борисов К. 75 дней в СССР: впечатления русского эмигранта, посетившего Россию в 1923 году. Берлин: Издание автора, 1924. С. 18.

¹⁰⁰¹ Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley : University of California Press, 1990. P. 15.

«Нэп – упрощенное (но не сокращенное, а скорее расширенное) толкование новой экономической политики. Отождествлять последнюю с нэпом, отнюдь не следует: новая экономическая политика ведет к коммунизму, а нэп – в ревтрибунал. Нэпман – слово состоящее из двух слов: “нэп” – это и есть нэп, а “ман” – по-немецки “человек”. Кто не умеет говорить по-немецки, тот, волей-неволей, выражается по-русски: “А и свинья же ты, братец!” По внешнему виду нэпман ничем не отличается от буржуя. Но у Брэма, в “Жизни животных”, сказано, что нэпман – это ручной буржуй, и в диком капиталистическом состоянии на территории СССР не встречается»¹⁰⁰². И. Б. Орлов отмечает: «Здесь мы опять сталкиваемся с явным проявлением зооморфизма как составной части мифологизации общественных процессов. Старый прием, родственник карикатуре и басне, – так сказать, оживотнивание и овеществление осмеиваемого объекта – считался чрезвычайно эффективным»¹⁰⁰³.

Нарисованный с пропагандистскими целями, плакат с изображением нэпмана должен был направить общественное недовольство в строго определенное русло. «А нэпманы, отождествляемые со всем негативом новой экономической политики, были обречены официальной пропагандой принять на себя мифологизированный образ “внутреннего врага” и, соответственно, “пятой колонны” мирового империализма, готовой ударить в спину Советской власти. Ведь нельзя было в конце 1920-х гг. утешать бедняка тем, что в его горькой судьбе виноваты царизм и Антанта»¹⁰⁰⁴.

Государство представлялось в роли спасителя, так как оно возглавляло борьбу против нэпманов, а общественное недовольство было призвано освящать деятельность властей по ликвидации частника.

В данном случае были реализованы классические принципы управления: «Следует возбуждать среди сограждан взаимную вражду и сталкивать друзей с друзьями, простой народ со знатными, богатых с людьми из их же среды. В виды тирана входит также разорять своих подданных, чтобы, с одной стороны, иметь возможность содержать свою охрану и чтобы, с другой стороны, подданные, занятые ежедневными заботами, не имели досуга составлять против него заговоры. <...> Все подобного рода предприятия рассчитаны на одно и то же: отсутствие у подданных свободного времени и бедность их»¹⁰⁰⁵.

В стихотворении, опубликованном в журнале «Крокодил», звучит призыв к разоблачению нэпа при помощи смеха, который сравнивается с оружием – красным ножом: «Пусть гнилое догнивает, / Тот, кто может встанет вновь, / Слякоть быта не пугает / Тех, кто знал борьбу и

¹⁰⁰² Нэпманский словарь // Крокодил. № 2 (32). 1923.

¹⁰⁰³ Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 6. URL: http://www.nivestnik.ru/2002_1/2.shtml

¹⁰⁰⁴ Там же.

¹⁰⁰⁵ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 558.

кровь. / Нам не страшна слякоть склепа, / Пьянство, спячка и картеж. / Смело всадим в рыло нэпа / Смеха острый красный нож. / Мы не будем ныть и плакать, / Тот, кто мертв пусть слезы льет. / Эй, смелей топчите слякоть! / Солнце гниль огнем убьет»¹⁰⁰⁶.

Справедливости ради следует отметить, что в карикатурном или пугающем изображении нэпмана были подмечены черты, действительно имевшие место, впрочем, не только в 1920-е, но и в дореволюционные годы. Нувориши жили одним днем, прожигая жизнь, тратя достаточно большую часть доходов на личное потребление. Эта вызывающая купеческая роскошь была характерна для обогатившихся деклассированных социальных слоев. Картины нэповского угара столь сильно контрастировали с провозглашенными идеалами социализма, что вызывали у многих шоковую реакцию, неприятие и отторжение. С одной стороны эти чувства использовались в борьбе с чужими, с другой, они должны были быть нейтрализованы исходя из идей экономической целесообразности.

Для меньшевистского лидера Ф. И. Дана легализация частной торговли в 1921 г. явилась сигналом того, что большевики выбросили за борт фундаментальные идеалы революции. Дан был выпущен из тюрьмы в январе 1922 г. и в течение недели бродил по улицам Москвы перед тем, как ему разрешили выехать за границу. Он был шокирован зрелищем пышного и безнаказанного разгула нэпманства по всей столице: «Эта [новая частная – А. К.] торговля отчетливо имела дело главным образом с роскошью “новых богатых”, бесстыдно выделяющихся на фоне общего истощения и ужасающего голода, тревожное эхо которого достигало Москвы в виде сообщений о широко распространенных смертях, ужасных случаях каннибализма и так далее. Но все эти сведения появлялись, как если бы приходили с другой планеты, а Москва веселилась, ублажая себя пирожными, замечательными леденцами, фруктами и деликатесами. Театры и концерты были набиты битком, женщины снова гордо выставляли роскошные одежды, меха и бриллианты. “Спекулянт”, который вчера еще находился под угрозой казни и тихо стоял в сторонке, пытаясь не привлекать внимания, сегодня уже считал себя важной персоной и гордо выставлял напоказ свое богатство и роскошь. Это заметно в каждой мельчайшей детали. Снова после ряда лет можно было услышать из уст извозчиков, официантов и носильщиков на станциях раболепное выражение, которое полностью исчезло из употребления – “барин”»¹⁰⁰⁷.

Торговля оказалась необходима для восстановления хозяйства страны, поэтому властям пришлось прилагать вдвое больше усилий для того, чтобы изменить к ней отношение. К традиционному российскому ее неприятию добавлялась несовместимость торговой деятельности с идеалами революции в глазах сторонников большевистской ортодоксии.

¹⁰⁰⁶ Кубанский В. «Красный нож» // Крокодил. № 10. 1922.

¹⁰⁰⁷ Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen. P. 15–16.

В. И. Ленин, агитируя за торговлю, был вынужден позиционировать неприятие торговли как пережиток прошлого: «Не дадим себя во власть “социализму чувства” или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность, для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как то: электрификации»¹⁰⁰⁸.

Примечательно, что в этом высказывании обозначена прямая связь между идеями строителей нового общества, которые одержимы социализмом чувства, и патриархальными настроениями, которые, судя по всему, были глубоко укоренены в общественном сознании. Требовались интеллектуальные усилия, творческое мышление, политическое чутье и умение идти на риск для того, чтобы обосновать необходимость использовать торговлю в строительстве нового общества ради достижения более значимой цели – удержания политической власти.

Эффективность пропаганды предопределяется и тем фактом, что она идет навстречу или отвечает запросам широких масс, соответствует их традиционным ожиданиям. Негативное отношение к торговле как к второстепенному виду деятельности, в котором не происходит создание материальных благ; как к посреднической деятельности, основанной на злоупотреблениях, обмане и спекуляции не является исключительно российской традицией. В этой связи критика торговли является вполне традиционным приемом, который весьма эффективно использовался не только в советский, но и в дореволюционный период, не только в отечественной, но и в зарубежной практике.

М. Хилтон рассматривает политику государства по трансформации торговых практик как акт классовой борьбы, предусматривающих изменение отношений с формата «господство / подчинение» под лозунгом «Покупатель всегда прав!» на равноправное партнерство. При этом она справедливо отмечает, что, судя по презрению исходящему с обеих сторон прилавка, работники розничной торговли и потребители воспринимали друг друга как противников, а не союзников в проекте перестройки розничной экономики. Этот характер взаимоотношений, – отмечает М. Хилтон, – не были порождены советской эпохой. Потенциальная возможность конфликта была присуща некоторым обычным практикам, таким как торг, на который продавцы и покупатели полагались как на основную форму ведения бизнеса до 1917 г. и который стал играть еще большую роль во время Первой мировой войны. В условиях дефицита и высокой инфляции широкие массы вовлекались в посредническую деятельность с целью

¹⁰⁰⁸ Ленин В. И. О значении золота до и после полной победы социализма. С. 227–228.

получения необходимых товаров (мешочки) экстремальных условиях и под существенным административным прессингом. В 1920-е гг. обычаи и традиции досоветской розничной торговли и тяготы военного времени все еще влияли на поведение и отношение советских потребителей, и акты купли-продажи продолжали имитировать борьбу¹⁰⁰⁹.

А. Гершенкрон, высоко оценивая роль предпринимательской инициативы в развитии экономики, по всей видимости, разделяет негативные оценки торгово-посреднической деятельности. Он пытается отделить зерна от плевел, а точнее – предпринимателей от торговцев. Система его аргументации строится на характере взаимоотношений с клиентами: «Контакты между торговцами и их покупателями были мимолетными и заканчивались сразу же после заключения сделки... Стабильность интересов предпринимателей; прочные отношения с покупателями... обусловили формирование гораздо более честного отношения предпринимателей к своим клиентам... В общественном сознании само понятие “обман” прочно ассоциировалось с торговлей и торговцами, что отражается даже в этимологии этого слова в различных языках» и приводит следующие примеры: в немецком языке “*taushen*” – обменивать и “*täushen*” – обманывать, во французском “*truc*” – трюк, трюкачество и “*troc*” – бартер, меновая торговля... В русском языке есть весьма популярная пословица, которая советует: “Не обманешь – не продашь”. Эта пословица емко сформулировала истину, которая многократно повторялась, начиная со времен книги Экклезиаста¹⁰¹⁰.

Оценка предпринимательского духа, а точнее «торгашеского духа» получала резко негативную окраску, когда приобретая ярко выраженную националистическую окраску. В. Зомбарт противопоставлял «торгашескому духу» англичан «героический дух» германской нации. Оказавшиеся врагами на фронтах Первой мировой войны, эти народы, по версии В. Зомбарта, являются антагонистами в духовной сфере. Все то, что считалось рациональным и олицетворяло технический прогресс, воспринимается автором как проявление деградации. Название работы «Торгаши и герои», в этой связи весьма симптоматично¹⁰¹¹.

Еще более радикальной выглядит точка зрения основателя английской политэкономии У. Петти (1623–1687), который отмечал: «Торговля не процветает (как думают некоторые) более всего там, где правительство опирается на единую народную религию, но что, скорее, торговля ведётся наиболее энергично во всех государствах и при всех правительствах сектантской частью населения и теми, кто исповедует идеи, отличные от государственно признанных... В той части Европы, в которой римско-католическая религия является сейчас или недавно была государственно признанной, три четверти всей торговли находятся в руках

¹⁰⁰⁹ Hilton M. L. Selling to the masses : retailing in Russia. С. 234–235

¹⁰¹⁰ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 250–251.

¹⁰¹¹ Зомбарт В. Собрание сочинений : в 3 т. Том 2. : Торгаши и герои : раздумья патриота. СПб., 2005. 652 с.

тех, кто отделился от этой церкви»¹⁰¹². Обозначив связь торгово-посреднической деятельности с деятельностью маргинальных этнических или конфессиональных групп, У. Петти предоставляет нам еще одно объяснение оппозиционности, если не всего слоя предпринимателей, то совершенно точно – торговых посредников.

М. Вебер писал о том, что «древнейший вид обмена всегда остается меновым торгом между чужеплеменниками»¹⁰¹³.

В советской реальности спектр оценок торговой деятельности был довольно широк: от спекуляции, связанной с жадной наживы и подпадающей под действие Уголовного кодекса, до праздничной атмосферы колхозных ярмарок, торжественного открытия кооперативов, в которых стахановцы получали заслуженное вознаграждение за свой ударный труд. В последнем случае частного торговца как носителя вредных пережитков вытеснял советский работник прилавка подобно тому, как крестьянин-единоличник уступал место колхознику или работнику совхоза.

М. Хилтон пишет о том, что «после 1917 г. термин приказчик (помощник торговца, владельца торгового заведения), который обычно использовался в прошлом, вышел из употребления. Работников розничной торговли впоследствии окрестили “работниками прилавка”, “работниками торговли” или просто “продавцы” Эти новые титулы избавили продавцов от ассоциаций с вековым термином “приказчик”, который в Московском государстве относился к правительственному чиновнику (работающему в приказе), и отмежевали их от представлений о раболепии перед клиентами. Эти титулы также означали признание работников розничной торговли частью более широкого слоя пролетариата»¹⁰¹⁴.

Если в период военного коммунизма негативное отношение к торговой деятельности, воплощенной в образе мешочника, приветствовалось и поощрялось, то с введением нэпа необходимо было изменить ситуацию.

Отношение к частным торговцам. Сотрудники ОГПУ приводят в сводках сведения о том, как население Урала относится к частным торговцам. В соответствии с классовым принципом, указывается на негативное отношение к нэпачам, в противовес кооперации, к которой рабочие относились с доверием. Одновременно, говоря о проблемах со снабжением рабочих через кооперативы, приводились данные о том, что трудящиеся вынуждены обращаться к частному торговцу за товарами, которые либо отсутствуют в кооперативах, либо слишком дороги, либо ненадлежащего качества. Понимая, что без частной торговли им не обойтись, рабочие начинали относиться к частнику более лояльно.

¹⁰¹² Петти В. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 168.

¹⁰¹³ Вебер М. История хозяйства : Город. М., 2001. С. 187

¹⁰¹⁴ Hilton M. L. Selling to the masses : retailing in Russia, 1880–1930. P. 236.

В целом, предельно лаконично оценивая отношение как городского, так и сельского населения к частным торговцам, можно говорить о прагматическом подходе. Такой вывод более чем оптимистичен, так как вопреки агитации и пропаганде, население на первое место ставило удовлетворение собственных насущных потребностей, а не идеологические установки.

При описании проблем со снабжением населения продовольствием и товарами повседневного спроса, авторы сводок явно на стороне рабочих. Стремление удовлетворить базовые потребности в условиях дефицита товаров повседневного спроса привели к гибкому отношению «пролетариев» к частой торговле. Сам факт существования частного капитала не осуждался, а необходимость обращаться к частнику обосновывалась дефектами работы снабженческой сети обобщественного сектора. Более того, ссылка авторов сводок ОГПУ на более качественную работу частника (режим работы, качество обслуживания, ассортимент, цены) могут быть восприняты как способ давления, своего рода шантаж властей с целью улучшить работу обобщественного снабженческого аппарата¹⁰¹⁵.

При анализе оценок частных торговцев нельзя не учитывать роль идеологического воздействия и пропаганды на население. Парадокс ситуации заключался в том, что занятие легальным на тот момент видом деятельности – торговлей – могло повлечь за собой поражение в гражданских правах. В соответствии с инструкцией ВЦИК о перевыборах в Советы (от 13 октября 1925 г.) за занятие частной торговлей гражданин лишался избирательного права, что, в свою очередь, накладывало на него целый ряд формальных и неформальных (противозаконных по своей сути) ограничений. Двойственность и непоследовательность законодательства, ориентация скорее на дух революционной законности, чем на букву закона, ставило частных предпринимателей в весьма шаткое положение. Разумеется, эта ситуация накладывала свой отпечаток и на общественное мнение, формировало в целом в глазах населения негативный образ частного торговца как изгоя и маргинала. Поэтому тот же самый прагматизм заставлял население дистанцироваться от частного торговца, маркировать его как чужого, вопреки тесным экономическим связям и даже зависимости от него в процессе удовлетворения материальных потребностей.

Недостатки системы снабжения были очевидны и, по мнению сотрудников ОГПУ, активно использовались в антисоветской агитации и пропаганде. В сводке Пермского окружного отдела ОГПУ говорилось: «Вольный рынок. Комитет рыночных торговцев на денежную реформу смотрит недоброжелательно, как и на госторговлю, говорят, что частному торговцу только дают торговать до 5 часов, а государственному до 12 часов ночи. Ввиду понижения цен на товары большинство еще много шлет нареканий на это и на выпуск ГУМом разносчиков, которые смотрят на это с большим презрением, распуская слух, что “раньше при царизме не

¹⁰¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 97.

было никаких налогов на торговцев, а сейчас заставляют снять последние штаны. Раньше рабочий от частного торговца был обеспечен разными товарами и давал рабочим кредит, а сейчас не дают рабочим денег лишь потому, чтобы рабочий брал в их кооперации разную гниль, которая для него совершенно не нужна, но приходится брать, потому что если он не возьмет, то тогда и денег не выдадут. А сейчас нас жмут и рабочего жмут, неизвестно, что дальше будет” и т. п., а некоторые из рабочих им открыто напевают “отошли золотые ваши денечки”»¹⁰¹⁶.

Описание частного торгового предпринимательства в информационных сводках, следуя классовому и идеологически выверенному канону, содержит массу негативных характеристик. Напротив, в случае анализа экономических реалий, сотрудники ОГПУ были вынуждены признавать, что частник занимал на рынке свою нишу, которую были не в состоянии занять ни кооперация, ни государственная торговля. Таким образом, в сводках косвенно признавалась необходимость частного сектора хозяйства для хозяйства региона, отмечалось его особое место в многокладной экономике переходного периода.

Социальная неоднородность частных торговцев. Категория частных торговцев была гораздо менее однородной, а ее облик – далеко не столь однолинейно выразителен, как его изображала власть. В орбиту предпринимательских отношений втягивались миллионы рядовых и заурядных граждан государства. Торговля переставала быть сферой деятельности лишь специалистов, а превратилась в образ жизни человека, в способ его выживания.

А. Балл отмечает, что слабая распределительная система государства и нехватка самых необходимых потребительских товаров делали частный рынок, весьма устойчивый, наиболее важным источником снабжения для жителей России»¹⁰¹⁷.

Ситуация, которая описывается одним из активных участников международного коммунистического движения, общественным деятелем и писателем В. Сержем (В. В. Кибальчицем), относится к периоду военного коммунизма. В. Серж писал о ситуации в Москве в 1920–1921 гг.: «Режим той эпохи позднее получил название “военного коммунизма”. Тогда его называли просто “коммунизмом”, и на тех, кто подобно мне, допускал, что его существование временно, смотрели неодобрительно. В основе работы Бухарина “Экономика переходного периода”, марксистский схематизм которой возмутил Ленина, лежала идея о том, что такой порядок установлен окончательно. И однако жить при нем становилось просто невозможно. Невозможно, разумеется, не для руководителей, а для большинства населения... Великолепная система снабжения продовольствием, созданная Цюрюпой [правильно – Цюрупой – А. К.] в Москве и Бакаевым в Петрограде, работала вхолостую... В

¹⁰¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 87–88.

¹⁰¹⁷ Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen. P. 6.

действительности, чтобы прокормиться, каждый день приходилось пускаться в спекуляции, и коммунисты поступали так же, как и все остальные... Пайки, выдаваемые огосударственными кооперативами, были мизерны... Повсюду были расклеены плакаты со словами святого Павла: «Кто не работает, тот не ест!», превратившиеся в насмешку, так как для того, чтобы прокормиться, надо было крутиться на черном рынке, а не работать»¹⁰¹⁸.

Еще один современник этих событий, Томас Ремингтон, сообщал, что шутка дня была: «Национализация торговли означает, что весь народ торгует»¹⁰¹⁹. Оговоримся, что данные воспоминания относятся к периоду военного коммунизма, когда ситуация была намного сложнее и легальные каналы распределения были практически парализованы. Период нэпа в этом отношении был уже более благоприятен, а роль черного рынка не всеобъемлюща. Однако торговлей по-прежнему занимались практически все социальные слои и группы населения.

Карикатура в журнале «Крокодил», сопровождалась следующими стихами: «На московском базаре всякой твари по паре! / Вот – генерал бывший, / Горячо Николая любивший, / Продает с лампасами брюки / По всем правилам военной науки. / Вывеске не особенно верь, – / Лучше загляни за дверь: / В руках – с молоком бидон, / А дома – самогон; / Папиросы на лотке, / А кокаин – в чулке!... / А вот – стоп! / Переодетый поп. / Худ как спичка, / Под шапкой косичка. / Продает под шумок кадило. / Как-бы это не дошло до “Крокодила”!»¹⁰²⁰

Торговля в условиях дефицита товаров повседневного спроса перестала быть профессиональной сферой деятельности, а превратилась в образ жизни человека, в способ адаптации, дающий шанс на выживание, т. е. с одной стороны становилась массовой профессией, с другой, депрофессионализировалась¹⁰²¹. В экстремальных условиях, когда традиционные системы производства и распределения давали сбои, происходил процесс, обратный общественному разделению труда, фактически – регресс, а гражданин был вынужден примерять на себя роль не только потребителя и производителя, но и торгового посредника.

В торговую деятельность включались не только отдельные граждане, но и организации, ничего общего с распределением не имеющие. Так, по данным учета торговли за 1924/25 и 1925/26 гг. по Уралу, торговые патенты выбирали: Окргемуправление, ОкргОНО, Местхозы, РИКи, места заключения, учебные заведения и так далее, вплоть до Окргвоенкоматов и почтово-телеграфных контор. Не меньше пестроты было и в перечне общественных организаций, ведущих торговлю. Среди них были клубы и пожарные дружины, театры и Авиахим, и даже Союз безбожников¹⁰²².

¹⁰¹⁸ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 142–143.

¹⁰¹⁹ Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nomen. P. 7.

¹⁰²⁰ Неунывающие базаряне. Рис. Д. Мельникова // Крокодил. 1923. № 8 (38).

¹⁰²¹ Килин А. П. «Кто не торгует, тот не ест!» // Quaestio Rossica. 2017. № 4. С. 1047–1062.

¹⁰²² Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 54.

Торговые обороты всех этих организаций были невелики и составляли в 1924/25 г. всего 1,2 млн руб., а в 1925/26 – 2,3 млн руб.¹⁰²³ Показательным является само обращение государственных и общественных организаций к торговой деятельности, позволявшей им решить, пусть частично, свои хозяйственные проблемы.

Таким образом, доля населения, занимавшаяся торговлей, все росла и практически не поддавалась учету. Вот зарисовка В. Сержа: «В конце 1922 г. я некоторое время пробыл в Москве. Россия возвращалась к жизни, Петроград залечивал свои раны и выходил из разрухи... Террор прекратился, хотя и не был отменен, кошмары старались позабыть... на рынках кишели толпы, злачные места изливались музыкой, босоногие мальчишки бегали по улицам за извозчиками, предлагая парочкам цветы... Было много нищих, но они не умирали с голоду»¹⁰²⁴.

Количество занятых в частном секторе (включая сельское хозяйство), превосходило число трудящихся в обобществленном хозяйстве. На Урале в 1923/24 г. они составляли 81,7 % от всего занятого населения; позже, к 1926/27 г., их доля сократилась до 76,9 % (табл. 31 Приложения).

В представленных данных отсутствует деление частного сектора по сферам деятельности. Однако известно, что значительная часть населения Урала в описываемый период – крестьяне, которые трудились в собственных хозяйствах. Подавляющую часть населения, занимавшуюся предпринимательством, составляли торговцы, либо люди, которые в той или иной мере занимались торговым посредничеством и были вынуждены брать патент на торговую деятельность.

В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. находим следующие данные по виду занятий населения (табл. 32 Приложения)¹⁰²⁵. Не преобладая в количественном плане, самую большую долю торговцев дает группа городских жителей, женщин, в случае хозяев с наемными рабочими – 24,6 %, а также одиночек – 21,1 %. К категории торговцев можно также отнести часть безработных, т. е. лиц, не пожелавших раскрыть информацию о своем занятии. Отметим большую долю населения, занятого в различных секторах экономики в качестве рабочих и служащих, но занимающихся торговлей.

Материалы, приведенные в целом ряде исследований, а также данные личных дел «лишенцев» свидетельствуют о том, что в годы нэпа в основной массе граждане прибегали к торговой деятельности впервые и ранее не были профессиональными торговцами. Л. Ф. Морозов отмечает, что в значительной своей части нэпманская буржуазия состояла из лиц, не занимавшихся до октября 1917 г. капиталистическим предпринимательством.

¹⁰²³ Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 54.

¹⁰²⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. С. 200–201.

¹⁰²⁵ Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия // Отдельный оттиск табличной части тома XXI. М., 1929. С. 120–121.

Исследователь справедливо обращает внимание на структурные изменения, которые претерпело общество в 1920-е годы. Он пишет: «Революция и Гражданская война разметали большую часть прежней крупной и средней буржуазии, лишив ее средств производства и поставив перед необходимостью или эмигрировать, или капитулировать перед советской властью. Новые же предприниматели являлись в своем большинстве выходцами из мелкобуржуазных слоев, часть которых стала заниматься нелегальной торговлей и промыслами еще в период военного коммунизма. Немало среди них было различных деклассированных элементов, по различным причинам отошедших в годы хозяйственной разрухи от своего класса»¹⁰²⁶.

По нашему мнению, предпринимательская инициатива дореволюционной буржуазии не проявилась в годы нэпа по ряду причин. С одной стороны, эти слои населения в наибольшей степени подвергались экспроприации и давлению со стороны властей, вся их жизнь находилась под контролем если не со стороны правоохранителей, то административных органов и бдительных граждан. С другой, надежда на эмиграцию или скорое свержение большевиков порождала у «бывших» пассивность в экономической сфере. Основная их энергия уходила на борьбу за выживание, так как они практически были отрезаны от легальных каналов социального обеспечения. По идеологическим мотивам, предпринимательская деятельность в условиях советского государства многими могла расцениваться как пособничество враждебным социальным группам. Несомненно, сказалась и традиционная слабость российской буржуазии, не сформировавшейся к началу XX в. как полноценный и самоопределившийся слой общества.

Среди новоявленных торговцев были потерявшие работу промышленные рабочие, крестьяне, ушедшие на поиски заработка в города, и чиновники, чьи услуги не торопилась воспользоваться новая власть, считая их неблагонадежными. Практически в торговле были представлены все социальные группы раннесоветского общества. Брошенные по необходимости в торговую деятельность во времена военного коммунизма, наиболее удачливые из предпринимателей оставались на плаву и в годы нэпа. Именно инициативные и занялись организацией связей внутри хозяйственного механизма, как правило, используя благоприятную ситуацию и обогащаясь в том числе и за счет государства.

В состав торговцев попадал и спецконтингент, опекаемый органами ОГПУ. Так, например, анализируя состав безработных, зарегистрированных на бирже труда, агент упоминает тех, кто вовсе не нуждался в работе, так как занимался спекуляцией. Аналогичные сведения встречаются в отношении ссыльных, которые в условиях безработицы были вынуждены заниматься частными промыслами и торговлей. По информации Шадринского окружного отдела ОГПУ: «В округе находятся 30 человек административно-ссыльных, из них 26 в

¹⁰²⁶ Изменение социальной структуры советского общества (1921 – сер. 30-х годов). М., 1979. С. 116.

Шадринске и 4 в Камышлове. Большинство из них [ничем] не занимаются и нащупывают возможность выгодного заработка, лица же, не имеющие денежных средств, стараются поступить куда-либо на службу в соворганы, но за отсутствием последних вакантных должностей попытки их остаются тщетным. Бывшие коммерсанты завязывают связи с торговцами, частными предпринимателями и прочими нэповскими дельцами. Население к ссыльным относится недоверчиво. Все ссыльные ожидают пересмотра о них дел, особенно биржевики, за которых будто бы ходатайствует биржевой комитет Ленинградской фондовой биржи. За отсутствием спроса на рабочую силу предприимчивые прибегают к аферам, преследуя цель добыть источники средств к существованию. Один из этой группы пытался перебраться в Челябинск, но в 50 верстах от Шадринска был задержан и доставлен к месту ссылки»¹⁰²⁷.

Таким образом, можно получить представление о тех социальных группах, из которых рекрутировались частные торговцы. При упоминании социального происхождения родителей школьников или учащихся техникума вновь встречаются частные торговцы. Отмечая «засоренность» правлений кооперативов неблагонадежными элементами, наряду с кулаками, бывшими офицерами и священнослужителями упоминают торговцев.

Несомненный интерес представляют данные о социальном составе торговцев. Приведем сведения по Петрограду на 1 июня 1922 г., которые, по нашему мнению, отражают общую тенденцию. Среди лиц, занимавшихся торговлей, бывших торговцев было 26,2 %, домашних хозяек – 28,4 %, ремесленников – 13,4 % и служащих – 5,7 %¹⁰²⁸.

О том, что эти данные отражали устойчивую тенденцию, свидетельствуют статистические сведения по всей стране за более поздний период. По данным экспедиционных обследований торговли 1927 и 1928 гг., нэпманская торговая буржуазия состояла почти на 2/3 из «новых» людей – выходцев из различных классов и групп. Торговля была своеобразным убежищем для деклассированных элементов, где они пытались адаптироваться к новым условиям жизни. Старые торговцы, по данным 1927/28 гг., составляли всего 28,7 %, крестьяне – 22,8 %, торговые служащие – 13,4 % и домашние хозяйки – 7,4 %. Однако, среди владельцев оптовых заведений торговцев с дооктябрьским стажем было свыше 51 %, полуоптовых – 44,5 %, а среди владельцев крупных розничных магазинов – 39,3 %. Велика была доля бывших торговых служащих – 27,2 % от всего состава оптовиков¹⁰²⁹. Следовательно, сила традиции и навыки прежней деятельности позволяли купцам и приказчикам более эффективно организовать распределение, использовать частично сохранившиеся коммерческие связи и клиентуру.

¹⁰²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 138.

¹⁰²⁸ Изменения социальной структуры советского общества. С. 116–117.

¹⁰²⁹ Там же, С. 117.

Прослеживая судьбу лиц, занимавшихся в прошлом частной торговлей, можно сделать вывод о нисходящей социальной мобильности и маргинализации предпринимательских слоев.

В коллективной монографии, посвященной социальным проблемам советского общества, приводятся сведения о дальнейшей судьбе бывших торговцев¹⁰³⁰. Они представлены в табл. 33 Приложения.

Лишь малая часть предпринимателей продолжала заниматься торговлей по твердым ценам, торговым посредничеством, стала владельцами и совладельцами промышленных предприятий. Очень разнородной предстает группа «проживающих свои капиталы» (6,4 %), к которой, по-видимому, относятся не только благополучные нэпманы, но и безработные. Наибольшую группу составляли перешедшие на работу в сельское хозяйство и прочие (31 %). 24 % из общего числа бывших торговцев выбыли в другую местность. Это были, по официальной формулировке, «занимающиеся нелегальной деятельностью, разысканные, не имеющие определенных занятий и т. п.»

По мнению В. А. Архипова и Л. Ф. Морозова, которые негативно оценивали роль частных предпринимателей¹⁰³¹, большинство из них рассыпалось по стране, нередко скрывая свое социальное положение и занимаясь хищнической деятельностью. Репрессированные (осужденные к заключению, высланные) составляли среди нэпманов в конце 1920-х гг. незначительную долю (в среднем 4–5 %). Лишь в Москве и некоторых других городах этот показатель был выше среднего (7–8 %)¹⁰³². Эти данные позволили автору сделать вывод о ненасильственных методах вытеснения частного капитала. С этим положением трудно согласиться.

Значительная доля выбывших в другую местность, по нашему мнению, объясняется последствиями системы репрессивных мероприятий по отношению к бывшим торговцам. Именно тяжелые условия жизни заставляли человека срывать с места и скрываться. Теряя избирательное право, он терял работу, не мог вступить в колхоз и прочее. В число выбывших входили торговцы, высылаемые из мест своего постоянного проживания, подвергшиеся конфискации имущества и осужденные. Это еще раз доказывает, что репрессивные мероприятия властей носили массовый и планомерный характер.

При обработке личных дел «лишенцев» была сделана попытка ответить на вопрос о характере деятельности жалобщика на момент написания заявления. Лишь один гражданин из 171 по-прежнему занимался торговлей. Наибольшее количество «лишенцев» было занято в сельском хозяйстве, вернувшись, таким образом, к прежней деятельности. Многие из них и не

¹⁰³⁰ Изменения социальной структуры советского общества. С. 129–130.

¹⁰³¹ Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. М., 1978. 263 с.

¹⁰³² Изменение социальной структуры советского общества (1921 – сер. 30-х годов). С. 130.

прерывали связи с деревней. 48 из них имели свое хозяйство, шестеро трудились по найму, семеро занимались ремеслом в деревне, трое совмещали хлебопашество с другими видами деятельности. Всего на селе осело 64 человека. Работой по найму в городе было занято 22 бывших торговца, 18 занимались ремеслом, 14 работали в промышленности и 17 состояли на государственной службе. Этой группе сильно повезло, так как лишенный избирательных прав подвергался увольнению в первую очередь. Среди работавших на государственной службе большинство имело специальное образование, поэтому в их услугах особенно нуждались. Безработными оказались 14 человек, 11 находились на иждивении других лиц и двое на пенсии. Один из «лишенцев» служил в армии, а на четверых нет сведений. Расклад благоприятный, так как сельское хозяйство давало минимальные средства к существованию. Однако невозможность вступить в колхоз и положение неполноправного свободного влекли за собой последующие репрессии: раскулачивание, высылку, конфискацию имущества, в т. ч. скота и пр.

Эти причины служили побудительными мотивами для возбуждения ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Дополнительные данные о занятиях бывших торговцев можно получить, обратившись к табл. 34 Приложения.

Среди выявленных нелегальных торговцев в 1930-е гг. бывшие торговцы стояли на третьей позиции, уступая по численности рабочим и служащим, а также крестьянам-единоличникам. Лишь кустари оказались менее активны, чем бывшие частные предприниматели. Вновь налицо замена субъектов торговой деятельности, в которую включаются новые социальные группы, классы советского общества – рабочие и крестьяне – за счет вытеснения бывших буржуазных элементов. Используя выражение бывшего торговца П. Д. Акулова, «зараза»¹⁰³³ частной торговли распространилась и на классы, считавшиеся опорой нового режима. Активное вовлечение в посредническую деятельность рабочих свидетельствует о дефектах советской распределительной системы. Вследствие ликвидации частной торговли и вольного рынка на черном, нелегальном рынке начинают действовать субъекты рабоче-крестьянского происхождения.

С ликвидацией предпринимательства эпохи нэпа, конечно же, сократились масштабы сети распределения, альтернативной государственной, но суть её осталась прежней – приобрести необходимый товар за деньги. В условиях советской действительности уравнильное распределение для большинства населения сочеталось с системой кормлений, льгот и привилегий для зарождающейся правящей группы. Таким образом, при непосредственном участии государства формировался еще один черный рынок. Он действительно являлся черным, так как был абсолютно недосыгаем и непроницаем для широких слоев населения. Нелегальный и легальный черные рынки успешно сосуществовали и взаимодополняли друг

¹⁰³³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93.

друга на протяжении всей советской истории. Таким образом, можно говорить о ситуации, когда на новом витке истории происходило копирование социальной структуры классового общества, преломленной сквозь призму нового государства.

«Торговый пролетариат» или «пролетарий-торговец». Рассматривая формы торговли, мы упоминали оценку мелких торговцев как торговых пролетариев. При этом в торговую деятельность активно вовлекались и настоящие пролетарии. Если занятия торговлей «бывшими», безработными, крестьянами и прочими мелкобуржуазными слоями населения представляется вполне естественным явлением, то вовлеченность в торговлю рабочих государственных предприятий, от имени которых осуществлялась диктатура пролетариата, заслуживает особого внимания, поскольку наиболее ярко демонстрирует дефекты централизованной распределительной системы¹⁰³⁴.

Участие рабочих в торговле необходимо рассматривать в нескольких аспектах: рабочие как потребители; рабочие как продавцы продукции собственного производства (кустари-ремесленники); рабочие как перепродавцы, что являлось, по сути, спекуляцией, но весьма своеобразной, так как от этих операций рабочие несли существенные потери. С точки зрения частного рынка, рабочие выступали не только как покупатели, но и как поставщики товара, получаемого по легальным или нелегальным каналам.

В силу идеологических причин социально-бытовые условия рабочих были в центре внимания советской историографии. В постсоветский период этой проблеме не уделяли столь большого значения, однако, исследование проблем модернизации, в том числе истории уральской промышленности вновь актуализировало рабочую проблематику. В ряде работ упоминается процесс вовлечения рабочих в торгово-посредническую деятельность, как правило, в период военного коммунизма. По данным А. Ю. Давыдова, второе место после крестьян среди мешочников занимали рабочие¹⁰³⁵. И. В. Нарский рассматривает структуру бюджета рабочих семей г. Екатеринбурга летом 1922 г.: «Удельный вес заработной платы составлял 78 %, продажа имущества приносила 10 % семейного дохода, займы – 4 %, безденежные поступления – 3 %, приработок на стороне – 2 %, продажа продуктов своего хозяйства, предметов государственного снабжения, торговля составляли всего 1 % поступлений в семью. Однако в наименее состоятельных семьях доля продажи имущества в структуре бюджета возрастала до 22 %, а натуральный доход до 68 %»¹⁰³⁶.

¹⁰³⁴ Эти проблемы затрагивались в параграфе 3.2. «Смычка города и деревни».

¹⁰³⁵ Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 136–137.

¹⁰³⁶ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. С. 544.

В воспоминаниях В. Сержа содержится информация о том, что в годы военного коммунизма «рабочие проводили время на мертвых заводах, изготавливая ножи из деталей станков и подметки из приводных ремней, чтобы обменивать их на толкучке»¹⁰³⁷.

Описывая проблемы снабжения в 1928 г., накануне введения карточной системы, Т. С. Кондратьева упоминает рабочих как участников посреднической торговли: «Перекупщиком становился не только агент частника из безработных, но и рабочий, и его жена, и приезжий командировочный, и инвалид. Спекулировали, чтобы выжить. Ведь того, что можно было получить от государства, на семью не хватало»¹⁰³⁸.

Можно утверждать, что распределительная система являлась одной из форм контроля государства над гражданами. На этот аспект проблемы делает акцент М. Г. Меерович при рассмотрении советской жилищной политики¹⁰³⁹.

В работе С. П. Постникова и М. А. Фельдмана со ссылкой на «Рабочий журнал» (печатный орган профсоюзов) приводятся данные о результатах обследования быта рабочих в 1922 г.: «В сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились, по крайней мере, втрое. Если расходы на питание уменьшились в 3 раза, то на культурные потребности в 4 раза, на гигиену в 8 раз, на одежду в 11 раз, на табак и напитки в 15 раз»¹⁰⁴⁰.

Несмотря на то, что значительную часть расходов брало на себя государство, авторы считают, что в полной мере оно не могло удовлетворить потребности и уровень потребления сокращался в абсолютных величинах. Недостающие ресурсы население должно было изыскивать самостоятельно.

В документах факты патриархальщины, обывательщины и мещанства в рабочей среде напрямую связывают с частнособственническими интересами, оцениваются как тревожный сигнал, идущий вразрез с идеологическими установками партии. В сводках ОГПУ говорилось о том, что «быт рабочих в большинстве своем вырисовывается чисто мещанский»¹⁰⁴¹. В материалах содержатся детальные описания повседневной жизни рабочих. С одной стороны, они демонстрируют картины повседневности жителей городов и рабочих поселков, с другой, показывают ограниченность покупательной способности пролетариата, снижение уровня потребления как материальных, так и культурных благ.

Как рядовой советский гражданин, рабочий мог получить необходимые ему продукты, воспользовавшись государственной централизованной распределительной системой, через государственные магазины синдикатов и трестов. Если это ему не удавалось, то он, уже в

¹⁰³⁷ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. С. 142–143

¹⁰³⁸ Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2009. С. 95.

¹⁰³⁹ Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. 303 с.

¹⁰⁴⁰ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России. С. 160.

¹⁰⁴¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 56.

качестве члена трудового коллектива, обращался к тем ресурсам, которые имелись в распоряжении завода или фабрики. Это мог быть кооператив, который создавался при активном участии администрации предприятия, или фонды, которые использовались администрацией для материального стимулирования работников. Фонды, в свою очередь, могли носить легальный или полунелегальный характер, например, приобретать вид подсобных цехов или общественных огородов, скрытых от учета сырьевых или товарных излишков. Если и после этого потребности рабочего оставались неудовлетворенными, то он был вынужден самостоятельно изыскивать возможности для решения проблем снабжения своей семьи. Арсенал методов был довольно широк, но проблема заключалась в том, что все они отвлекали рабочего от основного места работы, требуя больших затрат времени, физических и душевных сил. Отметим, что самообеспечение, адаптация рабочих к условиям товарного дефицита всегда балансировала на грани закона, включала в себя как легальные, так и нелегальные формы.

Классовая дифференциация общества не ограничивалась делением на своих и чужих, наших и не наших. Она предполагала, помимо подразделения на рабочий класс и крестьянство, более глубокую дифференциацию внутри каждого класса. Вопреки массовым представлениям о том, что весь рабочий класс является пролетариатом, от имени которого реализуется его диктатура, практика демонстрирует расслоение производственного персонала промышленных предприятий. В большей степени зависимость от предприятия испытывали пролетарии, т. е. рабочие, которые не имели собственного хозяйства, скота, проживали в арендованных или предоставленных предприятием помещениях; в то же время они были и самой мобильной группой. С точки зрения доминировавших идеологических установок, именно эти рабочие являлись подлинными пролетариями и должны были являться основной социальной опорой советского строя. Их интересы самым тесным и непосредственным образом были связаны с конкретным предприятием, на котором они работали, так как заработная плата должна была являться основным и единственным источником их существования. Напротив, рабочие не пролетарии, а полурбочие-полукрестьяне были в меньшей степени зависимы от предприятия.

По нашему мнению, зависимость пролетарского слоя рабочих от торгово-посреднической деятельности должна была быть достаточно высокой. Лишенные собственного хозяйства, они вынуждены были обращаться за необходимыми товарами, в первую очередь за продуктами питания, в торговую сеть (государственную, кооперативную или частную). Система общественного питания на производстве в 1920-х гг. еще не была широко распространена. Множественность идентичностей уральского рабочего представлена на Рис. 11.

В качестве покупателя роль рабочего уральского предприятия вполне ясна и понятна – это человек, который, имея на руках деньги, полученные в качестве заработной платы, желает их обменять на востребованный им или членами его семьи товар повседневного спроса,

продовольствие или услугу. Вопрос заключался в том, достаточно ли у него было денег для приобретения необходимых продуктов, и была ли у него возможность выбора торгового заведения. В этом контексте необходимо рассматривать рабочих как рыночный сегмент, на который ориентировались частные торговые посредники, прежде всего в городах и рабочих поселках.

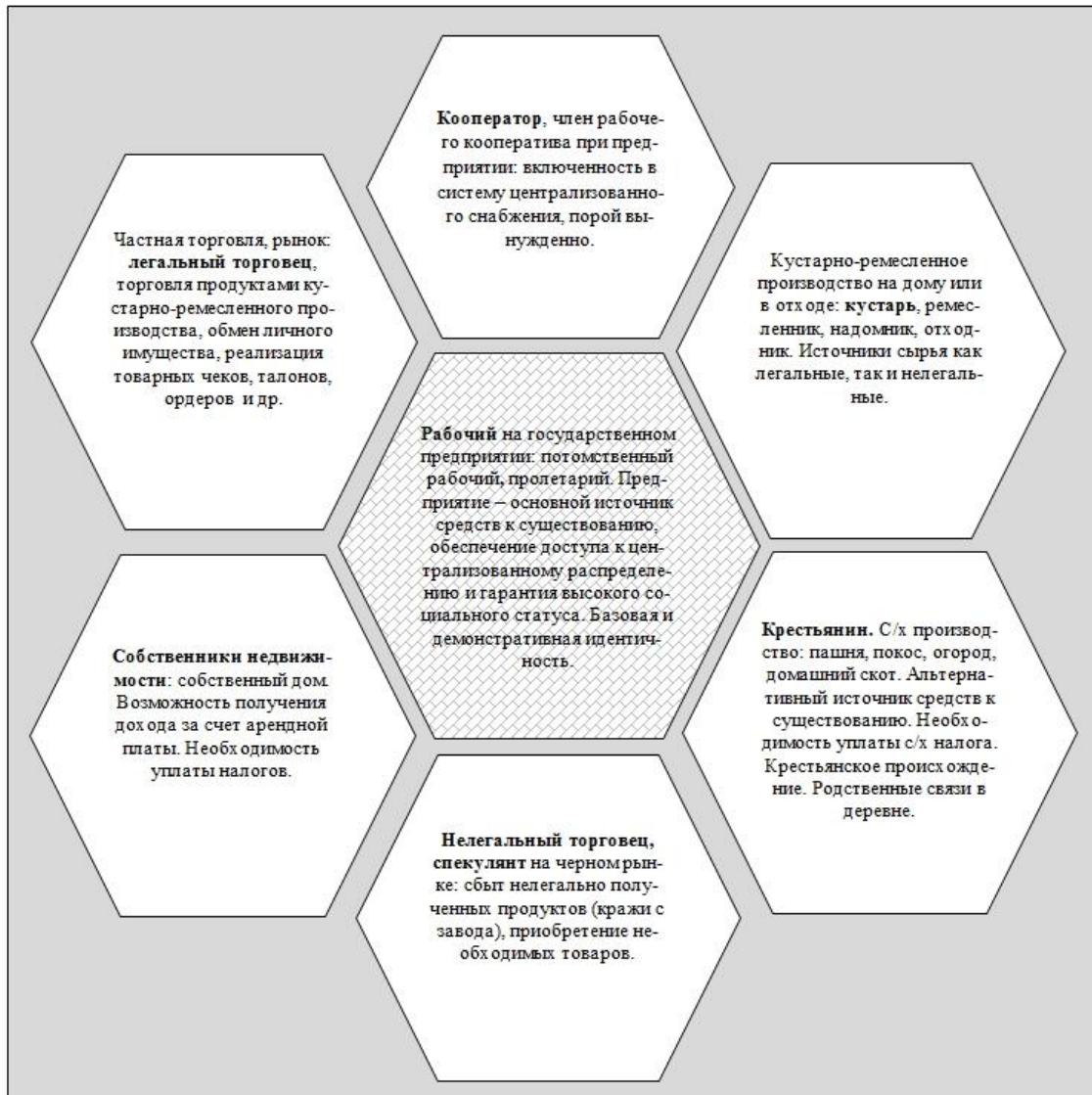

Рис. 11. Множественность идентичностей уральского рабочего.

Торговые практики рабочих, которые не имели прямого отношения к работе на предприятии, сводились к приобретению на рынке путем бартерного обмена или за деньги продуктов питания непосредственно у крестьян, приезжающих в город на рынок. Рабочий продавал на рынке собственное имущество в ситуации отсутствия наличных денег и накоплений. Приводятся факты продажи верхней одежды, буквально с себя, для сбора средств на дорогу при необходимости переехать на новое место работы. На рынке осуществлялась продажа продуктов кустарно-ремесленного производства, изготовленных рабочими дома, в

свободное от работы время. Эта сделка могла рассматриваться как не связанная с предприятием при условии, что сырье не попадало в руки рабочему с его завода легальным или нелегальным (путем хищения) путем.

Торговая деятельность, напрямую или опосредованно связанная с предприятием, была следствием дефектов распределительной или денежной системы. Рабочими практиковалась продажа товаров, выданных на предприятии в качестве натурального эквивалента заработной платы. В том случае, если завод выпускал фабрикат, востребованный потребительским рынком, такого рода товарообмен мог сулить выгоду (консервы, оконное стекло, кирпич, кожевенные изделия).

Из Кургана сообщали: «Рабочие консервного завода последнее время заявляют недовольство на перебои в заработной плате, но более всего рабочих волнует то, что им не выплачивают полностью жалованья дензнаками, а придерживаются следующих пропорций: 80 % дензнаками и 20 % продукцией завода, как то брак – консервы и колбаса»¹⁰⁴². В этой связи, рабочие могли быть заинтересованы в выбраковке качественной продукции.

Самой распространенной формой участия рабочих в торговой деятельности (по материалам сводок ОГПУ 1924 г.) была реализация на рынке товаров, приобретенных в кооперативах, но не соответствовавших потребностям покупателей. При этом стоимость товаров в кооперативном магазине была намеренно завышена не без участия руководства предприятием, как справедливо отмечали сами рабочие, с целью скорейшего покрытия задолженности по заработной плате. В связи с тем, что рабочие, имевшие на руках вместо денег продукты, в массовом порядке выходили на рынок одновременно и с однотипными товарами, которые им выдавались по завышенным ценам, шанса реализовать их с прибылью не было. Напротив, товар по необходимости реализовывался со значительной скидкой.

В информационной сводке Тагильского отдела ОГПУ от 23 мая 1924 г. говорится: «Нижнетагильский завод. <...> Общее материальное положение рабочих тяжелое, зарплата не выдана за март, апрель и май месяцы. За эти месяцы выданы только продукты из ЦРК [Центральный рабочий кооператив – А. К.] и заводских складов, предусмотренные кол[лективным] договором, которым рабочие недовольны, так как согласно колдоговора им выдают только ржаную муку, крупу, соль и мясо и больше ничего, т. е. ЦРК отпускает продуктов рабочему не более 15 % его заработка в месяц, а остальная сумма остается за заводоуправлением, тогда как по старому колдоговору, рабочий мог в ЦРК получить что хочет, под весь заработок. Кроме того Правление Средне-Уральского треста со своих складов выдает рабочим в счет зарплаты сеянку по 4 руб. за 1 пуд, тогда как такую же муку можно купить на рынке по 2 руб. 90 коп. за пуд. Здесь рабочие определенно обвиняют администрацию завода и

¹⁰⁴² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 9.

треста и говорят, что “в счет зарплаты нам можно и дороже продать, ибо нам в силу необходимости приходится брать, а им лишь бы скорее ликвидировать задолженность”. (Меры профсоюза, как в том, так и в другом вопросе приняты)»¹⁰⁴³.

Сводка Тобольского окружного отдела ОГПУ содержит следующие сведения: «В счет жалования-зарплаты из магазина Местхоза рабочим отпускаются товары, но подбора таковых нет, и рабочим приходится брать совершенно ненужный им товар – спички, ящик которых им отпускает Местхоз по 16 руб., рабочие же продают эти спички спекулянтам по 12–14 руб. ящик. Подобное этому явление наблюдается и в магазине Облгосрыбпрома, служащие и рабочие, покупая по [заборным] книжкам товар, перепродают его спекулянтам, купленный в магазине Облгосрыбпрома сахар-рафинад по 37 коп. перепродают несколько дороже, тем самым они ненужные продукты принуждены изыскивать средства спекулятивным способом, прибегая к услугам частного торговца»¹⁰⁴⁴.

На Алапаевском заводе в июне 1924 г.: «За март и апрель, и май месяцы задолженность за эти месяцы выдается предметами широкого потребления как то: мукой, сахаром кожаной обувью, костюмами и т. д., что не удовлетворяет рабочих, так как им нужны деньги и рабочие все это несут на базар и продают дешевле, чем им обошлось, так сахар завод отпускает 33 ½ коп. за фунт, а рабочий продает его от 25–27 коп. за фунт»¹⁰⁴⁵.

Аналогичная ситуация складывалась и на нижнетагильских предприятиях: «За март месяц частично выдают натурой: кожей, мылом, консервами и мукой, последняя дороже, чем на рынке, почти на 2 рубля, так в заводе мука белая отпускается по цене 4 руб. 72 коп. за пуд, а на рынке такую же муку можно купить по 2 руб. 90 коп. за пуд, чем рабочие, безусловно, недовольны, но все-таки они вынуждены ее брать, так как купить на вольном рынке им не на что. Получаемые товары в заводе рабочие несут на базар и продают в два раза дешевле торгашу, только лишь потому, что им нужны деньги. Недовольство рабочих на получаемые малые оклады, объясняется тем, что, например, помощник машиниста получает только 18 руб., а семейному жить на это жалование очень трудно, и они определенно указывают на администрацию, что они получают высокие ставки и всегда получают деньгами и своевременно, а нам, рабочим, и авансом даже несколько копеек и то не дают»¹⁰⁴⁶.

Деньги были нужны не только для приобретения продуктов и товаров повседневного спроса. Еще более настоятельным стимулом являлось требование со стороны фискальных органов заплатить сельскохозяйственный налог тем рабочим, кто имел собственное хозяйство (пашню, покос, крупный и мелкий рогатый скот). Неуплата налога влекла за собой начисление

¹⁰⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 58.

¹⁰⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 207.

¹⁰⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 66.

¹⁰⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 62.

пени и штрафы. Деньги требовали и хозяева домов, у которых рабочие, не имевшие собственного жилья, арендовали помещения.

Поиск наличных денежных знаков проходил по различным направлениям. Нами уже рассматривался вопрос об участии рабочих и служащих, главным образом домовладельцев, в обществах взаимного кредита. Участие в ОВК не приветствовалось, более того, декларировалась несовместимость одновременного членства в профсоюзах и в частных кредитных товариществах. После утверждения ЦИКом и СНК СССР 8 февраля 1928 г. проекта «Положения об ОВК» участие рабочих и служащих в этих организациях стало окончательно невозможным¹⁰⁴⁷.

Широко практиковалась продажа на рынке талонов, чеков и ордеров, которые выдавались на предприятиях для получения в государственных и кооперативных магазинах указанных в них товаров (отоваривание). Талоны продавались и в случае отсутствия необходимых товаров в кооперативных магазинах или при продаже кооперативами дефицитных товаров исключительно за наличные. Талоны скупали частные посредники, обменивали их на товары в кооперативных лавках, а затем реализовывали на других территориях, в т. ч. в деревне, везде, где они пользовались повышенным спросом.

Таким образом, дефекты централизованного снабжения существенно сокращали доходы рабочих, пополняли частный сектор товарами и позволяли частным торговцам получать прибыль. Уже отмечалось, что данные факты интерпретировались сотрудниками ОГПУ не только как способствующие росту социальной напряженности, но и как повод для политических выпадов в адрес государственной и кооперативной торговли и государства в целом. Как вызывающая особую тревогу оценивалась ситуация, при которой талоны обменивались у крестьян на самогон. Помимо алкоголизации населения, это приводило к снижению жизненного уровня членов семьи рабочего. Напротив, крестьяне получали доступ к товарам широкого потребления с дисконтом в 20–30 % от первоначальной цены, учитывая, что себестоимость производства самогона была достаточно низкой¹⁰⁴⁸.

«Нам она [самогонка] обходится дешевле, чем покупать пиво или русскую горькую. На пуд хлеба мы выгоним самогона полведра и будет стоить 40 или 50 коп., а русская горькая стоит 1 руб. 85 коп. бутылка, так что на одну бутылку ее нужно продать пять пудов хлеба, а здесь, говорит, дешево и сердито»¹⁰⁴⁹.

Отметим, что все вышеперечисленные формы торговых практик явно не способствовали повышению жизненного уровня рабочих, но все же относились к легальным. К теневому

¹⁰⁴⁷ Килин А. П., Носова П. В. «Капитал в складчину»: социальный состав членов Обществ взаимного кредита на Урале времен нэпа // Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа, 2005. С. 72–101.

¹⁰⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 106.

¹⁰⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 234 об.

сектору экономики, точнее, к его криминальному сегменту, можно отнести хищения с предприятия сырья и комплектующих и реализацию их на черном рынке.

Информационная сводка по Курганскому округу содержит следующие данные: «Промышленность. Турбинный завод. Механический цех. Зав[едующий] заводом говорит, что на базаре продаются болты от маслообработников, принадлежащие Турбозаводу, говорит также, что знает, кто их продает, но мер к выявлению злоупотреблений не предпринимает. Литейный цех. Положение такое же, был случай, что при обрубке литья, по словам обрубщика Малявина, из литья ушло 3 шестерни в брак, но они оказались на барахолке. По заявлению некоторых продал их сам же Малявин, но он говорит, что говорят, что из-за личных счетов. Сейчас Малявин работает в механическом цехе слесарем. <...> Изделия завода на частном рынке продолжают продаваться, но мер к этому, т. е. к прекращению злоупотреблений, администрацией не принимается»¹⁰⁵⁰.

На кожевенном заводе в г. Кургане при остром дефиците сырья «наблюдается хищение готового товара, но продававший попался и в настоящее время, можно думать, что это будет уроком и другим рабочим»¹⁰⁵¹. Как отмечается в сводке, на заводе работают совершенно не знакомые друг другу люди, выходцы из других заводов, попавшие под сокращение или уволенные с других заводов.

В соответствии с налоговым законодательством, рабочие, которые выступали в роли торговых посредников временно или эпизодически, для которых торговля не являлась самостоятельным источником дохода, не рассматривались в качестве субъектов налогообложения. Рабочим не вменялось в обязанность приобретать патенты на занятие торговлей. Здесь содержалось их существенное отличие от крестьян, которых работники фиска зачастую заставляли выбирать патенты даже при реализации продукции собственного производства на рынке, что противоречило законодательству. Поэтому данные патентного учета не позволяют детально фиксировать участие рабочих в торговой деятельности. Исключение составляют граждане, которые в период безработицы профессионально занимались торговлей, приобретали патент, а потом возвращались к производственной деятельности. Анализ личных дел «лишенцев» позволяет проследить их судьбы.

Период военного коммунизма, новая экономическая политика и последовавший за ней период формирования мобилизационной экономики демонстрируют активное вовлечение рабочих в торгово-посредническую деятельность. В начале 1930-х гг., когда нажим на частного предпринимателя и ликвидация легальных форм частной торговой деятельности были в самом разгаре, среди тех, кого финансовые работники отлавливали на рынках и штрафовали за

¹⁰⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 132–133.

¹⁰⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 168.

нарушения правил торговли, рабочие по численности оказались на втором месте после «прочих нетрудовых элементов» (см. табл. 34).

Ущербное, дискриминируемое властями и существовавшее на полулегальном положении частное предпринимательство не могло заместить прежнюю, дореволюционную торговую сеть. Государственный распределительный механизм находился в стадии становления, испытывал острый дефицит не только продуктов и финансов, но и кадров. Кооперативное движение, на которое возлагались большие надежды, сочетало в себе недостатки как частника, так и госструктур. В его адрес постоянно звучали обвинения как в отсутствии предприимчивости, так и в рвачестве, в увлечении чисто коммерческой деятельностью, в игнорировании идей кооперативного движения. Складывалось впечатление, что потребительские кооперативы должны были решать задачи снабжения населения ходовыми, востребованными товарами по ценам ниже рыночных, но при этом быть безубыточными, приносить определенный доход, услуги предоставлять качественные и с минимальной торговой наценкой. Учитывая товарный дефицит, ограниченность денежного обращения, отсутствие подготовленных (как в профессиональном, так и в идеологическом плане) кадров и территориальную удаленность торговых центров, задачи, поставленные перед кооперативами, были нереализуемыми.

В предлагаемых обстоятельствах снабжение граждан товарами повседневного спроса становилось их личным делом, а не профессиональных торговых посредников. Процесс адаптации к неблагоприятным и изменяющимся условиям, основанный на принципах самообеспечения и самоснабжения, был ориентирован не столько на повышение жизненного уровня, сколько на выживание, собственное и членов семьи. Эта деятельность составляла основу жизненного цикла, повседневного бытования человека в годы новой экономической политики. Острота проблемы была частично купирована допущением в советскую экономику элементов рыночного хозяйства, но говорить о нэпе как о золотом веке предпринимательства нельзя, а рост благосостояния населения в эти годы необходимо соотносить с низким исходным уровнем времен гражданской войны.

Вовлечение населения в торгово-посредническую деятельность на различных этапах становления и развития раннесоветского общества проявлялось с различной интенсивностью и зависело прежде всего от степени насыщения товарами повседневного спроса, эффективности товаропроводящей сети и использования механизмов материальной заинтересованности.

Чем острее был товарный дефицит, чем уже спектр альтернатив и возможностей для получения необходимых продуктов, тем большую роль играла распределительная система, основанная на нормировании, на корпоративных и иерархических структурах снабжения. В этой ситуации работники были заинтересованы не столько в увеличении оплаты труда, сколько в создании закрытой для посторонних лиц системы распределения материальных благ. Напротив,

насыщение рынка и многоукладность хозяйства, конкуренция в торговой сфере актуализировали вопрос выплаты заработной платы в денежной, а не в натуральной форме, активизировали денежное обращение, выводили работника за пределы корпоративной распределительной системы, давали ему возможность выбора.

В качестве наиболее адаптивной модели поведения рабочего в условиях нэпа нам видится человек, официально работающий на промышленном предприятии (имеющий в связи с этим привилегированный социальный статус), но не утративший связь с родственниками в деревне, имеющий собственный дом и подсобное хозяйство, владеющий ремесленными навыками и азами торгово-посреднической деятельности, вовлеченный как в легальные, так и нелегальные процедуры самообеспечения.

6.3. Лишение избирательных прав как метод социального конструирования

После октября 1917 г. экономические преобразования были подчинены политическим целям – удержанию власти, социальному переустройству старого и формированию нового общества. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики было внесудебное ограничение в гражданских правах значительной части населения.

Большевики, диалектически сочетая идеологический догматизм и прагматизм в оперативном управлении, с одной стороны декларировали демократические принципы, а с другой подвергали дискриминации значительную часть населения. Нельзя утверждать, что в данном случае был реализован принцип «кто был ничем, тот станет всем», поскольку, помимо «бывших», ряды маргиналов пополнили новые неполноправные свободные.

Механизм внесудебного лишения избирательных прав позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах деятельности не только «бывших», но и неблагонадежных. Среди представителей последних были как те, кто эксплуатировал чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, т. е. дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания в свете того обстоятельства, что торговля являлась легальным занятием и не была запрещена, более того являлась объектом налогообложения.

Механизм социального конструирования рассмотрен нами на примере процессов лишения и восстановления в избирательных правах. Поскольку мы рассматриваем весьма сложное явление, можно говорить о его политических, экономических и социальных аспектах.

В политическом плане лишение избирательных прав позволяло регулировать процесс формирования представительных органов власти и на ранних стадиях, отстранять нежелательные социальные слои и группы от участия в выборах. «Как и в случае

революционных праздников и торжеств, избирательные кампании служили цели массовой мобилизации и политического просвещения, – пишет Г. Алексопулос, – Они также дали возможность обозначить пределы Советского государства. Во время выборов советские чиновники набирали и регистрировали привилегированный избирательный округ и исключали из политического участия тех, кого считали нелояльными. Официально называемые “электорально-бухгалтерскими” кампаниями, выборы также помогли партийным лидерам собрать социальные данные»¹⁰⁵².

Экономическая составляющая имеет особое значение в рамках рассматриваемой нами темы. Ограничение ресурсов, диктовало необходимость отсечь от каналов нормированного распределения неблагонадежные элементы, тем самым заставив их либо сменить политическую ориентацию, либо погибнуть. На этот аспект проблемы обращает внимание Г. Алексопулос: «Во время сталинской революции хроническая и острая нехватка товаров усилила мандат на лишение гражданских прав. Лишив миллионы людей широкого спектра прав, государство устранило необходимость снабжения значительной части населения в период острого дефицита»¹⁰⁵³.

По мнению Г. Алексопулос, требование о лишении избирательного права определенного количества граждан, исходившее от вышестоящих органов, с различной степенью рвения осуществлялось на местном уровне. Зачастую к изгоям относили наименее социально-защищенные и нетрудоспособные группы населения. Таким образом реализовывалась политическая цель, с одной стороны государство избавлялось от «нахлебников», с другой, сокращая долю своих социальных обязательств, в части выплаты пенсий и пособий.

«Бедные, слабые и пожилые люди, по-видимому, обеспечивали безопасную реализацию целей для людей, которые должны были удовлетворить требования своих начальников, чтобы идентифицировать и наказывать врагов, но которые также хотели свести к минимуму разрушительное воздействие на свое окружение и общины, негативную ответную реакцию направленную против них. По крайней мере, некоторые местные должностные лица и граждане полагали, что такие лица с меньшей вероятностью будут протестовать против лишения их избирательных прав или принимать ответные меры в отношении своих обвинителей»¹⁰⁵⁴.

«Целых групп людей были лишены гражданских прав “за неспособность работать”, поскольку им было 55–60 лет, и это значительные возрастные группы, поскольку мужчины в возрасте 60 лет и женщины в возрасте 55 лет могли иметь право на пенсию»¹⁰⁵⁵.

¹⁰⁵² Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 18.

¹⁰⁵³ Ibid., P. 29.

¹⁰⁵⁴ Ibid., P. 73.

¹⁰⁵⁵ Ibid., P. 68.

Социальный аспект, выразившийся в формировании нового советского человека, рассматривается нами в разделе, посвященном процессу восстановления в избирательных правах.

Отметим внесудебный, административный порядок лишения избирательных прав граждан, что является радикальной мерой по современным меркам. Так, в сельской местности включение человека в список лишенных избирательных прав и исключение из списка избирателей могло производиться на бездокументной основе, т. е. со слов односельчан или представителей сельсовета человек объявлялся торговцем, кулаком или умалишенным.

При оценке качества юридических процедур необходимо учитывать специфику советского нормотворчества, эффективность правоприменительной практики, а также уровень правосознания рядовых граждан, законодателей и правоприменителей. Была распространена вольная трактовка правовых норм – либо расширительная (в духе революционной законности), либо, в силу низкого образовательного уровня, вульгарная, допускающая специфическое их толкование, что приводило к противозаконным действиям. Трагикомичной выглядит ситуация с лишением права голоса глухонемых граждан. В информационной сводке ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Ишимского округа Уральской области за октябрь 1924 г. сообщалось: «Необходимо отметить некоторые ненормальности в отношении права лишения голоса и неправильное отстранение, как это случилось в селе Актобан данного [Петуховского – А. К.] района. Например, лишены права голоса три глухонемых и последних обложили налогом в виде штрафа, накладываемого на всех лишенных права голоса, в сумме 3 руб. 33 коп. [за лишение права быть сельским исполнителем в размере 10 руб., по всей видимости, сумму распределили на троих – А. К.] Данный факт кулачество использовало, и ведет агитацию, говоря, что Советская власть не дает никаких прав глухонемым и т. д. (агентурный материал)»¹⁰⁵⁶.

Правовая основа процесса лишения избирательных прав. Правовая среда Советской России 1920-х гг. была уникальной и единственной в своем роде. Законодательство монархической России в первые годы после Октябрьского переворота использовалось для нужд нового государства в части, не противоречащей декретам советской власти и духу революционной законности.

Подобно многоукладной экономике, в законодательной практике присутствовали элементы прежнего буржуазного права, над которыми доминировали нормы революционного законодательства. Последние сочетались с неписаными правилами – большевистской этикой, и базировались на восприятии общества через призму классовой борьбы. Оценка конкретных ситуаций с этой, специфической, точки зрения была повсеместной. В таких условиях грань

¹⁰⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 71. Л. 213.

между законом и беззаконием в деятельности органов власти и управления зачастую становилась прозрачной и трудноразличимой, а принятые законы могли быть неправовыми по своей сути. По признанию В. И. Ленина, революционные декреты служили, прежде всего, целям пропаганды, а главное, и они, и весь гигантский массив юридических документов, практика юридических органов строились в соответствии с духом революционного правосознания, ни в коей мере не ограничивали всевластие партийных чиновников и административного аппарата партийного государства, юридически облагораживали ничем не ограниченные внесудебные и судебные репрессии, расправу с неугодными, контрреволюционерами и оппозицией¹⁰⁵⁷.

С. С. Алексеев отмечает ряд особенностей советского права. Во-первых, в гуманитарном плане это был гибрид права власти и права войны, неразвитое, несовершенно право. Во-вторых, огосударствленная юридическая система, в которой абсолютизируется приоритет государственной власти и государственной собственности над личностью и персонифицированным имуществом, а предоставление прав отдельным лицам ставилось в зависимость от усмотрения государственных органов, должностных лиц, чиновников. В-третьих, советское право было лишено всеобщего характера, поскольку оставляло широкий простор для внеправовой деятельности, которая являлась основой деятельности силовых органов. В-четвертых, высшим критерием для оценки действий и событий был не закон и тем более не естественные права и свободы человека, а идеологические догмы и партийные решения, с которыми должны были соотноситься и законы, и юридическая практика. В-пятых, в советском праве реально большей юридической силой обладали не законы, а подзаконные нормативные акты, прежде всего ведомственные инструкции, которые нередко блокировали законы, устанавливая такой режим и порядок поведения, которые соответствуют интересам ведомств, чиновничьего аппарата. В-шестых, советское право, вопреки исконной природе права, было носителем государственной лжи, фальсификаций, коммунистической пропаганды. При этом в партийных и государственных документах, в самих текстах законов оно изображалось в качестве воплощения воли народа, подлинно демократического права, его высшего исторического типа¹⁰⁵⁸.

Учитывая специфику правовой среды советской России, мы вынуждены констатировать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах (лишение права голоса на выборах) с формальной точки зрения было законно¹⁰⁵⁹. В Конституциях РСФСР 1918

¹⁰⁵⁷ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 294.

¹⁰⁵⁸ Там же, С. 298–299.

¹⁰⁵⁹ Килин А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Нижний Тагил, 1997. С. 95–105.

и 1925 гг. содержалось положение, в соответствии с которым, наряду с заключенными и душевнобольными, целый ряд категорий граждан (на основе классового или профессионального признаков) лишались права избирать и быть избранными. К категории «лишенцев»¹⁰⁶⁰ относились классово чуждые элементы, идеологические противники, представители некогда правящих групп и сословий, а также граждане, не занятые в обобщественном секторе производства. В своей работе Г. Алексопулос пишет о том, что «Ленин заявил, что его партия “лишит избирательных прав всех граждан, препятствующих социалистической революции”»¹⁰⁶¹.

Основным источником при изучении проблем избирательного законодательства 1920-х гг. являются «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов». Последовательное изучение инструкций по выборам 1920 г.¹⁰⁶², 1925 г.¹⁰⁶³ (изданной в связи с принятием новой конституции), 1926 г.¹⁰⁶⁴, а также 1930 г.¹⁰⁶⁵, дает возможность проследить изменения в избирательном законодательстве советской России в части лишения граждан избирательных прав.

Закономерным является юридическое оформление *de jure* тех изменений, которые произошли в реальной практике *de facto*. Любые корректировки инструкции о выборах свидетельствовали о необходимости приведения юридических норм в соответствие с требованиями жизни. Так, появление постановления ВЦИК от 10 апреля 1930 г. и последующие уточнения, несомненно, свидетельствуют о массовых злоупотреблениях и нарушениях в ходе реализации избирательного законодательства¹⁰⁶⁶.

¹⁰⁶⁰ Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем необходимым помещать его в кавычки.

¹⁰⁶¹ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 16. Таким образом, вопреки названию своей работы, автор доказывает, что изгоями «лишенцы» становились еще при Ленине. Называть их «изгоями Сталина» не совсем верно, поскольку система дискриминации закладывалась с первых лет советской власти. Полагаем, что выбор заголовка книги Г. Алексопулоса предопределен рекламными целями, поскольку «Сталин» более броский и яркий бренд, который, по мнению издателя, лучше привлечет внимание зарубежного читателя.

¹⁰⁶² Инструкция о строительстве советской власти в Екатеринбургской губернии. Екатеринбург, 1920. Ч. 1–2. 1920. 25 с.

¹⁰⁶³ Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет ВЦИК. № 603 от 13 октября 1925 года // СУ РКП РСФСР 1925. № 79. Отдел первый. С. 955–603.

¹⁰⁶⁴ Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов : Декрет ВЦИК № 577 от 28 сентября 1926 года // СУ РКП РСФСР. 1926. № 75. Отдел первый. – С. 888–896.

¹⁰⁶⁵ Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 654 от 20 октября 1930 года // СУ РКП РСФСР. № 54. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 845–858.

¹⁰⁶⁶ О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан: Постановление ВЦИК № 233 // СУ РКП РСФСР. 1930. № 18. Государственное устройство и управление. С. 261–263; О разъяснении п. 5 постановления Президиума ВЦИК от 10 апреля 1930 г. «О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан»: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 278 // СУ РКП РСФСР. № 22. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 326.

Рассмотрим инструкции о выборах и сопоставим содержащиеся в них отдельные положения в части категории лишенных избирательных прав.

В инструкции 1920 г. говорилось: «Не избираются и не могут быть избранными... а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, как то: заводчики, фабриканты, деревенские кулаки и другие паразитические элементы, эксплуатирующие труд рабочих, служащих, деревенских батраков и т. д.; б) лица, живущие на нетрудовой доход как то: проценты, доходы с предприятий, имущество и т. п.; в) спекулянты, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи, духовные служители церквей и религиозных культов всех вероисповедований, сект и т. п.; д) служащие и агенты бывшей царской полиции, особого корпуса жандармов, охранных отделений; е) полиция и милиция всех бывших контрреволюционных правительств, существовавших во время гражданской войны; ж) члены царствующего дома в России; з) лица, бежавшие с контрреволюционным правительством во время его бегства от Красной армии; и) лица, признанные в установленном порядке душевно больными или умалишенными, а также лица, состоящие под опекой, и осужденные за корыстные или порочные преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [следовательно, в последнем случае допускалось лишение прав во внесудебном порядке – А.К.]»¹⁰⁶⁷.

Нет указания на то, на основании каких документов должно быть вынесено решение. В данной инструкции не идет речь о лишении избирательного права членов семьи «лишенца», которые достигли избирательного возраста, но находились на иждивении. В последующих документах этот тезис повсеместно присутствует, что существенно расширяло круг граждан, ущемленных в правах.

Необходимо отметить, что отдельные нормы инструкции о выборах в части лишения избирательного права не всегда использовались с одинаковой интенсивностью. В первые годы нэпа, когда были сделаны уступки рынку и допускалось существование частных предпринимателей, органы власти были несколько дезориентированы и не применяли повсеместно лишение избирательных прав к частным торговцам, спекулянтам и прочим, наиболее экономически активным социальным группам. Когда началось наступление на принципы нэпа и государственное регулирование усилилось, активизировался и процесс лишения избирательных прав.

В 1924 г. на короткий срок, а затем планомерно, начиная с 1926 г. и вплоть до 1930-х гг., лишение избирательных прав как форма классовой борьбы применялось наиболее активно. Однако следует учитывать, что начало разработки документа и момент его принятия разделял определенный временной промежуток. Правоприменительная практика в раннесоветском

¹⁰⁶⁷ Инструкция о строительстве советской власти в Екатеринбургской губернии. С. 23.

обществе могла как отставать от законодательства, так и стремительно опережать его, радикализируясь, или ослабевать в зависимости от политической конъюнктуры.

Так, например, инструкции 1925, 1926 и 1930 гг. имеют существенные отличия от предшествующего положения 1920 г. В них более детально проработан механизм лишения избирательного права и порядок рассмотрения жалоб граждан. Это, несомненно, свидетельствует о насущной необходимости регламентировать широко распространившуюся практику лишения прав. В последующих инструкциях, помимо уточнения категорий граждан, указывалось, на основании каких документов должно было приниматься решение о внесении их в списки местных избирательных комиссий, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении правового регулирования избирательного процесса.

В инструкции 1925 г. говорится, что «учет лиц, лишенных избирательных прав, проводится на основании сведений документального характера»: копий приговоров или справок судебных органов; сведений финансовых органов об уплате подоходного и промыслового налогов, справок о выборке патентов на занятие торговой и предпринимательской деятельностью; справок административных органов или волостных исполнительных комитетов и сельских советов; а также актов органов здравоохранения¹⁰⁶⁸.

Очевидно, что включение в инструкцию 1925 г. перечня лиц, которые не должны ограничиваться в гражданских правах, было обусловлено реальной практикой неправомерного лишения целого ряда кустарей, ремесленников и мелких сельских производителей.

Не лишались избирательных прав лица, которые пользовались наемным трудом в соответствии с правилами об условии применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах; владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоек, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имевшие не более одного или двух учеников, если они лично участвовали в работах; лица, получавшие проценты с вкладов и облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов; лица, выбиравшие патент первого разряда (торгующие в разнос); вспомогательный персонал церковных организаций, если они работали в них по найму; члены семей лиц, лишенных избирательного права, если они материально не зависели от лиц, лишенных избирательного права по своей профессии¹⁰⁶⁹.

Инструкция 1926 г. дополнила этот перечень. Не могли быть лишены избирательного права лица, занимавшиеся сельским хозяйством и сбывавшие продукты своего труда на рынок; привлеченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие, низшие служащие, трудовые крестьяне, казаки, кустари и ремесленники; лица, в силу особых причин

¹⁰⁶⁸ Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет ВЦИК № 603 от 13 октября 1925 года. С. 958.

¹⁰⁶⁹ Там же, С. 959.

занимавшиеся мелкой торговлей, как то: инвалиды труда и войны, торговавшие по бесплатным патентам Наркомата социального обеспечения, безработные рабочие и служащие (состоявшие на учете посреднических бюро труда); лица свободных профессий, занимающиеся общественно полезным трудом, если они не эксплуатировали чужого труда с целью извлечения прибыли¹⁰⁷⁰.

Логично предположить, что в реальной практике перечисленные категории лишались избирательных прав, об этом свидетельствуют и материалы личных дел «лишенцев»¹⁰⁷¹. Поэтому с целью ограничения поступления новых жалоб на неправомерное лишение, а также исходя из практики избирательных комиссий всех уровней по пересмотру дел, перечень был дополнен и детализирован. Перечень категорий лиц, не подлежащих лишению, свидетельствует об уступках субъектам рыночных отношений, какими являлись крестьяне, кустари, ремесленники, безработные, рабочие и служащие, торговавшие на рынках, а также о допущении деятельности частных адвокатов, врачей и учителей. Массовостью лишения избирательных прав, а порой и злоупотреблениями, связанными с этим процессом, можно объяснить включение в текст инструкции 1925 г. пункта № 22, по которому «избирательные комиссии не имеют права дополнять перечень лиц, указанных в настоящей главе»¹⁰⁷².

К сожалению, это положение нарушалось. Материалы личных дел «лишенцев» предоставляют немало тому свидетельств.

Одновременно, положения Инструкции 1926 г. позволили более широко распространить ограничения гражданских прав на иждивенцев. «До опубликования инструкций 1926 г. в городских и сельских округах РСФСР на иждивенцев приходилось лишь 9 % бесправных членов семей. К 1929 г. иждивенцы, обычно женщины и молодежь, составляли 35 % всех бесправных в городских районах и 49 % сельских бесправных»¹⁰⁷³.

Повсеместное расширительное толкование положений Инструкции о выборах, в части ограничений в гражданских правах потребовало корректировать деятельность местных властей. Это беззаконие, даже с точки зрения революционной законности, достигло такого размаха, что было издано постановление ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г., призванное пресечь массовые нарушения.

Было предписано создать специальные комиссии на местах для пересмотра списков лишенных избирательных прав и рассмотрения жалоб. В случае обнаружения неправильного или необоснованного решения специальные комиссии были правомочны исключить гражданина из списков и тем самым восстанавливать его в избирательных правах.

¹⁰⁷⁰ Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов : Декрет ВЦИК № 577 от 28 сентября 1926 года. С. 891.

¹⁰⁷¹ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996. 265 с.

¹⁰⁷² Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет ВЦИК № 603 от 13 октября 1925 года. С. 960.

¹⁰⁷³ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 27.

Необоснованными считались те решения, которые были вынесены на основании документально неподтвержденных сведений. В ходе работы спецкомиссий восстанавливались в правах и те граждане, которые были ранее лишены прав как члены семей «лишенцев» и достигли совершеннолетия после 1924 г.

Чтобы пресечь злоупотребления, списки «лишенцев», разработанные в ходе предвыборной кампании, предписывалось утверждать в вышестоящих исполкомах, без чего они не могли быть опубликованы. Отмечалось, что никакие органы и организации, например, фабзавкомы, месткомы, домоуправления, колхозы, бригады и т. п., кроме местных советов и их президиумов, не имеют права лишать каких бы то ни было граждан избирательных прав.

Постановление акцентирует внимание на этом моменте. В пункте 9 говорилось: «Предложить ЦИКаам автономных республик, краевым и областным исполкомам, наркоматам и кооперативным центрам РСФСР и другим учреждениям и организациям в десятидневный срок отменить все постановления, циркуляры и распоряжения, устанавливающие какие-либо дополнительные ограничения, установленные только по признаку лишения избирательных прав и не предусмотренные законодательством Союза ССР и РСФСР, в отношении лиц, лишенных избирательных прав и членов их семей, как то: выселение из квартир, городов, рабочих поселков, сельских и других местностей, лишение заборных книжек [дающих право на нормированное получение продуктов – *А. К.*], лишение медицинской и юридической помощи, отказ в приеме жалоб и выдаче справок, исключение детей из школ, исключение из членов промысловых артелей, раскулачивание, обложение в индивидуальном порядке налогами и сборами, лишение права застройки, муниципализации строений и т. п.»¹⁰⁷⁴

К числу неназванных относились следующие ограничения: невозможность служить в кадровых частях Красной армии, а лишь в тыловом ополчении; запрет на поступление в высшие учебные заведения. «Крестьяне-лишенцы» не могли замещать должности сельских исполнителей, в чьи функции входило созывать народ на сход. Это ограничение было связано с необходимостью заплатить дополнительный налог в размере 10 руб. «Лишенцев» не принимали на работу в государственные организации, и они в первую очередь подвергались увольнению.

Макс Вебер сравнивал лишения избирательных прав с репрессивными процедурами, предусмотренными в средневековье «Уставом гвельфской партии». В работе «Политика как призвание и профессия» он писал: «Конфискация имущества нобилей... лишение их права занимать должности и права голоса, интерлокальные партийные комитеты и строго военные организации и их вознаграждение доносчикам, то это живо напомнит большевизм с его Советами его военными и (прежде всего России) шпионскими организациями, прошедшими

¹⁰⁷⁴ О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан. С. 263.

суровый отбор, разоружением и лишением политических прав “буржуазии”, то есть предпринимателей, торговцев, рантье, духовенства, отпрысков династий и полицейских агентов, а также с его конфискациями»¹⁰⁷⁵.

Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе¹⁰⁷⁶.

По мнению Г. Алексопулос правовой статус «лишенцев» напоминал «статус евреев и цыган в Третьем Рейхе, которые характеризовались как паразиты, воры и бездельники, были отстранены от должностей гражданской службы и вооруженных сил, подвергаясь жестокой дискриминации и экономическому разорению, были лишены социальных пособий, доступных только для граждан, и стали жертвами усиления полицейских репрессий»¹⁰⁷⁷.

Такие существенные ограничения заставляли человека стремиться к восстановлению в избирательных правах. Стимулом было не только избавление от морального прессинга, но и элементарные соображения выживания. Естественно, что с просьбой о восстановлении обращались те, кто имел шанс на восстановление (имел пятилетний стаж трудовой деятельности, мог доказать лояльность к советской власти, был членом профсоюза и т. д.). Как вариант, с заявлением о восстановлении в правах обращались граждане, которые считали, что лишены избирательных прав незаконно, поэтому требовали восстановления справедливости. Зачастую стимулом к восстановлению являлись потребности членов семьи, которые нуждались в трудоустройстве или планировали получать образование.

По своему духу постановление от 10 апреля 1930 г. было аналогично постановлению ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»¹⁰⁷⁸. Постановление от 10 апреля 1930 г. и последующие за ним уточнения и мероприятия властей носили характер кампании и были призваны исправить искривления на местах, поддержать в народе миф об отеческой заботе государства о своих гражданах. Необходимо отметить, что юридически оформленные ограничения на процедуру лишения избирательных прав и сокращение перечня категорий граждан, подпадающих под ограничения, осуществлялись параллельно с процессом свертывания нэпа и, как следствие, сопровождалось увеличением числа неполноправных свободных, дискриминируемых в правовом отношении граждан, но уже по иным основаниям. На наш взгляд, постановление от 10 апреля было вызвано еще и тем обстоятельством, что лишение избирательного права в начале 1930-х гг. не

¹⁰⁷⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 671.

¹⁰⁷⁶ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванчество в России XX века. С. 9.

¹⁰⁷⁷ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 28.

¹⁰⁷⁸ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док-ты и мат-лы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 303–305.

играло столь важной роли в арсенале борьбы с классово чуждыми элементами. Государственная машина, выстроенная по авторитарному типу, уже набрала силу и была готова применить к врагам народа более радикальные меры. Гипотеза об обострении классовой борьбы в период строительства социализма нуждалась в фактическом подтверждении.

Как отмечает Г. Алексопулос, ежегодные данные о количестве людей, лишенных избирательных прав в РСФСР остаются противоречивыми, но в пиковые годы политики советская государственная бюрократия зарегистрировала около четырех миллионов бесправных людей¹⁰⁷⁹.

При этом численный состав «лишенцев» напрямую отражал колебания государственной политики в отношении частного предпринимательства, со всеми его взлетами и падениями. «Начиная с 1930 года, число лишенных гражданских прав стало сокращаться в регистрах местных органов государственной власти. Цифры на бесправных как процент избирателей, показал резкий рост в кампании 1926–1927 гг., незначительное увеличение с кампании 1928–1929 гг., а затем резкий спад с кампании 1930–1931 гг.»¹⁰⁸⁰

Региональные особенности в процессе лишения избирательных прав нуждаются в дальнейшем исследовании. Г. Алексопулос обращает внимание на существенный разброс в процентах лишения по различным субъектам СССР и РСФСР. «Методы учета и отслеживания населения без прав едва ли представляют собой точную науку, а цифры о количестве изгоев часто варьируются в различных источниках. Тем не менее, можно видеть поразительную картину этнических анклавов, сообщающих о более высоких, чем в среднем, показателях численности их бесправного населения. В избирательной кампании 1926–27 и 1928–29 гг., РСФСР сообщала примерно 3–4 % сельских и 7–8 % городских лишенцев от имеющих право голоса. По сравнению с этими цифрами, 13 % голосующих... было бесправным в Калмыцкой АССР в 1928–29, и Крымская АССР указавшая 8,7 % без прав в 1928–29. Московская область лишила избирательных прав 3–6 % населения избирательного возраста в 1928–29 гг., в то время как Северная Осетия – 7,6 %, Бурят-Монгольская АССР – 7,6 процента... В городских районах Татарская АССР зарегистрировала 12 % бесправных на выборах в советы в 1926–27 гг., а изгой Узбекской ССР в кампании 1928–29 гг. составили 13,7 %. Кроме того, в конце 1920-х гг. исключение этнических групп не стало обычным явлением. Еще в 1924–25 гг., когда в РСФСР были лишены избирательных прав 1–3 % населения, такие города, как Одесса и Житомир, лишились избирательных прав 9,9 % и 11,3 % соответственно»¹⁰⁸¹.

¹⁰⁷⁹ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 3. По данным переписи 1926 года, население РСФСР составляло 92,8 млн чел.

¹⁰⁸⁰ Ibid., P. 87.

¹⁰⁸¹ Ibid., P. 58.

Автор делает однозначный вывод о том, что «нерусские гораздо чаще теряли свои права, чем русские, и по причинам, связанным с их экономической практикой, а также культурными традициями»¹⁰⁸². По нашим данным, представители «нацменов», формировавшими диаспорный уклад, были активно вовлечены в самые разнообразные и специфические виды торговли, что влекло за собой лишение избирательных прав.

В фонде Уральского областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов хранятся документы областной избирательной комиссии, в компетенцию которой входило рассмотрение ходатайств граждан о восстановлении в избирательных правах, не удовлетворенных в комиссиях низового уровня. В частности имеются списки лишенных избирательных прав по городу Екатеринбург составленных 15 октября 1924 г.¹⁰⁸³ Два списка разделены по признаку правовой основы для лишения: первый на основании Ст. 65, второй в соответствии со Ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г.

В первый список включены: священники, торговцы и совладельцы торговых предприятий, предприниматели, занятые ремесленным или промышленным производством (в т. ч. ассенизаторы, парикмахеры, владельцы часовых мастерских и пекарен и т. п.), а во второй, состоящие на учете в ОГПУ, в том числе: административно-высланные, перешедшие границу и бывшие белые офицеры.

Списки содержат сквозную нумерацию и включают в себя 3208 записи, соответственно 2053 записи в первом и 1155 во втором). При этом в г. Екатеринбурге – Свердловске в 1923 г. проживало 97400, а в 1926 г. – 140000 человек¹⁰⁸⁴. Если ориентироваться на ближайший к 1924 г. 1923 г., то, согласно составленным спискам примерно 3,29 % горожан были лишены права избирать и быть избранными.

Поскольку объектом наших исследований длительное время являлись частные предприниматели, то наше внимание сосредоточено именно на них¹⁰⁸⁵. Частные торговцы являлись самой многочисленной группой среди «лишенцев». Среди них было не только много представителей различных этносов, но и подданные различных государств.

Нами был проанализирован первый список, поскольку основное внимание уделялось частным торговцам, которые составляли абсолютное большинство (1679 чел.), 374 гражданина были лишены избирательного права по иным основаниям.

Каждая запись состоит из трех позиций: фамилия, имя и отчество гражданина; вид деятельности в настоящее время, который явился основанием для лишения избирательных

¹⁰⁸² Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 60.

¹⁰⁸³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 2. Л. 1–94.

¹⁰⁸⁴ Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия. Отдельный оттиск табличной части тома XXI. М., 1929. 432 с.

¹⁰⁸⁵ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018. С. 527–562.

прав; а также статья Конституции, на основе которой было принято решение о лишении. Последняя запись стандартная и воспроизводится без изменений «Согласно п. «В» Статьи 65 Конституции».

Из общего числа торговцев (1679) в 1466 случаях фамилия, имя и отчество были указаны полностью, а в 213 случаях в сокращенном или урезанном виде. Это обстоятельство могло повлиять на судьбу человека, поскольку в материалах личных дел «лишенцев» есть жалобы на то, что гражданин был лишен избирательных прав по ошибке, что его перепутали с другим гражданином.

При анализе торговцев выяснилось, что некоторые записи дублируют друг друга. После анализа нами были исключены записи, определенно совпадающие друг с другом, в отношении 15 записей остались сомнения в их дублировании, по этой причине они были сохранены в общем перечне. Таким образом, нами проанализировано 1626 записей, относящихся к торговцам. Причины, по которым могут быть одни и те же граждане внесены в список дважды, могут быть следующие. Во-первых, техническая ошибка и невнимательность машинистки. Во-вторых, дублирование документов, на основании которых производилось лишение. По одним документам гражданин проходил как торговец, выбравший патент на промысловое занятие, а по другим – числился совладельцем торгового предприятия, в котором сам не вел торговлю. Третья причина носит более сложный и труднодоказуемый характер. Как полагает Г. Алексопулос, местные чиновники искусственно расширяли списки лишенных избирательных прав, желая продемонстрировать свою бдительность и перевыполнить план по очистке списков избирателей от неблагонадежных элементов. По факту в списки включали несовершеннолетних детей, уже восстановленных в избирательных правах и даже умерших. Традиция использования мертвых душ, по всей видимости, глубоко укоренилась в бюрократической практике. Г. Алексопулос пишет: «Даже маленькие дети появлялись в списках бесправных, поскольку местные чиновники пытались удовлетворить своих начальников, но в то же время оставляли свои общины относительно незатронутыми. На Северном Кавказе и в других местах дети в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет были обнаружены в списке бесправных, и один сельский совет в Коми включил в свой список детей в возрасте до одного года. Должностные лица также внесли в свои списки имена погибших, выехавших из региона или уже восстановивших свои права»¹⁰⁸⁶.

Из числа занятых торгово-посреднической деятельностью (1626 чел.), непосредственно числились торговцами 1549, а 77 являлись совладельцами торговых предприятий.

Поскольку этническая принадлежность предпринимателей не указана, ее можно весьма условно определить исходя из особенностей имен, отчеств и фамилий. Разумеется, такая

¹⁰⁸⁶ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 71.

идентификация далека от строго научной, поэтому в ряде случаев определить этническую принадлежность невозможно. Особенно это сложно по отношению представителей азиатских стран. Даже обращение за консультацией к носителям языка не позволило определить точную этническую принадлежность гражданина. Особенности звучания их имен и отсутствие строгих правил транслитерации не позволяют провести достоверную идентификацию. По этой причине граждане китайского или корейского происхождения оказались в одной группе – 79 человек. Граждане еврейского происхождения – 113, тюркского – 184 и славянского – 1079. В остальных случаях это оказались граждане, которые относились к иным этническим группам, не подходящими под четыре основные, выделенных нами. К этой же категории относились те, чью этничность даже приблизительно не удалось определить, поскольку при записи были использованы краткие наименования, либо этничность не считывалась. Это обстоятельство не позволило определить и пол некоторых «лишенцев», практически полностью это оказалось невозможно сделать в отношении представителей азиатских стран. Удалось идентифицировать – 1001 мужчину и 531 женщину.

Списки по городу Екатеринбургу демонстрируют высокую экономическую активность городского населения в целом и торговцев в частности. Отметим широкое представительство различных этнических групп и активное вовлечение в торговлю женщин особенно оставшихся без кормильца и вынужденных самостоятельно обеспечивать не только себя, но и своих детей.

Процесс восстановления в избирательных правах. Включение в списки «лишенцев» происходило оперативно; напротив, процесс восстановления был длителен и сложен. Необходимо было пройти административную процедуру и выполнять целый ряд условий, среди которых был своего рода карантин, т. е. пятилетний стаж общественно полезного труда после прекращения торговли. Восстановление в избирательных правах напоминало судебную процедуру, пусть и осуществляемую в заочной форме, в рамках которой человек должен был доказать, что лишен избирательных прав незаконно или, если лишение было законным, обосновать возможность своего восстановления (доказать лояльность советской власти, подтвердить пятилетний трудовой стаж и т. п.). Таким образом, доминировала презумпция виновности человека, который был вынужден самостоятельно доказывать свою невиновность. Отправной точкой на этом пути было заявление «лишенца» о восстановлении в правах.

Предполагалось, что личное дело гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, должно включать в себя комплекс документов, с точки зрения членов избирательной комиссии необходимых и достаточных для вынесения решения.

Наиболее информативным документом в личном деле является заявление заявителя, с включенными в него биографическими данными, как единичные случаи могут встречаться автобиографии в качестве самостоятельного документа.

В основу изложения материала заявителем был положен хронологический принцип, поэтому структура автобиографии вполне традиционна. В работе П. Бергера и Т. Лукмана темпоральность рассматривается как свойство, которое атрибутивно присуще сознанию. «Поток сознания всегда упорядочен во времени», – отмечают авторы, рассматривая эту категорию на личном примере – от первого лица: «Темпоральная структура налагает предустановленную последовательность не только на “повестку” любого дня, но и на всю мою биографию. В рамках системы координат, установленной темпоральной структурой, я воспринимаю как ежедневный “ритуал”, так и всю мою биографию. Часы и календарь подтверждают, что я в самом деле “человек своего времени”... Кроме того, та же темпоральная структура предполагает историчность, которая определяет мою ситуацию в мире повседневной жизни»¹⁰⁸⁷.

Однако, помимо хронологической канвы, в текстах автобиографий можно выделить три других линии повествования. Первая, «историческая», построена на описании наиболее значимых событий и соответствует общепринятой периодизации: до октября 1917 г., в годы гражданской войны, в период нэпа и на стадии его свертывания. Эта периодизация была задана содержанием анкет, которые предлагали заполнить заявителям при подаче заявления. Отдельные исторические события могли занимать достаточно большое место в биографии человека, а могли игнорироваться, в зависимости от того, насколько активно гражданин был в них включен.

«Личностная» линия построена на описании собственно биографии гражданина. Периодизация отражает этапы жизненного цикла: детство, юность, взросление, зрелость, старость. За основу берутся значимые с точки зрения «лишенца» события:

- рождение и связанное с ним социальное происхождение;
- учеба и, соответственно, уровень образования и политической грамотности;
- семейное положение как фактор социального окружения и стимул к труду (особенно для глав семьи с большим количеством иждивенцев);
- служба в армии (царской, белой, красной) с различными, порой взаимоисключающими оценочными характеристиками этого периода жизни;
- отдельные факты биографии (безработица, болезнь, инвалидность, переезд в другую местность и т. п.).

Наиболее детально описывается сюжетная линия, в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер и т. п.), а также лишение избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу этой линии положен факт торговли (до торговли, во время торговли и после ее окончания).

¹⁰⁸⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 51.

На дооктябрьский период делается акцент в биографиях национальных меньшинств (инородцев, нацменов) и представителей неправославных конфессий (иноверцев). В большинстве биографий этот период рассматривается как пример тягот, связанных как с этническим, так и с пролетарским происхождением автора, как время жестокой эксплуатации со стороны имущих классов (купца, владельца магазина и т. п.). Эти сюжеты призваны продемонстрировать низкий социальный статус или оппозиционность гражданина при царском режиме, продемонстрировать факты дискриминации. Порой революция и гражданская война уходят на второй план или совсем исчезают из поля зрения автора, который говорит только о тех обстоятельствах, которые касаются его непосредственно. В рассмотренных нами делах практически невидимыми являются революционные события 1917 г., сюжеты, связанные со сменой власти. По всей видимости, это объясняется тем, что заявители были слабо вовлечены в политические процессы. Единственное событие, которое достаточно часто упоминается и которое можно отнести на счет уральской специфики, – это описание наступления и отхода войск адмирала А. В. Колчака.

Наибольшее значение в биографии гражданина имели события, служащие основанием для восстановления в избирательных правах (служба в Красной армии, пятилетний стаж трудовой деятельности после окончания торговли, членство в профсоюзе). Эти факты биографии призваны доказать лояльность гражданина к советской власти, подчеркнув при этом незаслуженное ограничение его в правах. Такая подача материала должна была продемонстрировать противоречие и явную несправедливость, при которой человек сохранял низкий социальный статус как до, так и после октября 1917 г.

Этот прием можно рассматривать как манипуляцию, способ психологического давления на членов избирательной комиссии, так как противопоставление с дореволюционным прошлым было излюбленным приемом официальной пропаганды, и любые сопоставления не в пользу нового строя могли рассматриваться как скрытая форма протеста. Оппозиционность официальной власти подчеркивалась при упоминании фактов из биографии до 1917 г., напротив лояльность Советской власти была отправной точкой при изложении материала советского периода. По этой схеме минусы до 1917 г. должны были трансформироваться в плюсы после октября 1917 г.

Примечательно, что особый акцент как со стороны заявителей, так и со стороны членов избирательной комиссии, делался на оценке лояльности гражданина, хотя содержание этой категории не определено. П. И. Перевощиков в своем заявлении пишет: «Президиум четвертого райсовета по моему ходатайству о восстановлении в правах гражданства отказал, мотивируя, что я не проявил лояльности к советской власти, как я ее мог проявить и выставить на вид, чтоб об этом знали члены комиссии, я не знаю. Я знаю, что вообще честно работал, нигде

взысканиям и выговорам не подвергался, хотя как инвалид первой группы, освобожденный экспертизой на один год от работы, я все же продолжал работать»¹⁰⁸⁸.

Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что ««историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями¹⁰⁸⁹.

При анализе биографий обращает на себя внимание сочетание динамики исторических изменений со статикой жизненной траектории, пробуксовка судьбы человека. С одной стороны, емкость исторического времени поражает и за короткий промежуток времени, буквально за несколько десятилетий, перед нами разворачивается калейдоскоп исторических событий, количества которых с избытком хватило бы на несколько человеческих жизней. С другой – все эти изменения не приводят к положительной динамике, карьерному росту, развитию личности. Этот вывод вытекает из специфики данного типа источника – личного дела «лишенца». Совершенно очевидно, что рассмотрение, например, наградных материалов сформировало бы у исследователя более оптимистическую историческую картину.

Порой наивысший уровень социально одобряемого поведения авторы биографий напрямую связывают с пролетарским происхождением (родился в бедной крестьянской семье, сын пролетария), т. е. с событиями до октября 1917 г.

В советский период можно говорить о некоей положительной динамике, связанной с обучением, с периодом трудовой деятельности или службой в Красной армии. Период 1920-х гг. описывается в предельно драматических тонах, схожих с оценками, которые в современной публицистике применяются к лихим девяностым. Экономическое и отчасти идеологическое разнообразие, ослабление государственного регулирования, а также уклонение власти от выполнения ряда социальных функций, которые она не в состоянии была выполнять из-за дефицита ресурсов, предопределяли необходимость выбора и создавали почву для экономической автономии личности. Бремя выбора всегда тяжело, а к экономической самостоятельности не все были готовы. Сделав рациональный выбор в пользу материального благополучия членов своей семьи, занимаясь частным предпринимательством, человек совершал ошибку в идеологической системе координат. Именно в годы нэпа происходит «грехопадение» гражданина, под воздействием внешних, как правило, не зависящих от воли индивида объективных обстоятельств (безработица, голод, много иждивенцев). Таким образом,

¹⁰⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6013. Л. 3.

¹⁰⁸⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М., 2005. С. 188.

экономическое и политическое поведение советского гражданина вступали в ярко выраженный конфликт¹⁰⁹⁰.

Вслед за дискриминацией была необходима реабилитация. С точки зрения права, под реабилитацией понимается официальное восстановление в прежних правах, восстановление чести и репутации опороченного лица. В этом контексте восстановление в избирательных правах рассматривается как возможность возвращения к прежнему социальному статусу, к ситуации *status quo*, предполагающей реабилитацию гражданина. Таким образом, жизненная траектория оказывается замкнутой, в ней отсутствует положительная динамика. В качестве основного тренда биографии демонстрируют нисходящую социальную мобильность гражданина.

В заявлении С. И. Шишалова говорится: «За то, что я торговал, меня лишили избирательных прав. По закону лишение произведено правильно. Но ввиду того, что торговля, в сущности мне ничего не дала, торговцем я был ничтожным, незначительным, то на такую профессию меня толкнула жизнь, а не корысть <...> что решительно ничего не имею, что в жизни своей я перенес очень многое и по справедливости в настоящий период торжества трудящихся я первый должен был бы быть на пиру, но я по несознательности, политической неграмотности это свое первородство променял на чечевичную похлебку, пошел торговать, опять-таки, я повторяю, меня толкнуло [на] это тяжелое материальное положение и совращение выгодным предложением, что я считаю безвинным, так как закон разрешает заниматься этим делом, что вину эту свою я осознал и больше на этот путь не вернусь. <...> Мой послужной формуляр не блещет заслугами, но моя жизнь, зато, полна страданий и, может быть, вы к моим страданиям отнесетесь с пролетарской чуткостью и мое ошибочное отступление зачеркаете, приняв меня в ряды и семью трудящихся»¹⁰⁹¹.

Использование образов искушения и грехопадения, наличие религиозных мотивов в заявлениях может быть объяснено как характером дореволюционного образования, так и сложившейся устной традицией, которая в столь короткий срок не могла быть в полной мере замещена новым советским языком.

Возможно, по мнению авторов биографий, жанр покаяния или исповеди подразумевал именно такую лексику. Терминология зачастую заимствовалась из речей партийных лидеров, широко распространяемых через периодическую печать. Так, о пролетарском первородстве

¹⁰⁹⁰ Килин А. П. «Homo economicus» & «homo soveticus»: теоретические конструкции в практиках экономического поведения советского человека. / Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra. Екатеринбург, 2021. С. 49–67.

¹⁰⁹¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9181. Л. 2–2 об.

говорил Н. И. Бухарин, когда описывал перспективы сосуществования советской экономики и мирового хозяйства¹⁰⁹².

По мнению Г. Алексопулос, эта стилистика является отголоском обычного права: «Жалобы изгоев и ответы советских чиновников на них иллюстрируют сохранение обычного права, в котором ценятся жалость и смирение, а также неформальность, привлекающая внимание к особенностям жизни и деятельности людей»¹⁰⁹³. Таким образом, обычное право и формальные юридические нормы, революционная законность и традиции формировали живописную палитру правового плюрализма, нашедшего свое отражение в личных делах «лишенцев».

Тексты биографий свидетельствуют о проблеме профессиональной самоидентификации заявителей. Быть торговцем для них означало не только относиться к определенной профессиональной группе. Как правило, под термином «торговец» подразумевалось нечто большее. Даже признавая сам факт торговли, гражданин дистанцировался от слоя профессиональных торговцев, крайне негативно характеризуя своих коллег по цеху. В сводках ОГПУ по Тобольскому округу находим пример градации продавцов на «торговцев» и «торгашей»: «В деятельности частной торговли, вольного рынка можно отметить, что сами торговцы указывают на большое развитие торгашей, которых распространилось больше, чем покупателей и говорят, что с таким ростом торговцев, продавать товар будет некому»¹⁰⁹⁴.

Даже выбирая патент на занятие торговлей, заявители, по сути, не отождествляли себя с торговцами на вполне законных основаниях, например, в ситуации, когда сотрудники финансовых или правоохранительных органов вынуждали брать патент крестьянина, который реализовывал на рынке продукцию своего хозяйства. Грань между профессиональными торговцами и людьми, занимающимися ей в качестве дополнительного промысла, была весьма условной.

Критерием, который предлагалось использовать при отделении настоящих торговцев от ненастоящих, являлся факт эксплуатации чужого труда, т. е. очевидно стремление избежать дискриминации исключительно по профессиональному признаку. В заявлении одного из «лишенцев» читаем: «Лишать избирательного права настоящего нэпмана, это другое дело. Настоящий нэпман живет исключительно спекуляцией чужого труда»¹⁰⁹⁵.

Примечательно переключение в применении термина «спекуляция» с перепродажи товаров на неэквивалентное использование человеческих ресурсов.

¹⁰⁹² Бухарин Н. И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 333.

¹⁰⁹³ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 126.

¹⁰⁹⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 110.

¹⁰⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

Революция влечет за собой радикальную ломку, трансформацию социальной структуры общества, порождает конфронтационное мышление и детерминирует процесс формирования собственной идентичности, основанной на противопоставлении старого и нового, добра и зла, героя и антигероя. В идеологии большевизма странным образом сочетались детерминизм, фатум, рок, обусловленный социальным происхождением индивидуума, с одной стороны, и концепция формирования нового человека, предусматривавшая возможность социального, классового перерождения, с другой. Это наблюдение вполне согласуется с выводом, который сделал А. Гершенкрон относительно противоречивости доктрины большевиков¹⁰⁹⁶.

Авторы биографий, конструируя свое видение ситуации, ориентировались на идеологический шаблон советского человека. Это был гражданин, имеющий безукоризненное пролетарское происхождение, незапятнанную биографию и выдающиеся личностные характеристики, идеологически выдержанный, наделенный всей полнотой прав, принимающий активное участие в строительстве социализма, работающий в обобществленном секторе хозяйства, его не страшила безработица. Все эти характеристики давали основание для наделения его всеми гражданскими правами; предоставляли возможность участвовать в социальной и политической жизни страны; включали в систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Идеал, который брался за основу, в действительности не существовал. В результате в сознании человека возникал конфликт, порожденный несоответствием между ожидаемым и реальным положением вещей.

Противоположный этому прием используют авторы, когда соотносят свою биографию с судьбой антигероя («бывший», контрреволюционер, нэпман и т. п.). Образ антигероя, в отличие от героя, не был столь абстрактен и недостижим. Порой это были близкие «лишенцу» люди, на которых он переносил часть ответственности за свое грехопадение. В тексте биографий авторы порой стремятся отстраниться, дистанцироваться от членов своей семьи (родителей, жены, мужа), занимавшихся торговлей.

А. П. Востров писал: «Лишен же я избирательных прав только потому, что бывшая жена моя – К. Н. Вострова, с которой я уже три года не живу и формально разведен с 1927 г. (см. справку ЗАГСа), и которая теперь уже несколько лет снова вышла замуж за другого и не живет в г. Свердловске, а в г. Павлодаре, занималась торговлей. Я же совладельцем ее дела не был, и на ее средства не жил, так как имел свой заработок, работая, как кустарь-пиротехник, в городских садах и других культурных организациях. В личной жизни с моей бывшей женой Кл. Н. Востровой тоже у меня не было почти ничего общего, так как я не мог ужиться с ее: как идеологией, так и с ее взглядами, вследствие чего и развелся с нею»¹⁰⁹⁷.

¹⁰⁹⁶ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 275.

¹⁰⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 1503. Л. 5.

И. И. Авдюничев вину за занятие торговлей возлагал на своего отца: «Во время своего учения я находился в очень тяжелых условиях как материальных, так и моральных, так как живя в своей семье, у нас происходили частые ссоры с отцом, который всячески старался втянуть меня в торговлю, все делал упреки, что вот, мол, долго учился, долго находился на моем иждивении и т. д. Я, таким образом, рассчитывал так – чтобы поскорее закончить образование и уйти совсем от отца, потому что я думал заняться не торговлей, а общественно полезным трудом. <...> Я, было, пытался устроиться на службу куда-либо, но нигде не приняли как находившегося ранее на иждивении торговца. Когда я оказался без работы, то мне отец предложил так – или согласиться выбрать патент и помогать ему в торговле, или совсем уходить из дома. И мне тогда пришлось дать согласие выбрать на себя патент на торговлю III разряда»¹⁰⁹⁸.

Основной причиной занятия частной торговлей, по официальной версии, распространяемой пропагандой, являлась жажда наживы, но этот тезис неоднократно оспаривается авторами биографий. Реальная мотивация к занятию торговлей, по мнению «лишенцев», была вызвана необходимостью выживания, адаптации к неблагоприятным условиям, желанием повысить (точнее восстановить) уровень благосостояния после экстремального периода войны и голода.

Стремление включиться в советскую систему координат требовало как обоснования причин занятия торговлей (как правило, вынужденных), так и создания образа лояльного и законопослушного гражданина, пусть и запятнанного неблагоприятной (преступной) деятельностью.

Авторами подчеркивалась ценность отдельных эпизодов их биографий, как реальных, так и потенциально возможных, но не случившихся, что позволяет маркировать эти характеристики как социально значимые. Встречаются перечисления того, что могло произойти, могло быть сделано, но не произошло с гражданином (под судом не был, у белых не служил, наемный труд не использовал, с Колчаком не ушел, не спекулировал, не имел долгов по налогам и т. п.).

И. П. Шумков писал: «Прошу Комиссию Горсовета восстановить в правах гражданства Советской Республики, так как в настоящее время я числюсь лишенцем, потому что был мелким торговцем по Третьему разряду как середняк и прошу принять во внимание, что я не контрреволюционер и кроме пользы для Сов[етского] государства ничего не делал, никогда не был под судом, а также желаю продолжать служить и впредь для пользы СССР. <...> Если бы я знал, что за торговлю будут лишать прав гражданства, я бы не торговал, а доторговался до того, что не стало ни товару, ни денег, вообще я торговал не для накопления капитала, а лишь прокормить себя и мою семью; я Советский хлеб не заслуженный мною кушать не желаю и надеюсь загладить свою вину служебными делами перед Сов[етским] государством, особенно

¹⁰⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 36. Л. 10.

при выполнении плана пятилетки индустриализации страны я не должен сидеть сложа руки, хотя физический труд по слабости здоровья нести не могу, но по служебной части могу быть полезен для Сов[етского] Государства»¹⁰⁹⁹.

По мнению Г. Алексопулос «для многих было предпочтительнее и легче приобрести советскую идентичность риторически, так сказать, переосмыслив прошлое или подчеркнув то, чего никто не делал... подчеркивалось отсутствие каких-либо судимостей или причастность к контрреволюционной деятельности и своевременная уплата ими всех налогов и сборов»¹¹⁰⁰.

В процессе самоидентификации авторы автобиографий использовали традиционные шаблоны, при этом доминировали архаичные представления о праведности тяжелого труда, связанного с материальным производством; напротив, торгово-посредническая деятельность криминализировалась. Показательным является пример, который приводит в своей биографии А. И. Свистунов. Вовлеченность в торговлю своего отца и его самого он напрямую связывает с влиянием супругов. Брак его отца с женщиной, занимающейся торговлей, предопределил занятие торговлей его отца, напротив, его брак с сиротой из рабочей семьи повлек за собой отказ от торговли и возвращение себе «пролетарского первородства». Торговля из профессионального маркера превращается в сословный признак, передающийся по наследству или путем вступления в брак, по аналогии со статусом купца.

В биографии А. П. Свистунова читаем: «Отец мой, происходящий из семьи бесспорного бедняка, имеющий сейчас 68 лет отроду, в молодости проработал на Каслинском заводе в кричном цехе 15 лет, после чего занялся крестьянством, и женившись на дочери торговца, вскоре (по словам отца) увлекся мечтами о наживе и стал помогать своей жене, моей матери, торговать мясом, одновременно занимаясь хлебопашеством. <...> Таким образом, отец жил до времени революции лет 10–12, занимаясь хлебопашеством и имея свой ларек, в котором мать моя торговала мясом. В первый же год революции мать моя умерла от сумасшествия, а отец снова занялся крестьянством с посевом от 3 до 8 десятин, имел 2 лошади, две коровы, плуг, бороны и дом, в котором жил. В революцию с белыми не бегал, а жил все время в заводе Касли, участия в революции не принимал. В июле 1926 г. отец, с вновь приобретенной женой, моей мачехой, решил снова торговать мясом, не уделив ни какого внимания на мои доводы и попытки разбить ихнее решение. Но отец, будучи совершенно неграмотным, вскоре проторговался и в июле 1927 г. торговлю бросил, оставшись с одной лошадьёю и одной коровой. Всего торговал, таким образом, за время после революции один год, имея патент Третьего разряда. <...> Несколько раз [я] порывался уйти от отца, но моя старшая сестра, будучи в замужестве, всякий раз меня отговаривала, а ее советы я, своим детским умом ценил, так как во

¹⁰⁹⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9298. Л. 13.

¹¹⁰⁰ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Pp. 144–145.

время ученья она мне материально помогала, и я от ней в этом был зависим. Так я дожил до 1928 г., и учился уже на третьем курсе школы инструкторов по сельскохозяйственному машиностроению, и осталось учиться один год, и вдруг весной 1928 г. меня из школы исключили, как сына бывшего торговца. Таким образом, я был выброшен за борт, в то время как проучился одиннадцать лет в советской школе. <...> За это время я женился на сироте [Свистуновой В. Д. – А. К.], дочери рабочего, и этим вошел в семью совершенно другую, чем та, в которой я провел проклятые годы своего детства. Один из моих свояков 25 лет проработал на производстве, другой – партизан-коммунист, два шурина – рабочие, оба честно отслужили в Красной армии. Вот с этим-то кругом я сросся и этих людей считаю близкими и своими»¹¹⁰¹.

Аналогичные выводы делает в своей работе Г. Алексопулос: «В своих ходатайствах некоторые из лишенных гражданских прав ссылались на членов семьи, которые имели хороший советский профиль и перечисляли общественно полезную деятельность родственников. Те, кто отстал в осуществлении личной трансформации, надеялись на поддержку политически не по годам развитой семьи и демонстрировали лояльность и общественно полезный труд через мужей, родителей и детей. Семейные отношения часто стигматизируются, но они также могут быть реабилитационными. Супруги играют важнейшую роль в реабилитации, независимо от того, несут ли они ответственность за утрату гражданских прав. Женщины всегда упоминают своих мужей в петициях, а мужья иногда делают полезные ссылки и на своих жен. В своем ходатайстве уральский мужчина отметил благоприятную идентичность своей супруги, хотя и был лишен гражданских прав за свою деятельность»¹¹⁰².

Авторы выбирали оборонительные или наступательные стратегии для достижения поставленной цели. Абсолютное большинство выступало с покаянием, не оспаривало обоснованности лишения избирательных прав, использовало уничижительные самооценки. Другие, напротив, активно отстаивали свою позицию, доказывая неправомерность лишения избирательных прав. В качестве аргументов совершенно справедливо приводились ссылки на то, что частная торговля была разрешена, что члены избирательной комиссии слишком вольно трактовали положения Инструкции о выборах и лишали прав тех, кто не должен был подпадать под эту санкцию (безработные, инвалиды, мелкие производители, сбывающие продукцию собственного производства и т. п.). Приводились примеры, когда лишение избирательных прав использовалось для сведения личных счетов.

Г. Алексопулос предлагает более детальную классификацию, включающую в себя шесть вариантов: «Апелляции, представленные в этих петициях, можно разделить на шесть основных стилей аргументации, которые наиболее часто встречаются в выборке. Большинство петиций

¹¹⁰¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 7122. Л. 3–4 об.

¹¹⁰² Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 141.

включали в себя более чем одну из следующих стратегий обжалования: категорическое отрицание обвинений (13 %); обвинение или донос на другого, кто был ответственен за отнесение просителя к лишенцам (16 %); оправдание того, что деятельность была случайной и временной, и не отражает истинную профессию или склонности просителя (24 %); жалоба на то, что проситель находится в отчаянии и заслуживает сочувствия читателя (39 %); претензии к неправомерной идентификации (например, он является только торговцем I разряда или не находится на иждивении) (39 %); представление “советского себя”, демонстрирует лояльность, службу и трудовые достижения (55 %)»¹¹⁰³. Поскольку 40 % всех обработанных автором личных дел принадлежат частным торговцам, можно рассматривать эти варианты как наиболее типичные для них.

Авторов заявлений о восстановлении объединяет преимущественно минорное настроение, описание своей судьбы в трагических тонах, призванных вызвать сопереживание адресата. Покаянные письма включали в себя следующие оценки: «Частная торговля, как говорится, зараза – заразился и я...»¹¹⁰⁴. «Я соблазнился поторговать мукой и по глупости втесался в такое дело, но без своего капитала, которого не имел и не имею...»¹¹⁰⁵. «Из-за безработицы, моей молодости и отчасти глупости [заялся торговлей]»¹¹⁰⁶. «В настоящем мне везде закрыта дорога, мне трудно устроиться на работу, меня гонят, как самую последнюю заразу»¹¹⁰⁷. «Неужели если бы в тот период не было такой ужасной безработицы я бы стал заниматься торговлей?»¹¹⁰⁸ «После чего состоял на учете на бирже труда, и ввиду невозможности в дальнейшем существовать я вынужден был пойти на преступление и начал торговлю»¹¹⁰⁹. «Я был принужден пойти на преступления, начал торговлю и потерял свой авторитет и рабочий стаж»¹¹¹⁰.

Спектр негативных оценок частной торговли широк – от глупости и заразы до греха и уголовного преступления, несмотря на то, что частная торговля в 1920-е гг. была легальной, осуществлялась с санкции государства на основании патента и облагалась налогами (как регулярными, так и экстраординарными).

Авторы, ищущие справедливости, апеллируют к исторической памяти адресата, напоминают о той ситуации, которая привела к легализации частного предпринимательства, и подкрепляют свою позицию ссылками (пусть и не всегда точными) на нормативно-правовые акты. Основанием для обращения в избирательную комиссию П. И. Батуева (на момент

¹¹⁰³ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 102.

¹¹⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93. Л. 3.

¹¹⁰⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 487. Л. 27.

¹¹⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2681. Л. 5.

¹¹⁰⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 25.

¹¹⁰⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 26 об.

¹¹⁰⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2082. Л. 5–5 об.

¹¹¹⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6995. Л. 13.

написания заявления ему было 70 лет), по всей видимости, явилось ограничение в гражданских правах его детей, в т. ч. двух сыновей, которые служили добровольцами в Красной армии. Возможно, что при написании заявления активное участие проявлял кто-то из сыновей, максимально заинтересованный в восстановлении в правах своего отца.

В заявлении П. И. Батуева говорится: «Наш молодой союз находился в периоде возрождения, что было важнее – крепить оборону страны или же сидеть сложа руки? Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если Вы еще не забыли то, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций. В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только “бывшие люди”. И действительно, когда я принимал участие в торговле, то я не был лишенец, а когда стал работать, то меня лишили избирательного права. Я совершенно не чуждый элемент – я принимал участие в торговле только лишь в силу нужды, а это разрешается на основании п. “ж” § 16 Конституции РСФСР [точнее, инструкции о выборах – А. К.]. § 18 Конституции РСФСР говорит, что даже бывшие помещики восстанавливаются в избирательных правах, если они имеют пятилетний трудовой стаж. Меня интересует, для чего же существует Конституция – неужели для того, чтобы ее обходить. В конце концов, я всю свою жизнь трудился и никогда в жизни не занимался тем, что могло бы повлиять на мою репутацию. <...> Недаром великий вождь пролетариата т. Ленин сказал, “что наши законы очень хороши, лучше их ни одно какое бы угодно ни было республиканское правительство не выдумает, но вся беда в том, что в большинстве случаев, этими законами не умеют пользоваться, неправильно их применяют”. Разве не правдивы слова Ленина! Какая разница между Конституцией и жизнью. Следовательно, наши законы в жизни еще не реальны. Лишение избирательного права лишает моих детей возможности и учиться, и работать. Отец лишен и по наследству лишаются избирательного права и дети. Я хочу еще работать, а мои дети, которые в трудные минуты для советского правительства были добровольцами в Красной армии – имеют полное право на жизнь»¹¹¹¹. Далее он пишет: «Своим лишением, я приношу позорное имя своим сыновьям»¹¹¹².

«Реабилитационный механизм, – по мнению Г. Алексопулос, – формировал особый диалог между гражданами и государством. У новоиспеченных граждан появились определенные представления и ожидания относительно советской власти. Например, процесс предоставления прав побуждал некоторых заявителей апеллировать к понятию справедливости при советской

¹¹¹¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 14–16 об.

¹¹¹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

системе... Кроме того, восхваляя сострадание и справедливость советского режима, лишенные гражданских прав лица призывали советских чиновников отстаивать свои собственные стандарты, удовлетворять просьбу просителя или рисковать, выглядя лицемерными»¹¹¹³. В этой связи, можно вспомнить основное требование правозащитников к советским властям: «Соблюдайте свои законы».

Еще один пример наступательной стратегии находим в заявлении И. Д. Беседина: «Как государственные, так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот, по своему мнению, торгуя мясом, я считаю, что не вред приношу государству, а скорее пользу и одновременно удовлетворяю потребности населения, ибо если не я, то все равно, кто-нибудь другой занялся бы этим делом. При том в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрассудно»¹¹¹⁴.

С целью социальной реабилитации бывшие торговцы были вынуждены начинать с нуля, с низкоквалифицированной и грязной работы. В конъюнктурных обзорах Кредит-бюро отмечается: «Ушедший с рынка частник, в связи с неблагоприятной для него конъюнктурой держит себя крайне осторожно. Достаточно сказать, что многие частники работают на черных работах, на которые неохотно идут даже рабочие с биржи. Работа эта состоит главным образом, из распилки дров, поставки каменного угля и т. п. Идя на эту работу, частник имеет в виду зарекомендовать себя в качестве общественно полезного работника с тем, чтобы впоследствии перейти на более легкую работу. Кроме того, частники руководствуются моментами фискального характера – представить себя неимущими для органов фиска»¹¹¹⁵.

В биографиях бывших торговцев описываются все тяготы такого труда, к которому многие по состоянию здоровья или ввиду пожилого возраста были не приспособлены.

Судьба человека в делопроизводственной переписке выглядит рутинно и буднично, очевидно, что трагизм положения могли в полной мере оценить лишь близкие человеку люди. Трагедия маленького человека, его персональная катастрофа весьма наглядно характеризует эпоху и дополняет наше представление о периоде новой экономической политики. Образно и адекватно это настроение передал И. В. Нарский, воссоздавая жизнь населения Урала в 1917–1922 гг.¹¹¹⁶ Отметим, что и последующий этап отечественной истории, предшествующий периоду массовых репрессий 1930-х гг., был полон трагизма. Лишение избирательных прав и

¹¹¹³ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. P. 154.

¹¹¹⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 7. Д. 221. Л. 3–4.

¹¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 127. Л. 110.

¹¹¹⁶ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. 632 с.

дискриминация гражданина, которые приводят к его болезни, преждевременной смерти или самоубийству вряд ли могут рассматриваться как исключение или единичный случай.

Восстановление в правах являлось насущной необходимостью в условиях ликвидации многоукладной экономики. Этот тезис совершенно иначе звучит в изложении отчаявшегося человека. Весь трагизм своего положения «лишенец» В. И. Лагуткин описывал следующим образом: «Я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела, а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я, естественно, должен где-то работать, но и этой прелести я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня, как лишенца, снимают с работы и для наглядности прилагаю удостоверение о моей работы, с которых я снят. <...> Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд и если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно прошу восстановить в правах гражданства, чтобы я мог еще поработать на этом культурно-просветительном фронте»¹¹¹⁷.

По данным имеющимся в деле его жены В. И. Лагуткин умер 29 октября 1933 г. в г. Камышлове, в возрасте 50 лет, от психического расстройства. Особенность данного дела и трагизм ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что последнее решение об отказе в восстановлении избирательных прав было вынесено уже после смерти заявителя. Оно было принято на основании имеющихся в деле документов и не учитывало того обстоятельства, что душевнобольные, при наличии медицинского освидетельствования, лишались избирательного права. По этой причине, решение о восстановлении или в отказе в восстановлении в избирательных правах на основании факта занятия торговлей уже не имело смысла. Однако комиссия не учла данное обстоятельство и этот факт можно интерпретировать следующим образом: бюрократическая машина инертна и консервативна; вынесенное решение, подтвержденное на уровне вышестоящей избирательной комиссии, не подлежало пересмотру; классовую бдительность было уместнее и целесообразнее проявлять на примере выявления частных предпринимателей, а не душевнобольных; как вариант, члены комиссии не интересовались дальнейшей судьбой заявителя¹¹¹⁸.

¹¹¹⁷ ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 4289. Л. 15 об.

¹¹¹⁸ Килин А. П. Судьба человека в переломную эпоху: книготорговец и «лишенец» В. И. Лагуткин (1883–1933) // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г. Екатеринбург, 2020. С. 305–310; Он же. Книготорговец Василий Иванович Лагуткин (1883–1933): реконструкция биографии «лишенца» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 53–69.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в т. ч. связанные с лишением прав, неучастием в выборах и более высокими затратами на самообеспечение, приобретением товаров на рынке, более высокой арендной платой, повышенным уровнем налогообложения) признавались допустимыми. По мере того как торговля переставала покрывать издержки на содержание себя и членов своей семьи (возрастали материальные издержки, а доходность падала), становилась нелегальной, либо появлялись альтернативы на рынке труда, со стороны гражданина усиливалось стремление прекратить торговлю. С ликвидацией многоукладной экономики нэпа исчезали альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» являлся препятствием для получения работы в обобществленном секторе.

Занятие торговлей приводило к изменению социального статуса индивида в идеологической и политической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: производитель (рабочий, крестьянин) становился частным торговым посредником (спекулянт), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию неполноправных свободных. Падение было стремительным, напротив, восстановить свой статус, реабилитироваться было намного сложнее и восходящая мобильность требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы (среди которых были и бывшие торговцы) преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позволяли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие их экономический и политический статус, человек стремился вернуть то, что потерял, восстановить *status quo*, вернуть утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, стать как все, реабилитироваться. Даже несовершенная и ущербная социальная модель поведения становилась желанной, к ней стремился «лишенец». Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику.

Личные дел «лишенцев» побуждает нас обратить внимание на проблему жертв социального инжиниринга, в том числе на судьбы тех, кто тяжело заболел, сошел с ума или покончил жизнь самоубийством¹¹¹⁹. Эти негативные проявления жизни общества изучались в рамках моральной статистики. Исследователи проводили опросы, накапливали материал и

¹¹¹⁹ Килин, А. П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3. С. 83–98.

анализировали полученные данные с целью выработки противоядия от девиантного поведения что, в конечном итоге, должно было способствовать формированию нового человека.

В своих работах отечественный правовед и криминолог М. Н. Гернет рассматривает проблему суицидов в советской России. «Статистика самоубийств была введена в России лишь с 1922 г. Ранее, до 1917 г., сведения о самоубийствах собирались лишь полицейскими органами для отчетов по губерниям в министерство внутренних дел (с указанием лишь пола самоубийц) и органами дознания и предварительного следствия при возбуждении судебного преследования, а с 1903 г. также сообщались по некоторым городам в санитарных отчетах о состоянии народного здоровья»¹¹²⁰.

Автор приводит следующие данные о причинах самоубийств среди мужчин и женщин по различным профессиональным группам. М. Н. Гернет делает вывод: «Статистика самоубийств по профессиям в связи с мотивом также в полном согласии с нашими ожиданиями подчеркнула громадную роль мотива материальных лишений у безработных мужчин и женщин; у этой же группы мужчин оказался самым высоким процент самоубийств, вследствие изменения материального положения»¹¹²¹.

Таким образом, мы можем найти подтверждение тому, что тяжелое материальное положение «лишенцев», исключение их из системы централизованного распределения материальных благ (лишение продуктовых карточек и заборных книжек), наряду с отсутствием реальных и легальных альтернатив для самозанятости, могло провоцировать мысли о суициде.

Материалы биографий частных торговых предпринимателей демонстрируют тенденцию политической маргинализации наиболее активных в экономической сфере индивидуумов. В этой связи можно говорить о негативной социальной селекции. Негативной с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования.

П. Сорокин связывал этот процесс с экстремальными историческими периодами – войнами и революциями, но эти процессы были характерны и для относительно мирного периода нэпа. «...Для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является: какие качественно элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение периодов расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону. Изменения, испытанные населением России в этом отношении, типичны для всех крупных войн и революций. Последние всегда были орудием отрицательной селекции,

¹¹²⁰ Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 221.

¹¹²¹ Там же, С. 226.

производящих отбор “шиворот навыворот”, т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться “худшие”, то есть людей второго и третьего сорта»¹¹²².

Выводы по главе. Рассматривая частных предпринимателей как акторов, т. е. не только носителей идей, но и активных и деятельных участников борьбы за реализацию собственных интересов, полагаем, что их роль в процессе догоняющего развития должна была быть решающей. Однако реальный социальный статус наиболее экономически активной части населения был низким. Негативное отношение к частному предпринимательству усилилось после октября 1917 г., и даже в годы нэпа, когда был легализован этот вид деятельности, существовали правовые и противоправные механизмы, обуславливающие дискриминацию этой социальной группы. Реализовывалась модель двухступенчатой нисходящей социальной мобильности, при которой человек, оказавшись в маргинальном положении (безработный, «бывший»), приступая к занятию легальным видом деятельности – торговлей, опускался еще на одну ступень в социальной иерархии и лишался избирательных прав. Торговые практики в условиях нэпа являлись широко распространенным способом адаптации, позволяли выжить, а некоторым – существенно продвинуться в той иерархической системе, которая была построена на оценке уровня дохода. Такого рода противоречие (экономическое благополучие и политическая дискриминация) отчетливо прослеживается на всем протяжении нэпа и отражено в личных делах граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей.

Большинство «новых богатых» (очевидна аналогия с современным термином «новый русский», обращаясь нас к французскому «нуворишу») были выходцами из представителей непривилегированных сословий и необеспеченных социальных групп. Разумеется, те из них, кто в прошлом имел профессиональный опыт (например, приказчики), могли добиться больших успехов и в годы нэпа. Среди торговцев была заметна доля чистых пролетариев, которые были вынуждены оперировать на рынке не только как покупатели, но и как продавцы, сглаживая тем самым недостатки централизованной распределительной системы.

Особое место в социальном конструировании раннесоветского общества занимала процедура лишения и восстановления в избирательных правах. Лишая своих граждан избирательных прав во внесудебном и массовом порядке, власть давала населению сигнал о том, какая модель поведения являлась одобряемой, а какая порицалась. В биографиях «лишенцев» отчетливо проступает как идеализированный образ нового человека, который должен служить образцом и идеалом, так и образ антигероя, от которого заявители стремятся любым способом дистанцироваться. Парадокс заключался в том, что идеальный образ не существовал в реальности, что порождало когнитивный диссонанс в сознании гражданина.

¹¹²² Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922. URL: <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirim-sorokin/161-current-state-of-russia>

Напротив, антигерой был материализован и вполне реален, а в большинстве случаев к таковым относились родственники, близкие и знакомые просителя (отец, мать, жена, муж). В процессе реабилитации в качестве аргумента приводились не только реальные факты из биографии гражданина, то, что он реально делал, но и то, что он мог бы совершить, но не сделал. В последнем случае за основу осуждаемого и негативного поведения брался образ антигероя.

Стремление дистанцироваться от собственного прошлого, декларировать новую личную идентичность можно считать реальным продуктом социального конструирования. В этом случае заявитель описывал себя в категориях, предписанных господствующими идеологическими установками и нормативными актами.

Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнопредпринимательского укладов. Ликвидация многоукладности привела к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России оказывалась, как минимум, проблематичной.

Проблема существования замкнутого круга частного сектора хозяйства, которая активно обсуждалась в конце 1920-х гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали его с контрреволюцией.

В раннесоветском обществе доминировали патрон-клиентские отношения, культивировался патернализм со стороны государства, насаждался повсеместный, тотальный контроль над гражданами, в том числе и через систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Эти обстоятельства создавали условия, при которых частные предприниматели вытеснялись из легальных хозяйственных связей, исчезали как социальная группа, либо пополняли ряды представителей теневого сектора экономики.

Заключение

Изучение частной торговли в многоукладной экономике Уральского региона в 1920–1930-е гг. позволяет не только ввести в научный оборот новые данные, пополнить наши представления об этом периоде разнообразными фактическими материалами, но и выйти на уровень обобщений, выходящих за пределы первоначально определенных хронологических и территориальных рамок.

1. Историческое прошлое многомерно и многообразно, поток событий последователен и неразрывен, он включает в себя самые разнообразные проявления человеческой деятельности, являющиеся предметом исследования различных гуманитарных наук. Воссоздать картину прошлого с исчерпывающей фактологической полнотой практически невозможно, даже если речь идет об одном дне, не говоря уже о десятилетиях. Соответственно для описания общих закономерностей используются различного рода теории, схемы и модели. Они позволяют реализовать историко-системный подход, который предполагает изучение объекта как системы, а также как подсистемы или надсистемы систем другого уровня. Полагаем, что метод моделирования, применительно к теме нашего исследования, позволяет представить частную торговлю Урала как систему взаимосвязанных элементов, для этого мы используем такую категорию как частнопредпринимательский уклад. Одновременно представить ее как элемент многоукладной экономики, как часть торговли страны в целом и как наиболее существенный фактор при реализации новой экономической политики, которая согласуется с российской моделью управления.

Для российской модели управления характерно доминирование государственного сектора экономики, а также процесс огосударствления других секторов и хозяйственных укладов как в условиях императорской, так и советской России. Уровень развития рыночных отношений всегда лимитировался существующими рыночными институтами. Значительная роль государства в экономике и дефицит капиталов, наличие феодальных пережитков в форме чиновничьей ренты и моделей управления периферийными территориями приводили к ограниченному или более консервативному развитию институтов рынка.

При формировании модели экономики нэпа использовались различные методы, например, адаптация концепции построения социализма к условиям России, а в качестве антипода рассматривался военный коммунизм.

Основываясь на принципах классификации, которые приняты в теории менеджмента нэп это: модель с доминированием социалистической собственности на средства производства; модель централизованного планового управления с элементами рынка; макро модель, которую предполагалось реализовать на территории всей страны; авторитарная (поскольку иницирована сверху, корректировалась административными методами, включала в себя

элементы директивного управления и была свернута насильственным способом); на грани доиндустриальной и индустриальной, учитывая аграрно-индустриальный характер экономики; сочетающая в себе как традиционно российские элементы, так и советские, выступающие в качестве новаций; тяготеющая к «административной школе» менеджмента; ситуационная и адаптивная (что характерно для с переходной экономикой и догоняющего развития).

Новая экономическая политика была «новой» лишь по отношению к военному коммунизму и сочетала в себе как ретроинновации, так и инновационные методы адаптации элементов рыночного хозяйства к централизованному управлению. Асимметричность многоукладной экономики проявилась в том, что количественные и качественные параметры укладов находились в обратной зависимости. Самый многочисленный по составу участников частнохозяйственный уклад дискриминировался, одновременно, государственному укладу создавался режим наибольшего благоприятствования. Но даже в таких условиях многоукладная экономика выполнила свою функцию в процессе восстановления хозяйства страны.

В рамках первых пятилеток реализовывалась совершенно иная экономическая модель, которая традиционно формулируется как этап построения основ социализма в СССР и связывается с индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией, что в настоящее время интерпретируется как процесс формирования мобилизационной модели экономики.

Таким образом, эволюция частной торговли в экономике Урала в 1920–1930-х гг., пришлось на два перехода, которые неразрывно связаны друг с другом. На уровне макроэкономики произошел переход от нэпа к мобилизационной экономике, а на мезоуровне – переход от территориально-рыночной модели к модели территориального комбината.

Для территориально-рыночной модели характерно: децентрализация, делегирование союзной и республиканской властями полномочий региональным властям; преобладание территориального принципа управления экономикой через советы народного хозяйства (СНХ); формирование многоукладной экономики, соответствующей уровню социально-экономического развития региона и отражающей его специфику; кооперирование и интеграция предприятий различных форм собственности на одной территории; наличие конкурентной среды как внутри региона (между хозяйствующими субъектами), так и на уровне страны (между отдельными регионами, которые выступали как товаропроизводители и объекты инвестиций); формирование региональных элит, как подлинных акторов региональной политики, обладающих политическими и экономическими ресурсами для лоббирования региональных интересов. Пришедшая ей на смену модель диаметрально отличалась от первой. Если использовать образ маятника, то он резко качнулся в сторону под углом 90° . Ядром модели территориального комбината становится формирование Урало-Кузнецкого комбината,

объединяющего в своих границах территории Урала (в том числе и Башкирии), Западной Сибири и Северного Казахстана, рудные и угольные месторождения. При этом регионально-корпоративная модель развития трансформируется в централизованное административно-политическое управление, а собственные интересы региона отодвигаются на второй план. В рамках этой модели проводится административно-территориальная реформа, Уральская область дробится на несколько образований. В этот период усиливается диспропорция в отраслевой структуре региона, доминируют отрасли тяжелой промышленности, а легкая промышленность и социальная инфраструктура развиваются по остаточному принципу. При этом нагрузка на товаропроводящие сети в государственной и кооперативной торговле существенно усиливается, а частное торговое предпринимательство криминализируется и вливается в неформальный уклад, формирует теневой сектор советской экономики.

2. Теория укладов той или иной степени использовалась как отечественными, так и зарубежными исследователями, при этом у первых преобладал экономический, а у вторых – социологический подход. Сам термин имеет множество вариаций, которые предопределены исследовательскими задачами и спецификой методов исследования. Среди ученых отсутствует единство относительно количества и конкретного набора укладов, как применительно к историческому прошлому (в частности, периоду нэпа), так и к экономике современной России. Это обстоятельство не умаляет значимость этого подхода. Оно позволяет использовать его в различных предметных сферах, реализует дедуктивный метод, заключающийся в переходе от теоретических концепций к анализу фактов на микроуровне.

Помимо пяти укладов, которые описаны в работах В. И. Ленина, исследователи выделяют иные варианты, что позволяет отразить многообразие хозяйственных практик раннесоветского общества. Прослеживается активное взаимодействие частнопредпринимательского уклада с государственным (социалистическим), кооперативным, диаспорным, патриархальным и неформальным укладами.

Основное внимание мы сосредоточили на частнопредпринимательском хозяйственном укладе, который сочетает в себе: частную форму собственности; предпринимательство как вид социально-трудовой деятельности; отраслевую специфику торгово-посреднической деятельности; а также региональные отличия, поскольку включает особенности хозяйствования, жизнеобеспечения и жизнеустройства определенной части населения на конкретной территории.

Поскольку укладный подход носит междисциплинарный характер, анализ частнопредпринимательского уклада в торговле предполагает учитывать следующие аспекты:

- Сочетание идеологических, правовых (обусловленных исторической ситуацией) и экономических проблем отражены в характеристике «частный». В основу хозяйственного

уклада абсолютное большинство исследователей закладывают форму собственности на средства производства. Правовой режим частной собственности в раннесоветском обществе не был однозначно определен, содержал ряд противоречий и не может быть приравнен к правовому состоянию, который она имела в дореволюционной России. Говорить о равноправии различных форм собственности однозначно нельзя.

- Экономические и социальные характеристики уклада отражены в определении «предпринимательский». Предпринимательство рассматривается не только как вид специфической профессиональной деятельности, но и как уклад, порождающий особую социальную среду, которой было присуще фрондерство и противопоставление государственной власти.

- Углубление понятия системы социально-трудовой деятельности, конкретизация его с учетом основных отраслей народного хозяйства», приводит нас к расширенной формулировке – «частнопредпринимательский уклад в торговле». Поскольку торговля является специфическим видом деятельности, а ее формы и методы обусловлены конкретно-исторической ситуацией, в данном случае можно говорить о сочетании как экономических, так и исторических аспектов.

- Экономико-географический и исторический аспекты необходимо учитывать при использовании укладного подхода в конкретно-исторических исследованиях, в нашем случае это период 1920–1930-х гг., а само явление локализовано в границах Уральского региона. На рассматриваемый период пришелся процесс формирования территориально-рыночной модели регионального управления, а впоследствии ее радикальная и форсированная трансформация в модель территориального комбината. Модели многоукладной экономики и территориально-рыночную модель объединяет принцип многообразия и свободы, наличие возможности для самореализации различных субъектов в различных, порой весьма специфических экономических и пространственных условиях.

- Исторический фон эволюции частнопредпринимательского уклада в торговле представляется нам весьма живописным. Российская модель управления была неразрывно связана с процессом догоняющего развития, который в 1920–1930-е гг. реализовывался путем перехода к новой, еще не апробированной в мировой истории модели социалистического государства.

Поскольку границы уклада являются прозрачными, индивид может быть включенным в несколько укладов. Нахождение человека в том или ином «социальном поле» (П. Бурдьё) предопределяет его идентичность. В частную торговлю были вовлечены все или большая часть населения страны, но степень их включенности была различна. Этот подход позволил рассмотреть механизм выработки жизненной стратегии индивида и провести анализ процесса

формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные, динамичные и далекие от равновесия исторические периоды.

Переход от многоукладности к моноукладности (одноукладности – З. В. Рыбина) в раннесоветском обществе не был и не мог быть завершен. В СССР существовали как легальные и признанные государственный, колхозно-кооперативный и семейный уклады, так и неформальный уклад (теневая экономика), разнообразные гибридные формы. При изучении раннесоветского общества становится очевидным, что характер многоукладной экономики определяется не только фактом наличия того или иного уклада, но и механизмом взаимодействия укладов между собой. Насильственная ликвидация частнопредпринимательского уклада, унификация и огосударствление кооперативного уклада, имели негативные последствия, поскольку приводили к несоответствию реальных хозяйственных практик и искусственных форм организации производства и сбыта, которые постоянно тяготели к централизованному распределению. Таким образом, государство внесло существенный вклад в формирование теневого сектора экономики, который был легализован в ходе рыночных реформ 1980–1990-х гг. В новейшей истории России были восстановлены, а точнее восприняты в легальном поле, не столько традиции русского дореволюционного купечества, сколько практики хозяйствования характерные для неформального уклада.

Изучение частной торговли на основе укладного подхода позволяет рассматривать не только экономические, но и социальные аспекты проблемы, позволяет изучать мелкие и мельчайшие формы хозяйственной посреднической деятельности в наиболее полном объеме.

3. Концепции построения нового общества, как правило, утопические, предполагали простоту и ясность структуры, четкость и рациональность принципов функционирования (*sancta simplicitas*). Стремление избавиться от всего лишнего приводило к отказу от функций посредника, в том числе от денег и торговли.

Оценка товарно-денежных отношений при социализме претерпевала изменения и эволюционировала от полного отрицания, пройдя стадию признания, а затем, перейдя к стадии модификации и приспособления (последняя стадия затянулась надолго). Стремление нивелировать предпосылки существования товарно-денежных отношений в виде общественного разделения труда, многообразия форм собственности и внешнеэкономической деятельности, привело к весьма скромным результатам.

В хронологических рамках нашего исследования 1921–1936 гг. были выделены этапы государственной политики в отношении частной торговли, которые являлись одной из институциональных основ предопределивших эволюцию частнопредпринимательского уклада в торговле Уральского региона. Если в советской историографии в основу периодизации был положен принцип движения от победы к победе, то для зарубежной историографии в большей

степени свойственен принцип от кризиса к кризису. Полагаем, что характеристика нэповской модели управления как адаптивной, ориентированной на оперативное реагирование предопределили значительные колебания в отношении частной торговли.

Первый этап 1921–1922 гг. – характеризуется стремительным и стихийным возрождением товарно-денежных отношений. Легализация товарообмена в рамках локальных рынков привела к повсеместному распространению частной торговли в традиционных, а порой и архаичных формах.

Второй этап 1923–1924 гг. на Урале связан с процессом формирования Уральской области и, соответственно, с необходимостью реформирования торгового аппарата, ориентированного как на рыночную торговлю, так и на распределение, включающего в себя как государственный, так и кооперативный уклады. Частнопредпринимательский уклад, продемонстрировавший свой значительный потенциал, стал восприниматься как реальная угроза, что предопределило его ограничение при помощи административных методов.

Третий этап 1925–1926 гг. можно охарактеризовать как период, когда территориально-рыночная модель регионального управления была реализована в наибольшей степени, инициировался процесс оживления товарооборота при активном вовлечении в него частника.

Четвертый этап 1927–1929 гг. демонстрирует очевидную переориентацию властей на моноукладную экономику, которые делали ставку на доминирование государственного или социалистического уклада в рамках первых пятилеток, а также на изменение приоритетов регионального развития.

Самым эффективным средством ликвидации капиталистических элементов явилась налоговая политика. Она была направлена на изъятие не только доходов, но и прежде сделанных накоплений. Прекращение отпуска частникам сырья, топлива, товаров в торговую сеть, переход на нормированное снабжение населения – все это сделало невозможным легальное функционирование частной торговли и промышленности. Сбои в товаропроводящей сети были одной из причин введения нормированного, карточного распределения.

Пятый этап 1930–1936 гг. ознаменовался переходом на модель территориального комбината в региональном развитии, что вытекало из концепции первых пятилетних планов. Необходимость концентрации ресурсов на приоритетных направлениях и обеспечение высоких темпов развития стратегических отраслей приводили к усилению директивных начал, ликвидации «лишних» управленческих звеньев. Местные бюджеты, лишившись доходной базы, теряют самостоятельность. Упразднение округов, в связи с необходимостью форсировать коллективизацию (1930 г.), а затем упразднение Уральской области (1934 г.) привело к существенному сокращению ресурсного потенциала региональных элит, потери их относительной автономности. Происходит уничтожения частнопредпринимательского уклада

не только в торговле, но и в сельскохозяйственном и кустарно-ремесленном производстве. При этом активно культивируется идея новой, советской и культурной торговли, особенно в ситуации отмены нормированного распределения. В 1935–1936 гг., несмотря на жесткий административный и идеологический нажим, частнопредпринимательский уклад существовал в легальном поле. Лишь согласно Правилам регистрации кустарных и ремесленных промыслов от 26 марта 1936 г. запрещались любая частная торговля и торговое посредничество.

Ситуативная модель управления, которая была реализована в 1920–1930-е гг. предполагала использование широкого арсенала методов государственного регулирования. Их классификация затруднена по причине того, что экономическая целесообразность уступала место политическим декларациям. Это относится к тем случаям, когда речь идет об экономических или косвенных методах регулирования, к которым относится и фискальная политика. Правила игры, устанавливаемые для различных субъектов хозяйственной деятельности, были неодинаковыми. Экономические градации проводились по идеологическим параметрам, весьма размытым и постоянно меняющимся, в зависимости от политической конъюнктуры, от выдвигаемого лозунга момента.

Многоукладность и самостоятельность местных бюджетов предполагали ослабление прямого администрирования, но институты призванные согласовывать интересы различных акторов в полном объеме так и не сложились, а деятельность саморегулируемых организаций существенно ограничивалась.

Доминировали внеэкономические, административные методы воздействия. Примечательно, что методы косвенного воздействия на рынок (поддержка кооперации, льготное кредитование и т. п.) региональными руководителями не воспринималось как «регулирование», под которым они понимали систему ограничений и запретов. Меры государственного воздействия варьировались в зависимости от региона, отрасли или вида деятельности, политических и прагматических установок центральных и региональных элит.

В качестве примеров проведения кампаний в сфере торговли рассмотрена «новая торговая практика» (предусматривающая нормированное снабжение частника) и «государственное регулирование на транспорте» (существенно ограничивающая перевозки частными заготовителями сельскохозяйственной продукции). Эти кампании имели различные последствия, но обе демонстрируют недостаточную проработанность принятых решений, а также ориентацию на решение оперативных задач и игнорирование рыночных принципов ведения хозяйства.

Кооперация рассматривалась как один из самых действенных инструментов борьбы с частником. Кооперативная и частная торговля рассматриваются как конкуренты, а недостатки одной из сторон представляются как достоинства другой. Требования повышения

эффективности ведения торговли, снижения издержек и повышения конкурентоспособности кооперации по сравнению с частником, сочетались с упреками в рвачестве и торгашестве. Это, в конечном итоге, переориентировало потребительскую кооперацию на задачи распределения и снабжения, что существенно ограничивало ее потенциал, приводило к огосударствлению, к слиянию по факту с социалистическим (государственным) укладом.

Налоговая политика рассматривалась не столько как механизм пополнения доходной части бюджета, сколько как форма классовой борьбы и метод ограничения деятельности частного капитала, способ его очередной экспроприации. Примечательно, что именно непомерные налоги частники называли в качестве основной причины закрытия своего дела. При этом есть и иная точка зрения, которая состоит в том, что стабильно высокие налоги можно выплачивать, поскольку есть возможность приспособить к ним свою хозяйственную деятельность, а вот постоянно меняющиеся налоговые ставки не позволяют планировать свою деятельность и приводят к более губительным для бизнеса последствиям. Помимо налоговых, предприниматели несли бремя неналоговых расходов, более высокие ставки арендной платы и принудительное ценообразование и ограничения в ассортиментной политике делали профессиональную торговлю весьма рискованным занятием. Бюджетные обследования торговых заведений, проведенные в регионе Поволжья, могут быть экстраполированы на Уральский регион и предоставить достоверную картину о структуре доходов и расходов частника.

В процессе ограничения частной торговли, она все в большей степени отождествлялась со спекуляцией, соответственно создавались специальные комиссии и разрабатывались меры по борьбе с ней, по преимуществу административные, принудительные и силовые.

4. После окончания Гражданской войны переход к миру предполагал консолидацию социальной базы нового строя на основе экономических интересов, т. е. «сила вещей» (В. И. Ленин) должна была прийти на смену пропаганде. Соответственно, под «смычкой» понимали процесс согласования интересов рабочего класса и крестьянства, интеграцию аграрного и индустриального укладов хозяйства страны. На первый план выдвигались экономические интересы сторон, хозяйственные связи, прежде всего торговля, как специфический и интеграционный вид деятельности.

Были очевидны диспропорции в количественном и качественном составе сторон. Крестьяне составляли большинство, но считались ведомыми, а рабочие, оставаясь в меньшинстве, ведущими и более ценным классом для власти. Исключение из участников данного процесса нетрудовых элементов не приводило к балансу сторон.

Не очевиден и тот факт, что пролетаризированные слои города и деревни в действительности ощущали свое классовое единство; порой принадлежность к городу или селу,

включенность в тот или иной хозяйственный уклад играла более существенную роль в самоидентификации индивида, чем принадлежность к пролетариям. Конфликтность сторон отражены в информационных сводках ОГПУ, где высказывались взаимные претензии и обвинения. Споры возникали относительно времени работы (лимитированное или нелимитированное); цен на продукты (завышение цен на фабрикаты или сокрытие хлебных излишков с целью роста цен на них; неэквивалентность, по мнению обеих сторон, уровня цен); приоритет личного и общественного (мелкобуржуазная крестьянская стихия и обывательщина среди рабочих).

С учетом специфики данного вида источника можно предположить, что чрезвычайно высокий уровень солидарности рабочих и крестьян, которые провозглашались социальной опорой советской власти, не был выгоден правоохранителям. При наличии противоречий между этими группами органы власти могли выступать в роли арбитра, списывая недостатки управления на одну из сторон или внешние факторы.

Конфликтность проявлялась не только в высказываниях, но и практической деятельности, например, в противодействии вступлению крестьян в профсоюзы. Чем выше был уровень безработицы и острее дефицит ресурсов, чем явственнее проявляла себя конкуренция, тем сильнее проявляла себя «размычка» (Д. Р. Вайнер). Существенное влияние на взаимоотношения рабочих и крестьян оказывала и травмирующая память о голоде 1921 г. Этими обстоятельствами можно объяснить столь активное вовлечение рабочих в процесс «раскрестьянивания» деревни.

Полагаем, что «смычку» можно рассматривать как процесс вовлеченности крестьянского населения в индустриальное производство, а рабочих в аграрное, как традиционный способ адаптации и вполне сложившаяся повседневная практика населения, она «пересекает границы рынка» (Ф. Бродель).

Депрофессионализация и формирование интегрального домашнего хозяйства (Л. М. Пумпянский) противоречило тенденции на общественное разделение труда, свидетельствовало о деградации хозяйственного механизма, поскольку выбор личностной стратегии не был предопределен стремлением к самореализации в различных сферах деятельности, а был вызван дефектами экономической системы.

Представляется, что процесс урбанизации 1920–1930-х гг. сопровождался альтернативной тенденцией – рурализацией. Это приводило не только к росту численности городского населения, но и к маргинализации значительной его части, к архаизации городской культуры. Такие тенденции способствовали консервации патриархального уклада, создавали питательную почву для неформальной экономики, размывали социалистический уклад, основой которого считалась государственная промышленность.

На частной торговле эти процессы отражались самым непосредственным образом. Самообеспечение рабочих сокращало рыночный сегмент для всех видов торговли, а дефицит финансовых ресурсов не позволял в полной мере развернуться частному торговцу, который в меньшей мере, чем кооперация, практиковал товарный кредит. С другой стороны, самостоятельная экономическая база позволяла полурбочему-полукрестьянину (Н. К. Крупская), несмотря на свой деформированный классовый статус, обладать определенной автономией. В условиях становления мобилизационной экономики такой тип хозяйствующего субъекта был ненадежным, а значит и нежелательным попутчиком, способным предать интересы своего класса и включиться в деятельность конкурирующих хозяйственных укладов. Пролетаризация кадров промышленных предприятий (увольнение рабочих имеющих домашнее хозяйство) и повсеместное внедрение централизованного распределения, в том числе нормированного, являлось атрибутами ускоренной догоняющей модернизации и служило предпосылкой для ликвидации частной торговли.

Парадокс ситуации заключался в том, что рабочие и крестьяне были вынуждены заниматься однотипными видами деятельности (порой в ущерб основному своему занятию) и активно интегрироваться как в сельскохозяйственное, так и в промышленное производство, они имели общих родственников в городе и в деревне, но при этом конфликтовали. Смычка на уровне личных стратегий и как форма персональной адаптации к условиям действительности воспринималась как нечто очевидное и вполне естественное, однако смычка города и деревни как политический проект ставилась ее участниками под сомнение.

Более того, реализация смычки на экономической почве, в результате сбалансированного товарного обмена города и деревни, могла противоречить интересам власти. Можно предположить, что экономические интересы, реализованные на рыночных началах, основанные на сбалансированном, добровольном и эквивалентном обмене индустриального и аграрного секторов экономики, вступали в противоречие с интересами правящей партии. Большевики ориентировались, прежде всего, на реализацию интересов городского пролетариата, а также планировали приоритетное развитие тяжелой промышленности в рамках мобилизационной модели экономики.

5. Показательные судебные процессы, призванные продемонстрировать борьбу с частным сектором хозяйства, показали, что его функционирование в той или иной степени зависело от действий государственных служащих. Частные предприниматели и налоговые работники оказались на одной скамье подсудимых. Кампания, которая прокатилась по всей стране, началась с «астраханского дела» и на Урале вылилось в дело Свердловского окружного финансового отдела. Судебно-следственные дела позволяют рассмотреть как хозяйственные

практики частных торговцев, в том числе ориентированные на оптимизацию системы налогообложения, так и технологии налоговой работы, которые были далеки от совершенства.

Взаимодействие частнопредпринимательского и государственного уклада происходило не только в форме конфронтации, но и сотрудничества. Судебные процессы продемонстрировали общность интересов частных торговцев и налоговых работников, поскольку и те и другие являлись акторами рыночного хозяйства, подпадали под воздействие рыночных сил и действовали соответствующим образом. Логика здравого смысла и «сила вещей», которые предопределяли их поведение, вступали в конфликт с идеологическими установками. Соответственно, вполне рациональное поведение оценивалось как правый или левый уклады, затем криминализировалось, что и приводило их на скамью подсудимых.

Осознание того, что от уровня развития частного сектора хозяйства будет зависеть снабжение населения, торговый ассортимент, набор услуг, который они предоставляли, что непосредственным образом влияет на социальную стабильность, либо проявление недовольства граждан. Было очевидно заинтересованность финансовых органов в частном секторе как источнике налоговых поступлений в местные бюджеты. Необходимо учитывать и личную заинтересованность, поскольку само существование органов фиска было непосредственно связано с наличием налогоплательщиков.

Примечательно, что судьбы частных предпринимателей и государственных служащих имеют черты сходства и скамья подсудимых не единственное, что их объединяло. Как правило, это мужчины, выходцы из податных сословий, не из самых обеспеченных семей, но получивших начальное образование. Многие служили в армии (царской, белой, красной), все они оказались на грани безработицы в начале 1920-х гг., но выбрали различные жизненные пути – кто-то организовал собственное дело, а кто-то устроился на службу. Значительную роль в этом выборе сыграли родственные связи, уровень образования, степень материальной заинтересованности и специфические черты характера. Резкого контраста между предпринимателями и налоговыми работниками в оценке хозяйственной деятельности не наблюдается, они были обязаны демонстрировать лояльность к советской власти, но с разной степенью рвения. Полагаем, что именно этими обстоятельствами можно объяснить факты их сотрудничества. Было бы упрощением сводить все к фактам коррупции и неудержимой жажде наживы. Действительность была намного более разнообразной и противоречивой.

6. Частнопредпринимательский уклад в годы нэпа материализовался в своей наиболее полной и законченной форме в виде замкнутого круга частного сектора хозяйства. Это определение является не изобретением исследователей, а вполне операционным и рабочим термином, широко используемым как экономистами, так и правоохранительными органами, оно фигурирует в материалах судебных процессов тех лет.

Описание круга, данное в работах Ю. Ларина, создает впечатление эффективно работающего механизма, полностью согласующегося с принципами рыночного хозяйства. Детальное описание этой схемы было раскрыто в рамках показательного судебного процесса, который походил в г. Астрахань (Я. Гринвальд, И. Ханкин, И. Чилим). Однако этот взгляд был чужд сторонникам плановых начал и строителям мобилизационной экономики. В круге они видели не только экономическую, но и идеологическую диверсию, реальное воплощение возрождающегося капитализма в советской России.

Формирование этой хозяйственной системы было предопределено как внутренней логикой развития частного сектора хозяйства, так и внешним давлением со стороны государства. Поиск относительно устойчивых хозяйственных связей, в меньшей степени зависимых от колебаний государственной политики в сфере снабжения частного, налоговой и тарифной политики привело к формированию круга контрагентов, заинтересованных друг в друге. Это вполне согласуется с принципами челночной дипломатии (Г. Киссинджер), в которой системообразующую роль играет посредник. В круг входили: частный производитель (крестьянин, кустарь-ремесленник), частный торговец, частный кредитор (ростовщик, ОВК) и частный потребитель. Вопреки утверждению Ю. Ларина, что главную скрипку в этом оркестре играл кредитор, полагаем, что роль частного торговца была определяющей. Он единственный, кто осуществлял контакты со всеми участниками процесса.

Полагаем, что замкнутый круг демонстрировал жизнеспособность и эффективность частнопредпринимательского уклада в сложившихся экономических и политических условиях. Его существование могло быть достаточно длительным, но не предполагало бурный рост и интенсивное развитие. Эта система позволяла вовлекать в оборот разнообразные ресурсы, обеспечивать занятость (самозанятость) населения, удовлетворять спрос потребителей, а в общем плане решать экономические и социальные проблемы на локальном уровне.

В идеологическом плане замкнутый круг использовался как символ угрозы и самим своим существованием служил оправданием репрессивной политики государства в отношении частного. К угрозам были отнесены: чрезмерные наценки, которые могли отразиться на благосостоянии граждан (социальное направление); уход от налогов (фискальное); стремление дистанцироваться от прямого государственного регулирования (административное); сокращение сырьевой базы госсектора за счет создания конкуренции на рынке (сырьевое); оценка замкнутого круга как пятой колонны, на которую эмигранты и контрреволюционеры хотели опереться с целью реставрации капитализма в России (идеологическое).

Замкнутость круга не стоит переоценивать, поскольку его существование было предопределено действиями властей. С одной стороны осуществлялся нажим и жесткое администрирование по отношению к частникам, в которых видели реальных конкурентов за

ресурсы. С другой стороны «агенты и соучастники частного капитала в государственном аппарате» (Ю. Ларин) в какой-то мере обеспечивали благоприятную среду для функционирования этой системы.

В борьбе с замкнутым кругом проявилось не только стремление к унификации системы хозяйствования, за счет ликвидации необобществленных или неогосударственных укладов, но и насущная необходимость чистки государственного аппарата, исключение из него бюрократов, которые приняли и реализовывали рыночные принципы хозяйствования, весьма удачно адаптировались к условиям нэпа. Эти элементы «бытового двоевластия» (Л. Троцкий) необходимо было искоренить. Это было необходимо при реализации модели мобилизационной экономики, поскольку бюрократия в годы нэпа неоднократно демонстрировала оппортунизм по отношению к решениям партийных органов.

Если Ю. Ларин считал, что замкнутый круг может привести к реставрации капитализма (как в хозяйственном, так и в политическом плане), то мы полагаем, что формирование относительно замкнутой хозяйственной системы явилось шагом назад по сравнению с развитым рыночным хозяйством. Капитализм предполагает активное взаимодействие как в масштабах национальной, так и мировой экономики. Формирование замкнутого круга частного сектора хозяйства являлось регрессом и признаком архаизации экономических отношений, «противорынком» (Ф. Бродель), что в перспективе существенно ограничивало потенциал его развития.

7. Срединное и транзитное положение, многообразие сырьевых ресурсов и отраслей хозяйствования обеспечивали Уралу положительный торговый баланс во внутренней торговле страны, гарантировали активный внутрирегиональный торговый обмен. Наличие на территории региона промышленных предприятий давало неоспоримые преимущества в условиях доминирования в экономике аграрного сектора. При том сельское хозяйство на Урале носило товарный характер, вопреки неблагоприятным климатическим условиям. Широкое распространение получило производство кустарно-ремесленной продукции. Можно говорить не только о товарной специализации региона в целом, но и отдельных округов, входящих в Уральскую область. Среди них выделялись территории в большей или меньшей степени насыщенные промышленными производствами, способными поставлять на рынок кустарно-ремесленную и фабричную продукцию. Округа крайнего Севера специализировались на охоте и рыбной ловле, что имело большое значение для наращивания экспортного потенциала. Существенные отличия округов были предопределены и различной плотностью транспортной инфраструктуры.

В ходе реализации планов первых пятилеток и ростом числа городского населения стала нарастать диспропорция в отраслевой структуре региона. Но если в прошлом доминировало

сельское хозяйство, то в 1930-е гг. значительные капиталовложения были направлены в тяжелую промышленность. Денежная масса росла, а товарная существенно отставала, прежде всего, в группе товаров широкого потребления. Это приводило к росту зависимости Урала от ввозимых извне товаров повседневного спроса. Таким образом, покупательная способность рубля на Урале была ниже, чем в европейской части страны. Это обстоятельство отразилось на деятельности частных предпринимателей. Занимая относительно небольшую долю в товарообороте, имея размеры предприятий меньше средних показателей по стране, частная торговля на Урале играла значительную роль в снабжении населения потребительскими товарами, а по ряду ассортиментных групп являлась монополистом.

8. Организационные формы частного торгового предпринимательства были зеркальной копией с дореволюционной системы, разработанной с фискальными целями, но по своему качеству существенно уступали оригиналу. Зачастую экономические показатели недостаточно глубоко прорабатывались, порой вытеснялись классовыми и были вариативными, в зависимости от лозунга момента или проводимой в данный момент времени кампании.

За основу классификации частной торговли были взяты данные фиска. Положения о промысловом налоге 1926 г. регламентировало формы организации торговли, определяла налоговую ставку для различных разрядов. Этот документ базируется на дореволюционном опыте. За основу типологизации были приняты следующие факторы: территориальная локализация; продолжительность торговли; количество работников; характер торгового помещения; ассортимент торговли; характер торговли – опт или розница. Очевидно, что налоговые органы стремились использовать внешние признаки, не требующие сложных расчетов. Определение объема товарооборота или доходности конкретных предприятий потребовало бы времени и знаний, должно было быть основано на изучении бухгалтерской отчетности. В случаях, когда доходность предприятия учитывалась, то за основу брались средние величины, рассчитанные заблаговременно по шаблону, на основе анализа наиболее типичных заведений. Достоверность, полноту и адекватности налогового учета можно поставить под сомнение, поскольку его недостатки исчерпывающим образом описаны в материалах судебно-следственных дел. Зачастую экономические характеристики подменялись классовыми, что являлось предметом дискуссий среди экономистов и работников-практиков. Отнесение частного предпринимателя к тому или иному разряду имело принципиальное значение впоследствии, в случае его стремления восстановиться в избирательных правах.

Весьма примечательно, что наибольшую устойчивость демонстрировали предприятия третьего разряда, относимые к «среднякам». У этих предприятий отсутствовали ограничения по ассортименту, они могли использовать труд наемных работников, а величина налогообложения была удовлетворительной. Таким образом, процесс «осереднячивание»

деревни, который характерен для периода нэпа, можно сравнить с аналогичным процессом в частной торговле.

Предприятия первого и второго разрядов напротив демонстрируют высокий уровень смертности, поскольку эти формы торговли носили временный или сезонный характер, имели ограничения по ассортименту, за редким исключением были обеспечены профессиональными кадрами. Отсутствие требования к торговцам первого разряда сдавать патенты после прекращения торговли, в случае, если торговля была мелкой и не облагалась налогами, создает определенные сложности при учете данной группы.

Ассортимент частной торговли лимитировался государственными монополиями, административными мерами и конъюнктурой рынка. При этом по ряду товарных позиций частник был монополистом. Это относилось к скоропортящимся товарам и распространявшимся через мелкую розницу. При реализации рыбы, мяса, овощей, фруктов, зелени и т. п. требовалось знание конъюнктуры рынка, владения навыками обработки и хранения продукции. Эти компетенции, как правило, приобретались в семье, являлись элементом предпринимательской традиции. На этих примерах можно продемонстрировать интеграцию частнопредпринимательского уклада с прочими укладами, прежде всего с семейным и/или диаспорным.

9. Когда на смену отрицания товарно-денежных отношений времен военного коммунизма пришло признание из необходимости и значимости, в рекордно короткие сроки была реанимирована кредитная инфраструктура, банковский сектор экономики и парабанковские учреждения в виде ОВК, сберегательных касс, ломбардов и т. п.

Воссоздания государственного банка и специализированных банков только по форме напоминало дореволюционные аналоги. Государственный банк не получил прежней самостоятельности и являлся скорее техническим инструментом в реализации финансовой политики. Непродолжительная стабилизация денежной системы, которая была достигнута в ходе реформы 1922–1924 гг. не решила проблему дефицита финансовых ресурсов. Соответственно, наличие множества представительств спецбанков в регионе привело к конкуренции, к борьбе как за централизованно распределяемые денежные средства, так и за вклады клиентов. Стремление аккумулировать средства населения приводило к необходимости формирования в недрах крупных хозяйственных укладов собственных кредитных учреждений. По этой причине создание ОВК являлось закономерной и ожидаемой мерой. Несмотря на непродолжительный период своего существования и весьма скромные достижения, необходимо положительно оценить деятельность ОВК. Эти учреждения являлись легальной формой самоорганизации частных торговцев и промышленников, позволяли консолидировать вокруг себя наиболее

экономически активную часть населения, выступали лоббистами интересов предпринимателей в органах государственной и местной власти.

Двойственность правового статуса ОВК заключалась в том, что являясь кредитными кооперативами и тем самым претендуя на включение в обобществленный сектор хозяйства, с соответствующими преференциями, социальный состав обществ был по преимуществу «буржуазный», что автоматически ставило их на сторону противников советского строя. Борьба за кооперативный статус выходила далеко за рамки идеологических баталий, а имела сугубо прагматическое основание. Основным источником денежных ресурсов являлись не граждане, а государство в лице государственного банка, который при выделении средств ориентировался не на коммерческую целесообразность, а на классовую чистоту заемщика.

Деятельность ОВК демонстрирует процесс гибридизации хозяйственных укладов. Кооперативная организационно-правовая форма собственности в сочетании с социальным составом ее членов, основная масса которых была представлена частными предпринимателями, формирует по своей сути гибрид кооперативного и частнопредпринимательского укладов. При этом определяющую роль при оценке ОВК играет именно социальный состав его участников, который первоначально был максимально широким, а впоследствии подвергался существенным ограничениям, поскольку вводился запрет служащим, рабочим и домовладельцам быть его членами. Соответственно ОВК относились к одной из форм существования частного капитала.

Отметим, что трансформации подвергалась и кооперация в целом. Если первоначально она рассматривалась как элемент частнохозяйственного уклада, поскольку до революции она формировалась за счет частных индивидуальных хозяйств, то впоследствии отношение к ней изменилось. В раннесоветском обществе она воспринималась как прогрессивная и поощряемая властями форма хозяйствования, позволяющая объединить мелких производителей. Ее уже относили к обобществленному сектору хозяйства, что, в свою очередь, позволяло существенно увеличить его долю в экономике страны, при сопоставлении с частным сектором. Впоследствии кооперация подверглась планомерному огосударствлению и стала представлять собой гибрид государственного и кооперативного укладов, с явным доминированием государства. С утратой принципа добровольности, она и во многом лишилась специфических черт классического кооперативного движения.

Мы далеки от идеализации деятельности ОВК. На недостатки кредитной кооперации обращали сами члены обществ: чрезмерно высокая стоимость кредита; недифференцированный подход к срокам кредитования; недостаточный размер кредита (с учетом того, что был введен запрет на участие в нескольких ОВК, это ограничение становилось критически важным); принцип десятикратной ответственности по операциям общества к сумме членского взноса.

Надежды, которые возлагались на ОВК, не сбылись, но обсуждение перспектив развития кредитного дела в России оставило значительный источниковый след, что позволяет восстановить представление теоретиков и практиков на судьбу нэпа, на реальные, а не утопические альтернативы развития экономики страны.

В качестве еще одного элемента рыночной инфраструктуры в целом и кредитного сектора в частности мы рассматривали деятельность Кредит-бюро. Основные направления его деятельности были призваны обеспечить оптимальное функционирование кредитной системы, а на излете нэпа в его функции входила ликвидация ОВК. Полагаем, что качество работы Кредит-бюро, в том числе качество аналитики, можно оценить по материалам, в которых описана деятельность частных предпринимателей. Примечательно, что в годы нэпа Кредит-бюро был воссоздано с гораздо большей оперативностью, чем аналогичная организация в 1990-е гг., поскольку возрождать традиции проще спустя несколько лет, чем десятилетий, когда и возрождать практически нечего. Актуальной задачей становится заимствование зарубежного опыта со всеми достоинствами и недостатками этого процесса.

10. «Национализация торговли означает, что весь народ торгует», – эта фраза, популярная в годы военного коммунизма процитирована в монографии А. Балла. Депрофессионализация торгово-посреднической деятельности, спровоцированная как разрушением производственной и сбытовой сети, так и форсированием процесса ликвидации товарно-денежных отношений в романтический период революции, усложняют выделение из всей массы населения той ее части, которая может маркироваться как «частные торговцы». Представитель частнопредпринимательского уклада должен быть именно предпринимателем, автономным и независимым от государства в плане организации собственного дела и материального обеспечения. В условиях многоукладной экономики нэпа такая возможность предоставлялась, но затем становилась все менее вероятной. Мы можем говорить об «идеальном типе» (М. Вебер) частного торгового предпринимателя, который при изучении конкретной хозяйственной практики приобретает множество идентичностей. Использование концепции социального поля (П. Бурдьё), позволяет рассматривать массу смежных и промежуточных состояний в социальном статусе гражданина, которые реализуются как в многообразных хозяйственных укладах, так и в их гибридных формах. Примечательно, что деление на торгашей и торговцев встречается в источниках этого периода, что свидетельствует о наличии выраженной самоидентификации профессиональных торговых посредников.

Специфика изучения социальных аспектов частной торговли заключается в том, что отношение к торгово-посреднической деятельности в большинстве культур и в разные эпохи было негативное. Диапазон оценок широк – от неблагородного занятия до откровенно криминального вида деятельности. Считалось, что торговлей занимаются маргинальные слои

населения, этнические меньшинства, чужаки или изгои. Порой эти суждения политизировались, а торгашеский дух одной нации противопоставлялся героическому духу другой (В. Зомбарт).

Причины дискриминации торговли были весьма разнообразны. При анализе каждой конкретно-исторической ситуации необходимо выявлять комплекс причин. По одной из версий большинство граждан является покупателями, а лишь их малая часть продавцами, несовпадение их интересов может порождать неприязнь. В торговле не видели благородства, поскольку в этой сфере ничего не производится, а лишь оказывается определенная услуга, которая по своей природе нематериальна. Соответственно торговая наценка может приравниваться к ростовщичеству и незаконно приобретенным средствам. Обман, обвес и прочие уловки, к которым прибегают недобросовестные продавцы, также формировали негативный фон. Торговля связана с мобильностью, с перемещением, с необходимостью вступать в контакты с иными, разрешать конфликты и искать взаимовыгодные условия, достигать компромисса. Для замкнутых социальных групп и сообществ, для экономик ориентированных на автаркию, такая открытость могла представляться угрозой. В утопических концепциях, которые стремились к универсализму, простоте и открытости, торговля представлялась паразитирующим посредником, который усложнял прямой продуктообмен между производителями и потребителями, делал акт обмена более дорогостоящим и непрозрачным.

В раннесоветском обществе, несомненно, решающую роль играл классовый признак, в соответствии с которым частный торговец относился к категории «бывших», даже вопреки тому, что он занимался легальным видом деятельности, уплачивал налоги и в большинстве случаев не имел опыта торговли до 1917 г.

Установка на ликвидацию или минимизацию товарно-денежных отношений при социализме не оставляла частному торговцу места в светлом завтра. По этой причине частные торговые посредники и прасолы оказались в одном ряду с белыми офицерами, священниками, дворянами, членами царствующего дома и прочими «лишенцами».

Двойственность своего положения они ощущали повсеместно, о чем свидетельствуют материалы личных дел «лишенцев». Справедливости ради следует отметить, что в более умеренной степени, но аналогичные чувства могли испытывать и предприниматели в дореволюционной России.

Показательным является трансформация, которую претерпели граждане занятые как в частной, так и в кооперативной и государственной торговле. Сам термин «торговля» получил признание лишь с эпитетом «советская» и воспринимался как вполне органичный элемент в системе распределения СССР, а «торговцам» было возвращено пролетарское первородство и сотрудники магазинов стали именоваться «работники прилавка».

В реалиях государства диктатуры пролетариата особое внимание заслуживает практика занятия торговлей класса-гегемона, когда выход на базар было единственным вариантом для получения необходимых товаров. Примечательно, что в 1930-е гг. при проведении проверок на рынках были в массовом порядке выявлены случаи нелегальной торговли и в большинстве своем нарушителями оказывались именно рабочие. Мотивы, по которым рабочий шел на рынок, были самыми разнообразными, но, как правило, были вызваны неблагоприятными обстоятельствами и дефектами в системе централизованного распределения, прежде всего в кооперативной сети.

11. Лишение граждан избирательных прав за занятие легальным и на начальном этапе даже поощряемым видом деятельности является весьма специфической формой дискриминации. Широкое распространение этой меры социальной защиты; расширительное и произвольное толкование правовых норм, на основе которых происходило лишение; субъективизм и, одновременно, формализм при вынесении решения; шлейф дополнительных ограничений, которым подвергался гражданин помимо лишения пассивного и активного избирательного права, – все это делало этот метод социальной селекции массовым и повсеместно применяемым. Поскольку занятие торговлей значительной части граждан было вынужденным явлением, вызванным негативными факторами, то мы можем говорить о нисходящей социальной мобильности, при которой крестьянин или рабочий приобщались к дискриминируемому виду деятельности. Они опускались еще на одну ступень по социальной лестнице, когда лишались избирательных прав. Выбор между материальным обеспечением своей семьи и социальным статусом был очевиден. Он делался, как правило, на рациональных и прагматичных основаниях. Отметим, что лишение избирательного права первоначально не носило массового характера и нарастало по мере ликвидации частной торговли. Первоначально ограничивался в правах только сам торговец, лишь впоследствии это правило стало распространяться на членов его семьи, находящихся на его иждивении. Зачастую именно это обстоятельство служило мотивом к восстановлению в избирательных правах – обеспечить полноценное гражданское состояние для своих детей.

Полагаем, что помимо идеологических и политических целей (маргинализация «бывших» или нелояльных граждан и недопущение до управления в советах), лишение избирательных прав преследовало и экономические цели. Дефицит ресурсов, находящихся в распоряжении государства, не позволял на деле реализовать декларируемые государством эгалитарные принципы распределения. Причисление к разряду «лишенцев» автоматически исключало гражданина из числа «иждивенцев государства», снимало с властей необходимость обеспечивать его и его семью материальными и культурными благами. Это позволяло

экономить ресурсы и перераспределять их в пользу лояльных и более надежных членов социалистического общества.

Поскольку «лишенцы» ограничивались в праве на работу в кооперативных и государственных организациях, то основным источником заработка был частный сектор. В условиях многоукладности эта ситуация не считалась критической. Поскольку доступ к централизованно распределяемым материальным и культурным благам для «лишенцев» был ограничен, он мог компенсировать их дефицит за счет собственных средств. Со временем, когда доля частнопредпринимательского уклада стала сокращаться, а основным работодателем становился обобществленный сектор хозяйства, напряжение возрастало. Отказ в приеме на работу в кооперативные и государственные организации, отказ регистрировать на бирже труда, выселение из муниципального жилого фонда, отказ в предоставлении образовательных и медицинских услуг – все это становилось мощным прессом, который вынуждал искать способы восстановиться в избирательных правах.

Восстановление должно было быть инициировано самим «лишенцем» и не все шли на этот шаг. В этой связи социальный облик частных предпринимателей, который реконструируется на материалах личных дел «лишенцев», несомненно, позволяет получить представление о частных торговцах 1920–1930-х гг., но не охватывает всего их многообразия. Полагаем, что крупным торговцам, не имевшим пятилетнего стажа трудовой деятельности, не было смысла инициировать процедуру восстановления. Среди авторов биографий, которые содержатся в материалах личных дел, не будет тех граждан, которые «выбыли в другую местность», переехали, сменили документы и скрыли факт своего лишения. Полагаем, что их было значительное количество.

На фоне чрезвычайно динамичных десятилетий, насыщенных событиями, биографии бывших торговцев также полны острыми сюжетами, однако, в целом их судьбы демонстрируют социальную статику или даже регресс. В заявлениях «лишенцев» содержится стремление реабилитироваться и восстановить тот социальный статус, которым они обладали до занятия торговлей. Система аргументаций включает как формальные, так и эмоциональные аргументы, направленные не только к разуму, но и чувствам членов избирательных комиссий. При этом граждане выбирали различные стратегии в отстаивании своих интересов – наступательные и оборонительные, покаянные и обвинительные. Судя по материалам личных дел, решение о восстановлении принималось по формальным основаниям, в рамках бюрократических процедур, что создает ощущение работы конвейера, далекого от индивидуального подхода. Но сама процедура восстановления может быть названа квазисудебной, что предполагало наличие в материалах дел как аргументов «за», так и свидетельств «против» восстановления, поскольку дело формировалось как усилиями самого лишенца, так и членов избирательной комиссии, а

при передаче дела на вышестоящий уровень пополнялось документами других избирательных комиссий. Этот принцип, реализованный и в материалах судебно-следственных дел, создает стереозффект восприятия, поскольку позволяет проанализировать позицию обеих сторон – обвинения и защиты.

После принятия Конституции 1936 г. массовое лишение избирательных прав уже не применялось, но осталось в качестве меры наказания по решению суда. На смену одним мерам социальной защиты пришли иные, порой более суровые, поскольку, как полагают исследователи, среди «врагов народа», которых повсеместно выявляли в каждой организации и в каждом населенном пункте или даже доме, было немало бывших «лишенцев».

Процедура лишения избирательных прав, а затем процесс реабилитации позволяет рассмотреть механизмы социального конструирования, когда задаются ориентиры должного поведения гражданина в социалистическом обществе (образ героя и антигероя), а несоответствие карается. Дискриминация наиболее экономически активных социальных групп органично вписывается в процесс унификации шкалы укладов, приводит к негативной социальной селекции и обобществлению индивида, поскольку подлинная автономия без собственной экономической базы невозможна. Гражданин утрачивал свою автономию не только в экономической, но и в политической и социальной сферах, эволюционирую из актора в «актёра» советской действительности.

Рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы. Одним из направлений перспективных исследований может являться формализация и унификация информации, формирование баз данных, включающих в себя сведения о торговых предпринимателях периода нэпа. Подобные базы данных открыли бы новые возможности для исследователей, как вариант, повлекли за собой модернизацию описей дел ГАСО, которые в настоящий момент являются неполными.

Очевидна потребность в обработке статистических данных и выявление реальной активности частного предпринимательства за весь период нэпа, как на союзном, так и региональном материале. Необходимо проследить динамику и факторы, которые существенно влияли на положение частнопредпринимательского уклада в экономике. Эта задача требует глубокого анализа налоговой статистики и выявление объемов теневого сектора экономики по косвенным данным. В этой связи необходимо изучение форм и методов контрабанды, т. е. взаимодействие теневого внутреннего и внешнего рынков.

Весьма перспективным видится изучение характера взаимодействия частнопредпринимательского уклада с другими укладами, анализ процессов их ассимиляции, интеграции, гибридизации и конфронтации. При изучении этнических и миграционных

проблем в годы нэпа особую значимость приобретает раскрытие механизма взаимодействия частнопредпринимательского, семейного и диаспорного укладов.

Необходимо продолжить изучение автобиографических данных, содержащихся в личных делах «лишенцев» и в судебно-следственных делах, поскольку они порой являются уникальными документальными свидетельствами о человеке, единственным документальным следом, который он оставил в истории.

В процессе принятия управленческих решений, помимо нормативно-правовой базы и бюрократических процедур значительную роль играет «человеческий фактор», поэтому помимо реконструкции фактов биографий советских граждан необходимо проанализировать мотивацию и побудительные мотивы их поступков, сделать попытку воссоздать их психологические портреты¹¹²³.

Это относится как к частным предпринимателям, так и к тем, кто формально им противостоял. Среди возможных «героев» будущих исследований: члены комиссий по пересмотру дел «лишенцев», остававшиеся до недавнего времени анонимными; сотрудники ОГПУ, создававшие информационные сводки¹¹²⁴; следователи и судьи, выносившие решения; партийные и хозяйственные работники¹¹²⁵, принимавшие решение о приеме на работу или отказывавшие в приеме на работу «лишенцам»; инспектора отделов национальностей, которые изучали быт и хозяйственный уклад этнических меньшинств.

При изучении частных торговцев, рассмотрение социальных портретов «другой стороны», не всегда практикуется, поскольку это является предметом специальных исследований, однако практика работы с архивными материалами показала, что переплетение судеб антагонистов позволяет несколько иначе взглянуть на проблему и помимо конфронтации обнаружить близость позиций акторов рыночного хозяйства.

Очевиден тот факт, что без использования эго-документов, литературно-художественных произведений, кино- и фотодокументов и соответствующих им научных методов исследования, решить эту задачу невозможно. Необходимо активнее включать в процесс исследовательской работы визуальные источники, причем на самых ранних стадиях, а не в связи с необходимостью подготовить иллюстрации к публикации монографии. Необходимо совершенствовать использование методов визуальной истории. «Вернуть лицо» частным

¹¹²³ Это направление активно развивает в своих работах О. Л. Лейбович. См.: Кимерлинг, А. С., Лейбович, О. Л. «Я вырос в сталинскую эпоху»: политический автопортрет советского журналиста / А. С. Кимерлинг, О. Л. Лейбович ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 364 с.

¹¹²⁴ Петров Н. В. Свои люди в органах государственной безопасности // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 303–325.

¹¹²⁵ Отметим, что примеры психологической характеристики есть в материалах личных дел налоговых работников: ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1 «Л». Д. 36. Л. 27–27 об.

предпринимателям, затерявшееся в лавине пропагандистского и карикатурного материала – наша перспективная задача.

В целом, подводя итог нашей работе можно говорить о том, что частнопредпринимательский уклад в торговле можно воспринимать как индикатор качества принятия управленческих решений с позиции рынка. Поведение частника, его стратегия и тактика, его маневры и конкретные хозяйственные практики в условиях многоукладной экономики 1920–1930-х гг. являлись материализацией той самой «руки рынка», о которой говорил Адам Смит. Этот период являлся полем для грандиозного эксперимента, в рамках которого советское правительство определяло какие экономические законы и в каком объеме можно нарушить или скорректировать, приспособить под реализацию собственной, по многим параметрам уникальной модели догоняющего развития, которая была названа «социализмом».

Список источников и литературы

Источники

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации – ГА РФ

Ф. Р-6759 – Комитет товарных фондов и регулирования торговли при Совете труда и обороны СССР.

Ф. Р-374 – Центральная контрольная комиссия ВКП (б) – Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции СССР (ЦКК ВКП (б) – НК РКИ

Ф. Р-7819 – Правительственная комиссия по рационализации товаропроводящего аппарата при Совете труда и обороны. 1925–1927, 1929 гг.

Ф. А-410 – Министерство торговли РСФСР (Минторг РСФСР) и его предшественники. 1925–1934 гг.

Ф. Р-9495 – Комиссия по борьбе со взяточничеством при Наркомате Внутренних дел РСФСР. 1923 г.

Ф. А-406 – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР). 1924–1925 гг.

Российский государственный архив экономики – РГАЭ.

Ф. 3429 – Высшие советы народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР и СССР. 1917–1932 гг.

Ф. 4372 – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР) 1921–1955 гг.

Ф. 5240 – Народный комиссариат внешней и внутренней торговли (Наркомторг) СССР. 1925–1930 гг.

Ф. 8151 – Объединенный фонд: «Комиссия по внутренней торговле при СТО СССР и Наркомат внутренней торговли».

1. Комиссия по внутренней торговле при СТО СССР (Комвнуторг) 1922–1924 гг.

2. Наркомат внутренней торговли СССР (Наркомвнуторг) 1924–1927 гг.

Ф. 8043 – Народный комиссариат снабжения СССР (Наркомснаб СССР) 1930–1934 гг.

Ф. 8359 – Акционерное общество для торговли текстильными изделиями. 1925–1930 гг.

Ф. 7733 – Министерство финансов СССР (Минфин СССР) 1917–1991 гг.

Ф. 2324 – Народный (государственный) банк РСФСР. 1922–1937 гг.

Ф. 7624 – Смешанное акционерное общество по выдаче справок о кредитоспособности («Кредит-бюро»). 1922–1930 гг.

Государственный архив Свердловской области – ГАСО.

Фонды:

Ф. Р-88 – Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р-56 – Главное управления Центрального банка Российской Федерации (Банка России) по Свердловской области.

Ф. Р-593 – Уральский областной финансовый отдел «Уралоблфо» Исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих и крестьянских депутатов

Ф. Р-72 – Свердловский окружной финансовый отдел (Окрфинотдел) окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Свердловск (01.01.1924 –14.08.1930)

Ф. Р-25 – Финансовый отдел Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубФО) 1919–1923 гг.

Ф. Р-156 – Свердловское общество взаимного кредита частной торговли и промышленности («Свердловск»)

Ф. Р-148 – Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск

Ф. Р-138 – Екатеринбургский губернский суд, 1921–1924

Ф. Р-192 – Екатеринбургское губернское экономическое совещание (Губэконо)

Ф. Р-241 – Плановая комиссия Исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся (Уралплан), 1920–1972 гг.

Ф. Р-339 – Совет народного хозяйства Исполнительного комитета Уральского Областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уралоблсовнархоз), 1923–1932 гг.

Ф. Р-1813 – Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета Российской Федерации по статистике г. Екатеринбург

Центр документации общественных организаций Свердловской области – ЦДООСО.

Ф. 4. – Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Государственный архив Пермского края – ГАПК.

Ф. Р-138 – Пермское общество взаимного кредита.

Ф. Р-424 – Пермский губернский финансовый отдел при губернском исполнительном комитете Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Г

Государственный архив Тюменской области – ГАТО.

Ф. 238 – Тюменское окружное общество взаимного кредита, центрального бюро обществ взаимного кредита

Нормативно-правовые акты*Действующие:*

1. . О кредитных историях : [федер. закон № 218-ФЗ : принят Гос. Думой 30 дек. 2004 г. : по состоянию на 02 июл. 2021 г.] // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. № 1 (часть I) ст. 44.

Утратившие силу:

2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

3. Инструкция о строительстве советской власти в Екатеринбургской губернии. – Екатеринбург : Уральское обл. гос. изд-во, 1920. – 25 с.

4. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1921. – № 26. – Ст. 147.

5. О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов губерниях, закончивших разверстку. Декрет СНК РСФСР от 28 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1921– № 26. – Ст. 149.

6. Положение о векселях. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 марта 1922 г. // Собрание кодексов РСФСР. 2-е изд. Т. 1. – М., 1923. – С. 305–310.

7. О предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов. Постановление СНК от 11 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 46. – Ст. 578.

8. Кодекс законов о труде 1922 г. Постановление ВЦИК от 09 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 70. – Отдел первый. – С. 1157–1187.

9. О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским Кодексом РСФСР») Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжение РКП РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.

10. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

11. О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР») Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1923. – № 46–47. – Ст. 478.

12. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.

Конституции Российской Федерации // Собрании узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.

13. Положение о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах. Утверждено ЦИК СССР и СНК СССР 2 октября 1925 г. / Всесоюз. сов. съездов биржевой торговли. – М., 1925. – 45 с.

14. Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. Декрет ВЦИК. № 603 от 13 октября 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР – 1925. – № 79. – Отдел первый. – С. 955–603.

15. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Постановление ВЦИК. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

16. О введении в действие Положение о государственном промысловом налоге. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 24 сентября 1926 г. (с изм. и доп., внесенными Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15 октября 1926 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1926. – № 243.

17. Промысловый налог. Обложение патентным сбором. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. – 133 с.

18. Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда советов : Декрет Всероссийского Центрального исполнительного Комитета № 577 от 28 сентября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1926. – № 75. – Отдел первый. – С. 888–896.

19. О реквизиции и конфискации имущества. Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 г. (в ред. от 28.03.1927) // Собрании узаконений РКП РСФСР. – 1927. – № 38. – Ст. 248.

20. Об амнистии. Постановление Президиума ЦИК СССР от 02.11.1927 г. // Рабочий путь. – 1927. – № 256 (1906). – 07 ноября. [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25674#0> (дата обращения: 17.08.2020)

21. Об упразднении товарных бирж и фондовых отелах при них. Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1930 г. // Сборник законов и распоряжений РКП СССР. – 1930. – № 10. – Ст. 120.

22. О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан : Постановление ВЦИК № 233 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – № 18, 10 апреля 1930 г. – Отдел первый. Государственное устройство и управление. – С. 261–263.

23. О разъяснении п. 5 постановления Президиума ВЦИК от 10 апреля 1930 г. О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел,

касающихся избирательных прав граждан : Постановление ВЦИК № 278 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – № 22, 30 апреля 1930 г. – Отдел первый. Государственное устройство и управление. – С. 326.

24. Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР: Постановление ВЦИК № 654 от 20 октября 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1930. – № 54. – Отдел первый. Государственное устройство и управление. – С. 845–858.

25. О борьбе со спекуляцией. Постановление ЦИК СССР № 46, СНК СССР № 1285 от 22 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 65. – Ст. 375.

26. Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов. Утверждены СНК СССР 26 марта 1936 г. // Финансовое и хозяйственное законодательство. – 1936. – № 11. – С. 17.

27. Основные положения региональной политики в Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2256.

Материалы РКП (б) – ВКП (б) – КПСС

1. Четвертый (объединенный) съезд РСДРП (апрель-май 1906 г.). Протоколы. – М. : Госполитиздат, 1959. – 713 с.

2. РКП (б). Съезд 9-ый. Москва 1920. Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1934. – 612 с.

3. РКП (б). Съезд 10-ый. Москва 1921. Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1963. – 915 с.

4. РКП (б). Съезд 11-ый. Москва. 1922. Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1961. – 837 с.

5. РКП (б). Съезд 12-й. Москва. 1923. Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1968. – 903 с.

6. РКП (б). Съезд 13-й. Москва. 1924. Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1963. – 883 с.

7. ВКП (б). Съезд 14-й. Москва 1925. Стенографический отчет. – М.; Л. : Гос. изд. тип, 1926. – 1029 с.

8. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 1416 с.

9. ВКП (б). Съезд 15-й. Москва, 1927. Стенографический отчет. Т. 2. – М. : Госполитиздат, 1961. – 849 с.

10. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Июнь–июль 1930 года. Стенографический отчет. – М.; Л. : Госиздат, 1930. – 782 с.

11. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. — 9-е изд., доп и испр. — М. : Политиздат, 1983–1990. — 16 т.

12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. — М. : Политиздат, 1967.— 782 с.

Труды теоретиков социализма и коммунизма

1. Бухарин, Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин; Е. Преображенский; Российская коммунистическая партия большевиков. — М. : Гос. изд-во, 1920. — 340 с.

2. Бухарин, Н. И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. / Бухарин Н. И. Избранные произведения. — М. : Политиздат, 1988. — 497 с.

3. Бухарин, Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса / Николай Бухарин. (Труды Социалист. акад. обществ. наук). — М. : Гос. изд., 1920. — 157 с.

4. Каутский, К. Аграрный вопрос / К. Каутский. Предисл. П. Стучки. — Харьков : Пролетарий, 1926. — 392 с.

5. Ленин, В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-тт. Т. 42 (ноябрь 1920 – март 1921). — М. : Политиздат, 1970. — С. 1–104.

6. Ленин, В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-тт. Т. 42 (ноябрь 1920 – март 1921). — М. : Политиздат, 1970. — С. 264–304.

7. Ленин, В. И. Заключительное слово по докладу «О продовольственном налоге». 27.05.1921 г. X Всероссийская конференция РКП (б). 26–28.05.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 43. — М. : Политиздат, 1970. — С. 317–332.

8. Ленин, В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин. Предложение XII съезду партии. 23 января 1923 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-тт. Т. 45 (ноябрь 1920 – март 1921). — М. : Политиздат, 1970. — С. 383–388;

9. Ленин, В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК. 23.12.1921 г. IX Всероссийский съезд советов. 23–28.12.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 44. — М. : Политиздат, 1970. — С. 291–329.

10. Ленин, В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20.02.1922. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-тт. Т. 44 (июнь 1921 – март 1922). – М. : Политиздат, 1975. – С. 396–400.
11. Ленин, В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 36. (март–июль 1918). – М. : Политиздат, 1974. – С. 283–314.
12. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 3. – М. : Изд-во политической литературы, 1971. – 791 с.
13. Микоян, А. И. Внешняя и внутренняя торговля СССР : Доклад на собрании Моск. парт. актива 10 окт. 1926 г. / А. Микоян. – М. : Московский рабочий, 1927. – 53 с.
14. Преображенский, Е. А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. Т. 1. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. 2. Конкретный анализ советского хозяйства. / Сост. М. М. Горинов, С. В. Цакунов. – М. : Изд-во Главархива Москвы, 2008. – 640 с.
15. Троцкий, Л. Д. Заключительное слово на заседании ЦКК. Июнь 1927 г. [Электронный ресурс] / Искра – Research. URL: <http://web.mit.edu/fjk/www/Trotsky/sochineniia/1927/19270614.html> . (дата обращения: 15.08.2020)
16. Троцкий, Л. Д. Заключительное слово на заседании ЦКК. Июнь 1927 г. [Электронный ресурс] // Искра – Research. URL: <http://web.mit.edu/fjk/www/Trotsky/sochineniia/1927/19270614.html> . (дата обращения: 15.08.2020)
17. Троцкий, Л. Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции (Докл. на IV конгрессе Коминтерна). – М. : Московский рабочий, 1923. – 70 с.

Сборники документов и статистические справочники

1. Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия. Отдельный оттиск табличной части тома XXI. – М. : Издание ЦСУ СССР, 1929. – 432 с.
2. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия : (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР) / разработали: Д. А. Антонов, В. Н. Андроников, А. В. Алексеева и др. ; Урал. облисполком, Уралплан. – Свердловск : Уралплан, 1927. – 728 с.
3. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 863 с.
4. «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 гг.» [Сайт] – URL: http://nkvd.memo.ru/index.php?title=НКВД:Главная_страница (дата обращения: 25.01.2020)
5. Килин, А. П. Торговля Уральской области в 1926/27 г. (Публикация источника.) – Екатеринбург : Полиграфист, 1992. – 50 с.

6. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). В документах и материалах. / Ввод. очерк А. Таняева. – Свердловск : Изд-во Уралпрофсовета, 1929. – 232 с.
7. Канторович, Я. А. Частная торговля и промышленность по действующему законодательству : Систематизированный сборник декретов, постановлений, инструкций, распоряжений и пр., с разъясн. замечаниями / Я. А. Канторович. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 280 с.
8. Мальцман, Б. С. Законы о частном капитале : Сборник законов, инструкций, приказов и разъяснений / Сост. Б. С. Мальцман и Б. Е. Ратнер. – М. : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928. – 349 с.
9. «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. / Сост., статья, предисл. и примеч. Р. А. Хазиев. – Уфа : РИО БашГУ, 2003. – 312 с.
10. Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. В 3-х тт. – М. : Экономика, 1979. [Электронный ресурс] / «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/gosplan1921-22/index.html> (дата обращения: 31.07.2020)
11. Советская деревня глазами ВЧК – ОГОУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 864 с.
12. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы в 4-т. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2. – М. : РОССПЭН, 2000. – 1166 с.
13. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др. Отв. ред. Т. И. Славко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 265 с.
14. Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. : краткий статистический справочник / РСФСР, Урал. обл. стат. упр. ; авт. предисл. М. Мудрик. — Свердловск : Издание Уральского областного статистического управления, 1928. – 571 с.
15. Уральское хозяйство в цифрах, 1930 : краткий статистический справочник. Вып. 6 : Районы / Авт. предисл. С. Младов ; ред.: И. Н. Гиден, Ф. Н. Лебедев, А. И. Баев, С. Младов (общая ред.) и др. Отв. за вып. А. С. Асс. – Свердловск : Издание Статистического сектора Уралплана, 1930. – 826 с.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т 65. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : РОССПЭН, 2000. – 927 с.

17. Труд на Урале в 1926–27 г. : статистический справочник / Бюро статистики труда при Уралпрофсовете, Уралстатупр. и Отд. труда. – Свердловск : Издание Уральского областного совета профсоюзов, 1928. – 210 с.

18. Брауде, Х. И. Частная торговля / Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. / Под ред. А. М. Гинзбурга. – М.; Л. : АО «Промиздат», 1927. – 576 с.

Источники личного происхождения

1. Борисов, К. 75 дней в СССР: впечатления русского эмигранта, посетившего Россию в 1923 году. – Берлин : Издание автора, 1924. – 80 с.

2. Бурыйшин, П. А. Москва купеческая. Мемуары. – М. : Высшая школа, 1991. – 352 с.

3. Валентинов, Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина : Годы работы в ВСНХ во время НЭП : Воспоминания / Н. Валентинов (Н. Вольский). – М. : Современник, 1991. – 365 с.

4. Серж, В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. – М. : «Праксис»; Оренбург: «Оренбургская книга», 2001. – 696 с.

Периодические издания

- Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства, 1929

- Крокодил, 1922–1924

- Торгово-промышленный Урал, 1926

- Уральский рабочий, 1924–1929

- Уральский торгово-промышленный справочник, 1924

- Хозяйство Урала, 1925–1933

- Плановое хозяйство, 1928

Вторичные источники: публикации руководителей и специалистов органов власти и управления, экспертов, современников событий

1. А. Л. М. ОВК // Хозяйство Урала. – 1926. – № 12. – С. 102–107.

2. Айхенвальд, А. Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР / С предисл. Н. И. Бухарина. – М.; Л. : Госиздат, 1927. – 370 с.

3. Антонов, Д. Уральский торговый аппарат // Хозяйство Урала. – 1928. – № 5–6. – С. 35–45.

4. Ардов, Н. Торговые связи Урала с другими районами (рынки сбыта продукции уральской промышленности) // Хозяйства Урала. – 1926. – № 10. – С. 183–196.

5. Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. – 1924. – № 6. – С. 10–14.

6. Бруцкус, Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе (из журнала «Экономист». 1922. № 1, 2, 3). – Б. м., 1922. – С. 48–72 [Электронный ресурс] / Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/brutskus> (дата обращения: 24.11.2020)
7. Бруцкус, Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. – М. : Изд-во «Стрелец», 1999. – 96 с.
8. Бруцкус, Б. Результаты экономического планирования в России. / Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. – СПб. : Журнал “Звезда”, 1995. – 232 с.
9. Вайсберг, Р. Е. Деньги и цены : (Подпольный рынок в период «военного коммунизма») / Р. Е. Вайсберг (Миссин) С предисл. и под ред. И. А. Трахтенберга. – М. : Изд-во Госплана СССР, 1925. – 160 с.
10. Вопросы торгового права и практики: Сборник статей / ред. Б. Бинкин. – Л. : Изд. Ленинградской торговой биржи, 1926. – 219 с.
11. Гринвальд, Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. / Под ред. и пред. В. Филова. – Саратов : Госиздат, Нижне-Волжское отделение, 1930. – 240 с.
12. Громов В. У. Расследование хозяйственных и должностных преступлений : практическое пособие для органов дознания и следствия / Вл. Громов, Н. Лаговиер. – М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. – 206 с.
13. Жирмунский, М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. – М. : Фин изд-во НКФ СССР, 1927. – 190 с.
14. И. Р. Госбанк и коммерческий кредит: в порядке дискуссии. // Хозяйство Урала. – 1925. – № 3. – С. 140.
15. Иков В. О рынках сбыта продукции Уральской промышленности. // Хозяйство Урала. – 1927. – № 6. – С. 139.
16. Исупов, Г. Грузооборот Урала в 1924/25 году // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. – Пермь, 1926. – С. 351–362.
17. Исупов, Г. Частный капитал в торговле Урала // Хозяйство Урала. – 1928. – № 5–6. – С. 15–34.
18. Крицман, Л. К анализу происходящего перелома // Проблемы экономики. – 1930. – № 4–5. – С. 7–26.
19. Классовый враг на службе ОкрФО // Уральский рабочий. – 1929. – 24 октября.
20. Коробкин, М. Урал и его значение в экспортном хозяйстве СССР. // Торгово-промышленный Урал. 1926 г. – Пермь : Пермкнига, 1926. – С. 311–319.
21. Ларин, Ю. Частный капитал в СССР. – М. : Гос. из-во, 1927. – 312 с.

22. Милютин, В. П. История экономического развития СССР (1917–1927) / В. П. Милютин. Изд. 2-е. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. – 425 с.
23. Мамиконов, А. Л. Кредит на Урале в 1925–1926 гг. // Весь промышленный и торговый Урал. 1927. – Свердловск : Газетное изд-во Уралоблисполкома, 1927. – С. 35.
24. Мингулин, И. Пути развития частного капитала. – М.; Л. : Московский рабочий, 1927. – 164 с.
25. М-ов [Мамиконов], А. Развитие банковского кредита на Урале // Хозяйство Урала. – 1925. – № 8. – С. 93.
26. Налетов, Н. Частный банк на Урале (ОВК) // Хозяйство Урала. – 1927. – № 1. – С.135.
27. На новых путях : Итоги новой экономической политики. 1921–1922 гг. Труды / Под ред. В. П. Милютина. – М. : Сов. труда и обороны, 1923. – Вып. 1: Торговля. 1923. – 423 с.
28. На новых путях: Итоги новой экономической политики. 1921–1922 гг.: Труды / Под ред. В. П. Милютина. Вып. 2. Финансы. – М. : Сов. труда и обороны, 1923. – 224 с.
29. Нефедов, И. Как регулируется торговля на Урале // Хозяйство Урала. – 1924. – № 21. – С. 28.
30. Озерский, П. Аппарат и обороты частной торговли // Социалистическое хозяйство. – 1926. – Кн. III. – С. 136–146.
31. Падучев, Г. П. Частный торговец при новой экономической политике (по данным бюджетного обследования). – Воронеж : Издание Воронежского Губпроторга, 1926. – 106 с.
32. Перетц, Б. Размеры частной торговли // Торговый бюллетень Уралвнторга и Уралстатбюро. – 1926. – № 26 (121). – С. 5.
33. Попов, Я. Вопросы кредита на Урале // Хозяйство Урала. – 1925. – № 1. – С. 103–108.
34. Пумпянский, Л. М. НЭП (Опыт характеристики советской экономики). Книга. – Берлин : Издательство «Основа», 1923. – 80 с.
35. Рожанский, А. Частный капитал в Курганском округе // Хозяйство Урала. – 1927. – № 2–3. – С. 209.
36. Сигов, С. Сбыт продукции крупной промышленности Урала // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. – Пермь : Пермкнига, 1926. – С. 307.
37. Синдикаты и государственная торговля: (по материалам Промышленной Инспекции) / под ред. и с предисл. А. Трояновского; Нар. ком. р.-к. инспекции. – М. : НКРКИ, 1923. – 151 с.
38. Сорокин, П. А. Современное состояние России / Питирим Сорокин. – Прага : Тип. «Лингва», 1922. – 107 с.
39. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. – Москва : Политиздат, 1992. – 542 с.

40. Струмилин, С. Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Госиздат, 1930. – 534 с.
41. Торговля Урала. // Уральский торгово-промышленный справочник на 1924 год. – Пермь : Пермкнига, 1924. – С. 271–295.
42. Фармаковский, С. П. Перспективы районирования спроса и предложения черного металла // Хозяйство Урала. – 1927. – № 10. – С. 85–89.
43. Филимонов, Е. С. К вопросу об определении оборотов и прибыли торгово-промышленных предприятий. – Пермь : Типо-лит. Губ. правл., 1901. – 89 с.
44. Финансы и денежное обращение в современной России Сборник статей проф. М. И. Боголепова, И. М. Кулишера, Д. Лоевецкого [и др.]. – Л. ; М. : Петроград, 1924. – 144 с.
45. Фридман, С. Л. Частный капитал на денежном рынке. / Промышленно-экономический Совет ВСНХ СССР. Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. Под ред. С. П. Середы и проф. Е. С. Каратыгина. Вып. 2. – М.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1925. – 104 с.
46. Частная торговля в СССР : По материалам Совета съездов биржевой торговли / Ц. М. Крон ; Под ред. и с предисл. Я. М. Гольберта ; Всесоюз. сов. съездов биржевой торговли. – М. : тип. Изд-ва МГСПС «Труд и книга», 1926. – 137 с.
47. Частная торговля Союза ССР : сборник статей / Под ред. Л. Б. Залкинд. – М. : Издательство Наркомторга СССР, 1927 . – 171 с.
48. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. / Кондурушкин И. С.; Предисл.: Курский Д. И. – М.; Л. : Госиздат, 1927. – 254 с.
49. Эвенчик, Б. Проблемы торгового капитала на Урале // Хозяйство Урала. – 1925. – № 2. – С. 47–62.
50. Я. К. [Ярмарочный комитет] 4-ая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. – 1928. – № 5–6. – С. 172–177.

Диссертационные исследования

1. Благодатских, В. Г. Исторический опыт управления региональным развитием, 1917–1993 гг. : На материалах Урала : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Благодатских Владимир Гурьянович. – Екатеринбург, 2001. – 377 с.
2. Архипов, В. А. Политика Советского государства по отношению к частной торговле и промышленности в период нэпа : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Архипов Владимир Андреевич. – М., 1982. – 395 с.

3. Грик, Н. А. Политика и экономика советского государства в 1921–1933 гг. : Критический анализ : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Грик Николай Антонович. – Томск, 2003. – 410 с.
4. Данильченко С. Л. Партийно-государственное руководство внутренней торговлей и социальным снабжением в Советской России в годы НЭПа : 1921–1929 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Данильченко Сергей Леонидович. – М., 2009. – 366 с.
5. Валуев, Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / Валуев Демьян Валерьевич. – Брянск, 2003. – 275 с.
6. Виноградов, С. В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа. 1921–1927 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Виноградов Сергей Вадимович. – Астрахань, 1998. – 486 с.
7. Карпычева, Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование : 1918–1936 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. / Карпычева Елена Вячеславовна. – М., 2009. – 295 с.
8. Лебедева, Д. В. Частное предпринимательство на Дальнем Востоке России в годы новой экономической политики : 1921–1930 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Лебедева Дарина Валерьевна. – Хабаровск, 2010. – 26 с.
9. Морозова, Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Морозова Наталья Михайловна. – Саранск, 2005. – 233 с.
10. Новоселов, А. В. Формирование и развитие адаптивной модели российской корпорации: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.05. / Новоселов Алексей Владимирович. – Екатеринбург, 2011. – 261 с.
11. Орлов, И. Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. / Орлов Игорь Борисович. – М., 2000. – 365 с.
12. Рогалина, Н. Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09. / Рогалина Нина Львовна. – М., 1999. – 377 с.
13. Саламатова, М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х –1936 гг. : На материалах Западной Сибири : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02./ Саламатова Марина Сергеевна. – Новосибирск, 2002. – 292 с.

14. Смирнова, Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества : 1917-1936 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Смирнова Татьяна Михайловна. – М., 2009. – 300 с.

15. Тихонов, В. И. Личные дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах в 1920–1930 гг., как исторический источник : Опыт компьютерного моделирования комплекса массовых материалов : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Тихонов Владимир Иванович. – М., 1996. – 22 с.

16. Ульянкина, О. В. Социальный статус торговцев городских рынков в условиях современной России : региональный аспект : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Ульянкина Ольга Валентиновна. – Саранск, 2014. – 178 с.

Учебно-методическая литература

1. Алексеев, С. С. Теория права. / С. С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Бек, 1995. – 320 с.

2. Васьковский, О. А. Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале. / О. А. Васьковский. Учеб. пособ. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. – 76 с.

3. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 гг. / Н. Верт. Пер. с фр. – М. : Изд-во «Прогресс-Академия», 1992. – 480 с.

4. Гладкий, Ю. Н., Чистобаев, А. И. Основы региональной политики. / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. – СПб. : Издательство Михайлова В. А., 1998. – 659 с.

5. Демчик, Е. В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в.: учебное пособие / Е. В. Демчик. – Барнаул, : Изд-во Алт. Ун-та, 2005. – 302 с.

6. Издание судебно-следственных документов советского периода. Метод. пособие / ВНИИДАД; рук. темы О. Ф. Козлов; М. В. Бельдова, Ю. С. Воробьева, М. П. Дьячкова. – М. ВНИИДАД, 1998. – 46 с.

7. Ильенкова, С. Д. Инновационный менеджмент [Электронный ресурс] / Большая библиотека. URL: <http://biglibrary.ru/category38/book67/part2/> (дата обращения: 31.07.2020)

8. Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации : [учебное пособие]. / А. П. Килин, Д. В. Колобова, О. В. Чистякова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. Федер. Ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. – 154 с.

9. Ковлер, А. И. Антропология права. Учебник для вузов. / А. И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – 251 с.

10. Липсиц, И. В. Экономика : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика» / И. В. Липсиц. – 3-е изд., стер. – М. : Изд-во ОМЕГА-Л, 2007. – 656 с.
11. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур; Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 606 с.
12. Михеева, Н. Н. Региональная экономика и управление / Н. Н. Михеева. – Хабаровск : Изд-во РИОТИП, 2000. – 400 с.
13. Некрасов, А. А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР : учеб. пособие для студентов специальности История / А. А. Некрасов ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 99 с.
14. Олейник, А. Н. Институциональная экономика : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экон. и упр. специальностям / А. Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 415 с.
15. Погорельский, В. П. Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР (1917–1927 гг.) : Учеб. пособие / Ред. канд. ист. наук доц. М. Е. Соловьев ; М-во высш. и сред. образования РСФСР. Моск. ордена Ленина энергет. ин-т. Кафедра истории КПСС. – М. : [б. и.], 1960. – 68 с.
16. Поршнева, О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 161 с.
17. Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие / ВНИИДАД; сост. И. А. Дегтярева; И. И. Кудрявцев. – М. : ВНИИДАД, 2008. – 87 с.
18. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : Норма, 1999. – 310 с.
19. Русина, Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 236 с.
20. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента / Тейлор Фредерик Уинслоу; Пер. с англ. А. И. Зак. – М.: Журн. «Контроллинг»: Изд-во стандартов, 1991. – 104 с.
21. Теория управления : учебник / Ю. П. Алексеев, А. Н. Алисов, Ю. Н. Барышников и др.; под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации и др. – 2-е изд. – М. : РАГС, 2005. – 558 с.

Научная литература

1. Авдашкин А. Судьбы китайцев на Урале в 1920—1930-х гг. // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 91–105.

2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – М. : Наука, 2004. – 600 с.
3. Алексеев, В. В. Регионализм в России / В. В. Алексеев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1999. – 194 с.
4. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
5. Архипов, В. А., Морозов, Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е - начало 30-х годов. / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. – М. : Мысль, 1978. – 263 с.
6. Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР: (1917–1925). / Акад. наук СССР, Ин-т экономики. – М. : Госфиниздат, 1940. – 248 с.
7. Байда, Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Сборник статей участников научной конференции «История репрессий на Урале». – Нижний Тагил : [б. и.], 1997. – С. 86–95.
8. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. В 2-х Кн. / Кн. 1. Генезис. (1996). Кн. 2. Апогей (1997); Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 1996–1997. – 256 + 224 с.
9. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман. пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.
10. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. / Н. А. Бердяев. – М. : Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
11. Бехтерева, Л. Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2010. – № 1. – С. 57–64.
12. Благих, И. А., Булах Е. В. Два подхода к механизму государственного регулирования рынка: Л. Н. Юровский и Е. А. Преображенский // Проблемы современной экономики. – 2013. – №1 (45). – С. 246–250.
13. Бокарев, Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы : Источники, методы исслед., этапы взаимоотношений / Ю. П. Бокарев; Отв. ред. И. Д. Ковальченко; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1989. – 310 с.
14. Бондарев, Г. И., Шкреба А. А. Проблемы регулирования противоречий социалистического общества (судьбы социализма) / Г. И. Бондарев, А. А. Шкреба. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 211 с.

15. Борисов, С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. / С. М. Борисов. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 288 с.
16. Бородкин, Л. И. Моделирование исторических процессов : от реконструкции реальности к анализу альтернатив / Л. И. Бородкин. – СПб. : Алетейя, 2016. – 303 с.
17. Бородкин, Л. И., Свищев М. А. Социальная мобильность в период нэпа: вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. – 1990. – № 5. – С. 105–121.
18. Бродель, Ф. Динамика капитализма : Пер. с фр. / Фернан Бродель. – Смоленск : ТОО «Полиграмма», 1993. – 123 с.
19. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : [в 3-х томах]. Т. 2: Игры обмена. / Фернан Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.
20. Бурдьё, П. Социология политики / Пьер Бурдьё ; Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко ; пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская и др. – М. : Socio-Logos, 1993. – 333 с.
21. Бьюмонт, М. Мир как универсальный магазин: утопия и политика в конце XIX века // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 6 (70). [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/70/bu12.html> (дата обращения: 01.05.2020)
22. Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. – М. : Наука, 1972. – 190 с.
23. Валуев, Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : на материалах Смоленской губернии и Западной области / Д. Валуев. – Смоленск : Маджента, 2012. – 155 с.
24. Васильев, Ю. А. Модернизация под красным флагом. / Ю.А. Васильев. – М. : Современные тетради, 2006. – 343 с.
25. Вебер, М. Избранные произведения : Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденок; Коммент. А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
26. Вебер, М. История хозяйства : Город / М. Вебер. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 574 с.
27. Веселкова, Н. В. Социологи читают историков, историки читают социологов. Рецензия на книгу: Килин А. П. (2018) Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты: Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета / Н. В. Веселкова // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – Т. 30. – № 1. – С. 173–188.
28. Виноградов, С. В. НЭП – опыт создания многоукладной экономики. / С. В. Виноградов. – М. : Ин-т Российской истории РАН, 1996. – 122 с.

29. Воейков, М. И. Концепция экономического развития Е. А. Преображенского // Проблемы современной экономики. – 2014. – №1 (49). – С. 256–161.
30. Волошина, С. В., Литвинов А. В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 1 (10). – С. 40–54.
31. Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. – Свердловск, 1972. – 376 с.
32. Восток – Запад – Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симонии. – М.: «Прогресс-Традиция», 2002. – 419 с.
33. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / акад. А. Я. Вышинский; Ин-т права Акад. наук СССР. – М. : Юриздат, 1941. – 220 с.
34. Гаврилов, Д. В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2003. – С. 5–22.
35. Генис, В. Упрямый нарком с Ильинки. / Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте. – М. : Наука, 1995. – С. 5–38.
36. Гернет, М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее : 2-й вып. «Моральной статистики» / М. Н. Гернет. – М. : ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.
37. Гершенкрон, А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. – М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 536 с.
38. Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система 20-е годы / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 438 с.
39. Гиндин, И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы) / И. Ф. Гиндин. – М. : Госфиниздат, 1960. – 415 с.
40. Гомаюнов, С. Г. Композиционный метод в историческом познании / С. А. Гомаюнов; Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – М.; Киров : Киров. гос. пед. ин-т., 1994. – 143 с.
41. Гончаров, Г. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – 128 с.
42. Горинов, М. М. НЭП: поиск путей развития / М. М. Горинов. – М. : Знание, 1990. – 62 с.
43. Грибов, В. Д, Грузинов, В. П. Экономика предприятия. [Электронный ресурс] // Центр креативных технологий. URL: <http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0052/> (дата обращения: 31.07.2020)

44. Грик, Н. А. Советская экономическая политика в 1921–1933 гг. : (Крит. анализ) / Н. А. Грик ; Под ред. Ю. В. Куперта ; Том. гос. ун-т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 331 с.
45. Давыдов, А. Ю. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. – начало 1921 г / А. Ю. Давыдов. – СПб. : Евразия, 2020. – 192 с.
46. Давыдов, А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. / А. Ю. Давыдов. – СПб. : Алетейя, 2007. – 396 с.
47. Давыдов, А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: Мешочники. / А. Ю. Давыдов. – СПб. : Наука, 2002. – 341 с.
48. Давыдов, А. Ю. Новая экономическая политика : власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929) / А. Ю. Давыдов. – СПб. : Евразия, 2021. – 317 с.
49. Демчик, Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации : монография / Е. В. Демчик; под ред. Г. Л. Соболева. – Барнаул : изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – 240 с.
50. Демчик, Е. В. Частный капитал города в 1927–30 гг.: вытеснение или ликвидация? // Вестник ЛГУ. – 1990. – Вып. 1 (№ 2). – С.17–22.
51. Дихтяр, Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. / Г. А. Дихтяр. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 472 с.
52. Дмитренко, В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу (1921–1924 гг.) / В. П. Дмитренко. – М. : Изд-во «Наука», 1971. – 271 с.
53. Дмитренко, В. П. Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 3. – С. 125–138.
54. Дмитриев, А. Ирбитская ярмарка // Урал. – 2004. – № 5 (542). – С. 179–220.
55. Дмитриев, А. В. Ирбитская ярмарка (1801–1917) / А. В. Дмитриев ; Администрация г. Ирбита, Упр. культуры и молодеж. политики. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2004. – 192 с.
56. Дэвис, С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / С. Дэвис; пер. с англ. В. Н. Морозова. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 231 с.
57. Епихин, А. Ю., Мозохин, О. Б. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928) : Монография. / А. Ю. Епихин, О. Б. Мозохин. – М. : Кучково поле, Гиперборея, 2007. – 528 с.
58. Заболотный, Е. Б., Камынин, В. Д., Тертышный, А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (Историографический очерк). / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, А. Т. Тертышный, А. Т. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1997. – 192 с.

59. Заболотный, Е. Б., Кармазин, А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. / Россия в XX веке. История и историография. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 2. – С. 68–89.
60. Зарецкий, Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. – 384 с.
61. Зиновьев, И. Теория «отчаянной борьбы» Евгения Преображенского. // Уральские нивы. – 1990. – № 10. – С. 14.
62. Зомбарт, В. Избранные работы. / В. Зомбарт: пер. с нем. – М. : Территория будущего, 2005. – 342 с.
63. Зомбарт, В. Собрание сочинений : в 3 т. / Вернер Зомбарт. Т. 1: Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека пер. с нем. А. П. Шурбелев. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – 636 с.
64. Зомбарт, В. Собрание сочинений : в 3 т. Том 2. : Торгаши и герои : раздумья патриота / пер с нем. Д. В. Куницын ; Евреи и экономика / пер. с нем. А. П. Шурбелев. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – 652 с.
65. Зубков, К. И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е –1920-е годы) // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С.76–92.
66. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 30-х годов. / Редкол.: д-р ист. наук В. М. Селунская, чл.-кор. АН СССР Ю. С. Кукушкин, канд. ист. наук А. М. Панфилова и др. – М. : Мысль, 1979. – 343 с.
67. Ильин, В. И. Социальное неравенство / В. Ильин. – М. : Ин-т социологии РАН, 2000. – 280 с.
68. Ильиных, В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПА, (1921–1928 гг.) / В. А. Ильиных; отв. ред. В. А. Ламин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 282 с.
69. Ильиных, В. А. Коммерция на хлебном фронте : Гос. регулирование хлеб. рынка в условиях нэпа, 1921–1927 гг. / В. А. Ильиных; Отв. ред. Н. Я. Гущин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1992. – 222 с.
70. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов : Сборник / Сост., авт. предисл. и коммент. Э. Б. Корицкий. – Л. : Лениздат, 1989. – 223 с.
71. Камынин, В. Д., Цыпина Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии / В. Д. Камынин, Е. А. Цыпина. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2004. – 448 с.
72. Капелюшников, Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р. И. Капелюшников. – М. : ИМЭМО, 1990. – 90 с.

73. Каспэ, И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. / И. Каспэ. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 432 с.

74. Килин, А. П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 433. – С. 70–77.

75. Килин, А. П. Автобиография в структуре судебно-следственных дел Уральского областного суда (1923–1934 гг.) // Тезисы Международной конференции «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики». ВШЭ, Москва, 01–02.06.2016 гг. – М.: ВШЭ, 2016. – С. 52–54.

76. Килин, А. П. Автобиография как средство реабилитации: на материалах личных дел «лишенцев» // Диалог со временем. – 2018. – № 63. – С. 267–288.

77. Килин, А. П. Актеры и «актёры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа. / Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Отв. редактор В. В. Алексеев; ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – С. 156–163.

78. Килин, А. П. «Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы). // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та 2002. – С. 222–245.

79. Килин, А. П. База данных по теме «Личное дело лишенного избирательных прав за занятие торговлей». // Документ. Архив. История. Современность. Сборник материалов Региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г. В 2-х чч. Ч. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 157–161.

80. Килин, А. П. Борьба с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» в год «великого перелома» // 1929 : «Великий перелом» и его последствия : Материалы XII международной научной конференции из серии «История сталинизма». Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М. : РОССПЭН, 2020. – С. 45–55.

81. Килин, А. П. «Будем жить!». Из практики борьбы с частной торговлей на Урале в годы нэпа // Вестник архивиста. – 2016. – № 3. – С. 185–199.

82. Килин, А. П. Искривление классовой политики явилось следствием засоренности налогового аппарата чуждыми людьми: организация кампании по чистке налоговых органов. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 176. – С. 165–176.

83. Килин, А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) / А. П. Килин // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сборник статей участников научной конференции. – Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. – С. 95–105.

84. Килин, А. П. Книготорговец Василий Иванович Лагуткин (1883–1933): реконструкция биографии «лишенца» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. № 3. – С. 53–69.

85. Килин, А. П. Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / отв. ред. В. А. Ильиных, В. М. Рынков; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2021. – С. 373–382.

86. Килин, А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 1. – С. 56–63.

87. Килин, А. П. Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «Астраханского дела» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. № 2 (151). – С. 77–91.

88. Килин, А. П. Новая экономическая политика как модель управления: проблема интерпретации // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 222–231.

89. Килин, А. П., Новоселова А. М. Уставы частных компаний дореволюционной России: организационный и содержательный аспект. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 7 (99). – С. 254 – 255.

90. Килин, А. П. Ночь «длинных долгов»: организация кампании по взысканию недоимок с частных предпринимателей. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (178). – С. 167–182.

91. Килин, А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации. / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С. 187–226.

92. Килин А. П. «Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...» Автобиография Петра Петровича Капустина (1890–1938) / Документ. Архив. История. Современность. Вып.16. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. – С. 398–417.

93. Килин, А. П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 83–98.

94. Килин, А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. – 2017. – № 1 (250). Вып. 41. – С.133–141.

95. Килин, А. П. «Советский период» в контексте формирования национальной модели управления // История управленческой мысли и бизнеса: Национальные модели управления: вчера – сегодня – завтра. X Международная конференция; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова. Экономический факультет, 29–30 июня, 1 июля 2009 г.: Материалы конференции / Под. Ред. В. И. Маршева. – М. : ТЕИС, 2009. – С. 74–86.

96. Килин, А. П. «Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными»: к истории создания документа // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 595–600.

97. Килин, А. П. Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа. // Документ. Архив. История. Современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 16–18 ноября 2018 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 427–437.

98. Килин, А. П. Судьба человека в переломную эпоху: Петр Петрович Капустин (1890–1938 гг.) / А. П. Килин // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сборник научных трудов – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 190–211.

99. Килин, А. П. «Товарно-денежные отношения при социализме: отрицание – признание – модификация» // «Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 259–270.

100. Килин, А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох // Социоестественная история / Под. Ред Э. С. Кульпина Вып. 6. Материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и Четвертой международной научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». – М. : ИВ, 1995. – С. 35–48.

101. Килин, А. П. Уральская область в межрегиональной торговле в 1920-е годы. // Историческая наука на рубеже веков. Материалы и тезисы научной конференции. УрГУ. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. – С. 408–410.

102. Килин, А. П. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа. / Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития. Материалы межрег. конф., приуроч. к 280-летию г.

Челябинска, 30 сентября – 1 октября 2016 г. / Сост. Ю. В Краснова. – Челябинск : [б. и.], 2016. – С. 43–53.

103. Килин, А. П. Частная торговля в годы нэпа: отечественная историография 1920–1980-х годов. // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 9. – С. 46–66.

104. Килин, А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 118–147.

105. Килин, А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. / А. П. Килин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 606 с.

106. Килин, А. П. Частная торговля на Урале в годы нэпа: интеграция диаспорного и частнопредпринимательского укладов. // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. – М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 638.

107. Килин, А. П. Частная торговля на Урале в 20-е годы (информационное обеспечение) // Метод в историческом исследовании. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной школы – семинара. Минск 21–25 октября 1991 г. Минск : [б. и.], 1991. – С. 154–155.

108. Килин, А. П. Частное торговое предпринимательство в годы нэпа: историография 1990–2000-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27. № 2. – С. 62–68.

109. Килин, А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа / А. П. Килин; РАН. Уральское отделение. Институт истории и археологии. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 80 с.

110. Килин, А. П. Частнопредпринимательский уклад в региональном измерении. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. ; в 2 т. Т. 1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. – С. 438–446

111. Килин, А. П. Частнопредпринимательский уклад в системе отечественной экономики 1920-х гг.: взгляд сквозь век. // ЭКО. – 2021. – № 3. – С. 8–34.

112. Килин, А. П. Частный сектор хозяйства в многоукладной экономике (на примере Уральской области (1923–1934 гг.) / Четвертые Ельцинские чтения. «Актуальные проблемы современного краеведения на Среднем Урале», Екатеринбург, 22–24 апреля 2015 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 90–95.

113. Килин, А. П. «Я изложил только основные черты биографического очерка»: автобиография в структуре судебно-следственного дела. // Автобиографические сочинения в

междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / Под ред. Ю. П. Зарецкого, Е. К. Карпенко, З. В. Шушпанова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : «Библио-Глобус», 2017. – С. 213–234.

114. Килин, А. П., Носова, П. В. «Капитал в складчину»: социальный состав членов Обществ взаимного кредита на Урале времен нэпа. / Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов. Монография / Под ред. Р. А. Хазиева. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – С. 72–101.

115. Ким, К. В. Формирование и развитие акционерного общества «Кредит-бюро» в системе экономической безопасности СССР в 20–30-е годы XX века : монография / К. В. Ким ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградский гос. ун-т». – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. – 150 с.

116. Кондратьева, Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Т. С. Кондратьева.; пер. с фр. З. А. Чеканцевой. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 207 с.

117. Кондрашин, В. В. К итогам российско-французского проекта «Российская деревня глазами ВЧК – ОГОУ – НКВД». // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 26–31.

118. Круглов, В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг. : идеи, практика, результаты / В. Н. Круглов; Институт российской истории Российской академии наук. – М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.

119. Куликов, В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале, 1925–1932 гг. / В. М. Куликов. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 277 с.

120. Лацис, О. НЭП: цивилизационный аспект // Свободная мысль. – 1991. – № 18. – С. 37–46.

121. Левичева, И. Денежные реформы 1922–1924 гг. // Вестник банка России. – 1999. – 22 декабря. – № 79 (423) [Электронный ресурс] // Финансовый университет при Правительстве РФ. Библиотечно-информационный комплекс. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Levicheva.pdf> (дата обращения: 17.10.2020)

122. Лексин, В. Н., Швецов, А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. – М. : УРСС, 2000. – 368 с.

123. Лифиц, М. М. Основы экономики и организации советской торговли : Стенограмма лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП (б) / д-р экон. наук проф. М. М. Лифиц. – М. : тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП (б), 1948. – 160 с.

124. Лифиц, М. М. Советская торговля / проф. М. М. Лифиц. – Москва: Госполитиздат, 1948. – 128 с.
125. Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2 / П. И. Лященко. – М.; Л. : Госполитиздат, 1952. – 735 с.
126. Малафеев, А. Н. История ценообразования в СССР. (1917–1963 гг.). – Москва : Мысль, 1964. – 439 с.
127. Малышев, И. С. Общественный учет труда и цена при социализме. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 365 с.
128. Маневич, В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов / В. Е. Маневич ; отв. ред. акад. Л. И. Абалкин. Изд. 2-е. – М. : URSS, 2019. – 140 с.
129. Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / отв. ред.: С. А. Красильников, А. А. Шадт. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2017. – 550 с.
130. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, М. С. Саламатова и др. ; ответ. Ред. д-р ист. наук С. А. Красильников. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2017. – 598 с.
131. Маркевич, А., Харрисон, М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление : национальный доход России в 1913–1928 гг. / А. Маркевич, М. Харрисон ; авториз. пер. с англ. Е. Артемовой. – М.: Мысль, 2013. – 111 с.
132. Мау, В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929) / В. А. Мау; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Изд. 3-е, перераб. – М. : Дело, 2013. – 511 с.
133. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) / М. Г. Меерович. – М. : РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
134. Мехряков, В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России / В. Д. Мехряков. Науч. ред. А. И. Архипова; Рос. АН, Ин-т экономики. – М. : ИЭ, 1995. – 295 с.
135. Мидиненко, А. В. К вопросу о деятельности информационно-аналитической службы органов государственной безопасности советской России по сбору информационных материалов о ситуации в стране в годы нэпа. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2008. – № 6 (10). – С. 54–58.
136. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. – 548 + 583 с.

137. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы : [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т экономики ; отв. ред. Т. Е. Кузнецова. – М. : Ин-т экономики, 2009. – 286 с.
138. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / Науч. совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории, Челябинский гос. ун-т, Центр экономической истории ; под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – 571 с.
139. Мойшеева М. Наша торговля в пятилетке: госторговля, кооперация и частная торговля / М. Мойшеева ; с предисл. А. Золотарева. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. – 32 с.
140. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 632 с.
141. Нейман, Г. Я. Внутренняя торговля СССР / Г. Я. Нейман ; Под ред. Э. И. Квиринга ; Ин-т экономики Комакад. – М. : Соцэкгиз, 1935. – 347с.
142. Нерар, Ф.-К. Пять процентов правды : разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941) / Франсуа-Ксавье Нерар ; пер. с фр. Е. И. Балаховской. – М. : РОССПЭН, 2011. – 397 с.
143. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление / Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, Н. В. Щербань. – М. : Политиздат, 1982. – 240 с.
144. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты : сборник / редкол.: А. С. Сенявский (отв. ред.) и др. – М. : РОССПЭН, 2006. – 543 с.
145. Новоселов, А. В., Романова, О. А. Корпорация: атрибутивные свойства, закономерности эволюционного развития в России и странах Запада. / А. В. Новоселов, О. А. Романова. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. – 192 с.
146. Обычное право и правовой плюрализм. Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва / Ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. – М. : ИЭА РАН, 1999. – 260 с.
147. Огарков, С. А., Кузнецова, Е. С., Грязнова, М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. / Российская Академия Естествознания / [Электронный ресурс] / URL: <http://www.rae.ru/monographs/112-3766> (дата обращения: 31.03.2020)
148. Орлов, И. Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы / И. Б. Орлов; Гос. ун-т гуманитар. наук, Ин-т истории. – М. : ГУ гуманитар. наук, 1999. – 193 с.

149. Орлов, И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. – 2002. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nivestnik.ru/2002_1/2.shtml (дата обращения: 19.08.2020).
150. Орлов, И. Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 102–116.
151. Орлов, И. Б., Маркосян, Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа : монография / И. Б. Орлов, Г. М. Маркосян. – М. : Принципиум, 2011. – 199 с.
152. Осокина, Е. А. Алхимия советской индустриализации : время Торгсина / Е. Осокина. – М. : Новое лит. обозрение, 2019. – 341 с.
153. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. / Е. А. Осокина. 2-е изд. доп. – М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. – 251 с.
154. Осокина, Е. А. Золото для индустриализации: Торгсин / Е. Осокина. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 589 с.
155. Осокина, Е. А. Иерархия потребления : О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. / Е. А. Осокина. – М. : Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
156. Островитянов, К. В. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения / Акад. К. В. Островитянов ; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 151 с.
157. Петти, В. Экономические и статистические работы. / В. Петти. пер. с англ. под ред. М. Смит. – М. : Гос. соц.-эконом. Изд-во, 1940. – 324 с.
158. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.
159. Постников, С. П., Фельдман, М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009. – 367 с.
160. Прохоров, А. П. Русская модель управления / А. П. Прохоров. – М. : Эксмо. – 2007. – 384 с.
161. Пути развития: Дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. / Сост.: Э. П. Корицкий. – Л. : Лениздат, 1990. – 258 с.
162. Радаев, В. В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et contra. – 1999. – Т. 4. №1. – С. 5–24.
163. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н.

Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 468 с.

164. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 462 с.

165. Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / под ред. В. Е. Селиверстова и Д. Юилла. – Новосибирск : Новосиб. гос. тех. ун-т, 2000. – 246 с.

166. Режимные люди в СССР / отв. ред. : Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН : Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 368 с.

167. Репина, Л. П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. – 2019. – № 69. – С. 5–16.

168. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина ; Ин-т всеобщ. истории Российской акад. наук, Центр интеллектуальной истории, Гос. акад. ун-т гуманитарных наук. – М. : Кругъ, 2011. – 559 с.

169. Россия нэповская / С. А. Павлюченков и др. – М. : Новый хронограф, 2002. – 468 с.

170. Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн, д-р экон. наук проф. ; М-во торговли РСФСР. Ленингр. ин-т советской торговли им. Ф. Энгельса. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 396 с.

171. Рыбина, З. В. Концепция общественно-экономического уклада : монография / З. В. Рыбина. – 2-е издание, стереотипное. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 206 с.

172. Рыбина, З. В. Многоукладность экономики в контексте исторического развития / З. В. Рыбина. – М. : Весь Мир, 2015. – 239 с.

173. Рыбина, З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. – 2015. – № 3. – С. 39–44.

174. Савельева, И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : ГУ–ВШЭ, 2005. – С. 170–220.

175. Селунская, В. М. Социальная структура советского общества: История и современность / В. М. Селунская. – М. : Политиздат, 1987. – 286 с.

176. Семенов, Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община / Становление классов и государства : Сборник статей / Отв. ред. А. И. Першиц ; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1976. С. 7–86.

177. Слёзкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слёзкин; авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисловие П. Верта; 2-е изд. – М. : Новое лит. обозрение, 2017. – 512 с.
178. Смешанное общество: Российский вариант. / Отв. ред. Л. В. Никифоров. – М. : Наука, 1999. – 327 с.
179. Смирнова, Т. М. «Бывшие люди» Советской России : Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. / Т. М. Смирнова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Мир истории, 2003. – 296 с.
180. Соболев, В. А. Очерки по вопросам баланса народного хозяйства / Под ред. И. С. Малышева. – М. : Госстатиздат, 1960. – 228 с.
181. Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. / Под ред. д-ра экон. наук И. А. Гладкова; Акад. наук СССР. Ин-т экономики. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 559 с.
182. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. ; отв. ред. С. А. Красильников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН, 2018. – 591 с.
183. Суворова, Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. – М. : АИРО-XXI, 2013. – 304 с.
184. Твердюкова, Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 326 с.
185. Твердюкова, Е. Д. Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 4. – С. 24–35.
186. Теория общественно-экономической формации / Г. А. Багатурия, В. А. Вазюлин, Е. Н. Лысманкин и др.; Отв. ред. В. В. Денисов. – М. : Наука, 1983. – 357 с.
187. Тимошенко, В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) / Уральский исторический вестник. – 2005. – № 12. – С. 81–95.
188. Тимошенко, В. П. Урал в мирохозяйственных связях. 1917–1941 гг. / В. П. Тимошенко. – Свердловск : Изд-во УрО РАН СССР, 1991. – 148 с.
189. Тимошенко, В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики. // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 3 (28). – С. 84–93.
190. Тихонов, В. И., Тяжелникова, В. С., Юшин, И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. / В. И. Тихонов, В. С. Тяжелникова, И. Ф. Юшин. – М. : Наука, 1999. – 255 с.

191. Трайнин, А. А. Значение исследований Й. А. Шумпетера для современного этапа развития теории инноватики [Электронный ресурс]. URL: <http://iraqwieder.narod.ru/Schumpeter.html> (дата обращения: 31.07.2020)
192. Тридцать пять лет советской торговли. 1917–1952 : (Сборник статей). – Москва : Госторгиздат, 1952. – 152 с.
193. Трифонов, И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.) / И. Я. Трифонов; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ч. 2: Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 288 с.
194. Троцук, И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны. // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 510–514.
195. Тюрин, А. О. «Частник прорывает фронт диктатуры пролетариат»: «Астраханское дело» в протоколах собраний трудящихся // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2009. – № 1. – С. 19–28.
196. Урал в панораме XX века. / Гл. ред.: В. В. Алексеев]; Рос. акад. наук. Ур. отд-ние. Ин-т истории и археологии, Акад. воен.-ист. наук. Ур. отд-ние. – Екатеринбург : СВ-96, 2000. – 495 с.
197. Фицпатрик, Ш. Русская революция. / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. Н. Эдельмана. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. – 320 с.
198. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 375 с.
199. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
200. Хазиев, Р. А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. / Р. А. Хазиев; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. – Уфа : Башк. ун-т, 2000. – 184 с.
201. Хазиев, Р. А. Нелегальное предпринимательство и частная торговля на Урале в 1917–1921 годы / Р. А. Хазиев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2011. – № 1 (62). – С. 25–35.
202. Хазиев, Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах : хаос, контроль и стихия рынка / Р. А. Хазиев. – М. : РОССПЭН, 2007. – 229 с.
203. Хозяйственный механизм периода новой экономической политики. (По материалам 20-х годов). / Сб. обзоров. – М. : ИНИОН АН СССР, 1990. – 178 с.
204. Цакунов, С. В. В лабиринте доктрины : Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е гг. / С. В. Цакунов; послесл. Р. У. Дэвиса (Великобритания); Ассоц. исследователей российского общества XX в. – М. : Изд. центр «Россия молодая», 1994. – 186 с.

205. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra : монография / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 412 с.
206. Шейхетов, С. В. Нэпманы Сибири. [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. URL: http://zaimka.ru/soviet/cheikh1_p1.shtml (дата обращения: 24.11.2020)
207. Штульберг, Б. М., Введенский В. Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. / Б. М. Шульберг, В. Г. Введенский. – М., 2000. – 206 с.
208. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung ; Капитализм, социализм и демократия = Capitalism, Socialism and Democracy / Йозеф Алоиз Шумпетер ; пер. с нем.: В. С. Автономов, М. С. Любский, А. Ю. Чепуренко ; пер. с англ.: В. С. Автономов и др. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
209. Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму : Сб. ст. / АН СССР, Науч. совет «История соц. и ком. строительства в СССР», Ин-т истории СССР; Отв. ред. М. П. Ким. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
210. Экономическое развитие и практика реформ : сборник статей / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т экономики РАН ; редкол.: Ю. П. Бокарев (отв. ред.) и др. – М. : Ин-т экономики РАН, 2015. – 349 с.
211. Ясный, Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. / Н. Ясный; пер. с англ. – М. : Изд. дом «Дело», 2012. – 343 с.
212. Alexopoulos, Golfo. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. – 243 p.
213. Ball, A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. – Berkeley : University of California Press, 1990. – 226 p.
214. Ilyinykh, V. Private Trade in the Mixed Economy of the Urals under the NEP / V. Ilyinykh // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. No 2. P. 669–677.
215. Fitzpatrick, S., Rabinowitch A., Stites R. (Eds). Russia in the era of NEP explorations in Soviet society and culture. – Indiana University Press, 1991. – 344 p.
216. Harris, James R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. – Ithaca : Cornell University Press. 1999. – 235 p.
217. Hessler, Julie. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. – Princeton : Princeton University Press. 2004. – 366 p.
218. Hilton, Marjorie L. Selling to the masses : retailing in Russia, 1880–1930 / Marjorie L. Hilton. – Pittsburgh, Pa. : University of Pittsburgh Press, 2012. – 339 p.
219. Mulgan, G. Good and Bad Power: The Ideals and Betrayals of Government. 2edn. – L. : Penguin, 2007. – 384 p.

220. North, D. The role of institutions in economic development / UNECE. Geneva, Switzerland. Discussion paper. 2003. October. № 2003.2. –10 p.
221. North, D. Institutions // Journal of Economic Perspectives .1991. Vol. 5 (1). Pp. 97–112.
222. Nove, A. An economic history of the USSR, 1917–1991 / Alec Nove. Edition. 3rd ed. Published. – London, England ; New York, N. Y., USA : Penguin Books, 1992. – 473 p.
223. Randall, A. The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s. – Basingstoke, UK and New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 251 p.

Приложения

Таблица 1.

Показатели экономического развития СССР в годы нэпа
(по хозяйственным годам) *

Показатели / годы	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Промышленность (1922/23 = 100)				
Производство	100	131	211	298
Производительность труда	100	115	158	178
Реальная заработная плата	100	136	168	190
Розничный товарооборот (1923/24 = 100)	–	100	144	217
Денежная масса в обращении (конец периода)	–	100	182	214
Государственный бюджет (млн руб.)				
Доходы	1 066	2 192	3 002	4 066
Расходы	1 460	2 318	2 969	4 051
Сальдо	– 394	– 126	+ 33	+ 15
Внешняя торговля (млн руб.)				
Экспорт	211	523	568	668
Импорт	187	442	709	756
Сальдо	+ 23	+ 81	– 141	– 88
Золотовалютные резервы госбанка (млн руб. – конец периода)	158	309	326	287

* Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. С. 145.

Таблица 2

Институциональные основы эволюции частнопредпринимательского уклада
в торговле Урала в 1921–1936 гг. .

Региональное управление	Многоукладная экономика	Торговая политика
1. 1921–1922		
Целостного региона не существует, прежние губернии дробятся на более мелкие, приспособленные для целей восстановления аппарата управления. Возвращение к планам 1917 г. об объединения территории, подготовка планов районирования Формирование территориально-рыночной модели	Легализация многоукладности, формирование правовых основ ее функционирования Стихийное и повсеместное становление частнопредпринимательского уклада Либерализация в отношении частнопредпринимательского уклада вызвана неспособностью регулировать процесс Создание ОВК как проявление многоукладности в финансово-кредитной сфере Повышение товарности сельского хозяйства	Декларация неизменности принципа монополии внешней торговли Легализация регионального товарооборота, повсеместное распространение частной торговли Эгалитарный принцип в распределении посредством государственной и кооперативной торговли
2. 1923–1924		
Начало административно-территориальной реформы, формирование границ Уральской области Низовое районирование, деление округов на районы Реализация территориально-рыночной модели Экономическая автономность региональных элит	Реализация многоукладности Диспропорция в ее структуре, доминирование государственного уклада Стабилизация финансово-кредитной системы, стремление к ее децентрализации Первое ОВК на Урале Кредитование отраслей экономики Самостоятельность местных бюджетов	«Ножницы цен» Попытка административными методами ограничить деятельность частных предпринимателей

3. 1925–1926		
Функционирование Уральской области в наиболее полном и законченном виде Реализация территориально-рыночной модели регионального управления	Реализация потенциала многоукладной экономики Восстановление хозяйства страны Бурный рост ОВК Высокий уровень самостоятельности местных бюджетов	Либерализация в отношении частной торговли Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР (1925–1930) Наркомат по внутренней торговле РСФСР (Наркомвнутторг) (1924–1926)
4. 1927–1929		
Функционирование Уральской области Разработка «Генерального плана хозяйства Урала 1927–1941 гг.» Начало перехода к модели территориального комбината Ограничение автономности региональных элит	Формирование планов на форсированное развитие Концентрация ресурсов для реализации приоритетных задач государства Радикализация мер по ликвидации многоукладности Коллективизация села Свертывание кредитной системы Ограничение членства в ОВК	Кризис хлебозаготовок Наращение товарного дефицита и введение карточной системы Наркомат торговли РСФСР (Наркомторг) (1926–1930)
5. 1930–1936		
Начало новой административно-территориальной реформы, ликвидация округов, затем УО Реализация модели территориального комбината Разработка и реализация плана Урало-кузнецкого комбината Лишение региональных элит экономической автономии	Приоритет моноукладности Волна конфискационный мероприятий в отношении необобщественного сектора Снижение покупательной способности червонца Централизация и унификация в финансовой сфере, направленные на сосредоточение кредита в руках нескольких банков и ликвидация коммерческого и частного кредита Банковская реформа 1930 г. свела функции банков к расчетно-распределительным Ликвидация ОВК Доминирует финансирование отраслей хозяйства Ликвидация самостоятельности местных бюджетов Ликвидация экономической автономности граждан Трансформация частнопредпринимательского уклада в неформальный уклад, в сегмент теневой экономики	Отказ от эгалитарного и переход к элитарному принципу в торговле и распределении Градация распределения (закрытые и специализированные распределители) Культивирование идеи «советской культурной торговли» Август 1932 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией» Наркомат снабжения РСФСР (Наркомснаб) (1930–1934) Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов от 26 марта 1936 г. запрещали любую частную торговлю и торговое посредничество. Уничтожение легального частнопредпринимательского уклада в торговле

Таблица 3.

Доля отдельных секторов в общем товарообороте (в %)*

Секторы экономики	1928	1930
Государственный сектор	23,0	27,3
Кооперативный сектор	45,3	73,9
Частный сектор	27,4	3,1

* *Архипов В. А.* Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. С. 128.

Таблица 4.

Торгово-организационные расходы частных предприятий, городских рабочих кооперативов и сельских потребительских обществ (в % к итогу)*

Статьи расходов	Частные предприятия (по разрядам)					Горрабкоп	Сельпо
	5-6	4	3	2	1		
Содержание персонала	25,1	18,9	9,9	0,2	-	33,8	38,7
Командировки, разъезды	3,0	4,3	5,0	3,1	3,8	1,7	5,5
Канцелярские и почтово-телеграфные расходы	5,9	2,8	2,1	0,9	1,6	2,5	2,3
Хранение и переработка	3,5	6,7	2,8	1,6	0,6	7,6	6,9
Стоимость кредита	5,8	3,8	1,0	0,8	-	10,0	7,0
Культурно-просветительские	-	-	-	-	-	0,5	0,5
Скидка приказчику	-	-	-	-	-	5,6	5,3
Разные прочие	4,5	3,8	3,8	4,9	6,0	0,9	7,4
Содержание помещений	20,1	21,9	32,3	38,0	66,0	10,4	6,2
Налоги и сборы	32,1	37,7	43,1	50,5	22,0	26,9	26,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100

* Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 32.

Таблица 5.

Средний бюджет торговых предприятий***

№	Наименование расхода	Третий разряд **		Четвертый и пятый разряды ***	
		%% отношения		%% отношения	
		К общей сумме расходов	К сумме оборота, установленном Губфо (25 204 руб.)	К общей сумме расходов	К сумме оборота, установленном Губфо (371 108 руб.)
Налоговые					
1	Патенты	5,78	0,65	2,77	0,37
2	Уравнительный сбор	24,77	2,81	15,17	2,04
3	Подходный налог	13,83	1,57	12,70	1,70
4	Облигации	11,81	1,33	11,69	1,57
5	Налоговая пеня	0,53	0,05	0,36	0,05
6	Штраф	1,19	0,13	0,31	0,05
Неналоговые					
7	Арендная плата	26,31	2,98	4,37	0,59
8	Пеня Губкомотдела	0,28	0,03	0,05	0,01
9	Ремонт	1,71	0,19	0,80	0,11
10	Плата за чистку улицы, площади, а также сторожу	5,42	0,61	0,63	0,08
11	Санитария, клеймение весов, охрана труда (страхкасса)	0,77	0,08	1,07	0,14
12	Добровольные пожертвования	2,38	0,20	1,38	0,19
13	Общие расходы	5,24	0,59	48,67	5,53
	Всего:	100	-	100	-

* Падучев Г. П. Частный торговец при новой экономической политике. С. 33.

** Предприятия III разряда (33 предприятия, валовая прибыль от покупной стоимости проданных товаров 23,5 %).

*** Предприятия IV и V разрядов (9 предприятий, валовая прибыль от покупной стоимости проданных товаров 16,7 %).

Таблица 6.

Соотношение цен в различных секторах торговли по Сарапульскому округу
Уральской области за период с 14 по 27.12.1924 гг. (в черв. руб.)*

Наименование	У частных	Кооперативные	Государственные
Сукно <аршин>	3,00 – 1,80	2,80 – 8,00	3,80 – 12,00
Шерстяная материя <аршин>	1,90 – 4,00	1,80 – 5,00	1,80 – 6,00
Ситец <аршин>	0,30 – 0,40	0,30 – 0,40	0,27 – 0,38
Мука 1 сорт <пуд>	4,00 – 4,80	4,00 – 4,20	Нет
Мука 3 сорт <пуд>	3,20	Нет	Нет
Рыба соленая, за фунт	0,09 – 0,12	Нет	Нет
Мясо, за фунт	0,07 – 0,18	Нет	Нет

* ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 76. Л. 14.

Таблица 7.

Число зарегистрированных и выявленных нелегальных
торговых заведений в городах Свердловске и Перми за 1928–1932 гг.*

Категория / Город	Число зарегистрированных частных торговых предприятий				Число выявленных нелегальных частных торговых предприятий **				
	1928/29	1929/30	1931	1932 I квартал	1928/29	1929/30	1931 всего	1931 IV квартал	1932 I квартал
Свердловск	938	246	57	46	325	673	3 925	1 922	2 041
Пермь	312	263	85	11	279	380	1 289	211	293

* ГАСО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

** Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. С. 160.

Таблица 8.

Сбыт продукции уральской промышленности по отдельным сортам и районам
за 1924/25 – 1925/26 гг.*

Районы	Московский промышленный		Северо- Западный		Сибирь		Украина		Центрально- земледельче ский		Привол-жский	
	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26
Продукты												
Чугун	1,3	1,6	1,1	1,3	0,1	0,1	0,4	0,4	0,7	-	-	0,9
Железо сортовое	3,2	2,2	1,2	1,1	1,2	2,0	-	0,2	1,1	0,4	0,2	0,6
Железо кровельное	8,9	10,6	3,1	3,1	1,3	2,4	2,0	4,1	1,1	2,0	1,1	1,8
Жесть	2,9	2,6	0,9	0,6	0,4	0,7	2,0	2,2	0,1	0,2	0,3	0,6
Метиз	4,3	4,5	1,4	1,2	2,7	4,4	1,8	1,6	1,0	1,8	1,7	1,5
Прочий товар	8,6	11,6	1,2	2,3	0,8	2,9	1,2	2,5	0,8	0,3	1,1	1,4
ИТОГО:	29,2	33,1	8,9	9,6	6,5	12,5	7,4	11,0	4,8	4,7	4,4	6,8

Таблица 8 (продолжение)

Районы	Северо-Кавк.		Средн. Азия		Казахстан		Дальн. Восток		Проч.		Всего	
	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26	24/25	25/26
Продукты												
Чугун	-	-	-	0,1	-	-	-	-	0,8	0,7	4,4	5,1
Железо сортовое	0,1	0,1	0,7	0,5	0,2	0,2	0,4	0,2	1,1	0,6	10,4	8,0
Железо кровельное	1,8	3,0	0,9	1,0	0,3	0,4	0,3	0,2	1,8	3,7	22,6	32,3
Жесть	1,1	0,9	0,5	0,5	0,1	0,2	0,2	0,2	0,8	1,4	9,3	10,1
Метиз	1,1	0,3	2,4	2,5	0,6	1,1	1,0	1,1	2,4	2,5	20,4	22,5
Прочий товар	1,0	1,0	0,1	0,6	0,1	0,5	0,1	0,5	0,6	2,6	15,6	26,2
ИТОГО:	5,1	5,3	5,6	5,2	1,3	2,4	2,0	2,1	7,5	11,5	82,7	104,2

* Иков В. О рынках сбыта продукции Уральской промышленности // Хозяйство Урала. 1927. № 6. С. 139.

Таблица 9.

Распределение участников Свердловских ярмарок по районам

Ярмарки**:	2-ая	3-я	4-ая	Ярмарки:	2-ая	3-я	4-ая
Районы				Районы			
Свердловск	118	121	82	Юго-Восточный	-	-	2
Уралобласть	35	30	24	Закавказье	-	1	2
Башреспублика	5	2	6	Туркменистан	5	1	6
Северо-Западный	4	5	3	Сибирь	12	5	17
Северо-Восточный	2	1	2	Дальне-Восточный	3	3	6
Западный	3	-	-	Юго-Западный	2	-	-
Центр.-Промышл.	30	38	49	Южно-Горно-промышленный	2	-	1
Верхне-Волжский	-	2	2	Крым	-	-	-
Средне-Волжский	14	8	11	Западный Китай	-	20	47
Вятско-Ветлужский	1	2	-	Монголия	-	1	1
Казахстан	15	20	12	Турция	-	-	1
Центрально-Черноземный	-	2	1	Персия	-	-	1
Украина	-	7	13	ИТОГО:	261	274	297

* Я. К. Четвертая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 174.

Таблица 10.

*Внешний грузооборот основных продуктов уральской промышленности и его распределение в 1924–1925 гг. по районам СССР (в %)**

Районы	Грузы	Чугун, железо, сталь не в деле	Чугун, железо, стальные изделия и кровельное железо	Сода и кислоты
Крайний Север и Северный		0,6	1,4	1,8
Северо-Западный		18,7	6,9	10,9
Западный край и Белоруссия		3,2	2,0	2,7
Московско-Промышленный		35,0	16,7	57,3
Центрально-Земледельческий		4,9	11,9	3,3
Волжско-Камский и Башкирия		7,3	9,9	6,6
Волжский		4,0	4,8	0,3
Низовье Волги		0,1	1,2	-
Северный Кавказ		3,5	3,7	0,1
Украина и Крым		9,1	7,1	0,1
Казахстан и Сибирь		11,8	26,2	13,4
Туркестан и Закавказье		3,6	5,9	1,8
Прочие районы		1,2	2,3	1,7
ВСЕГО		100	100	100

* Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924–25 году. С. 361.

Таблица 11.

*Распределение продукции треста «Уралтекстиль» за 1923–1925 гг. (в %) **

Годы	Район	Европейская Россия	Урал	Сибирь
1923/24		26	30	44
1924/25		23	32	45

* Ардов Н. Торговые связи Урала. С. 194.

Таблица 12.

*Внешний грузооборот по сельскохозяйственным продуктам Урала и его распределение по районам СССР за 1924/25 г. (в % ко всему вывозу) **

Районы	Грузы	Хлебные	Лен и пенька	Масло коровье	Щетина и волос	Яйца
Крайний Север и Северный		4,0	5,0	0,3	7,1	-
Северо-Западный		12,4	16,1	64,8	7,1	49,2
Западный край и Белоруссия		1,8	4,4	1,0	21,5	-
Московско-Промышленный		29,1	39,8	21,2	57,2	41,0
Центрально-Земледельческий		12,3	1,5	0,1	7,1	-
Волжско-Камский и Башкирия		6,4	6,2	0,9	-	4,9
Волжский		22,3	2,3	0,1	-	-
Низовье Волги		0,6	-	-	-	-
Северный Кавказ		1,0	1,0	0,5	-	-
Украина и Крым		5,4	1,8	3,5	-	-
Казахстан и Сибирь		1,4	11,0	0,3	-	-
Туркестан и Закавказье		2,9	2,9	0,7	-	-
Прочие районы		0,4	8,0	6,6	-	4,9
ВСЕГО		100	100	100	100	100

* Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924–25 году. С. 360.

Таблица 13.

*Ввоз товаров на Урал из других районов СССР (в % к общему ввозу) **

Районы	Грузы	Сахар	Мыло	Бумажные ткани	Прочая мануфактура	Резиновые изделия	Табак
Крайний Север и Северный		0,9	-	-	-	-	0,3
Северо-Западный		12,6	16,7	1,2	2,3	50,8	24,8
Западный край и Белоруссия		-	-	-	2,9	-	2,2
Московско-Промышленный		0,9	23,1	94,5	76,3	31,2	13,7
Центрально-Земледельческий		1,6	-	0,2	2,3	-	11,5
Волжско-Камский и Башкирия		2,4	35,5	2,0	5,8	6,5	2,2
Волжский		14,8	2,0	0,8	2,3	2,6	4,1
Низовье Волги		-	-	-	0,6	-	-
Северный Кавказ		2,3	0,4	-	-	-	9,7
Украина и Крым		63,5	-	0,4	-	3,9	13,4
Казахстан и Сибирь		0,9	20,3	0,9	5,2	2,6	18,1
Туркестан и Закавказье		0,1	2,0	-	-	2,6	-
Прочие районы		-	-	-	2,3	-	-
ВСЕГО		100	100	100	100	100	100

* Исупов Г. Грузооборот Урала в 1924/25 году. С. 362.

Таблица 14.

*График проведения ярмарок в г. Свердловске в 1925–1929 гг. *:*

Время проведения Ярмарка	Год	Начало	Окончание
Первая	1925	20 февраля	20 марта
Вторая	1925	20 ноября	20 декабря
Третья	1927	20 февраля	20 марта
Четвертая	1928	20 февраля	20 марта
Пятая	1929	20 февраля	20 марта

* См.: Я. К. Четвертая Свердловская ярмарка. С.172; Римский П. Пятая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С.154.

Таблица 15.

*Основные районы сбыта уральской продукции в 1923–25 гг. (в %) **

Годы	Районы сбыта		
	Сибирь	Средняя Азия	Европейская Россия
1923/24	8,3	2,3	61,7
1924/25	10,8	3,6	57,7

* Сигов С. Сбыт продукции крупной промышленности Урала // Торгово-промышленный Урал. 1926 год. Пермь, 1926. С. 307.

Таблица 16.

*Посреднический оборот торговли Урала по секторам (в %) **

Годы	Гостор говля	Коопер ация	Частны е обороты	Всего в СССР	Частные
1924/25	31,0	52,0	17,0	100,0	27,8
1925/26	30,8	53,4	15,8	100,0	24,8
1926/27	28,5	56,6	14,9	100,0	18,5

* Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 24.

Таблица 17.

*Общие и средние размеры оборотов частных торговых предприятий СССР
во II полугодии 1924/25 г. (в тыс. руб.) **

Название районов и республик	Обороты предприятий, обложенных во II полугодии		Средние размеры оборотов на одно предприятие	
	% к итогу СССР	Внегородских % к сумме	В итоге по всем предприятиям	По внегор. пред.
Центрально-Земледельческий	5,6	21,2	3,6	2,1
Центрально-Промышленный	26,7	7,9	11,6	3,7
Приозерный	7,7	8,0	7,1	2,9
Северный	0,5	14,6	5,9	2,8
Средне-Волжский	5,2	23,7	3,8	1,9
Нижне-Волжский	1,8	12,0	4,7	2,2
Западный	2,4	16,6	4,0	2,7
Северо-Кавказский	8,0	26,6	4,9	3,4
Урал	3,8	22,9	3,6	2,2
Сибирь	2,2	26,0	3,8	2,7
Казахстан	0,8	10,2	2,9	1,5
Оренбургская губерния	0,5	9,4	3,8	1,7
Дальневосточная область	1,6	17,1	4,1	3,1
Крым	1,3	8,6	4,6	2,4
Монголо-Бурятская АССР	0,1	25,6	2,4	1,9
Киргизия	0,2	27,4	1,1	1,3
РСФСР (75 адм. ед.)	68,4	14,7	5,7	2,6
УССР	19,5	16,8	4,4	2,5
БССО	2,3	3,6	3,5	1,7
РСФСР	4,5	11,3	3,4	1,4
Туркменская ССР	0,7	14,5	3,2	2,1
Узбекская ССР	4,6	17,5	2,4	1,2
Итого по СССР (123 адм. ед.):	100	14,8	4,9	2,4

* Озерский П. Аппарат и обороты частной торговли. С. 143–144.

Таблица 18.

*Посреднический товарооборот Уральской области по основным категориям торговли за 1924–1927 гг. (в % к итогу)**

Части торгового аппарата	1924/25	1925/26	1926/27
Госорганы	36,8	36,6	35,3
Кооперация	49,3	49,7	53,4
Итого: обобществленный сектор	86,1	86,3	88,7
Частники	13,9	13,7	11,3
Весь посреднический товарооборот	100,0	100,0	100,0
В том числе розница	44,9	45,9	44,3

* Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 38.

Таблица 19.

*Удельный вес частнокапиталистического торгового аппарата и размеры частных предприятий по округам в 1925/26 г.**

Округа	Всего торговых предприятий на 10.1926	В том числе частных	Удельный вес частных предприятий	Оборот частных за 1925/26 (тыс. руб.)	Сумма оборота на одно предприятие
В.-Камский**	661	248	38	1 976	8,0
Златоустовский	733	407	56	5 729	14,1
Ирбитский	541	268	50	1 441	5,4
Ишимский	710	393	55	3 714	9,5
Кунгурский	1 622	1 049	65	5 558	5,3
Курганский	1 068	686	64	6 322	9,2
Пермский	1 902	1 099	58	25 607	23,3
Сарапульский	1 357	852	63	8 972	10,5
Свердловский	2 681	1 770	66	25 142	14,2
Тагильский	1 306	776	59	9 300	12,2
Тобольский	466	286	61	2 751	9,6
Троицкий	948	588	62	9 032	15,4
Тюменский	1 395	849	65	9 709	11,4
Челябинский	1 519	999	66	9 393	9,4
Шадринский	1 682	998	59	7 821	7,8
По области	18 508	11 268	61	132 467	11,8

* Антонов Д. Уральский торговый аппарат. С. 43.

** Вместе с Коми-Пермяцким округом.

Таблица 20.

*Источники поступления товаров в частную торговлю (по итогам выборочного обследования Уралстатуправления за 1925/26 гг.)**

Сектор	Приобретено обследуемыми предприятиями внутри области		
	На сумму (тыс. руб.)	%	% за 1926/27 г.
В госпромышленности	670,0	7,5	6,0
В госторговле	3 100,7	25,9	23,0
У кооперации	688,3	7,6	23,0
У частных лиц	1 987,3	21,9	18,9
У кустарей и ремесленников	1 221,2	13,5	23,4
На базаре	2 060,7	22,9	22,2
Итого внутри области	9 058,2	100,0	100,0
За пределами области	3 249,1	28,0**	

* Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. С. 22, 29.

** По стоимости к приобретенному внутри области.

Таблица 21.

*Соотношение кооперативных и частных цен
(средние цены по городам Урала за 1926/27 г. в коп.)**

Наименование товара	Цены		Соотношение частника к кооперации в %
	Кооперац ии	Частник а	
Ситец, за метр	45,6	50,5	110,7
Сахар, за кг.	74,0	78,0	105,4
Керосин, за кг.	12,6	14,7	116,7
Мыло, за кг.	61,0	67,0	109,8
Сельди, за кг.	56,0	69,0	123,2
Масло растительное подсолнечное, за кг.	67,0	95,0	141,8
Масло топленое, за кг.	117,0	184,0	104,0
Мука ржаная, за кг.	8,7	8,9	102,3
Мука пшеничная, за кг.	10,1	11,7	115,8

* ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2781. Л. 11.

Таблица 22.

*Доля частной торговли в обороте ряда бирж в 1924–1925 гг. (%)**

Дата	В покупке			В продаже		
	Московс кая	70 провин- циальных	Уральская	Московс кая	70 провин- циальных	Уральская
I кв. 1924/25 г.	5,8	7,8	2,0	3,7	5,3	0,9
II кв. 1924/25 г.	7,1	9,8	2,8	4,2	5,4	1,0
III кв. 1924/25 г.	9,4	12,2	5,0	4,7	4,6	2,3
IV кв. 1924/26 г.	6,3	10,2	3,9	3,7	4,8	2,1
I кв. 1925/26 г.	4,3	10,4	4,4	4,1	6,2	2,3

* *Перетц Б.* Размеры частной торговли // Торговый бюллетень Уралвнуторга и Уралстатбюро. 1926. № 26 (121). С. 5.

Таблица 23.

*Ставки полугодовых патентов для торговых предприятий (в черв. руб.)**

Разряды	Пояса					
	Москва	1	2	3	4	5
I	10,75	8	6	4	3	2
II	16,75	13,50	10	6,75	5	3,25
III	54	43	32	22	16	11
IV	165	135	100	67	51	34
V	540	430	320	215	160	110

* Промысловый налог. С. 17.

Таблица 24.

*Количество выбранных патентов на торговлю в 1912 и 1926 гг. (в тыс.)**

Разряды	1912 г.	1926 г.	в %
I. Разносной и развозной торг	23,6	160,1	678
II. Ларьки, киоски	289,0	305,5	105
III. Мелочный торг	484,7	259,3	53
IV. Магазины	148,7	62,3	45
V. Оптовая торговля и пр.	8,3	18,2	219
Итого по I – V разрядам	954,3	805,6	89,3
Итого по II – V разрядам	930,7	644,4	68,8

* *Струмилин С. Г.* Очерки советской экономики. С. 254.

Торговые расходы, потребление и накопление в частной торговле СССР за 1924/25 гг.
по материалам обследования НКФ (в %)*

Статьи расходов	Разряды торговых заведений		
	II	III– V	Всего II–V
Торговые расходы			
Аренда помещений	27,0	25,1	25,5
Содержание служащих	0	31,1	23,7
Страхование	0	5,4	4,1
Транспорт	12,0	13,0	12,7
Отопление помещений	2,3	2,1	2,1
Охрана	4,8	2,9	3,3
Коммунальные услуги	3,6	5,9	5,3
Базарный комитет	6,3	2,7	3,6
Кредитные расходы	16,9	8,3	10,3
Патентный сбор (основной)	4,1	4,3	4,2
Патентный сбор за личные занятия, склад	1,8	0,9	1,1
Уравнильный сбор	29,0	26,8	27,4
Налог со строений	1,5	1,8	1,7
Гербовый сбор	0,9	2,2	1,9
Добровольные и принудительные сборы	2,4	1,8	2,0
Комиссионные, реклама, тара и пр.	6,9	13,9	12,3
Итого:	119,5	148, 2	141,2
В том числе налогов и сборов	39,7	37,8	38,3
Личные расходы			
Содержание	63,4	38,8	44,7
Квартирная плата	21,0	11,9	14,1
Целевой квартирный налог	4,2	3,6	3,8
Водопровод	4,0	2,0	2,5
Канализация	2,7	1,2	1,5
Освещение	2,6	1,4	1,6
Плата за обучение детей	13,1	5,1	7,0
Прочие сборы	4,4	2,0	2,5
Итого:	115,4	66,0	77,7
Накопление	15,1	30,6	26,9

* Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. С. 276–277.

Таблица 26.

*Обороты частных предприятий по товарным группам
(по данным 40 провинциальных бирж за 1924/25 г., в %)**

Товары	Оборот частных предприятий к общему биржевому обороту		% оборотов частников по товарным группам к общей сумме оборотов частных предприятий	
	по продаже	по покупке	по продаже	по покупке
Хлебофураж	13,3	8,7	31,9	10,2
Прочие продукты пищевой, сельскохозяйственной промышленности	16,7	17,2	18,4	9,4
Бакалейные	2,1	11,1	6,1	6,1
Текстильные	0,8	15,8	3,1	30,4
Металлические	2,9	4,3	10,5	7,7
Москательные	3,7	3,7	3,2	3,8
Топливо	2,6	3,4	2,0	1,3
Лесные	6,2	6,7	6,0	3,2
Строительные	5,1	3,3	2,4	0,7
Сырье	12,6	11,6	8,1	3,7
Кожа	2,7	11,5	3,3	6,9
Прочие	3,6	9,1	5,0	6,2
Всего	4,9	10,0	100	100

* Брауде Х. И. Частная торговля. С. 140.

Таблица 27.

*Ассортимент товаров и количество торгующих по каждому из видов торговли**

Наименование товара	Количество торгующих	Наименование товара	Количество торгующих	Наименование товара	Количество торгующих
Продукты питания		Масло	1	Кожаная резь	1
Мясо	44	Яйца	4	Пуховые платки, шали	1
Скот на мясо**	4	Колбаса	3	Железоскобяной товар	4
Перепродажа скота	11	Мука	7	Краски	1
Бакалейные товары	15	Зерно	4	Мыло	2
Съестные припасы	5	Пиво	2	Гармоники	1
Рыба	10	Квас	1	Щепной товар	3
Печеный хлеб	10	Брага	1	Льняные и мочальные веревки	1
Пряники, кренделя	4	Табачные изделия	1	Игрушки	2
Кондитерские изделия	1	Товары широкого потребления и сырье		Уральские сувениры	1
Мороженое	2	Мануфактура, галантерея	6	Кишки	1
Фрукты	8	Готовое платье	3	Гончарные изделия	2
Арбузы	1	Одежда, бывшая в употреблении	1	Мелочный товар	8
Яблоки	3	Обувь, бывшая в употреблении	1	Разные товары	2
Семечки	1	Кожаная обувь	1	Услуги	
Овощи	1	Валенки	2	Торговая баня на две кабины	1

* Таблица составлена по материалам 171 личного дела «лишенцев» (ГАСО. Ф. Р-66. Оп. 6–7).

** Сходные товары не объединялись в подгруппы с целью дать более полное представление об ассортименте. Название товаров – в формулировке источника.

Доля частного сектора в общем торговом обороте Урала в 1923/24 г.
(по видам товаров, в %)*

Вид торговли	Доля частной торговли	Вид торговли	Доля частной торговли	Вид торговли	Доля частной торговли
Овощная и зеленая	100	Смешанная, съестными припасами	93,29	Смешанная, разными товарами	18,98
Фруктами и ягодами	100	Глиняной и деревянной посудой, предметами домашней обстановки	91,66	Готовым платьем, бельем, головными уборами	18,90
Напитками	100	Гостиницы и постоялые дворы	74,70	Книгами, писчебумажными и канцелярскими принадлежностями	18,13
Старьем	100	Молочными продуктами и яйцом	76,44	Металлами и металлическими изделиями	9,49
Агентурно-комиссионное дело	100	Кожевенная, обувная	74,47	Москательно-химическими (в т. ч. аптеки)	8,92
Подрядчики на работы	100	Бакалейная	70,46	Машинами, орудиями и с/х инвентарем	7,42
Скотом	99,84	Хлебофуражная (зерно, мука, крупа)	63,12	Нефтепродуктами	6,21
Печеным хлебом и кондитер. изделиями	99,93	Рестораны, буфеты, бильярдные, столовые и пивные ларьки	63,12	Электротехническими принадлежностями	5,40
Кустарными изделиями	98,63	Мануфактурная	51,66	Стройматериалами	0,03
Галантерейная	96,14	Винно-гастрономическая	40,01	Топливом	
Бани, купальни, мойки	96,01	Табачными изделиями	33,89	Кредитные учреждения	
Мясо-рыбная	94,03	Прочие	30,83		

* ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 2. Д. 795. Л. 16.

Сокращение частной торговой сети в 1926–1928 гг. по основным товарным группам
(предприятия III–VI разрядов)*

Род торговли	1926–1927			1927–1928		
	1	2	3	1	2	3
Мануфактурная	247	64	23,4	130	111	85,4
Хлебная	115	27	23,5	68	85	80,9
Мясная	323	68	21,1	211	143	67,8
Кожевенная	125	25	20,0	65	39	60,0
Готовой обуви	118	30	25,4	108	64	59,3
Бакалейная	527	89	16,9	318	151	47,5
Железо-скобяная	203	25	12,8	127	49	38,6
Галантерейная	145	13	9,0	108	41	30,0
Смешанная и прочие виды	1 448	282	19,5	1 089	560	51,4
Итого:	3 251	623	19,2	2 224	1 213	54,6

1. Число частных торговых предприятий, обложенных уравнительным сбором на 01.04.

2. Число закрывшихся частных торговых предприятий на 01.04.

3. Доля закрывшихся частных торговых предприятий, %.

* ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2781. Л. 3.

Выдача справок за 1925/26–1926/27 гг. по отдельным филиалам и в целом по АО «Кредит-бюро», с учетом формы собственности объекта исследования (в %)*

Наименование филиалов / Годы	1925/26 г.			1926/27 г.		
	Гос.	Общ.	Част.	Гос.	Общ.	Част.
Московское отделение	32	45	23	33	46	21
Северо-Западная контора	28	44	28	30	44	26
Украинская контора	22	51	27	22	41	37
Нижне-Волжская контора	18	64	18	18	67	15
Сибирская контора	32	51	17	25	54	21
Урало-Башкирская контора	23	68	9	25	61	14
Башкирское агентство	–	–	–	14	72	14
В целом по 21 филиалу	23	47	30	24	40	30

*Сост. по: РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23 «а». Л. 10–11.

Социальная структура хозяйства Урала. 1923–1927 гг. (тыс. чел)*

Секторы / годы	Занятое население				Наемная рабочая сила			
	Все население	Государственный	Кооперативный	Частный	Вся рабочая сила	Государственный	Кооперативный	Частный
Абсолютные цифры (чел.)								
1923/24	1 652,0	279,2	23,0	1 349,8	321,8	279,2	16,0	26,6
1924/25	1 811,1	332,6	27,2	1 451,3	390,7	332,6	24,5	33,6
1925/26	1 977,6	404,9	31,6	1 547,1	484,3	404,9	30,6	48,8
1926/27	2 074,4	445,4	33,6	1 595,4	529,4	445,4	32,7	51,3
Показатели структуры (%)								
1923/24	100	16,9	1,4	81,7	100	86,7	5,0	8,3
1924/25	100	18,4	1,5	80,1	100	85,1	6,3	8,6
1925/26	100	20,5	1,6	77,9	100	83,6	6,3	10,1
1926/27	100	21,5	1,6	76,9	100	84,4	6,1	9,5
Показатели динамики (<%>)								
1924/25	109,6	119,1	118,3	107,5	121,4	119,1	153,1	126,3
1925/26	109,2	121,7	116,2	106,2	123,9	121,7	124,9	145,2
1926/27	104,9	110,0	106,3	103,5	109,3	110,0	106,9	105,1

* Хозяйство Урала. 1928. № 15–16. С. 196.

**Население Уральской области
по положению в занятии и отраслям народного хозяйства
(в частности – занятое в торговле) по результатам переписи 1926 г. (кол-во чел)***

Положение в занятии	Городское население				Сельское население				Все население			
	Самодельные***		Несамодельные***		Самодельные		Несамодельные		Самодельные		Несамодельные	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1. Рабочие	179301	29588	120827	263490	87576	52328	44592	84395	266877	81916	165419	347885
1.1. Торговля и кредит**	2798	313	1777	3958	273	36	124	250	3071	349	1901	4217
	1,56	1,05	1,47	1,5	0,3	0,06	0,27	0,3	1,15	0,42	1,14	1,21
2. Служащие	85626	61556	65981	145104	28448	29188	20167	39829	114074	90744	86148	184933
2.2. Торговля и кредит	17640	5628	12833	28790	4306	750	2728	5382	21046	6378	15561	34172
	20,6	9,14	19,4	19,8	15,1	2,6	13,5	13,5	19,2	7,0	18,0	18,5
3. Лица свободных профессий	1355	360	926	2226	2811	378	2116	4315	4166	747	3042	6541
4. Хозяева с наемными рабочими	2278	362	2157	4358	35022	8773	29068	39851	37300	9135	31225	44209
4.1. Торговля**	368	89	373	667	42	10	34	60	410	99	407	727
	16,1	24,6	17,3	15,3	0,12	0,1	0,12	0,15	1,1	0,08	1,3	1,64
5. Хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели	21815	3271	17291	30126	792063	109487	693198	876168	813878	112758	710189	906294
5.1. Торговля**	1829	358	1831	3259	415	62	397	630	2244	420	2228	3909
	8,4	10,9	10,6	10,8	10,8	0,05	0,05	0,05	0,07	0,27	0,27	0,31
6. Одиночки	31149	9210	26424	57722	52439	40438	40477	75760	83588	49648	66901	133482
6.1. Торговля**	3978	1942	4267	8882	860	211	722	1370	4847	2153	4989	10252
	12,8	21,1	7,4	15,4	1,66	0,52	1,78	1,8	5,8	4,3	7,46	7,7
7. Члены семьи, помогающие в занятии	15847	28295	-	-	651200	1487384	-	-	667047	151679	-	-
7.1. Торговля**	613	1201	-	-	1366	351	-	-	779	1552	-	-
	3,9	4,2	-	-	0,03	0,02	-	-	0,12	0,1	-	-
8. Лица, не имеющие или не указавшие занятия	41523	42916	13691	27275	11262	13425	2825	4536	52785	56341	16516	31811
9. Безработные	18287	13470	7431	16513	3106	2505	895	1830	21393	15975	8326	18343
10. Военнослужащие	7392	-	444	1134	345	1	46	83	7737	1	490	1217
11. Лица, моложе 10 лет зарегистрированные самостоятельно	-	-	5029	5315	-	-	5333	5602	-	-	10362	10917
12. Всего населения****	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

* Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Уральская область. Отдел II. Занятия. Отдельный отиск табличной части тома XXI. М. : Издание ЦСУ СССР, 1929. – С. 120.

** Доля занятых торговлей в абсолютных цифрах и в процентах к общей численности в этой категории.

*** Самодельные – лица, имеющие самостоятельный источник средств существования (заработок, доход). К самодельным также относятся иждивенцы государства и общественных учреждений, безработные и военнослужащие. Несамодельные – живущие на средства других лиц. Все дети до десятилетнего возраста причислены к несамодельным.

****1 – 404573 2 – 189037 3 – 260201 4 – 553263 5 – 1664272 6 – 1743907
7 – 838717 8 – 1132369 9 – 2068845 10 – 1932944 11 – 1098918 12 – 1685632

Таблица 33.

*Основные направления социальной мобильности нэпманской буржуазии города
(по 12 крупным городам СССР) за 1928/1929 г.(чел. / %)**

Новые занятия нэпманов, ликвидировавших дело	Численность	В % к итогу
Стали вновь владельцами и совладельцами промышленных предприятий	950	2,8
Торговали по твердым ценам	689	2,0
Занимались торговым посредничеством	201	0,6
Перешли в кустарно-ремесленную промышленность	4 169	12,2
Проживали свои капиталы	2 186	6,4
Оставались на иждивении других лиц	2 914	8,5
Вошли в промысловую кооперацию	1 167	3,4
Выбыли в другую местность	8 370	24,5
Перешли в сельскую местность и прочее	11 100	31,0

* Изменения социальной структуры советского общества. С. 129.

Таблица 34.

*Число граждан, занятых нелегальной торговлей в городах Свердловске и Перми по социальным категориям (IV кв. 1931 – I кв. 1932 гг.) (кол-во чел)**

Период	IV кв. 1931 г.						I кв. 1932 г.					
	1	2	3	4	5	Всего	1	2	3	4	5	Всего
Свердловск	350	85	20	40	500	995	365	95	33	58	384	935
Пермь	63	42	5	6	127	243	114	27	4	9	201	355

* ГАСО. Ф. 593-Р. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

** Категории граждан: 1 – рабочие и служащие; 2 – крестьяне-единоличники; 3 – кустари; 4 – бывшие торговцы; 5 – прочие нетрудовые элементы.